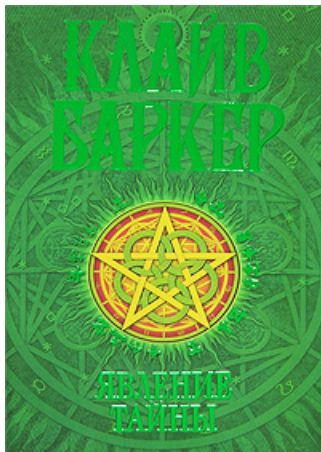

Клайв Баркер Явление тайны

Книга искусств – 1

Клайв Баркер Явление тайны

*Память, предвидение и фантазия – прошлое, будущее и миг сна между ними
составляют, единый мир, проживающий один бесконечный день.*

Знать об этом – Мудрость.

Использовать это – Искусство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОСЛАННИК

I

Гомер распахнул дверь.

– Входи, Рэндольф.

Яффе не нравилось, как Гомер произносил «Рэндольф» – с легким оттенком презрения, будто знал о каждом, даже самом мелком проступке, что Яффе совершил в своей жизни.

– Чего ты стоишь? – спросил Гомер, когда Яффе замешкался. – Тебя работа ждет. Чем скорее начнешь, тем скорее я найду для тебя еще.

Рэндольф вошел в большую комнату со стенами, выкрашенными в ядовитый желтый и казенный серый цвета, как и во всех других помещениях Центрального почтамта города Омахи. Впрочем, самих стен практически видно не было – вдоль них выше человеческого роста громоздились завалы почты. Холодный бетонный пол был уставлен мешками, пакетами, коробками и свертками.

– Мертвые письма, – сказал Гомер. – Даже старая добрая американская почта не может доставить их по адресу. Впечатляет, а?

Яффе стало интересно, но он решил этого не показывать. Он давно решил ничего не показывать, особенно таким умникам, как Гомер.

– Это все твое, Рэндольф, – говорил ему начальник. – Твой маленький кусочек рая.

– И что мне с ними делать? – поинтересовался Яффе.

– Рассортируй. Каждое открой и проверь, нет ли там чего важного, чтобы нам не отправить в печь хорошие деньги.

– В них что, деньги?

– Иногда попадают, – ухмыльнулся Гомер. – Могут быть. Но по большей части это обычный почтовый мусор. Хлам, который людям не нужен, и они отсылают его обратно. Письма с неверным адресом – их швыряет взадвперед по всей стране, пока они не попадают в Небраску. И не спрашивай меня, почему именно сюда. Когда они не знают, что делать с почтой, они

отправляют ее в Омаху.

– Центр страны, – заключил Яффе. – Ворота на Запад. Или на Восток. Смотри куда смотреть.

– Ну, не такой уж и центр, – возразил Гомер. – В общем, с этой дрянью приходится разбираться нам. И ее нужно рассортировать. Ручками. *Твоими* ручками.

– Что, все это? – спросил Яффе. Работы тут было на две, три, четыре недели.

– Все, – сказал Гомер, даже не пытаясь скрыть удовлетворения. – Все твое. Скоро втянешься. Казенные конверты сразу откладывай в отдельную стопку – на сожжение. Их можно не вскрывать. Хрен с ними, верно? Но остальные надо проверять. Никогда не знаешь, на что наткнешься.

Он заговорщически ухмыльнулся:

– А что найдем, то поделим.

Яффе работал всего лишь девятый день, но и этого времени хватило с лихвой, чтобы понять: множество почтовых отправлений перехватывают сами почтальоны. Пакеты вскрывают, их содержимое забирают себе, чеки обналичивают, любовные письма высмеивают.

– Я буду навещать тебя, – пообещал Гомер, – так что не пытайся что-нибудь припрятать. У меня нюх на подобные вещи. Я сразу вижу, в каком конверте деньги и кто в команде крысятничает. Понятно? Шестое чувство. Так что не вздумай строить из себя умника, парень, мы с ребятами этого не любим. Ты ведь хочешь стать одним из нас, верно? – Он опустил тяжелую руку на плечо Яффе. – Бог велел делиться.

– Ясно, – сказал Яффе.

– Отлично. Ну, – развел руками Гомер, обводя заваленную почтой комнату, – это все твое.

Он фыркнул, ухмыльнулся и вышел.

Когда щелкнул замок закрывшейся двери, Яффе подумал, что «одним из них» он не хотел стать никогда. Однако говорить об этом Гомеру он не собирался. Яффе подчинился ему, притворился покорным рабом, но в глубине души... В глубине его души таились другие планы и другие цели. Проблема в том, что с двадцати лет он ни на шаг не приблизился к их воплощению. Сейчас ему тридцать семь, почти тридцать восемь. Он не из тех мужчин, на которых заглядываются женщины. И не из тех, кого считают «харизматичными». Лысеть он начал рано, точьвточь как его отец, и к сорока он, скорее всего, полностью потеряет волосы. Лысый, неженатый, денег в карманах хватит разве что на пиво. Ни на одной работе ему не удавалось продержаться больше года – самое большее, восемнадцать месяцев – и нигде он не поднимался выше рядового сотрудника.

Яффе старался не задумываться об этом. Когда его посещали подобные мысли, ему хотелось когонибудь убить – в первую очередь себя. Это было бы просто. Ствол в рот, до щекотания в горле. Раз – и кончено. Без объяснений. Без записки. Что он мог бы написать? «Я убиваю себя, потому что не смог стать повелителем мира»? Смешно.

Но... он хотел стать именно повелителем мира. Он не знал, как этого достичь, в каком направлении двигаться, но такова была его цель с самого начала. Ведь другие смогли подняться – пророки, президенты, кинозвезды. Они карабкались вверх из грязи, будто рыбы, вышедшие на сушу. У них вырастали ноги вместо плавников, они учились дышать и становились больше, чем были прежде. Если уж это удалось какимто гребаным рыбам, почему он не может? Только нужно торопиться. Пока ему не исполнилось сорок. Пока он не облысел. Пока он не умер, не исчез – ведь его никто и не вспомнит, разве только как безымянного придурка, что корпел зимой 1969 года над мертвыми письмами, выискивая в никому не нужных конвертах долларовые бумажки. Хорошенькая эпитафия.

Он сел и уставился на заваленную комнату.

– Пошел ты, – сказал он.

Это относилось к Гомеру. И к куче бумажного хлама, возвышавшейся на полу. Но больше всего это относилось к самому Яффе.

Сначала было мутрно. Сущий ад: день за днем он просеивал мешки с почтой.

Их количество, казалось, не убывало. Даже наоборот – ухмыляющийся Гомер приводил своих батраков, и те пополняли бумажные завалы.

Сначала Яффе отделил интересные конверты (пухлые, твердые, надушенные) от скучных, частную корреспонденцию – от официальной и каракули – от четкого почерка. Потом он принялся вскрывать почту. В первую неделю, пока не натер мозоли, он делал это пальцами,

затем купил ножик с коротким лезвием. Яффе изучал содержимое, словно ловец жемчуга. Чаще всего внутри ничего особенного не было, но порой, как и обещал Гомер, он находил деньги или чек, которые с готовностью отдавал боссу.

– А ты молодец, – сказал Гомер две недели спустя. – Отлично справляешься. Может, стоит взять тебя на полный рабочий день.

Рэндольф хотел послать его подальше. Он много раз поступал так с предыдущими начальниками, после чего тут же оказывался на улице. Но сейчас ему нельзя терять работу: однокомнатная квартирка вместе с отоплением стоила целого состояния, а на улице все еще снег. Кроме того, с ним что-то происходило. Он провел много одиноких часов в комнате мертвых писем, и к исходу третьей недели работа стала ему нравиться, а к концу пятой она захватила его целиком.

Он сидел на перекрестке всей Америки.

Гомер был прав. Омаха, штат Небраска, не являлась географическим центром США, но стала им, поскольку так решило почтовое ведомство.

Линии почтовой связи сходились, расходились и, в конце концов, бросали своих сирот здесь, в Небраске, потому что в других штатах они никому не были нужны. Они путешествовали от океана до океана в поисках того, кто бы их распечатал, но так и не находили адресата. В итоге эти послания попадали к нему – к Рэндольфу Эрнесту Яффе, лысеющему ничтожеству с невысказанными желаниями и нереализованными страстями. Он вскрывал письма своим маленьким ножиком и просматривал своими маленькими глазками; он сидел на перекрестке и видел истинное лицо нации.

Здесь были письма любви и письма ненависти, требования выкупа, прошения, «валентинки», с вложенными лобковыми волосами, обведенные ручкой силуэты мужских членов; письма с угрозой шантажа от жен, журналистов, сутенеров, юристов и сенаторов; прощальные записки самоубийц, «святые» письма, резюме, потерянные рукописи, недошедшие подарки, отвергнутые подарки; письма в никуда, подобные посланиям в бутылке с необитаемого острова в надежде на помощь; стихи, угрозы и рецепты. И так далее. Все они мало интересовали Яффе. Правда, от любовных посланий его порой бросало в жар, и иногда бывало интересно: если письмо с требованием выкупа не доставлено, убили похитители свою жертву или нет. Но истории о любви и смерти занимали его лишь постольку поскольку. Его любопытство будило другое – то, что не сразу бросалось в глаза.

Сидя на почтовом перекрестке, Яффе начал понимать, что в Америке есть некая тайная жизнь, которой он никогда раньше не замечал. О любви и смерти он кое-что знал – две великие банальности, два близнеца, которыми одержимы авторы песен и мыльных опер. Но, оказывается, существовала и другая жизнь. На нее намекали в каждом сороковом или пятидесятом письме, а в одном на тысячу писали фанатично и откровенно. Но даже когда об этом говорилось напрямую, это была лишь часть правды, ее зачаток. Каждый писавший пытался своим собственным безумным способом дать как можно более точное определение неопределимому.

Все сводилось к одному – мир не такой, каким кажется. Даже *отдаленно* не такой. Властные структуры (правительство, церковь, медицина) объединили усилия, чтобы упрятать подальше и заставить замолчать тех, кто осознал этот факт, но им оказалось не по силам заткнуть и запереть в тюрьмах всех. Оставались люди, мужчины и женщины, выскользнувшие из широко раскинутых сетей. Они ходили окольными путями и обгоняли преследователей; им давали пищу и кров сочувствующие – романтики или мечтатели, готовые сбить с толку и направить по ложному следу ищеек. Они не доверяли «Ма Белл»*, поэтому не пользовались телефонами, они не осмеливались собираться в группы больше чем по двое, из страха привлечь к себе внимание. Но они *писали*. Иногда они писали, потому что были *должны* – тайны, что они хранили, жгли их и рвались наружу. Иногда они делали это, потому что преследователи наступали им на пятки, и у них не было иного шанса открыть правду миру о себе, прежде чем их схватят, исколют наркотиками и упрячут под замок. Иногда письмо отправляли по первому попавшемуся случайному адресу, чтобы послание попало к неискушенному человеку и взорвало его сознание, подобно пиротехнической бомбе. В одних случаях это был бессвязный поток сознания, в других – выверенное, почти медицинское описание процесса изменения мира при помощи сексуальной магии или в результате употребления грибов. Ктото использовал и бредовый символизм историй из «Нэшнл инкуайер», писал об НЛО и культах зомби, о

венерианском миссионере или физике, связавшемся с потусторонним миром прямо в телестудии. После нескольких недель изучения таких писем (это было именно изучение, и Яффе был похож на человека, запертого в забытой богом библиотеке) он начал видеть смысл, скрытый под поверхностью бреда. Он взломал код или, по крайней мере, нашел ключ, после чего погрузился в работу понастоящему. Его больше не раздражало, когда Гомер распахивал дверь, чтобы втащить еще полдюжины мешков с почтой – он радовался прибавлению. Больше писем – больше ключей, больше ключей – больше шансов разгадать тайну. За долгие дни, слившиеся в месяцы и поглотившие зиму, он все больше убеждался: здесь *одна* тайна, а не несколько. Каждый, писавший о Завесе и о способах ее приоткрыть, находил свой путь к откровению, свой способ выражения и свои метафоры, но во всех разрозненных голосах, в их какофонии слышалась общая тема.

И это была не любовь. Во всяком случае, не такая, как ее понимают сентименталисты. И не смерть, как ее понимают рационалисты. Речь шла о какихто рыбах, о море (иногда – о Море Морей); о трех способах плавания в нем; о снах (очень много о снах); об острове, который Платон назвал Атлантидой, хотя у него есть еще множество других имен. О конце света, что одновременно является и его началом. И, наконец, об искусстве.

Вернее, об Искусстве.

Над этим понятием он долго ломал голову. Искусство именовалось в письмах поразному – Великое деяние, Запретный плод, Отчаяние да Винчи, Палец в пироге. Способов описаний было множество, но Искусство одно. И при этом (здесь заключалась тайна) – никакого Художника.

– Ну, нравится тебе здесь? – спросил както майским днем Гомер.

Яффе оторвался от работы. Вокруг лежали стопки писем. Кожа Яффе, никогда не выглядевшая слишком здоровой, теперь была бледной и шершавой, как листки бумаги в его руках.

– Конечно, – ответил он, едва удостоив взглядом начальника. – Что, привезли еще?

Гомер немного помолчал, потом сказал:

– Что ты прячешь, Яффе?

– Прячу? Я ничего не прячу.

– Ты отдаешь нам не все, что находишь.

– Нет не так, – сказал Яффе. Он беспрекословно выполнял главное условие Гомера: делиться найденным. Деньги и дешевые драгоценности, обнаруженные в конвертах, шли Гомеру, и тот распределял добычу. – Я отдаю все, клянусь.

Гомер смотрел на него с откровенным недоверием.

– Ты торчишь тут от звонка до звонка. С ребятами не общаешься. Не выпиваешь. Тебе что, не нравится, как от нас пахнет, Рэндольф? – Начальник не ждал ответа. – А может, ты вор?

– Я не вор, – сказал Яффе. – Проверьте.

Он встал, подняв руки с зажатými в них письмами.

– Обыщите меня.

– Да сейчас, стану я тебя лапать, – последовал ответ. – Я что, потвоему, гребаный гомик?

Гомер пристально посмотрел на Яффе. После паузы он сказал:

– Я собираюсь посадить тут когонибудь другого. Ты проработал пять месяцев. Приличный срок. Пора тебя повесить.

– Я не хочу...

– Что?

– Я... я говорю, мне здесь нравится. Правда. Мне нравится эта работа.

– Ну, конечно, – сказал Гомер, чьи подозрения явно не рассеялись. – В таком случае с понедельника ты уволен.

– Почему?

– Потому что я так сказал! Не согласен – ищи другое место.

– Я же хорошо справлялся, разве нет? – сказал Яффе. Но Гомер уже повернулся, чтобы уходить.

– Здесь воняет, – бросил он через плечо. – Отвратительно воняет.

Из писем Рэндольф узнал слово, которого никогда прежде не слышал: «синхронность». Ему пришлось купить словарь, чтобы узнать его значение – совпадение нескольких событий во

времени. Авторы писем обычно использовали это слово, когда хотели сказать, что в соединении обстоятельств есть нечто значительное, загадочное и даже чудесное; что существует определенная закономерность, невидимая человеческому глазу.

Такое соединение случилось и в тот день – Гомер дал толчок событиям, изменившим все. Меньше чем через час после его ухода Яффе поднес свой короткий нож, уже порядком затупившийся, к конверту, что был тяжелее прочих. Из вскрытого конверта выпал небольшой медальон. Он мелодично звякнул о бетонный пол. Яффе поднял вещицу; пальцы его все еще тряслись после разговора с Гомером. Медальон оказался без цепочки, даже без ушка для нее. Он выглядел слишком неказисто для дамской шейки, так что ювелирным украшением его нельзя было назвать. При ближайшем рассмотрении Яффе понял, что медальон, несмотря на крестообразную форму, не имеет отношения к христианской символике. Четыре его луча были равной длины и не превышали полутора дюймов. В перекрестье изображалась человеческая фигура – ни мужчина, ни женщина – с раскинутыми, как на распятии, но не пригвожденными руками. Лучи заполняли узоры из абстрактных фигурок, и на конце каждого луча был круг. На грубо намеченном лице человека едва угадывалась улыбка.

Яффе не разбирался в металлах, но сразу сообразил, что вещица сделана не из золота и не из серебра. Даже если медальон очистить от налета грязи, он вряд ли заблестел бы. Но в нем было что-то притягательное. Когда Яффе смотрел на медальон, у него возникало ощущение, как при пробуждении от насыщенного событиями сна, когда не можешь вспомнить ускользающих подробностей. Это явно был очень важный предмет, но Яффе не знал почему. Возможно, символы показались ему смутно знакомыми? Не видел ли он их в одном из прочитанных посланий? За двадцать недель работы он просмотрел не одну тысячу писем, и во многих были рисунки – иногда непотребные, а часто загадочные, не поддававшиеся расшифровке. Такие он уносил домой, чтобы изучить вечером. Письма хранились в связке у него под кроватью. Может, с их помощью Яффе сумеет взломать код медальона, как истолковывают сновидение?

В тот день он решил пообедать с сослуживцами. Он решил, так будет лучше – чтоб не раздражать Гомера. Но он ошибся. «Старые добрые приятели» болтали о новостях, которых Яффе не слушал уже несколько месяцев, о качестве вчерашнего бифштекса, о том, кто кого трахнул после бифштекса, а у кого сорвалось, и о том, что их ждет летом. Среди них Яффе почувствовал себя абсолютным чужаком. Сослуживцы тоже это почувствовали. Отворачиваясь и понижая голос, они обсуждали его странную внешность и дикий взгляд. Чем дальше от него отстранялись, тем больше ему это нравилось – даже такие убудки *осознавали*, что он другой. Наверное, они его даже немного побаивались.

В час тридцать он не смог заставить себя вернуться в комнату мертвых писем. Медальон с загадочными знаками жег его карман. Необходимо было поскорее вернуться домой к собранию писем и немедленно начать изучать их. Он не стал тратить времени на объяснения для Гомера, просто взял и ушел.

Был прекрасный солнечный день. Яффе задернул занавески, отгородившись от дневного света, включил лампу с желтым абажуром и лихорадочно приступил к поискам. Он развесил на стенах письма с рисунками, хотя бы отчасти напоминавшими медальон, а когда не осталось места, стал раскладывать их на столе, на кровати, на кресле, на полу. Он переходил от листка к листку, от символа к символу, выискивая малейшее сходство с изображениями на вещице, которую он держал в руке. Все это время в мозгу его мелькала неясная мысль: если есть Искусство, но нет Художника, есть дело, но нет делающего – может быть, он сам и есть творец?

Неясной мысль оставалась недолго. Через час упорных поисков она стала четкой и прочно засела в голове. Медальон попал к нему в руки не случайно. Это награда за терпеливый труд – Яффе дано средство связать воедино все нити изысканий и понять, в чем же тут дело. Большинство рисунков в письмах не имело с медальоном ничего общего, но многие детали – слишком часто для простого совпадения – напоминали образы на кресте. Встречалось не более двух изображений на одном почтовом листке, и почти все они – приблизительные наброски. Ведь никто из авторов не видел, подобно Яффе, полной картины. Каждый знал лишь свою часть головоломки, и его понимание этой части – выраженное в хокку, или в пошлом стишке, или в алхимической формуле – помогало уяснить систему символов медальона.

В самых многозначительных письмах часто повторялось слово «Синклит». Яффе наткнулся на него несколько раз, но не обращал особого внимания. В этих посланиях было полно религиозных рассуждений, и он решил, что это тоже религиозный термин. Теперь он понял

свою ошибку. Синклит – это некий культ или секта, и символ его Яффе держал у себя на ладони. Каким образом связаны Искусство и Синклит, было совершенно непонятно, но их связь подтверждала предположение о том, что есть только одна тайна и только один путь. Яффе знал: медальон, как карта, поможет найти путь от Синклита к Искусству.

Оставалась последняя насущная забота. Яффе передергивало при мысли, что о его тайне узнает свора сослуживцев во главе с Гомером. Вряд ли они смогли бы что-то понять – уж больно они тупы. Но Гомер достаточно подозрителен, чтобы немного приблизиться к разгадке, а для Яффе сама возможность того, что кто-то – в особенности этот тупой урод – коснется священной земли, казалась невыносимой. Предотвратить кошмар можно было единственным способом: действовать немедленно и уничтожить все улики, способные навести Гомера на верный след. Медальон, конечно, нужно сохранить: он дарован высшими силами, перед которыми Яффе однажды предстанет. Следует также оставить дватри десятка писем с наиболее полной информацией о Синклите. Остальные конверты (триста или что-то около) необходимо сжечь. Послания, оставшиеся в комнате мертвых писем, тоже должны отправиться в печь. Потребуется масса времени, но это придется сделать, и чем скорее, тем лучше. Он собрал ненужные письма, упаковал их и отправился обратно в отдел сортировки.

Рабочий день закончился, и пришлось проталкиваться сквозь поток уходивших со службы людей. Чтобы не столкнуться с Гомером, Яффе вошел через заднюю дверь; хотя он знал начальника достаточно хорошо и не сомневался, что тот не стал дожидаться пяти тридцати – наверняка уже сидит где-то, посасывает пиво.

Печка была старой развалиной, за которой приглядывал Миллер, тоже старая развалина. Яффе ни разу не обменялся с ним ни единым словом – Миллер был абсолютно глух. Яффе с трудом объяснил старику, что ему нужна печка на часдругой. Швырнув в огонь пачку листов, принесенную из дома, Яффе отправился в комнату мертвых писем.

Гомер не пошел пить пиво. Он ждал Яффе, сидя на его стуле под голой лампочкой, и перебирал сваленные на столе письма.

– В чем тут подстава? – спросил он, как только Яффе вошел в комнату.

Яффе понял, что прикидываться невинной овечкой бессмысленно. После долгих месяцев сидения над бумагами на лице его пролегли глубокие морщины знания. За простачка теперь не сойти. Да ему и не хотелось.

– Никакой подставы, – твердо сказал он. – Я не беру ничего, что могло бы вам пригодиться.

– Не тебе судить, говнюк! – Гомер швырнул просмотренные письма в общую кучу. – Я хочу знать, что ты тут делал. Кроме того, что дрочил.

Яффе закрыл дверь. Он вдруг почувствовал то, чего никогда раньше не замечал: в комнате ощущалась вибрация от печи, она волнами проходила сквозь стену. Здесь все подрагивало: мешки, конверты, слова на листках. И стул, на котором сидел Гомер. И нож – нож с коротким лезвием, лежавший на полу рядом со стулом, на котором сидел Гомер. Здание пришло в движение, словно задрожала земля. Как будто мир готов вотвот взорваться.

Возможно, так и было. Почему нет? Не стоило притворяться, что ничего не изменилось. Он вступил на путь к своему трону. Яффе не знал, что это за трон и где он находится, но должен был быстро заставить замолчать другого претендента. Никто не найдет его. Никто не обвинит его, не осудит, не предаст смерти. Теперь он сам себе закон.

– Я должен объяснить, – начал он заискивающим тоном, – в чем, собственно, подстава.

– Да уж. – Губы Гомера изогнулись в усмешке. – Давай.

– Все очень просто...

Он приблизился к Гомеру, и к стулу, и к ножу рядом со стулом. Гомер занервничал от того, как стремительно подошел Яффе, но не двинулся с места.

– Я обнаружил одну тайну... – продолжал Яффе.

– Что?

– Хотите узнать?

Гомер встал, его глаза бегали быстро-быстро, в такт вибрации. Все вокруг подрагивало – все, кроме Яффе. Дрожь ушла из его рук, внутренностей и головы. Он один был неподвижен в нестабильном мире.

– Я не знаю, какого хера ты делаешь, – сказал Гомер, – но мне это не нравится.

– Я вас не виню, – заверил Яффе. Он не смотрел на нож – он его чувствовал. – Но вы обязаны выяснить по долгу службы, верно? Что именно происходит тут внизу.

Гомер сделал от кресла пару шагов в сторону. С его уверенной походкой что-то случилось. Он неуклюже споткнулся, будто пол в комнате стал неровным.

– Я сидел здесь, в центре мира, – продолжал Яффе – В этой маленькой комнатке... Тут оно и случилось.

– Неужели?

– Именно так.

Гомер нервно ухмыльнулся и оглянулся на дверь.

– Хотите уйти?

– Да. – Гомер взглянул на часы. – Пора бежать. Я просто заглянул...

– Вы меня боитесь, – сказал Яффе. – И правильно. Яффе не тот, каким был.

– Неужели?

– Вы повторяетесь.

Гомер снова оглянулся на дверь. До нее оставалось шагов пять, а если бегом, то четыре. Он прошел уже половину пути, когда Яффе быстрым движением поднял нож. Гомер взялся за дверную ручку и услышал сзади шаги.

Он обернулся – и в ту же секунду нож вошел ему точно в глаз. Это была не случайность. Это была синхронность. Блеснул глаз, блеснуло лезвие, и они слились воедино. В следующее мгновение Гомер с криком повалился на дверь. Рэндольф нагнулся, чтобы вытащить нож для бумаг из головы человека. Рев пламени в печи стал громче. Прислонившись к мешкам с почтой, Яффе чувствовал, как трутся друг о друга конверты, как дрожат на бумаге слова, сплавляются в прекрасные строки и становятся поэзией. Кровь, говорили они, это море; его мысли – лодки в этом море, темном, горячем, жарче жаркого.

Он взялся за рукоятку и выдернул нож. Никогда в жизни он не пролил ничьей крови, даже жука не раздавил, разве что случайно. Но теперь собственная ладонь, сжимавшая рукоятку, казалась ему прекрасной. Пророчество, подтверждение.

Улыбаясь, Яффе выдернул нож из глазницы и, не успев Гомер осесть на пол, вонзил лезвие ему в горло по самую рукоятку. На этот раз Яффе не выпустил нож из рук – как только жертва умолкла, он ударил Гомера еще раз в грудь, в самую середину. Нож попал в кость, и пришлось надавить, но Яффе чувствовал себя очень сильным. Гомер захрипел, изо рта и из раны на горле хлынула кровь. Яффе вытащил нож, вытер лезвие носовым платком и стал думать, что дальше. Если таскать почту в топку мешками, это могут заметить. Хотя мысли его витали далеко, он не забыл про опасность быть обнаруженным. Лучше устроить топку здесь. В конце концов огонь можно разжечь где угодно. Яффе наклонился над обмякшим телом и стал искать в карманах спички. Он нашел их и направился к мешкам с письмами.

Он сам удивился печали, охватившей его в тот момент, когда он готовился предать огню мертвые письма. Он просидел над ними столько недель – будто в бреду, опьяненный тайнами. Теперь он с ними прощался. Гомер мертв, послания сейчас сгорят, а Яффе превратится в беглеца, в человека без прошлого. Он посвятит себя Искусству, о котором еще ничего не знает, но желает узнать больше всего на свете.

Он скомкал несколько страниц, чтобы разжечь костер. Яффе не сомневался: едва занявшись, огонь разгорится широко и сожжет все, что есть в комнате: бумагу, дерево, плоть. Яффе поджег три смятых листка бумаги, которые держал в руке. Глядя на ярко вспыхнувшее пламя, он понял, до чего же не любит свет. Темнота интересней: в ней таилось столько тайн, столько страхов. Он поднес огонь к пачкам писем и смотрел, как пламя набирает силу. Затем он направился к выходу.

Окровавленное тело Гомера завалило собой дверь. Труп нелегко было сдвинуть с места, и Яффе напряг все силы, а тень его взлетела на стену над расцветающим за спиной костром. Почти минута ушла на то, чтобы оттащить тело в сторону. Жар стал невыносимым. Яффе оглянулся и увидел пылающую от стены до стены комнату: жар порождает свой собственный ветер, и тот еще сильнее разжигал огонь.

Лишь потом, когда он убирал свою комнату, чтобы уничтожить следы собственного пребывания – все свидетельства существования Рэндольфа Эрнеста Яффе, он пожалел о содеянном. Но не о пожаре – это было умно придумано, а о том, что сжег тело Гомера вместе с мертвыми письмами. Отомстить можно было куда изощреннее: разрезать труп на кусочки, упаковать по отдельности язык, глаза, гениталии, внутренности, кожу, череп и разослать по выбранным наугад адресам, чтобы случай (или синхронность) сам выбрал порог дома, где плоть

Гомера найдет себе пристанище. Отправить почтовика по почте. Яффе пообещал себе впредь не упускать из виду возможностей для проявления такой иронии.

Уборка комнаты заняла не много времени. У него было мало вещей, и почти ничем он не дорожил. Отобрав самое ценное, он понял, что его практически не существует. В материальном мире Яффе представлял из себя сумму из нескольких долларов, нескольких фотографий и небольшого количества одежды. Все уместилось в маленький чемоданчик.

С этим чемоданчиком в руках Яффе в полночь покинул Омаху и отправился куда глаза глядят. Ворота на Восток, ворота на Запад. Ему было все равно, куда идти, лишь бы дорога привела его к Искусству.

II

Яффе прожил скромную жизнь. Родился он в полусотне миль от Омахи, там же выучился, там похоронил родителей, там делал предложения двум женщинам, но оба раза до алтаря дело так и не дошло. Несколько раз он выезжал за пределы штата и (после второго провала с женитьбой) даже подумывал перебраться в Орlando, где жила его сестра, но та отговорила: сказала, что он не сживется с людьми и с безжалостным солнцем. Он остался в Омахе – работал, терял работу, находил новую. Так он и жил, никого не любя и никем не любимый.

Но, сидя в одиночном заключении в комнате мертвых писем, он почуял запах горизонтов, о каких раньше и не подозревал. Этот запах разбудил в нем жажду странствий. Когда он видел лишь солнце, пригороды и Микки Мауса, ему было наплевать на них. Какой смысл любоваться подобными банальностями? Но теперь он знал больше. Существуют тайны, которые нужно разгадать, силы, которые нужно подчинить, а когда он станет повелителем мира, он уберет эти пригороды (и солнце, если сможет) и погрузит весь мир в жаркую тьму, где человек сможет наконец познать секреты собственной души.

В письмах много говорилось о перекрестках, и он долгое время воспринимал этот образ буквально – считал, что в Омахе он сидит на перекрестке дорог, куда и придет к нему Искусство. Но теперь, оставив город, он понял свою ошибку. Под «перекрестками» авторы писем имели в виду не места, где одна дорога пересекается с другой. Они имели в виду пересечение форм бытия, где человеческая природа встречается с иной и обе продолжают свой путь, изменившись. Пульсации и эманации таких мест давали надежду найти откровение.

Денег у него, естественно, почти не было, но это не имело значения. После бегства с места преступления все, чего он хотел, появлялось само. Стоило поднять большой палец, и машина тормозила у обочины, чтобы его подвезти. Каждый раз водитель направлялся именно туда, куда собирался Яффе. Как будто он был благословен. Когда он спотыкался, кто-то не давал ему упасть. Когда он был голоден, кто-то его кормил.

Одна женщина в Иллинойсе, что однажды подвезла его, предложила остаться с ней на ночь. Она первой подтвердила, что он благословен.

– Ты видел что-то необычное, правда? – прошептала она ему среди ночи. – Это у тебя в глазах. Изза твоих глаз я и подвезла тебя.

– И дала мне это? – спросил он, указывая на ее промежность.

– Это тоже. Так что ты видел?

– Не так много.

– Хочешь меня еще раз?

– Нет.

Перебираясь из штата в штат, он повсюду замечал следы того, о чем его учили письма. Тайны приоткрывались при его появлении. Они признавали в нем человека силы. В Кентукки он случайно видел, как из реки выловили труп утонувшего подростка. Тело распростерлось на траве: руки раскинуты, пальцы прямые; рядом рыдала какая-то женщина. Глаза мальчика были открыты, пуговицы на ширинке расстегнуты. Яффе был единственным свидетелем, кого полицейские не отогнали подальше. С близкого расстояния он видел (снова глаза), что мальчик лежал, как фигура на медальоне. Яффе чуть было не бросился в реку, его остановил лишь страх утонуть. В Айдахо он встретил человека, потерявшего руку в автомобильной катастрофе. Когда они сидели и пили вместе, тот человек рассказал, что все еще чувствует отрезанную конечность. Врачи говорят, это фантом нервной системы, но онто знает – это его астральное

тело, попрежнему целое в другом плане бытия. Он утверждал, что регулярно дробит потерянной рукой, и предложил показать. Все оказалось правдой. Позже человек спросил:

– Ты видишь в темноте, да?

Яффе раньше не задумывался об этом, но теперь понял, действительно видит.

– Как ты научился?

– Я не учился.

– Может, астральное зрение?

– Может быть.

– Хочешь, я еще раз отсосу у тебя?

– Нет.

Он коллекционировал ощущения, каждое из них, он проникал в жизнь людей и проходил насквозь, оставляя за собой безумие, смерть или слезы. Он потакал всем своим желаниям, шел туда, куда звал его инстинкт, и тайная жизнь находила его, как только он входил в город.

Признаков погони за ним со стороны представителей закона не было и в помине. Может, они не нашли тела Гомера в выгоревшем здании, а может, сочли его жертвой пожара. Как бы там ни было, никто за Яффе не охотился. Он шел, куда хотел, и делал, что пожелает, пока все его желания не оказались удовлетворены и исполнены. Пока не пришло время шагнуть за грань.

Он остановился передохнуть в убогом тараканьем мотеле в ЛосАлamosе, НьюМексико. Он заперся в номере с двумя бутылками водки, голый. Задернул шторы, чтобы отгородиться от дневного света, и дал волю своему сознанию. Он не ел уже сорок восемь часов. Не потому, что не было денег, – деньги были, но ему нравилось легкое голодное головокружение. Подстегиваемые голодом и водкой мысли – порой варварские, порой изощренные – бежали быстрее, подбадривали и выталкивали друг друга наружу. Из темноты выползли тараканы и стали бегать по его лежавшему на полу телу. Яффе не обращал на них внимания, только поливал водкой член, когда они копошились там и член становился твердым, – это отвлекало. Ему хотелось только думать. Отключиться и думать.

В физической близости он познал все, чего пожелал: холод и огонь, чувственность и бесчувствие, он имел, и его имели. Он больше не хотел ничего – во всяком случае, как Рэндольф Яффе. Нужно найти иной способ существования и иной источник чувств. И секс, и убийство, и печаль, и голод – все должно обрести новизну. Но этого не произойдет, пока он не выйдет за пределы своего нынешнего состояния – пока он не станет Творцом и не переделает мир.

Уже перед рассветом, когда даже тараканы расползлись по щелям, он услышал зов.

Его охватил покой. Сердце билось медленно и ровно. Мочевой пузырь опустошался сам собой, как у младенца. Ему не было ни жарко, ни холодно. Не хотелось ни спать, ни бодрствовать. На этом перекрестке – не первом и, конечно, не последнем – что-то сжало его внутренности, требовательно взывая к нему.

Он встал, оделся, захватил невыпитую бутылку водки и вышел. Зов не ослабевал. Он вел за собой, когда холодная ночь приподняла свой покров и когда стало подниматься солнце. Яффе был бос. Ноги кровоточили, но собственное тело не беспокоило его, боль он заглушал водкой. К полудню, когда водка закончилась, он оказался посреди пустыни. Он брел в ту сторону, куда его призывали, почти не ощущая своих шагов. В голове не осталось ничего, кроме мыслей об Искусстве и о том, как им овладеть, но и они то появлялись, то исчезали.

Исчезла и пустыня. Ближе к вечеру он достиг места, где самые простые вещи – земля под ногами, темнеющее небо над головой – казались нереальными. Он даже не был уверен, что куда-то движется. Исчезновение реальности оказалось приятным, но недолгим. Зов влек его за собой вне зависимости от того, осознавал Яффе его или нет. На смену ночи внезапно пришел день, и он опять ощутил себя: он, живой Рэндольф Эрнест Яффе, стоит посреди пустыни, и он снова совсем голый. Было раннее утро. Солнце еще не поднялось, но уже прогревало воздух. Небо было абсолютно чистым.

Теперь он почувствовал боль и тошноту, но сопротивляться зову, звучащему внутри, не мог. Он будет идти, даже если все его тело растрескается. Позже он вспомнил, что миновал заброшенный город и видел стальную башню посреди пустынного безмолвия. Но это было уже после того, как его путешествие закончилось – в простой каменной хижине, чья дверь открылась перед ним. Последние силы оставили его, он упал и перевалился через порог.

III

Когда он очнулся, дверь хижины оказалась закрыта, а его сознание было чистым и готовым к восприятию. По другую сторону тлеющего очага сидел старик с печальным, несколько глуповатым выражением лица – будто у клоуна, что лет пятьдесят подряд сносил оплеухи. Кожа его была пористая и жирная, а остатки волос – длинные и седые. Он сидел, скрестив ноги. Пока Яффе собирался с силами, чтобы начать разговор, старик приподнял ягодицы и громко пустил ветры.

– Ты отыскал путь сюда, – сказал он. – Я думал, ты не дойдешь. На этом пути многие погибли. У тебя сильная воля.

– Куда «сюда»? – едва смог спросить Яффе.

– В Петлю. Петлю времени. Я сделал ее, чтобы укрыться. Это единственное место, где я в безопасности.

– Кто ты?

– Меня зовут Киссун.

– Ты из Синклита?

На лице человека за очагом отразилось удивление.

– А ты много знаешь.

– Нет, не очень. Так, куски да обрывки.

– Мало кто знает о Синклите.

– Мне известно о нескольких таких людях.

– Да? – В голосе Киссуна послышалось напряжение. – Хотелось бы услышать имена.

– У меня были их письма, – начал было Яффе, но осекся: он забыл, где оставил письма – эти бесценные ключи, открывшие ему рай и ад.

– Чьи письма? – спросил Киссун.

– Людей, которые знали... которые догадывались об Искусстве.

– Да ну? И что же они там тебе сообщили? Яффе покачал головой.

– Пока не понял. Кажется, есть какое-то море...

– Есть. И ты, конечно же, хочешь узнать, где его найти, что с ним делать и как получить от него силу?

– Да.

– И что ты можешь предложить за науку? – спросил Киссун.

– У меня ничего нет.

– Позволь мне об этом судить, – сказал Киссун и поднял глаза к своду крыши, словно увидел что-то в клубившемся там дыму.

– Ладно. Бери у меня все, что захочешь, – сказал Яффе.

– Это справедливо.

– Мне нужно знать. Мне необходимо Искусство.

– Конечно, конечно.

– Я уже пережил все, что мне было нужно, – сказал Яффе. Взгляд Киссуна вновь обратился к Яффе.

– Да? Сомневаюсь.

– Мне нужно... мне нужно... («Что? – думал он. – Что тебе нужно?») Мне нужны объяснения, – сказал он.

– Ну, и с чего начнем?

– С моря, – сказал Яффе.

– Аа, с моря.

– Где оно?

– Ты когданибудь любил? – ответил Киссун.

– Думаю, да.

– Тогда ты дважды проник в Субстанцию. В первый раз – когда вышел из утробы, второй – когда спал с любимой женщиной. Или мужчиной, – старик засмеялся. – Не имеет значения.

– Субстанция – это море?

– Субстанция – это море. И в нем есть остров Эфемериды.

– Я хочу туда, – выдохнул Яффе.

– Ты туда попадешь. Как минимум еще один раз.

– Когда?

– В последнюю ночь своей жизни. Так бывает со всеми. Трижды люди окунаются в море Мечты. Если меньше – человек сходит с ума. Если больше...

– Что тогда?

– Он перестает быть человеком.

– А Искусство?

– Ну... Тут мнения расходятся.

– Ты владеешь им?

– Владею чем?

– Искусством. Владеешь ли ты Искусством? Можешь ли обучить меня?

– Возможно.

– Ты из Синклита. Один из них. Ты должен знать все.

– *Один* из них? – переспросил старик. – Я последний. Я единственный.

– Тогда поделись со мной. Я хочу изменить мир.

– Скромные, однако, у тебя амбиции.

– Хватит придуриваться! – воскликнул Яффе. Зашевелилось подозрение, что старик морочит ему голову. – Я не уйду с пустыми руками, Киссун. Обучившись Искусству, я смогу войти в Субстанцию, так ведь?

– Откуда ты знаешь?

– Скажи мне, это так?

– Так. Но повторяю вопрос: откуда ты знаешь?

– Я умею делать выводы, и я их делаю. – Яффе ухмыльнулся, куски головоломки стали складываться у него в голове. – Субстанция находится за пределами нашего мира, так? И Искусство дает возможность ступить за эти пределы в любое время, когда захочешь. Палец в пироге.

– А?

– Так кто-то называл это. Палец в пироге.

– Зачем же ограничиваться пальцем?

– И верно! Почему бы не сунуть туда руку?

На лице Киссуна проступило нечто, похожее на восхищение.

– Как жаль, что ты так слабо развит. А то я мог бы поделиться с тобой.

– Что ты сказал?

– В тебе слишком много от обезьяны. Я не могу открыть тебе тайны, которые храню. Они – слишком мощное оружие, они опасны. Ты не знаешь, что с ними делать. В результате ты загадишь Субстанцию ребяческими амбициями. А Субстанцию нужно оберегать.

– Я сказал... Я не уйду отсюда с пустыми руками. Я дам тебе все, что ты хочешь. Все, что у меня есть. Только научи.

– Ты отдашь мне свое тело? – спросил Киссун. – Отдашь?

– Что?

– Это единственное, что ты можешь продать. Так ты отдашь мне его?

Этот ответ смутил Яффе.

– Тебе нужен секс?

– Господи, нет.

– Тогда что? Не понимаю.

– Твоя кровь и плоть. Сосуд. Я хочу занять твое тело. Яффе смотрел на Киссуна, Киссун – на него.

– Ну так как? – сказал старик.

– Ты же не сможешь влезть в мою шкуру?

– Смогу, если ты ее освободишь...

– Я тебе не верю.

– Яффе, уж тебeto, единственному из всех людей, не пристало говорить «не верю». Необычное – это нормально. Существуют временные петли – и мы сейчас находимся как раз в такой. В наших головах живут армии, готовые вступить в бой. Между ног у человека есть солнце, а в небе – влагалище. Правила написаны для всех сфер.

– Правила?

– Молитвы! Чары! Магия, магия! И ты прав, Субстанция – это ее источник, а Искусство – замок и одновременно ключ от замка. Ты думаешь, мне трудно влезть в твою шкуру? Неужели ты ничему не научился?

– Ну, допустим, я соглашусь...

– Допустим.

– Что случится со мной, если я отдам тебе тело?

– Ты останешься здесь. Как дух. Это какойникакой, но всетаки дом. Потом я вернусь. И ты получишь обратно свои плоть и кровь.

– Зачем тебе мое тело? – спросил Яффе. – Оно ни к черту не годится.

– Это мое дело, – ответил Киссун.

– Я хочу знать.

– А я не хочу отвечать. Если тебе необходимо Искусство, делай помоему. У тебя нет выбора.

Поведение старика, его надменная усмешка, манера пожимать плечами и прикрывать глаза – словно он не хотел впустую тратить взгляды на гостя, – напомнило Яффе Гомера. Эти двое были бы славной парочкой – тупой люмпен и хитрый старый козел. При мысли о Гомере Яффе сразу же вспомнил о ноже в своем кармане. Долго ли придется кромсать иссохшую плоть Киссуна, прежде чем боль заставит того говорить? Потребуется ли отрубить ему пальцы, сустав за суставом? Если да, Яффе готов. Он отрежет старику уши. Выколет глаза. Он сделает все, что потребуется. Поздно вспоминать о брезгливости, слишком поздно.

Его рука скользнула в карман и сжала нож.

Киссун заметил это движение.

– Ты так ничего не понял, да? – спросил он, и его глаза заметались, будто быстро пробежали по невидимым строчкам, написанным в воздухе между ним и Яффе.

– Я понял больше, чем ты думаешь, – сказал Яффе. – Я понял, что я недостаточно подхожу тебе, я слабо – как ты сказал? – развит. Точно! Я слабо развит.

– Я сказал, что ты недалеко ушел от обезьяны.

– Да, сказал.

– Я оскорбил обезьяну.

Яффе сжимал нож. Он начал вставать на ноги.

– Не посмеешь, – сказал Киссун.

– Ты машешь красной тряпкой перед быком, – сказал Яффе, приподнимаясь, и голова у него закружилась от усилия, – когда говоришь мне, что я не посмею. Я уже коечто повидал... и коечто сделал. – Яффе вынул нож из кармана. – Я тебя не боюсь.

Глаза Киссуна перестали бегать и остановились на лезвии. На лице его не было удивления, как у Гомера, но на нем был написан страх. Когда Яффе это заметил, он задрожал от удовольствия.

Киссун поднялся на ноги. Он был намного ниже Яффе, почти карлик, весь перекошенный, словно ему некогда переломали все кости и суставы, а потом в спешке собрали обратно.

– Тебе нельзя проливать кровь, – торопливо сказал он. – Только не в Петле. Это одно из правил: здесь нельзя проливать кровь.

– Слабак, – сказал Яффе, обходя очаг и приближаясь к жертве.

– Я говорю правду. – Киссун улыбнулся странной, почти презрительной улыбкой. – Для меня вопрос чести – не лгать.

– Я год проработал на бойне, – сказал Яффе. – В Омахе, штат Небраска. Ворота на Запад. Целый год рубил мясо. Я знаю свое дело.

Теперь Киссун выглядел совсем напуганным. Он прижался к стене хижины, разведя руки в стороны. Он напомнил Яффе героиню немого фильма. Глаза Киссуна широко раскрылись – огромные и влажные. Как и его рот – тоже огромный и влажный. Старик больше не грозил, он только дрожал.

Яффе подался вперед, и его рука сомкнулась на цыплячьей шее Киссуна. Пальцы сжались сильнее и впились в сухожилия. Потом Яффе поднес другую руку с ножом к левому глазу Киссуна. Дыхание старика смердело, как газы больного человека. Яффе не хотел вдыхать эту вонь, но деваться было некуда. Едва он сделал вдох, он понял: его провели. Это было не просто прокисшее дыхание. Чтото еще исходило из тела Киссуна и пыталось просочиться в тело Яффе. Он отпустил шею старика и отступил.

– Ублюдок! – сказал он, выплевывая и выкашливая чужое дыхание, пока оно не

утвердилось внутри.

Киссун сделал вид, будто не понимает.

– Ты больше не собираешься меня убить? – спросил он. – Приговор отсрочен?

– Держись от меня подальше!

– Я же всего лишь старик.

– Я почувствовал твоё дыхание! – крикнул Яффе, колотя кулаком по своей груди. – Ты хочешь влезть в меня!

– Нет, – возразил Киссун.

– Черт, не ври! Я почувствовал!

Он до сих пор это чувствовал: воздух в его легких был не таким, как прежде. Яффе стал отступать к двери, понимая, что, если он здесь останется, ублюдок возьмет верх.

– Не уходи, – сказал Киссун. – Не открывай дверь.

– Есть и другие пути к Искусству, – сказал Яффе.

– Нет. Я остался один. Остальные мертвы. Никто тебе не поможет, кроме меня.

Он попытался улыбнуться, но кротость, написанная у него на лице, была столь же фальшивой, как и прежний страх. Все для того, чтобы удержать жертву, чтобы заполучить его плоть и кровь. Нет уж, дважды Яффе не попадетсЯ на удочку. Он попытался отгородиться от чар Киссуна воспоминаниями. Женщина в Иллинойсе, однорукий в Кентукки, прикосновения тараканьих лапоу.. Это помогло. Он добрался до двери и ухватился за ручку.

– Не открывай, – сказал Киссун.

– Я ухожу.

– Извини. Я совершил ошибку. Я недооценил тебя. Мы ведь можем договориться. Я открою тебе то, о чем ты хочешь знать. Научу тебя Искусству. Я не могу использовать его здесь, в Петле. Но ты сможешь. Ты заберешь его с собой. Обратно в мир. Рука в пироге! Только останься. Останься, Яффе! Я слишком давно тут сижу один. Мне нужна компания. Хочется рассказать обо всем, что знаю, разделить это с кемто.

Яффе повернул ручку. Он тут же почувствовал, что земля дрожит у него под ногами, и увидел слепящий свет. Сияние казалось слишком безжалостным, но все же это был простой дневной свет – снаружи жгло солнце.

– Не оставляй меня! – услышал Яффе крик старика.

Он почувствовал, как этот крик снова сдавил все его внутренности, как и тот зов, что завлек его сюда. Но теперь хватка была слабее. Видимо, Киссун затратил слишком много сил, пытаясь вдохнуть себя в тело Яффе, или потерял их от ярости. Теперь его зову можно было сопротивляться. Чем дальше уходил Яффе, тем слабее становилась хватка.

Ярдах в ста от хижины он оглянулся. Ему показалось, что он видит сгусток тьмы, который ползет за ним по земле, как извивающийся черный канат. Яффе не стал ждать, какую еще шутку выкинет старый ублюдок, и пустился бежать по собственным следам до тех пор, пока не увидел стальную башню. Вид ее наводил на мысль, что кто-то пытался заселить эту заброшенную пустыню. Спустя час, измученный, он нашел и другие тому свидетельства. В пустыне раскинулся целый город – без людей, без машин и любых других признаков жизни. Город напоминал киношную декорацию, построенную для батальных сцен.

В полумиле от города он заметил дрожание воздуха и понял, что достиг границы Петли. С радостью он окунулся в эту сферу колебаний, где не было уверенности даже в том, что движешься, и к горлу подступала тошнота. Вдруг он оказался на другой стороне – в тихой и звездной ночи.

Двое суток спустя на какойто улице в СантаФе он напился допьяна и принял два важных решения. Впервых, он не будет сбривать отросшую за последние недели бороду – пусть служит напоминанием о пути. Ввторых – малейшую крупицу знания, какую ему удастся обрести, любую мельчайшую информацию о тайной жизни Америки, каждую толику силы он использует для овладения Искусством (и к черту Киссуна, к черту Синклит!). И лишь когда он овладеет Искусством, бритва снова коснется его лица.

IV

СдержатЬ данные себе обещания оказалось не такто просто. Яффе получал много простых удовольствий от уже обретенного могущества; пришлось лишитЬ себя их из опасения

растратить силы прежде, чем удастся овладеть тайной и стать великим.

В первую очередь, ему предстояло обрести соратника, способного помочь в поисках. Через два месяца он услышал о человеке, идеально подходившем на эту роль. Человека звали Ричард Уэсли Флетчер, и до своего недавнего падения он являлся одним из самых дерзких умов в области эволюционных исследований. Он возглавлял ряд научных программ в Бостоне и Вашингтоне и был блестящим теоретиком. Каждое его замечание внимательно обсуждалось коллегами, пытавшимися предугадать его новое открытие. Но гений пал жертвой пагубных привычек. Мескалин и его производные привели Флетчера к краху, что у иных людей вызвало откровенную радость. Они и не пытались скрыть своего презрения к человеку, чья постыдная тайна вышла наружу. Яффе читал статью за статьей: суровое академическое сообщество называло идеи низвергнутого вундеркинда «смехотворными», а его самого «аморальным». До нравственности Флетчера Яффе не было дела. Его интересовали теории, совпадавшие с его собственными задачами. Целью исследований Флетчера было выделение и синтез в лабораторных условиях той силы, которая побуждает живые организмы к эволюции. Как и Яффе, он считал, будто рай вполне возможно украсть.

Чтобы найти Флетчера, потребовалась настойчивость. Ее у Яффе хватало с избытком, и он отыскал ученого в Мэйне. Гений в тот момент пребывал не просто в отчаянии – он находился на грани безумия. Яффе был с ним осторожен. Он не стал давить на Флетчера. Какое-то время он даже снабжал несчастного наркотиками, чего тот давно не мог себе позволить. Завоевав доверие Флетчера, Яффе исподволь начал разговоры об исследованиях. Ученый сначала отказывался говорить об этом, но Яффе неуклонно продолжал раздувать в нем тлеющие угольки интеллектуальной страсти. И огонь запылал. Разговорившись, Флетчер уже не мог остановиться. Он рассказал, что дважды почти вплотную приблизился к выделению того, что называл «нунцием» (посланником), – но ни разу не смог довести процесс до конечной стадии. Яффе высказал несколько мыслей, почерпнутых из оккультной литературы. И ненавязчиво обронил, что они оба стремятся к одной цели. Он, Яффе, пользуется средствами древних алхимиков и магов, Флетчер – средствами науки, но оба они хотят подтолкнуть эволюцию и усовершенствовать тело. А если получится, то и дух.

Сначала Флетчер облил собеседника презрением, но позже оценил предложение и согласился продолжать исследования вместе. Яффе пообещал, что на этот раз Флетчеру не придется работать в душной академической атмосфере, где постоянно требуют конкретных результатов во имя сохранения финансирования. Теперь гениальный наркоман сможет заниматься своей наукой в надежно укрытом от посторонних глаз месте. А когда нунций будет получен и его чудесная сила репродуцирована, Флетчер вернется из небытия и заткнет рот всем тем, кто его поносил. Ни один одержимый на свете не устоял перед подобным предложением.

Одиннадцать месяцев спустя Ричард Уэсли Флетчер стоял на берегу Тихого океана, на гранитном мысе в Байе, и проклинал себя за то, что поддался искушению. Позади возвышалось здание миссии СантаКатрина, где он проработал большую часть года. Великое деяние (как выражался Яффе) было практически завершено. Нунций стал реальностью. Для работы, которую большинство людей назвали бы безбожной, не нашлось лучшего места, чем заброшенная иезуитская миссия. Впрочем, эта затея с самого начала представляла из себя длинную цепь парадоксов.

Вопервых, связь ученого с Яффе. Вовторых, смешение научных дисциплин, благодаря чему стало возможным Великое деяние. И, третьих – сейчас, в момент собственного триумфа, Флетчер был почти готов своими руками уничтожить нунций, пока тот не попал в руки человека, заплатившего за его создание.

Процесс уничтожения подобен процессу создания – он требует систематичности и одержимости, он столь же болезненный. Флетчер слишком хорошо знал двойственную вещь, чтобы поверить, будто нечто может быть уничтожено полностью. То, что уже открыто, не способно вернуться в небытие. Флетчер надеялся лишь на то, что повторить его эксперимент не такто просто. Они с Раулем добились очень серьезных результатов. Теперь он и мальчик (ему все еще нелегко думать о Рауле как о мальчике) должны, как воры, уничтожить все следы. Сжечь лабораторные записи и разбить оборудование, чтобы нунций исчез, будто его и не было. Потом он позовет мальчика, который сейчас следил за кострами перед зданием, отведет его на край скалы, они возьмутся за руки и вместе бросятся вниз. Прилив смочит их кровь и унесет тела

в океан. Огонь и вода завершат работу.

Конечно, не исключено, что в будущем кто-нибудь снова попытается получить нунций; но нынешняя комбинация обстоятельств и дисциплин, сделавшая открытие возможным, была слишком специфической. Во имя спасения человечества Флетчер надеялся, что это повторится очень не скоро. Без соединения странных, интуитивных оккультных знаний Яффе и научного метода Флетчера чуда не случилось бы, а так ли уж часто люди науки («приспешники», как их называл Яффе) садятся за один стол с магами? Нет, и слава богу, что нет. Слишком это опасно. Оккультисты, чьи коды разгадал Яффе, знали о природе вещей намного больше, чем Флетчер. Когда на языке метафор они говорили о Сосуде перерождения и Золотом потомстве, они стремились к тому же, чему он посвятил свою жизнь. Они хотели дать искусственный толчок эволюции и позволить человеку вознестись над самим собой. «Obscurum per obscurius, ignotum per ignotius», – советовали они. Объясняй темное еще более темным, непонятное – еще более непонятным. Они знали, о чем писали. То, что открыл Флетчер, лежало на границе между их знаниями и его наукой. Он получил вещество, способное (так думал он) донести сигнал до каждой, даже самой ничтожной клетки живого организма и заставить ее эволюционировать. Сначала он назвал это вещество «нунций» – посланник. Но теперь понял, что это неподходящее название. Препарат не был посланником бога, он был сам – бог. Со своей собственной жизнью, собственной энергией и целями. Его необходимо уничтожить, пока он не начал переписывать Книгу Бытия с Рэндольфом Яффе в качестве Адама.

– Отец?

К нему подошел Рауль, снова раздетый. Много лет прохаживая обнаженным, он так и не смог привыкнуть к одежде. И он опять назвал Флетчера этим проклятым словом.

– Я тебе не отец, – напомнил Флетчер. – Никогда им не был и не буду. Вобьешь ты себе это в голову?

Рауль выслушал его, как всегда. По его глазам, почти лишенным белков, трудно было что-то прочесть, но их внимательный взгляд неизменно трогал сердце Флетчера.

– Ну, что? – спросил Флетчер уже мягче.

– Костры, – ответил мальчик.

– Что с ними такое?

– Ветер, отец... – начал Рауль.

Ветер подул с океана несколько минут назад. Вслед за Раулем Флетчер подошел к миссии, где с подветренной стороны они приготовили погребальные костры для нунция, и увидел, что ветер разметал и далеко унес немало бумаг.

– Черт подери! – выругался Флетчер. Он больше злился на себя, не занявшегося кострами самостоятельно, нежели на невнимательность мальчика. – Я же говорил, не клади так много бумаги сразу.

Он взял Рауля за руку, покрытую, как и все его тело, шелковистыми волосами. Внезапно запахло дымом, и огонь взметнулся вверх. Рауль вздрогнул, Флетчер знал, что мальчику стоило немалых усилий преодолеть врожденный страх перед огнем. Он сделал это ради «отца». Больше ни для кого он на такое не пошел бы. Вспомнив об этом, Флетчер обнял Рауля за плечи, и тот, как в своей предыдущей жизни, прильнул и уткнулся в него лицом, вдыхая запах человека.

– Пусть летят, – сказал Флетчер.

Он наблюдал, как очередной порыв ветра выхватывает из костра бумаги и они летят, словно листки календаря, унося полные боли и вдохновения дни. Если кто-нибудь и подберет пару листков, то все равно ничего не поймет. Просто Флетчер одержим идеей уничтожить все до последней страницы. Но разве не одержимость привела к тому, что случилось?

Мальчик высвободился из его объятий и направился к кострам.

– Нет, Рауль... не нужно... пусть летят...

Мальчик сделал вид, будто не слышит. К этому трюку он прибегал и до того, как прикосновение нунция изменило его. Сколько раз Флетчер обращался к обезьяне Раулю, а тот не обращал на него внимания. Несомненно, некая внутренняя извращенность побудила ученого испытать Великое деяние именно на этом подобии человека, теперь превратившемся в вопиющий пример.

Но Рауль и не думал собирать разлетевшиеся бумаги. Его приземистое невысокое тело напряглось, голова приподнялась. Он принял.

– Что такое? Чувствуешь чейто запах?

– Да.

– Где?

– Поднимается на холм.

Флетчеру не нужно было спрашивать у Рауля, кто идет. То, что сам Флетчер не чувствовал запаха и не слышал шагов, свидетельствовало лишь о несовершенстве его органов чувств. Но он знал, откуда приближается гость. В миссию вела одна дорога. Она шла по пересеченной местности, а затем поднималась вокруг огромного холма. Без сомнений, она оказалась суровым испытанием даже для склонных к мазохизму иезуитов. Они проложили эту дорогу и построили эту миссию, а потом, возможно, отчаялись отыскать здесь бога и ушли отсюда. Если сейчас их души вернутся, подумал Флетчер, они найдут божество – в трех склянках с голубой жидкостью. Впрочем, найдет его и человек, поднимавшийся на холм. Конечно, это Яффе. Никто другой не знал, что они здесь.

– Черт бы его побрал, – пробормотал Флетчер. – Почему именно сейчас?

Дурацкий вопрос – Яффе пришел именно сейчас, потому что проведал об опасности, нависшей над Великим деянием. Он умел присутствовать там, где физически его не было; он оставлял шпионить свой фантом. Флетчер не понимал, как Яффе это делает. Одна из магических штук. Флетчер решил для себя, что это фокус, и перестал думать о нем – как и о многом другом, что связано с Яффе. Но через несколько минут Яффе появится, и Флетчер с мальчиком не успеют завершить задуманное.

Осталось два одинаково важных дела. Впервых, убить Рауля и уничтожить тело, чтобы по изменениям, произошедшим с ним, никто не смог понять природу нунция. Вовторых, избавиться от трех колб в здании миссии.

Туда он и направился – через весь собственноручно устроенный хаос. Рауль шел следом, ступая босыми ногами по обломкам мебели и оборудования. В здании осталась лишь одна не разгромленная комната – его келья. Там стояли лишь стол, кресло и старомодная стереосистема. Кресло располагалось напротив окна, выходящего на океан. В первые дни после успешной трансмутации Рауля, когда Флетчер еще не осознал всех возможных последствий своего научного триумфа, они с мальчиком сидели здесь, глядели на небо и слушали Моцарта. Флетчер учил Рауля тому, что музыка – главная загадка мироздания. Самая главная.

Больше не будет ни умиротворяющего Моцарта, ни вида неба, ни заботливых уроков. Времени осталось только на выстрел Флетчер достал из ящика стола пистолет, который лежал там вместе с запасом мескалина.

– Мы умрем? – спросил Рауль.

Он знал, что это случится. Но не думал, что так быстро.

– Да.

– Тогда нужно выйти. К обрыву.

– Нет времени. Я... мне нужно сделать еще кое-что, прежде чем я присоединюсь к тебе.

– Но ты обещал, что мы вместе...

– Я помню.

– Ты *обещал!*

– О господи, Рауль! Я все помню. Но он идет. Если он заберет тебя, живого или мертвого, он использует тебя. Он узнает, как действует нунций.

Он хотел испугать мальчика, и ему это удалось. Тот всхлипнул, лицо его исказилось ужасом. Когда Флетчер поднял пистолет, Рауль сделал шаг назад.

– Я скоро присоединюсь к тебе, – сказал Флетчер. – Клянусь. Сразу, как только смогу.

– Отец, пожалуйста...

– Я не твой отец! Запомни наконец! Я никому не отец! Изза этой вспышки он окончательно утратил контроль над мальчиком. Флетчер прицелился, но Рауль уже был за дверью. Пуля попала в стену. Флетчер бросился в погоню и выстрелил еще раз, но мальчик был проворный, как обезьяна. Он выскочил из здания лаборатории раньше, чем Флетчер в третий раз успел нажать на курок.

Флетчер отшвырнул пистолет в сторону. Преследовать Рауля – бесполезная трата времени. Лучше поторопиться с уничтожением нунция. Бесценной субстанции было немного, но и этого хватит, чтобы заразить любую систему и разрушить в ней весь порядок эволюции. Дни и ночи Флетчер размышлял над тем, как избавиться от вещества. Выбросить его нельзя – страшно

представить, что произойдет, попади нунций в землю. Флетчер придумал единственный выход – вылить субстанцию в океан. В таком решении была приятная последовательность. Долгий путь к той ступени развития, на которой находилось сейчас человечество, начался в океане. Открытие Флетчера тоже было связано с ним: наблюдая за мириадами жизненных форм морских обитателей, ученый впервые представил себе нечто, побуждающее организмы меняться. Эта идея и привела в итоге к трем колбам в кабинете. Теперь Флетчер вернет субстанцию стихии, вдохновившей его. Нунций буквально станет каплей в море, сила его растворится и рассеется.

Он подошел к стойке, где стояли три колбы. В трех бутылках был бог – молочноголубой, как небо у Пьеро Франческа*. Внутри вдруг возникло движение, там что-то закружилось. Если *оно* знает о приближении Флетчера, знает ли *оно* о его намерениях? Флетчер слабо представлял себе природу того, что он создал. Возможно, *оно* умеет читать мысли.

Он остановился – как истинный ученый, он не мог не восхититься происходящим феноменом. Флетчер знал, что жидкость обладает силой, но его потрясла способность вещества ферментировать себя – это было видно даже в примитивном движении: вещество поднималось по стенкам колб. Уверенность Флетчера в своей правоте растаяла. Можно ли лишать мир такого чуда? Так ли уж оно ненасытно? Оно ведь хочет лишь ускорить развитие вещей. Чтоб чешую сменил мех, мех – гладкая кожа, а плоть, возможно, – дух. Успокаивающие мысли.

Но затем он вспомнил Рэндольфа Яффе из Омахи, штат Небраска, мясника и сортировщика мертвых писем, собирателя людских тайн. Использует ли такой человек нунций во благо? В руках доброго и любящего Великое деяние стало бы действительно Великим, и каждое живое существо на Земле осознало бы цель собственного существования. Но Яффе не был ни добрым, ни любящим. Маг и вор чужих озарений, он не думал о принципах знания, а лишь о том, как возвыситься с его помощью.

Когда Флетчер вспомнил об этом, он перестал задаваться вопросом, имеет ли он право уничтожить это чудо. Теперь он спрашивал себя, как смеет он колебаться.

Отбросив сомнения, он шагнул к колбам. Нунций почувствовал, что ему собираются причинить вред. Жидкость забурлила, пытаясь подняться как можно выше.

Едва Флетчер коснулся полки, он вдруг понял истинное намерение нунция. Вещество не просто стремилось вырваться на свободу. Оно хотело добраться до самого Флетчера – переделать того, кто собирался причинить ему вред.

Но понимание пришло слишком поздно. Прежде чем он успел отдернуть протянутую руку или хотя бы чем-то при ее, одна из колб разлетелась вдребезги. Куски стекла рассекли ладонь Флетчера, и на кожу выплеснулся нунций. Он отшатнулся и поднес руку к глазам. Она была порезана в нескольких местах; самый длинный порез пересекал ладонь, словно по ней провели ногтем. От боли у него закружилась голова, но через минуту все прошло – и боль, и головокружение. Их сменило абсолютно иное ощущение. Даже не «ощущение» – здесь не подходило столь обыкновенное слово. Это напоминало Моцарта – но музыка лилась не в уши, а прямо в душу. Слушая ее, невозможно было остаться прежним.

V

Миновав первый изгиб горной дороги, Рэндольф увидел дым, поднимающийся от костров за зданием миссии. С первого взгляда беспокойство, томившее его в последнее время, превратилось в уверенность: наемный гений взбунтовался. Яффе надавил на педаль газа своего джипа, проклиная густую пыль, что облаками вылетала изпод колес и не давала ехать быстрее. До сегодняшнего дня и его, и Флетчера устраивало, что Великое деяние совершается вдали от цивилизации. Сначала от Яффе потребовалось немало усилий, чтобы доставить в лабораторию оборудование, которое запросил требовательный Флетчер. Но потом стало легче. Путешествие в Петлю зажгло огонь в глазах Яффе. Женщина из Иллинойса, чье имя он так и не узнал, говорила: «Ты видел что-то необычное, правда?» – и теперь ее слова на самом деле стали правдой. Он видел место, лежащее вне времени; он был там, куда, вопреки рассудку, его привело жадное стремление к Искусству. И люди знали это, хотя он и не рассказывал им о своих приключениях. Они заглядывали ему в глаза и из страха или благоговейного трепета выполняли все его желания.

Но Флетчер был исключением. Отчаяние и страсть к наркотикам сделали этого человека

управляемым, но он сохранил волю. Четыре раза Яффе уговаривал его возобновить эксперименты, при всяком удобном случае напоминал, как трудно было отыскать его, затерянного гения, и как сильно Яффе хочет с ним работать. Каждый раз приходилось умамливать Флетчера небольшой порцией мескалина и обещаниями, что получит все, чего ни пожелает, для продолжения исследований. После первого же знакомства с его радикальными теориями Яффе понял, что есть способ обмануть систему, стоявшую между ним и Искусством. Он не сомневался, что путь к Субстанции изобилует ловушками и испытаниями. Просветленные гуру или безумные шаманы вроде Киссуна создали их, чтобы оградить святых от тех, кого они считают низшими существами. Но с помощью Флетчера можно обмануть любых гуру и овладеть силой за их спинами. Великое деяние вознесет Яффе выше всех самозванных мудрецов, и Искусство запоет в его руках.

Он оборудовал лабораторию, как пожелал Флетчер, подкинул ученому коекакие идеи, почерпнутые из мертвых писем, и оставил маэстро одного. Яффе привозил по мере требования все, что тот просил (мескалин, морских звезд, морских ежей, человекообразную обезьяну), и навещал его только раз в месяц. Каждый раз он проводил с Флетчером сутки, выпивая и рассказывая последние сплетни из академической среды. После одиннадцатого визита он почувствовал, что исследования в заброшенной миссии подходят к завершению, и стал навещать чаще. С каждым разом его встречали все менее приветливо. Однажды Флетчер попытался вообще не пустить Яффе в здание миссии, и между ними произошла короткая стычка. Но боец из Флетчера был никудышный – слабый сутулый человек, с детства занятый лишь учебой. Побитому гению пришлось впустить победителя. Внутри обнаружилась обезьяна – Флетчер при помощи нунция трансформировал ее в уродливого, но, без сомнения, человеческого ребенка. Даже в тот миг триумфа Яффе не оставляли подозрения по поводу дальнейших действий Флетчера. Того явно тревожил достигнутый результат. Но Рэндольф слишком обрадовался и не стал обращать внимания на тревожные симптомы. Он даже предложил испытать нунций на себе, здесь и сейчас. Но Флетчер воспротивился, сказав, что ему потребуются несколько месяцев для изучения препарата, прежде чем он позволит предпринять столь рискованный шаг. Нунций пока слишком нестабилен, доказывал он. Прежде чем двигаться дальше, надо посмотреть, что произойдет с организмом ребенка. Может, нунций убьет его через неделю? Или через день? Этот аргумент несколько охладил пыл Яффе, и он уехал. С того дня он возвращался в миссию еженедельно, Его беспокоило, что Флетчер все больше отдалялся от него. Но Яффе был уверен, что гордость за собственный шедевр не позволит ученому уничтожить его.

Теперь он глядел, как ветер гонит по земле обгоревшие листки записей, и проклинал себя за такую уверенность. Он вышел из машины и направился к миссии мимо разметанных ветром костров. Это место всегда навевало мысли об Апокалипсисе. Иссушенная почва, на которой могли прижиться только чахлые кусты юкки; сама миссия, построенная так близко к краю скалы, что в одну прекрасную зиму океан наверняка заберет ее; несмолкающий гомон олушей и тропических птиц в воздухе.

Стены миссии почернели там, где их коснулись языки костров. Земля покрылась пеплом, еще более бесплодным, чем здешний грунт.

Никого.

Перешагнув через порог, он позвал Флетчера. Беспокойство, охватившее Яффе у подножия холма, переросло в страх – не за себя, за Великое деяние. Слава богу, он захватил с собой оружие, и, если Флетчер окончательно спятил, он вырвет у ученого силой формулу нунция. Яффе не впервой добывать знание с оружием в руках. Иногда это необходимо.

Внутри был полный разгром. Оборудование ценой в сотни тысяч долларов, купленное, похищенное или выпрошенное Яффе у ученых (они отдавали ему все, лишь бы избавиться от его взгляда), уничтожено. Записи на графитных досках стерты. Окна распахнуты настежь, и в помещении гулял горячий соленый океанский ветер. Яффе прошел мимо обломков в любимую комнату Флетчера – его келью, которую он однажды (будучи под воздействием мескалина) назвал заплатой на своем раненом сердце.

Яффе нашел его там – живого, сидящего в кресле у раскрытого окна. Он смотрел прямо на солнце и поэтому, видимо, ослеп на правый глаз. Как обычно, он был одет в потрепанную рубаху и мешковатые штаны; тот же худой небритый профиль; те же седеющие волосы,

стянутые в хвост. Даже его поза – руки между колен и ссутуленная спина – оставалась той же, что Яффе видел бесчисленное множество раз. Но все же что-то неуловимое в этой сцене помешало Яффе переступить порог и заставило застыть возле двери. Флетчер был както уж *слишком* Флетчером. Его образ был чересчур совершенным – задумчивый, глядящий на солнце, и каждую его пору и морщинку можно разглядывать до боли в сетчатке. Словно это портрет, созданный тысячами миниатюристов, и каждому из художников было поручено изобразить по дюйму его тела вплоть до последнего волоска. Все остальное в комнате – стены, окно, даже кресло, где сидел Флетчер, – ускользало из фокуса, не в силах соперничать с нереальной *реальностью* этого человека.

Яффе закрыл глаза. Вид Флетчера перегружал его восприятие. Вызывал тошноту. В наступившей темноте он услышал голос Флетчера, столь же бесцветный, как и прежде.

– Плохие новости, – очень тихо произнес ученый.

– Что случилось? – спросил Яффе, не открывая глаз. Но даже с закрытыми глазами он понял, что Флетчер говорит, не шевеля губами.

– Просто уходи, – сказал Флетчер. – И – да.

– Что «да»?

– Ты прав. Да, мне не нужно горло, чтобы говорить.

– Я же не сказал...

– Не важно. Я у тебя в мозгу. И там все еще хуже, чем я думал. Ты должен уйти.

Звук стал тише, хотя слова продолжали достигать цели. Яффе пытался их понять, но смысл ускользал. Что-то вроде «мы станем небом»... Точно, Флетчер сказал:

– ... мы станем небом?

– Ты о чем? – спросил Яффе.

– Открой глаза.

– Меня тошнит, когда я на тебя смотрю.

– Это взаимно. Но все же открой. Увидишь чудо в действии.

– Какое чудо?

– Просто смотри.

Он открыл глаза. Ничего не изменилось: раскрытое окно и сидящий перед ним человек. Все то же самое.

– Нунций внутри меня, – прозвучал голос Флетчера в голове Яффе.

Лицо ученого осталось неподвижным. Даже уголки губ не дрогнули. Все та же жуткая завершенность.

– Ты хочешь сказать, что испробовал его на себе? После того, что говорил мне?

– Он все изменил, Яффе. Он показал мне обратную сторону мира.

– Ты забрал его! Он должен был стать моим!

– Я не брал его. Это он взял меня. Он живет своей жизнью. Я пытался уничтожить его, но он не позволил.

– Уничтожить его? Ведь это Великое деяние! Зачем?

– Он действует не так, как я ожидал, Яффе. Плоть его почти не интересует. Он играет с сознанием. Извлекает мысли и развивает их. Он делает из нас тех, кем мы хотели или боялись стать. А может быть, и то и другое. Да, наверное, и то и другое.

– Ты не изменился, – сказал Яффе. – И голос прежний.

– Но я говорю в твоём мозгу. Разве такое бывало раньше?

– Ну, телепатия – будущее человека. Ничего удивительного. Ты просто ускорил процесс. Перепрыгнул через пару тысяч лет.

– Стану ли я небом? – снова сказал Флетчер. – Вот чем я хотел бы стать.

– Так стань им. У меня другие планы.

– Дада. Другие, в этом и проблема. Именно поэтому я и не хотел, чтобы нунций попал к тебе в руки. Нельзя позволить ему тебя использовать. Но он отвлек меня. Я взглянул в то окно – и не сумел оторваться от созерцания. Нунций сделал меня таким мечтательным. Я в состоянии лишь сидеть и думать, стану ли я небом.

– Он не дал тебе меня провести, – сказал Яффе. – Он хочет, чтобы его использовали.

– Ммм...

– Где остальное? Ты ведь не истратил все вещество?

– Нет. – Флетчер теперь не мог обманывать. – Но я прошу тебя, не...

– Где? – Яффе вошел наконец в комнату. – Он у тебя?

Шагнув за порог, он кожей почувствовал легкое покалывание, словно оказался в туче невидимых мошек. Ощущение должно было его насторожить, но он слишком хотел получить нунций, чтобы обращать на это внимание. Он коснулся пальцами плеча Флетчера. От прикосновения образ ученого будто разлетелся на тысячи частиц – черных, белых и красных, и Яффе показалось, что он находится в облаке цветочной пыльцы.

В голове у Яффе зазвучал смех. Рэндольф понял: Флетчер радуется оттого, что ему удалось сбросить панцирь из затвердевшей, нараставшей с самого рождения пыли, постепенно затмившей малейшие проблески света. Когда пыль рассеялась, Флетчер сидел на стуле, как и прежде. Но теперь этот человек сиял.

– Слишком ярко? Извини.

Флетчер немного ослабил силу свечения.

– Я тоже хочу его, – сказал Яффе, – сейчас же.

Знаю, – ответил Флетчер. – Я чувствую твоё вожеление. Ты грязен, Яффе, грязен. Ты опасен. Кажется, я даже не подозревал, насколько ты опасен. Я тебя вижу насквозь. Я могу прочитать твоё прошлое...

Он ненадолго замолчал, потом издал долгий, полный боли стон.

– Ты убил человека.

– Он заслужил.

Он встал у тебя на пути. И еще вижу... Его звали Киссун, да? Он тоже мертв?

– Нет.

– Но тебе хотелось бы, чтобы было так? Я почувствовал твою ненависть.

– Да. Я убил бы его, если бы представилась такая возможность. – Яффе улыбнулся.

– Думаю, как и меня. У тебя же там нож в кармане? Или ты зашел просто так, в гости?

– Мне нужен нунций, – сказал Яффе. – Мне нужен он, а я нужен ему...

– Он изменяет сознание, Яффе. А может, и душу. Как ты не понимаешь! Нет ничего внешнего, что не возникло сначала внутри. Нет ничего реального, что не было прежде предметом мечтаний. Что касается меня... Я всегда считал свое тело лишь средством передвижения. Я никогда ничего не хотел – ну, разве что стать небом. Но ты, Яффе... ты! Твоя голова забита дерьмом. Подумай об этом. Подумай, что нунций с тобой сделает. Умоляю тебя...

Его мольба, проникавшая прямо в мозг, на миг заставила Яффе заколебаться и задуматься о себе, Флетчер поднялся с кресла.

– Умоляю, – повторил он. – Не дай ему себя использовать.

Флетчер хотел коснуться рукой плеча Яффе, но тот отпрянул и отступил назад, в лабораторию, где его взгляд тут же наткнулся на остатки разлившегося нунция и две колбы с бурлившей голубоватой жидкостью.

– Чудесно, – пробормотал Яффе, устремляясь к колбам.

Нунций радостно вскипел при его приближении, как собака, рвущаяся облизать лицо хозяину. Эта реакция мгновенно сделала ложью все страшилки Флетчера Он, Рэндольф Яффе, должен владеть чудесным веществом. А нунций – получить его, Яффе.

В голове еще звучали предостережения Флетчера:

– Вся твоя злоба, все страхи, все глупости – все это захлестнет тебя. Ты готов? Не думаю. Он откроет тебе слишком многое.

– Для меня не бывает «слишком», – возразил Яффе, отгоняя сомнения, и потянулся к ближайшей колбе.

Нунций не мог больше ждать. Колба взорвалась, и ее содержимое устремилось к живой плоти Рэндольфа. Знание и ужас нахлынули одновременно – при контакте нунций передал свое послание. Когда Яффе понял, что Флетчер прав, он уже был бессилён что-либо изменить.

Нунций не менял строения клеток. Если это и происходило, то лишь как побочный эффект. Он воспринимал тело человека исключительно в качестве сосуда. Он не тратил времени на улучшение гибкости суставов или изменение работы кишечника. Он был проповедником, а не косметологом. Его целью являлось сознание. Сознание использовало тело для своих нужд, даже если телу это шло во вред. Ведь именно сознание так страстно жаждало трансформации.

Яффе хотел позвать на помощь, однако нунций уже подчинил себе кору головного мозга и не позволил произнести ни слова. Молиться было некому – нунций и был богом, который вырвался из бутылки и обрел плоть. Яффе не мог теперь даже умереть, хотя его тело

сотрясалось так, будто вотвот распадется на части. Нунций наложил запрет на все, кроме своего действия. Ужасного, совершенствующего действия.

Сначала нунций заставил Яффе вспомнить свою жизнь – каждое событие, вплоть до момента, когда воды вышли из материнского лона. На краткий миг Рэндольфу довелось снова насладиться невозвратимым ощущением покоя и защищенности утробы, а потом память провела его через прежнюю жизнь в Омахе, подробно воскресив воспоминания. В его судьбе было слишком много ненависти. Он ненавидел взрослых и сверстников, отличников и красавчиков – всех тех, кому доставались хорошие отметки и девчонки. Сейчас он переживал это заново, но намного сильнее. Воспоминания изменяли ощущения, как быстро разрастающаяся раковая опухоль изменяет живую клетку. Он видел, как разводятся родители и он ничего не в силах сделать; видел себя, когда они умерли, и он не мог их даже оплакать. Он ненавидел их, не понимая, зачем они жили и для чего ввергли его в этот мир. Он опять влюблялся. Дважды. И снова дважды был отвергнут. От внезапной боли, разбередившей зажившие раны, ненависть еще более разрасталась. В промежутках между этими событиями, самыми важными в его жизни, протянулась нескончаемая череда однообразных будней – работа, где он не мог удержаться подолгу, люди, забывавшие его имя, едва он с ними прощался, и рождественские выходные, что отличались друг от друга только годом в календаре. Он не приблизился к разгадке, зачем его создали и зачем вообще нужно кого-то создавать, если этот мир – ложь и обман и все в нем превращается в ничто.

Затем вспомнилась комната на перекрестке почтовых дорог, забитая мертвыми письмами, где его ненависть вдруг разлилась, отозвалась эхом от океана до океана – дикая, усиленная злостью таких же, как он, смятенных людей, пожелавших постичь смысл жизни. Коекому из них это удалось. Тайна пусть мимолетно, но приоткрылась для них. Он нашел подтверждение: знаки, коды и медальон Синклита, попавший к нему в руки. В следующее мгновение он вспомнил рукоятку ножа, торчавшую из глазницы Гомера, и потом свое бегство: как ему пришлось бросить все, и от прежней жизни у него остался лишь ключ к найденным кодам; как он, становясь с каждым шагом сильнее, пришел сначала в ЛосАламос, потом в Петлю и, наконец, в здание миссии СантаКатрина.

Он до сих пор не знал, зачем он создан, но к сорока годам он вполне созрел для того, чтобы нунций дал ему хотя бы намек. Ради ненависти. Ради мести. Ради власти и наслаждения властью.

Вдруг он будто бы воспарил и увидел себя сверху – он скорчился на полу, усыпанном осколками стекла, и обхватил руками голову, словно боялся, что его череп расколется от боли. Потом он увидел Флетчера. Тот что-то говорил, обращаясь к его телу, но Яффе не слышал слов. Наверняка Флетчер нес что-то о бренности человеческих устремлений. Внезапно Яффе бросился вниз, на свое тело, и ударил его кулаками. Тело рассыпалось, как раньше рассыпалось возле окна тело Флетчера Яффе взвыл, когда телесная субстанция заявила свободному духу о своих правах, заставив вернуться в измененное нунцием тело.

Он открыл глаза, наконец избавленные от пелены, и поновому посмотрел на Флетчера.

Их союз был изначально противоестествен, отчего оба невольно приходили в смятение. Сейчас Яффе понял это отчетливо. Они были противоположностями и возмездием друг для друга. Не было на земле более разных людей. Флетчер любил свет, как только может любить его человек, боящийся тьмы неведения. Он настолько любил смотреть на солнце, что ослеп на один глаз. А Рэндольф перестал быть Рэндольфом Яффе – теперь он был просто Яфф, единственный и неповторимый, влюбленный во тьму, питавшую его ненависть и давшую ей выход. Во тьму, явившуюся из сна, за пределами которого лежал путь к морю мечты. Во тьму, полную боли, как урок нунция, но напоминавшую ему о том, кто он есть. Не просто напоминавшую – сквозь нее он увидел себя, как сквозь призму, и стал больше и значимей. Он перестал быть человеком во тьме – он стал человеком тьмы, способным овладеть Искусством. И ему не терпелось скорее начать обучение. Вместе с нетерпением пришло понимание, как откинуть завесу и войти в Субстанцию. Не нужны ни заклинания, ни жертвы. Душа стала совершенной. Больше никто не посмеет отвергнуть его требований, а желаний у него хватает.

Но в своем стремлении к этому новому «я» он случайно создал силу, которая, если не остановить ее здесь и сейчас, будет противостоять ему на каждом шагу. Он поднялся на ноги. Не было нужды прислушиваться к словам Флетчера, чтобы понять: ученый – его враг. Яфф понял это по огню в глазах Флетчера. Гений и наркоман, Флетчер был распылен на

мельчайшие частицы и воссоздан заново – печальный, мечтательный и полный света. Еще недавно он хотел одного – сидеть возле окна, мечтая стать небом, пока не сольется с облачной синевой или не умрет. Но все изменилось.

– Я видел, – объявил Флетчер своему врагу. Он решил говорить голосом, коли теперь оба оказались на равных. – Ты хотел возвыситься с моей помощью, чтобы украсть путь к откровению.

– И я это сделаю, – ответил Яфф. – Я уже на полпути.

– Субстанция не откроется такому, как ты.

– У нее нет выбора. Теперь она не в силах меня отвергнуть. – Он поднял руку, где сквозь кожу, словно капли пота, выступили блестящие сгустки энергии, похожие на шарики маленьких подшипников. – Видишь? Я – Творец!

– Нет, до тех пор, пока ты не овладел Искусством, ты не Творец.

– А кто мне помешает? Не ты ли?

– У меня тоже нет выбора Я отвечаю за это.

– Каким образом? Однажды я уже победил тебя, и сделаю это снова.

– Чтобы остановить тебя, я призову видения.

– Что ж, попробуй.

Пока Яфф произносил эти слова, в голове у него зародился вопрос, на который Флетчер ответил прежде, чем Яфф осознал его.

– Почему я тебя ударил? Не знаю. Меня будто что-то заставило. Что-то толкнуло к тебе. – Флетчер помедлил, потом произнес: – Быть может, потому что противоположности притягиваются друг к другу, даже в нашем случае.

– Тогда чем скорее ты умрешь, тем лучше. – И Яфф протянул руку, чтобы вырвать глотку у своего врага.

В темноте, наползавшей с океана на миссию, Рауль услышал первые звуки начавшейся битвы. Зная природу нунция по собственному опыту, он понял, что за стенами здания произошло превращение. Его отец Флетчер превратился в кого-то иного, и то же произошло с другим человеком. Другого человека Рауль избегал даже тогда, когда слово «зло» было для него просто одним из звуков человеческой речи. Теперь он понял смысл слова или, по крайней мере, сопоставил со своей прежней животной реакцией на Яффе. Он испытывал отвращение к этому человеку, насквозь испорченному, как сгнивший изнутри плод. Судя по всему, Флетчер сейчас дрался с ним в доме. Краткое счастливое время, когда Рауль жил здесь вдвоем с отцом, подошло к концу. Не будет больше уроков, и не будут они сидеть у окна, слушая «тихого» Моцарта и глядя на меняющиеся облака.

Когда в небе зажглись первые звезды, шум в миссии стих. Рауль продолжал ждать. Он терзался то надеждой, то страхом, гадая, кто погиб – Яффе, его отец или оба. Через час он продрог на холоде и решил заглянуть внутрь. Куда бы ни направились противники, в ад или в рай, они не оставили знака, и Рауль не мог последовать за ними. Он мог лишь найти свою одежду. Он всегда презирал ее, она стесняла и раздражала кожу, но теперь стала напоминанием о наставнике. Он будет носить ее всегда, чтобы не забывать о Флетчере Добром. Однако, подойдя к дверям, он почувствовал: в здании кто-то есть. Флетчер все еще оставался здесь, как и его враг. Они сохранили свои тела, но в обоих что-то изменилось. Над ними покачивались туманные формы: над Яффе – дитя с огромной головой цвета дыма, над Флетчером – облако, пронизанное солнечными лучами. Они обхватили друг друга, пытаясь вцепиться противнику в горло или в глаза. Тела их переплелись и замерли. Силы были абсолютно равны, и ни один не способен был одержать победу.

С приходом Рауля равновесие нарушилось. Флетчер повернулся к мальчику, и Яффе, воспользовавшись этим, отбросил врага в сторону.

– Беги! – крикнул Флетчер Раулю. – Сейчас же! Рауль выполнил приказ. Он кинулся прочь от миссии, петляя между догоравшими кострами. Земля под его босыми ногами задрожала от звуков новой схватки, разразившейся за его спиной. Ему хватило трех секунд, чтобы сбежать вниз по склону холма от миссии. Стены здания с подветренной стороны, рассчитанные на то, чтобы простоять до Судного дня, рухнули под натиском силы. Рауль не зажмурился. Он видел, как смутные формы Яффе и Флетчера Доброго – две силы, слившиеся в едином порыве ветра, что вырвался из пролома в стене, – пронесли над его головой и исчезли в ночи. Вслед за

взрывом взметнулся огонь. Теперь вокруг миссии горели сотни маленьких костров. Крышу почти полностью снесло, а в стенах зияли проломы.

Рауль в полном одиночестве медленно побрел назад к своему единственному убежищу.

VI

В тот год в Америке бушевала война – быть может, самая ожесточенная и уж точно самая странная из всех, когдалибо пронесившихся по земле. Об этой войне мало писали, поскольку она прошла почти незамеченной. Ее последствия (многочисленные, а порой разрушительные) так мало походили на последствия войны, что их всегда толковали неверно. Война была беспрецедентной. Даже самые безумные пророки, ежегодно предсказывавшие очередной Армагеддон, не могли объяснить, что в этот раз так встряхнуло Америку. Конечно, они понимали: происходит нечто серьезное, и если бы Яффе попрежнему сидел в Омахе над мертвыми письмами, на него обрушилось бы бесконечное множество посланий с теориями и предположениями на этот счет. Но все их авторы – в том числе и имевшие некое представление о Синклите и об Искусстве – даже не приблизились к истине.

Война была не просто беспрецедентной – сама ее природа совершенствовалась с каждым днем. Когда противники покинули миссию СантаКатрина, у них было лишь смутное представление о том, кем они стали и какими силами овладели. Однако они быстро изучили свои возможности и научились ими пользоваться, а их изобретательность подстегивалась необходимостью действовать. Флетчер, как и обещал, создавал свою армию из фантазий обычных людей, встреченных на его пути. Он преследовал врага по всей стране, не позволяя сконцентрировать волю и воспользоваться Искусством, к которому у Яффе теперь был доступ, Флетчер назвал своих призрачных солдат *hallucigenia* – галлюцигениями, по имени загадочных ископаемых существ, живших на Земле около пятисот тридцати миллионов лет назад. Никаких биологических аналогий у данного вида не было, как и у тех, кто теперь получил это имя. Солдаты Флетчера жили не дольше бабочек. Они быстро теряли материальность и буквально растворялись в воздухе. Но, несмотря на эфемерность, им не раз удавалось одержать победу над легионами Яффа, состоявшими из *terata*. Этим чудовищных существ Рэндольф материализовывал из первичных страхов своих жертв. Тераты тоже жили недолго – здесь, как и во всем остальном, Яфф и Флетчер Добрый оказались равны.

Так и шла эта война – атаки и контратаки, наступления и отступления, попытки захватить и уничтожить главу армии противника. Она не была похожа на обычные войны этого мира. Страхи и фантазии на земле бесплотны. Место их обитания – сознание. Но на этот раз они обрели плоть и носились по всей стране, над Аризоной и Колорадо, над Канзасом и Иллинойсом, нарушая привычный порядок вещей. В полях замедляли рост колосья хлеба – они не желали рисковать нежными побегам, пока где-то рядом действуют создания, ломающие законы естества. Перелетные птицы отклонялись от привычных маршрутов, чтобы избежать мест невидимых сражений, опаздывали на зимовки, а порой, заблудившись, пропадали. Во всех штатах были заметны следы паники среди животных, чувших беду. Жеребцы бросались на автомобили и погибали. Кошки и собаки устраивали безумные драки, длившиеся целыми ночами, за что их отстреливали или травили. Рыбы из тихих рек выбрасывались на берег. Живые твари ощущали присутствие в воздухе разрушительной силы, и она внушала им стремление к уничтожению.

Гоня перед собой страх и оставляя за спиной разорение, две одинаково сильные армии измотали друг друга до полного истощения, и в Вайоминге война приостановилась. Это был конец начала, или что-то вроде того. Уровень энергии, необходимой Яффу и Флетчеру Доброму (теперь эти двое мало походили на людей в своей ненависти друг к другу) для создания солдат и управления армией, опустился до критической отметки. Обессиленные Яфф и Флетчер напоминали боксеров, уже не способных драться, но продолжавших бой, потому что таков их вид спорта. Ни один не мог чувствовать себя спокойно, пока жив другой.

Ночью шестнадцатого июля Яфф покинул поле битвы, теряя остатки своей армии. Он рвался на югозапад. Его целью была Байя. Поняв, что при данном положении вещей ему не победить Флетчера, он решил завладеть третьей колбой нунция и пополнить запас сил.

Не менее истощенный Флетчер пустился в погоню. Два дня спустя, с резвостью, достойной

Рауля (Флетчер очень скучал по нему), он догнал Яффа в Юте.

Там они встретились. Схватка была жестокой, но ничего не изменила. Желание обладать Искусством сжигало противников, будто страсть. Они сражались пять дней и ночей подряд, стремясь уничтожить друг друга. Но и на этот раз никто не одержал победы. Они душили друг друга и рвали на части, свет смешивался с тьмой, и уже невозможно было различить, где кто. А когда налетел ветер и поднял их над землей, все оставшиеся силы пришлось бросить на то, чтобы уцелеть под натиском вихря. Сил оставалось слишком мало, и Флетчер на время отвлекся от врага – тот хотел добраться до миссии, где хранилась Субстанция. Ветер перенес обоих через границу штата – в Калифорнию. Он влек их на югозапад через Фресно, по направлению к Бейкерсфилду. Они продержались до пятницы 27 июля 1971 года. Потом обессиленные Яфф и Флетчер рухнули на землю в округе Вентура, на лесистой окраине маленького городка ПаломоГроува. Их падение вызвало небольшой сбой электричества, заставивший замигать подсветку дорожных указателей и рекламных щитов в направлении Голливуда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «ЛИГА ДЕВСТВЕННИЦ»

I

Девушки спускались к воде дважды. В первый раз – на следующий день после бури, накрывшей округ Вентура и за одну ночь обрушившей на ПаломоГроув осадков больше, чем выпадало обычно за год. Ветер пригнал ливень от океана, но это не смягчило жару. Слабый ветерок из пустыни раскалил температуру в городе почти до ста градусов. Дети, все утро изнурявшие себя играми на улице, к полудню прятались от жары за стенами домов. Собаки проклинали свою шкуру, птицы переставали петь. Старики не вылезали из постелей. Впрочем, как и любовники, истекавшие потом. Те несчастные, кто не мог отложить свои дела до вечера, когда температура должна была (если даст бог) снизиться, шли по улицам, устремив взгляд в плавающие тротуары, с трудом волоча ноги и обжигая легкие каждым глотком воздуха.

Но четырех девушек это пекло не пугало. Жар был у них в крови в силу их возраста. На всех им было семьдесят лет; правда, Арлин в следующий вторник исполнялось девятнадцать, и, значит, им станет семьдесят один. Сегодня она почувствовала свой возраст, эти несколько важных месяцев, отдалявших ее от лучшей подруги Джойс, и еще больше – от Кэролин и Труди, которым едва исполнилось семнадцать и которые оставались совсем девчонками по сравнению с ней, взрослой женщиной. И сегодня ей было что рассказать, когда они прогуливались по опустевшим улицам. Приятно гулять в такой день. Мужчины, чьи жены отдыхали дома, не провожали их влюбленными взглядами, зная каждую из четырех по имени; и приятели матерей не отпускали вслед девушкам сальных шуточек. Они брели, как амазонки в шортах, через городок, охваченный какимто невидимым огнем. Это пламя вспенило воздух, но оно не убивало – лишь уложило местных жителей у дверей распаханых холодильников.

– Ты его любишь? – спросила Джойс у Арлин. Старшая из девушек тут же ответила:

– Господи, нет. Ты порой бываешь такая дура.

– Я просто подумала... Ты говоришь о нем так...

– Что значит «так»?

– Ну, про его глаза, и все такое.

– У Рэнди и правда красивые глаза, – согласилась Арлин. – Но и у Марта, и у Джима, и у Адама тоже.

– Ну, хватит, – прервала ее Труди раздраженно. – Ты просто шлюха.

– Нет, я не такая.

– Тогда довольно перечислять имена. Мы все знаем этих парней не хуже тебя. И мы все знаем почему.

Арлин смерила ее взглядом, который, впрочем, никто не заметил – все девушки, кроме Кэролин, были в темных очках. Несколько ярдов они прошли молча.

– Ктонибудь хочет колы? – сказала Кэролин. – Или мороженого?

Девушки подошли к подножию холма. Впереди был молл, манивший своими магазинами с

кондиционированным воздухом.

– Я хочу, – сказала Труди. – Я пойду с тобой. Она повернулась к Арлин.

– Хочешь чегонибудь?

– Неа.

– Ты что, дуешься?

– Неа.

– Отлично. А то слишком жарко, чтобы выяснять отношения.

И две девушки направились в магазин «Продукты и лекарства от Марвина», оставив Арлин и Джойс на углу улицы.

– Прости... – сказала Джойс.

– За что?

– За то, что я спросила про Рэнди. Я думала, что у вас... Ну, понимаешь... Что у вас это серьезно.

– В нашем Гроуве никто не стоит и двух центов, – пробормотала Арлин. – Не дожусь, когда смогу уехать отсюда.

– Куда? В ЛосАнджелес?

Арлин сдвинула очки на нос и внимательно посмотрела на Джойс.

– Зачем? – спросила она. – Чтобы оказаться последней в длиннющей очереди? Нет, я поеду в НьюЙорк. Учиться лучше там. Потом устроюсь на работу на Бродвее. Если я им понадобится, то они найдут меня и там.

– Кому «им»?

– Джойс!.. – с деланным раздражением сказала Арлин. – Людям из Голливуда.

– Аа, ну да. Из Голливуда.

Она одобрительно кивнула, соглашаясь с планом Арлин. У нее самой ничего подобного и в мыслях не было. Но Арлин – другое дело. Та была настоящей калифорнийской красавицей, светловолосой и голубоглазой, с улыбкой, покорявшей всех мужчин. К тому же мать Арлин была актрисой и уже сейчас считала свою дочь звездой.

Джойс повезло меньше. Ни материактрисы, ни внешних данных. Даже от стакана колы она покрывалась сыпью – чувствительная кожа, как говорил доктор Брискмен, возрастное, пройдет. Но его обещания были вроде Судного дня – в одно из воскресений проповедник обещал, что этот день наступит, однако обещание никак не исполнялось. С моим везением, думала Джойс, у меня пропадут прыщи и вырастут сиськи как раз к тому самому Судному дню. Тогда она проснется и увидит, что все у нее в порядке, потом откроет занавески – а Гроувато и нет. А Рэнди Кренцмен так никогда ее и не поцелует.

Здесь таилась истинная причина любопытства Джойс. Каждая ее мысль была о Рэнди; ну, или почти каждая, хотя она видела его лишь три раза и всего дважды с ним разговаривала. В первую встречу она была с Арлин. Тогда Рэнди едва взглянул на Джойс, и она ничего ему не сказала. Во второй раз соперницы рядом не оказалось, и на ее дружеское «привет» последовало недоуменное: «А ты кто?» Пришлось напомнить и даже рассказать, где она живет. Во время третьей встречи («Привет», – сказала она. «А мы знакомы?» – ответил он.) она набралась смелости рассказать о себе и даже спросила его, с неожиданно нахлынувшим оптимизмом, не мормон ли он. Как она потом поняла, это было тактической ошибкой. В следующий раз она решила использовать прием Арлин и обращаться с парнем так, будто едва терпит его присутствие, не смотреть на него и едва улыбаться. А потом, когда уже будет пора расходиться, она поглядит ему прямо в глаза и промурлычет чтонибудь неопределенное или неприличное. Правило контраста. У Арлин это получается, почему бы и Джойс не попробовать? И теперь, когда главная красавица публично объявила, что ей наплевать на идола Джойс, у той забрезжила надежда. Если бы Арлин всерьез заинтересовалась Рэнди, Джойс оставалось бы одно – бежать к преподобному Мьюзу и уговаривать его поторопить Апокалипсис.

Она сняла очки и посмотрела на белое раскаленное небо – не началось ли уже? День был странный.

– Не стоит этого делать, – сказала Кэролин, выходя из магазина. За ней следовала Труди. – Солнце глаза выжжет.

– Не выжжет.

– Выжжет, – ответила Кэролин. Она была просто кладезем бесполезной и неприятной информации. – Сетчатка глаза – это линза. Как в фотокамере. Свет фокусируется...

– Ладно, – сказала Джойс, опуская взгляд к твердой земле. – Верю.

Перед ее глазами несколько секунд мелькали разноцветные пятна.

– Куда теперь? – спросила Труди.

– Я – домой, – отозвалась Арлин. – Устала.

– А я нет, – бодро сказала Труди. – Не пойду домой. Там скучно.

– А что толку торчать у молла? – спросила Кэролин. – Тут ак же скучно, как и дома. Только изжаримся на солнце.

Она уже слегка обгорела. Она была рыжеволосая, плотня – на двадцать фунтов тяжелее своих подруг, ее бледная кожа не выносила солнца. Проблем с лишним весом и кожей должно было хватить, чтобы загнать ее домой, но ее, казалось, не смущали никакие физические неудобства, кроме голода. В прошлом ноябре вся семья Хочкисов попала на шоссе в большую аварию. Кэролин, слегка контуженная, самостоятельно выбралась из машины. Полиция нашла ее неподалеку с зажатыми в обеих руках недоеденными шоколадными батончиками «Херши». Лицо Кэролин было измазано шоколадом больше, чем кровью, и когда полицейский попытался отобрать у нее батончики, она истошно завопила – по крайней мере, так говорили. Позже обнаружилось, что у нее сломана половина ребер.

– Так куда? – спросила Труди. – Куда можно пойти в такую жару?

– Давайте просто погуляем, – предложила Джойс – Может, сходим в лес. Там должно быть попрохладнее.

Она взглянула на Арлин.

– Пойдешь?

Арлин выдержала десятисекундную паузу и наконец согласилась.

– Лучше не придумаешь, – сказала она.

Каждый городок, даже самый маленький, развивается по принципам большого города. И даже самые маленькие городки отличаются друг от друга так же, как и большие. Есть белые и черные, есть «голубые» и «нормальные», есть богатые и не очень, бедные и совсем нищие. ПаломоГроув, население которого тогда, в тысяча девятьсот семьдесят первом, составляло не более тысячи двухсот человек, не был исключением. Раскинувшийся по склонам пологих холмов, и в плане он задумывался как воплощение демократических принципов: каждый житель имел одинаковый доступ к административному центру города – моллу, расположенному у подножия холма Санрайз, который обычно называли просто Холмом. Там обосновались четыре района: Стиллбрук, Дирделл, Лорелтри и Уиндблаф. Их главные улицы расходились лучами в разные стороны, как роза ветров, в направлении четырех частей света. Однако замысел был воплощен плохо. Само расположение районов делало их неравными. Из Уиндблафа, занимавшего югозападный склон Холма, открывался самый красивый вид, и, соответственно, цены на недвижимость там были самые высокие. В верхней трети Холма стояло около полудюжины самых богатых особняков, чьи крыши едва виднелись в густой листве. Чуть ниже склоны его опоясывали «пять полумесяцев» – пять изогнутых улиц, что являлись следующим (если вы не могли позволить себе дом на вершине Холма) наиболее желанным местом обитания в этом городе.

Полной противоположностью был район Дирделл, стоявший в долине, запертой с двух сторон лесом. Эта часть города очень быстро превратилась в нижний сектор рынка недвижимости. Здесь возле домов не было бассейнов, а стены нуждались в покраске. Для некоторых этот район стал прибежищем отступления. Уже в семьдесят первом там поселились художники, и их сообщество неуклонно росло. Но если где в городе люди и опасались, что их машины разрисуют краской из баллончика, так именно в Дирделле.

Между этими двумя полюсами, географическими и социальными, лежали Стиллбрук и Лорелтри. Последний находился в верхней части маргинального сектора рынка, потому что некоторые его улицы поднимались на Холм. Чем выше они взбирались, тем выше поднимались и цены – цены, но не качество домов.

Никто из нашей четверки не жил в Дирделле. Арлин жила на Эмерсон – второй сверху из пяти «улицполумесяцев», Джойс и Кэролин – на СтиплЧейздрэив в Стиллбруквиллидж, в квартале друг от друга, а Труди – в Лорелтри. Прогулка в восточную часть города, куда и родители их почти никогда не заглядывали (если вообще заглядывали), сама по себе была приключением. Но если их родители и спускались сюда они точно не бывали там, где сейчас

оказались девочки, – в лесу.

– Здесь ничуть не прохладнее, – пожаловалась Арлин через несколько минут. – Даже еще жарче.

Она была права. Хотя листва и укрыла их от неумолимого солнечного ока, жар все равно прокладывал себе путь сквозь ветви и превращал влажный воздух почти в пар.

– Сто лет здесь не была, – сказала Труди, размахивая из стороны в сторону очищенным прутиком, чтоб разогнать облако мошек. – Я приходила сюда с братом.

– Как он? – спросила Джойс.

– Попрежнему в больнице. Он никогда оттуда не вернется. Все в семье это знают, но молчат. Меня тошнит от такого.

Сэма Катца призвали в армию и отправили во Вьетнам, признав годным к службе по всем параметрам. Через три месяца он напоролся на противопехотную мину во время патрулирования. Двое его товарищей погибли, а самого Сэма тяжело ранило. Возвращаться домой ему было стыдно и тяжело. Встречать искалеченного героя явился весь немногочисленный свет Гроува. Было много речей о самопожертвовании и патриотизме, много выпивки, кто-то пустил слезу. А Сэм сидел с каменным лицом, безучастный к общему празднеству, будто мысленно так остался там, где его молодость разлетелась на куски. Через несколько недель его отвезли обратно в больницу. Мать сказала любопытным, что Сэму будут делать операции на позвоночнике, но прошли месяцы, потом годы, а Сэм не возвращался. Об истинной причине догадывались, но никто не говорил вслух. Телесные раны Сэма давно зажили, но разум так и не восстановился. Смерть товарищей, собственные страдания, возвращение домой калекой вызвали ступор.

Все подруги Джойс знали Сэма, хотя разница в возрасте у брата и сестры была такая внушительная, что он считался существом чуть ли не другого биологического вида. Он был не просто мужчина, что само по себе достаточно странно, но еще и взрослый мужчина. Слишком взрослый. Когда они сами перешагнули порог детства и колесо жизни стало набирать обороты, девочки начали понемногу понимать, что такое двадцать пять лет. Пусть не совсем отчетливо, но всетаки начали понимать, что потерял Сэм. Прежде для них, одиннадцатилетних, это не имело смысла.

Они замолчали, погружившись в печальные размышления о нем. Молча они шли по жаркому лесу, случайно касаясь друг друга плечом или рукой. Труди вспоминала, как в этих зарослях они с Сэмом играли в детские игры. Ей было семь или восемь лет, ему тринадцать, и он, как хороший старший брат, позволял ей таскаться за ним везде и всюду. Через год его кровь забурлила и подсказала ему, что сестры и девочки – совсем другие существа, и он перестал откликаться на ее предложения поиграть в войну. Тогда Труди очень тосковала по нему, но это была лишь репетиция той тоски, что ей предстояло пережить в будущем. Сейчас она представила себе его мальчишеское лицо, а потом взрослое; она думала о его жизни, которая осталась в прошлом, и о смерти, которой он жил. Мысли причиняли ей боль.

Что до Кэролин, то в ее жизни – по крайней мере, сознательной – боли было мало. Вот и сегодня она жалела лишь о том, что не купила второе мороженое. Другое дело – по ночам. Ее мучили кошмары, ей снились землетрясения. В этих снах ПаломоГроув складывался, словно шезлонг, и проваливался под землю. Отец ей сказал однажды, будто это плата за то, что она слишком много знает. Она унаследовала от отца жадное любопытство и пыталась его удовлетворить, читая обо всем на свете – от падения святого Андрея до описания почвы, по какой они сейчас шли. Прочность ее была обманчивой. Кэролин знала, что эта земля испещрена трещинами, готовыми в любой момент разверзнуться и поглотить все, что на ней находится. Впрочем, то же было и под СантаБарбарой, и под ЛосАнджелесом, да и в любом месте западного побережья. Кэролин потакала своим слабостям именно из страха, что земля ее поглотит; это своего рода симпатическая магия. Кэролин была толстой, потому что земная кора слишком тонкая, – вот такое она нашла оправдание для своего ожорства.

Арлин искоса посмотрела на толстушку. Однажды мать сказала ей, что в компании людей менее привлекательных, чем ты, никогда не бывает больно. Хотя сама Кейт Фаррел, бывшая звезда, больше не появлялась на широкой публике, она попрежнему окружала себя женщинами неказистыми, на чьем фоне выглядела неотразимой вдвойне. Но для Арлин это казалось слишком высокой платой, и особенно сегодня. Ее спутницы выгодно подчеркивали ее внешность, но она не оченьто их любила, хотя и считала ближайшими подругами. Сейчас они

были лишним напоминанием о жизни, которую она пока не могла изменить. Но чем еще заполнить время в ожидании, что судьба изменится? Даже сидение перед зеркалом надоедает. Чем скорее я уеду отсюда, думала она, тем скорее стану счастливой.

Если бы Джойс могла прочесть эти мысли, то наверняка поддержала бы их. Но сейчас она думала об одном: как устроить случайную встречу с Рэнди. Если она начнет расспрашивать о его привычках, Арлин обо всем догадается, а она достаточно эгоистична, чтобы не оставить Джойс ни единого шанса. Она заберет его себе, хотя он ей не нужен. Джойс неплохо разбиралась в людях и знала, что Арлин на это способна. Но имеет ли право Джойс порицать ее за это? Она сама хотела заполучить парня, виденного всего три раза в жизни и оставшегося к ней совершенно безразличным. Почему бы ей просто не забыть о нем, чтобы не оказаться отвергнутой и не разбить себе сердце? Потому что любовь прекрасна, хотя и заставляет тебя лететь навстречу очевидному, каким бы оно ни было. Она громко вздохнула.

– В чем дело? – поинтересовалась Кэролин.

– Просто... жарко, – ответила Джойс.

– Мы его знаем? – вмешалась в разговор Труди. Прежде чем Джойс нашлась что ответить, впереди между деревьями что-то блеснуло.

– Вода, – сказала она.

Кэролин тоже увидела блеск и прищурилась.

– Много воды, – сказала она.

– Я и не знала, что здесь есть озеро, – заметила Джойс, поворачиваясь к Труди.

– Его не было, – ответила та – По крайней мере, я его не помню.

– А теперь есть, – сказала Кэролин, уже продиравшаяся к воде сквозь заросли, не думая о том, чтобы поискать тропинку. Она прокладывала дорогу.

– Похоже, нам все-таки удастся охладиться, – сказала Труди и побежала за Кэролин.

Это действительно оказалось озеро шириной футов в пятьдесят. Если бы не полузатопленные деревья и островки кустов, его поверхность была бы идеально ровной.

– Затопило, – сказала Кэролин. – Мы ведь у подножия холма Наверное, это после грозы.

– Что-то много воды, – сказала Джойс. – Неужели собралась за одну ночь?

– Если нет, тогда откуда она? – спросила Кэролин.

– Какая разница? – вмешалась Труди. – Главное, что выглядит она прохладной.

Труди обошла Кэролин и приблизилась к самой кромке воды. Земля под ногами была влажная, ноги с каждым шагом утопали в ней все глубже, и грязь поднималась вверх по босоножкам. Когда Труди наконец добралась до воды, вода не обманула ее ожиданий – оказалась свежей и прохладной. Труди присела, зачерпнула полные пригоршни и умыла лицо.

– Не советую, – предупредила Кэролин. – Тут наверняка полно химикатов.

– Это же дождевая вода. Что может быть чище? Кэролин пожалала плечами.

– Как знаешь.

– Интересно, здесь глубоко? – спросила Джойс – Можно поплавать?

– Похоже, да, – ответила Кэролин.

– Не узнаем, пока не попробуем, – сказала Труди, заходя в озеро. Под водой возле своих ног она видела цветы и траву дно было мягкое, и от каждого шага в воде поднимались облачка грязи, но Труди продолжала идти вперед, пока не замочила краешки шорт.

Вода оказалась холодной. По коже побежали мурашки, но это приятнее, чем пот, от которого блузка липла к груди и спине. Она оглянулась.

– Здорово! Я искупаюсь.

– Прямо так? – спросила Арлин.

– Нет, конечно.

Труди вернулась к подругам, на ходу стягивая блузку. От озера тянуло манящей прохладой. Под блузкой на Труди ничего не было, и в иной ситуации она постеснялась бы даже подруг, но сейчас у нее не было сил отказаться от купания.

– Кто со мной? – спросила она, выйдя на берег.

– Я. – Джойс развязывала тесемки штанов.

– Думаю, разуваться не стоит. Кто его знает, что там на дне?

– Трава, – отозвалась Джойс. Улыбаясь, она села на землю и возилась со шнурками.

Арлин презрительно наблюдала за ее радостным энтузиазмом.

– Вы не идете с нами? – спросила Труди.

– Нет, – ответила Арлин.

– Боишься, тушь потечет? – спросила Джойс, и ее улыбка стала еще шире.

– Никто ведь не увидит, – вмешалась Труди, чтобы не завязалась перепалка. – А ты, Кэролин?

Та пожала плечами.

– Я не умею плавать.

– Да тут не так глубоко, чтобы плавать.

– Ты этого не знаешь, – возразила Кэролин. – Ты прошла всего несколько ярдов.

– Так держись поближе к берегу. Там безопасно.

– Может быть, – неуверенно согласилась Кэролин.

– Труди права, – сказала Джойс, угадав, что на самом деле Кэролин боится показать свое толстое тело. – Кто нас увидит?

Когда она снимала шорты, ей пришло в голову, что за деревьями все-таки можно спрятаться и подсматривать за ними, но что с того? Жизнь коротка, говорил проповедник. Так что не стоит ее упускать. Она сняла трусики и вошла в воду.

Уильям Уитт знал всех четырех купальщиц по именам. Вообще-то он знал по именам всех женщин в городе моложе сорока, а также где они живут и куда выходят окна их спален. Но он не делился познаниями ни с кем из ребят своей школы, опасаясь, что те станут злоупотреблять его сведениями. Он не видел в подглядывании ничего зазорного. Раз уж ему даны глаза, почему бы ими не пользоваться? Что плохого в том, чтобы смотреть? Это ведь не воровство, не убийство, не обман. Он использовал зрение так, как было предназначено Богом, и не видел в этом ничего предосудительного.

Вот и теперь он притаился за деревьями в полудюжине ярдов от кромки воды, подальше от девушек, и смотрел, как они раздеваются. Он огорчился из-за того, что Арлин Фаррел не хочет купаться. Увидеть ее голой – вот настоящее достижение. Он даже мог бы раскрыть тайну знакомым и рассказать о своем увлечении. Арлин была первой красавицей в ПаломоГроув: стройная, светловолосая и длинноногая, как кинозвезда. Труди Катц и Джойс Макгуайр уже вошли в воду, и он переключил все внимание на Кэролин Хочкис – она как раз снимала лифчик. У нее были большие розовые груди, от вида которых ему вдруг стало тесно в штанах. Она сняла шорты, потом трусы, а он продолжал смотреть на ее груди. Он не понимал, почему другим мальчикам (ему было десять) так нравится нижняя часть женского тела. Ведь грудь – это самое восхитительное, она такая же разная у разных девушек, как, скажем, бедра или нос. А в нижней части – ему не нравилось ни одно слово, обозначающее это место, – всего пучок волос и притаившаяся посередине щелка. Что тут такого особенного?

Он смотрел, как Кэролин заходила в воду – от прикосновения холодной воды она тихонько взвизгнула, отступила назад, и ее тело заколыхалось, как желе.

– Иди сюда! Здесь так здорово! – позвала ее Труди.

Собравшись с духом, Кэролин продвинулась вперед еще на несколько шагов.

И тут – Уильям с трудом поверил своему счастью – красавица Арлин сняла шляпу и начала развязывать тесемки на блузке. Она решила присоединиться к подругам. Уильям забыл об остальных и уставился на мисс Совершенство. Когда он понял, что девушки собираются делать, – а он почти час незаметно следовал за ними – его сердце забило так, что он испугался. Теперь от предвкушения вида грудей Арлин сердце забило еще быстрее. Даже под страхом смерти он не мог бы в этот миг отвести глаза. Он старался запомнить каждое движение, чтобы потом правдоподобнее описать всю сцену для тех, кто усомнится.

Она раздевалась медленно. Не знай он наверняка, что его не заметили, он бы заподозрил, будто она знала про зрителя – до того она красовалась и позировала. Ее грудь разочаровала Уильяма. Не такая большая, как у Кэролин, и без нагло торчащих темных сосков, как у Джойс. Но впечатление от того, как она снимала свои шорты из обрезанных джинсов и спускала трусики, было потрясающим. Он смотрел на нее почти в панике. Зубы стучали, словно его бил озноб, лицо горело, а внутренности переворачивало. Через много лет Уильям расскажет своему психоаналитику, что в тот момент он впервые осознал, что умрет. Но это, конечно, будет преувеличением. Тогда он был далек от мыслей о смерти. Хотя вид наготы Арлин и сознание собственной невидимости оставили в его душе неизгладимый след, и с этим переживанием он и не смог справиться до конца. События, что должны были вотвот произойти, заставили его на

какое-то время пожалеть, что он сюда пришел (воспоминания долго нагоняли на него ужас), но через несколько лет страх рассеялся и он начал мысленно, как к иконе, возвращаться к образу Арлин Фаррел, входившей в воды того внезапно возникшего озера. Не в первый раз он понял тогда, что умрет. Но, возможно, он впервые осознал: смерть не так страшна, если к ней тебя сопровождает красота.

Озеро манило. Его объятия были холодны, но спокойны: ни подводных течений, ни волн, ударявших в спину, и соль не щиплет глаз. Это бассейн, сооруженный лишь для них четверых; иллюзия, куда не мог окунуться больше никто в Гроуве.

Труди плавала лучше остальных. Именно она, уверенно удаляясь от берега, обнаружила: вопреки ожиданиям, озеро становится глубже. Наверное, тут какая-то низина, решила она; может быть, тут все-таки было маленькое озеро, которого она не запомнила во время прогулки с Сэмом. Донная трава под ногами сменилась голыми камнями. – Не заходи далеко! – крикнула Джойс. Труди оглянулась. Берег оказался на большем расстоянии, чем она думала, и подруги показались тремя розовыми пятнами в сверкании воды – одна блондинка и две брюнетки, наполовину погрузившиеся, как и она сама, в восхитительную прохладу озера. Жаль, что это райское место не удастся сохранить в тайне. Арлин разболтает. Сегодня секрет выйдет наружу, а завтра о нем будет знать весь город. И прощай, уединение. С этими мыслями Труди двинулась дальше, к середине озера.

Джойс смотрела на Арлин. Та находилась ярдов на десять ближе к берегу, она заходила в озеро, разводя воду руками. Вода доставала ей до пупка, и Арлин наклонялась, чтобы смочить грудь и плечи. Джойс охватила волна зависти к ее красоте. Неудивительно, что мальчишки сходят по ней с ума. Джойс вдруг подумала о том, как приятно, должно быть, гладить волосы Арлин или целовать ее грудь и губы. Мысль так поразила ее, что она потеряла равновесие и хлебнула воды. Тогда она повернулась спиной к Арлин и, поднимая брызги, поплыла на глубину.

Труди что-то кричала ей издали.

– Что ты сказала? – отозвалась Джойс, стараясь меньше брызгать, чтобы лучше слышать. Труди засмеялась.

– Теплее! – сказала она, плеснув водой. – Здесь теплее!

– Издеваешься?

– Плыви сюда, сама почувствуешь!

Джойс поплыла к Труди, но та уже направлялась вперед, следуя зову тепла. Джойс не смогла удержаться и обернулась посмотреть на Арлин. Та наконец тоже вошла в воду и поплыла к середине озера. Длинные волосы обвивали ее шею золотым воротником. При приближении Арлин Джойс испытала чувство, похожее на страх. Ей почти захотелось на берег.

– Кэролин! – окликнула она. – Ты идешь? Кэролин помотала головой.

– Здесь теплее! – сказала Джойс.

– Я тебе не верю.

– Правда! – прокричала Труди. – Тут чудесно!

Кэролин наконец поддалась на уговоры и пошла в воду.

Труди проплыла еще ярдов десять. Вода здесь не потеплела, но стала более активной: она быстро наполнялась пузырьками, словно в джакузи.

Почему-то испугавшись, Труди попыталась нащупать дно, но его уже под ногами не оказалось. Всего в нескольких ярдах отсюда глубина не превышала четырех с половиной футов, а тут даже кончиками пальцев она не достала до дна. Похоже, в том месте, откуда шло теплое течение, озеро резко уходило вниз. Ободренная присутствием подруг, Труди погрузила лицо в воду.

Несмотря на близорукость, вблизи она прекрасно различала все. Вода здесь была прозрачной. Она увидела свое тело до кончиков болтавшихся ног. Однако сразу под ними начиналась непроницаемая темнота. Дно просто исчезло. От изумления Труди вздохнула, и вода попала ей в нос. Отплевываясь и отфыркиваясь, она рывком подняла голову, пытаясь глотнуть воздуха.

Джойс закричала ей:

– Труди? Что случилось, Труди?

Она попыталась их предупредить, но животный страх сковал ее, мешая сформулировать мысль. Все, что она смогла, – это рвануться обратно к берегу.

«Там внизу бездна, в ней что-то теплое, и оно хочет меня утащить».

Из укрытия на берегу Уильям Уитт наблюдал, как борется девушка. При виде ее паники эрекция у него пропала. На озере происходило нечто странное. Он видел, как вокруг Труди Катц появилось пятно ряби, будто в воде резвилась стая рыб. Потом пятно разделилось и направилось к остальным девушкам. Он не осмелился закричать – тогда они узнали бы, что он подглядывал. Оставалось только смотреть и с нарастающим страхом ждать, что произойдет.

Вскоре после Труди Джойс тоже почувствовала тепло. Оно разлилось по ее телу и проникло внутрь, как глоток рождественского бренди, обволакивающего внутренности. Это ощущение отвлекло ее от Труди и от опасности, угрожавшей уже ей самой. Она смотрела, как вокруг нее, словно вулканическая лава, медленно вскипают и лопаются водяные пузыри, льющиеся к коже. Даже когда она не смогла нащупать дно, мысль о возможности утонуть лишь мелькнула в ее сознании и тут же исчезла. Джойс волновали более важные вещи. Впервые, воздух, который вырывался из лопавшихся вокруг нее пузырей, был дыханием озера, и вдыхать этот воздух – все равно что целовать его. Во вторых, скоро рядом окажется Арлин в своем воротнике золотых волос. Соблазненная нежностью теплой воды, Джойс не стала гнать от себя мысли, казавшиеся запретными несколько минут назад. Они обе, она и Арлин, были здесь, в одной и той же ласковой воде, передающей вибрации каждого движения. Они ближе и ближе подходили друг к другу. Может быть, они растворятся в этой воде, их тела станут жидкими и смешаются с озером. Она и Арлин, освобожденные от стыда, поднявшиеся выше секса, блаженно сольются в единое целое.

Ощущение было настолько реальным, что она не стала ему сопротивляться. Через мгновение Джойс подняла руки и позволила телу уйти в воду с головой. Но вся магия озера не смогла до конца заглушить животный страх, охвативший девушку, как только вода сомкнулась над головой. Против ее воли тело разрушило чары. Джойс бешено рванулась, выбрасывая на поверхность руки, будто хотела ухватить полную пригоршню воздуха.

Арлин и Труди видели, как Джойс скрылась под водой. Арлин тут же устремилась на помощь, она плыла и звала Джойс. Поднятые ею волны слились с движением ожившей вокруг нее воды. Рядом с ее телом вскипели пузыри. Она почувствовала, как они гладят ее живот, груди, ложбинку между ног.

Эти ласки несли те же грезы, что охватили Джойс и уняли панику Труди. Конкретного объекта желания не было. Джойс представляла себе Рэнди Кренцмена (кого же еще?), а Арлин увидела какой-то безумный коллаж из лиц знаменитостей. Скулы Дина, глаза Синатры, ухмылка Брандо. И Арлин, подобно Труди и Джойс, уступила искушению. Она подняла руки и позволила воде себя поглотить.

Кэролин с безопасного мелководья в ужасе смотрела на то, что происходило с девушками. Когда под воду ушла Джойс, Кэролин казалось, будто кто-то схватил и потащил ее подругу вниз, но поведение Труди и Арлин было совершенно иным – они просто перестали плыть. Это не походило на самоубийство. Кэролин стояла довольно близко от Арлин и видела: прежде чем ее лицо исчезло под водой, на нем отразилось удовольствие. Арлин улыбалась! Улыбалась и тонула.

Три девушки были единственными друзьями Кэролин. Она не могла просто стоять и смотреть, как они гибнут. Вода в том месте, где только что исчезли девушки, бурлила, но Кэролин направилась туда, неуклюже барахтаясь пособачьи. Она знала, что законы природы на ее стороне – жир не тонет. Когда она почувствовала, как изпод ног уходит дно, ей стало не по себе. Потом страх исчез. Кэролин плыла над расщелиной, только что поглотившей ее подруг.

Впереди из воды показалась рука. В отчаянии Кэролин потянулась к ней. Дотянулась, схватила. Вода вокруг забурлила с новой яростью. Кэролин в ужасе закричала. И рука потащила ее вниз.

Мир стал меркнуть, подобно угасающему огоньку. Кэролин потеряла способность воспринимать окружающее. Если она все еще и держалась за чьи-то пальцы, то не чувствовала этого. Глаза ее были открыты, но ничего не видели в темноте. Смутно, будто издали, Кэролин понимала, ее тело тонет, через открытый рот в легкие уже хлынула вода, и она вот-вот окончательно задохнется. Тут сознание Кэролин оставило свою оболочку и стало отдаляться прочь от плоти, что так долго была ему домом. Кэролин увидела свое тело, но не глазами (они остались там, вместе с телом), а мысленным взором. Увидела кусок сала, что погружался в воду, дергаясь и переворачиваясь. Она не испытывала никаких чувств по поводу своей смерти,

кроме легкого отвращения при виде жировых складок и бессмысленных нелепых движений. Чуть дальше в воде пытались бороться за жизнь остальные девочки. Но их телодвижения были скорее инстинктивными, чем намеренными. Наверное, сознание каждой из девочек, как и сознание Кэролин, тоже покинуло тело и бесстрастно взидало на происходящее. Тела подруг были гораздо красивее, так что, возможно, с ними жалко расстаться. Однако всерьез никто не сопротивлялся – зачем впустую тратить силы? Все они скоро умрут, утонут в этом летнем озере. Но почему?

Стоило Кэролин задать себе вопрос, и безглазое зрение тут же нашло ответ. Внизу, в темноте, под ее парившим сознанием присутствовало нечто. Она не увидела его, но почувствовала. Там, внизу, была сила... нет, две силы. Это их дыхание вспенило пузырями воду, их руки-повороты манили в объятия смерти. Она снова взглянула на свое тело, еще рвавшееся за глотком воздуха. Ноги бешено дергались. Между ними – ее девственное влагище. Кэролин пронзило острое сожаление о том, что она не смела и думать о плотских радостях, а теперь не вкусит их никогда. Какой же душой она была – грош цена ее идиотской гордости. Собственное достоинство сейчас казалось ей полной ерундой. Нужно было просить о сексе каждого мужика, оглянувшего на нее, и не отставать, пока тот не согласится. А теперь сложная система нервов, трубок и клеток, призванных давать жизнь, обречена умереть нетронутой. Эта единственная мысль добавила привкус горечи в то, что происходило.

Кэролин снова взглянула во тьму расщелины. Две силы, чье присутствие она почувствовала, все еще были там. Теперь она видела в воде их неясные формы. Одна была светлой – по крайней мере, светлее другой. Только этим они различались между собой. Если у них и были лица, то черты их оставались слишком размыты, а остальные части тела – торс и конечности – терялись в потоке поднимающихся темных пузырей. Но их намерения были более чем очевидны, девушка ясно поняла это. Они поднялись из трещины, чтобы овладеть плотью, от которой сама Кэролин была милосердно освобождена. Пусть наслаждаются трофеем. Собственное тело являлось для Кэролин тяжелой ношей, и она с радостью от него избавилась. Подводные силы не посягали на ее мысли – им нужна была плоть. И каждая из сил хотела заполучить всех четверых подруг. Зачем еще им было сражаться друг с другом? Подводное облако света и подводное облако тьмы нападали друг на друга, пытаясь дотянуться до тел девушек.

Кэролин рано обрадовалась. Едва одно из облаков коснулось ее ноги, прекрасным мгновениям свободы пришел конец. Ее призвали обратно. Дверца черепной коробки громко захлопнулась, приняв вернувшееся сознание. Мысленное зрение сменилось физическим, и на смену отстраненности пришли боль и страх. Она увидела рядом с собой двух сражавшихся духов. Они бились за обладание ее телом, тянули девушку то в одну сторону, то в другую, пытались вырвать друг у друга. Ее уже не интересовало, почему. Через несколько секунд ее не станет. Кэролин было все равно, кому достанется труп, светлому или тому, кто немного темнее. А если им нужен секс (до самого последнего момента она чувствовала, что это им тоже нужно), она не сможет им доставить никакой радости. Никто из четверых не сможет. Они уже умерли, все четверо...

Как только из ее легких вырвался последний воздух, в глаза ударил солнечный свет. Неужели она снова всплывает? Может, они решили, что тело Кэролин не подходит для их целей, и отпустили его? Она ухватилась за этот шанс, каким бы ничтожным он ни был, и рванулась вверх. Вместе с ней к поверхности устремился новый поток пузырей, который, казалось, поддерживал ее и помогал ей подняться. Через мгновение она была почти у цели. Если она останется в сознании на еще один удар сердца, то выживет.

Бог любит ее! Она вырвалась на поверхность, выплевывая воду и глотая воздух. Конечности онемели, но теперь те же силы, что недавно тащили ее вниз, поддерживали девушку на плаву. Сделав тричетыре вдоха, она увидела, что остальных тоже отпустили. Они откашливались и пытались отдышаться неподалеку. Джойс уже плыла к берегу и тянула за собой Трудю. Арлин последовала за ними. Твердое дно ждало их всего в нескольких футах отсюда. Кэролин с трудом могла пошевелить ногами и руками, но она проплыла это расстояние. Наконец все нащупали ногами землю. Всхлипывая, девушки направились к берегу. Они поминутно оглядывались, боясь, как бы то, что напало на них, не продолжило преследование и на мелководье. Но вода в центре озера оставалась гладкой.

Они еще не успели дойти до берега, как Арлин забилась в истерику. Она выла, ее затрясло.

Никто не подошел успокоить ее. Все силы они тратили на то, чтобы идти, и не могли отвлекаться. Арлин вышла на берег первая, раньше Джойс и Труды. Рыдая, она принялась машинально натягивать блузку и запуталась в рукавах. Труды в ярде от берега упала на колени, и ее вырвало. Кэролин отвернулась – она знала, что, если почувствует запах рвоты, с ней тут же случится то же самое. Однако предосторожность не помогла, звуков оказалось достаточно. Кэролин почувствовала, как желудок ее сжался и исторг на траву мороженое и желчь.

Даже когда эротическое зрелище превратилось в страшное и закончилось блевотиной, Уильям Уитт не мог оторвать от него взгляда. До конца своих дней он помнил, как девушки поднялись из глубины, которая должна была поглотить; как они вылетели из воды по грудь, будто их что-то вытолкнуло.

Теперь воды озера успокоились – ни волн, ни пузырьков. Но Уильям твердо знал: тут произошло нечто большее, чем едва не случившееся несчастье. В озере был кто-то живой. Уильям не знал, кто там, только заметил рябь на воде и слышал крики, но и это потрясло его до глубины души. Он не мог ни о чем спросить у девушек, иначе пришлось бы признаться, что он подсматривал. Ему предстояло остаться наедине с увиденным.

Впервые в жизни избранная им роль наблюдателя оказалась тяжелой. Он поклялся никогда больше ни за кем не шпионить. Впрочем, клятву свою он нарушил на следующий же день.

Но вернемся к нашим событиям. Теперь Уильяму были видны лишь спины и ягодицы распростертых на траве девушек, слышны звуки рвоты и глухие рыдания.

Как можно тише он двинулся прочь.

Джойс услышала шорох и села на траве.

– На нас кто-то смотрит, – сказала она.

Она взглядела в залитые солнцем заросли, которые снова слегка шевельнулись. Нет, это ветер играет в листьях. Арлин натянула блузку и села, обхватив плечи руками.

– Я хочу умереть, – сказала она.

– Нет, не хочешь, – возразила Труды. – Мы только что избежали смерти.

Джойс закрыла лицо руками. Она думала, что справилась со слезами, но они нахлынули опять.

– Что с нами было, господи? – всхлипнула она. – Я думала, это просто... озеро.

Кэролин ответила бесцветным, слегка дрогнувшим голосом:

– Под городом есть пещеры. Наверное, их залило водой во время бури. Мы оказались над входом в одну из них.

– Там так темно, – сказала Труды. – Вы смотрели вниз?

– Там что-то было, – проговорила Арлин. – Что-то внизу. Кроме темноты.

В ответ прозвучали усилившиеся всхлипы Джойс.

– Я ничего не видела, – ответила Кэролин. – Но я чувствовала.

Она посмотрела на Труды.

– Вы все чувствовали это, правда?

– Нет. – Труды замотала головой. – Это просто течение из пещеры.

– Оно пыталось меня утопить, – сказала Арлин.

– Это просто течение, – повторила Труды. – Со мной уже бывало такое, на море. Подводное течение. Тянет за ноги вниз.

– Ты же не веришь в это, – сухо сказала Арлин. – Зачем врать? Мы все знаем, что мы там чувствовали.

Труды в упор взглянула на нее.

– И что же? Что именно?

Арлин покачала головой. С размазанной тушью и слипшимися волосами она уже не казалась той королевой красоты, какой была всего десять минут назад.

– Я знаю только, что это не течение, – сказала она. – Там были два существа. Не рыбы. Точно не рыбы.

Она не смотрела на Труды, опустив взгляд себе между ног.

– Я чувствовала, как они касаются меня. – Арлин передернуло. – Касаются меня изнутри.

– Замолчи! – внезапно взорвалась Джойс. – Хватит об этом!

– Это же правда, – ответила Арлин. – Ведь так?

Она снова подняла глаза – сначала на Джойс, потом на Кэролин и, наконец, на Труды, которая кивнула.

– Они хотели нас, потому что мы женщины. Рыдания Джойс возобновились с новой силой.

– Утихни, – резко сказала Труды. – Надо подумать.

– О чем? – спросила Кэролин. – Что мы скажем дома.

– Скажем, что пошли поплавать, – начала Кэролин.

– И что?

– Пошли поплавать и...

– И нечто напало на нас? Пыталось в нас забраться? Нечто нечеловеческое, да?

– Ну да, – кивнула Кэролин. – Как было.

– Не говори глупостей, – сказала Труды. – Нас засмеют.

– Но это ведь правда, – настаивала Кэролин.

– Какая разница? Скажут, что не надо купаться в незнакомом месте. И решат, что нас схватила судорога.

– Она права, – сказала Арлин. Но Кэролин не желала отступать.

– А если еще кто-нибудь сюда придет? И с ним случится то же самое? Или он утонет? Представьте себе, что кто-нибудь утонет. Мы будем виноваты.

– Если это озеро образовалось после грозы, то вода сойдет через несколько дней, – сказала Арлин. – А если мы расскажем кому-нибудь, в городе пойдут толки. Мы не сможем жить спокойно. Вся наша жизнь превратится в кошмар.

– Хватит ломать комедию, – сказала Труды. – И так понятно, что нельзя ничего говорить. И никто из нас ничего не скажет. Так? Так, Джойс?

Джойс согласно всхлипнула.

– Кэролин?

– Наверное, да, – последовал ответ.

– Нужно просто договориться, что сказать дома.

– Ничего, – сказала Арлин.

– Ничего? – спросила Джойс. – Посмотри на нас!

– Ничего не объясняй, никогда не извиняйся, – пробормотала Труды.

– Что?

– Так всегда говорит мой отец. – Казалось, от воспоминания о семье она немного приободрилась. – Ничего не объясняй...

– Мы слышали, – перебила ее Кэролин.

– Значит, договорились, – сказала Арлин и встала. – Будем молчать.

Возражений не последовало. Девушки молча оделись и, не оглядываясь, побрели по тропинке прочь, оставив озеро наедине с его тайнами.

II

Поначалу ничего не было. Даже ночных кошмаров. Только приятное томление охватило всех четверых – вероятно, следствие того, что они благополучно вырвались из объятий смерти. Они скрыли от посторонних глаз свой страх и продолжали жить прежней жизнью, храня свою тайну.

В каком-то смысле их тайна сохраняла себя сама. Даже Арлин, которая первая назвала насилие насилием, вскоре начала испытывать при воспоминании о случившемся странное удовольствие. Она не осмеливалась признаться в этом даже подругам. Впрочем, они вообще редко друг с другом разговаривали. Теперь им это было не нужно. Каждая из них исполнилась странным ощущением собственной избранности. Вслух произносила это слово одна Труды, имевшая мессианские наклонности. Арлин же укрепилась в своей всегдашней уверенности, будто она – уникальное прекрасное создание и для нее не существует законов и правил, по которым живет остальной мир. Кэролин приняла это ощущение за эхо откровения, явившегося ей, когда смерть казалась неминуемой; отныне каждый миг, не потраченный на удовлетворение желаний, казался ей потерянным впустую. Для Джойс все было еще проще. Она спаслась ради Рэнди Кренцмена.

Она не стала больше терять времени. В тот же день, вернувшись с озера, она отправилась прямо в Стиллбрук, в дом Креннменов, и объявила Рэнди, что любит его и хочет с ним спать. Он не засмеялся. Он посмотрел на нее изумленно и почти смущенно спросил, знакомы ли они. Раньше подобный вопрос разбил бы ей сердце, но в тот день что-то в ней изменилось. Она перестала быть уязвимой. Да, сказала она, мы знакомы. Мы встречались несколько раз. Но мне

плевать, помнишь ты меня или нет. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты занялся со мной любовью. Он смотрел на нее, слушал, а потом спросил: это шутка, да? На что она сказала: нет, не шутка, она отвечает за каждое свое слово, и чего ждать, когда погода хорошая, а дом в их распоряжении?

Изумление не повлияло на либидо Рэнди Кренцмена. Он так и не понял, с какой стати девушка подарила ему себя, но, поскольку подобные дары он получал нечасто, нельзя было упускать возможность. И он согласился, сделав вид, будто с ним это происходит ежедневно. Они провели остаток дня вместе и проделали то, что хотели, не единожды, а трижды. Джойс вышла от него примерно в четверть седьмого. Когда она шла через город, ее наполняло странное чувство выполненного долга. Это была не любовь. Рэнди оказался бестолковым, эгоистичным и неопытным любовником. Но, возможно, он заронил в нее жизнь или, по крайней мере, внес свою толику в таинственную алхимию жизни, а больше от него ничего и не требовалось. Она безоговорочно смирилась с такой сменой приоритетов. Джойс четко знала одно: она должна зачать и родить. Остальная жизнь – прошлое, настоящее, будущее – будто бы расплылась и не имела значения.

Ранним утром следующего дня, выспавшись так, как не высыпалась уже много лет, Джойс позвонила Рэнди и предложила продолжить сегодня же днем. «Я что, был так хорош?» – спросил он. Она ответила, что он был более чем хорош, что он гигант, а его член – восьмое чудо света. Он легко принял и ее грубую лесть, и предложение.

Из всей четверки ей, пожалуй, больше всех повезло с любовником. Рэнди оказался неопытным пустоголовым болваном, но он все же был безобидным и посвоему нежным, Арлин, Труд и Кэролин охватили те же желания, что и Джойс, но судьба подтолкнула их завязать отношения гораздо менее стандартные.

Кэролин решила завести роман с Эдгаром Лоттом – пятидесятилетним мужчиной, поселившимся год назад на их улице неподалеку от ее дома. За год никто из соседей с ним так и не сблизился. Эдгар был одинок, и его жизнь разделяли лишь две таксы. Одиночество, отсутствие женщины, педантичность в подборе цветов одежды (носовой и шейный платки и носки у него вечно были одинакового пастельного тона) составили ему репутацию гомосексуалиста. Но Кэролин при всей своей неопытности поняла его лучше, чем ее родители. Несколько раз она ловила на себе его взгляды, говорившие больше, чем слова. Вскоре она подстерегла его на утренней прогулке с таксами. Пока собаки метили территорию, она завела разговор и спросила, нельзя ли к нему зайти. Позже он говорил, что его намерения были совершенно добропорядочными и, если бы она не разложилась перед ним на кухонном столе и не потребовала близости, он бы и пальцем к ней не притронулся. Но разве можно отказаться от такого предложения?

При такой разнице в возрасте и телосложении их секс был чрезвычайно пылким, хотя свершался под визг ревновавших такс, изгнанных за дверь, где они гонялись за собственными хвостами, пока окончательно не выматывались. После первого раза он рассказал ей, что у него не было женщины уже шесть лет, с тех пор как умерла жена, что после ее смерти он стал сильно пить и что жена его тоже была крупной женщиной. Разговоры о пышных формах снова возбудили его, и они продолжили. Собаки уже спали.

Сначала все было хорошо. Они не отпускали никаких замечаний по поводу внешности друг друга, когда раздевались, они не тратили времени на взаимное восхищение красотой (это звучало бы как насмешка) и не притворялись, будто у них любовь навсегда. Они были вместе, потому что следовали зову природы, не думая об условностях. И никакой романтики. День за днем она навещала мистера Лотта – так она называла его в присутствии родителей, – и, едва закрывалась дверь, его голова оказывалась между ее грудей.

Эдгар с трудом верил в свое счастье. То, что это она его соблазнила (такого с ним не случалось даже в молодые годы), что она возвращалась, что она не отрывалась от него, пока он не завершит акт, казалось ему настоящим чудом.

Поэтому через две недели и четыре дня, когда она не пришла, он не удивился. Еще через неделю он встретил ее на улице и вежливо спросил, нельзя ли продолжить их отношения? Она странно посмотрела на него, а потом сказала: нет. И хотя он не требовал объяснений, объяснила сама. Ты мне больше не нужен, мягко сказала она и похлопала себя по животу. Лишь потом, сидя в своем одиноком жилище с третьим стаканом бурбона, он осознал, что означали ее слова и этот жест. Он налил себе четвертый стакан и пятый. Он быстро надирался, как раньше. Как

ни старался он не поддаваться чувствам, но, когда эта толстая девушка его оставила, он понял: она разбила ему сердце.

У Арлин не было ничего подобного. Путь, который она избрала, следуя тому же неслышному зову, что влек остальных, привел ее в компанию людей не с открытыми сердцами, но с синими сердечкаминаколками на предплечьях. Вслед за Джойс у нее это началось на следующий день после того, как они чуть не утонули. Арлин надела лучшее платье, села в машину матери и отправилась на Эклипспойнт – узкую полоску пляжа к северу от Зумы, знаменитую своими барами и байкерами. Далекое не все обитатели этого места удивились, увидев здесь девушку из обеспеченной семьи. Богатые дети часто приезжали сюда, чтоб отведать вкус дна или дать дну отведать себя. Обычно им хватало пары часов, и они отправлялись обратно – туда, где воплощением грубости был персональный шофер.

В свое время Пойнт инкогнито навещали довольно известные люди. Здесь бывал Джимми Дин – в свои самые дикие дни, когда он искал того курильщика, кому нужна живая пепельница. Один из баров гордился бильярдным столом, на котором, по слухам, отымели Джейн Мэнсфилд, хотя даже сейчас об этом говорили исключительно шепотом. В другом баре на дощатом полу был обведенный краской силуэт женщины – якобы Вероники Лейк, которая напивалась там до смерти. Арлин, однако, приехала сюда не на экскурсию. Она явилась в первый попавшийся бар с приглянувшимся ей названием «Ловкач». В отличие от многих искательниц приключений, ей для разогрева не понадобился алкоголь. Она просто вошла и предложила себя. Желающих нашлось немало, и никто не получил отказа.

Она вернулась и в следующий вечер, и через день. Она смотрела на мужчин голодными глазами, словно одержимая. Не все принимали ее предложения. Одни после первого визита Арлин решили, что так предлагать себя может лишь сумасшедшая или больная женщина; другие, обнаружив в себе неожиданный для них самих альтруизм, пытались уговорить ее подняться с пола и отправиться домой. Но она так бурно протестовала, что альтруисты оставили свои попытки, а некоторые опять встали в очередь.

Если Кэролин и Джойс сумели сохранить свои приключения в тайне, то поведение Арлин не осталось незамеченным. Через неделю таких отлучек из дома на всю ночь, когда она возвращалась перед рассветом и на вопрос, где она была, отвечала недоуменным взглядом, будто сама толком не знала, ее отец Лоуренс Фаррел решил проследить за дочерью. Он всегда считал себя либеральным отцом, но, если Арлин связалась с дурной компанией – какиминибудь футболистами или хиппи, – он обязан дать ей отеческий совет. Он старался следовать за дочерью на безопасном расстоянии, но в миле или двух от побережья потерял ее и только через час с лишним, обследовав местные парковки, нашел ее машину возле бара «Ловкач». Репутация этого заведения достигла даже его либерально заткнутых ушей. Он вошел внутрь, опасаясь за свой пиджак и бумажник. В баре царило оживление. В дальнем его конце стояла толпа оравших мужчин – разгоряченных от пива животных с волосами ниже лопаток. На полу в центре этой толпы что-то происходило. Арлин нигде не было. Он обрадовался, что ошибся (наверное, дочь гуляет по пляжу и смотрит на серфингистов), и уже хотел уходить, как вдруг кто-то из толпы начал скандировать имя его принцессы:

– Арлин! Арлин!

Он повернулся. Неужели и она смотрела на то, что происходило на полу? Фаррел протиснулся сквозь толпу и там, в центре, нашел свое прекрасное дитя. Один из животных вливал ей в рот пиво, пока другой делал с ней то, о чем Лоуренс, как все отцы, и помыслить не мог без дрожи, разве что в кошмарных снах, где проделывал с ней это сам. Арлин лежала на полу под мужчиной и выглядела как ее мать. По крайней мере, как ее мать когдато давно, когда она еще была способна на страсть. Арлин билась в счастливых судорогах, лежащий на ней человек сводил ее с ума Лоуренс выкрикнул: «Арлин!» – и шагнул вперед, чтобы согнать с нее эту скотину. Кто-то посоветовал ему встать в очередь. Он ударил доброхота в челюсть и отшвырнул в толпу жаждущих – коекто из них уже расстегивал брюки и был в полной боевой готовности. Парень вскочил, размазывая по лицу кровь, бросился на Лоуренса, и тот упал, повторяя только, что это его дочь, его дочь... Господи, это его дочь. Он твердил так до тех пор, пока его губы могли шевелиться. Даже потом он пытался доползти до Арлин, чтобы отхлестать ее по щекам, чтобы она пришла в себя и осознала, что творит. Но ее поклонники попросту оттащили его и выкинули на обочину шоссе. Там он и лежал, потом смог подняться на ноги и добраться до автомобиля. В машине он прождал несколько часов, время от времени принимаясь плакать,

пока не появилась Арлин.

Ее, казалось, совсем не тронули его синяки и окровавленная рубашка. Когда он сказал, что видел ее, она только коротко кивнула, будто не совсем понимала, о чем он. Лоуренс велел дочери перейти в его машину, и она безропотно подчинилась. Домой они ехали молча.

В тот день так ничего и не было сказано. Она сидела у себя в комнате, слушала радио, а Лоуренс говорил с юристом о закрытии «Ловкача», с полицией – о привлечении к ответственности своих обидчиков, и с психоаналитиком – о том, где он ошибся в воспитании дочери. Вечером Арлин вновь попыталась сбежать. Отец перехватил ее уже у машины. Тут Лоуренс потребовал от нее объяснений по поводу прошлой ночи, но она просто смотрела на него в упор стеклянными глазами. Ее взгляд привел отца в ярость. Она отказалась вернуться в дом и объяснить, почему она делала то, что делала. Тогда голос Лоуренса поднялся до крика. Он обозвал Арлин грязной шлюхой, отчего во всех соседних домах шевельнулись занавески. Слепленный слезами, он ударил ее и бил бы еще и еще, если бы не вмешательство Кейт. Арлин не теряла времени даром. Разъяренный отец отбивался от матери, а она сбежала и поймала машину до побережья.

В ту ночь «Ловкач» посетила полиция. Двадцать один человек был арестован, в основном за хранение наркотиков, а бар закрыт. Вошедшие стражи порядка обнаружили принцессу Фаррел за тем же занятием, которому она еженощно предавалась всю прошедшую неделю. Несмотря на старания Лоуренса, замять такую историю оказалось невозможно, и она попала в газеты. Арлин стала главной сенсацией побережья. Ее поместили в больницу для полного медицинского обследования. Обнаружились две неприятности, сопряженные с сексом: лобковые вши, а также несколько разрывов и повреждений, вызванных ее ночными подвигами. Но, по крайней мере, она не была беременна. Лоуренс и Кейтлин Фаррел благодарили Господа и за эту милость.

Известия о похождениях Арлин в «Ловкаче» привели к тому, что все родители в ПаломоГроуве ужесточили контроль за детьми. Даже в восточной части города парней и девушек, гулявших после наступления темноты, заметно поубавилось. Найти себе партнера стало довольно сложно. Даже для Труди, последней из четверки, хотя та нашла почти идеальное прикрытие – церковь. Она задумала соблазнить Ральфа Контрераса, полукровкусадовника, что служил при лютеранском храме Князя Мира в Лорелтри. Ральф заикался так, что почти не разговаривал, чем и приглянулся Труди. Сделает то, что от него требовалось, и будет помалкивать. Идеальный любовник. Какой он сам, не имеет значения. Труди рассуждала практически. Когда он выполнит свое предназначение и ее тело просигналит об этом, она забудет о садовнике. По крайней мере, так она думала.

Но изза неосторожности Арлин о романах всех четверых подруг быстро узнали. И если для Труди забыть о свиданиях с Ральфом Молчаливым было просто, то город забывать об этом не собирался.

Новости о тайной жизни красавицы из маленького городка, попавшие на страницы газет, были откровенны настолько, насколько позволял юридический отдел печатных изданий. Однако самые пикантные детали оказались достоянием слухов. Появились даже предлагавшиеся за немалую цену фотографии знаменитых оргий, но на них трудно было что-либо разобрать. Семья Фаррелов – Лоуренс, Кейт, сестра Джоселин и брат Крейг – также привлекла к себе повышенное внимание. Весь город повадился ездить за покупками через район «полумесяцев», чтобы взглянуть на их дом. Крейга пришлось забрать из школы, поскольку соученики безжалостно издевались над ним за позор старшей сестры; а Кейт наглоталась транквилизаторов и не могла выговорить ни единого слова, если в нем было больше двух слогов. Но случилось кое-что и похуже. Через три дня после помещения Арлин в больницу в «Кроникл» появилось интервью с одной из сиделок. По ее словам, дочь Фаррелов пребывала в постоянном сексуальном возбуждении и без умолку говорила непристойности, замолкая лишь тогда, когда ее начинали душить слезы. Одного этого хватило бы, чтоб скандал разгорался дальше, но в статье говорилось еще и о том, что болезнь пациентки будто бы выходит за обычные рамки. Арлин Фаррел была одержимой.

История, которую Арлин рассказала в больнице, была довольно странной. Будто бы Арлин и три ее подруги купались в озере неподалеку от ПаломоГроува, где некое существо напало на них и проникло в них. Когда существо находилось у Арлин внутри, оно потребовало, чтобы она (а возможно, и все ее подруги) зачала ребенка от любого, кто способен оплодотворить девушку.

Отсюда и похождения в баре «Ловкач». Дьявол в ее утробе высматривал среди той компании подходящего суррогатного отца.

В статье не было никакой иронии. Текст так называемого признания Арлин был достаточно абсурдным сам по себе и не требовал дополнительных комментариев. Во всем городе только слепые да неграмотные не читали признаний свихнувшейся от наркотиков красавицы. Никто ни на йоту не поверил этому – кроме, конечно, родственников трех ее подруг. Она не назвала имен Джойс, Кэролин и Труды, но люди прекрасно знали, с кем она дружит. Любой человек, хоть немного знакомый с Арлин, ни минуты не сомневался, кого именно она описывала в своих сатанинских фантазиях.

Скоро стало ясно, что девушек необходимо защитить от последствий этих нелепых заявлений. В домах Макгуайров, Катцев и Хочкисов произошли практически одинаковые сцены.

Кто-то из родителей спрашивал:

– Не хочешь ли ты уехать из Гроува, пока все не уляжется?

На что дочь отвечала:

– Да нет, мне и здесь хорошо.

– Ты уверена, что тебя это не огорчает, дорогая?

– Я что, выгляжу огорченной?

– Кажется, нет...

– Значит, я не огорчена.

Какие же уравновешенные у них дети, решили родители, как они стойко переносят несчастье, случившееся с их подругой, ну чем не гордость семьи?

Так продолжалось несколько недель. Их считали примерными девочками, пережившими эту мучительную историю с невозмутимостью, достойной восхищения. Потом в поведении подруг обнаружились странности, и картина начала меняться. Странности были мелкие, и на них вполне можно было не обратить внимания, если бы родители не следили отныне за чадами особенно пристально. Сначала они заметили, что дочери предпочитают спать днем и гулять по ночам. Потом появились капризы в еде. Даже Кэролин, никогда прежде не отказывавшаяся от пищи, теперь испытывала отвращение к некоторым блюдам, особенно к дарам моря. Затем девушки потеряли свое спокойствие. Они то болтали без умолку, то смолкали и говорили односложно; холодное равнодушие сменялось раздражительностью. Бетти Кати первой решила показать дочь семейному врачу. Труды не протестовала. И не удивилась, когда доктор Готтлиб нашел, что здоровье у нее в полном порядке и она беременна.

Затем медицинское объяснение переменам в поведении дочери принялись искать родители Кэролин. Ответ доктора был аналогичным, с одним дополнением: если Кэролин хочет благополучно выносить ребенка, ей придется похудеть фунтов на тридцать.

Надежда на то, что это совпадения, рухнула после третьего и последнего доказательства. Родители Джойс Макгуайр дольше других тянули с решением, не желая вовлекать в скандал свою дочь, но в итоге и они были вынуждены обратиться к врачу. С ее здоровьем тоже все оказалось в порядке, и Джойс тоже оказалась беременной. Эта новость требовала переоценки всей истории, рассказанной Арлин Фаррел. Может ли быть, что в ее безумном рассказе кроется доля истины?

Родители девушек встретились, чтобы обсудить все вместе. Они пришли к самому простому выводу: разумеется, девочки сговорились между собой. По какойто причине, им одним известной, подруги решили забеременеть. Троим это удалось, Арлин – нет, что и привело ее, и без того впечатлительную, к нервному срыву.

Тогда перед родителями стояли три задачи. Впервых, выявить будущих отцов и наказать их за распущенность. Вовторых, как можно скорее и безопаснее прервать беременность. В третьих, попытаться скрыть происшествие, чтобы репутация их семей не пострадала, как пострадала репутация Фаррелов – к ним праведные жители Гроува теперь относились, как к париям.

Во всех трех пунктах они потерпели неудачу. Что касается отцов, то девушки попросту отказались назвать имена преступников, несмотря на родительские угрозы. Что касается аборт – все трое наотрез отказались и от этого. И, наконец, не удалось сохранить тайну. Любой скандал в конце концов приводит к огласке. Хватило одной не в меру болтливой медсестры, чтобы журналисты бросились вынюхивать новые подробности.

Все открылось через два дня после совместной встречи родителей. ПаломоГроув, чьи устои

уже были подорваны похождениями Арлин, получил едва ли не смертельный удар.

История обезумевшей Арлин сначала затмила собой даже сплетни о летающих тарелках и чудесном излечении от рака, но известия о ее подругах затронули самые чувствительные нервы жителей города. Размеренная и казавшаяся незыблемой жизнь четырех уважаемых семей пошла прахом изза тайного сговора детей. Пресса потребовала ответа: не было ли это делом рук какойнибудь секты? Или же человека, соблазнившего всех четверых? И что на самом деле произошло с дочкой Фаррелов – первой из так называемой «Лиги девственниц», которая пролила свет на эту историю? Возможно, как отметила «Кроникл», на столь отчаянный шаг ее толкнуло бесплодие? Возможно, оставшиеся три подруги еще не раскрыли своего истинного лица? Слухи полнились. В них было все: секс, одержимость, рухнувшие семьи, маленькие сучки, секс, безумие и еще раз секс.

Пресса следила за тем, как протекала беременность подруг. Предположениям не было конца. Три ребенка должны появиться на свет – родятся ли тройняшки, или черные, или мертвые младенцы?

Ох уж эти предположения!

III

В центре бушевавшей бури было спокойно и тихо. Девушки слушали упреки и проклятия родителей, прессы и горожан, но ничто их не трогало. То, что началось в водах озера, развивалось дальше неисповедимым путем. Подруги отдали во власть неведомого души, как прежде отдали тела. Все трое были спокойны, подобно озеру: даже самое бурное вторжение вызывало не более чем рябь на поверхности.

Они не встречались. Их интерес друг к другу, да и ко всему внешнему миру, сошел на нет. Каждая хотела только сидеть дома и лелеять свой плод. Вокруг бушевали страсти, но со временем они утихли. Внимание горожан переключилось на новые скандалы, однако равновесие в ПаломоГроуве так и не восстановилось. Изза «Лиги девственниц» маленький городок в округе Вентура оказался в положении, к какому никогда не стремился, но все же пытался извлечь из ситуации выгоду. В ту осень Гроув посетило больше людей, чем когдалибо с момента его основания. Люди хотели побывать в «том самом месте», в этом Крейзивилле, где по приказу дьявола молоденькие девушки ложатся под любого, кто в состоянии двигаться.

Произошли в Гроуве и другие перемены, не столь явные, как переполненные бары и суэта у молла Дети горожан, особенно дочери, вели отчаянную борьбу с родителями за свои права. Эта внутренняя война шла постоянно, она уже разбила несколько семей, и незримым ее спутником был алкоголь. В октябреноябре прибыль от продажи спиртного в магазине Марвина резко возросла и взлетела до небывалых высот к Рождеству, когда водоворот пьянства, наркомании, супружеских измен, драк и эксгибиционизма закружил ПаломоГроув, превратив его в настоящий рай для грешников.

После таких каникул несколько семей решили покинуть город, в результате чего незаметно стала меняться его социальная структура. Дома в самых престижных кварталах (например, в «полумесяцах», запятнанных соседством с Фаррелами) дешевели, и их приобрели люди, не мечтавшие об этом еще прошлым летом.

И все это – результат одного купания в беспокойном озере.

Это купание не прошло бесследно не только для девушек. Уильям Уитт, за свою недолгую жизнь соглядатая узнавший немало тайн, был бесценным свидетелем. Не раз он хотел рассказать комунибудь о том, что видел на озере, но удерживался от искушения, ибо прекрасно понимал: за кратким мгновением славы неизбежно последуют осуждение и, возможно, наказание. Была и другая причина его молчания – он боялся, что ему никто не поверит. Чтобы освежить воспоминания, Уильям часто возвращался на место событий. Собственно говоря, он вернулся к озеру уже на следующий день. Он надеялся подсмотреть, кто же там обитает, но вода уже убывала. За ночь озеро уменьшилось на треть, а через неделю исчезло окончательно, обнажив расщелину, которая, очевидно, была входом в подземные пещеры.

Не он один приходил сюда. После признаний Арлин в лес ринулись толпы зевак. Самые дотошные быстро вычислили озеро. Схлынувшая вода оставила после себя пожелтевшую траву, покрытую высохшим илом. Несколько человек попытались проникнуть в расщелину, но края

ее были отвесными и спуститься туда оказалось невозможно. Поэтому через пару дней интерес к этому месту исчез. Попрежнему появлялся здесь лишь Уильям. Одинокое посещение внушали ему, несмотря на страх, непонятное удовольствие. Он ощущал свою общность с пещерами и их тайнами, и эротическое возбуждение накатывало на него всякий раз, когда он стоял там и снова и снова представлял себе обнаженные тела купальщиц.

Судьба девушек мало его интересовала. Однажды он что-то прочел, потом услышал, как их обсуждают, но его мало волновало то, что нельзя увидеть. В городе в те дни было на что посмотреть и за кем пошпионить. Вокруг царил хаос: совращения и рабские унижения, ненависть, побои и раздоры. Когданибудь, подумал он, я напишу об этом книгу. Это будет «Книга Уитта». Все прочтут ее и поймут, что для меня здесь нет тайн.

Если он все же задумывался о том, что теперь происходит с девушками, он вспоминал Арлин. Она влекла его, поскольку находилась в больнице и он не мог взглянуть на нее при всем желании, а невозможность увидеть всегда дразнила Уильяма. Говорили, Арлин повредила в уме, но никто толком не знал почему. Она постоянно хотела мужчин, чтобы зачать ребенка, но оказалась не способна на это и заболела. Однако и Арлин перестала интересоваться Уильяма – он подслушал чейто разговор о том, что она потеряла красоту.

– Выглядит почти как труп, – говорили люди. – Обколотая и полумертвая.

И Арлин Фаррел перестала для него существовать. Она сохранилась в памяти как прекрасное видение – скинувшая одежду на берегу сверкающего озера. Мысли о том, что озеро сделало с ней, он напрочь изгнал из сознания.

К сожалению, ее подруги могли избавиться от последствий происшествия на озере не иначе, как естественным образом. Второго апреля, когда первая из «Лиги девственниц» дала жизнь своему ребенку, ПаломоГроув вступил в новую полосу несчастий.

Ховард Ральф Катц родился у восемнадцатилетней Труди в 3. 46 утра, путем кесарева сечения. Он был хилый и весил всего четыре фунта и две унции. Ребенок, по общему мнению, походил на мать, что послужило небольшим утешением для его бабушки и дедушки. У Ховарда, как у Труди, были темные глубоко посаженные глаза и – уже при рождении – темные курчавые волосы. Как и его мать, тоже родившаяся недоношенной, он первые шесть дней боролся за каждый глоток воздуха, а потом стал быстро набирать силы. Девятнадцатого апреля Труди вернулась с ним домой в ПаломоГроув.

Через две недели после Труди подошла очередь второй подружки из «Лиги девственниц». На этот раз пресса получила больше поводов для обсуждения, чем обычное рождение болезненного младенца: Джойс Макгуайр родила близнецов – мальчика и девочку, с интервалом в одну минуту. Она назвала их ДжоБет и ТоммиРэй в знак того (Джойс никогда не призналась бы в этом даже себе), что у них два отца – Рэнди Кренцмен и существо в озере. Третьим их отцом, как она считала, был Отец Небесный. Хотя Джойс подозревала, что благодать Его обошла ее детей.

Еще через неделю после рождения близнецов Макгуайр Кэролин тоже произвела на свет двойню – девочку и мальчика, но мальчик родился мертвым. Крупная сильная девочка получила имя Линда.

На этом, казалось бы, сага о «Лиге девственниц» подошла к естественному завершению. На похороны сына Кэролин собралось не много народу. Все четыре семьи вели теперь довольно уединенную жизнь. Друзья перестали им звонить, знакомые не хотели их узнавать. История «Лиги девственниц» опорочила доброе имя ПаломоГроува. Скандал принес городу доход, но все желали бы поскорее забыть о случившемся, будто на самом деле ничего не произошло.

В результате семья Катцев решила переехать в Чикаго – родной город главы семейства. В конце июня они за бесценок продали дом и через две недели покинули ПаломоГроув.

Они успели вовремя. Задержись они на несколько дней, им пришлось бы участвовать в последнем акте драмы. Вечером двадцать шестого июля старшие Хочкисы вышли пройтись, оставив дома Кэролин с маленькой Линдой. Они вернулись домой после полуночи, то есть уже двадцать седьмого июля, и обнаружили: Кэролин отпраздновала годовщину купания в озере тем, что задушила дочь и покончила с собой. Девушка оставила записку, где подтвердила все, рассказанное Арлин Фаррел. Они действительно купались в озере. На них действительно напали. До сегодняшнего дня она не знала, кто именно, но чувствовала присутствие его в себе и в своем ребенке. Она уверена, что это зло, потому задушила Линду и собирается вскрыть себе

вены. «Не судите меня строго, – просила она. – Я никогда в жизни никого не обидела».

Родители поняли письмо посвоему: девушек кто-то изнасиловал. По каким-то причинам, только им известным, подруги не желали выдавать преступника или преступников. Поскольку Арлин была в больнице, Кэролин умерла, а Труди переехала в Чикаго, подтвердить или опровергнуть эту версию предстояло Джойс Макгуайр.

Сперва она отказалась говорить. Сказала, будто ничего не помнит. Будто от пережитого потрясения воспоминания о том дне стерлись. Но ни Хочкисы, ни Фарреллы не успокоились. Они попытались нажать на девушку через ее отца. Дик Макгуайр не был силен ни телом, ни духом, а его мормонская церковь поддержала наседавших на Джойс. Правда должна была выйти наружу.

Чтобы спасти отца от лишних бед, Джойс заговорила. Это была странная сцена. Шестеро родителей и пастор Джон, духовный наставник мормонского сообщества Гроува и его окрестностей, собрались в столовой Макгуайров и слушали худенькую бледную девушку, которая попеременно протягивала руку то к одной, то к другой колыбельке, чтобы покачать не желавших засыпать малышей. Сначала она предупредила слушателей, что им не понравится то, что она расскажет. И правда, им это не понравилось. Она рассказала все. О прогулке, об озере, о купании, о непонятных силах, утащивших подруг под воду; о спасении. О своей страсти к Рэнди Кренцмену, чья семья уехала из города уже месяц назад – вероятно потому, что он сообщил родителям о своей вине. Об охватившем четверых девушек желании забеременеть и родить ребенка любой ценой...

– Так во всем виноват Рэнди Кренцмен? – спросил отец Кэролин.

– Рэнди? – отозвалась она. – Да нет.

– Тогда кто?

– Ты обещала рассказать всю правду, – напомнил пастор.

– Я и рассказываю, – ответила она – Все, что знаю. Я выбрала Рэнди. О выборе Арлин известно всем. Кэролин тоже, конечно, кого-то нашла. И Труди. Понимаете, не важно, кто отец. Это всего лишь мужчина.

– Ты хочешь сказать, что в тебе сидит дьявол, дитя мое? – спросил пастор.

– Нет.

– Тогда в детях?

– Нет. Нет. – Теперь она ухватилась за колыбельки обеими руками. – ДжоБет и ТоммиРэй не одержимые. По крайней мере, не так, как вы думаете. Просто они не дети Рэнди. Хорошо, если они возьмут немного от его красоты... – Она слегка усмехнулась. – Мне бы этого хотелось. Он очень красивый... Но на самом деле их сотворил дух из озера.

– Там нет никакого озера, – возразил отец Арлин.

В тот день было. И возможно, появится снова, если пойдет сильный дождь.

– Нет уж, я такого не допущу.

Поверил Фаррел рассказу Джойс или нет, но он сдержал свое слово. Вместе с Хочкисами они собрали денег, чтобы замуровать вход в пещеры. Большинство горожан подписывали чеки, лишь бы Фаррел побыстрее убрался с их порога. С тех пор как его принцесса лишилась рассудка, общение с ним стало занятием не более приятным, чем разминирование бомбы.

В октябре, через пятнадцать месяцев после рокового купания, трещину залили бетоном. Она могла появиться вновь, но лишь через многие годы.

А до того момента дети в ПаломоГроуве будут спокойно играть в свои игры.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ОСВОБОЖДЕННЫЕ ДУХИ

I

Из сотен эротических журналов и фильмов, просмотренных Уильямом Уиттом за последующие семнадцать лет (сначала он заказывал их по почте, потом ездил за ними в ЛосАнджелес), больше всего ему нравились те, где он замечал отголоски жизни вне объектива камеры. Когда в зеркале рядом с моделями отражался фотограф или когда на краю кадра

мелькал кто-то из съемочной группы – какой-нибудь помощник стимулировал актеров, чтобы не пропадала эрекция в перерывах между дублями, – словно тень любовника, только что покинувшего постель.

Но такие откровенные ошибки встречались редко. Чаще попадались мелочи, очень много говорившие Уильяму о жизни, которую он разглядывал. Иногда актер, демонстрировавший многообразие наслаждений, вдруг застывал в нерешительности: он не знал, какой способ удовлетворения похоти выбрать, и поворачивался к камере в ожидании инструкций. Иногда модель, заступив за рамки кадра, испуганно съеживалась от окрика по ту сторону камеры.

В такие моменты, когда подделки возбуждали его и переставали быть подделками (потому что возбуждение было настоящим и не могло быть поддельным), Уильяму казалось, будто он лучше понимает ПаломоГроув. За фасадом города таилась другая жизнь, исподволь управлявшая повседневными процессами – так незаметно, что никто, кроме Уильяма, не замечал ее. Порой и он о ней забывал. Порой месяцами, погрузившись в дела (Уильям занимался продажей недвижимости), он не вспоминал об этой невидимой руководящей длани. Но потом снова замечал что-то, как на снимке из порнографического журнала: странный взгляд одного из старожил, или трещину на асфальте, или воду, сбегавшую с Холма после поливки газонов. Тогда он сразу вспоминал об озере, о «Лиге», о том, что город выдуман (хотя и не совсем выдуман – плоть есть плоть, ее не подделать), а сам он – один из актеров этой странной пьесы.

После того как расщелину в земле залили бетоном, жизнь снова пошла своим чередом. Город, хоть и отмеченный невидимой меткой, процветал, и Уитт вместе с ним. ЛосАнджелес расширял свои границы, городки в долине Сими (среди них и Гроув) превратились в спальные районы мегаполиса. В конце семидесятых, как раз когда Уильям занялся недвижимостью, цены на дома в городе значительно выросли. Выросли они и в дорогих районах, особенно в Уиндблафе, когда на Холме поселились несколько бывших звезд. Самый шикарный особняк с видом на город и долину купил знаменитый комик Бадди Вэнс, чье телешоу в свое время занимало самую верхнюю строчку в рейтингах всех телевизионных компаний. Чуть ниже на Холме поселился актер вестернов Рэймонд Кобб; он снес старый дом и на его месте построил огромное ранчо с бассейном в форме звезды шерифа. На участке между этими двумя владениями стоял особняк, полностью скрытый от посторонних глаз деревьями. Его приобрела звезда немого кино Хелена Дэвис, о которой в былые дни в Голливуде ходило великое множество сплетен. Теперь, когда ей было под восемьдесят, она никуда не выходила, что только подпитывало слухи: в городе регулярно появлялся очередной парень, всегда блондин и всегда шести футов ростом, и представлялся другом мисс Дэвис. За что ее дом окрестили «Обителью греха».

Пришли из ЛосАнджелеса и новые веяния. В молле открылся «Клуб здоровья», куда сразу же записалась куча народу. А когда появилась мода на рестораны «Жечь Ван», в Гроуве тоже открылись два таких. Они быстро обзавелись постоянными клиентами и не жаловались на конкуренцию.

Процветали и художественные салоны, предлагавшие деко, американский примитив и китч. В молле из-за недостатка места пришлось надстроить второй этаж. Появились и стали неотъемлемой частью жизни совсем новые заведения – магазин оборудования для бассейнов, солярии и школа каратэ.

Иногда какой-нибудь новосел в очереди на педикюр или в зоомагазине, пока дети мучительно выбирали одну из трех пород шиншиллы, пытался намекнуть на дошедшие до него слухи. Здесь ведь что-то когда-то случилось, не так ли? Но старожилы Гроува быстро переводили разговор на менее зыбкую почву. Хотя уже выросло новое поколение, местные (как они любили себя называть) были твердо уверены, что о «Лиге девственниц» нужно забыть.

Но кое-кто в городе забыть об этом не мог. Одним из таких был Уильям. Остальных он старался не упускать из виду в течение последующих лет. Джойс Макгуайр – тихая, очень набожная женщина – без мужа воспитала ТоммиРэя и ДжоБет. Ее родители несколько лет назад переехали во Флориду, оставив дом дочери и внукам. Джойс почти никогда не покидала его стен. Хочкис так и не оправился после предательства жены, ушедшей от него к адвокату из Сан-Диего, что был на семнадцать лет ее старше. Семья Фаррелов переехала в Саузенд-Оукс, но дурная слава нашла их и там. В конце концов они забрали с собой Арлин и уехали в Луизиану. Арлин так и не пришла в себя. Уильям слышал, будто редко случалось, чтобы она произносила

больше десяти слов за неделю. Ее младшая сестра Джоселин Фаррел вышла замуж и переехала в БлуСпрюз. Уильям видел ее както раз, когда она приехала в Гроув навестить друзей. Судьбы этих семей оставались попрежнему тесно связаны с историей города. Уильям знал их всех, он здоровался с Макгуайрами, Джимом Хочкисом и Джоселин, но они ни разу не сказали друг другу ни слова.

В разговорах не было нужды. Все они знали то, что знали. И жили в ожидании.

II

Юноша был буквально чернобелый: черные волосы до плеч, завивавшиеся у шеи, черные глаза за стеклами круглых очков. Цвет кожи у него был слишком светлый для калифорнийца, зубы еще белее, хотя улыбался он редко и говорил мало. В обществе он начинал заикаться.

Даже «понтиак» с откидным верхом, который он припарковал у молла, был белый, пусть и поржавевший от снега и соли десятка чикагских зим. «Понтиак» провез своего хозяина через всю страну, хотя и заставил его пару раз поволноваться в пути. Пора было вывести эту машину в поле и пристрелить. Чтобы узнать приездего, достаточно было просто взглянуть на ряд припаркованных автомобилей.

Или на самого юношу. Он чувствовал себя беспомощным в своих вельветовых штанах и поношенной куртке (слишком длинные рукава и слишком узко в груди – как и у всех курток, что он покупал). В Гроуве цена человека определялась по цене его кроссовок. Но молодой человек не носил кроссовок. Он носил черные кожаные ботинки до тех пор, пока они не разваливались, а потом покупал такие же новые. Но, вписываясь он в местную жизнь или нет, он приехал сюда по делу, и чем скорее он этим делом займется, тем скорее почувствует себя в своей тарелке.

Для начала нужно сориентироваться. Юноша выбрал магазинчик «Замороженный йогурт», где было меньше всего народу, и нырнул туда. Там его встретили с таким радушием, что он испугался, будто его узнали.

– Привет! Чем я могу вам помочь?

– Я... нездешний, – начал он. «Дурацкое заявление», – мелькнула мысль. – Я хотел узнать... узнать, где мне купить карту?

– Карту Калифорнии?

– Нет, карту вашего города. – Он старался говорить короче, чтобы его заикание было менее заметно.

Человек за прилавком улыбнулся еще шире.

– Зачем вам карта? У нас маленький город.

– Ясно. А как насчет гостиницы?

– Конечно! Легко. Есть одна совсем рядом. Или новая, в Стиллбруке.

– Какая самая дешевая?

– «Терраса». С другой стороны молла.

– Прекрасно.

Улыбка, которую он получил в ответ, говорила: «У нас все прекрасно». Он и сам в это почти поверил. Множество блестящих новеньких машин; светящиеся указатели торгового центра, яркий, словно воскресный утренний мультик, большой плакат на фасаде мотеля: «Добро пожаловать в цветущий рай ПаломоГроува!» Юноша добрался до гостиницы, снял номер и с облегчением задернул шторы, чтобы отгородиться от дневного света и немного полежать в полумраке.

Последний отрезок пути порядком его утомил. Он решил сделать зарядку и принять душ, чтобы привести себя в порядок. Он относился к своему телу как к механизму, а сейчас оно слишком долго просидело в машине и нуждалось в разминке. Минут десять он разогревался, имитируя бой с тенью, проводил комбинации ударов руками и ногами, затем последовала его любимая связка из более сложных приемов: «топор», «полумесец в прыжке», хук с разворотом и удары ногами в прыжке с разворотом. Как обычно, физические упражнения помогли привести мысли в порядок. Когда он дошел до растяжек и приседаний, он уже был готов перевернуть полгорода в поисках ответа на вопрос, изза которого сюда приехал.

Кто такой Ховард Катц? Ответ «я» больше его не устраивал. Он был просто машиной. Он хотел знать больше.

Первой этот вопрос задала Венди – в долгий вечер споров, закончившийся тем, что она от него ушла.

– Ты мне нравишься, Хови, – сказала она – Но я не могу любить тебя. И знаешь, почему? Потому что я не знаю, кто ты.

– Сказать, кто я? – ответил Хови. – Человек с дырой в Душе.

– Довольно странное определение.

– Довольно странное ощущение.

Это было странно, но это было правдой. У других были разные способы ощущать себя людьми: честолюбие, убеждения, вера. Ему досталась лишь жалкая неопределенность. Те, кому он нравился – Венди, Ричи, Лем, – относились к нему терпеливо. Они ждали, пока он, заикаясь и запинаясь, выскажет свое мнение, и даже пытались найти смысл в его словах. («Ах ты, святая простота», – сказал както ему Лем, и Хови до сих пор это помнил.) Но для прочих он был Катцнедотепа Открыто ему этого не высказывали – никто не рисковал меряться с ним силой. Но он знал, что за его спиной люди так говорят. Каждый раз все сводилось к одному: Кати – неполноценный.

Разрыв с Венди стал последней каплей. Остаток недели он размышлял, никому не показываясь на глаза. Решение пришло неожиданно. Если есть место на земле, где он мог чтото узнать и понять о себе, то это родной город.

Он раздвинул шторы. За окном все сияло, и в воздухе носились приятные запахи. Он не мог понять, зачем матери понадобилось менять это райское место на Чикаго с его зимними ветрами и летней духотой. Теперь, когда мать умерла (неожиданно, во сне), ему предстояло самому разрешить эту загадку и постараться заполнить ту пустоту, что он всегда ощущал в себе.

Когда она подошла к выходу, мать позвала из своей комнаты, как всегда безошибочно рассчитав время:

– ДжоБет? Ты здесь?

Знакомые тревожные нотки в голосе: любите меня сейчас, потому что завтра меня может не быть. Завтра... или через час.

– Дорогая, ты еще здесь?

– Ты же знаешь, что да, мама.

– Можно тебя на минутку?

– Я опаздываю на работу.

– Только на минутку. Пожалуйста! Минутка тебя не задержит.

– Идуиду. Не расстраивайся.

ДжоБет направилась по лестнице вверх. Сколько раз в лень она поднималась по ней? Вся ее жизнь прошла в беготне по этим ступеням, вверх и вниз, вниз и вверх.

– Что, мама?

Джойс Макгуайр лежала на софе рядом с открытым окном в своей обычной позе, откинувшись на подушки. Она не выглядела больной, но она вечно болела. Врачи приходили, осматривали ее, получали гонорар за визит и уходили, недоуменно пожимая плечами. Они говорили, что физически Джойс здорова. Слушали сердце, легкие, осматривали позвоночник – все было в порядке. Но она хотела услышать другое. Когдато она знала девушку, которая сошла с ума, попала в больницу и больше никогда не поправилась. Поэтому Джойс больше всего на свете боялась безумия. Она боялась даже произносить это слово.

– Не попросишь ли ты пастора позвонить мне? – попросила Джойс. – Может, он зайдет вечером.

– Он очень занятой человек, мама.

– Не для меня, – возразила Джойс.

Ей было тридцать девять, но она вела себя так, будто была вдвое старше. Она поднимала голову от подушки с такой осторожностью, словно каждый дюйм был для нее победой над гравитацией. Ее руки и веки подрагивали, а в голосе слышалась постоянная тревога. Она напоминала киношного чахоточного больного, и никакая медицина не могла убедить ее отказаться от этой роли. В соответствии с этой ролью она одевалась в больничные пастельные тона, отрастила длинные черные волосы и не думала делать прическу или хотя бы закалывать их. Она не пользовалась косметикой, что еще более усиливало впечатление, будто эта женщина балансирует на грани жизни и смерти. ДжоБет теперь даже радовалась, что мать не появляется

на людях. Ее вид вызвал бы толки. Но все это приковывало ДжоБет к дому, где она должна была носиться вверхвниз по лестнице. Вверхвниз, вверхвниз.

Когда раздражение ДжоБет достигало, как сейчас, предела, она убеждала себя, что у матери есть причины для подобного поведения. В таком консервативном городе, как Гроув, незамужней женщине нелегко одной воспитывать детей. Она заработала свой недуг, выслушивая всю жизнь порицания и осуждение.

– Я попрошу пастора Джона тебе позвонить. А теперь, мам, мне пора.

– Знаю, дорогая, знаю.

ДжоБет повернулась к двери, но Джойс снова ее окликнула.

– Не поцелуешь меня? – сказала она.

– Мама...

– Ты никогда не отказывалась поцеловать меня.

ДжоБет покорно вернулась к кровати и поцеловала мать в щеку.

– Будь осторожна, – сказала Джойс.

– Хорошо.

– Не люблю, когда ты работаешь допоздна.

– Здесь не НьюЙорк, мам.

Глаза Джойс метнулись к окну, словно она хотела убедиться в этом.

– Неважно, – сказала Джойс, и ее голос окреп: – Сейчас в мире нет безопасных мест.

Знакомые речи. ДжоБет с детства слышала нечто подобное в разных вариантах. Молл, мир – это долина смерти, полная неведомого зла. Поэтому мама и любила общаться с пастором Джоном. Они оба считали, что дьявол гуляет по земле, а также непосредственно по улицам ПаломоГроува.

– Увидимся утром, – сказала ДжоБет.

– Я люблю тебя, дорогая.

– Я тоже тебя люблю, мама.

ДжоБет закрыла дверь и направилась вниз.

– Спит?

Внизу стоял ТоммиРэй.

– Нет.

– Черт!

– Тебе нужно зайти к ней.

– Знаю, что нужно. Только неохота получать нагоняй за среду.

– Когда ты напился? Она говорила, будто ты перебрал.

– А ты как думала! Если бы мы жили как нормальные люди, у которых дома имеется алкоголь, такого не случилось бы.

– Так это она виновата, что ты напился?

– Ты тоже будешь меня доставать? Черт! Все только и делают, что мораль читают.

ДжоБет улыбнулась и обняла брата за плечи.

– Нет, Томми. Тебя все любят, и ты это знаешь.

– И ты?

– И я.

Сестра легко чмокнула его и подошла к зеркалу взглянуть, как она выглядит.

– Картинка, – сказал он, подойдя ближе. – Что ты, что я.

– Твое самомнение становится все невыносимее.

– Потому ты меня и любишь, – сказал он. – Интересно, ты похожа на меня или я на тебя?

– Никто ни на кого не похож.

– Ты когданибудь видела два настолько похожих лица? Она улыбнулась. Сходство между ними было и впрямь потрясающим. Оба они, ДжоБет и ТоммиРэй, были легкие и хрупкие, и оба восхищались друг другом. ДжоБет больше всего на свете любила гулять под руку с братом. Она знала, что лучшего спутника не пожелает себе ни одна девушка и что брат чувствует то же самое. Даже на набережной Венеция, где хватало красоток и красавцев, все оборачивались им вслед.

Но в последние несколько месяцев они не гуляли вместе. Она пошла работать в закусочную, а он шлялся по пляжам со своими друзьями – Шоном, Энди и прочими. ДжоБет скучала по брату.

– У тебя не возникало никаких странных ощущений в последние дни? – вдруг спросил он.
– Каких, например?
– Ну, не знаю. Может, мне просто кажется. У меня такое чувство, будто все заканчивается.
– Лето на носу. Все только начинается.
– Да, я знаю... Энди уехал в колледж, да и хрен с ним. Шон связался с девчонкой из ЛосАнджелеса и не отходит от нее. Меня бросили тут одного в ожидании не знаю чего.
– Так не жди, съезди куданибудь.
– Да, наверное, ты права. Только... – Он изучал ее лицо в зеркале. – Ты не чувствуешь ничего... странного?

Она посмотрела на него, не уверенная, стоит ли рассказывать о своих снах. Ей снилось, будто волна относит ее все дальше и дальше, а ее прежняя жизнь остается на берегу. Если не Томми, которого она любит больше всех на свете, кому еще можно про это рассказать?

– Ладно, признаюсь, – сказала она. – Коечто было.

– Что?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Может быть, я тоже жду.

– Ты знаешь, чего?

– Неа.

– Вот и я.

– Ну разве мы не отличная пара?

Она вспоминала этот разговор, пока ехала к моллу. Томми, как обычно, первый сформулировал их общие ощущения. Последние недели были заполнены ожиданием. Вскоре что-то должно было случиться. Так говорили ее сны. Она чувствовала нутром. Она лишь надеялась, что все произойдет как можно скорее, пока она не сорвалась – ДжоБет по горло была сыта матерью, Гроувом, работой в закусочной. Терпение кончилось, а то, что маячило на горизонте, не наступило, и жизнь остановилась. Если ничего не случится нынешним летом (что бы это ни было, пусть даже какая-то неприятность), ДжоБет сама отправится навстречу неизвестному.

Похоже, в этом городе мало кто ходит пешком, заметил Ховард. За три четверти часа, пока он бродил по холму вверх и вниз, он встретил всего пятерых пешеходов, но они все гуляли или с детьми, или с собаками. Случайно он пришел в нужное место, где можно разузнать что-нибудь о городе. К тому же он успел нагулять аппетит.

От отчаяния спасет бифштекс, решил он и выбрал из нескольких заведений в молле закусочную Батрика. Она была маленькая и полупустая. Ховард сел за столик у окна, открыл потрепанную книжку Гессе «Сиддхартха» на немецком языке и продолжил борьбу с текстом. Это книга принадлежала его матери, была ею читана и перечитана. Он не помнил, чтобы мать произнесла хоть слово по-немецки, хотя владела этим языком в совершенстве, чего нельзя сказать о Ховарде. Чтение немецкой книги было для него сродни немому заиканию – он бился над каждой строчкой, пытаясь уловить ускользавший смысл.

– Что будете пить? – спросила официантка. Он раскрыл рот, чтобы заказать колу, и в эту секунду вся его жизнь изменилась.

ДжоБет переступила порог закусочной Батрика. Последние семь месяцев она работала здесь трижды в неделю, но сегодня все было по-другому, словно предыдущие дни были лишь репетициями сегодняшнего вечера – вот она обернулась, вот встретилась глазами со взглядом молодого человека за пятым столиком. На нем были очки в золотой оправе, в руке книга. Он приоткрыл рот. Она не знала его имени – не могла знать. Она никогда не видела его прежде. Но он смотрел на нее с тем же выражением узнавания, которое, она чувствовала, отразилось и на ее лице.

Увидеть ее лицо – как родиться заново, подумал он. Как шагнуть из надежного укрытия навстречу захватывающим приключениям. Когда она улыбнулась, не было в мире ничего прекраснее легкого изгиба ее губ.

Прекрати, сказала она себе, не смотри на него. Ты так смотришь, что он решит, будто ты сумасшедшая. Хотя самто он тоже смотрит, разве не так?

«Я буду смотреть, пока она смотрит», «... пока он смотрит».

ДжоБет! – раздался окрик из кухни. Она моргнула.

– Вы сказали, вам колу? – переспросила официантка. ДжоБет повернулась в сторону кухни – пора идти, ее уже звал Мюррей. Потом оглянулась назад, на парня с книгой. Он все еще смотрел на нее.

– Да, – услышала она его голос. Это было сказано для нее.

«Да, иди, – говорил он. – Я подожду здесь».

Она кивнула и пошла.

Все длилось не больше пяти секунд, но их обоих бросило в дрожь.

Мюррей стоял в кухне с обычным страдальческим видом.

– Где ты была?

– Я опоздала на две минуты.

– Зачту за десять. В углу трое. За твоим столиком.

– Сейчас, только фартук надену.

– Быстрее.

Хови смотрел на дверь кухни, ожидая ее появления. «Сиддхартха» был забыт. ДжоБет вышла и, не глядя на юношу, поспешила к столику в дальнем конце зала.

Его это не опечалило. Контакт между ними возник с первого взгляда. Если потребуется, он прождет всю ночь, пока она не закончит работу и опять не посмотрит на него.

А во тьме под землей городка продолжали стискивать друг друга в объятиях, ни на миг не ослабляя хватку, виновники того, что эти дети появились на свет. Даже когда они поднялись из озера к купальщицам, они не отпускали друг друга. Флетчер не сразу сообразил, что именно задумал Яфф. Сперва он решил, будто тот решил получить от девушек энергию для создания своих терат. Но планы Яффа простирались гораздо дальше. Он хотел сделать собственных детей. Осознав это, Флетчер вынужден был последовать его примеру. Он жалел о своем поступке. Еще больше устыдился он, когда до них дошли новости о последующих событиях. Прежде, сидя у окна вместе с Раулем, он мечтал стать небом. А в результате превратился в совратителя невинных девушек, уничтожив их будущее одним прикосновением. Угрызения совести Флетчера не радовали Яффа. Не раз за годы, проведенные во тьме, Флетчер слышал, как его врага терзают сомнения – чей ребенок явится первым, чтобы спасти отца?

После того как они приняли нунций, время больше не имело власти над ними. Они не спали, не испытывали голода. Как погребенные в одной могиле любовники, они ждали под землей. Иногда они слышали голоса, доносившиеся сверху сквозь трещины в земле, образовавшиеся в результате незаметного и постоянного движения пород. Эти голоса ничего не говорили об их детях, а ментальную связь с отпрысками они потеряли. По крайней мере, до сегодняшнего вечера.

Сегодня молодые люди встретились, и контакт неожиданно восстановился. Словно дети, встретив полную противоположность себе, поняли что-то о собственной природе и невольно открыли сознание для родителей. Флетчер оказался в мозгу сына Труди Катц – юноши по имени Ховард. Глазами Ховарда он увидел дочь своего врага – так же как Яфф увидел его сына глазами своей дочери.

Именно этого момента они ждали. В тот день, когда вихрь пронес их через половину Америки, силы обоих истощились. Теперь детям предстояло сражаться за них, чтобы закончить войну, продолжавшуюся два десятилетия. И новое сражение закончится чьей-то смертью.

По крайней мере, так они думали. Впервые в жизни Флетчер и Яфф ощутили боль друг друга, будто их души пронзило одно копьё.

И их противостояние тут было ни при чем. Совсем ни при чем.

– Нет аппетита? – поинтересовалась официантка.

– Похоже, – ответил Ховард.

– Унести?

– Да.

– Хотите кофе? Десерт?

– Еще колу.

– Значит, одну колу.

ДжоБет была в кухне, когда вошла Беверли с тарелкой. Не стал есть отличный стейк, – сказала Беверли.

- Как его зовут? – спросила ДжоБет.
- Я что, служба знакомств? Не спрашивала.
- Так спроси.
- Сама спроси. Заказал еще колу.
- Ладно. Присмотришь за моим столиком?
- Ага, зови меня Купидоном.

ДжоБет, стараясь сосредоточиться на работе, не смотрела на парня достаточно долго – целых полчаса. Она налила кокаколы и вышла. К ее ужасу, за столиком никого не оказалось. При виде пустого стула у нее закружилась голова, и она едва не выронила стакан. Потом краем глаза заметила, как юноша вышел из уборной. При виде ДжоБет он улыбнулся. Она направилась к нему, не обращая внимания на две подзывавшие ее руки за другими столиками. Она уже знала, о чем хочет его спросить – вопрос мучил ее с самого начала. Но парень опередил ее.

– Мы знакомы?

И она, конечно же, знала ответ.

– Нет, – сказала она.

– Просто когда ты... ты... ты... – Он запнулся, на скулах его заходили желваки, будто он жевал резинку.

– Ты... – продолжал он. – Ты...

– Я тоже так решила, – перебила она, надеясь, что он не обидится на это.

Кажется, не обиделся. Напротив, он улыбнулся, и его лицо стало мягче.

– Странно, – сказала она – Ты ведь не из Гроува?

– Нет. Из Чикаго.

– Ты проделал неблизкий путь.

– Я родился здесь.

– Правда?

– Меня зовут Ховард Катц. Хови.

– А меня ДжоБет...

– Во сколько ты заканчиваешь?

– Около одиннадцати. Хорошо, что ты зашел сегодня. Я работаю по понедельникам, средам и пятницам. Завтра ты бы меня не застал.

– Мы нашли друг друга, – сказал он, и от уверенности, прозвучавшей в его словах, ей захотелось плакать.

– Мне нужно работать, – проговорила она.

– Я подожду.

В одиннадцать десять они вместе вышли от Батрика. Ночь была теплой и влажной.

– Зачем ты приехал в Гроув? – спросила ДжоБет, когда они шли к ее машине.

– Чтобы встретиться с тобой. Она рассмеялась.

– А почему бы нет?

– Ну ладно. Тогда зачем ты отсюда уехал?

– Мать переехала в Чикаго, когда мне было несколько недель от роду. О старом добром родном городе она почти ничего не рассказывала. А если и говорила, то так, будто тут не жизнь, а ад. Захотелось увидеть своими глазами. Может быть, чтобы лучше ее понять... И себя тоже.

– Она живет в Чикаго?

– Она умерла. Два года назад.

– Грустно. А твой отец?

– У меня его нет. В смысле, я... я... я... – Он опять начал заикаться, но справился с собой. – Я никогда его не видел.

– Странно. Очень странно.

– Почему?

– У меня та же история. Я не знаю, кто мой отец.

– Но ведь это не имеет значения, не так ли?

– Раньше имело. Сейчас меньше. Понимаешь, у меня есть братблизнец. ТоммиРэй. Мы всегда вместе. Тебе надо с ним познакомиться. Он тебе понравится. Его все любят.

– И тебя. Тебя, наверное, тоже все... все... любят.

– Почему?

– Ты красивая. Мне придется соперничать с половиной парней округа Вентура.

– Нет.

– Не верю.

А, они только смотрят. Но трогать меня им не позволено.

– Мне тоже? Она остановилась.

– Я тебя совсем не знаю, Хови. Вернее, не так – и знаю, и не знаю. Когда увидела тебя в закускойной, я почемуто узнала тебя. Но я никогда не была в Чикаго, а ты – в Гроуве после того.... – Она вдруг нахмурилась. – Сколько тебе лет?

– В апреле исполнилось восемнадцать. Джо еще сильнее сдвинула брови.

– Что случилось?

– Мне тоже.

– Что?

– В апреле исполнилось восемнадцать. Четырнадцатого.

– А мне второго.

– Все это очень странно, не находишь? Мне кажется, что мы знакомы. И тебе кажется.

– Тебя это тревожит?

– По мне все так заметно?

– Да. Никогда не видел лица, которое... настолько отражает чувства... и которое мне так хотелось бы поцеловать.

Внизу, под землей, духи корчились от боли. Каждое слово бритвой резало им слух. Но они были бессильны это остановить. Они могли лишь присутствовать в головах детей и слушать.

– Поцелуй меня, – сказала она. Духи под землей задрожали. Хови дотронулся рукой до ее лица.

Духи дрожали, пока вокруг них не затряслась земля.

ДжоБет придвинулась к юноше на полшага и коснулась своими улыбающимися губами его губ.

Духи кричали в уши своих детей, пока не треснул бетон, замуровавший их восемнадцать лет назад: «Хватит! Хватит! Хватит!»

– Ты ничего не почувствовала?

Она засмеялась.

– Да, – сказала она. – Мне показалось, что дрогнула земля.

III

Девушки спускались к воде дважды. Второй раз – наутро после той ночи, когда Ховард Катц познакомился с ДжоБет Макгуайр. Утро было прохладным, свежий ветер развеял тяжелый воздух минувшего вечера и обещал нежаркий день.

Бадди Вэнс снова спал один в своей сделанной на заказ трехспальной кровати. Трое в постели, как он однажды сказал (и его, к сожалению, цитировали), это и есть райское наслаждение. Двое – супруги, и третий – дьявол. Он много раз проверял и точно знал: рай не для него. Хотя гораздо приятнее, если утром в твоей постели лежит женщина, пусть даже и не жена. Его отношения с Эллен были слишком извращенными, чтобы длиться долго. Он ее бросил. Отсутствие Эллен упрощало утренний распорядок: когда никто не зовет тебя обратно в постель, куда проще влезть в спортивный костюм и пробежаться вниз по Холму.

Бадди было пятьдесят четыре. Бег трусцой заставлял его вдвойне чувствовать это. Слишком много знакомых Бадди умерли как раз в таком возрасте (последний – его агент Стенли Годхаммер) и от того же, чем злоупотреблял он сам. Сигары, наркотики, выпивка. Из всех его пороков женщины были самым здоровым увлечением, но даже здесь следовало проявлять умеренность. Он уже не способен заниматься любовью ночь напролет, как в тридцать лет. А после нескольких недавних болезненных неудач – и вообще не способен. Именно по этой причине он обратился к доктору с требованием панацеи, за любую цену. – Панацеи нет, – сказал Тэрп.

Он пользовал Бадди со времен телевизионного взлета «Шоу Бадди Вэнса». Тогда оно возглавляло еженедельные рейтинги, а его шутки, прозвучавшие в восемь вечера, были на устах каждого американца на следующее утро. Тэрп знал Бадди, которого както называли

«самым смешным человеком в мире», так сказать, с изнанки.

– Ты ежедневно гробишь свое тело, Бадди. Ежедневно. И еще говоришь, что не хочешь умирать. Ты хочешь до ста лет ездить играть в Вегас.

– Точно.

– На сегодняшний день я обещаю тебе еще лет десять. Если повезет. Избыток веса, избыток стресса. Видал я трупы и поздоровее.

– Это я придумываю шутки, Лу.

– А я заполняю свидетельства о смерти. Так что начинай заботиться о себе, ради Христа, не то отправишься следом за Стенли.

– Думаешь, меня это не беспокоит?

– Знаю, что беспокоит, Бадди, знаю.

Тэрп обошел стол и подошел к Бадди. На стенах кабинета висели подписанные фотографии звезд, которых он наблюдал и лечил. Сплошь громкие имена. Большинство из них умерли, многие преждевременно. Такова цена славы.

– Я рад, что ты решил взяться за ум. Если ты серьезно...

– Я же здесь, так? Куда еще серьезней? Сколько можно? Я никогда не смеялся над смертью. Ты же знаешь. Над чем угодно, Лу, но не над этим.

– Ну, раньше или позже ты все равно с ней встретишься...

– Предпочитаю позже.

– Ладно, я распишу тебе режим. Диета, гимнастика и труд. Но предупреждаю, Бадди: это будет не очень приятное чтение.

– Я где-то слышал, что смех продлевает жизнь.

– Покажи мне, где написано, что комики живут вечно, и я покажу тебе забавную эпитафию на эту тему.

– Да. Так когда начинать?

– Сегодня. Выкини спиртное и порошки, ныряй в бассейн хоть раз в день.

– Его надо почистить.

– Вот и почистишь.

Это была самая легкая часть. Вернувшись домой, Бадди попросил Эллен позвонить в фирму по обслуживанию бассейнов, и уже на следующий день оттуда прислали чистильщика. Как Тэрп и предупреждал, соблюдать режим оказалось делом нелегким. Когда воля давала слабину, Бадди вспоминал о том, как выглядит по утрам в зеркале, и о том, что он видит свой член, только если до боли втягивает живот. Если и это не помогало, он думал о смерти. Но к такому он прибегал в самом крайнем случае.

Он всю жизнь вставал рано, и ранние подъемы не потребовали особых усилий. Улицы были пусты. Часто Бадди – как сегодня – спускался с Холма и через восточный район бежал в лес, где по земле ступать было не так жестко, как по асфальту, и одышку заглушало пение птиц. Его хватало на пробежку лишь в одну сторону. Он велел Хосе Луису подгонять лимузин к опушке и встречать его там с полотенцами и холодным чаем. Назад в КониАй*, как он окрестил свое поместье, Бадди возвращался на колесах. Все же здоровье – это одно, а мазохизм, тем более публичный, совсем другое.

Помимо уменьшения живота бег служил и для другого. Теперь по утрам Бадди на целый час оставался в полном одиночестве и мог спокойно обдумать все, что его беспокоило. Сегодня он то и дело мысленно возвращался к Рошели. Их бракоразводный процесс должен завершиться к концу недели, и тогда его шестой брак наконец канет в прошлое. Второй по краткости из шести. Самым коротким оказался брак с Шаши – он длился сорок два дня и завершился выстрелом, изза чего Бадди едва не лишился яиц. При мысли об этом он до сих пор покрывался холодным потом. С Рошелью они были женаты год, хотя вместе провели не больше месяца. После медового месяца, полного маленьких сюрпризов, она вернулась в ФортУорт рассчитывать будущие алименты. Брак их был обречен изначально. Бадди следовало это понять сразу, когда она не засмеялась, услышав его шутки. Но зато она была самой красивой из его жен, включая Элизабет. Выражение ее лица всегда оставалось каменным, но сотворившего его скульптора явно осенил гений.

Бадди, сбегав с тротуара и углубляясь в лес, думал как раз о ее лице. Может, стоит еще раз попытаться – позвонить ей и пригласить в Кони? Так у них было с Дианой, и они провели два лучших месяца их совместной жизни, пока не вспомнили о старых обидах. Но Диана не

Рошель. Глупо предлагать одной женщине модель поведения другой. Они все так восхитительно не похожи друг на друга. Мужчины по сравнению с ними – скучное стадо, однообразные и уродливые. Бадди хотел бы в следующей жизни родиться лесбиянкой.

В стороне от своей дорожки послышался смех – без сомнения, смеялись молодые девушки. Странно, что они пришли в лес столь ранним утром. Бадди остановился и прислушался, но вокруг вдруг стихли все звуки – ни смеха, ни птичьего пения. Единственное, что он различал, это звуки, производимые его собственным организмом. Может, почудилось? Вполне возможно, ведь у него на уме одни женщины. Но когда он уже собрался поворачивать обратно и предоставить эти молчаливые заросли самим себе, смех послышался вновь, и вместе с ним пейзаж вокруг него странным образом – почти как галлюцинация – изменился. Смех, казалось, оживил лес. Зашелестели листья, ярче засветило солнце. Более того – изменилось само направление солнечных лучей. В тишине он был мертвеннобледным, а солнце стояло низко на востоке. Прозвучавший смех сделал свет ярким, как в полдень, и он полился на повернутые к небу листья деревьев вертикально вниз.

Бадди верил и не верил глазам. Он стоял, зачарованный происходящим, как женской красотой.

Когда смех прозвучал в третий раз, он понял, откуда тот доносится, и повернулся в его сторону, а игра света продолжалась.

Впереди, в нескольких ярдах перед собой, он заметил движение среди листвы. Мелькнула обнаженная кожа. Девушка снимала белье. Немного дальше еще одна – очень красивая блондинка – тоже принялась раздеваться. Инстинктивно он чувствовал, что они не совсем реальны, но все же двигался осторожно, боясь их спугнуть. Можно ли спугнуть иллюзию? Но он не хотел рисковать таким зрелищем. Блондинка разделась последней. Трое других (Бадди сосчитал) уже вошли в озеро, мерцавшее за кромкой берега. «Арлин!» – кричали они блондинке, выдав ее имя. Продвигаясь от дерева к дереву, Бадди подобрался к берегу футов на десять. Арлин уже вошла в озеро по бедра. Нагнулась, зачерпнула воды и брызнула на себя. Воды было почти не видно. Остальные девушки ушли вперед, они уже плавали на глубине и, казалось, парили в воздухе.

«Призраки, – подумал он, не до конца осознавая, что происходит. – Это призраки. Я подсматриваю за прошлым, разворачивающимся передо мной».

При этой мысли Бадди вышел из укрытия. Если он не ошибся, то девушки вот-вот растают, а он хотел насладиться сценой сполна.

В траве не было и следа их вещей, а девушки, оглядываясь, не замечали его присутствия.

– Не заплывай далеко! – крикнула одна из четырех подруг. Но Арлин не обратила внимания на ее совет.

Она поплыла дальше, отдаляясь от берега, и ноги ее раздвигались, сдвигались, раздвигались, сдвигались. Бадди в жизни не видел столь эротичного зрелища, не мог такого припомнить со времен своих первых «влажных» снов. Изза призрачности воды, обнимавшей крепкие тела, казалось, будто девушки парят в мерцающем воздухе, и очертания их слегка расплылись, но не настолько, чтобы помешать ему наслаждаться каждой мелочью.

– Теплее! – крикнула та, что была впереди. Она уже отдалилась на приличное расстояние. – Здесь теплее!

– Издеваешься?

– Плыви, сама почувствуешь!

Ее слова подстегнули Бадди. Он многое увидел, но хватит ли у него духу к ним прикоснуться? Если сам он невидим для них – а это было ясно – что за беда, если он подойдет и погладит девушек по спинкам?

Он вошел в озеро беззвучно, сначала по щиколотку, потом по колено, не ощутив прикосновения воды. Однако Арлин плыла вполне уверенно. Она скользила по глади озера, ее волосы рассыпались по воде вокруг головы, и с каждым гребком она отдалялась от Бадди. Он поспешил вслед и, не встретив сопротивления воды, быстро сокращал расстояние. Он уже протянул руки, пожирая взглядом мерно двигавшиеся розовые ягоды.

Та, что заплывала вперед, что крикнула, но он не обратил внимания. Он мог думать только о том, как сейчас коснется Арлин и будет гладить ее тело, пока она, не замечая его, продолжает свой путь. Тут его нога кудато провалилась. Руки еще тянулись к Арлин, когда он упал лицом вниз. Падение отрезвило его достаточно, чтобы он прислушался к тому, что кричат впереди.

Веселье исчезло, и голоса девушек наполнились тревогой и страхом. Бадди поднял голову. Двое пловчих, висевших перед ним в воздухе, отчаянно боролись, обратив лица кверху.

– О боже, – сказал он.

Они тонули. Еще несколько минут назад он назвал их призраками, не вполне отдавая себе отчет в том, что именно он хочет сказать. И теперь, когда ему открылась истина, его затошнило. Купание в призрачном озере когда-то закончилось трагедией. И он возжелал мертвых.

Поняв, что он едва не погубил себя, Бадди хотел развернуться и уходить, но не устоял перед извращенной притягательностью несчастья и задержался.

Тонули уже все четверо. Лица их потемнели от удущья. Как такое могло случиться? Они тонули на глубине всего четырехпяти футов. Может, их захватило течение? Но и это предположение казалось маловероятным для мелкого и спокойного озера.

– Помогите... – услышал он свой собственный голос. – Помогите им, ктонибудь!

Вместо того чтобы уйти, Бадди направился к девушкам, словно мог помочь. Ближе всех от него была Арлин. Вся красота сошла с ее охваченного ужасом и отчаянием лица. Потом вдруг ее расширенные глаза словно увидели что-то внизу в воде. Затем она явно сдалась, и на лице появилось выражение полного смирения. Она смирилась со смертью.

– Не надо, – пробормотал Бадди, протягивая к ней руки, будто мог вытащить ее из прошлого и спасти.

Когда его рука коснулась девушки, Бадди понял, что это гибель для них обоих. Но было поздно. Земля внизу дрогнула. Бадди посмотрел себе под ноги. Под тонким слоем травы и почвы оказался серый камень... Или бетон? Да! Бетон! Здесь была расщелина, залитая бетоном, но теперь он треснул, и трещина быстро расширялась.

Он оглянулся на берег, но между ним и спасительным твердым берегом пробежала еще одна трещина. В ярде от его ноги сорвался вниз осколок бетона. Изпод земли пахнуло холодом.

Бадди оглянулся на девушек. Мираж таял. Все четыре лица теперь выглядели одинаково: глаза закатились, так что видны были одни белки, раскрытые рты свело судорогой. Теперь Бадди понял, что погибли они не на мелководье. Когда-то здесь был провал, приманивший их к себе так же, как и его: их – водой, его – призраками.

Он принялся звать на помощь. Земля дрожала все сильнее, бетон крошился под ногами. Может быть, в лесу есть еще какой-нибудь утренний бегун, который услышит крик и поможет. Только пусть поспешит.

Но кого он хочет обмануть? Никто не придет, и сейчас он умрет. Проклятье, и вправду умрет!

Трещина между ним и твердой землей быстро росла и расширялась, но у Бадди не было другого выхода, кроме как попытаться ее перепрыгнуть. И нужно торопиться, пока весь бетон под ногами не раскрошился и не рухнул в провал, увлекая его за собой. Сейчас или никогда.

Он прыгнул. Это был хороший прыжок. Всего несколько дюймов, и он бы спасся. Но несколько дюймов решили все. Его руки схватили воздух, и он рухнул вниз.

Еще *целое* мгновение он видел солнце у себя над головой. Потом оказался в темноте, ледяной темноте, среди летевших рядом куда-то вниз кусков бетона. Он слышал, как они с треском ударяются об отвесную скалу, а потом понял, что источник этих звуков – он сам. Он падал и слышал треск своих ломавшихся костей и позвоночника. Он падал и падал.

Обычно, если Хови ложился под утро, он просыпался поздно. Но только не в этот день. Он проснулся рано, сделал зарядку и чувствовал себя великолепно. Преступно нежиться в постели в такое чудесное утро. Он купил газировки в автомате и сел возле окна, глядя на небо и думая о том, что ему принесет грядущий день.

Впрочем, не совсем так. Он думал вовсе не об этом, а о ДжоБет и только о ней. О ее глазах, улыбке, голосе, коже, запахе, о ее тайнах. Он смотрел в небо, но видел ее лицо.

Такое с ним было впервые. Никогда раньше его не охватывало столь сильное чувство. Дважды за ночь он просыпался весь в поту. Он не мог вспомнить снов, изза которых просыпался, но, несомненно, ему снилась она. Да и могло ли быть иначе? Нужно найти ее. Каждый час без нее потерян – если Хови не видит ее, ему ни к чему зрение, если не касается ее, то ничего не чувствует.

Прошлым вечером она сказала, что по вечерам работает у Батрика, а днем в книжном магазине. Учитывая размеры молла, найти ее там будет нетрудно. Хови со вчерашнего дня ничего не ел и, чтобы заполнить пустоту в желудке, купил пакет пончиков. О той, другой

пустоте, заполнить которую он сюда приехал, Хови не вспоминал. Он шел мимо офисов в поисках магазина ДжоБет. Магазин оказался между зданием службы по дрессировке собак и агентством по недвижимости. Как и большинство магазинов в молле, он был еще закрыт. До открытия, судя по табличке на дверях, оставалось примерно три четверти часа. Хови сел на ступеньку под начинавшим припекать солнцем, распечатал пончики, стал есть и ждать.

Когда она открыла глаза, первым ее желанием было забыть о работе и бежать на поиски Хови. События прошлого вечера снились ей всю ночь, снова и снова. Каждый раз они немного менялись, словно ей показывали несколько альтернативных реальностей, порожденных столкновением одних и тех же обстоятельств. Но в каждой из реальностей присутствовал он. Он был там и ждал ее с ее первого вздоха. Какимто необъяснимым образом они с Хови оказались предназначены друг другу.

Она прекрасно понимала, что если бы услышала подобное от одной из своих подруг, то вежливо отстранилась бы, посчитав глупостью. Конечно, это не означало, что она была бесчувственной. Она включала радио, чтобы услышать какую-нибудь сентиментальную песенку. Но и слушая песенку, она всегда отдавала себе отчет: это лишь для того, чтобы отвлечься от реальности. Она ежедневно видела прекрасный пример, жертву этой реальности – свою мать, что жила заложницей своего дома и своего прошлого. Мать постоянно говорила о тех днях, когда у нее еще не пропала охота выходить на улицу, о надеждах и о друзьях, с которыми она когда-то делилась надеждами.

Но не может быть, чтобы случившееся вчера между ней и этим парнем из Чикаго закончилось так же, как единственная любовь ее матери. Эта любовь опустошила душу Джойс настолько, что теперь она не способна заставить себя назвать даже имя того презренного человека. ДжоБет почерпнула для себя из воскресных проповедей одно: откровение является, когда его меньше всего ожидаешь. Как «Книга Мормона», дарованная ангелом Джозефу Смиту на ферме в Пальмире, в штате НьюЙорк. А разве вчера все произошло не так же неожиданно? Что другое, если не рука судьбы, привело его в закусочную Батрика?

В кухне уже ждал ТоммиРэй, и взгляд его был столь же острым, как запах сваренного им кофе. Выглядел он так, будто спал в одежде.

– Провел бурную ночь? – спросила она.

– Как и ты.

– Я не особенно. Вернулась еще до полуночи.

– Но ты все равно не спала.

– То засыпала, то просыпалась.

– Ты не спала, я слышал.

Она знала, что это маловероятно. Их спальни находились в разных концах дома, и даже из ванной услышать ее он не мог.

– Ну? – спросил он.

– Что «ну»?

– Поговори со мной.

– Томми? – В его вопросах была настойчивость, и это ее нервировало. – Да что с тобой?

– Я тебя слышал, – повторил он. – Слышал тебя всю ночь. Прошлым вечером что-то произошло, да?

Он не мог ничего знать про Хови. Одна только Беверли видела, но даже если бы той и захотелось разболтать (что сомнительно), вряд ли она успела бы распусть слухи. ДжоБет, в свою очередь, знала немало ее секретов. Да и о чем тут рассказывать? О том, что ДжоБет вчера строила глазки во время работы? Что потом она целовалась на стоянке? Какое до этого дело ТоммиРэю?

– Прошлым вечером что-то произошло, – повторил он. – Вчера я почувствовал какое-то изменение. И раз что-то, чему мы ждали, явилось не мне – значит, оно явилось тебе, ДжоБет. Что бы это ни было, оно явилось тебе.

– Не хочешь налить мне кофе?

– Ответь.

– Что ответить?

– Что произошло?

– Ничего.

– Лжешь. – Голос его прозвучал не гневно, а растерянно. – Почему ты лжешь?

Справедливый вопрос. Со вчерашнего вечера ей ни разу не стало стыдно ни за себя, ни за свои чувства к Хови. Восемнадцать лет она делилась с ТоммиРэем всеми радостями и печалью. И он не выдавал ее тайн ни матери, ни пастору Джоню. Но сейчас у него был такой странный взгляд, что она его не понимала. Как не поняла и слов о том, что он слышал ее ночью. Он что, подслушивал ее возле двери?

– Мне пора в магазин. Иначе я опоздаю.

– Я с тобой, – сказал он.

– Зачем?

– Так, прокачусь немного.

– Томми... Он улыбнулся.

– Тебе сложно подвезти брата?

ДжоБет почти поверила в искренность его слов, но когда она согласно кивнула, то заметила легкую, быстро мелькнувшую улыбку.

– Мы должны доверять друг другу, – сказал он, когда машина тронулась с места. – Как раньше.

– Конечно.

– Потому что вместе мы сильны, правда? – Он невидящими глазами смотрел в окно. – А сейчас мне очень нужно чувствовать себя сильным.

– Тебе надо поспать. Может, отвезти тебя назад? Ничего страшного, если немного опоздаю.

Он покачал головой.

– Ненавижу этот дом.

– Скажешь тоже!

– Так и есть. Мы оба его ненавидим. От него у меня плохие сны.

– Томми, дом тут ни при чем.

– Еще как при чем! И дом, и мама, и этот гребаный город! Посмотри на них! – Он вдруг ни с того ни с сего разозлился. – Посмотри на это дерьмо! Разве тебе не хочется разнести на части это гребаное место?

Голос его гулко отдавался в тесноте машины.

– Знаю, что хочется. – Он смотрел на ДжоБет дикими широко раскрытыми глазами. – Не лги мне, моя маленькая сестренка.

– Я не твоя маленькая сестренка, Томми.

– Я на тридцать пять секунд старше тебя, – сказал он. Они всегда шутили по этому поводу, но сейчас он заговорил неожиданно серьезно: – Я на тридцать пять секунд дольше живу в этой сраной дыре.

– Хватит нести чушь! – Она повернула руль и резко остановилась. – Не желаю этого слушать. Иди, проветришь.

– Хочешь, чтобы я орал на улице? Пожалуйста! Думаешь, я замолчу? Буду орать, пока не рухнут все эти гребаные дома.

– Ты ведешь себя как мудака.

– Да, такое слово не часто услышишь из уст моей маленькой сестренки, – проговорил он самодовольно. – С нами обоими что-то случилось сегодня утром.

Он был прав. Она почувствовала, что злится на него за его выходку так, как никогда раньше себе не позволяла. Они были близнецы и во многом походили друг на друга по характеру, но он был более вспыльчивым. Она всегда изображала примерную девочку и, будучи заложницей общепринятой морали, терпеливо сносила лицемерие окружающих, потому что так хотела мама. Иногда она завидовала открытости Томми. Ей тоже хотелось плюнуть в лицо соседям, как делал он, уверенный, что стоит ему улыбнуться, и он тут же будет прощен. Ему всю жизнь это легко удавалось. Его тирада по поводу города была сплошным самолюбованием. Ему просто нравилась роль бунтаря. Но он испортил утро, которому ДжоБет так радовалась.

– Поговорим вечером, Томми, – сказала она.

– Точно?

– Я же уже сказала, что поговорим.

– Мы должны друг другу помогать.

– Я знаю.

– Особенно сейчас.

Он вдруг затих, будто гнев внезапно испарился вместе с остатками сил.

– Мне страшно, – сказал он очень тихо.

– Тебе нечего бояться, Томми. Ты устал. Иди домой и поспи.

– Хорошо.

Они были уже возле молла. Она не стала парковать машину.

– Отгони домой. Вечером меня подбросит Луис. Когда она собралась выйти, он схватил ее за руку и сдавил до боли.

– Томми!..

– Ты уверена? Что нам нечего бояться? – Да.

Он потянулся, чтобы поцеловать ее.

– Я тебе доверяю.

Он приблизил свои губы к ее губам. Он был так близко, что она ничего не видела, кроме его лица.

– Хватит, Томми, – сказала она, выдергивая руку. – Иди домой.

Она вышла и с силой захлопнула дверцу, демонстративно не глядя на него.

– ДжоБет.

Чуть поодаль стоял Хови. При виде его у нее засосало под ложечкой. Сзади раздался гудок. Обернувшись, она увидела, что ТоммиРэй еще не пересел за руль, и ее машина загораживает проезд, где скопилось несколько машин. Глядя на сестру, ТоммиРэй потянулся к дверце, открыл ее и вышел из машины. Засигналили другие автомобили. Ктото сзади закричал, чтобы он отъехал, но Томми не обращал внимания. Его взгляд был прикован к ДжоБет. Поздно было махать Хови и требовать скрыться. Одного взгляда на брата было достаточно, чтобы понять: ТоммиРэй обо всем догадался по счастливой улыбке юноши.

ДжоБет с нарастающим отчаянием взглянула на Хови.

– Глядитека, – услышала она за спиной голос ТоммиРэя.

Отчаяние сменилось страхом.

– Хови... – начала она.

– Господи, какой же я болван! – продолжал ТоммиРэй. Она попыталась улыбнуться, повернувшись к брату.

– Томми, познакомься, это Хови.

Никогда прежде она не видела подобного выражения на лице брата. Она и не подозревала, что на его любимом лице может появиться такая злоба.

– Хови? Это значит Ховард?

Она кивнула, переводя взгляд на Хови. Юноши шагнули вперед, навстречу друг другу. Теперь она видела обоих одновременно. Солнце освещало их одинаково, но ТоммиРэй, несмотря на свой калифорнийский загар, выглядел далеко не лучшим образом. Глаза потускнели и ввалились, кожа на скулах натянулась. Она вдруг подумала: он похож на мертвеца, ТоммиРэй похож на мертвеца.

Хови протянул руку, но ТоммиРэй не обратил на это никакого внимания. Повернувшись к сестре, он очень тихо сказал:

– Поговорим позже.

Его голос почти потонул в возмущенных криках, раздававшихся за его спиной, но ДжоБет уловила зловещую интонацию. ТоммиРэй повернулся и пошел к машине. Она не видела его ухмылки, но представила ее себе довольно отчетливо. «Золотой мальчик» поднял руки, словно признавая свое поражение перед натиском нетерпеливых водителей.

– Что это значит? – спросил Хови.

– Не знаю. Он с утра какойто странный.

Она хотела добавить, что не с утра, а со вчерашнего вечера, но в тот же миг она заметила изъян в красивом лице брата. Наверное, он был всегда, просто ДжоБет – как и все прочие, ослепленные обаянием ТоммиРэя, – не замечала этого раньше.

– Может, ему нужно помочь?

– Думаю, лучше оставить его в покое.

– ДжоБет! – окликнул ее ктото.

К ним направлялась женщина средних лет, непримечательной внешности.

– Это был ТоммиРэй? – спросила она, подойдя.

– Да.

– Он никогда такого не устраивал. – Женщина стояла в ярде от Хови, и вид у нее был озадаченный. – Ты идешь на работу, ДжоБет? Мы уже опаздываем с открытием.

– Иду.

– Твой друг тоже?

– О да, извините... Хови, это Луис Нэпп.

– Миссис, – вставила женщина, словно это был защитный талисман, отвращающий незнакомых молодых людей.

– Луис... это Хови Кати.

– Катц? – переспросила миссис Нэпп. – Катц? Она уставилась на свои часы.

– Опаздываем на пять минут.

– Ничего страшного. Наверняка до полудня к нам никто не зайдет.

Миссис Нэпп, казалось, была шокирована таким неуважением.

– Нельзя так относиться к работе, – изрекла она – Поторопись, пожалуйста.

С этими словами она удалилась.

– Забавная женщина, – заметил Хови.

– Она не такая зануда, как кажется.

– Наверняка.

– Мне пора.

– Зачем? Сегодня прекрасный день. Можно пойти куданибудь, такая чудесная погода!

– Завтра тоже будет прекрасный день, и послезавтра, и послепослезавтра. Это Калифорния, Хови.

– Все равно пошли.

– Дай мне хоть отпроситься у Луис. Не хочу с ней ссориться. Мама огорчится.

– Так когда?

– Что когда?

– Когда ты освободишься?

– Ты никогда не сдаешься, правда?

– Никогда.

– Я скажу Луис, что мне нужно домой после полудня, присмотреть за ТоммиРэем. Скажу, что он приболел. Это наполовину правда. А потом приду к тебе в мотель. Ладно?

– Обещаешь?

– Обещаю, – она уже уходила, но спросила – Чтото не так?

Ты не хочешь... поцеловать... поцеловать меня на людях?

– Конечно нет.

– А наедине?

Она полусхотливо шикнула на него.

– Скажи «да».

– Хови.

– Просто скажи «да».

– Да.

– Видишь? Это просто.

Позже, когда они с Луис попивали воду со льдом во все еще пустом магазине, Луис сказала:

– Ховард Катц.

– Что такое? – спросила ДжоБет, приготовившись к лекции на тему отношений с противоположным полом.

– Никак не могла вспомнить, откуда я знаю эту фамилию.

– А теперь вспомнила?

– Жила тут, в Гроуве, одна женщина, очень давно, – сказала Луис, салфеткой вытирая с прилавка влажный след от стакана. По немногословности и усердию, с каким она терла стойку, было ясно: если не настоять, она ничего больше не скажет.

– Она была вашей подругой?

– Не моей.

– Маминой?

– Да, – ответила Луис, продолжая тереть стойку, давно уже чистую.

Вдруг все стало на свои места.

– Одна из четырех, – сказала ДжоБет. – Она была одной из четырех.

– Похоже, что так.

– И у нее были дети.

– Знаешь ли, я не помню.

Это был максимум лжи, возможный для женщины типа Луис. ДжоБет мгновенно ее раскусила.

– Помните, – возразила она – Пожалуйста расскажите.

– Да, коечто вроде бы помню. У нее родился сын.

– Ховард.

Луис кивнула.

– Вы уверены?

– Да. Уверена.

Теперь замолчала и ДжоБет, пытаясь переоценить последние события в свете внезапного открытия. Что, если ее сны, появление Хови и болезнь ТоммиРэя както связаны с давней историей, которую она слышала в десяти различных вариантах – о купании в озере, завершившемся безумием, смертью и рождением детей.

Может быть, мама знает?

Хосе Луис, шофер Бадди Вэнса, прождал на условленном месте пятьдесят минут, прежде чем решил, что босс, должно быть, поднялся на Холм своим ходом. Луис позвонил из машины в Кони. Трубку сняла Эллен, босс еще не появлялся. Они обсудили, как лучше поступить, и договорились, что он подождет еще час на условленном месте, а потом двинется к дому по маршруту, которым, скорее всего, возвращается Бадди.

По дороге шофер его не заметил, дома он тоже не появлялся. Шофер снова созвонился с Эллен, обсудив все возможные варианты. Однако о наиболее вероятном – босс наверняка нашел себе в лесу какуюнибудь женскую компанию – Луис тактично промолчал. Прослужив у мистера Вэнса шестнадцать лет, Хосе Луис прекрасно знал почти сверхъестественное обаяние хозяина. Теперь тот вернется домой не раньше, чем после победы над очередной пассией.

Бадди не чувствовал боли. Он был благодарен за это судьбе, хотя прекрасно понимал причину: он изувечен настолько чудовищно, что перегруженный мозг отказывается принимать естественные сигналы.

Он ничего не видел в окружавшей его непроглядной тьме. Может быть, у него уже не было глаз, может быть, их выбило при падении. Так или иначе, лишенный зрения и всех ощущений, он принялся думать. Сначала прикинул, сколько времени понадобится Луису на понимание, что босс не вернется: два часа. Проследить путь Бадди через лес будет несложно. Обнаружив трещину, они поймут, что произошло. К полудню за ним спустятся.

Может быть, полдень вотвот наступит.

Отсчитывать время он мог лишь по ударам собственного сердца, отдававшимся в голове. Бадди начал считать. Если сориентироваться, сколько ударов вмещает минута, то через шестьдесят таких промежутков он будет знать, что прошел час. Однако мозг его одновременно с ударами сердца считал и другое.

«Сколько я прожил?» – думал он. Не дышал, не существовал, а именно жил? Пятьдесят четыре года со дня рождения – сколько это недель? Сколько часов? Годы лучше считать годами, так легче. В году триста шестьдесят с небольшим дней. Допустим, треть он проспал. Сто двадцать дней на сон. Господи, уже и минут почти не осталось. Полчаса в день – на опустошения кишечника и мочевого пузыря. Это еще семь с половиной дней в году. На душ и бритье – десять, и на еду еще тридцатьсорок, и умножить все это на пятьдесят четыре...

Он начал всхлипывать. Вытащите меня отсюда, Господи, вытащи меня отсюда, и я заживу поновому, я стану дорожить каждым часом, каждой минутой (даже во сне, даже в сортире), чтобы, когда тьма снова придет за мной, не было так горько.

В одиннадцать Хосе Луис снова сел за руль и поехал по улицам вниз, выискивая глазами босса. Не обнаружив его, он позвонил в кафе «Фудстоп», где продавался сэндвич, названный в честь мистера Вэнса, потом в магазин грампластинок, где хозяин частенько оставлял по сотне долларов. Пока он расспрашивал хозяина магазина Райдера, не видел ли тот Бадди, вошедший покупатель сообщил всем, кого это интересовало, что в ИстГроуве произошла какаято хрень и

кого-то, кажется, подстрелили.

Когда Хосе Луис направился туда, дорога в сторону леса оказалась перекрыта и одинокий полицейский направлял машины в объезд.

– Проезда нет. Дорога закрыта.

– Что случилось? Кого подстрелили?

– Никого не подстрелили. Просто трещина в асфальте. Хосе Луис вылез из машины, всматриваясь в лес за спиной полицейского.

– Мой босс, – называть имя владельца лимузина не было нужды, – бегал там сегодня утром.

– Ну?

– Он еще не вернулся.

– Черт. Идите за мной.

Они шли по лесу в тишине. Ее нарушали лишь переговоры, доносившиеся из рации полицейского. Они вышли на поляну. Несколько полицейских в форме ставили заграждения, чтобы никто случайно не попал в опасную зону, куда провели Хосе Луиса. Земля под ногами была вся в трещинах. Они становились все больше, по мере того как приближались к месту, где стоял шериф, глядя кудато вниз. Хосе Луис почти сразу понял, что сейчас увидит. Эти трещины и на дороге, и в лесу возникли вместе с большим провалом шириной в десять футов, уходившим в неведомую темноту.

– Что ему здесь нужно? – спросил шериф, ткнув пальцем в сторону Хосе Луиса. – Нам огласка пока ни к чему.

– Бадди Вэнс... – сказал полицейский.

– Что такое, что с ним?

– Он пропал, – сказал Хосе Луис.

– Ушел утром бегать... – начал полицейский.

– Пускай он скажет.

– Он бегал здесь каждое утро. А сегодня не вернулся.

– Бадди Вэнс? Тот самый?

– Тот самый.

Шериф перевел взгляд с Хосе Луиса на трещину.

– О господи, – сказал он.

– Насколько она глубокая? – спросил Хосе Луис.

– А?

– Трещина.

– Это не трещина. Это гребаный разлом. Я кинул туда камень минуту назад и все еще жду, когда он ударится о дно.

Осознание одиночества пришло к Бадди медленно, как забытое воспоминание, поднявшееся со дна памяти. Сначала он даже решил, будто это и есть воспоминание – о том, как в Египте он попал в песчаную бурю во время медового месяца после своей третьей свадьбы. Но тогда он знал, где он, а теперь потерялся в вихре. И не песок сейчас жег ему глаза, возвращая зрение, и не ветер свистел в ушах. Это была другая сила, мощнее и старше любого урагана, заточенная в каменном колодце, чего с ветрами не бывает. Бадди разглядел дыру, в которую он провалился. Она располагалась так высоко над головой, что Бадди не мог понять, сколько пролетел и какое расстояние отделяло его от едва различимого светлого пятна. Увидел он и обитавших под землей духов, сцепившихся в единое целое в противоборстве. Наверное, они боролись здесь с тех времен, когда человек еще не значился и в проекте эволюции. Духи были чудовищно старые, будто силы огня и льда.

Бадди был и прав и не прав. Когда перед ним из тьмы проступили два силуэта, он сперва принял их за людей, но скоро понял: это потоки энергии. Они переплетались друг с другом, будто воинов, стискивающих врага, чтобы вытряхнуть из него душу. Вслед за зрением начали оживать и другие ощущения. Боль просочилась в сознание сначала слабым ручейком, а потом хлынула потоком и затопила его целиком. Теперь Бадди казалось, что он лежит на ножах, чьи острия впиваются в тело, расчленяют позвонки и пронзают внутренности.

Слишком слабый даже чтобыстонать, он мог только молча страдать, смотреть на разворачивавшееся перед ним зрелище и надеяться, что избавление – спасение или смерть – не заставит себя ждать слишком долго. Скорее бы, думал Бадди. Он, сукин сын и безбожник, не смеет надеяться на спасение – разве что все священные книги лгут, и для развратников,

пьяниц и богохульников в раю тоже есть место. Скорее бы умереть и избавиться от этого. Шутки кончились.

«Я хочу умереть», – подумал он.

Едва он сформулировал желание, как одно из противоборствующих существ повернулось к нему. Бадди увидел сквозь энергетический вихрь бородатое лицо. Лицо было искажено и приковывало взгляд, отчего казалось, будто туловище существа непропорционально мало. Существо смахивало на младенца в утробе – большая голова, огромные глаза. Когда оно уставилось на Бадди, тот испугался. А потом дух протянул к нему руки, и Бадди охватил ужас. Хотелось уползти, забиться в какуюнибудь щель, лишь бы избежать прикосновения пальцев существа, но собственное тело его не слушалось.

– Меня зовут Яфф, – услышал он голос бородатого. – Отдай мне свое сознание. Мне нужны тераты.

Когда кончики пальцев дотронулись до лица Бадди, тот почувствовал, как от головы вниз по позвоночнику пробежала некая энергия – белая, будто молния, кокаин или сперма. В ту же секунду он понял, что совершил ошибку. Значит, до сего момента он был не просто неподвижной грудой сломанных костей и разорванной плоти. Несмотря на все грехи, в Бадди оставалось нечто, необходимое Яффу. Гдето в дальнем уголке сознания пряталось то, чего жаждало существо. Оно сказала: «тераты». Бадди понятия не имел, что это такое. Но когда дух вошел в него, он со всей ясностью понял: в любом случае, слово означает «ужас». Прикосновение духа было как молния, что выжгла себе путь до самой сути существа Бадди. И как наркотик. Перед мысленным взором Бадди замелькали картины, где вторжение в его тело обрело зримые образы. Было ли оно оплодотворяющим? Да, и таким оно тоже было. Ведь после проникновения Яффа Бадди почувствовал, что в глубине его зародилась неведомая жизнь, стремившаяся теперь выбраться наружу.

Он увидел ее. Тварь была бесцветная и примитивная: без головы, зато с дюжиной ног, царапавших камень. Ни намек на собственный ум – одно лишь слепое следование воле Яффа. При виде ее бородатый ухмыльнулся. Он снял пальцы с лица Бадди, отпустил горло своего врага, которое все время сжимал другой рукой, оседлал тварь и понесся к выходу из каменного колодца.

Второй дух прислонился к стене пещеры. Бадди хорошо видел его со своего места. Второй казался менее воинственным, чем его соперник, и более измотанным. На его лице проступало выражение усталости. Он смотрел вверх, в отверстие каменного колодца.

– Яфф! – позвал он.

От звука его голоса с уступов, о которые Бадди ударялся при падении, посыпалась пыль. Ответа не последовало. Тогда он, сощурив глаза, обратил взгляд на Бадди.

– Меня зовут Флетчер, – сказал он звучным и печальным голосом и направился к Бадди, источая вокруг себя слабый свет. – Забудь о боли.

Бадди хотел язвительно сказать: так помоги мне. Но в словах не было нужды. Приближение Флетчера успокоило боль.

– Постарайся выразить твое самое заветное желание, – сказал Флетчер.

«Хочу умереть», – подумал Бадди. Дух услышал безмолвный ответ.

– Нет. Не думай о смерти. Пожалуйста, не думай. Этим я не могу вооружиться.

«Вооружиться?» – подумал Бадди.

– Против Яффа «Кто... вы?»

– Когдато мы оба были людьми. Потом стали духами. Мы вечные враги. Ты должен помочь мне. Мне нужно твое сознание, иначе придется биться с ним безоружным.

«Извини, но я уже все отдал, – подумал Бадди. – Ты же сам видел. Кстати, что это была за тварь?»

– Терата? Это воплощение твоих глубинных страхов. Он поднялся на ней в мир. – Флетчер снова поглядел вверх. – Но он еще не вышел на поверхность. Он не выносит дневного света.

«А там сейчас день?»

– Да.

«Откуда ты знаешь?»

– Солнце движет мной даже здесь. Я хотел стать небом, Вэнс. А вместо этого два десятилетия просидел в темноте в объятиях Яффа. Теперь он хочет перенести войну наверх. Мне нужно оружие, и я могу получить его только из твоего сознания.

«Там больше ничего не осталось, – подумал Бадди. – Я пуст».

– Нужно защитить Субстанцию. «Субстанцию?»

– Море Снов. Ты умираешь и потому наверняка уже видишь его остров. Он прекрасен. Я завидую твоей свободе, ты волен покинуть этот мир.

«Ты говоришь про рай? – подумал Бадди. – Если про рай, то у меня нет никаких шансов туда попасть».

– Рай – одна из множества историй, сложенных на берегах Эфемериды. Их сотни, и ты узнаешь все. Так что не бойся. Дай мне кусочек своего сознания, чтобы я мог защитить Субстанцию.

«От кого?»

– От Яффа, от кого же еще?

Бадди никогда не видел длинных сновидений. Его сон, когда он не был пьян или на наркотиках, всегда был сном человека, за день вымотавшегося до упора. После вечернего выступления, или после секса, или после того и другого он просто отключался, словно репетировал вечное забвение, на пороге которого был в этот миг. Лежа со сломанной спиной, он со страхом пытался постичь смысл слов Флетчера. Море, райский остров – лишь одна из возможностей. Как мог он прожить жизнь и ничего не знать о них?

– Ты знаешь, – сказал Флетчер. – Ты уже дважды окунался в Субстанцию. В ночь, когда родился, и в ночь, когда впервые спал с той, кого любил больше всех других. Кто это был, Бадди? У тебя ведь было много женщин. Кто из них для тебя самая главная? Ах, конечно. Любила ты всего одну, не так ли? Ты любил свою мать.

Откуда, черт возьми, он узнал об этом?

– Догадался случайно. «Лжешь!»

Ну хорошо. Я немного покопался в твоих мыслях. Прости, что влез. Мне нужна твоя помощь, Бадди, иначе Яфф победит. Ведь ты не хочешь этого? «Нет, не хочу».

– Пофантазируй для меня. Оставь сожаления и подумай о чемнибудь, из чего я мог бы создать союзника. Кто твои герои?

«Герои?»

– Нарисуй их для меня. «Комики! Только комики».

– Армия комиков? Что ж, почему бы и нет?

Эта мысль заставила Бадди улыбнуться. Действительно, почему бы и нет? Разве не думал он когда-то, будто его искусство способно очистить мир от зла? Разве не может армия блаженных дураков с помощью смеха одержать победу там, где бессильны бомбы? Приятное, забавное видение. Комики на поле битвы показывают задницы наставленным на них дулам и бьют генералов по голове резиновыми цыплятами. Ухмыляющиеся солдаты осыпают остротами политиков, и мирный договор подписывают вареньем вместо чернил.

Бадди улыбнулся, потом рассмеялся.

– Продолжай об этом думать, – сказал Флетчер, проникая в его сознание.

От смеха ему стало больно. Даже прикосновение Флетчера не могло снять спазмы, вызванные смехом.

– Не умирай! – услышал Бадди слова Флетчера. – Потерпи еще немного! Потерпи ради Субстанции!

«Извини, – подумал Бадди. – Больше не могу. Не хочу...» Его сотряс новый приступ смеха.

– Мне нужна одна минута! – просил Флетчер.

Но было поздно. Жизнь покидала Бадди, Флетчер остался с неясной тенью на руках, слишком эфемерной, чтобы ее использовать.

– Проклятье! – крикнул Флетчер над трупом, как когда-то (давнымдавно) он кричал над телом Яффе в миссии СантаКатрина. На этот раз из тела не вышла новая жизнь. Бадди умер. На его лице застыло выражение одновременно комическое и трагическое. И оно было вполне подходящим – именно так Бадди прожил жизнь. А теперь, когда жизнь закончилась, его смерть принесла в ПаломоГроув те же противоречия.

В следующие несколько дней время выкидывало в городе бесчисленные шутки. Самыми болезненными они оказались для Хови, потому что промежутки между расставаниями и встречами с ДжоБет растягивались. Минуты превращались в часы, а часы казались годами. Чтобы скоротать день, Хови отправился посмотреть на дом своей матери. В конце концов, он

приехал сюда, чтобы вернуться к корням и разобраться в себе. Пока ему это не удалось. Прошлой ночью он испытал чувство, на которое был, как ему казалось, не способен, а сегодня оно еще усилилось. Его охватила беспричинная уверенность, что в мире теперь все будет хорошо, что плохое осталось позади. Никакого повода для подобного оптимизма не было, но реальность играла в собственные игры, чтобы убедиться в своей власти над ним.

Далее последовала еще одна, более тонкая шутка. Хови подошел к родному дому матери и увидел здание странным, почти сверхъестественным образом не изменилось за прошедшее время. Дом был точь-в-точь таким, как на старых фотографиях. Хови стоял посреди улицы и смотрел на него. Не было ни машин, ни пешеходов. Этот уголок Гроува словно застыл в это утро, и Ховарду казалось, что в окошке вотвот появится мать, совсем молодая, и взглянет на него. Если бы не события предыдущего дня, вряд ли такое пришло бы ему в голову. Но после вчерашнего волшебного узнавания взглядов его охватило (и до сих пор не оставляло) чувство, что встреча с ДжоБет вовсе не была случайной, что в нем всегда жила радость ее ожидания. Он осознал то, о чем не осмелился бы задуматься еще сутки назад, – должно быть некое место, откуда его глубинное «я» почерпнуло знание о существовании ДжоБет и об их предстоящей встрече. Снова петля. Тайна их загадочного знакомства завела его в дебри предположений, которые привели его от любви к физике, потом к философии и снова вернули к любви. Все так перемешалось, что искусство невозможно было отделить от науки.

И невозможно было отделить его собственную загадку от загадки ДжоБет. Он чувствовал это, стоя перед домом матери. Дом, мать и таинственная встреча с ДжоБет были частью одного сверхъестественного целого. И Хови был его связующим звеном.

Он решил не стучать в дверь (о чем спрашивать после стольких лет?) и уже хотел возвращаться назад тем же путем, но интуитивно двинулся в другую сторону. Он прошел немного вверх по улице и добрался до ее верхней точки. Оттуда открывалась панорама всего города. Он смотрел на восток, за молл, туда, где городские окраины доходили до леса, стоявшего сплошной стеной. Точнее, почти сплошной – то здесь, то там в листве зияли просветы, а в одном месте собралась целая толпа народа. Там были прожекторы, направленные куда-то вниз, но на расстоянии он не смог разглядеть, что именно они освещали. Может, там кино снимают? За день с ним произошло столько удивительного, что пройди сейчас мимо него все звезды, когда-либо получившие «Оскара», он не обратил бы внимания.

Он стоял и смотрел на город и вдруг услышал чейто шепот. Хови оглянулся. Улица была пуста. Не было даже легкого ветерка, который мог бы донести до него этот голос. Но голос раздался снова и так близко от уха, словно он звучал внутри головы. Мягкий голос повторял всего два слога:

– ... ардховардховардхов...

Хови не стал и пытаться искать объяснение тому, как связан этот голос с событиями в лесу. Он не притворялся, будто может постичь процессы, что происходили с ним и вокруг него. Город жил по своим законам, и поворачиваться спиной к его тайнам Хови не собирался. Если поиски бифштекса привели его к любви, куда же приведет этот шепот?

Найти дорогу к тем деревьям внизу было несложно. Пока он шел, у него возникло наипостыднейшее ощущение – словно вместе с ним движется сам город. Казалось, в любой момент он может сползти с Холма и исчезнуть в пасти земли.

Это чувство усилилось, когда Хови добрался до леса и спросил, что случилось. Казалось, никто не собирается ему отвечать, пока какой-то мальчик не пропищал:

– Тут дырка в земле, и он провалился.

. – Кто «он»? – спросил Хови.

На этот раз ответил не мальчик, а женщина, что была вместе с ним.

– Бадди Вэнс, – сказала она.

Хови понятия не имел, о ком идет речь. Должно быть, женщина догадалась об этом и добавила:

– Телезвезда. Смешной такой. Мой муж его любит.

– Его достали?

– Еще нет.

– Да какая разница! – вмешался мальчик. – Он все равно уже мертвый.

– Думаешь? – спросил Хови.

– Конечно, – подтвердила женщина.

Вдруг происходящее предстало для Хови в новом свете. Люди пришли сюда не для того, чтобы увидеть, как человека спасут из лап смерти. Нет, они хотели видеть труп, который грузят в карету «скорой помощи», чтобы потом сказать: «Я видел, как его достали, как накрыли простыней». Эти люди вызвали у Хови отвращение.

Кто бы ни звал его по имени, теперь голос замолчал или в гуле толпы не был слышен. Незачем оставаться тут – ведь есть глаза, в которые Хови хотел смотреть, и губы, которые он хотел поцеловать. Он повернулся спиной к деревьям и направился в мотель ждать ДжоБет.

IV

Только Абернети всегда называл Грилло по имени. Для Саралин, со дня их знакомства и до того, как они расстались, он всегда оставался Грилло, и так же его называли коллеги и друзья. Враги (а у какого журналиста, особенно у опустившегося журналиста, нет врагов?) иногда звали его Гребаный Грилло, иногда Грилло Справедливый, но всегда непременно Грилло. И только Абернети мог позволить себе звать Грилло по имени:

– Натан?

– Чего тебе?

Грилло только что вышел из душа, но от одного звука голоса Абернети готов был снова забраться в ванну.

– Дома сидишь?

– Работаю, – соврал Грилло. Ему выдалась та еще ночка. – Помнишь мою грязную работку?

– Забудь. Коечто случилось, и я хочу, чтобы ты был там. Бадди Вэнс... комик, кажется... Так вот, он пропал.

– Когда?

– Сегодня утром.

– И где же?

– В ПаломоГроуве. Знаешь это место?

– Видел знак на шоссе.

– Его пытаются найти. Сейчас полдень. Сколько времени тебе туда добираться?

– Час. В крайнем случае, полтора. А что там интересного?

– Ты слишком молод, чтобы помнить «Шоу Бадди Вэнса».

– Я смотрел повторы.

– Позволь коечто сказать тебе, мой мальчик. – Больше всего Грилло ненавидел отеческий тон Абернети. – Когда шло «Шоу Бадди Вэнса», пустели бары. Он был великий человек и великий американец.

– Тебе что, нужны сопли?

– Черт побери, нет! Хочу знать о его женах, о его пьянках, о том, почему он кончил жизнь в округе Вентура – ведь раньше он разъезжал по Бербанку в лимузине длиной в три квартала.

– Короче, тебе нужна грязь.

– Еще наркотики, Натан.

Грилло так и видел выражение глумливого сочувствия на лице шефа.

– Читатели хотят об этом знать.

– Им нужна грязь, впрочем, как и тебе.

– Ну, подай на меня в суд. Давай, вылезай оттуда.

– Так мы не знаем, где он? Может, он просто куданибудь смылся?

– Где он, известно. Они пытаются его достать уже несколько часов.

– Достать? Он утонул?

– Он провалился в яму.

«Комики, – подумал Грилло. – Всё у них на потеху публике».

Кроме этого, ничего смешного не было. Когда он, вскоре после своего провала в Бостоне, встретился с Абернети и его командой, работа показалась ему отдыхом после тех напряженных журналистских расследований, на которых он сделал себе имя и изза которых его, в конце концов, вышибли. То, что его взяли в скандальную малотиражку «Дейли репортер», слабо утешало. Абернети был лицемерный фигляр, новообратившийся христианин; для него слово

«прощение» значило не больше, чем известное слово из трех букв. Собрать материал по его заданиям оказалось легко, писать статьи еще легче, так как новости в «Дейли репортер» служили для удовлетворения единственной потребности читателей – для облегчения зависти. Читателям хотелось узнать о страданиях высоко взлетевших соотечественников, познакомиться с обратной стороной славы. Абернети знал свою публику досконально. Он даже опубликовал для нее собственную историю – как он из алкоголика стал добрым христианином. «Пусть посуше, да к небу ближе» – так любил он говорить о себе. Благочестивая нотка позволяла ему подавать грязь с елейной улыбкой, а читателям – не чувствовать вины за копание в ней. Мы рассказываем о грехе – что может быть более христианским?

Грилло считал эту тему давно протухшей. Сто раз он хотел послать старого клоуна подальше, но где, кроме такой же клоаки, как «Репортер», может найти работу в прошлом известный журналист, опустившийся до работы в желтой газетенке? Приобретать другую профессию у него не было ни желания, ни возможности. Сколько он себя помнил, он всегда хотел рассказывать миру о мире. У Грилло была в этом какая-то особенная потребность. Он не мог даже представить себе, чтобы он занимался чем-то иным. Люди не слишком хорошо осведомлены о самих себе. Им нужны те, кто ежедневно будет говорить о них, чтобы они могли учиться на собственных ошибках. Както раз, придумывая заголовок статьи об одной из таких ошибок – о коррумпированности одного сенатора, – Грилло вдруг понял (у него до сих пор все переворачивалось внутри, когда он вспоминал об этом), что его подставил кто-то из врагов сенатора и что он, Грилло, опорочил честное имя ни в чем не повинного человека. Он опубликовал извинения и опровержения. Вскоре история была забыта, новые статьи сменили статьи Грилло. Политики, как скорпионы и тараканы, переживут даже падение цивилизации. Журналисты – более хрупкие создания. Один промах, и репутация рассыпается в пыль. Грилло отправился на Запад и ехал куда глаза глядят, пока не уткнулся в берег Тихого океана. Можно было утопиться, но Грилло предпочел работать на Абернети. Теперь все чаще и чаще выбор казался ему ошибкой. Он старался найти в этом плюсы. Ежедневно он повторял себе, что двигаться отсюда можно только вверх, поскольку ниже уже некуда.

Гроув его удивил. Он был словно нарисован на бумаге: молл в центре, четыре симметрично расположенных района, упорядоченные улицы. Однако дома радовали приятным архитектурным разнообразием, и казалось (возможно, оттого что часть зданий пряталась в зелени), будто город таит как-то тайны.

Если тайны были и у леса на окраине, то в тот день в них вторглось множество зевак, явившихся поглазеть на тело. Грилло махнул своим удостоверением, пробрался к ограждению и задал несколько вопросов полицейскому. Нет, тело вряд ли скоро вытащат, его еще не обнаружили. Нет, Грилло не может поговорить ни с кем из руководителей операции – лучше подойти попозже. Совет был дельный. Особой активности рядом с расщелиной Грилло не заметил, и, хотя там стояло разное оборудование, приступить к работам никто не спешил. Поэтому Грилло решил рискнуть и сделать несколько звонков. Он отправился к моллу искать телефонавтомат.

Сначала он позвонил Абернети, чтоб доложить о прибытии на место и узнать, когда пришлют фотографа. Абернети не было, и Грилло оставил сообщение. Со вторым звонком повезло больше. Автоответчик завел привычное:

– Привет. Это Тесла и Батч. Если хотите поговорить с собакой, то меня нет. Если вам нужен Батч...

Но тут его прервал голос Теслы:

– Алло!

– Это Грилло.

– Грилло? Черт, заткнись, Батч! Прости, Грилло, он пытается... – Телефон упал, послышалась какая-то возня, потом снова возник голос запыхавшейся Теслы. – Вот животное! Зачем только я его взяла, а, Грилло?

– Это единственный мужчина, который может с тобой ужиться.

– Иди ты в жопу.

– Это же твои слова.

– Я такое сказала?

– Сказала.

– Забыла... Слушай, Грилло, у меня хорошие новости. Мне предложили переработать один из

моих сценариев. Помнишь тот, прошлогодний? Они хотят, чтобы все происходило в космосе.

– И ты будешь этим заниматься?

– А почему нет? Нужно хоть что-то осуществить. Никто не станет со мной серьезно работать, пока я не напишу хит. Так что в жопу искусство. Я напишу такое, что они все обделаются. И хочу сразу предупредить – избавь меня от своих дерьмовых разглагольствований о нравственности художника. Девушке нужно как-то себя кормить.

– Знаю, знаю.

– Ну, а что у тебя нового?

На этот вопрос у него была масса ответов – хватило бы на житие. Он мог рассказать, как парикмахер, держа в руках клочок его выстриженных соломенных волос, с улыбкой сообщил, что у Грилло наметилась маленькая лысина. Или как сегодня утром перед зеркалом он вдруг понял, что его анемичное лицо выглядит не героическиневозмутимым, как он всегда надеялся, а просто унылым. Или об этом дурацком сне, что продолжает ему сниться: будто он застревает в лифте вместе с Абернети и с козой, и Абернети почему-то хочет, чтобы Грилло поцеловал козу. Но он оставил все это при себе и только сказал:

– Мне нужна помощь.

– Поконкретней.

– Что ты знаешь про Бадди Вэнса?

– Он упал в какую-то яму. Показывали по телевизору.

– А насчет его жизни?

– Это для Абернети, да?

– Точно.

– То есть тебе нужна грязь?

– Схватываешь на лету.

– Знаешь, комики – это не мой профиль. Я специализировалась на сексуальных идолах. Но когда услышала о нем в новостях, кое-что выяснила. Шесть раз женат, один раз на семнадцатилетней. Брак с семнадцатилетней длился сорок два дня. Вторая жена умерла от передозировки.

Как Грилло и надеялся, у Теслы была вся необходимая информация о жизни Бадди Вэнса. Чрезмерно любил женщин, запрещенные препараты и славу; снимался в фильмах, телесериалах; низвергнут с пьедестала.

– Ты можешь про это писать со знанием дела.

– Ну, спасибо.

– Я люблю тебя за то, что могу тебя помучить. Кажется, больше не за что?

– Очень смешно. Кстати, Бадди действительно был таким?

– Каким?

– Смешным.

– Вэнс? Ну да, посвоему. Ты никогда его не видел?

– Видел когда-то, но толком не помню.

– У него было такое гуттаперчевое лицо. Посмотришь – и засмеешься. Тип он был довольно странный. Наполовину идиот, наполовину хитрец.

– Как же ему удавалось пользоваться таким успехом у женщин?

– Опять грязь?

– Конечно.

– Огромное достоинство.

– Шутишь?

– Самый большой член на всем телевидении. Знаю из достоверного источника.

– От кого?

– Грилло, ради бога! – сказала Тесла с ужасом. – Я что, похожа на сплетницу?

Грилло рассмеялся.

– Благодарю за информацию. С меня обед.

– Договорились. Сегодня.

– Сегодня я, похоже, тут задержусь.

– Тогда я сама к тебе приеду.

– Может, завтра, если придется остаться. Я позвоню.

– Если не позвонишь, убью.

- Позвоню, позвоню. Возвращайся к своему космосу.
- Не делай ничего, чего я не стала бы делать. Да, вот еще...
- Что?

Прежде чем ответить, она положила трубку – в эту игру они играли с тех пор, как однажды ночью, в приступе откровенности, Грилло признался ей, что ненавидит прощания.

V

- Мама?

Она, как обычно, сидела у окна.

– Пастор Джон так и не пришел ко мне вчера вечером, ДжоБет. Ты ему не позвонила? – Она прочитала ответ на лице дочери. – Не позвонила. Как ты могла забыть?

- Извини, мама.

– Ты же знала, как для меня это важно! Я понимаю, что ты так не думаешь, но...

– Нет. Я тебе верю. Я позвоню ему позже. Сначала... Мне нужно с тобой поговорить.

– Разве ты не должна быть в магазине? – спросила Джойс. – Ты тоже заболела? Я слышала, ТоммиРэй...

- Мама, послушай. Мне нужно спросить у тебя что-то очень важное.

Джойс встревожилась.

– Я не могу сейчас ни о чем говорить. Мне нужен пастор.

– Придет пастор. А пока я хочу, чтобы ты рассказала мне о своих подругах.

Джойс молчала, на ее лице застыло страдание. Но ДжоБет видела это выражение слишком часто, чтобы из-за него отказаться от расспросов.

– Вчера вечером я познакомилась с человеком. – Она пыталась говорить как можно обыденней. – Его зовут Ховард Кати. Он сын Труди Кати.

С лица Джойс исчезла страдальческая маска. Теперь на нем было написано удовлетворение.

– Разве я не говорила? – пробормотала она, поворачивая голову к окну.

– Не говорила чего?

– Не могло все так кончиться! Не могло!

– Мама, объясни.

– Это не был несчастный случай. Мы знали. У них были причины.

– У кого были причины?

– Мне нужен пастор.

– Мама, у кого были причины? Джойс вместо ответа поднялась с места.

– Где он? – спросила она неожиданно громко, направляясь к двери. – Я хочу его видеть!

– Хорошо, мама! Хорошо! Успокойся.

Уже у двери она снова повернулась к ДжоБет. В ее глазах стояли слезы.

– Ты должна держаться подальше от сына Труди. Слышишь? Не смей видеться с ним, говорить с ним, даже думать о нем не смей. Обещай мне.

– Не буду я этого обещать. Это глупо.

– У тебя с ним ничего не было?

– В каком смысле?

– О господи, ты уже...

– Ничего не было!

– Не лги! – взорвалась Джойс, вскинув вверх высохшие кулачки. – Иди, помолись!

– Не хочу я молиться. Мне нужна твоя помощь, а не молитвы.

– Он уже в тебе. Раньше ты никогда так со мной не разговаривала.

– Я никогда себя так не чувствовала! – ответила ДжоБет.

Ком подступил к горлу, ее охватили злость и страх. Не было смысла слушать маму – кроме призыва к молитвам, ничего не дожدهшься. ДжоБет решительно направилась к двери, всем своим видом показывая, что ее никто не удержит. Но никто и не удерживал. Мать посторонилась и дала ей выйти. Лишь когда девушка спускалась вниз, ей вслед послышался голос:

– ДжоБет, вернись! Мне плохо, ДжоБет! ДжоБет!

Открыв дверь, Хови увидел свою любовь в слезах.

– Что с тобой? – спросил он, впуская ее в комнату. Она закрыла ладонями лицо и разрыдалась. Он осторожно обнял ее.

– Все в порядке. Все хорошо.

Рыдания постепенно затихали. Она отстранилась и прошла в центр комнаты, вытирая слезы тыльной стороной ладоней.

– Извини, – сказала она.

– Что случилось?

– Долгая история. Из прошлого. Это связано с нашими матерями.

– Они знали друг друга? ДжоБет кивнула.

– Они были лучшими подругами.

– Выходит, все предрешено? – Он улыбнулся.

– Не думаю, что мама этому рада.

– Почему? Сын ее лучшей подруги...

– Твоя мать никогда не рассказывала, почему покинула Гроув?

– Она не была замужем.

– Моя тоже.

– Ну, значит, твоя оказалась крепче, чем моя...

– Нет, я не о том. Может, это не просто совпадение. Я всю жизнь слышала сплетни о том, что здесь случилось. С мамой и ее подругами.

– Я ничего не знаю.

– Я тоже знаю только отрывки. Их было четыре подруги. Твоя мать, моя, девушка по имени Кэролин Хочкис (ее отец до сих пор живет в Гроув) и еще одна. Забыла, как ее звали. Какая-то Арлин. На них напали. Вероятно, изнасиловали.

Улыбка медленно сползла с лица Хови.

– Маму? – тихо спросил он. – Почему же она никогда не говорила?

– А кто будет рассказывать своему ребенку, что его зачали таким образом?

– О боже, – пробормотал Хови. – Изнасиловали...

– Может, я ошибаюсь. – ДжоБет посмотрела на Хови. Его лицо исказилось, будто он получил пощечину. – Я жила среди этих слухов всю жизнь, Хови. Мама едва не сошла от них с ума. Все время говорит про дьявола. Я так боюсь, когда она начинает говорить, что сатана положил на меня глаз, что я должна молиться, и все такое.

Хови снял очки и положил их на кровать.

– Я ведь так и не сказал тебе, зачем я приехал сюда? Я думаю... думаю... сейчас самое время. Я приехал потому, что не знаю, кто я такой. Я хочу узнать, что случилось в Гроув и почему моя мать отсюда уехала.

– Теперь ты будешь жалеть, что приехал.

– Нет. Если бы я не приехал, я бы не встретил тебя. Не по... по... не полюбил бы.

– Меня? Возможно, я твоя сестра.

– Нет. Я не верю в это.

– Я узнала тебя сразу, как только вошла. Ты тоже меня узнал. Почему?

– Любовь с первого взгляда.

– Хорошо, если так.

– Я чувствую. И ты тоже. Я люблю тебя, ДжоБет.

– Нет. Ты же меня совсем не знаешь.

– Знаю! И я не собираюсь отступать от своей любви из-за слухов. Мы ведь не знаем, правда это или нет. – Он даже перестал заикаться. – Может быть, все ложь?

– Может быть. Но почему все сходится? Почему ни твоя мать, ни моя никогда не говорили нам про отцов?

– Вот это и надо выяснить.

– Как?

– Спросить у твоей мамы.

– Я пробовала.

– И что?

– Она велела мне не приближаться к тебе. Даже не думать о тебе... – Пока они разговаривали, ее слезы высохли. При мыслях о матери они потекли снова. – ... А я не могу, – закончила она, обращаясь за помощью к тому, о ком ей запрещено думать.

Глядя на нее, Хови вдруг снова захотелось стать «святой простотой», как назвал его Лем. Примкнуть к блаженному стану детей, зверей и дурачков. Обнимать ее, целовать и забыть о том, что она может оказаться его сестрой.

– Наверное, мне лучше идти, – сказала она, словно услышала его мысли. – Мама хочет, чтобы я позвала пастора.

– Он прочтет пару молитв, и я уеду – так, что ли?

– Это нечестно.

– Побудь со мной еще, – стал он уговаривать. – Не нужно разговаривать. Не нужно ничего делать. Просто останься.

– Я устала.

– Тогда ляжем спать.

Он протянул руку и осторожно коснулся ее лица.

– Мы оба мало спали прошлой ночью. Вздохнув, она кивнула.

– Может, все прояснится само собой.

– Хорошо бы.

Он извинился и вышел по малой нужде в уборную. Когда он вернулся, она уже сняла туфли и растянулась на постели.

– А для двоих места хватит? – спросил он. Она пробормотала:

– Да.

Тогда он лег рядом, стараясь не думать о том, чем они могли бы заниматься на этих простынях. Она опять вздохнула.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Спи.

Когда Грилло вернулся в лес, большая часть публики, собравшейся на последнее шоу Бадди Вэнса, уже разошлась. Очевидно, они решили, что представление не стоит того, чтобы столько ждать. Стражи порядка смогли наконец вздохнуть спокойнее. Грилло перешагнул через веревку, подошел к полицейскому, который руководил операцией, и представился.

– Мне, в общем, и рассказывать нечего, – говорил полицейский. – Мы уже четыре раза спускали туда скалолазов, но бог знает, когда его удастся найти. Хочкис говорит, там внизу какието реки. Так что труп, может быть, давно уплыл в океан.

– Вы будете работать и ночью?

– Похоже на то. – Полицейский поглядел на часы. – До заката еще часа четыре. Потом включим прожекторы.

– А раньше эти пещеры ктонибудь изучал? Есть карта?

– Понятия не имею. Спросите лучше у Хочкиса. Вон он, в черном.

Грилло снова представился. Хочкис оказался высоким, мрачным, очень худым человеком.

– Мне сказали, вы специалист по пещерам, – польстил Грилло.

– По необходимости. – Взгляд Хочкиса, скользивший за спиной Грилло, не задержался на репортере даже на мгновение. – Просто остальные вообще ничего о них не знают. То, что под нами... Люди об этом не думают.

– А вы?

– А я думаю.

– Вы это изучали?

– Как любитель, – ответил Хочкис. – Порой вдруг чемто увлекаешься. Лично я увлекся пещерами.

– Вы туда когданибудь спускались?

Хочкис на этот раз смотрел на Грилло целых две секунды, прежде чем сказать:

– До сегодняшнего утра эти пещеры были запечатаны, мистер Грилло. И я сам запечатал их много лет назад. Они были и остаются опасными для невинных душ.

«Невинных, – отметил Грилло. – Странное слово».

– Полицейский, с которым я говорил...

– Спилмонт.

– Ну да. Он сказал, что там есть подземные реки.

– Там целый мир, мистер Грилло, о котором мы практически ничего не знаем. Он все время меняется. Конечно, там есть и реки, но есть и еще коечто. Там живут твари, никогда не видевшие солнца.

– Звучит мрачно.

– Они приспособились. Как все мы приспособливаемся. Они живут внутри своих границ. В конце концов, все мы живем на плотине, готовой прорваться. И мы к этому тоже приспособились.

– Я стараюсь об этом не думать.

– Это ваш выбор.

– А ваш?

Хочкис натянуто улыбнулся, его глаза сузились.

– Несколько лет назад я хотел уехать из Гроува. Он вызывал у меня... неприятные воспоминания.

– Но вы остались.

– Я понял, что я сам – это то, к чему я приспособился, – последовал ответ. – Я уеду, только когда исчезнет город.

– Что?

– ПаломоГроув построен на плохом месте. Земля у нас под ногами кажется твердой, но она подвижна.

– Так вы хотите сказать, что город может отправиться вслед за Бадди Вэнсом?

– Можете меня цитировать, только не называйте мое имя.

– Договорились.

– Вы узнали все, что хотели?

– Более чем достаточно.

– Не бывает «достаточно», – заключил Хочкис. – Не может быть «достаточно» плохих новостей. Вы извините меня?..

Вокруг расщелины стало заметно оживление. Закончив рассказ сентенцией, которой позавидовал бы любой комик, Хочкис поспешил к поднятию останков Бадди Вэнса.

ТоммиРэй лежал в своей постели и исходил потом. Он закрыл окна и опустил шторы. Вскоре в запечатанной комнате стало жарко, как в раскаленной печи, но ТоммиРэя жара и полумрак успокаивали. В их объятиях он не чувствовал себя таким одиноким и обнаженным, как под чистым солнечным небом города. Он вдыхал запахи, исходящие из собственных пор, и свое хриплое дыхание, что вырывалось из горла и возвращалось обратно к губам. Если ДжоБет его предала, придется найти себе другую компанию, а с кого же начать, как не с себя?

Он слышал, как она вернулась домой, как они спорили с мамой, но не пытался разобрать слова. Если ее жалкий роман потерпел крах – а иначе с чего бы она стала рыдать на лестнице? – она сама виновата. У ТоммиРэя есть более важные дела.

Он лежал в духоте, и перед его глазами возникали странные картины. Все они выплывали из тьмы, какой не могло быть в комнате с задернутыми шторами. Может, изза недостаточной темноты они и расплывались, не успевая до конца сформироваться? ТоммиРэй жадно пытался рассмотреть их фрагменты как можно подробнее, но это ему не удавалось. Он разглядел кровь, камни и странную белесую тварь, при виде которой у него сжимался желудок. Еще он разглядел человека. Не слишком хорошо, но он разглядит получше, если как следует пропотеет.

Когда он его разглядит, ожидание кончится.

Сперва, из расщелины послышались тревожные крики. Люди вокруг провала, включая Спилмонта и Хочкиса, пытались поднять тех, кто находился внизу, но у них не хватило сил. Стоявший ближе других к краю полицейский вдруг завопил и забился, как пойманная рыба, когда веревка обвилась вокруг его руки, одетой в перчатку, и потащила его в пропасть. Его спас Спилмонт. Он тянул незадачливого полицейского назад до тех пор, пока тому не удалось высвободить руку из перчатки. Оба повалились спиной на траву, и тут же снизу раздались новые крики.

– Она открывается! – закричал кто-то. – О господи, она открывается!

Грилло был по природе трусоват. Он боялся всего и всех, пока дело не касалось новостей, но в работе он готов был встретиться лицом к лицу с чем угодно. Отодвинув Хочкиса и полицейского, он прошел вперед, чтобы лучше видеть происходящее. Никто не остановил его: все были озабочены собственной безопасностью. Из расширявшейся на глазах расщелины поднималась пыль. Она ослепляла тех, кто держал страховочные веревки, на которых

буквально висели жизни спустившихся вниз альпинистов. Грилло видел, как одного из них подтащило к краю провала, откуда уже неслись чьи-то предсмертные крики. Альпинист тоже закричал, когда земля под его ногами разверзлась. Кто-то бросился к нему на помощь, но было поздно. Веревка натянулась, сдернула человека вниз, и он исчез из поля зрения. Тот, кто хотел его спасти, остался лежать ничком на краю трещины. Грилло приблизился на три шага, хотя почти не видел земли у себя под ногами. Он чувствовал ее дрожь, что отдавалась в ногах, поднималась по позвоночнику в мозг, и от нее путались мысли. Он действовал инстинктивно. Широко расставив ноги, чтобы сохранить равновесие, он наклонился к упавшему человеку. Это был Хочкис. По его лицу текла кровь, а глаза неподвижно застыли. Грилло крикнул, назвав его по имени. Хочкис вцепился в протянутую руку. Земля вокруг зашевелилась и посыпалась вниз.

Хови и ДжоБет спали бок о бок на кровати мотеля. Они оба шумно дышали, обоим была дрожь, словно любовников, выплывших и не утонувших, но они не просыпались. Им снилась вода. Темное море несло их к какому-то чудесному месту. Но доплыть им туда не дали. Что-то, оказавшееся под их скользкими по воде душами, схватило их, выдернуло из ласкового течения и швырнуло в каменную шахту, где было сплошное страдание. Вокруг люди кричали, срывались в бездну, и следом за ними туда же летели извивавшиеся, словно змеи, веревки.

Там, в этой тьме, Хови и ДжоБет звали друг друга по имени, но прежде чем им удалось соединиться, откуда-то снизу хлынул ледяной поток, который понес их вверх. Эта была подземная река – холодная как лед, никогда не видевшая солнца. Она несла их, а также трупы людей и еще что-то, что было в этом кошмаре. По мере того как они приближались к солнцу, все яснее проступали очертания стен.

Когда прорвалась вода, Грилло с Хочкисом находились в четырех ярдах от края расщелины. Удар был так силен, что их сбilo с ног и на них обрушился ледяной ливень. Вода привела Хочкиса в чувство. Он еще сильнее впился в руку Грилло и завопил:

– Смотрите! Смотрите!

В потоке было что-то живое. Грилло видел это лишь мгновение: силуэты, похожие на человеческие, призрачные как дым, остающийся в воздухе после фейерверка. Он тряхнул головой, чтобы на секунду отвлечься от этого образа, а когда взглянул еще раз, все исчезло.

– Надо убираться отсюда! – услышал он крик Хочкиса.

Земля продолжала раскалываться. Они бросились вправо и бежали, ослепнув от пыли и воды, по скользкой грязи, пока не споткнулись о веревку ограждения. Прямо перед ними лежал мертвый спасатель с оторванной рукой, чье тело выбросило из расщелины потоком воды. Дальше, за веревкой и трупом, под деревьями стояли Спилмонт и еще не сколько полицейских. Вода долетала сюда слабее, шуршала в листьях, как обычный летний дождик, а за спиной бушевал извергавшийся из недр земли поток.

Истекая потом, ТоммиРэй смотрел в потолок и смеялся. Он не веселился так с позапрошлого лета, когда они с Шоном и Энди ездили в Топангу, где были великолепные волны, и катались на досках часами, наслаждаясь скоростью.

– Я готов, – сказал он, отирая глаза от пота. – Готов и жду. Приди и заведи меня, кто бы ты ни был.

Хови казался мертвым. Он лежал на скомканной постели, его глаза были закрыты, зубы стиснуты. ДжоБет отшатнулась, зажав рот рукой, чтобы не дать волю панике.

– Господи, прости, – сказала она, едва сдерживая рыдания.

Им нельзя даже лежать рядом в одной постели. Ее сон (где они, обнаженные, плыли вместе в теплом море, а их волосы сплелись так, как она хотела бы, чтобы сплелись их тела) был преступлением против законов Бога, и к чему это привело? К катастрофе! Кровь, камни и этот страшный дождь, убивший его во сне.

«О Господи, прости меня!»

Хови открыл глаза так внезапно, что слова молитвы вылетели из ее головы. Вместо них она произнесла его имя:

– Хови? Ты жив?

Он потянулся за очками, лежавшими рядом с кроватью, надел их и лишь тогда заметил ее

страх.

– Тебе тоже это снилось, – сказал он.

– Это не похоже на сон. Слишком все было реально. – Она дрожала с ног до головы. – Что мы наделали, Хови?

– Ничего, – сказал он, с трудом проглатывая ком в горле. – Мы не сделали ничего плохого.

– Мама была права. Мне не надо было...

– Прекрати, – сказал он, свесив ноги и поднимаясь. – Мы не сделали ничего плохого.

– Тогда что же это было такое?

– Просто плохой сон.

– Один и тот же у тебя и у меня?

– Может, он не один и тот же.

– Я плыла рядом с тобой. Потом оказалась под землей. Там кричали люди...

– Ну ладно, – сказал он.

– Это тот же сон?

– Да.

– Вот видишь! То, что у нас с тобой... Это неправильно. Может, это дело рук дьявола.

– Ты сама в такое не веришь.

– Я уже не знаю, во что верить, – сказала она. Хови потянулся к ней, но девушка жестом остановила его. – Не надо, Хови. Это нехорошо. Нам нельзя касаться друг друга.

Она направилась к двери.

– Мне пора.

– Но это... это... абсурд, – пробормотал он. Никакие слова не могли ее остановить. Она уже поднимала дверную задвижку.

– Я открою. – Он поспешил к двери. Он не мог подобрать подходящих слов и поэтому молчал.

Тишину нарушила ДжоБет:

– Всего хорошего.

– Ты даже не даешь нам времени подумать.

– Я боюсь, Хови. Ты прав. Я не верю, что это происки дьявола. Но если не дьявол, то кто? Ты можешь ответить?

ДжоБет едва справлялась с чувствами и задыхалась от сдерживаемых рыданий. При виде ее горя Хови потянулся, чтобы обнять девушку, но то, чего он так желал еще вчера, теперь было запрещено.

– Нет. У меня нет ответа.

Она вышла, оставив его возле двери. Он сосчитал до пяти, заставляя себя стоять на месте, пока она не уйдет. Он знал: то, что произошло сегодня, важнее всего, пережитого им за восемнадцать лет. На счет «пять» он закрыл дверь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

I

Грилло никогда не слышал такой радости в голосе Абернети. Тот почти повизгивал от восторга, слушая рассказ про обернувшиеся катастрофой поиски Бадди Вэнса.

– Садись писать! – воскликнул Абернети. – Сними номер в отеле за мой счет и начинай немедленно. Я придержу для тебя первую страницу.

Если подобными клише, позаимствованными из второразрядных фильмов, Абернети пытался пробудить в Грилло какие-то чувства, то ему не удалось это сделать. После всего случившегося Грилло будто оцепенел. Но предложение снять номер ему понравилось. В баре, где они с Хочкисом угощали Спилмонта, он обсох, но был уставший и грязный.

– Что за Хочкис? Кто он такой?

– Не знаю.

– Узнай. И еще выясни что-нибудь о прошлом Вэнса. Ты уже съездил к нему домой?

– Дай мне время.

– Ты же в центре событий. Эта твоя тема. Действуй. Грилло, хотя и мелко, отомстил

Абернети, сняв в отеле «Паломо», в Стиллбруке, самый дорогой номер. Он заказал в номер шампанское, фирменный гамбургер и заплатил официанту такие чаевые, что тот даже спросил, не ошибся ли Грилло. После выпивки он чувствовал определенную легкость, а в этом состоянии он любил звонить Тесле. Дома ее не оказалось. Он оставил сообщение на автоответчике, сказал, где его искать. Потом нашел в справочнике телефон Хочкиса и набрал номер. Когда они пили в баре вместе со Спилмонтом, никто ни словом не обмолвился о том, что вышло из расщелины. Грилло не хотел заговаривать первым Спилмонт ни о чем не спросил, и Грилло решил, что лишь он и Хочкис видели *это*, так как находились близко от расщелины. Теперь он хотел сравнить впечатления, но Хочкиса то ли не было дома, то ли он не снимал трубку.

Поскольку этот источник информации был недоступен, Грилло решил заняться особняком Вэнса. Время приближалось к девяти вечера, но что плохого, если он прогуляется и посмотрит на дом покойного. Можно даже попробовать попасть внутрь, если выпитое шампанское не помешает красноречию Грилло. В некотором смысле время для визита было подходящее. Утром родственники Вэнса, при условии, что им нравится быть в центре внимания (а редким людям это не нравится), начнут тянуть время и выбирать, с кем разговаривать, а с кем нет. Однако сейчас, когда исчезновение Вэнса померкло на фоне новой, еще более страшной трагедии, обитатели дома должны быть сговорчивее.

Грилло быстро пожалел о своем решении идти пешком. Холм оказался круче, чем виделось снизу. К тому же было очень темно. Но имелась и приятная сторона. Грилло не встретил по пути ни души, он в полном одиночестве шел посередине мостовой, любуясь появлявшимися над головой звездами. Он без труда нашел дом Вэнса – дорога упиралась прямо в ворота. Выше КониАй было только небо.

Ворота не охранялись, но были заперты. Тем не менее, сбоку обнаружилась открытая калитка, и Грилло двинулся по тропинке между стволов вечнозеленых деревьев, на которых висели зеленые, желтые и красные лампочки, указывавшие дорогу к главному входу. Дом был огромный, шикарный и в высшей степени экстравагантный, бросавший вызов традициям Гроува. Стиль его не походил ни на псевдосредиземноморский, ни на колониальный, ни на испанский. Никакого модерна или подражания поздней английской готике, и ничего общего со стилем Дикого Запада. Особняк напоминал ярмарочный балаган, раскрашенный в те же цвета, что и фонарики на подходе к дому. Окна тоже были обрамлены лампочками, сейчас выключенными. КониАй был словно частью некоего карнавального действия, сросшегося с жизнью Бадди. В доме горел свет. Грилло постучал в дверь, отметив, что попал в объектив видеокамеры. Дверь открыла женщина явно восточной внешности – повидимому, вьетнамка. Она сообщила, что миссис Вэнс дома. Если гость подождет в холле, она спросит, примет ли его хозяйка. Грилло поблагодарил и вошел.

Внутри дом тоже напоминал храм веселья. Стены холла до последнего дюйма покрывали яркие афиши с изображением всевозможных карнавальных действий: тоннель любви, поезд призраков, карусели, шоу уродцев, шоу борцов, галаконцерты и мистические сеансы. Афиши в большинстве своем были нарисованы грубо – их авторы явно считали, что их творение служит лишь для рекламы и не проживет долго. При ближайшем рассмотрении ощущение того, что они предназначались для толпы, а не для искушенного ценителя, подтвердилось. Вэнс, без сомнений, тоже отдавал себе в этом отчет. Он развесил афиши таким образом, что глаз не задерживался на деталях, а скользил от одного плаката к другому. При всей своей вульгарности выставка была забавной и вызывала улыбку, на что, несомненно, и рассчитывал Вэнс Улыбку, которая исчезла с лица Грилло, когда наверху лестницы появилась миссис Рошель Вэнс.

Никогда в жизни он не видел столь безупречного лица. По мере ее приближения он искал хоть какой-то изъян в этом совершенстве, но так и не нашел. Повидимому, в ее жилах текла карибская кровь, о чем свидетельствовала смуглая кожа. Туго стянутые на затылке волосы подчеркивали выпуклость лба и симметрию бровей. Одета она была в самое простое черное платье, без драгоценностей.

– Мистер Грилло, я вдова Бадди. – Несмотря на траурный цвет, слово это в ее устах прозвучало более чем неестественно. Она не напоминала женщину, только что лившую слезы в подушку. – Чем могу помочь?

– Я журналист...

– Эллен мне сказала.

- Я хотел узнать кое-что о вашем муже.
- Вообще-то время позднее.
- Почти весь день я провел в лесу.
- Аа. Вы тот самый мистер Грилло.
- Простите?
- Приходил тут один полицейский. – Она повернулась к Эллен: – Как его звали?
- Спилмонт.
- Спилмонт. Он приходил, чтобы сообщить о случившемся. Он упоминал о вашем героизме.
- Ну, какой там героизм.
- И такого достаточно, чтобы заслужить ночь покоя и отдыха и не бегать по делам.
- Я должен написать статью.
- Понимаю. Хорошо, проходите.

Эллен открыла дверь в левом углу холла. Пока они шли по коридору, Рошель определила правила игры.

– Я отвечу на все ваши вопросы, касающиеся работы Кадди. – В ее речи не было никакого акцента. Может быть, европейское образование? – Я ничего не знаю о его предыдущих женах, так что не тратьте время. И еще я не желаю говорить о его вредных привычках. Хотите кофе?

– С удовольствием, – сказал Грилло и поймал себя на том, что он, как обычно во время интервью, перенял манеру общения собеседника.

– Эллен, кофе для мистера Грилло, – сказала Рошель, жестом приглашая гостя присесть. – А мне воды.

Гостиная, куда они пришли, тянулась по всей длине дома и высотой была в два этажа. На уровне второго этажа ее опоясывала балюстрада. Здесь, как и в холле, висели афиши. Приглашения, обещания, предупреждения так и лезли в глаза. «Зрелище всей вашей жизни!» – скромно возвещало одно. «Насмеетесь до упаду!» – грозило другое. И добавляло: «И еще немного!»

– Это только часть коллекции, – сказала Рошель. – В НьюЙорке собрание больше. Думаю, это самое крупное частное собрание афиш.

– Я и не знал, что их кто-то коллекционирует.

– Бадди называл их истинным искусством Америки. Может быть, он прав, и тогда многое становится... – фраза повисла в воздухе. Ее неприязнь к выставленным здесь экспонатам была очевидна. На лице, сотворенном безупречным скульптором, застыло раздражение.

– Вы, наверное, избавитесь от этой коллекции? – спросил Грилло.

– Зависит от завещания. Вполне возможно, она мне не принадлежит, так что я и не смогу ее продать.

– Неужели у вас нет никаких личных воспоминаний, связанных с ней?

– Это уже касается частной жизни.

– Да, пожалуй, вы правы.

– Увлечения Бадди были довольно безобидными, но... – Она встала и щелкнула выключателем, скрытым между двумя плакатами с изображением поездапризрака. За стеклянной стеной в дальнем конце комнаты зажглись разноцветные огни. – Позвольте вам показать.

Она прошла через комнату и вышла из дома в павильон, заигравший калейдоскопом огней. Там находились экспонаты, слишком крупные для того, чтобы их вешать в зале. Гигантское, футов двенадцати в высоту, ухмыляющееся лицо – открытый рот был входом в помещение аттракциона. Рядом сияла надпись из лампочек: «Ворота смерти», а под ней – рельеф паровоза, выезжавшего из тоннеля. Управляли паровозом скелеты в натуральную величину.

– О боже! – только и смог произнести Грилло.

– Теперь вы сами видите, почему я от него ушла.

– Не понял! Вы что же, здесь не живете?

– Я пыталась, – ответила она – Но оглянитесь вокруг. Вот таков был Бадди. Он любил везде оставлять свои метки. На всех. Для меня здесь не было места. По крайней мере, если я не соглашалась играть по его правилам.

Она смотрела в гигантский рот.

– Мерзость какая. Вам не кажется?

– Ну, не мне судить, – ответил Грилло.

– Вас не раздражает?

– Возможно, раздражение придет вместе с похмельем.

– Он говорил, что у меня нет чувства юмора, поскольку мне его... шутки не казались смешными. А еще потому, что и его я не считала смешным. Любовник он был, да, великолепный. Но смеяться?.. Нет.

– Это не для протокола, так? – спросил Грилло.

– Какая разница, что я отвечу? Обо мне написали достаточно грязи, и я знаю, что вам плевать на мою частную жизнь.

– Но вы говорите об этом со мной.

Она оторвала взгляд от маски и посмотрела на него.

– Да. Говорю, – сказала она. Возникла пауза – Здесь прохладно.

Рошель вернулась в комнату. Эллен разливала кофе.

– Оставь. Я сама, – сказала хозяйка.

Вьетнамка на какое-то мгновение задержалась у двери – немного дольше, чем положено дисциплинированной прислуге.

– Вот вам история Бадди Вэнса – сказала Рошель. – Жены, деньги и карнавал. Боюсь, ничего нового.

– Вы не знаете, не было ли у него предчувствий? – спросил Грилло, когда они сели за стол.

– Вы о смерти? Сомневаюсь. Он всегда старался избегать подобных мыслей. Сливки?

– Да, пожалуйста. И сахар.

– Кладите сами. Значит, ваши читатели хотят чего-нибудь эдакого? Например, что Бадди приснился сон, предвещающий смерть?

– Случаются и более странные вещи. – Мысли Грилло постоянно возвращались к расщелине и к вылетевшим оттуда теням.

– Не думаю, – возразила Рошель. – Чудеса мне не встречались. По крайней мере, давно.

Она выключила свет на улице.

– Когда я была маленькой, дед научил меня воздействовать на других детей.

– Каким образом?

– Просто думая о них. Он сам занимался этим всю жизнь и передал свое умение мне. Я могла заставить ребенка уронить мороженое или засмеяться без причины. Тогда везде были чудеса. Они таились за каждым углом. Но я утратила эту способность. Мы теряем чудеса. Все в мире меняется к худшему.

– Ну, уж ваша жизнь совсем не кажется ужасной. Я понимаю, сейчас у вас горе...

– Да какое тут горе, пропади оно пропадом, – сказала она неожиданно. – Бадди умер, а я сижу и жду, какой окажется его последняя шутка.

– Вы о завещании?

– О завещании. О женах. О незаконнорожденных детях, что могут появиться невесть откуда. Он все же втянул меня в свою дурацкую карусель. – Несмотря на горечь, она говорила почти спокойно. – Хватит вам, чтобы вернуться домой и воплотить все это в бессмертной прозе?

– Я еще задержусь здесь. Пока не найдут тело вашего мужа.

– Не найдут. Поиски прекращены.

– Как?

– Спилмонт приходил, чтобы это мне сообщить. Они там потеряли уже пятерых. Очевидно, что шансы обнаружить его ничтожно малы. Нет смысла рисковать.

– Вас это огорчило?

– Отсутствие тела для похорон? Нет, не очень. Лучше пусть помнят его шутки, а не то, как его вынимали из провала в земле. Так что, сами видите, история его кончается. В Голливуде, скорей всего, будет поминальная служба. А остальное, как они говорят, дело телевидения.

Она встала, давая понять, что интервью окончено. У Грилло оставалось множество вопросов, в первую очередь о его профессиональной жизни. Там оставались пробелы, и Тесла с ее картотекой не могла их восполнить. Но он решил не испытывать терпение вдовы. Рошель и так рассказала больше, чем он ожидал.

– Спасибо, что приняли меня, – сказал он, пожимая ей руку. Пальцы у нее были тонкие, как веточки. – Очень любезно с вашей стороны.

– Эллен вас проводит.

– Спасибо.

Служанка ждала в холле. Открывая входную дверь, она дотронулась до руки Грилло. Он взглянул на нее, и она, приложив к губам палец, сунула ему в руку клочок бумаги. Не успел он ничего сказать, как его почти вытолкнули на улицу. Дверь захлопнулась.

Он развернул бумажку, когда оказался вне поля зрения камер видеонаблюдения. Он прочитал имя женщины – Эллен Нгуен – и адрес в Дирделле. Кажется, прошлое Бадди Вэнса, погребенное в недрах земли, рвалось наружу. Грилло знал на собственном опыте, что у прошлого есть такое свойство. Все тайны выходят на свет, какие бы могущественные силы ни пытались их спрятать. Можно сжечь документы или убить свидетелей, но правда, пусть самая невероятная, рано или поздно объявится. Тайны редко заявляют о себе напрямую. Их знаками становятся слухи, рисунки на стенах, карикатуры или стишки, сплетни за рюмкой и в постели, надписи на стенах в общественной уборной. Знаки принадлежат сумеркам – подобно теням, которые он видел в потоке воды, поднявшемся из глубин, чтобы изменить мир.

II

ДжоБет лежала в своей постели и наблюдала, как от ночного ветерка занавески то улетают в темноту за окном, то опадают. Вернувшись домой, она сразу поговорила с матерью и пообещала, что больше не будет встречаться с Хови. Обещание было не слишком обдуманное, но мать его, кажется, и не услышала – стиснув руки, она бродила по своей из угла в угол и бормотала молитвы. Молитвы напомнили ДжоБет о том, что девушка все еще не позвонила пастору. Ругая себя на чем свет стоит, она сошла вниз к телефону, но священника не застала. Ей сказали, что он отправился с утешением к Анжелине Датлоу. Брюс Датлоу, муж Анжелины, погиб при поисках тела Бадди Вэнса. Так ДжоБет впервые узнала о трагедии. Она положила трубку и осталась сидеть возле телефона, дрожа. Ей не нужно было расспрашивать о подробностях: Они с Хови видели все собственными глазами. Их общий сон был живым репортажем из расщелины, где погибли Датлоу и его коллеги.

Гудел холодильник, щебет птиц и стрекот насекомых сливались за окном в жизнерадостную мелодию, а ДжоБет сидела в кухне, пытаясь собраться с мыслями. Может быть, она смотрела на жизнь слишком оптимистически, но ей всегда казалось: если она сама с чем-то не справится, ей помогут близкие. Мир казался надежным. Теперь она ни в чем не была уверена. Если она расскажет в церкви – большинство ее друзей были оттуда – о том, что случилось в мотеле (сон про воду и смерть), люди, как и мама, примут это за козни дьявола. Но Хови говорил, что она сама не верит в подобные вещи. И он прав. Чушь собачья. Но если дьявол – чушь, что же все это значит?

ДжоБет поняла, что слишком устала и не в силах побороть сомнения, поэтому решила прилечь. Спать она не хотела – боялась увидеть еще один страшный сон, – но усталость сломила ее. Едва ДжоБет легла, как перед ее взором замелькали чернобелые картинки, повторявшие события последних дней: Хови у Батрика; Хови рядом с ТоммиРэем; его лицо на подушке, которое показалось ей мертвым. Затем картинки исчезли. ДжоБет погрузилась в сон.

Когда она проснулась, часы показывали восемь тридцать пять. В доме царила тишина. ДжоБет встала и спустилась вниз, стараясь не шуметь, чтобы мать не призвала ее к себе. Сделав себе бутерброд, она вернулась с ним в комнату, перекусила и снова легла в постель, глядя, как занавески трепещут по воле ветра.

Вечерний свет, нежный, как абрикосовый крем, почти погас. Приближалась темнота, скрадывавшая расстояния и приглушавшая звуки. ДжоБет чувствовала ее приближение, и это как никогда пугало ее. Гдето в соседних домах оплакивают погибших. Жены, потерявшие мужей, и дети, потерявшие отцов, встречают первую одинокую ночь. У нее, ДжоБет, было свое горе, и она чувствовала себя сопричастной к тому, что случилось. Она тоже понесла утрату, и темнота – которая забирала из мира так много, а отдавала так мало, – никогда уже не будет прежней.

ТоммиРэя разбудил скрип оконной рамы. Он поднялся и сел в постели. День он провел в специально устроенном пекле. С утренней встречи в молле прошло больше двенадцати часов – и что же он делал все это время? Лежал, спал, покрывался потом и ждал знака.

Что он сейчас услышал? Скрип рамы был похож на зубовой скрежет умирающего

человека. ТоммиРэй сбросил покрывало. Днем он разделся до белья. Взгляд его случайно остановился на собственном отражении в зеркале – стройное блестящее тело, как у здоровой змеи. ТоммиРэй замер от восхищения и замешкался, потом попытался встать и увидел, что пропорции комнаты странно изменились. Пол наклонился под странным углом, шкаф съезжился до размеров чемодана... Или это он сам так вырос? Его затошнило, он протянул руку, чтобы нащупать что-нибудь, по чему можно сориентироваться. Он хотел дотянуться до двери, но рука ухватилась за оконную раму. ТоммиРэй постоял, держась за нее, пока не прошла дурнота. Деревянная рама едва заметно подрагивала, и вибрация проникла сначала в пальцы, затем в запястья, предплечья, через плечи – в позвоночник и заиграла в костном мозге. Она была почти незаметной, пока не поднялась вверх по нескольким последним позвонкам и не попала в череп, где снова превратилась в скрип окна, звучащий как призыв.

Его не нужно было звать дважды. Он отпустил окно и, словно в тумане, повернулся к двери. Нога запнулась о кучу одежды, которую он сбросил во сне. Томми поднял с пола футболку и джинсы, не соображая, что нужно натянуть их, прежде чем выходить из дома. Он спустился по лестнице и через заднюю дверь вышел в темноту, волоча за собой одежду. Двор у них был большой и заброшенный, порядок там не наводили много лет. Упавший забор так и лежал, не дождавшись ремонта, а живая изгородь, отгораживавшая двор от дороги, давно превратилась в стену непроходимых зарослей. ТоммиРэй шел как раз к этим маленьким джунглям. Его вел счетчик Гейгера у него в голове, шелкавший все громче с каждым шагом.

Джобет проснулась от зубной боли. Она потрогала щеку. Щека опухла, будто ее ударили. Джобет встала и поплелась в ванную. Прежде запертая, дверь спальни ТоммиРэя была распахнута. Возможно, он спал у себя, но Джобет его не увидела. Занавески опущены, свет выключен.

Быстро взглянув на себя в зеркало, она поняла, что лицо опухло от слез, никакого синяка нет. Тем не менее, давившая изнутри боль не стихала и расплзлась от челюсти к основанию черепа. Никогда с Джобет не случалось ничего подобного. Боль была не постоянной, а ритмично пульсирующей, но пульсировала она в своем ритме, проникавшем откуда-то извне.

– Стоп, – пробормотала девушка, стискивая зубы, чтобы прекратить звучание этой перкуссии. Но контролировать ее оказалось невозможно. Боль усилилась, словно пыталась выгнать из головы все мысли.

В отчаянии Джобет вдруг осознала: что для того, чтобы справиться с этой пульсацией, возникавшей из ночной тьмы, она пытается представить себе Хови, его свет и его улыбку. Образ был запретный – ведь она пообещала матери не вспоминать о Хови. Но он был единственным оружием Джобет. Если не сопротивляться, этот ритм вытеснит ее мысли, заставит двигаться в такт и подчинит себе.

«Хови...»

Он улыбнулся. Ухватившись за это светлое воспоминание, Джобет нагнулась над раковиной и плеснула себе в лицо холодной водой. Вода и воспоминание о юноше немного помогли. Шатаясь, она вышла из ванной и заглянула в комнату ТоммиРэя. Наверняка болезнь, как бы она ни называлась, одолела и его. С раннего детства они болели одновременно. Может быть, брат на этот раз подхватил инфекцию первым, чем и объясняется его странное поведение у молла. Мысль ее обнадежила. Если ТоммиРэй болен, его можно вылечить. Можно вылечить их обоих.

Она утвердилась в своих подозрениях, когда вошла в комнату. Там пахло болезнью, было невыносимо жарко и душно.

– ТоммиРэй? Ты здесь?

Она шире открыла дверь, чтобы впустить в комнату из коридора побольше света. Комната оказалась пустой. Постель скомкана, ковер съехал в сторону, будто на нем танцевали тарантеллу. Джобет подошла к окну, чтобы открыть его, но успела лишь раздвинуть занавески. От зрелища, представшего ее взору, она со всех ног бросилась вниз, выкрикивая имя брата. При свете, падавшем из открытой двери кухни, она увидела: ТоммиРэй идет через двор, шатаясь и волоча за собой джинсы.

Заросли в дальнем конце сада шевелились, но шевелил их не только ветер.

– Сын мой, – произнес человек, стоявший в зарослях. – Наконецто мы встретились.

ТоммиРэй не мог ясно разглядеть того, кто его звал, но, без сомнения, там был человек. В его присутствии пульсация в голове стала тише.

– Подойди ближе, – велел человек.

Голос его был слишком ласковым для чужого, а желание оставаться в тени слишком странным. «Сын мой» – что он имеет в виду, ведь это не в прямом смысле так? Или в прямом? А если в прямом, то хорошо ли это? ТоммиРэй давно оставил надежду увидеть отца. В раннем детстве, наглотавшись насмешек, он мог сидеть часами и воображать отцовский образ, а сейчас вдруг обрел его – отец вызвал сына кодом, известным лишь им одним. Да, это хорошо, очень хорошо!

– Где моя дочь! – спросил человек. – Где ДжоБет?

– Кажется, она дома.

– Приведи ее ко мне.

– Через пару минут.

– Немедленно!

– Сначала я хочу увидеть тебя. Мне нужно убедиться, что это не розыгрыш.

Незнакомец рассмеялся.

– Узнаю свою кровь. Меня тоже не раз разыгрывали. Но от этого мы стали только осторожнее, верно?

– Верно.

– Конечно, ты должен увидеть меня, – сказал человек, выходя изза деревьев. – Я твой отец. Меня зовут Яфф.

Уже спустившись с лестницы, ДжоБет услышала, что мать звала ее из своей комнаты.

– ДжоБет? Что происходит?

– Все в порядке, мама.

– Иди сюда! Чтото страшное... во сне...

– Мама, подожди. Не вставай.

– Чтото страшное...

– Я сейчас. Не вставай.

Это был он, отец, во плоти. ТоммиРэй, столько раз во стольких обличьях представляя себе своего отца, едва осознавал, что у других детей есть второй родитель мужского пола, который знает все, что положено знать мужчине, и может научить этому сына. Иногда мальчик воображал, что он внебрачный сын кинозвезды: в один прекрасный день на их улице появится лимузин, оттуда с улыбкой выйдет знаменитый актер и скажет те слова, что только что произнес Яфф. Яфф оказался лучше любой кинозвезды. Внешность он имел вполне заурядную, но в нем было чтото сверхъестественное. Казалось, ему нет необходимости демонстрировать свою силу. Откуда пришла эта сила, ТоммиРэй еще не знал, но отчетливо видел ее.

– Я твой отец, – повторил Яфф. – Ты мне веришь? Конечно, он верил. Только дурак отказался бы от такого отца.

– Да. Я тебе верю, – сказал он.

– И ты будешь слушаться меня, как любящий сын?

– Да. Буду.

– Хорошо, – сказал Яфф. – Тогда иди и приведи мою дочь. Я звал ее, но она отказывается прийти. И ты знаешь почему...

– Нет.

– Подумай.

ТоммиРэй подумал, но с ходу ему ничего не пришло в голову.

– Мой враг, – сказал Яфф, – коснулся ее.

Катц, подумал ТоммиРэй, он имеет в виду этого ублюдка Катца.

– Я породил тебя и ДжоБет, чтобы вы помогли мне. И мой враг сделал то же. Он тоже родил сына.

– Так твой враг не Катц? – спросил ТоммиРэй, пытаясь понять, что к чему. – Он сын твоего врага?

– И теперь он коснулся твоей сестры. Вот что не дает ей прийти ко мне. Его прикосновение отравило ее.

– Ничего, подожди немного.

С этими словами ТоммиРэй побежал к дому, радостно и беззаботно выкрикивая имя ДжоБет. Она услышала его голос и немного успокоилась. Не похоже, что ему плохо. Когда она вошла в кухню, он уже стоял в проеме двери на фоне двора, опираясь руками о дверной косяк, и улыбался. Мокрый от пота и почти обнаженный, он выглядел так, словно минуту назад вышел из моря.

– Там такоое!

– Где?

– Во дворе. Идем со мной.

Жилы его набухли, словно его распирало от гордости. Глаза подозрительно блеснули, а улыбка усиливала подозрения.

– Я никуда не пойду, Томми, – сказала ДжоБет.

– Зачем ты упрямисься? Если он тебя коснулся, это еще не значит, что ты ему принадлежишь.

– Ты о чем?

– О Катце. Я знаю, что он сделал. Не нужно стыдиться. Ты уже прощена. Но придется тебе выйти и лично принести извинения.

– Прощена? – переспросила она, повысив голос, и боль в черепе поднялась на новый уровень. – У тебя нет права меня прощать, придурок! Ты последний, кто...

– Не у меня, – сказал ТоммиРэй, его улыбка не дрогнула. – У нашего отца.

– Что?

– Он там, во дворе...

Она покачала головой. Боль в висках возрастала.

– Ну, идем со мной. Он там. – ТоммиРэй перестал держаться за дверной косяк и направился к сестре через кухню.

– Я знаю, тебе сейчас больно. Но Яфф сделает так, что все пройдет.

– Не приближайся ко мне!

– ДжоБет, это же я, ТоммиРэй. Ты чего боишься?

– Боюсь. Не знаю чего, но боюсь.

– Это все изза Катца, – сказал он. – Я не сделаю ничего, что могло бы причинить тебе боль, ты же знаешь. Я чувствую все, что чувствуешь ты. Что причиняет боль тебе, причиняет боль и мне.

Он рассмеялся.

– У меня, конечно, есть странности, но боль я не люблю. Аргумент убедил ее – это была правда. Девять месяцев они делили утробу матери, две половинки одной яйцеклетки. Он не мог причинить ей вреда.

– Пожалуйста, пойдём, – сказал он, протягивая руку. Она приняла его руку. Боль в висках мгновенно утихла, и она почувствовала благодарность. Вместо пульсации она услышала голос, который шептал ее имя:

– ДжоБет.

– Что?

– Это не я, – сказал ТоммиРэй. – Это Яфф. Он тебя зовет.

– ДжоБет.

– Где он?

ТоммиРэй указал в сторону зарослей. Внезапно они оказались далеко от дома, почти в дальнем конце двора. ДжоБет толком не поняла, каким образом она пересекла двор. Словно играющий с занавесками ветер подхватил ее и перенес к зарослям. ТоммиРэй отпустил ее руку.

– Иди, – услышала она его голос. – Это то, чего мы так долго ждали.

Она засомневалась. В качающихся деревьях, в шелесте листьев было что-то вроде дурного знака – облака в форме гриба или крови в воде. Но зовущий голос успокаивал, а его обладатель – теперь она видела, кто он, – понравился ДжоБет. Если ей и суждено кого-то назвать отцом, он подходил на эту роль как нельзя лучше. Девушке понравились его густые брови и борода. Понравилось, как изогнулись его губы, когда он с восхитительной четкостью произнес:

– Меня зовут Яфф. Я твой отец.

– Правда?

– Правда.

– Зачем ты пришел через столько лет?

– Подойди, и я объясню тебе.

Она уже собралась сделать шаг, когда из дома раздался крик:

– Не дай ему коснуться тебя!

Это крикнула мама. ДжоБет даже и предположить не могла, что та способна так кричать. Она остановилась и обернулась. За спиной стоял ТоммиРэй. За ним она увидела бежавшую босиком по лужайке мать в расстегнутом халате.

– ДжоБет, отойди от этого!

– Мама?

– Отойди!

Почти пять лет мать не выходила из дома и за это время не раз повторяла, что никогда больше не переступит через порог. Но теперь она бежала к ним, ее лицо было искажено тревогой, а в голосе слышалась не просьба, а приказ.

– Отойдите оба!

ТоммиРэй повернулся лицом к матери.

– Уйди, – сказал он. – Это тебя не касается. Мама замедлила шаг.

– Ты ничего не знаешь, сынок, – сказала она. – Ты не можешь понять.

– Это наш отец, – ответил ТоммиРэй. – Он вернулся. Ты должна быть благодарна.

– За это? – Глаза матери расширились. – Он разбил мне сердце. Он разобьет и ваши сердца, если вы позволите ему коснуться себя.

Она была уже в ярде от Томми.

– Не дай ему причинить нам боль, – сказала она мягко, протягивая руку, чтобы коснуться его лица.

ТоммиРэй оттолкнул ее руку.

– Я же сказал, – произнес он, – тебя это не касается.

Реакция Джойс последовала незамедлительно: она шагнула к сыну и ударила его по лицу. Пощечина звонким эхом отразилась от стены дома.

– Идиот! – закричала она. – Неужели ты не можешь распознать зло, даже когда видишь его!

– Зато я могу распознать ненормальную, когда вижу ее, – огрызнулся ТоммиРэй. – Все твои молитвы и разговоры про дьявола... Меня тошнит от тебя. Ты испоганила мою жизнь. Хочешь испоганить и это? Не выйдет! Папа вернулся, так что пошла ты!..

Человек между деревьями рассмеялся – ему понравились слова ТоммиРэя. ДжоБет обернулась. Очевидно, он не ожидал, что она сейчас на него посмотрит, и на мгновение маска сползла с его лица. Лицо «отца» – или то, что находилось под маской отца, – разрослось, глаза и лоб увеличились, а рот и борода, что так понравилась ДжоБет, почти исчезли. Девушка увидела чудовищный эмбрион. При виде его она закричала.

Тут же заросли пришли в неистовство. Деревья хлестали сами себя, как флагелланты, сдирая полоски коры и срывая листву. Их движения были настолько мощными, что ДжоБет показалось, будто они вотвот вырвут свои корни из земли и доберутся до нее.

– Мама! – крикнула она, поворачиваясь к дому.

– Ты куда? – спросил ТоммиРэй.

– Это не наш отец! Это все обман! Посмотри! Этого не может быть!

Но ТоммиРэй либо знал истинное обличье Яффа и его это не пугало, либо власть Яффа над ним была столь сильна, что он видел лишь то, что ему позволяли увидеть.

– Ты останешься со мной. – Он взял ДжоБет за руку. – С нами.

Она попыталась вырваться, но брат держал ее крепко. Освободила ее мать, изо всех сил ударив ТоммиРэя кулаком по руке. Прежде чем тот успел удержать сестру, ДжоБет бросилась к дому. За ней последовал ураганный шум листвы. Уже возле двери ее схватила за руку мать.

– Запирай! Запирай скорее! – крикнула Джойс, когда они оказались внутри.

ДжоБет быстро выполнила приказание. Не успела она повернуть ключ, как услышала призыв матери:

– Где ты?

– В своей комнате. Я знаю, как остановить это. Скорее!

В комнате пахло мамиными духами и затхлыми простынями, но сейчас это казалось уютным. Хотя вряд ли тут было безопасно. ДжоБет услышала, как дверь кухни распахнулась от удара ноги, потом чтото зашумело, как будто содержимое холодильника разбрасывали по кухне. Затем наступила тишина.

– Ты ключ ищешь? – спросила ДжоБет, увидев, что мать шарит под подушкой. – Я думаю, он снаружи в замке.

– Так забери его! И скорее!

Изда двери послышался скрип шагов, и ДжоБет, прежде чем открыть, подумала дважды. Но с незапертой дверью у них не было никакой защиты. Мать говорила, что знает, как остановить Яффа, но под подушкой она искала не ключ, а молитвенник. Молитвами же никого не остановить – с молитвой люди умирают. Выбора нет, дверь придется открыть. ДжоБет посмотрела на лестницу. Там уже стоял Яфф, бородатый эмбрион, и глядел на нее огромными глазами. Крошечный рот ухмылялся.

– Мы здесь, – сказал он.

Ключ не желал вылезать из замка. ДжоБет дергала его, и вдруг он выскользнул и упал на пол. Яфф был в трех шагах от верхней площадки лестницы. Он не торопился. Она присела, чтобы поднять ключ, и тут ее снова охватила та же боль, что стала предвестником появления Яффа. От назойливой пульсации путались мысли. Зачем она нагнулась? Что искала? Она увидела ключ и вспомнила. ДжоБет схватила его (Яфф уже стоял наверху), выпрямилась, убежала в комнату, захлопнула и заперла дверь.

– Он здесь, – сообщила она матери.

– Конечно, – ответила мать.

Джойс нашла то, что искала, – вовсе не молитвенник, а нож. Восьмидюймовый кухонный нож, который они недавно потеряли.

– Мама?

– Я знала, что он явится. Я готова.

– Ты не можешь одолеть его этим. Он же не человек. Ведь так?

Мать смотрела на запертую дверь.

– Мама, объясни.

– Я не знаю, что он такое. Я думала об этом... все прошедшие годы. Возможно, он дьявол. А может быть, и нет. – Она снова взглянула на ДжоБет. – Я долго жила в страхе. И вот он здесь, и это так просто.

– Тогда объясни, – упрямо сказала ДжоБет. – Я не понимаю. Кто он и что произошло с ТоммиРэем?

– Он говорил правду. В некотором смысле. Он действительно ваш отец. Или, по крайней мере, один из них.

– Сколько же их было?

– Он сделал из меня шлюху. Он заставил меня сходить с ума от чуждых мне желаний. Ваш отец – человек, обычный мужчина, с которым я спала. Но *это*, – она указала ножом в направлении двери, в которую кто-то стучался, – это то, что на самом деле породило тебя.

– Я слышу, – раздался голос Яффа. – Ясно и отчетливо.

– Прочь! – сказала мать, направляясь к двери.

ДжоБет попыталась ее остановить, но это было бесполезно. У Джойс был свой план. Она подошла не к двери, а к дочери, схватила ее за руку, притянула к себе и приставила нож к ее горлу.

– Я убью ее, – сообщила она существу за дверью. – С Божьей помощью я сделаю это. Попробуй только войти, и твоя дочь умрет.

Она держала руку ДжоБет так же крепко, как недавно ТоммиРэй. Если мать играла, то ее игра заслуживала «Оскара». А если нет – значит, ТоммиРэй, назвавший ее несколько минут назад ненормальной, не ошибся.

Яфф снова постучал в дверь.

– Дочь?

– Ответь ему! – сказала мать.

– Дочь?

– ... Да...

– Ты боишься за свою жизнь? Скажи мне честно. Я люблю тебя и не хочу причинить тебе вреда.

– Она боится, – сказала мать.

– Пусть скажет она ДжоБет не колебалась с ответом:

– Да. Да, боюсь. У нее нож, и она...

– Ты будешь полной дурой, если убьешь то единственное, ради чего тебе стоит жить. Но ты сделаешь это, так ведь?

– Я не отдам ее тебе.

По ту сторону двери воцарилось молчание. Потом Яфф произнес:

– Ладно. – Он тихо засмеялся. – Всегда есть завтра. Он еще раз толкнул дверь, словно хотел убедиться, что она действительно заперта. Затем смех и стук стихли, и раздался утробный звук – стон неведомой твари, рожденной в страдании и знавшей со своего первого вздоха, что от мучения не избавиться. Этот больной стон вызывал ужас не меньший, чем угрозы и искушения. Постепенно он стал удаляться.

– Уходит, – сказала ДжоБет. Мать все еще держала нож у ее горла. – Он уходит. Мам, отпусти меня.

Пятая ступенька лестницы дважды скрипнула, подтверждая слова ДжоБет. Значит, их мучители покидали дом. Однако прошло еще тридцать секунд, прежде чем мать ослабила хватку, и еще минута, прежде чем она отпустила девушку.

– Он вышел из дома, – сказала Джойс. – Но не уходи пока.

– А как же Томми? Нужно его найти. Мать покачала головой.

– Поздно. Мы его потеряли.

– Надо хотя бы попытаться.

ДжоБет открыла дверь. К перилам лестницы было прислонено нечто, и это могло быть только делом рук ТоммиРэя. В детстве он вечно мастерил для сестры игрушки из того, что попадалось под руку. Его куклы всегда улыбались. Теперь он соорудил новую: отец семейства, составленный из продуктов. Голова из гамбургера с продавленными пальцем дырками глазами; ноги и руки из овощей; торс из пакета молока – его содержимое сочилось по прикрепленному между ног стручку перца и двум чесночным головкам. ДжоБет рассматривала грубую поделку, а лицо гамбургер глядело на девушку. Оно не улыбалось. Впрочем, у него не было рта. Только две дырки для глаз. Вытекавшая молочная сперма испачкала ковер. Мать была права ТоммиРэй потерял.

– Ты знала, что этот ублюдок вернется, – сказала ДжоБет.

– Я догадывалась, что он вернется. Но не за мной. Я была для него просто утробой, как и остальные...

Из «Лиги девственниц»?

– Откуда ты знаешь?

Ох, мама... Да я с детства слышу об этом.

– Мне тогда было так стыдно, – сказала мать. Она закрыла лицо рукой; другая рука, попрежнему сжимавшая нож, беспомощно повисла вдоль тела. – Так стыдно. Я хотела убить себя. Но пастор меня удержал. Он сказал, что я должна жить. Ради Господа. И ради вас с ТоммиРэем.

– Ты очень сильная, – сказала ДжоБет, отвернувшись от мерзкой куклы. – Я люблю тебя, мама. Я сказала ему, что боюсь тебя, но я знала, что ты не причинишь мне вреда.

Мать подняла глаза – слезы медленно катились у нее по щекам – и не раздумывая ответила:

– Я убила бы тебя.

III

– Мой враг все еще здесь, – сказал Яфф. ТоммиРэй вел его по тропе, известной лишь местным ребятишкам, в обход по вершине Холма на уединенную площадку. Оттуда каждому, кто решался подняться, открывался прекрасный вид на Лорелтри и Уиндблаф.

Там они и остановились вдвоем, отец и сын. Небо над головой было беззвездное, внизу в домах почти не горело огней. На небо напоззли тучи, а городок накрыл сон. Никто не мог их потревожить. Отец и сын беседовали.

– Кто твой враг? Скажи, и я разорву ему глотку.

– Сомневаюсь, что он запросто дастся тебе в руки.

– Не надо иронии, – сказал ТоммиРэй. – Не такой уж я и болван. Ты обращаешься со мной как с ребенком. Но я уже не ребенок.

– Тебе придется это доказать.

– Докажу. Я ничего не боюсь.

– Посмотрим.

– Хочешь меня напугать?

– Нет. Хочу подготовиться.

– К чему? К встрече с твоим врагом? Скажи лучше, кто он.

– Зовут его Флетчер. Когдато, задолго до твоего рождения, мы были партнерами. Но он обманул меня. Вернее, попытался.

– Каким бизнесом вы занимались?

– О! – Яфф засмеялся. ТоммиРэй слушал этот смех, и он ему нравился. У отца явно было хорошее чувство юмора – он смеялся даже тогда, когда ТоммиРэй не различал ничего смешного. – Каким бизнесом? Мы искали *силу*. Ее называют Искусством. Овладев ею, можно овладеть снами Америки.

– Ты что, издеваешься?

– Не всеми снами. Только самыми важными. Видишь ли, ТоммиРэй, я исследователь...

– Вот как!

– Да. А что можно исследовать в нашем мире? Безлюдные районы пустыни или тропические леса?

– Космос, – предложил ТоммиРэй, поднимая глаза к небу.

– Еще одна пустыня, – сказал Яфф. – Нет, настоящая и единственно важная тайна живет у нас в головах. Туда мне и нужно попасть.

– Но не так, как это делают психиатры? Ты хочешь найти способ забраться туда, так?

– Угадал.

– Искусство тебе в этом поможет?

– Опять угадал.

– Но ты сказал, что это сон. Сны снятся всем. Каждый человек может оказаться во сне в любое время. Просто взять и уснуть.

– Большинство снов – это вроде жонглирования. Люди извлекают свои воспоминания и пытаются привести их в некий порядок. Но есть другие сны, рассказывающие, в чем смысл рождения, что такое любовь и смерть. Сны объясняют, в чем смысл жизни. Я понимаю, это сложно...

– Продолжай. Мне интересно.

Существует море сознания. Оно называется Субстанция. И в этом море есть остров, что как минимум дважды является во сне каждому из нас – в начале и в конце жизни. Первыми о нем узнали греки. Платон зашифровал информацию о нем. Он называл его Атлантидой... – Яфф запнулся.

– Ты туда очень хочешь, да? – тихо спросил ТоммиРэй.

– Очень, – согласился Яфф. – Я хочу плавать в этом море, когда захочу, и выходить на берег, о котором рассказывали великие.

– Отлично.

– Что?

– Звучит отлично. Яфф засмеялся.

– Сынок, ты моя отрада. У нас все получится – я тебе говорю. Ты мне поможешь?

– Конечно, – ухмыльнулся ТоммиРэй. И добавил: – Что надо сделать?

– Видишь ли, я не могу всем открыть свое лицо. Я не люблю дневного света. Он такой... не таинственный. Но ты можешь действовать днем и выполнять мои поручения.

– А ты... останешься здесь? Я думал, мы уедем куданибудь вместе.

– Конечно, уедем. Потом. Но сначала нужно убить моего врага. Он сейчас слаб и ищет помощи. Он ищет своего сына.

– Катца?

– Да.

– Тогда нужно убить Катца.

– Не мешало бы. Если получится.

– Я уверен, что получится.

– Правда, нам следовало бы его поблагодарить.

– За что?

– Если бы не он, я до сих пор торчал бы под землей. Пока ты или ДжоБет не сложили бы все воедино и не нашли бы меня сами... Изза того, что сделали она и Катц...

– А что они сделали? Трахнулись?

– Разве это имеет для тебя значение?

– Конечно, имеет!

– Для меня тоже. Мне становится плохо при мысли, что отпрыск Флетчера касается твоей сестры. Единственный положительный момент – Флетчеру от этого тоже плохо. Хотя в чемто мы с ним согласны. Вопрос был в том, кто из нас первый выберется на поверхность и кто окажется сильнее наверху.

– И первым оказался ты?

– Да, я. У меня есть преимущество, которого нет у Флетчера. Моя армия, мои тераты – извлекать их из сознания умирающих легче легкого. Одну мне подарил Бадди Вэнс.

– Где же она?

– Помнишь, когда мы шли сюда, тебе показалось, будто кто-то идет за нами? Я ответил, что это собака. Я тебя обманул.

– Покажи.

– Вряд ли тебе понравится.

– Папа, покажи. Пожалуйста!

Яфф свистнул. На свист листва позади них всколыхнулась, и появилось существо. Именно изза него и шевелились ветки кустов во дворе дома. Оно напоминало выброшенный на берег приливом труп глубоководного монстра, обожженного солнцем и ислеканного чайками, с наполовину содранной шкурой, с полусотней пустых глазниц и дюжиной ртов.

– Отлично, – тихо сказал ТоммиРэй. – Ты вынул ее из комика? Чтото она не кажется смешной.

– Я извлек ее из человека, стоявшего на пороге смерти, – сказал Яфф. – Испуганного и одинокого. Из таких получают лучших особей. Когданибудь я расскажу тебе, где мне порой приходилось бывать в поисках заблудших душ, чтобы найти материал для своих терат. Я видел такое...

Он окинул взглядом город.

– Но здесь? – сказал он. – Найду ли я их здесь?

– Умирающих?

– Уязвимых. Людей без веры, что могла бы их защитить. Испуганных. Заблудших. Безумных.

– Можешь начать с мамы.

– Она не безумна. Может, ей и хотелось бы потерять рассудок и списать на галлюцинации все, что ей пришлось пережить и выстрадать, но она нашла способ защиты получше. У нее есть вера, какой бы идиотской эта вера ни казалась. Нет... мне нужны беззащитные души, ТоммиРэй. Души лишенных веры.

– Я знаю нескольких.

Если бы ТоммиРэй умел читать мысли людей, с которыми каждый день сталкивался на улицах, он указал бы отцу десятки горожан, на вид вполне счастливых и благополучных, со здоровым цветом лица и ясным взглядом, как и у самого ТоммиРэя. Тех, кто ходил в молл за покупками, нагружал магазинные тележки свежими фруктами и хлопьями из злаков. Тех, кто иной раз обращался к психоаналитику для собственного успокоения, или повышал голос на детей разрядки ради, или плакал в одиночестве, отмечая очередной день рождения – еще один прожитый год, однако при этом считал, что во всех отношениях находится в согласии с собой и окружающим миром. Денег в банке у них было больше чем достаточно, почти каждый день светило солнце, а если не светило, то в камине разводили огонь, думая о наступлении сурового времени года. Если бы их спросили о вере, они ответили бы, что верят во чтото. Но их никто не спрашивает. Не здесь и не сейчас. В конце столетия подобные разговоры вызывают приступы смятения, а смятение для этих людей – травма, и они хотят избежать его, чтобы не усложнять жизнь. Гораздо безопаснее вообще не говорить о вере и о божествах, вдохновляющих на нее. Разве что на свадьбах, крещениях и похоронах, да и то лишь потому, что так принято.

За их ясными взглядами крылась тоска или погибшие надежды. Они жили от события к событию в почти неосознанном страхе перед пустотой в промежутке, пытаясь отвлечься от мыслей об этой пустоте и о том, что вся жизнь должна быть заполнена. Они вздыхали с облегчением, когда дети перерастали тот возраст, в котором задают вопросы о смысле существования.

Тем не менее, не все умели скрывать свои страхи.

В тринадцать лет Тед Элизандо узнал от своего чересчур продвинутого учителя: сверхдержавы накопили столько ядерных ракет, что могут истребить все живое на планете несколько сотен раз. Эта мысль засела в голове у Теда глубже, чем у одноклассников. В ночных кошмарах он видел Армагеддон но не рассказывал никому, чтобы его не засмеяли. Ему вполне удалось скрывать эти страхи. Годом к двадцати он и сам почти забыл о них. В двадцать один, получив хорошую работу в СаузендОукс, он женился на Лоретте. Через год у них родилась дочь. Однажды ночью, когда Дон было несколько месяцев, кошмарные видения огненной катастрофы вернулись. Весь в поту, пытаясь унять дрожь, Тед встал из постели и пошел взглянуть на девочку. Она спала в своей кроватке, как обычно, повернувшись на живот. Он смотрел на нее целый час или больше, а потом вернулся в постель. С тех пор это повторялось почти каждую ночь, превратившись со временем в своеобразный ритуал. Иногда дочка переворачивалась во сне и открывала глаза, моргая длинными ресницами. Увидев отца, она улыбалась. Ночные бдения не проходили бесследно. Тед уставал, ему все труднее было справляться с кошмаром, который стал посещать его не только с наступлением темноты, но вторгался и в жизнь наяву. Страх приходил обычно в середине рабочего дня, когда Тед сидел у себя в конторе. Блики солнца, плясавшие по бумагам на его рабочем столе, начинали казаться ослепляющими зарницами, а в легком ветерке слышались далекие крики.

Однажды ночью, неся свою стражу у кровати Дон, Тед снова услышал приближение ядерных ракет. Дон в тот момент как раз заплакала, и он в ужасе схватил девочку на руки, пытаясь успокоить. Плач разбудил Лоретту, и она отправилась искать мужа. Она нашла его в столовой: онемевший от ужаса, он смотрел на дочь, лежавшую на полу, – он разжал руки, когда ему показалось, будто тело ее обуглилось, кожа почернела, а конечности превратились в дымящиеся головешки.

Его на месяц поместили в больницу, потом выписали домой. Врачи решили, что в кругу семьи у него больше шансов на выздоровление. Через год Лоретта подала на развод по причине несовместимости характеров. Суд удовлетворил ее просьбу и опеку над ребенком оставил за ней.

Теперь мало кто навещал Теда. После нервного срыва прошло уже четыре года, теперь он служил в зоомагазине в молле, и работа не отнимала у него много сил. Ему было хорошо среди животных – как и он, звери не умели притворяться. Карьера его закончилась.

ТоммиРэю мать запретила приносить в дом животных, и он бегал к Теду играть с собаками и змеями – Тед порой посылал его куданибудь с поручениями, а в награду разрешал приходить в магазин в любое время. ТоммиРэй хорошо знал Теда и его историю, хотя они никогда не были друзьями и он никогда не бывал у Теда в гостях.

До этой ночи.

– Я привел к тебе коекого, Тедди. Мне бы хотелось вас познакомить.

– Уже поздно.

– Дело не может ждать. Есть очень хорошая новость, и мне не с кем поделиться, кроме тебя.

– Хорошая новость?

– Мой отец. Он вернулся.

– Вот как? Я рад за тебя, ТоммиРэй.

– Не хочешь ли ты с ним познакомиться?

– Ну...

– Конечно, хочет, – сказал Яфф, выходя из тени и протягивая Теду руку. – Друзья моего сына – мои друзья.

Увидев того, кого ТоммиРэй назвал своим отцом, Тед испуганно попятился обратно в дом. Это был еще один кошмар. Но даже в худшие времена его кошмары не являлись столь открыто и не называли его по имени. Прежде они вползали украдкой. А этот разговаривал, улыбался и хотел войти в дом.

– Мне коечто нужно от тебя, – сказал Яфф.

– Что происходит, ТоммиРэй? Это мой дом. Ты не имеешь права приходить ко мне и требовать чего-то...

– Мне нужно то, что тебе ни к чему, – продолжал Яфф, протягивая руку к Теду, – без него тебе

самому станет легче.

ТоммиРэй зачарованно смотрел, как глаза Теда завращались под веками, а из горла послышались такие звуки, будто его сейчас вырвет. Но его тело ничего не исторгло – по крайней мере, изо рта. Зато из всех пор выступили соки его тела, пузырясь, густея, бледнея и отделяясь от кожи, пробиваясь сквозь штаны и рубашку.

ТоммиРэй приплясывал вокруг Теда, увлеченный зрелищем. Сцена походила на гротескный магический акт. Мелкие капли жидкости, невзирая на земное тяготение, висели перед Тедом в воздухе, касаясь друг друга и соединяясь в более крупные капли, те тоже сливались вместе до тех пор, пока не превратились в твердое вещество, напоминавшее куски сыра нездорового сероватого цвета. Они плавали рядом с Тедом на уровне его груди. Соки истекали по зову Яффа, с каждой каплей увеличивая объем вещества. Теперь куски приобретали форму, принимая очертания страхов Теда. ТоммиРэй ухмыльнулся, глядя на них: дергающиеся ноги, разбегающиеся глаза... Бедный Тед – носить в себе такое! Яфф был прав: лучше без этого.

Они нанесли еще несколько визитов и каждый раз забирали с собой новую тварь, извлеченную из глубин заблудшей души. Все существа были бледные, все отдаленно напоминали рептилий, но в каждой была какая-нибудь особенность. После последнего визита Яфф подвел итог.

– Это тоже искусство, – сказал он. – Сила освобождения. Тебе не кажется?

– Ага. Мне понравилось.

– Конечно, это еще не то Искусство. Но это его эхо. Как и любое другое дело.

– Куда теперь?

– Мне нужно отдохнуть. Гденибудь в тени и прохладе.

– Я знаю такие места.

– Нет. Ты пойдешь домой.

– Почему?

– Потому, что я хочу, чтобы Гроув завтра проснулся и решил, что мир не изменился.

– А что я скажу ДжоБет?

– Скажи, что ничего не помнишь. Если она будет настаивать, извинись.

– Не хочу, – сказал ТоммиРэй.

– Знаю, – сказал Яфф и положил руку на плечо сына – Но мы ведь не хотим, чтобы тебя отправились искать. Они могут обнаружить кое-что такое, чего им до поры до времени видеть не следует.

ТоммиРэй усмехнулся.

– Когда это будет?

– Ты хочешь увидеть, как Гроув встанет на уши?

– Жду не дождусь! Яфф засмеялся.

– Весь в отца. Потерпи, парень. Я скоро вернусь.

И, продолжая смеяться, он увел своих тварей в темноту.

IV

Девушка его мечты ошиблась, подумал Хови, когда проснулся: солнце в Калифорнии светит не каждый день. Раздвинув занавески, он увидел ленивый рассвет и ни проблеска синевы на небе. Он заставил себя выполнить ряд упражнений – минимум, на который он сегодня был способен. Но зарядка его не взбодрила, он только вспотел. Хови, приняв душ, побрился, оделся и направился в сторону молла.

Он еще не придумал, что скажет при встрече ДжоБет, как станет переубеждать ее. По своему опыту он знал, что все попытки заранее продумать речь приведут к одному: он начнет беспомощно и бессвязно заикаться. Лучше вести себя по обстоятельствам. Если она попрежнему хочет расстаться, он будет настойчив. Если она передумала, он все простит. В любом случае нужно до чего-то договориться.

Разумного объяснения тому, что случилось с ними, он не нашел, хотя провел в размышлениях несколько часов, когда сидел в мотеле один. Он смог прийти к единственному выводу: одинаковый сон был дан им, чтобы испытать их новое чувство, но по какой-то случайности это оказался нелепый чужой кошмар, а сами ДжоБет и Хови не имеют к нему

никакого отношения. Ошибка провидения. Ничего не поделать, остается только забыть. Надо приложить небольшое усилие и сохранить то, что началось внезапно за дверями закуской Батрика, где даже воздух был наполнен волшебными обещаниями.

Он направился в книжный магазин. За прилавком стояла Луис – миссис Нэпп. Кроме нее в магазине никого не было. Хови улыбнулся, поздоровался и спросил, не пришла ли ДжоБет. Миссис Нэпп взглянула на часы и холодно уведомила его, что нет, не пришла, она опаздывает.

– Тогда я подожду, – сказал он, ничуть не смущенный ее тоном.

Он прошел к стеллажу у окна, где можно было одновременно просматривать книги и наблюдать за входом. Там стояли издания на религиозные темы. Его заинтересовала одна из книг – «История Спасителя». Рисунок на обложке изображал коленопреклоненного человека на фоне заходящего солнца, и рядом сообщалось, что здесь содержится величайшее послание века.

Он пролистал книжицу не толще брошюры, изданную, как оказалось, Церковью Иисуса Христа святых последнего дня*. В этой бесхитростной книжке с картинками простыми словами рассказывалась история Великого белого бога древней Америки. Судя по иллюстрациям, этот бог, в какой бы инкарнации он ни явился (мексиканским ли Кецалькоатлем, полинезийским богом океана и солнца Тонгалоа, ИллаТики, Кухулином или еще кемто), всегда представлял совершенным русобородым героем: высоким, светлокожим и голубоглазым, с орлиным носом. В наши дни, на пороге нового тысячелетия, он снова вернулся в Америку. И на этот раз он зовется своим истинным именем – Иисус Христос. Хови перешел к другой полке в поисках издания, больше подходившего к ее настроению. Может быть, любовная лирика или рекомендации по сексу? Однако, пробежавшись глазами по корешкам, он увидел, что все книги в магазине выпущены одним и тем же издательством и его филиалами. Это были молитвенники, духовные песнопения для всей семьи, толстые книги о том, как построить Зим – город Бога на земле, и трактаты о сути крещения. Там же стояла иллюстрированная биография Джозефа Смита с фотографиями его фермы и «святой рощи», где ему, вероятно, и явилось видение. Текст под этой фотографией привлек внимание Хови: «Я видел две фигуры, стоящие надо мной в воздухе, сила и слава их превосходят все описания. Один из них воззвал ко мне, называя по имени, и сказал...»

– Я позвонила ДжоБет домой. Там никто не отвечает. Должно быть, они кудато уехали.

Хови оторвался от книги.

– Жаль, – сказал он, не очень поверив. Если она позвонила, то сделала это уж слишком незаметно.

– Наверное, ДжоБет сегодня не придет, – продолжала миссис Нэпп, избегая при этом смотреть в глаза Хови. – У нее свободный график: она приходит, когда захочет.

Хови понял, что миссис Нэпп лжет. Вчера утром он сам слышал, как она отчитывала ДжоБет за опоздание – значит, у той обычный рабочий график. Видимо, миссис Нэпп – несомненно, добрая христианка – решила попросту выставить его из магазина. Может быть, ей не понравилось, как он ухмылялся, рассматривая книги.

– Ждать нет никакого смысла, – сказала она. – Можете проторчать тут весь день.

– Я же не распугаю ваших покупателей? – Хови хотел, чтобы она прямо попросила его уйти.

– Нет, – ответила она, натянуто улыбувшись. – Я не это имела в виду.

Он шагнул к прилавку. Она инстинктивно подалась назад, будто испугавшись его.

– Тогда что? – спросил он, едва сдерживаясь и пытаясь сохранить вежливость. – Что вам не понравилось? Мой дезодорант? Моя стрижка?

Она опять попыталась улыбнуться, но не смогла, несмотря на многолетний опыт притворства. Ее лицо лишь перекошилось.

– Я не дьявол. Я приехал сюда не для того, чтобы причинить комунибудь боль.

Она ничего не ответила.

– Я р... р... я родился здесь, – продолжал он, – в ПаломоГроуве.

– Знаю, – сказала она.

Так, так, подумал он, вот это новость.

– А что еще вы знаете? – спросил он довольно тихо.

Ее глаза метнулись к дверям, и он понял: она молится своему Великому белому богу, чтобы кто-нибудь вошел и избавил ее от этого парня и его проклятых вопросов. Но ни бог, ни покупатели не появлялись.

– Что вы знаете обо мне? – снова спросил Хови. – Ничего плохого, надеюсь?

Луис Нэпп чуть пожала плечами.

– Нет.

– Тогда что?

– Я была знакома с вашей матерью, – сказала она и замолчала, словно одного этого было достаточно. Он ничего не ответил, давая ей возможность закончить мысль. – Конечно, не слишком близко. Она была немного моложе. Но у нас все друг друга знают. И потом, когда все это случилось... это происшествие...

– Ммможете гговорить прямо, – перебил Хови.

– Что говорить?

– Ввы говорите «происшествие», но ведь ее изнасиловали, не так ли?

По выражению лица Луис он понял: она надеялась, что этого слова (и ему подобных непристойностей) никто никогда не посмеет произнести у нее в магазине.

– Я не помню, – почти презрительно сказала она. – А если бы и вспомнила...

Она замолчала, вздохнула и резко сказала:

– Почему бы вам не вернуться туда, откуда вы появились?

– Я и вернулся сюда. Здесь мой родной город.

– Я не об этом. – Теперь в ее голосе слышалось скрытое прежде раздражение. – Неужели вы не видите связи? Стоило вам здесь появиться, как погиб мистер Вэнс.

«Да ято здесь при чем, черт возьми?» – хотел спросить Хови. В последние сутки он не очень следил за событиями, однако слышал, что поиски тела закончились еще большей трагедией. Но он не видел связи.

– Я не убивал Бадди Вэнса. Моя мать, разумеется, тоже. Очевидно, смирившись с выпавшей на ее долю ролью вестника, миссис Нэпп оставила намеки и торопливо, чтобы скорей с этим покончить, заявила прямым текстом:

– Мистер Вэнс погиб на том самом месте, где была изнасилована ваша мать.

– На том же самом? – переспросил Хови.

– Да, – последовал ответ. – Так мне сказали. Я не собираюсь проверять. В жизни и так достаточно зла, чтобы идти его искать.

– И вы думаете, что я както с этим связан?

– Я так не говорила.

– Нет. Но п... п... но вы подумали.

– Хорошо, пусть так: да, я так подумала.

– И вы хотите, чтобы я ушел из магазина и не распространял тут своего дурного влияния?

– Да, – сказала она честно. – Именно. Он кивнул.

– Ладно. Я уйду. Как только вы пообещаете сказать ДжоБет, что я к ней приходил.

На лице миссис Нэпп отразилось явное смятение. Однако страх перед Хови, давший ему власть над женщиной, заставил ее согласиться.

– Я прошу не много, – сказал он. – Вам не придется даже лгать.

– Конечно не придется.

– Так вы скажете ей?

– Да.

– Клянетесь Великим белым богом Америки? – спросил он. – Как там его? Кецалькоатлем?

Луис не поняла, о чем он.

– Неважно, – сказал он. – Уже уйду. Простите, если испортил вам утро.

Оставив испуганную миссис Нэпп в одиночестве, он вышел на улицу. За те двадцать минут, что он провел в магазине, тучи рассеялись и солнце осветило Холм, играя бликами на стенах мола. Девушка его мечты всетаки оказалась права.

V

Грилло проснулся от телефонного звонка, протянул руку, перевернув полупустой бокал с шампанским (его последний тост прошлым вечером был за Бадди – ушедшего, но не забытого!), выругался и снял трубку.

– Алло? – прорычал он.

– Я тебя разбудила?

– Тесла?

– Люблю, когда мужчина помнит мое имя.

– Который час?

– Поздний. Пора уже встать и взяться за дело. Я хочу, чтобы ты разделался с Абернети к моему приезду.

– Ты о чем? Ты едешь сюда?

– Ты должен мне обед за слухи про Вэнса. Так что найди местечко подороже.

– Когда ты приедешь? – спросил он.

– Не знаю. Примерно...

Она задумалась, а Грилло положил трубку и ухмыльнулся, представив себе, как она ругает его на чем свет стоит на другом конце провода. Однако улыбка сползла с его лица, едва он поднялся с постели. Голова гудела как барабан; если бы он допил последний бокал, то, наверное, вообще не смог бы встать сейчас. Он позвонил вниз и заказал кофе.

– И сок, сэр? – спросили из кухни.

– Нет. Просто кофе.

– Яйца, круассаны?..

– О господи, нет! Никаких яиц. Ничего. Только кофе. Мысль о работе за письменным столом вызывала то же отвращение, что и мысль о завтраке. Он решил, прежде чем садиться за работу, связаться со служанкой из дома Вэнса – Эллен Нгуен. Ее адрес без номера телефона все еще лежал в кармане.

Чашка крепкого кофе сделала свое дело, и Грилло смог выйти, поймать машину и добраться до Дирделла. Дом, который ему наконец удалось отыскать, резко отличался от особняка, где работала горничная. Дом был маленький, невзрачный и сильно нуждался в ремонте. Грилло уже представил себе интервью с обиженной прислужгой, от души поливающей грязью бывшего хозяина. По опыту он знал, что подобная информация с одинаковой долей вероятности может оказаться как чистой правдой, так и злобной клеветой. Однако на этот раз при мысли о клевете он засомневался. Он заметил искреннюю печаль на открытом лице Эллен. Та пригласила Грилло в дом, сварила ему кофе и время от времени выходила из комнаты к плачущему заболевшему ребенку – у того был грипп. Ее слова бросали тень не столько на Бадди Вэнса, сколько на нее саму. В итоге Грилло пришел к мысли, что этот «источник» заслуживает доверия.

– Я была его любовницей, – рассказывала Эллен. – Почти пять лет. Мы находили способы проводить время вместе, даже когда здесь жила Рошель, что, конечно, длилось недолго. Думаю, она знала о нас. Потому избавилась от меня при первой возможности.

– Вы уже не работаете в Кони?

– Нет. Рошель ждала удобного случая, чтобы меня выгнать, и вы ей помогли.

– Я? – удивился Грилло. – Каким образом?

– Она потом сказала, что я будто бы флиртовала с вами. Типичный для нее предлог.

Не в первый раз за время разговора Грилло увидел, как на лице собеседницы отразилась целая буря чувств – сейчас преобладало презрение, – хотя она и старалась сохранять ровный тон.

– Она судит обо всех по себе, – продолжала она. – Вы заметили?

– Нет, – честно признался Грилло. – Не заметил. Эллен, кажется, удивилась.

– Погодите, – сказала она. – Не хочу, чтобы Филип слышал нас.

Она встала, пошла в спальню сына, сказала ему что-то (что именно, Грилло не расслышал), а потом плотно закрыла за собой дверь.

– Он и так уже знает много лишнего слов, хотя всегото закончил первый класс. Хочу, чтобы дома у него была возможность оставаться... не знаю, как это назвать... невинным.. Да, именно невинным. Ведь не за горами время, когда он сам узнает об этих мерзостях, правда?

– О мерзостях?

– Ну, вы понимаете: обман, предательство. Секс. Власть.

– Аа, да. С ними, конечно, познакомиться придется.

– Так я говорила, кажется, о Рошели?

– Именно.

– С Рошелью все просто. До свадьбы с Бадди она была шлюхой.

– Кем?..

- Вы расслышали правильно. Что вас так удивляет?
- Даже не знаю. Она красавица. Могла бы зарабатывать и другим способом.
- Она привыкла к шикарной жизни, – сказала Элен, о ее голосе снова прозвучало презрение, смешанное с безгливостью.
- Бадди знал об этом, когда женился на ней?
- О чем? О ее привычках или о том, что она шлюха?
- И о том, и о другом.
- Уверена, что да. Отчасти поэтому он и женился на ней. Понимаете, у Бадди есть болезненная тяга ко всему извращенному. Простите, я хотела сказать *была*. Никак не могу смириться с тем, что его больше нет.
- Должно быть, очень трудно привыкнуть, он так недавно умер... Извините, что заставляю вас это вспоминать.
- Я сама напросилась, – возразила она. – И мне хочется, чтобы кто-то узнал об этом. Чтобы *все* узнали. Ведь он меня любил, мистер Грилло. Только меня.
- Полагаю, вы его тоже любили?
- О да, – сказала она тихо. – Очень. Конечно, он был ужасным эгоистом, но мужчины всегда эгоисты, разве не так?
- Она не дала Грилло времени возразить и продолжила:
- Вас приучили думать, будто мир вертится вокруг вас. Я совершаю ту же ошибку с Филипом – он тоже думает так. Но Бадди отличался от других, потому что мир и в самом деле вращался вокруг него. Многие годы он был одним из любимцев Америки. Его знали в лицо, его шутки помнили наизусть. И конечно, люди хотели знать о его частной жизни.
- То есть женитьба на женщине вроде Рошели была для него рискованной затеей?
- Именно. Особенно если учесть, что как раз тогда он пытался подняться еще выше и пробить на одном из телеканалов новое шоу. Но, как я уже говорила, у него была нездоровая тяга к извращенному. А последствия чаще всего бывали разрушительны.
- Ему следовало жениться на вас, – заметил Грилло.
- Это было бы еще хуже. А он не мог поступить со мной плохо. Не мог!
- При этих словах обуревавшие ее чувства вырвались наружу. Глаза наполнились слезами. В тот же миг из детской раздался голос мальчика. Она прикрыла рот ладонью, сдерживая рыдания.
- Я схожу к нему, – сказал Грилло, вставая. – Его зовут Филип?
- Да, – ответила она едва слышно.
- Пойду узнаю, что ему нужно. Не беспокойтесь.
- Он оставил ее вытирать ладонями слезы, бегущие по щекам, открыл дверь спальни и сказал:
- Привет! Меня зовут Грилло.
- Мальчик сидел в постели среди разбросанных игрушек и рисовал цветными карандашами на разрозненных листках бумаги. Он был очень похож на мать. В углу работал телевизор, где без звука шли мультфильмы.
- Ты Филип, ведь так?
- Где мама? – ответил вопросом на вопрос мальчик. Грилло явно ему не понравился, он смотрел мимо гостя в надежде увидеть Элен.
- Сейчас придет, – заверил его Грилло, подходя к кровати.
- Часть рисунков соскользнула с постели на пол. На каждом листке было изображено какое-то раздутое существо. Грилло присел на корточки, поднял один рисунок и спросил:
- Это кто?
- Человекшар, – серьезно ответил Филип.
- А имя у него есть?
- Человекшар, – раздраженно повторил мальчик.
- Ты видел его по телевизору? – спросил Грилло, изучая нелепое разноцветное существо.
- Неа.
- Где же тогда?
- В уме.
- А он добрый? Мальчик покачал головой.
- Может укусить?
- Только тебя.

Не очень вежливо. Услышав голос Эллен, Грилло обернулся и посмотрел на нее через плечо. Она пыталась скрыть слезы, но они не ускользнули от внимания сына, который осуждающе посмотрел на Грилло.

– Не подходите к нему слишком близко, можете заразиться, – предупредила Эллен. – Он серьезно болен.

– Я уже в порядке!

– А я говорю, нет. И не вылезай из постели, пока я не провожу мистера Грилло.

Грилло встал, положив рисунок на кровать к остальным.

– Спасибо, что показал мне Человекашар.

Филип не ответил. Он вернулся к своему занятию и принялся яркочерным карандашом рисовать очередной портрет.

– Я рассказала, – продолжила Эллен, когда мальчик уже не мог их слышать, – далеко не все. Поверьте, мне еще есть чем поделиться. Но не сейчас.

– Я готов выслушать вас, когда захотите. Можете найти меня в отеле.

– Может быть, я позвоню. А может быть, и нет. Ведь что бы я ни рассказала, это лишь часть правды, так? Бадди – самая существенная часть этой истории, но вам никогда не удастся узнать ее целиком. Никогда.

Эти слова крутились в голове Грилло, когда он возвращался в отель. Мысль была очевидная и точная. Бадди и в самом деле стал центральной фигурой этой истории. Смерть его была трагической и загадочной. Но еще более загадочной оказалась его жизнь. То, что узнал Грилло, еще больше заинтриговало его. Карнавальные афиши, развешанные по стенам в КониАй («истинное искусство Америки»); примерная любовница, которая любит Бадди всю жизнь; женашлюха, которая не любит его и, скорее всего, никогда не любила. Чересчур живописно даже для самой нелепой гибели. Вопрос не в том, что написать о Бадди, а в том, как подать материал.

Абернети не колебался бы ни минуты. Он всегда предпочитал слухи фактам, клевету – честным оценкам. Но в Гроуе немало тайн, и Грилло сам, своими глазами видел, как парочка их вырвалась из расщелины, похоронившей Бадди, и устремилась ввысь. Историю Бадди нужно рассказать честно и правдиво, иначе добавится путаницы, и это никому не принесет пользы.

Для начала необходимо разложить по порядку все, что он за последние сутки узнал от Теслы, от Хочкиса, от Рошели, а теперь еще и от Эллен. Он вернулся в отель и произвел на свет черновой набросок «Жизнеописания Бадди Вэнса», нацарапанный обыкновенной ручкой за гостиничным столом. За работой у него заболела спина, и на лбу, как первый предвестник поднявшейся температуры, проступил пот. Однако заметил он это, уже исписав двадцать страниц; в основном там были разрозненные повторяющиеся факты. Когда Грилло поднялся из-за стола и с наслаждением потянулся, разминая затекшие мышцы, он сообразил, что до него добрался если не Человекшар, готовый укусить незваного гостя, то один из микробов его создателя.

VI

По дороге от молла к дому ДжоБет, Хови сообразил, почему девушка вдруг решила, будто едва ли не все события последних дней, а в особенности их общий кошмар в мотеле, – дело рук дьявола. Ничего удивительного здесь не было – ведь ДжоБет работала вместе с чрезмерно религиозной женщиной в магазине, от пола до потолка забитом изданиями мормонов. После неприятного разговора с Луис Нэпп, юноша понял, насколько трудна его задача – убедить ДжоБет в том, что в их любви нет преступления ни перед богом, ни перед людьми и что в самом Хови нет ничего демонического.

Попасть в дом к ДжоБет оказалось непросто. После звонка дверь никто не открыл. Инстинктивно чувствуя, что внутри кто-то есть, Хови звонил и стучал минут пять. Тогда он встал посреди улицы, глядя на зашторенные окна, и принялся звать ДжоБет. За дверью звякнула цепочка, дверь приоткрылась, в щель выглянула женщина – вероятно, Джойс Макгуайр. И Хови снова поднялся на крыльцо, чтобы просить разрешения поговорить с ее дочерью. Обычно он легко завоевывал доверие матерей. Его заикание и очки придавали ему вид прилежного студента. Однако внешность не обманула миссис Макгуайр. Она повторила то

же, что сказала Луис Нэпп:

– Тебя здесь никто не ждет. Возвращайся домой. Оставь нас в покое.

– Мне нужно сказать два слова ДжоБет. Ведь она дома?

– Да, она дома. Но она не хочет тебя видеть.

– Я хотел бы услышать это от нее.

– Вот как? – С этими словами миссис Макгуайр, к удивлению Хови, распахнула дверь.

По сравнению с улицей внутри было темно, но он сразу же разглядел ДжоБет в полумраке в дальнем конце холла. Она была в черном, словно собралась на похороны. Изза этого она казалась бледнее обычного, и только глаза ее ярко блестели, отражая солнечный свет, падавший из открытой двери.

– Скажи сама, – велела мать.

– ДжоБет, – сказал Хови. – Можем ли мы поговорить?

– Тебе не нужно было приходить, – тихо сказала ДжоБет. Он едва различил ее голос. Самый воздух, что их разделял, казался мертвенным. – Это опасно для всех нас. Больше никогда не приходи сюда.

– Но мне нужно с тобой поговорить.

– Бесплезно, Хови. Если ты не уйдешь, с нами случится страшное.

– Что именно?

За нее ответила мать.

– Тебя никто не винит. – В голосе Джойс не осталось враждебности, с какой она его встретила. – Но пойми, Ховард: то, что случилось с твоей матерью и со мной, еще не закончилось.

– Не понимаю, – ответил он. – Совершенно ничего не понимаю.

– Может, это и к лучшему. И всетаки уходи. Сейчас же. Она снова взялась за ручку двери.

– Ппп... – начал было Хови, но не успел он выговорить: «Подождите», как уже смотрел на деревянную филенку захлопнувшейся перед его носом двери.

– Черт! – выпалил он, на сей раз без запинки. Несколько секунд он тупо смотрел на закрытую дверь и слушал, как с той стороны возвращались на место цепочки и задвижки. Более полное поражение трудно было представить. Теперь не миссис Макгуайр его завернула – ДжоБет тоже присоединилась к общему хору. Он не стал повторять попытки.

Не успел он сойти со ступеней и двинуться вниз по улице, как у него созрел план дальнейших действий.

Гдето в здешнем лесу есть место, думал он, где с ними – с миссис Макгуайр, с его матерью, а теперь с Бадди – случилось несчастье. Место, отмеченное насилием, гибелью, катастрофой. Может быть, именно там отыщется выход, который не захлопнут перед ним.

– Это к лучшему, – сказала мать, когда звук шагов Ховарда Катца стих.

– Знаю, – отозвалась ДжоБет, все еще глядя на запертую дверь.

Мать была права. События прошлой ночи – визит Яффа и уход ТоммиРэя – означали одно: нельзя доверять никому. Она любила брата и думала, будто знает его как себя самое, и вдруг его душа и тело оказались отняты неведомой силой, явившейся из прошлого. Хови тоже явился из прошлого – из маминого прошлого. Что бы ни творилось сейчас в Гроуве, Хови был частью этого. Неважно, причина он или жертва. Если пригласить его в дом, можно погубить хрупкую надежду на спасение, которую они ночью отстояли перед лицом вторгшегося к ним зла.

Однако от этого ей было не легче видеть, как перед Хови захлопнулась дверь. Ей страстно хотелось отпереть замки, вернуть его, обнять, сказать чтонибудь хорошее. Но что теперь будет «хорошим»? По зову сердца, всю жизнь не дававшего ей покоя, соединиться с тем, кто вполне мог оказаться ее братом? Или в этом круговороте, каждой волной крушившем их прежнюю жизнь, остаться верной прежним добродетелям?

У матери был ответ. Ответ, к которому она прибегала всякий раз, когда на них сваливались несчастья.

– Нужно молиться, ДжоБет. Молиться об избавлении от бедствий. «Да развеется сила проклятых, кого Господь проклял от уст своих, и да уничтожится она славой Господней...»

– Не вижу я никакой славы, мама. И никогда не видела.

– Она грядет! – настаивала мать. – И все встанет на свои места.

– Не думаю.

ДжоБет вспомнила лицо ТоммиРэя, когда тот вернулся и на вопрос о Яффе улыбнулся самой невинной улыбкой, будто ничего не произошло. Был ли он одним из «Проклятых», о чьей гибели сейчас усердно молилась мать? Неужели и его Господь проклял от уст своих? ДжоБет не хотела этого, а если и молилась, то лишь о том, чтобы Господь не судил ТоммиРэя чересчур строго. Ни его, ни саму ДжоБет – за ее желание последовать за тем, кого не пустили дальше порога этого дома.

Солнце палило нещадно, однако в тени лесной листвы жизнь замерла, как ночью. Звери и птицы попрятались по своим норам и гнездам. То ли изза жары, то ли их заставило замолчать нечто, появившееся в этих местах. Тем не менее, Хови ощущал их присутствие. Они следили за каждым его шагом, словно он был охотник, вышедший на тропу при свете слишком яркой луны. Он и здесь был незванным гостем. Однако желание дойти до цели росло с каждым пройденным ярдом. Решение ему подсказал тот же странный шепот, от которого юноша в первый раз отмахнулся, приняв его за игру воображения. Но сейчас он опять слышал тот же зов и всем телом, каждой клеткой чувствовал его реальность. Ктото его звал и хотел его видеть, желал встречи с ним. Вчера он воспротивился, но сейчас сам захотел того же.

Неясный импульс побудил его взглянуть вверх на лучи, пробивавшиеся сквозь листву. В глаза ударил яркий свет, но Хови не отвел взгляда, а наоборот – шире раскрыл их навстречу солнечному потоку. Свет ритмично касался сетчатки и будто гипнотизировал Хови. Обычно юноша терпеть не мог терять контроль над собой. Он даже спиртное пил только в случае крупных неприятностей, но до тех пор, пока не замечал, что тело выходит изпод контроля. Наркотиков он даже не касался, самая мысль о них ему претила. Однако сейчас он словно опьянел, и ему это нравилось. Он желал, чтобы солнечные лучи заслонили реальность.

Так и произошло. Когда Хови опустил взгляд, его полуослепшие глаза увидели цветные пятна, каких не бывает в зеленой траве. Пространство между ним и этими пятнами казалось почти осязаемым. В голове замелькали образы из неведомых глубин подсознания – он не помнил, чтобы в жизни ему довелось переживать подобное.

Сначала он увидел перед собой окно. Такое же – или даже более реальное – чем деревья, среди которых он шел. Окно было распахнуто, за ним виднелись море и небо.

Второе видение оказалось куда менее прекрасным и умиротворяющим. Вокруг Хови будто бы горели костры. Жгли, кажется, рукописи. Он бесстрашно пошел среди костров, понимая, что это галлюцинация и огонь не может причинить ему вред. Видение исчезло, и ему захотелось смотреть еще.

Третье было еще более странным, чем два предыдущих. Вместо пляшущих языков пламени перед ним появилась стайка рыб, что металась на игравшей всеми красками радужной отмели.

Непостоянство картинок рассмешило Хови, и он громко расхохотался. В эту минуту три видения слились в одно, похожее на сверкающую мозаику, где соединились и лес, где он шел, и костры, и рыбы, и небо, и море.

Рыбы плавали в пламени костров, небо стало зеленым, и оттуда вниз посыпался дождь морских звезд. Трава, будто прилив, плескалась у ног, хотя своих ног он больше не чувствовал. Ни ног, ни какихлибо других деталей механизма, который он называл своим телом. Теперь он стал сознанием – блуждающей линзой, изъятый из привычного футляра.

В эйфории вдруг возник тревожный вопрос. Если он – сознание, что же тогда его тело? Ничто? Механизм, от которого запросто можно отказаться? Оставить его, и пусть тонет среди морских рыб или горит, как страница?

Внутри него застучалась паника.

«Я потерял контроль, – сказал он себе. – Я утратил контроль над телом и над собой. О господи. Господи. Господи!»

– Успокойся, – прошептал чейто голос у него в голове. – Все хорошо.

Он остановился. По крайней мере, он подумал, что остановился.

– Кто здесь? – спросил он. По крайней мере, он подумал, что спросил.

Его попрежнему окружала мозаика, каждую секунду порождавшая новые невероятные видения. Он попытался крикнуть, чтобы она рассыпалась, и вырваться в знакомую реальность.

– Я хочу тебя видеть! – крикнул он.

– Я здесь, – последовал ответ. – Ховард, я здесь.

– Прекрати! – взмолился Хови.

– Что «прекрати»?

– Подсовывать свои картинки. Убери их!

– Не бойся. Это реальный мир.

– Нет! – кричал Хови. – Нет! Нет!

Он поднес руки к лицу в надежде заслониться от кошмара, но его руки оказались заодно с врагом.

На обеих ладонях он увидел собственные глаза, которыми он смотрел на себя. Это оказалось слишком Хови вскрикнул от ужаса и медленно повалился вперед. Рыбы сверкали, костры играли языками, и казалось, он вотвот будет поглощен.

Едва он ударился о землю, как все исчезло, словно кто-то невидимый повернул выключатель.

Он полежал немного и убедился, что никаких новых метаморфоз с ним не происходит, потом снова взглянул себе на руки: к счастью, там уже не было глаз. Он рывком вскочил на ноги. Чтобы лучше чувствовать связь с реальностью, он крепко ухватился за нижнюю ветку.

– Ты разочаровываешь меня, Хови, – вновь раздался голос.

Хови наконецто понял, откуда доносится голос: ярдах в десяти отсюда была поляна, залитая светом. Словно купаясь в лучах, там стоял человек, слепой на один глаз. Его волосы были стянуты сзади в хвост. Здоровым глазом человек пристально смотрел на Хови.

– Достаточно ли отчетливо ты меня видишь? – спросил он.

– Да, – ответил Хови. – Достаточно. Кто ты?

– Меня зовут Флетчер, – последовал ответ. – Ты – мой сын.

Хови сильнее вцепился в ветку.

– Я... кто?

На худом лице Флетчера не мелькнуло и тени улыбки. Каким бы абсурдом ни казались эти слова, Хови понял, что человек не шутит. Флетчер вышел из круга деревьев.

– Терпеть не могу прятаться. Особенно от тебя. Но тут было слишком много людей! Сновали повсюду. – Он развел руки в стороны, охватывая жестом лесок. – Всюду! Все хотели увидеть, как поднимут труп, представляешь? Потратить на это целый день!

– Ты сказал «сын»? – спросил Хови.

– Сын, – ответил Флетчер. – Хорошее слово, правда?

– Ты шутишь?

– Ты же и сам знаешь, что нет. – Флетчер оставался серьезным. – Я давно уже зову тебя.

– Как ты проник в мои мысли?

Этот вопрос Флетчер оставил без внимания.

– Мне понадобилась твоя помощь. Но ты долго сопротивлялся. Наверное, на твоём месте я поступил бы так же – повернулся бы спиной. Семейная черта.

– Я тебе не верю.

– Тебе не следовало сопротивляться видениям. Это был хороший трип, не так ли? Давненько я этого не делал. Я всегда предпочитал мескалин, но сейчас он, кажется, не в моде.

– Понятия не имею.

– Ты такого не одобряешь.

– Не одобряю.

– Плохое начало. Тем не менее, думаю, теперь все пойдет на лад. Видишь ли, твой отец сидел на мескалине. Мне нужны были эти видения. Тебе же тоже нравилось. По крайней мере, сначала.

– Меня от них тошнит.

– Просто слишком много сразу, вот и все. Привыкнешь.

– Ни за что.

– Но тебе придется привыкнуть, Ховард. Это не моя прихоть, это необходимый урок.

– Урок чего?

– Смысла бытия. Алхимия, биология и метафизика в одном флаконе. Я потратил много времени, чтобы понять это, но в результате стал тем, кем стал. – Он ткнул указательным пальцем на свой рот. – Хотя вполне может быть, что я, с твоей точки зрения, представляю собой жалкое зрелище. Наверное, бывают и лучшие способы познакомиться со своим отцом, но я хотел, чтобы ты ощутил вкус чуда, прежде чем мы встретились.

– Это сон, – сказал Хови. – Я слишком долго смотрел на солнце, и у меня расплавились мозги.

– Я тоже люблю смотреть на солнце. Однако это не сон. Оба мы здесь, сейчас и делимся

своими мыслями. Это реально, как жизнь. – Он раскинул руки. – Подойди, Ховард. Дай мне тебя обнять.

– Ни за что.

– Чего ты боишься?

– Ты не мой отец.

– Хорошо, пусть так, – согласился Флетчер. – Я один из них. Был у тебя и другой отец. Но поверь мне, Ховард, я важнее.

– Что за чушь!

– Почему ты злишься? – спросил Флетчер. – Неужели изза этой нелепой любви к дочери Яффа? Забудь о ней, Ховард. Хови снял очки и, прищурившись, посмотрел на Флетчера.

– Откуда ты знаешь о ДжоБет?

– Мне открыто все, что есть в твоём сознании. По крайней мере, с тех пор как ты влюбился. И мне это не нравится еще больше, чем тебе.

– А кто сказал, что мне это не нравится?

– Сам я никогда в жизни не влюблялся, но через тебя узнал вкус любви, и он оказался не слишком сладким.

– Если ты и ее...

– Она не моя дочь. Ее отец – Яфф, и он живет в ее мыслях так же, как я в твоих.

– Это всетаки сон, – опять сказал Хови. – Это *должен* быть сон. Все тот же гребанный сон.

– Тогда попробуй проснуться, – предложил Флетчер.

– Что?

– Я говорю, если это сон, попробуй проснуться. И давай покончим со скептицизмом и перейдем к чемунибудь более полезному.

Хови снова надел очки и снова четко увидел Флетчера. На лице у того попрежнему не было ни тени улыбки.

– Давай! Пора разделаться с твоими сомнениями, у нас не так много времени. Это не игра. И не сон. Это жизнь. Если ты мне не поможешь, под угрозой окажется не один твой романчик.

– Пошел ты! – Хови стиснул кулаки. – Сейчас я проснусь. Смотри!

Он изо всех сил ударил кулаком по стволу ближайшего дерева, так, что дрогнули ветки. Несколько листьев сорвались вниз. Хови ударил по грубой коре еще раз. Ничего не произошло. Удар отозвался в руке тупой болью. Он ударил еще и еще раз. Но ничего опять не случилось, кроме того, что еще и еще раз он почувствовал боль. Флетчер не испарился, он остался стоять, где стоял, такой же реальный, как прежде.

Хови снова ударил по дереву, до крови ободрав костяшки пальцев. Стало еще больнее, и ничего не изменилось. Однако Хови, не желая признать поражение, продолжал отчаянно бить по стволу.

– Это всего лишь сон, – сказал он себе.

– Ты не проснешься, – предупредил его Флетчер. – Остановись, пока не сломал себе чтонибудь. Пальцы не так просто заживают.

– Просто сон... Это сон...

– Ну хватит уже.

Ховардом двигало не только желание проснуться. Еще в нем кипел гнев и на ДжоБет, и на ее мать, и на свою мать, и на себя самого – такого глупого в этом мире, оказавшемся дьявольски мудрым и изощренным. Только бы проснуться, и больше он никогда не сделает ни одной глупости!

– Ты сломаешь себе руку, Хови.

– Я хочу проснуться.

– Ну и как?

– Хочу проснуться.

– Что ты будешь делать со сломанной рукой, если ДжоБет захочет, чтобы ты ее обнял?

Хови остановился и взглянул на Флетчера. Боль в руке вдруг стала невыносимой. Краем глаза он заметил, что кора дерева окрасилась яркоалым. Его затошнило.

– Она... не хочет, чтобы... я ее обнимал, – шепотом произнес он. – Она... заперла дверь...

Разбитая рука беспомощно повисла. Хови знал, что она кровоточит, но взглянуть не посмел. Пот, выступивший на лице, мгновенно стал ледяным. Суставы окостенели. Голова закружилась, и Хови, вытянув дрожащую руку, закрылся от солнца и от взгляда Флетчера

(темного, невидящего, как взгляд самого Хови).

Солнечный луч пробился сквозь листву и коснулся его лица.

– Это... не сон, – пробормотал он.

– Стоило ли так стараться? – различил он сквозь звон в ушах голос Флетчера.

– Меня... сейчас... стошнит...

– Я не слышу тебя, сынок.

– Не могу видеть свою...

– Кровь?

Хови кивнул. Это была ошибка. Мозг будто бы сдвинулся внутри черепной коробки, нарушив привычные связи. Язык обрел собственное зрение, уши ощутили вкус воска, а глаза – влажное прикосновение век.

«Все», – успел подумать Ховард и потерял сознание.

– Заключенный в недрах скалы, я так долго ждал света. И вот я здесь. Но мне некогда радоваться свету. И некогда радоваться тебе, как отец радуется своему сыну.

Хови застонал. Мир не исчез, и, чтобы это увидеть, нужно было лишь открыть глаза. Однако Флетчер не торопился.

– Я понесу тебя.

Хови и впрямь почувствовал, как отец понес его на руках в темноту. Руки Флетчера казались огромными. Или это он, Ховард, уменьшился и стал ребенком?

– Я никогда не собирался становиться отцом, – сказал Флетчер. – Все время что-то мешало. Но Яфф решил завести детей, чтобы иметь помощников в этом мире. Пришлось сделать то же самое.

– А ДжоБет?

– Что?

– Она его дочь или твоя?

– Его, конечно.

– Так мы... не брат и сестра?

– Нет, конечно. У нее есть брат, и они оба его создания, а ты – мое. Потому ты и должен помочь мне, Хови. Я сейчас слабее, чем он. Мечтатель. Я всегда был мечтателем. Одуревшим от наркотиков. А он уже здесь, собирает своих проклятых терат...

– Кого?

– Это его твари. Его армия. Одну из них он извлек из умирающего комика и выбрался наверх. А я? Мне ничего не досталось. Умирающие редко творят добрые фантазии. В них остается один страх. А Яффу требуется именно страх.

– Ты о ком?

– О Яффе. Он мой враг.

– А кто ты?

– Я его враг.

– Это не ответ. Мне нужно знать больше.

– Долго рассказывать. А времени нет, Хови.

– Расскажи хоть в общих чертах.

Хови почувствовал, как Флетчер у него в мыслях улыбнулся.

– В общих чертах? Хорошо. Я – это рыбы и птицы, я – то, что давно похоронено, например воспоминания. Я возвращаю к первопричинам.

– Это что, я такой тупой или ты несешь полнейшую чушь?

– Мне нужно многое тебе объяснить, но на это нет времени. Может быть, лучше показать тебе... – В голосе его вдруг послышалось сомнение.

– Что ты собираешься сделать?

– Открыть тебе свое сознание, сын.

– Ты боишься...

– Это будет сложно, но я не вижу другого выхода.

– Помоему, не стоит...

– Поздно, – сказал Флетчер.

Хови почувствовал, как руки отца разжимаются и отпускают его. Это было как самый первый в жизни кошмар: он падал в пустоту. Но законы гравитации в мысленном мире не действовали. Лицо отца за время падения не удалялось, а вдруг начало расти, стало огромным и

все увеличивалось и увеличивалось.

Слова исчезли, остались только мысли. Они потоком захлестнули Хови. Их оказалось слишком много, и Ховард понадеялся, что не утонет в них.

– Не сопротивляйся, – услышал он отца. – Не пытайся плыть. Пусть все течет своим чередом. Погрузись в меня. Будь во мне.

– Тогда я перестану быть собой, – ответил он. – Если я погружусь в тебя, я стану тобой. Я не хочу быть тобой.

– Рискни. Другого выхода нет.

– Нет! Не могу! Я должен... контролировать.

Он начал бороться, пытаясь вырваться из окружившей его стихии. Но мысли и образы врывались в сознание. Он фиксировал это другим сознанием, что было выше его понимания.

– Между нашим миром, что зовется Косм, или Земля, или Суета сует, – между ним и Метакосмом, что зовется Тем светом или Убежищем, есть море под названием Субстанция...

Образ моря – единственное, что узнал Хови в потоке непонятных видений. В этом море он плыл во сне, который они видели вместе с ДжоБет. Тогда они плыли бок о бок, их тела несло течение, их волосы переплелись. Страх прошел. Теперь Хови смог сосредоточиться на словах Флетчера.

– ... и в этом море есть остров... Он увидел его где-то вдали.

– ... под названием Эфемериды. Чудесное слово и чудесное место. Вершина горы скрывается в тучах, но склоны освещены ярким светом. Светом не солнца, но духа.

– Я хочу туда, – подумал Хови. – Быть там вместе с ДжоБет.

– Забудь ее.

– Скажи мне, что там? На этом острове?

– Явление тайн, – ответил ему отец, – мы его видим трижды в жизни. При рождении, перед смертью и еще в ту ночь, когда впервые познаем ту, кто есть любовь всей нашей жизни.

– ДжоБет.

– Я говорю – забудь ее.

– Я плыл туда вместе с ДжоБет! Мы плыли туда вместе.

– Нет.

– Да. Это значит, что она и есть любовь моей жизни. Ты сам только что сказал...

– Я сказал тебе: забудь.

– Но ведь она и есть моя любовь! О господи! ДжоБет – любовь моей жизни!

– Все созданное Яффом слишком испорчено, чтобы его любить. Слишком опасно.

– Она самое прекрасное создание в мире.

– Она отказалась от тебя, – напомнил Флетчер.

– Я верну ее.

Теперь он видел образ ДжоБет гораздо отчетливее, чем остров и море. Он потянулся к ней и от этого движения выскользнул из сознания отца. Вернулась тошнота, и с ней – солнечный свет, пробивавшийся через листву над его головой.

Он открыл глаза. Флетчер, кажется, держал его вплоть до этого момента, а теперь отпустил. Хови лежал на спине в траве.

Рука его от локтя до запястья онемела, а кисть распухла и стала раза в два больше. Боль была первым доказательством того, что он не спит. Второе доказательство – то, что он очнулся. Хови больше не сомневался: человек с волосами, завязанными в хвост, был реальным. Вероятно, и все его слова тоже были правдой. Флетчер действительно его отец, неважно, хорошо это или плохо. Когда Флетчер снова с ним заговорил, Хови поднял голову.

– Ты не понимаешь, в каком мы отчаянном положении. Если я не остановлю Яффа, он вторгнется в Субстанцию.

– Не хочу ничего знать, – сказал Хови.

– На тебе лежит ответственность. Я не создал бы тебя, если бы не был уверен, что ты поможешь мне.

– Ах, как трогательно! – Хови начал подниматься, стараясь не смотреть на распухшую руку. – Наконец я могу почувствовать себя желанным ребенком. – Он попытался встать на ноги. – Тебе не следовало показывать мне остров, Флетчер. Теперь я понял: все, что произошло между мной и ДжоБет, реальность. ДжоБет не испорчена. И она мне не сестра. Значит, я смогу ее вернуть.

– Подчинись мне! Ты же мой сын. Ты обязан меня слушаться!

– Если тебе нужен раб, так пойди и найди себе раба, – ответил Хови. – А у меня есть дела поважнее.

Он повернулся к Флетчеру спиной – по крайней мере, ему показалось, будто повернулся, – но тот снова возник перед ним.

– Как ты это делаешь?

– Я многое могу. Ерунда. Я научу тебя. Только не оставляй меня одного, Ховард.

– Никто не зовет меня Ховардом, – сказал Хови, пытаясь оттолкнуть Флетчера.

На какое-то время он забыл о разбитой руке, но тут снова ее увидел. Костяшки пальцев распухли, кожа на тыльной стороне содрана, из ранок сочилась кровь. На ладонь налипли травинки – яркозеленые на яркокрасном. Флетчер отшатнулся.

– Тебе тоже не нравится вид крови, да? – спросил Хови. Когда Флетчер отступил на шаг, Хови показалось, будто что-то в этом человеке изменилось. Но это произошло слишком неувлимо, чтобы различить точнее. Возможно, он попросту вышел из тени на свет и был теперь иначе освещен? Или та часть небес, что была заперта у него в сердце, вдруг освободилась, поднялась к глазам и посмотрела на Хови? Но как бы то ни было, изменение было мгновенным, оно пришло и ушло.

– Предлагаю сделку, – сказал Хови.

– Какую?

– Ты оставляешь в покое меня, я оставляю тебя.

– Есть только мы, сын. Весь остальной мир против нас.

– Ты просто чокнутый, понятно? – Хови больше не смотрел на Флетчера. – Вот от кого это у меня. Святая простота! Хватит! Есть люди, которые любят меня.

– Это я тебя люблю, – сказал Флетчер.

– Лжешь.

– Ну хорошо, я преувеличил. Но я научусь.

Хови пошел прочь, не глядя на свою кровоточившую руку.

– Я научусь! – слышал он позади голос отца. – Ховард, послушай! Я научусь!

Он не бежал – у него не было сил. Ему удалось добрести до дороги и ни разу не упасть. Если учесть, какую он чувствовал слабость, это была победа разума над плотью. Он немного отдохнул на обочине, довольный тем, что Флетчер не посмел следовать за ним. У Флетчера было немало причин не попадаться людям на глаза. Хови наметил план действий. Сначала он вернется в мотель, где займется рукой. А потом? Потом отправится к ДжоБет. С хорошими новостями. Он найдет способ сообщить их девушке, даже если придется ждать всю ночь.

Солнце светило жарко и ярко. Тень Хови падала на дорогу прямо перед ним. Он сосредоточил взгляд на тротуаре и шаг за шагом двигался вперед, к нормальному миру.

В лесу, оставшемся за спиной у Хови, Флетчер тем временем проклинал свою глупость. Сам он всегда легко перескакивал из обычного мира в воображаемый, не обращая внимания на промежутки, но не умел толком объяснять и не знал тех простых приемов общения, какими обычные люди овладевают годам к десяти. Его прямолинейность оттолкнула сына. Хови не захотел принять истину и понять, в какой опасности сейчас находился не только его отец, но и весь мир. Флетчер не сомневался, что Яфф теперь не менее опасен, чем тогда, в миссии СантаКатрина, когда его изменил нунций. Он стал еще опаснее. Он обзавелся помощниками в Космосе – детьми, готовыми повиноваться ему, поскольку Яфф убеждать умел. А единственный сын Флетчера сейчас направлялся напрямиком в объятия одной из дочерей врага. Флетчер потерял сына. У него оставался один выход – самому отправиться в Гроув в поисках людей, из которых можно добыть галлюцигении.

Откладывать было нельзя. До захода солнца оставалось несколько часов, а в темноте у Яффа будут преимущества. И хотя Флетчеру отнюдь не улыбалась затея бродить по улицам городка в поисках подходящей кандидатуры, выбора не было. Возможно, ему и удастся при свете дня наткнуться на какого-нибудь мечтателя.

Он посмотрел на небо и вспомнил свою комнату в миссии, где они с Раулем провели столько блаженных часов, слушая Моцарта и глядя, как меняют очертания плывущие над океаном облака. Они постоянно меняются. Непрерывное чередование форм, где можно разглядеть

отражения земных образов – то дерево, то собаку, то человеческое лицо. В один прекрасный день, когда война с Яффом окончится, Флетчер тоже станет облаком.

Тогда исчезнет мучительная горечь утрат. Рауль, Ховард – они его покинули...

Только застывшие формы могут чувствовать боль. Текучие – живут во всем, всегда. В стране, где царит один бесконечный день.

Как ему хотелось туда!

VII

Этим утром худший ночной кошмар Уильяма Уитта, преуспевающего бизнесмена из ПаломоГроува, стал реальностью. Он вышел из элегантного одноэтажного особняка в Стиллбруке, цена на который (он любил говорить об этом клиентам) с тех пор, как Уитт приобрел его пять лет назад, возросла на тридцать тысяч долларов, и отправился по риэлтерским делам в этом самом любимом на свете городе. Но все пошло не так уже с утра. Если бы Уильяма спросили, что именно не так, вряд ли он сумел бы ответить. Но инстинктивно он чувствовал: милый его сердцу Гроув захворал. Большую часть утра он провел у окна своего кабинета, выходящего на супермаркет. Едва ли не каждый житель города навещался сюда хотя бы раз в неделю. Люди приходили с двойной целью – сделать покупки и поболтать. Уильям гордился тем, что знал по именам девяносто восемь процентов покупателей, входивших в двери магазинов. Большинству он помогал приобрести дома – и молодым, когда они покупали первое после женитьбы жилище, и людям среднего возраста, когда от них уезжали выросшие дети, и, наконец, он продавал дома, чьи хозяева умерли. Почти все горожане его знали. Называли по имени, обсуждали его галстуки (у него их было сто одиннадцать), приглашали в гости.

Но сегодня, глядя в окно, Уильям не испытывал привычной радости. То ли изза смерти Бадди Вэнса, то ли изза последовавшей за ней трагедии – это настолько потрясло людей, что они даже забывали здороваться, встречаясь на парковке. А может, горожане тоже проснулись сегодня в предчувствии некоего события – такого, что они не сочли бы нужным упомянуть о нем в своих дневниках, но горько сожалели бы, случись им его пропустить.

Он постоял возле окна, не в силах понять, что видит и чувствует, и решил пройтись. На сегодня его ждали три дома – два в Дирделле и один в Уиндблафе. Их нужно было осмотреть и определить цену. За то время, что он добирался на машине до Дирделла, беспокойство его не уменьшилось. Палящее солнце словно пыталось сжечь дотла тротуары и лужайки, а воздух дрожал так, будто пытался расколоть кирпичи и шифер крыш и стереть наш драгоценный Гроув с лица земли.

Дома в Дирделле требовали ремонта; они поглотили все его внимание, пока он оценивал их достоинства и недостатки. К тому времени, как он закончил с ними и направился в Уиндблаф, он настолько отвлекся от своих страхов, что решил считать их проявлениями мнительности. Тем более впереди его ждала приятная работа. Дом на УайлдЧерриглейд, прямо под «полумесяцами», Уитт знал хорошо и уже предвкушал будущее рекламное объявление в «Бюллетене лучших домов»:

«Стань королем Холма! Превосходный семейный особняк ждет тебя!»

Он выбрал из двух ключей на кольце нужный и отпер входную дверь. Изза споров о наследстве дом стоял пустым еще с весны. Воздух внутри был затхлым и пыльным. Ему нравился этот запах. Пустые дома трогали его. Ему нравилось думать, что эти дома ждут хозяев; они как чистые холсты, на которых новые владельцы напишут свой собственный рай. Он прошелся по дому, отщелкивая в уме дежурные фразы:

«Просторный и светлый. Удовлетворит самого взыскательного покупателя. Три спальни, два санузла с мозаичными полами, стены в главной гостиной обшиты березовыми панелями, оборудованная кухня, крытое патио...»

Он знал, что за особняк такого размера и в таком месте можно получить хорошую цену. Обойдя все комнаты на нижнем этаже, он отпер дверь во двор и вышел. Дома на Холме, даже в нижней его части, строились с размахом. Этот двор был не виден из соседних домов. Если бы двор увидели соседи, они бы пожаловались на его состояние. Пожухлая трава на лужайке росла клочками, местами по пояс человеку, деревья тоже нуждались в стрижке. Уитт прошелся по выжженной солнцем земле, чтобы измерить бассейн. Его так и не осушили после смерти миссис Ллойд, последней хозяйки дома. Вода стояла низко, ее поверхность как бы

инкрустировали разросшиеся водоросли цветом намного зеленее травы, пробивавшейся между плиткой, которой были отделаны края бассейна. Пахло отвратительно. Не торопясь Уильям прикинул размер бассейна – его наметанный глаз был почти так же точен, как его рулетка. Пока он перемножал цифры, в центре бассейна возникла рябь и медленно поплыла в его сторону. Он немного отступил от края и записал, что сюда следует как можно скорее вызвать службу по очистке бассейнов. Кто бы ни завелся в воде, грибок или рыба, часы его сочтены.

На воде снова появилась рябь, и ее стремительное движение вдруг напомнило Уитту совсем другой день и другой водоем. Он выкинул это воспоминание из головы – по крайней мере, попытался выкинуть, повернулся спиной к бассейну и направился в сторону дома. Но воспоминание слишком долго оставалось в глубинах памяти и теперь требовало к себе внимания. Уитт мысленным взором снова увидел четырех девушек: Кэролин, Труди, Джойс и Арлин, прекрасную Арлин; увидел так ясно, будто подсматривал за ними только вчера. Он видел, как они раздеваются, слышал их голоса и смех.

Уитт остановился и повернулся к бассейну. Поверхность воды успокоилась. Он взглянул на часы. После выхода из офиса прошел час и сорок пять минут. Если поторопиться, он успеет заехать домой и посмотреть фильм из своей коллекции. Предвкушение наслаждения, подогретого эротическими воспоминаниями, заставило его ускорить шаги. Он запер заднюю дверь и направился наверх.

На полпути ко второму этажу его насторожил какойто звук.

– Кто здесь? – спросил он.

Никакого ответа, однако звук повторился. Он повторил вопрос, и диалог вышел странный: вопрос – звук, вопрос – звук. Может быть, шалют дети? В последнее время они взяли привычку забираться в пустые дома. Впервые ему представился случай поймать их на месте преступления.

– Спуститесь вниз! – Он старался говорить как можно более низким голосом. – Или мне подняться за вами?

Но единственным ответом стал тот же тихий звук – будто маленькая собачонка, стуча когтями, бегала по деревянному полу.

Ну и ладно, подумал Уильям. Он снова двинулся наверх, топая изо всех сил, чтобы напугать непрошенных пришельцев. Он знал имена и прозвища почти всех детей в Гроуве. А тех, кого не знал, мог легко отыскать на школьном дворе. Сейчас он им задаст, чтобы другим неповадно было.

Когда он поднялся наверх, там царила тишина. Теплые лучи послеполуденного солнца, лившиеся в окно холла, уняли его беспокойство. Здесь безопасно. Опасно гулять по ночным улицам ЛосАнджелеса. А это Гроув и тихий пятничный день.

Словно в подтверждение этих мыслей, изза зеленой двери хозяйской спальни выкатилась игрушка: белая сороконожка фута в полтора длиной. Ее пластиковые ножки ритмично цокали по полу. Уитт улыбнулся. Ребенок в знак капитуляции выпустил свою игрушку. Снисходительно улыбаясь, Уильям нагнулся, чтобы поднять ее, глядя при этом на пол за дверью.

Едва его пальцы коснулись сороконожки, он еще раз посмотрел на нее и мгновенно понял – это не игрушка. Тело странной твари было мягким и теплым, оно пульсировало. Отчаянным движением Уитт попытался ее отбросить, но та уцепилась за кисть и уже карабкалась по руке. Уронив блокнот и карандаш, Уитт другой рукой оторвал от себя существо – и швырнул на пол. Тварь упала на спину и осталась лежать, шевеля многочисленными лапками, будто креветка. Тяжело дыша, Уильям прислонился спиной к стене, и тут изза двери послышался голос:

– Ну хватит церемониться. Входите.

Уильям понял, что говоривший – совсем не ребенок, а возникшее несколько секунд назад ощущение безопасности было преждевременным.

– Мистер Уитт, – послышался второй более молодой голос, показавшийся ему знакомым.

– ТоммиРэй? – спросил Уильям, не в силах скрыть облегчения. – ТоммиРэй, это ты?

– А то кто же? Входите! Присоединяйтесь к нашей компании.

– Что тут происходит? – спросил Уильям и распахнул дверь, обойдя цокавшую по полу тварь.

Ситцевые занавески миссис Ллойд были плотно задернуты, и после освещенного солнцем холла Уильяму показалось, будто в комнате вдвое темнее, чем на самом деле. Вскоре он различил ТоммиРэя Макгуайра, стоявшего посреди комнаты, и за ним, в темном углу, когото

еще. Один из них искупался в бассейне, подумал Уильям, когда в нос ему ударил запах протухшей воды.

– Зря ты сюда забрался, – обратился он к ТоммиРэю. – Ты не знаешь, что это противозаконно? Этот дом...

– Но ведь ты не донесешь на нас? – перебил его ТоммиРэй. Он шагнул к Уильяму, заслонив своего приятеля в углу.

– Все не так просто... – начал Уильям.

– Да нет, все просто, – категорично заявил ТоммиРэй. Он сделал еще один шаг к Уитту, потом еще и еще – и вдруг оказался у двери за спиной Уильяма. Только тут Уитт разглядел бородатого мужчину, сидевшего в углу. На нем копошились твари, похожие на первую сороконожку. Они покрывали его сплошь, как живые доспехи, ползали по лицу, задерживались на губах, глазах, скопились в паху, массируя его, тыкались в подмышки и скакали по животу. Их было так много, что тело мужчины казалось вдвое больше, чем у обычных людей.

– О господи, – прошептал Уильям.

– Здорово, правда? – спросил ТоммиРэй.

– Я вижу, вы с ТоммиРэем давно знаете друг друга? – сказал Яфф. – Скажи мне, был ли он в детстве хорошим ребенком?

– Что это такое, черт возьми? – спросил Уильям у ТоммиРэя.

Бегающие глаза юноши вспыхнули.

– Это мой отец, – ответил он. – Это Яфф.

– Мы хотим, чтобы ты открыл нам тайны твоей души, – сказал Яфф.

Уильям сразу же вспомнил о своей домашней коллекции. Откуда они узнали? Неужели ТоммиРэй шпионил за ним? Шпионил за шпионом?

Уильям покачал головой.

– У меня нет никаких тайн, – тихо сказал он.

– Может, и так, – сказал ТоммиРэй. – Обычный гребаный зануда.

– Ты злой, – сказал Яфф.

– Да тебе любой подтвердит, – настаивал ТоммиРэй. – Посмотри на него. На его галстуки и на то, как он кланяется всем и каждому.

Слова ТоммиРэя задели Уильяма, и у него задергалась щека.

– Самый дерьмовый зануда во всем этом гребаном городишке.

В ответ Яфф поймал у себя на животе одну из тварей и кинул в сторону ТоммиРэя. Попадание было точным. Тварь с дюжиной хлыстообразных хвостов и крошечной головкой попала ТоммиРэю в лицо, заткнув ему рот. Юноша покачнулся, отодрал от себя тварь с комичным поцелуйным звуком, ухмыльнулся и бросил ее обратно смеющемуся Яффу, но менее метко – существо свалилось на пол у ног Уильяма. Тот отшатнулся, вызвав новый приступ смеха у отца с сыном.

– Она тебе не повредит, – сказал Яфф, отсмеявшись. – Пока я не захочу.

Он поманил к себе тварь, и она, быстро перебирая лапками, устроилась у него на животе.

– Ты наверняка знаешь большинство из этих ребят, – сказал Яфф.

– Ага. И они его знают, – добавил ТоммиРэй.

– Вот этот, к примеру. – Яфф указал на членистое существо размером с кошку. – Это осталось от женщины... как ее звали, Томми?

– Не помню.

Яфф стряхнул тварь, похожую на громадного скорпиона, к своим ногам. Та в панике попыталась вернуться на насиженное место.

– Ну, та женщина с собаками. Милдред... Как ее...

– Даффин, – произнес Уильям.

– Вот! – воскликнул Яфф, ткнув в него пальцем. – Даффин! Как легко мы все забываем! Конечно же, Даффин.

Уильям знал Милдред. Он видел ее почти каждое утро, когда она выходила гулять со сворой собак. Всегда казалось, будто она забыла, куда идет и зачем вообще вышла из дома. Но что общего между ней и этим скорпионом?

– Я вижу, ты в недоумении, Уитт, – сказал Яфф. – Ты Думаешь: неужели это новый питомец Милдред? Ответ: нет. Это ее сокровенная тайна во плоти. От тебя я хочу получить то же, Уильям. Мне нужна сокровенная тайна.

Как опытный гетеросексуальный вуайерист, Уильям тут же разгадал гомосексуальный подтекст поведения Яффа. Этот тип и ТоммиРэй – вовсе не отец и сын. Они здесь трахались. И все разговоры о сокровенном и тайном есть просто завуалированное предложение орального секса.

– Я в этом не участвую, – сказал Уильям. – ТоммиРэй подтвердит. Я ничего «странного» не практикую...

– Нет ничего странного в страхе, – сказал Яфф.

– Каждый чего-то боится, – вставил ТоммиРэй.

– Но одни больше, другие меньше. А ты... я уверен, ты боишься намного больше остальных. Признайся, Уильям, у тебя в голове много дряни. Я хочу вытащить ее из тебя и забрать себе.

Вот, еще один намек. Уильям услышал, как ТоммиРэй сделал шаг в его направлении.

– Держись от меня подальше, – с угрозой в голосе предупредил Уильям, но это был чистый блеф. Улыбка ТоммиРэя подтверждала, что тот все понимал.

– Тебе станет легче, – сказал Яфф.

– Намного, – подтвердил ТоммиРэй.

– Это не больно. Может, совсем немного, вначале. Зато как только ты вытряхнешь из себя эту дрянь, ты станешь другим человеком.

– Милдред не единственная, – сказал ТоммиРэй. – Прошлой ночью он побывал у многих.

– Что верно, то верно.

– Я показывал дорогу, и он шел за мной.

– Понимаешь, у меня чутье на некоторых людей. Я их нахожу по запаху.

– Луиза Доил... Крис Сипара... Гарри О'Коннор... Уильям знал их всех.

– Гюнтер Розбери... Мартина Несбит...

– Да, Мартине действительно было что показать, – сказал Яфф. – Одно из ее произведений во дворе. Охлаждается.

– В бассейне? – пробормотал Уильям.

– Ты видел? Уильям покачал головой.

– Тебе непременно нужно увидеть. Полезно узнать, что люди скрывали от тебя многие годы.

Последняя фраза задела Уильяма за живое, хотя он уже понял, что Яффу ничего о нем не известно.

– Ты думаешь, будто знаешь их, – продолжал Яфф. – Но у людей есть страхи, в существовании которых они никогда не признаются; темнота, что прячется за улыбкой. Вот...

Он поднял руку. На ней повисло существо, напоминавшее безволосую обезьяну с паучьими лапами.

– ... что живет в такой темноте. Я извлекаю их наружу.

– И у Мартины тоже? – спросил Уильям. У него забрезжила надежда сбежать.

– Конечно, – сказал ТоммиРэй. – Ее экземпляр – один из лучших.

– Я зову их «тераты», – сказал Яфф. – Это значит «рожденные безобразными», чудовища. Как они тебе нравятся?

– Я... я хотел бы посмотреть на то... что осталось от Мартины, – ответил Уильям.

– Милая дама, – заметил Яфф, – но в голове мерзкий секс. Иди, покажи ему, ТоммиРэй. А потом приведи обратно.

– Хорошо.

ТоммиРэй взялся за ручку, но медлил открывать, словно прочел мысли Уильяма.

– Тебе правда хочется посмотреть?

– Хочется. Мы с Мартиной... – Он замялся. Яфф закончил за него:

– Ты и эта женщина, Уильям? Вместе?

– Раз или два, – солгал Уильям.

Он не прикасался к Мартине, но надеялся, что это покажется им достаточным основанием для его любопытства. Похоже, сработало.

– Ну что ж, это хорошая причина. Тебе следует знать, что она скрывала от тебя. Покажи ему, ТоммиРэй!

Молодой Макгуайр, подчинившись приказу, отвел Уильяма вниз. Пока они спускались по лестнице, юноша насвистывал что-то бессвязное, а его легкая походка и непринужденные манеры никак не вязались с его адским другом. Уильяму несколько раз хотелось спросить его: «Почему?» Возможно, тогда он смог бы понять, что происходит с Гроувом. Как получилось, что

зло беззаботно гуляет по городу, испорченные души вроде ТоммиРэя бродят по улицам, шутят и напевают, словно обычные люди?

– Жуть, правда? – спросил ТоммиРэй, забирая из рук Уильяма ключ от задней двери. Он читает мои мысли, решил Уитт. Но следующая фраза ТоммиРэя опровергла эту мысль.

– Пустые дома. Жутко тут. Хотя, наверное, ты к ним привык, да?

– Я этим живу.

– Яфф не любит солнца, вот я и привел его сюда. Нужно же ему гдето спрятаться.

Когда они вышли на солнце, ТоммиРэй поморщился.

– Знаешь, я, наверное, скоро стану таким же, как он. Раньше мне нравились пляжи. Топанга, Малибу, все такое. А теперь меня, типа, тошнит от этого... яркого света...

Он направился к бассейну, опустив голову, чтобы не смотреть на солнце, и продолжал болтать.

– Так вы с Мартиной того? Вообще-то она не мисс Вселенная, ну, ты понимаешь. А уж внутри у нее... Видел бы ты, как они выходят! Вот это да... Похоже на пот. Сочатся через дырочки в коже...

– Через поры.

– Чего?

– Маленькие дырочки – поры.

– Аа. Ну да. Клево.

Они подошли к бассейну. ТоммиРэй продолжал:

– Яфф зовет их посвоему, ну, ты понял. Сила сознания. А я зову их по именам... ну, по именам людей, которым они принадлежали. – Он оглянулся и увидел, что Уильям смотрит на зеленую изгородь, выискивая просвет. – Тебе не интересно?

– Что ты... мне интересно.

– Мартина! – позвал юноша Поверхность воды всколыхнулась. – Сейчас вылезет. Впечатляет.

– Верю, – сказал Уильям и шагнул к краю бассейна. Едва то, что было в воде, показалось на поверхности, он изо всех сил толкнул ТоммиРэя в спину. Тот вскрикнул и потерял равновесие. Уильям успел взглянуть на терату в бассейне – что-то вроде военного корабля с лапами. Потом на нее упал ТоммиРэй. Вода забурлила Уильям не стал задерживаться, чтобы узнать, кто кого победит. Он бросился к месту, где изгородь была реже, быстро продрался сквозь нее и был таков.

– Ты его упустил, – сказал Яфф, когда ТоммиРэй появился наверху. – Вижу, тебе ничего нельзя поручить.

– Он обманул меня.

– Тебе пора перестать этому удивляться. Неужели ты еще не понял. Люди часто притворяются. Тем они и интересны.

– Я пытался его догнать, но он сбежал. Хочешь, я схожу к нему домой? Хочешь, убью?

– Нуно, полегче, – сказал Яфф. – Если он распушит слухи – ну, поболтают денекдругой, нам это не повредит. Да и кто ему поверит? Но отсюда придется вечером уйти.

– Есть другие пустые дома.

– Они нам больше ни к чему. Вчера ночью я нашел для нас пристанище.

– Где?

– Увидишь. Она еще не совсем готова, но скоро будет.

– Кто?

– Говорю, увидишь. А пока я хочу, чтобы ты съездил по моим делам.

– Хорошо.

– Это недалеко. На побережье есть место, где я оставил коечто важное. Теперь я хочу, чтобы ты мне это привез, а я пока разберусь тут с Флетчером.

– Мне бы хотелось при этом присутствовать.

– Тебе так нравится смерть? ТоммиРэй ухмыльнулся.

– Да. Нравится. У моего друга Энди есть клевая тату – череп, вот здесь. – Он показал на грудь. – Энди говорил, что умрет молодым. Что поедет в Бомбору, ну, там такие реально опасные скалы и волны. Так вот, он дождетя последней волны и просто спрыгнет с серфа. Это круто. Умереть на плаву.

- И что? – спросил Яфф. – В смысле, он умер?
- Да, хера, – сказал ТоммиРэй презрительно. – Кишка тонка.
- А ты бы смог?
- Хоть сейчас! Как два пальца...
- Не спеши. Тут скоро будет большая вечеринка.
- Да?
- О да. Очень большая. В твоём городе такого не видели.
- А кто там будет?
- Половина Голливуда. А другая половина хотела бы быть.
- А мы?
- Конечно, мы тоже там будем, можешь не сомневаться. И позабавимся.

Наконецто у меня есть что рассказать, подумал Уильям, стоя возле дверей дома Спилмонта на Писблоссомдрайв. Он всем расскажет, как ему удалось сбежать от Яффа и его страшной свиты, и за то, что он предупредит остальных, его назовут героем.

Спилмонт был его прежним клиентом – Уитт дважды помогал ему купить дом. Они были знакомы достаточно давно и называли друг друга по имени.

- Билли? – удивился Спилмонт, оглядывая Уильяма с головы до ног. – Плохо выглядишь.
- Потому что все плохо.
- Входи.

– Оскар, случилось нечто ужасное, – сказал Уильям, позволяя увлечь себя внутрь. – В жизни не видел подобного кошмара.

– Садись, садись, – сказал Спилмонт. – Познакомься, Джудит, – Билл Уитт. Что стряслось? Хочешь выпить, Билли? Господи, да ты весь дрожишь как лист.

Джудит Спилмонт, женщина с большой грудью и широкими бедрами, выплыла из дверей кухни и повторила предложение мужа. Уильям попросил стакан воды со льдом. Он не мог собраться с духом, пока стакан не оказался у него в руках. Уже начав свой рассказ, он понял, насколько нелепо все звучит. Просто страшилка вроде тех, что дети рассказывают в летнем лагере у костра, потому что при свете дня она звучит совсем бессмысленно. Но Спилмонт честно его выслушал, отослав жену обратно в кухню. Уильям не упустил ни одной подробности, вспомнил даже имена тех, кого Яфф посетил предыдущей ночью. Время от времени он добавлял, что понимает, насколько это абсурдно, но он ничего не придумал. Так он и заключил:

– Понимаю, как нелепо это звучит.

– Да уж... та еще история, – заметил Спилмонт. – Если бы это говорил не ты, я и слушать не стал бы. Но, черт возьми... ТоммиРэй Макгуайр, он же хороший парень.

– Могу отвести тебя туда, – предложил Уильям. – Только захватим оружие.

– Нет, ты сейчас не в состоянии.

– Ты не можешь пойти туда один.

– Эй, сосед, ты смотришь на человека, любящего своих детей. Думаешь, я мечтаю оставить их сиротами? – рассмеялся Спилмонт. – Слушай, иди домой и жди там. Я тебе позвоню, если будут новости. Ладно?

– Ладно.

– Ты уверен, что можешь вести машину? А то я попрошу когонибудь...

– Ну, сюда же я доехал.

– Верно.

– Доберусь.

– Да, Билл, помалкивай об этом, ладно? Не хочу, чтобы народ сгоряча взялся за ружья.

– Да, конечно, я понимаю.

Спилмонт подождал, пока Уильям допил воду, потом проводил его до двери и попрощался. Уильям сделал все, как таймы обещал, – поехал прямо домой, позвонил Валери и сказал, что не вернется в офис, запер двери и окна, разделся, принял душ и стал ждать новостей про зло, наступавшее на ПаломоГроув.

VII

Грилло вдруг почувствовал, что устал как собака. Он позвонил на коммутатор, попросил

никого с ним не соединять до дальнейших распоряжений и примерно в три пятнадцать лег спать. Разбудил его стук в дверь. Он сел на кровати. Голова кружилась.

– Ваш заказ, – раздался женский голос.

– Я ничего не заказывал, – сказал Грилло, но потом до него дошло. – Тесла?

Это и впрямь была Тесла. Она чудесно выглядела в своем, как обычно, вызывающем наряде. Грилло давно понял: для того, чтобы носить некоторые вещи и украшения, требуется определенный талант, и тогда вульгарное превращается в шикарное, а элегантное в китч. И то и другое удавалось Тесле без особого труда. Сегодня на ней были мужская белая рубашка, чересчур большая для ее маленького стройного тела, дешевые мексиканские бусы с образком мадонны, узкие синие штаны, туфли на высоких каблуках, в которых она доставала Грилло до плеча. В ее рыжих волосах с выветленными прядями поблескивали серебряные серьгизмейки.

– Я тебя разбудила.

– Угу.

– Извини.

– Пойду пописаю.

– Давай, давай.

– Узнай, мне никто не звонил? – крикнул он ей, глядя на себя в зеркало.

Выглядел он жалко – похож на бедствующего поэта, что пытается сделать вид, будто только что проголодался. Он стоял над унитазом, покачиваясь, одной рукой держал член, который никогда еще не казался ему таким маленьким, а другой – опирался на дверной косяк, чтобы не упасть. Только тут он понял, до чего болен.

– Держись от меня подальше, – предупредил он Теслу, когда вышел. – Кажется, у меня грипп.

– Тогда лезь в постель. От кого ты заразился?

– От одного ребенка.

– Абернети звонил, – сообщила Тесла. – И еще какаято женщина. Эллен.

– Это ее ребенок.

– Кто это?

– Очень милая леди. Что она сказала?

– Ей срочно нужно с тобой поговорить. Номер не оставила.

– Не думаю, что у нее есть телефон, – сказал Грилло. – Нужно узнать, что она хотела. Она работала у Вэнса.

– Опять скандал?

– Вроде того. – У Грилло начали стучать зубы. – Черт, у меня жар.

– Может, отвезти тебя в ЛосАнджелес?

– Ни за что. Здесь происходят любопытные события.

– События везде происходят. Абернети пришлет когонибудь другого.

– Эти события *странные*. Чего-то я не понимаю. Ты знаешь, что я был там, где искали Вэнса и погибли спасатели?

– Нет. Что там случилось?

– Что бы ни говорили в новостях, это был не прорыв подземной реки. По крайней мере, не только. Впервые, я слышал крики изпод земли задолго до появления воды. Похоже, будто там выкрикивали молитвы, Тесла, И только потом ударил этот гребаный гейзер. Вода, дым, грязь. Трупы. И еще какое-то существо. Нет, два существа. Они вышли изпод земли.

– Выкарабкались?

– Вылетели.

Тесла смерила его долгим тяжелым взглядом.

– Клянусь, – сказал Грилло. – Может, это были люди... а может, и нет. Они были похожи... ну, не знаю... на две энергии. Предупреждаю твой вопрос: я был в своем уме и ничего не пил.

– Ты единственный, кто это видели.

– Нет. Со мной был человек по имени Хочкис. Думаю, он тоже видел. Только я никак не могу до него дозвониться, чтобы он подтвердил.

– Ты понимаешь, что это звучит как бред сумасшедшего?

– Да. Что только подтверждает твоё мнение обо мне. Работает на Абернети, копается в грязном белье у богатых знаменитостей...

- Не влюбляется в меня.
- Не влюбляется в тебя...
- Сумасшедший.
- Псих.
- Слушай, Грилло. Я плохая сиделка, так что сочувствия от меня не жди. Но если нужно куда-то съездить – скажи куда.
- Ты могла бы отправиться к Эллен. Передай, что ее ребенок заразил меня гриппом. Пусть почувствует себя виноватой. Она многое знает, но рассказать успела малую часть.
- Вот это мой Грилло. Больной, но бессовестный.

Тесла добралась до дома Эллен Нгуен лишь к концу дня. Она не стала брать машину, хотя Грилло ее предупредил, что путь неблизкий. Погода была прекрасная, дул небольшой ветерок, и Тесла с удовольствием прогулялась почти через весь город. Разглядывая дома, она придумывала сценарий для триллера, где главная героиня носит атомную бомбу в портфеле. Нечто подобное уже безусловно было, но она задумала притчу не о зле, а о безразличии. Люди предпочитают не верить тому, что им говорят, они проходят мимо, спешат по своим делам с выражением жизнерадостного безразличия на лицах. Героиня пытается заставить их осознать грядущую опасность, но у нее ничего не выходит. В конце ее выгоняют за пределы города, чтобы она не мучила воду. И тут земля дрожит и бомба срабатывает. Экран гаснет. Конец. Такого никогда не снимут.

Тесла всегда придумывала сценарии, которые никогда не будут воплощены. Тем не менее, истории приходили ей в голову регулярно. Когда она оказывалась в новом месте и знакомилась с новыми людьми, те становились героями ее рассказов. Обычно она не анализировала собственные фантазии. За исключением тех случаев, когда придуманные события – как сейчас – казались столь реалистичными, словно неизбежно должны были произойти на самом деле. Видимо, она интуитивно почувствовала, что ПаломоГроув в один прекрасный день взлетит на воздух.

Чувство пространства было у нее безупречным. Тесла дошла до дома Эллен, и ей ни разу не пришлось возвращаться. Открывшая дверь женщина была настолько печальна, что Тесла на нее не наседала и почти не пыталась выискивать недостатков. Она коротко объяснила, что пришла по просьбе Грилло, потому что у того грипп.

– Не волнуйтесь, выживет, – добавила она, заметив, что женщина огорчилась. – Я просто объясняю, почему он не приехал сам.

– Входите, пожалуйста, – сказала Эллен.

Тесла воспротивилась. Она не любила общаться с печальными людьми. Но этой женщине сложно было отказать.

– Я не могу говорить здесь, – сказала Эллен, закрывая дверь. – И не могу надолго оставить Филипа. У меня здесь нет телефона. Мистеру Грилло я позвонила от соседа. Передадите ему кое-что?

– Конечно, – ответила Тесла, думая: «Если это любовная записка – порву». Эллен Нгуен была вполне во вкусе Грилло, это она знала. Женственная, с мягким голосом. В общем, полная противоположность ей самой.

Заразный ребенок восседал на диване.

– Мистер Грилло подхватил грипп, – сказала ему мать. – Может, передашь ему какойнибудь из своих рисунков, чтобы повеселить его?

Мальчик ушел к себе, дав Эллен возможность передать то, что она хотела.

– Скажите ему, что в Кони произошли изменения.

– В Кони произошли изменения, – повторила Тесла. – А что это значит?

– Намечается прием в память о Бадди. Мистер Грилло знает. Рошель, его жена, прислала за мной шофера. Просит помочь.

– А при чем тут Грилло?

– Я хочу знать, нужно ли ему приглашение.

– Я думаю, он скажет «да». Когда будет прием?

– Завтра вечером.

– Быстро они...

– Люди приедут ради Бадди, – сказала Эллен. – Его очень любили.

– Счастливчик. Так если Грилло захочет связаться с вами, ему позвонить в дом Вэнса?
– Нет. Туда он звонить не должен. Пусть оставит записку у соседа, мистера Фалмера. Он будет присматривать за Филипом.
– Фалмер. Ладно. Передам.
Больше говорить было не о чем. Тесла взяла у ребенка картинку для Грилло, попрощалась с Эллен и мальчиком и отправилась обратно, придумывая на ходу новую историю.

IX

– Уильям?
Наконец-то Спилмонт позвонил. На улице стих звук детских голосов. Наступил вечер, и после захода солнца от газонной поливалки веяло уже холодом, а не свежестью.
– У меня мало времени, – сказал Спилмонт. – Я и так сегодня много его потерял.
– Ну, что? – спросил Уитт, который провел остаток дня, изнывая от нетерпения. – Что там?
– Я съездил на УайлдЧерриглэйд сразу после твоего ухода.
– Ну?
– Ну и ничего, старик. Большой круглый ноль. Там никого не было, и я выглядел полнейшим идиотом, когда входил туда, готовый бог знает к чему. Ты ведь на это и рассчитывал?
– Нет, Оскар. Ты не понял.
– Только раз. Только один раз я попадаюсь на розыгрыш. Ясно? Не хочу, чтобы про меня болтали, будто у меня нет чувства юмора.
– Я тебя не разыгрывал.
– Ты заставил меня поверить. Тебе бы не домами торговать, а книги писать.
– Что, совсем пусто? Никаких следов? Слушай, а в бассейне ты смотрел?
– Перестань, – сказал Спилмонт. – Да, везде посмотрел: в бассейне, в доме, в гараже.
– Значит, они сбежали. До твоего прихода. Только как? ТоммиРэй говорил, что Яфф не любит...
– Перестань! – сказал Спилмонт. – И без тебя в квартале хватает чокнутых. Возьми себя в руки. И не пытайся проделывать такие штучки с другими, Уитт. Я их уже предупредил. Я уже сказал: одного раза достаточно.
Не прощаясь, Спилмонт повесил трубку, а Уильям еще полминуты слушал короткие гудки.
– Кто бы мог подумать? – сказал Яфф, разглядывая последнее приобретение. – Страх таится в самых неожиданных местах.
– Я хочу его подержать, – попросил ТоммиРэй.
– Бери. – Яфф передал ему терату. – Все мое – твое.
– Она не похожа на Спилмонта.
– Да нет, похожа, – возразил Яфф. – Она его истинный портрет. Его память. Его суть. Именно страх делает человека тем, кто он есть.
– Разве?
– То, что ушло отсюда сегодня вечером под видом Спилмонта, – одна оболочка. Пустышка.
Он посмотрел за окно и отдернул занавески. Тераты ласкались к нему так же, как при Уильяме, терлись о его ноги. Яфф откинул их в сторону. Они послушно ретировались, а когда он отвернулся, спрятались в его тени.
– Солнце почти зашло. Пора действовать, Флетчер в городе.
– Да?
– Он появился еще днем.
– Откуда ты знаешь?
– Невозможно ненавидеть кого-то так, как я ненавижу Флетчера, и не знать о его местонахождении.
– Так пойдем и убьем его?
– Не раньше, чем у нас наберется достаточно убийц. Я не хочу больше промахов, как с мистером Уиттом.
– Сначала я позову ДжоБет.
– Зачем? Она нам не нужна.

ТоммиРэй стряхнул на пол терату Спилмонта.

– Она нужна мне.

– Это платоническая потребность, надеюсь?

– А что это такое?

– Я иронизирую, ТоммиРэй. Я спрашиваю, хочешь ли ты ее?

ТоммиРэй секунду обдумывал это. Потом он сказал:

– Может быть.

– Будь честен.

– Я не знаю, чего я хочу. Но я точно знаю, чего *не* хочу. Я не хочу, чтобы этот проклятый Катц дотрагивался до нее. Мы ведь с ней *семья*, так? Ты сам говорил, что это важно.

Яфф кивнул.

– Звучит убедительно.

– Так мы заберем ее?

– Если это так важно, – ответил Яфф. – Ладно, пойдем и за ней.

Впервые увидев ПаломоГроув, Флетчер едва не впал в отчаяние. За долгие месяцы битвы с Яффом он не раз видел подобные городки. Типовые конструкции, где созданы условия для всего, кроме чувств. Жизнь там будто бы шла, но на самом деле ее не было или почти не было. Именно в таком вакууме он дважды был загнан в угол и едва избежал гибели. И теперь Флетчер, всегда презиравший суеверия, спрашивал себя: не окажется ли третий раз роковым?

В городке уже похозяничал Яфф, в этом Флетчер не сомневался. Найти здесь души слабые и беззащитные легче легкого. Но для галлюцигений Флетчера нужны люди с богатой фантазией, и для этого город, самодовольно погрязший в своем благополучии, не сулил ничего хорошего. Больше повезло бы в гетто или в сумасшедшем доме. Однако выбора у него не было. Ему пришлось одному, без помощников, как собаке рыскать по городку в поисках мечтателей. Несколько он нашел у молла, но, когда попытался завязать разговор, быстро получил от ворот поворот. Он прикладывал все усилия, чтобы казаться похожим на них, но, видимо, он уже слишком давно не был человеком. Люди, когда он к ним приближался, смотрели странно, будто угадывали его измененную нунцием сущность. При виде его они сразу же уходили прочь. Только один или двое не ретировались – какаято старуха, улыбавшаяся каждый раз, как он на нее смотрел, да пара детей, что перестали глазеть на витрину зоомагазина и подошли посмотреть на него. Но детей вскоре увели родители. Улов был ничтожный, чего Флетчер и боялся. Если бы Яфф нарочно выбирал место для последней битвы, он не нашел бы лучше. Если эта война окончится в ПаломоГроуве (Флетчера томило предчувствие, что один из них останется здесь навсегда), то победителем из нее выйдет, скорее всего, Яфф.

С наступлением вечера молл опустел. Флетчер ушел оттуда и отправился бродить по пустынным улицам. Прохожих он почти не встречал, только увидел одного местного жителя, выгуливавшего собаку. Причина была понятна: человек, даже совсем бесчувственный, реагирует на присутствие сверхъестественных сил. Обитатели Гроува не могли объяснить причину своего беспокойства, но они знали, что в их город явились некие силы, и поэтому искали убежища в домах. За каждым окном Флетчер видел мерцание экранов и слышал звуки из телевизоров, включенных неестественно громко, словно они должны были заглушить песни сирен. Убаюканные ведущими телешоу и королевами мыльных опер, мелкие умишки горожан погрузились в невинный сон, оставив на улице перед запертыми дверями того, кто мог бы спасти их от гибели.

Х

Сумерки сгущались, наступала ночь. Выглянув изза угла дома, Хови увидел, как какойто человек (позднее он узнал, что это был пастор) постучал в дом Макгуайров. Человек назвался через закрытую дверь, и после небольшой паузы послышался звук отпираемых замков и задвижек. Дверь распахнулась, отворив вход в святая святых. Другой такой возможности, как подозревал Хови, сегодня больше не представится. Если у него оставался шанс проскользнуть мимо стоявшей на страже матери и поговорить с ДжоБет, то именно сейчас.

Хови оглянулся, чтобы проверить, нет ли случайных прохожих, и быстро пересек улицу. Бояться было некого – на улице стояла неестественная тишина. Звуки доносились лишь из

домов: телевизоры работали так громко, что Хови успел различить девять разных каналов. Никем не замеченный, он перелез через забор и осторожно пробрался к заднему крыльцу. В это время в кухне зажегся свет, и Хови отпрянул от окна. Однако это оказалась не миссис Макгуайр, а ДжоБет. Она пришла приготовить ужин для гостя. Хови смотрел на нее как зачарованный. Занятая обыденным делом, в простом черном платье, при свете неоновой лампы она показалась ему самым прекрасным в мире созданием. Когда она подошла к мойке возле окна, чтобы вымыть помидоры, Хови вышел из укрытия. Заметив движение, она подняла голову. Хови приложил палец к губам. На лице ее отразился страх, и она замахала рукой, чтобы он спрятался. Хови едва успел – в кухню вошла мать. Они поговорили – Хови не расслышал, о чем, – и миссис Макгуайр вернулась в гостиную. ДжоБет осторожно отперла заднюю дверь. Внутри она его непустила, сама выглянула в щель и прошептала:

– Ты не должен был приходить.

– Но я пришел. И ты рада этому.

– Нет! Я не рада.

– А должна бы. У меня есть новость. Отличная новость. Выходи.

– Не могу, – шептала она. – И давай потише.

– Нам нужно поговорить. Это вопрос жизни и смерти. Нет... даже больше, чем жизни и смерти.

– Что ты с собой сделал? Посмотри на свою руку.

В мотеле, когда он доставал из ранок кусочки коры, его снова замутило, но он сделал все, чтобы привести руку в порядок.

– Это тоже имеет отношение к делу. Если не можешь выйти,пусти меня.

– Не могу.

– Пожалуйста. Впусти меня.

Слова или вид разбитой руки смягчили ее? Так или иначе, ДжоБет открыла дверь. Хови попытался обнять ее, но она оттолкнула его с таким ужасом, что он отступил.

– Иди наверх, – сказала она теперь уже не шепотом, а одними губами.

– Куда? – так же беззвучно спросил он.

– Вторая дверь слева – Ей пришлось немного повысить голос, чтобы объяснить. – Розовая. Это моя комната. Жди, я закончу с едой и поднимусь.

Ему очень хотелось ее поцеловать, но он не стал мешать. Взглянув на него еще раз, она направилась в гостиную. Хови услышал приветственный возглас гостя и решил, что пора. Он едва не выдал себя, когда не сразу нашел лестницу, – его могли увидеть из гостиной. Наконец он двинулся наверх в надежде, что звук голосов внизу заглушит его шаги. Видимо, так и случилось. Во всяком случае, разговор продолжался. Хови добрался до розовой двери и скрылся в комнате.

Спальня ДжоБет! Он и мечтать не смел очутиться здесь, среди этих вещей и стен в пастельных тонах, смотреть на ее постель, на полотенце аля душа и нижнее белье. Когда она вошла в комнату, он почувствовал себя вором, застигнутым на месте преступления. ДжоБет заметила, как он смутился, и оба они покраснели и отвели глаза.

– У меня бардак, – сказала она тихо.

– Ничего. Ты ведь не ждала меня.

– Не ждала. – Она не подошла к нему, чтобы обнять. Даже не улыбнулась. – Мама с ума сойдет, если узнает, что ты приходил. Оказывается, она была права, когда все время твердила, будто Гроув посещали страшные существа. Знаешь, Хови, один из них приходил за нами прошлой ночью. За мной и за ТоммиРэем.

– Яфф?

– Ты знаешь?!

– Ко мне тоже коекто приходил. Вернее, не совсем приходил: он меня позвал. Его имя Флетчер. Он сказал, что он мой отец.

– И ты поверил.

– Да, – сказал Хови. – Поверил. Глаза ДжоБет наполнились слезами.

– Не плачь. Ты что, не понимаешь, что это значит? Мы не брат и сестра. И в том, что между нами произошло, нет ничего страшного.

– Это все изза нас! – сказала она сквозь слезы. – Все, что случилось. Если бы мы не встретились...

– Но мы встретились.

– Если бы не встретились, они никогда не вышли бы оттуда.

– Разве плохо, что мы узнали правду о них, о самих себе? Мне плевать на их проклятую войну. Я не позволю изза этого разлучить нас.

Он потянулся к ней и взял ее правую ладонь своей неповрежденной левой рукой. ДжоБет не сопротивлялась, и он притянул ее к себе поближе.

– Мы должны уехать из ПаломоГроува, – сказал он. – Вместе. Туда, где они не найдут нас.

– Как же мама? Мы потеряли ТоммиРэя. Она сама так сказала. Хотя бы поэтому я должна с ней остаться.

– А вдруг Яфф придет, чтоб забрать и тебя? – не сдавался Хови. – Если мы сейчас уедем, нашим отцам не за что будет сражаться.

– Они воюют не только изза нас, – напомнила ДжоБет.

– Да, верно, – согласился он, вспомнив слова Флетчера – Изза места, которое называется Субстанция.

Он крепче сжал ее руку.

– Мы с тобой там были, вернее, почти что были. Нужно закончить это путешествие.

– Не понимаю.

– Поймешь. Теперь мы отправимся туда и будем знать, куда идти. Это похоже на сон наяву... – Наконецто свершилось, наконец он не запинаясь и не заикаясь, когда говорил. – По плану Флетчера и Яффа мы с тобой должны ненавидеть друг друга. Они хотят и хотели, чтобы мы продолжили их войну. Но этого не будет.

Она в первый раз улыбнулась.

– Не будет.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Я люблю тебя, ДжоБет.

– Хови...

– Поздно меня останавливать. Я уже сказал это.

Вдруг она поцеловала его, легко коснувшись его губ своими сладкими губами. Прежде чем она успела отстраниться, он впился в ее рот, разомкнув языком печать ее губ. Она прижала его к себе с неожиданной силой, языки их сплелись, зубы касались зубов.

Ее левая рука, обнимавшая его, нашла поврежденную правую руку Хови и нежно притянула к себе. Даже онеми пальцами он почувствовал под одеждой нежную мягкость груди. Он начал расстегивать пуговицы на ее платье, его рука наконец отстранила ткань, и его плоть соприкоснулась с ее плотью. Она улыбнулась, не отрывая губ от его рта, и ее рука скользнула к молнии его джинсов. Эрекция, возникшая при виде спальни ДжоБет, исчезла, когда Хови занервничал. Но от поцелуев, прикосновений и неописуемого вкуса ее губ возникла с новой силой.

– Хочу, чтобы мы разделись, – сказал он. Она отняла свои губы.

– Когда они внизу?

– Они ведь заняты, правда?

– Они могут говорить часами.

– Нам и нужны часы, – прошептал он.

– У тебя есть чтонибуть... для защиты?

– Она нам не нужна. Я хочу просто почувствовать тебя. Всей кожей.

Она, казалось, засомневалась, отступив от него на шаг, но ее действия говорили сами за себя – она расстегивала платье. Он скинул куртку и футболку, потом попытался одной рукой расстегнуть ремень. ДжоБет ему помогла.

– Здесь душно, – сказал он. – Можно, я открою окно?

– Мама их все заперла. Чтобы дьявол не проник внутрь.

– Но ведь он уже проник, – усмехнулся Хови.

Она подняла на него глаза. Ее платье распахнулось, обнажая груди.

– Не говори так, – сказала она, инстинктивно прикрывая руками наготу.

– Ты ведь не считаешь меня дьяволом? Или считаешь?

– Не знаю, может ли чтото, что кажется таким...

– Ну, скажи.

– Таким запретным, помочь моей душе, – сказала она совершенно серьезно.
– Увидишь, – сказал он, подходя к ней. – Увидишь. Я тебе обещаю.

– Думаю, мне надо поговорить с ДжоБет, – сказал пастор Джон.

Он уже не мог относиться с иронией к рассказам миссис Макгуайр о звере, что когда-то ее изнасиловал, а теперь вернулся забрать сына. Теологические разговоры об абстрактном – это одно (многие женщины любили поговорить на такие темы), но когда беседа стала походить на бред сумасшедшего, пастор дипломатично решил удалиться. Миссис Макгуайр явно была на грани умственного расстройства. Здесь пастору нужна была помощь – неизвестно, что еще придет ей в голову. Он не первый и не последний служитель бога, рискующий стать жертвой женщины определенного возраста.

– Я не хочу, чтобы ДжоБет думала об этом больше, чем ей уже пришлось, – последовал ответ. – Тварь, породившая ее.

– Миссис Макгуайр, ее отец был мужчиной.

– Я знаю. Но человек – это плоть и дух.

– Конечно.

– Мужчина создал ее плоть. Но кто сотворил ее дух?

– Господь наш, – ответил пастор, радуясь возможности вернуться на безопасную почву. – И Он же создал ее плоть через мужчину, которого вы избрали. «Будь же совершенна, как совершенен Отец наш Небесный».

– Это был не Господь, – возразила она. – Я знаю. Яфф не бог. Сами увидите и поймете.

– Если он существует, то он тоже человек, миссис Макгуайр. Кажется, мне пора поговорить с ДжоБет о его визите. Если он, конечно, приходил сюда.

– Он приходил! – вскричала она возбужденно. Пастор встал, чтобы оторвать руку безумной от своего рукава.

– Я уверен, что у ДжоБет свой взгляд на это, – сказал он, отступая на шаг. – Почему бы нам не пригласить ее?

– Вы не верите мне. – Джойс почти перешла на крик, она была готова расплакаться.

– Верю. Но... позвольте мне перемолвиться парой слов с вашей дочерью. Она наверху? ДжоБет! Ты там? ДжоБет?

– Что ему нужно? – спросила ДжоБет, прерывая поцелуй.

– Не обращай внимания, – сказал Хови.

– Хочешь, чтобы он поднялся сюда?

Она встала и опустила ноги с кровати, вслушиваясь, не идет ли пастор. Хови прижался лицом к ее спине, обнял, по его руке пробежала струйка ее пота, он нежно коснулся груди девушки. Она тихо и судорожно вздохнула.

– Не надо, – пробормотала она.

– Он не войдет.

– Я слышу его шаги.

– Нет.

– Слышу, – прошипела она. Тут снова снизу раздался голос:

– ДжоБет! Я хочу поговорить с тобой. И мать тоже.

– Мне нужно одеться, – сказала она и принялась поспешно собирать разбросанные вещи.

В голове Хови, пока он наблюдал за ней, промелькнула извращенная мысль, что ему понравилось бы, если бы она в спешке надела его белье, а он – ее. Погрузить член в мягкую ткань, освященную ее вагиной, хранившую ее запах и влагу, слишком тесную для него, – до умопомрачения.

Да и она в его белье выглядела бы еще сексуальнее. Ее шелка в прорези его трусов... В другой раз, пообещал он *себе*. Больше они не будут стесняться. Она же позвала его в свою постель. И хотя они просто лежали, прижавшись друг к другу, это все изменило. Жаль, что ей так быстро пришлось снова одеться, но уже то, что они были вместе, лежали рядом обнаженные, казалось Хови достаточным подарком.

Он резко притянул к себе свои вещи и стал одеваться, глядя на ДжоБет, а та смотрела на него.

Он поймал себя на мысли, что больше не относится к своему телу как к машине. Теперь это

человеческое тело, и оно уязвимо. Болела разбитая рука, болел от эрекции член, и сердце болело тоже. Во всяком случае, какая-то тяжесть в груди создавала ощущение сердечной боли. Оно было слишком хрупким, чтобы называться машиной... и слишком любящим.

Она прервалась на мгновение и посмотрела в окно.

– Ты слышал? – спросила она.

– Нет. Что?

– Кто-то зовет.

– Пастор?

Она покачала головой. Она поняла, что голос, который она услышала (и продолжала слышать), раздается не снаружи и не из гостиной. Он звучит у нее в черепной коробке.

– Яфф, – сказала она.

От всех этих разговоров у пастора Джона пересохло в горле, он вышел на кухню, подошел к раковине, открыл кран с холодной водой, подождал немного, чтобы вода стекла, налил себе стакан и выпил. Было уже почти десять часов. Пора завершать визит, независимо от того, увидит он ДжоБет или нет. Нынешней беседы о темных сторонах человеческой души ему хватит на неделю. Он вылил остатки воды и посмотрел на свое отражение в оконном стекле, убедившись, что выглядит нормально, он отвел взгляд и вдруг заметил, как за окном что-то мелькнуло. Пастор закрыл кран.

– Пастор?

Сзади появилась Джойс Макгуайр.

– Дада, все в порядке, – сказал он, не вполне уверенный, кого он больше успокаивает, ее или себя. Неужели эта полоумная заразила его своими фантазиями? Он снова взглянул в окно.

– Мне показалось, будто я что-то увидел у вас во дворе. Но теперь там ничего...

Вот оно! Вот оно! Бледный силуэт двигался в направлении к дому.

– Нет, – сказал он.

– Что «нет»?

– Не все в порядке. – Он отступил от окна. – Далеко не все в порядке.

– Он вернулся, – сказала Джойс.

Меньше всего на свете пастор хотел говорить «да». Охраняя свой покой, он отступил на шаг, потом еще на два. Он качал головой и пытался отрицать то, что видел. *Это* поняло его неверие. Пастор видел, что *это* смотрит на него. Чтобы развеять его надежду, *это* вдруг вышло из тени и предстало его взору.

– Господь всемогущий! Что это?

Сзади он услышал молитву миссис Макгуайр. То была не каноническая молитва (кто написал бы молитву на такой случай?), но слова, идущие из самой глубины души:

– Господи, спаси нас! Иисусе, спаси нас! Избави нас от сатаны! Избави нас от нечистого!

– Слышишь! Это мама!

– Слышу.

– Что-то случилось.

Она направилась к двери, но Хови ее задержал.

– Она же молится.

– Она никогда так не молится.

– Поцелуй меня.

– Хови!

– Если она молится, значит, она занята, а если она занята, то может подождать. А я не могу. У меня нет молитв, ДжоБет. У меня есть только ты. – Эта тирада поразила его самого. – Поцелуй меня, ДжоБет.

Но едва она потянулась к нему, внизу раздался звон разбитого окна, и гость заорал так, что ДжоБет оттолкнула Хови и опрометью кинулась вниз.

– Мама! – кричала она. – Мама!

Иногда человек ошибается. Для того, кто рожден в неведении, ошибки неизбежны. Но погибать из-за неведения, да еще и от столь бесчеловечной руки несправедливо. С такими мыслями пастор Джон, зажимая рукой окровавленное лицо, в которое полетели стекла, полз

через кухню к выходу, прочь от разбитого окна и от того, кто его разбил, полз так быстро, насколько позволяли дрожавшие коленки. За что ему этот кошмар? Конечно, он не безгрешен, но его грехи не так уж велики, и он всегда отдавал долги Господу. Утешал вдов и сирот в их горестях, как велит Писание, старался уберечься от соблазнов. Но демоны все равно пришли за ним. Он зажмурил глаза, но звуки слышал отлично. Мириады лап шуршали, когда твари карабкались на мойку и на стопки посуды рядом с ней. Они тяжело, с мокрым шлепком, плюхались на пол и ползли через кухню, ведомые той самой бледной фигурой, что пастор заметил во дворе («Яфф! Это Яфф!»). Фигура была облеплена тварями с ног до головы, как пчеловод пчелиным роем.

Миссис Макгуайр перестала молиться. Может быть, она уже умерла, став их первой жертвой. И может быть, ее им хватит, и они пощадят его. Об этом стоило помолиться.

«Господи, ослепи их, оглуши их. Сделай так, чтобы они меня не заметили. Пусть меня видит лишь Твое всепрощающее око...»

Его молитву прервал отчаянный стук в дверь и голос блудного сына ТоммиРэя:

– Мама! Слышишь? Мама,пусти меня! Я их остановлю, клянусь, я их остановлю! Впусти!

В ответ пастор Джон услышал сдавленные рыдания миссис Макгуайр. Она вдруг закричала – значит, она была жива. И она пришла в ярость.

– Как ты посмел! – возопила она. – Как ты посмел! Он кричала так, что пастор открыл глаза.

Орда демонов остановилась. Антенныусики колебались, лапы слегка подергивались. Они ждали дальнейших приказов. Они не были похожи ни на что, что он видел в жизни, и все же он их узнал. Но не осмелился спросить у себя почему.

– Открой, мама, – повторил ТоммиРэй. – Мне нужно увидеть ДжоБет.

– Убирайся отсюда!

– Я пришел за ней, и ты меня не остановишь! – рассердился ТоммиРэй.

И тут же раздался треск двери – он ударил в нее ногой. Замки и задвижки слетели. На мгновение воцарилась тишина. Потом дверь тихо открылась. Глаза ТоммиРэя лихорадочно блестели; такой блеск пастор Джон видел иногда в глазах умирающих. Оказывается, это дьявольский блеск, теперь нет сомнений. ТоммиРэй взглянул сначала на мать, державшуюся за кухонную дверь, потом на гостя.

– Ты не одна, мама? Пастор вздрогнул.

– Вы сумеете на нее повлиять, – обратился к нему ТоммиРэй. – Вас она послушает. Скажите ей, чтобы она отдала мне ДжоБет. Так будет лучше для всех нас.

Пастор обернулся к Джойс Макгуайр.

– Сделайте, как он сказал, – четко произнес пастор. – Сделайте, иначе мы умрем.

– Слышишь, мама, что говорит тебе святой отец? Он понимает, когда проиграл. Позови ее, мама, не то я рассержусь. А если рассержусь я, рассердятся и папины зверушки. Позови ее!

– Не нужно меня звать.

ТоммиРэй ухмыльнулся, услышав голос сестры. Сочетание самодовольной ухмылки и пылавших глаз могло бы напугать кого угодно.

– Вот и ты.

Она встала в дверном проеме рядом с матерью.

– Ты готова идти? – спросил он вежливо, как парень, впервые приглашающий девушку на свидание.

– Пообещай оставить маму в покое.

– Конечно, – ответил ТоммиРэй тоном человека, несправедливо обвиненного. – Я не хочу причинить ей вреда. Ты же знаешь.

– Если ты оставишь ее в покое, я пойду с тобой.

На середине лестницы Хови услышал, как ДжоБет совершает сделку, и его губы прошептали «нет». Он не видел тварей, приведенных ТоммиРэем, но он их слышал – звуки из ночных кошмаров, влажные и свистящие. Он не стал давать волю фантазии и воображать, как они выглядят, скоро он увидит их своими глазами. Шагая вниз, он думал, как не дать ТоммиРэю увести ДжоБет. Звуки, доносившиеся из кухни, мешали сосредоточиться. Тем не менее, на последней ступеньке у него созрел план. План был довольно простой: устроить переполох, чтобы у ДжоБет с матерью появилось время сбежать. Может, еще удастся двинуть разок ТоммиРэю. Это была бы достойная точка, вроде вишенки на торте.

С такими намерениями он вдохнул поглубже и шагнул за порог кухни.

Там уже не было ни ДжоБет, ни ТоммиРэя, ни его неведомых тварей. Дверь в темный двор была распахнута, и возле нее на пороге лицом вниз лежала миссис Макгуайр. Она протянула руки вперед, словно пыталась удержать своих детей. Хови подошел к ней, шагая по осколкам стекла и кафеля, которые будто липли к его босым ногам.

– Она мертва? – раздался еле слышный голос.

Хови оглянулся. Из промежутка между стеной и холодильником выглядывал мертвеннобледный пастор Джон. Пастор втиснулся в узкую щель, не помешала и толстая задница.

– Нет, – сказал Хови, осторожно поворачивая тело миссис Макгуайр. – Но это не ваша заслуга.

– Что я мог сделать?

– Это вы мне скажите. Я думал, у вас имеются какие-то штуки для подобных случаев.

Он направился к двери.

– Не ходи туда, – сказал пастор. – Остайся.

– Они увели ДжоБет.

– Насколько я понял, она наполовину такая же, как они. Они с ТоммиРэем – дети дьявола.

«Ты ведь не считаешь меня дьяволом?» – спрашивал Хови всего полчаса назад. А теперь саму ДжоБет предали проклятию, причем устами ее собственного духовного наставника. Значит, они оба одержимы? Или это не вопрос греха и невинности, тьмы и света? Может быть, для влюбленных есть безопасный островок между полюсами?

Эти мысли промелькнули у него в голове в мгновение ока, но успели придать ему сил. Он поспешил на улицу, что бы ни ожидало его в ночи.

– Убей их всех! – услышал он сзади хриплый крик служителя Божьего. – Среди них нет чистых душ! Убей их!

Хови так рассердился, что не смог найти достойного ответа. Вместо этого он крикнул:

– Да пошел ты! – и отправился на поиски ДжоБет.

Свет из кухни позволял хорошенько рассмотреть двор. Хови увидел темные силуэты деревьев по периметру двора и неухоженную лужайку в центре, где он, собственно, и стоял. Внутри и снаружи не осталось никаких следов ни брата, ни сестры, ни той силы, что прибрала обоих. Хови не мог подкрасться к врагам неожиданно – он вышел в темноту из ярко освещенной кухни, громко ругая пастора, – и потому стал во весь голос звать ДжоБет в надежде, что она откликнется. Но ответа не услышал. Отозвался только хор соседских собак, разбуженных его криками Лайте, лайте, подумал он. Поднимите своих хозяев. Не время смотреть телевизор. Здесь, в ночи, разыгрывается представление похлеще. Тайнственные силы бродят по разверзшейся земле, исторгнувшей чудеса. На подмостках ПаломоГроува сегодня дают «Явление тайны».

Тот же ветерок, что донес звуки собачьего лая, качнул крону деревьев. Шелест отвлек его на миг от шума приближавшейся армии – он услышал это, когда отошел от дома: неясное бормотание и постукивание. Хови развернулся. Стену и проем двери, в которую он только что вышел, облепила масса шевелившихся живых существ. Двухъярусная крыша тоже кишела ими. Те, что побольше, сновали по шиферу с шарканьем и тихим ворчанием. Они были слишком высоко, и свет из дверного проема до них не доставал, потому Ховард различал лишь их силуэты на фоне неба, освещенного звездами. Ни ДжоБет, ни ТоммиРэя он среди них не увидел. Не было ни одной линии, напоминавшей очертания человеческого тела.

Хови уже собирался отвернуться от этого зрелища, когда услышал за спиной голос ТоммиРэя:

– Готов поспорить, такого ты никогда не видел, Катц?

– Ты и сам знаешь, что не видел. – Ответ был вежливый, поскольку ему в поясицу уткнулось острие ножа.

– Повернись, но очень медленно, – сказал ТоммиРэй. – Яфф хочет перекинуться с тобой словечком.

– И не одним, – добавил другой голос.

Голос был тихий, не намного громче шелеста ветра в кронах деревьев, но каждый слог прозвучал четко и мелодично.

– Мой сын считает, что тебя нужно убить, Катц. Он говорит, будто чувствует, что от тебя исходит запах его сестры. Бог свидетель, я не уверен, что братья настолько знают запах сестер,

но, наверное, я старомоден. Сейчас, в конце тысячелетия, инцестом никого не удивишь. Не сомневаюсь, что и ты о нем слышал.

Хови повернулся и увидел Яффа, стоявшего в нескольких ярдах за спиной ТоммиРэя. После всего, что Флетчер о нем рассказывал, Хови ожидал встретить могучего воина. Но внешне Яфф отнюдь не отличался массивностью. Он больше походил на обедневшего аристократа: неухоженная борода, обрамляющая сильные и решительные черты лица, вид и поза человека, испытывающего огромную усталость. На груди, вцепившись в хозяина, сидела одна из терат – гибкая безволосая тварь. Она была куда более устрашающей, чем сам Яфф.

– Ты собирался что-то сказать, Катц?

– Нет, не собирался.

– Ты хотел сказать о том, насколько порочна и неестественна страсть ТоммиРэя к сестре. Или, потвоему, мы все неестественны? Ты, Я. Они. Думаю, в Салеме нас отправили бы на костер. Как бы там ни было... Ему очень хочется тебя искалечить. Идея кастрации мне лично понравилась.

При этих словах ТоммиРэй опустил нож, который он держал уже у живота Хови, на несколько дюймов ниже.

– Скажи ему, сынок, что ты собираешься отрезать. ТоммиРэй усмехнулся.

– Просто разреши мне это *сделать*, – сказал он.

– Видишь? – сказал Яфф. – Приходится употреблять свой родительский авторитет, чтобы его сдерживать. Так вот, Катц, вот что я собираюсь сделать. Я дам тебе фору. Я сейчас отпущу тебя, чтобы посмотреть, сумеет ли отпрыск Флетчера тягаться с моим. Ты ведь не видел, каким был твой папаша до нунция? Тот еще бегун.

Улыбка ТоммиРэя превратилась в смех, острие ножа повернулось, упираясь в ширинку Хови.

– А это, чтобы тебя развеселить...

При этих словах ТоммиРэй схватил Хови за шиворот и развернул, футболка Хови вылезла из джинсов, и ТоммиРэй распорол ее от поясицы до шеи, обнажив спину. Возникла секундная пауза, и ночной ветерок повеял на потную кожу Хови. Потом что-то коснулось его. Пальцы ТоммиРэя, липкие и влажные, поползли по спине Хови в обе стороны от позвоночника. Юноша дернулся, согнулся, пытаясь избавиться от этих пальцев. Но прикосновений стало больше – слишком много для человеческих рук, по дюжине с каждой стороны. Пальцы были такие сильные, что под ними лопалась кожа.

Хови оглянулся через плечо и увидел: в кожу его впилась белая щетинистая суставчатая лапа. Он вскрикнул и дернулся от отвращения, пересилившего страх перед ножом ТоммиРэя. Яфф наблюдал за ним, и его руки были пусты – на спину к Хови перебралась тварь, которую он только что ласкал. Хови чувствовал, как ее холодное брюхо прижалось к позвоночнику, а пасть присосалась к его затылку.

– Сними это с меня! – сказал он Яффу. – Сними! ТоммиРэй захлопал в ладоши, глядя, как Хови крутится, словно пес, что пытается поймать блоху.

– Давайдавай! – подзадоривал он.

– На твоём месте я не стал бы этого делать, – сказал Яфф. Не успел Хови спросить, почему, как получил ответ. Тварь укусила его в шею. Хови закричал и упал на колени. На его вопль ответил гул постукиваний и бормотаний, раздавшийся со стены и, крыши. Преодолевая мучительную боль, Хови снова повернулся к Яффу, чья личина сползла, и вместо аристократа перед Хови предстала громадная мерцающая фигура с головой человеческого эмбриона Хови смотрел на него одно мгновение – он слышал плач ДжоБет, оглянулся в сторону деревьев и увидел ее в объятиях ТоммиРэя. Эту картину (залитые слезами щеки, раскрытый в рыдании рот) он тоже видел лишь несколько секунд. Боль в шее заставила его закрыть глаза, а когда он открыл их вновь, ни сестры, ни брата, ни их бесплотного отца уже не было.

Хови поднялся на ноги. Армия Яффа всколыхнулась. Нижние твари посыпались со стены на землю, за ними последовали те, что сверху. Они спускались по головам друг друга в очередности, соответствовавшей рангу каждого солдата их батальона, и вскоре копошились на лужайке в три или четыре слоя. Часть их выбралась из общей свалки и поползла в сторону Хови. Направлялись к нему и более крупные – те, что сновали по крыше. Хови смотрел на них зачарованно, но потом опомнился и, как был, унося на спине мерзкое существо, со всех ног бросился бежать со двора, на улицу.

Флетчер чувствовал боль и отвращение сына, но заставлял себя не обращать внимания. Хови отверг его ради дочери Яффа, для этого хватило миловидной внешности ДжоБет. Если теперь сын страдал – что ж, он сделал выбор, он заслужил мучения и должен справиться сам. Если уцелеет, урок пойдет ему на пользу. Если же нет, то его жизнь, смысл которой он отверг, повернувшись спиной к своему создателю, закончится так же страшно, как и жизнь самого Флетчера. В этом есть справедливость.

Флетчеру было нелегко принять такое решение. Он ощущал боль сына, но гнал от себя его образ. Однако, несмотря на все старания, Флетчеру это не удавалось. Всякий раз чувства Хови прорывались сквозь заслон, и отец снова и снова переживал их вместе с сыном. Эта ночь стала ночью отчаяния для них обоих и, возможно, попыталась их воссоединить. Флетчер и его сын не утратили связи друг с другом.

Он позвал сына:

– Ховардховардховардхо... – Так он звал Хови в первый раз, когда выбрался из скалы. – Ховардховардховард...

Зов был ритмичный, как свет проблескового маяка на скалах, он повторялся снова и снова. Флетчер верил, что сын не слишком ослабел и услышит его; но сам он думал только о предстоящем эндшпиле. Все шансы были на стороне Яффа, и оставалось одно: разыграть свой единственный гамбит и прибегнуть к последнему средству. Этого соблазнительного средства он боялся, ибо знал, как сильна в нем жажда трансформации. Прошедшие годы стали пыткой для него: связанный нормами выбранной морали, он вынужденно пребывал на одном и том же уровне существования в надежде победить зло, которое сам помог создать. Но он постоянно думал о побеге. Флетчер хотел освободиться от этого мира со всей его глупостью, отделиться от тела и превратиться в музыку – вслед за Шиллером он считал ее искусством искусств. Неужели перед лицом почти неизбежного поражения пришла пора положиться на интуицию и в последние мгновения жизни вырвать победу из рук; врага? Если так, нужно все как следует подготовить – и собственное освобождение, и место действия. Спектакля «на бис» для жителей ПаломоГроува не будет. Если он, отвергнутый шаман, умрет незаметно, то вместе с ним погибнут и несколько сотен новых душ.

Он всегда старался не думать о возможных последствиях победы Яффа – он знал, что не вынесет такой ответственности. Но теперь, перед лицом последнего испытания, он заставил себя взглянуть в лицо правде. Если Яфф овладеет Искусством и получит свободный доступ к Субстанции, к чему это приведет?

Вопервых, существо не очистившееся, не совершившее подвиг самопожертвования, получит власть над тем, что доступно лишь совершенным. Флетчер сам не до конца понимал, что такое Субстанция (возможно, она выше человеческого понимания), но он был уверен: Яфф, который и нунцием воспользовался только для того, чтобы обойти правила, нанесет ей невосполнимый ущерб. Море мечты и остров (или острова – Яфф както упомянул об архипелаге) дано посетить человеку три раза в жизни – при рождении, перед смертью и когда он полюбил. На берегах Эфемериды люди соприкасаются с абсолютным и узнают то, что помогает им не сойти с ума в хаосе жизни. Коротко говоря, там человек может узнать, как и для чего он живет, может заглянуть в бесконечность и увидеть явление – явление тайны, поэзия и ритуал которого созданы в незапамятные времена. Если Яфф превратится в хозяина Эфемериды, катастрофа неизбежна. Тайны станут явными, святое будет осквернено, а те, кто отправится туда в поисках средства от безумия, не найдут излечения.

Была у Флетчера еще одна причина для страха, хотя он затруднялся ее сформулировать. Он вспоминал историю, что рассказал ему Яфф, когда тот впервые появился в Вашингтоне и предложил деньги для исследований и получения нунция. История про человека по имени Киссун – шамана, знавшего об Искусстве и его силе. Яфф встретил Киссуна в одном месте, которое называл Петлей времени. В тот раз Флетчер не очень ему поверил, но с тех пор случилось столько невероятного, что теперь Киссун и Петля казались обыденными вещами. Какую роль в нынешнем противостоянии играл шаман, Флетчер не знал, но инстинктивно подозревал, что тот поможет завершить войну. Киссун был последним из членов Синклита – ордена высших человеческих существ, охранявших Искусство с тех времен, когда человек впервые научился мечтать. Зачем же Киссун впустил Яффа, от которого за милю разило властолюбием и гордыней, в свою Петлю? От кого он там прятался? И что произошло с

остальными членами Синклита?

Времени искать ответы на вопросы не было, однако Флетчер хотел, чтобы вместе с ним об этом думал еще кто-нибудь. Он решил в последний раз попытаться установить контакт с сыном. Флетчер боялся, что если его мысли не проникнут в сознание Ховарда, то после трансформации Флетчера они превратятся в ничто.

Страх перед подобным исходом вернул его к мыслям о предстоявшем деле, о выборе места и времени. Решающая битва должна стать роскошным действием. Последний и самый зрелищный акт драмы оторвет жителей ПаломоГроува от экранов телевизоров, и они, вытаращив глаза, выйдут на улицу. Взвесив все «за» и «против», Флетчер выбрал место. Не переставая мысленно звать Хови, он отправился обозревать арену будущего сражения.

Хови бежал, преследуемый тварями Яффа. Он слышал призыв Флетчера, но страх мешал ему сосредоточиться и понять, откуда доносится зов. Он мчался, не разбирая дороги, и тераты наступали ему на пятки. Только когда между ними наконец образовался приличный разрыв и Хови смог перевести дух, юноша ясно услышал зов отца и пошел навстречу. Он сам не думал, что способен двигаться с такой скоростью. Легкие работали на пределе, но ему хватило дыхания, чтобы отозваться.

– Я слышу тебя, – сказал он, не останавливаясь. – Я слышу тебя, отец. Я слышу тебя.

XI

Тесла сказала правду. Она была плохая сиделка, зато отлично умела уговаривать. Проснувшись, Грилло обнаружил, что она уже вернулась. Тесла объявила, что болеть в чужой постели – это акт мученичества и вполне в духе Грилло, но если он не прочь отказаться от стереотипов, то она сегодня же отвезет его в ЛосАнджелес, где он тут же выздоровеет, вдыхая знакомый аромат нестираного белья.

– Не поеду, – запротестовал он.

– А какой прок торчать здесь? Чтобы заставить Абернети раскошелиться?

– Здесь все только начинается.

– Не будь жалким, Грилло.

– Я больной. Мне можно быть жалким. К тому же писать статью лучше на месте событий.

– Лучше ты напишешь ее дома, чем здесь, валяясь на потной простыне и жалея себя.

– Может быть, ты и права.

– О! Наш великий ум готов пойти на уступки?

– Вернусь через день. Собери мои вещи.

– Ведешь себя, словно тебе тринадцать лет. – Голос Теслы смягчился. – Никогда тебя таким не видала, В гриппе есть что-то сексуальное. Мне нравится твоя слабость.

– Кто бы говорил...

– Ладно, ладно. Было время, когда я была готова отдать за тебя свою правую руку.

– А теперь?

– Теперь большее, на что я способна, – это доставить тебя домой.

В ПаломоГроуве можно без декораций снимать фильм о последствиях холокоста, подумала Тесла, когда искала выезд на шоссе. Спросить было не у кого, так как улицы оказались пусты. Хотя Грилло и рассказал о том, что будто бы происходит в городе, она не заметила ничего необычного.

Тесла решила это обдумать. Ярдах в сорока от машины изза угла выбежал молодой человек. Он пересек дорогу, ноги его подкосились, и он упал на противоположной стороне тротуара. Юноша лежал и, по всей видимости, не мог подняться. Было слишком темно и слишком далеко, чтобы его разглядеть, но даже и на расстоянии было видно – с ним что-то не так. Вернее, что-то не так было с его спиной: то ли горб, то ли странная опухоль. Тесла подъехала поближе. Грилло, которому она велела спать на заднем сиденье до самого ЛосАнджелеса, открыл глаза.

– Что, уже приехали?

– Там парень, – она кивнула в сторону горбуна. – Посмотри. Кажется, ему еще хуже, чем тебе.

Краем глаза она заметила, как Грилло привстал и подался вправо, всматриваясь вперед в лобовое стекло.

– У него что-то на спине, – пробормотал он.

– Не могу разглядеть.

Она подъехала совсем близко к юноше, который пытался подняться и снова падал. Грилло оказался прав. На спине. У него что-то было.

Это рюкзак, – сказала она.

– Нет, Тесла. – Грилло уже потянулся к ручке дверцы. – Оно живое. Не знаю, что это, но оно живое.

– Не ходи, – сказала Тесла.

– Издеваешься?

Он открыл дверцу. Этого усилия оказалось достаточно, чтобы у него закружилась голова, но он все же заметил, как Тесла роется в бардачке.

– Что-то потеряла?

– Когда убили Ивонну, – бормотала она, продолжая свои раскопки, – я дала себе слово никогда не выходить из дома без оружия.

– Ты о чем?

Она извлекла пистолет.

– Вот я и не выхожу.

– И ты умеешь им пользоваться?

– Хотелось бы не уметь, – ответила Тесла и вышла из машины.

Грилло открыл дверцу, но тут машина медленно покатила назад по улице, что еле заметно шла под уклон. Грилло перегнулся через спинку переднего сиденья и рванул ручной тормоз – голова снова закружилась. Когда он наконец выбрался из машины, он чувствовал себя так, будто хорошенько нагрузился.

Пока Грилло, цепляясь за дверцу, собирался с силами, Тесла успела отойти на несколько ярдов от машины и приблизиться к парню. Он все еще пытался встать на ноги. Тесла сказала, чтобы он подождал, она ему поможет, но в ответ получила лишь полный ужаса взгляд. И причина для ужаса была. Грилло не ошибся: то, что Тесла приняла за рюкзак, действительно оказалось живым. Неизвестное животное, влажно блестящее. Оно пожирало свою жертву.

– Что за хрень? – сказала она.

На этот раз юноша отозвался и со стоном произнес:

– Уходите... они... гонятся за мной...

Она оглянулась на Грилло. Тот вцепился в дверцу машины, и дрожь била его так, что стучали зубы. Помощи от него ждать не приходилось, а парню явно становилось хуже.

С каждым движением лап гигантского паразита – у твари было много лап, сочленений и глаз – лицо жертвы передергивалось от боли.

– Скорее... – промычал он. – Пожалуйста... ради бога... они идут...

Он кивнул головой себе за спину. Она проследила за страдальческим взглядом юноши в сторону угла, откуда он и прибежал. Там Тесла увидела его преследователей. В первый миг она пожалела, что не последовала совету, но, еще раз заглянув в его глаза, выбросила это из головы. Теперь его проблемы стали ее проблемами. Она не могла бросить человека на съедение. Сознание отказывалось верить в то, что видели глаза. Но отрицать существование ужасных существ, которые к ним приближались, тоже не было смысла. Каким бы бредом это ни казалось, к ним подбиралась орда белесых шелестящих тварей.

– Грилло! – крикнула она. – В машину! Белесое войско, услышав ее, прибавило скорость.

– В машину, Грилло, черт тебя побери!

Он неуклюже повернулся на заплетающихся ногах и полез обратно в машину. Твари помельче бросились в его сторону, а те, что покрупнее, продолжали двигаться к юноше. Их вполне хватило бы, чтобы расчленили их всех вместе с машиной. Несмотря на многообразие (не было двух одинаковых особей), все они двигались одинаково слепо и целенаправленно, в едином безжалостном порыве. Они жаждали убивать.

Тесла наклонилась и взяла юношу за руку, стараясь не коснуться извивающихся лап паразита. Тот присосался слишком крепко, чтобы отдрать его.

– Поднимайся, – сказала она. – У нас получится.

– Бегите, – пробормотал он. Сил у него уже почти не осталось.

– Нет. Мы бежим вместе. Отставить героизм.

Она оглянулась на машину. Грилло едва успел захлопнуть дверь, как ее облепили твари,

карабкаясь на капот и крышу. Одна, размером с бабуина, принялась монотонно наскокивать на ветровое стекло. Другие рвали ручку дверцы и пытались просунуть конечности между рамами и стеклом.

– Им нужен я, – сказал юноша.

– Если мы побежим, они погонятся? – спросила Тесла.

Он кивнул. Тогда она рывком подняла его на ноги, закинула его правую, довольно сильно поврежденную (насколько Тесла успела заметить) руку себе на плечо и, обернувшись, выстрелила в гущу тварей. Пуля поразила одну из крупных особей, что ничуть не задержало других. Тесла повернулась к ним спиной и поволокла парня прочь.

Он указал направление.

– Вниз по Холму.

– Зачем?

– К моллу.

– Зачем? – снова спросила она.

– Там... мой отец.

Она не стала спорить. Тесла понадеялась, что этот отец, кем бы он ни был, сумеет какнибудь помочь, поскольку у них самих осталось мало шансов уйти от преследователей или отбиться, если те догонят.

Завернув за угол, как почти беззвучно велел парень, она услышала звук разбитого ветрового стекла.

Невдалеке от места событий стояли Яфф и ТоммиРэй. Они с двух сторон держали за руки ДжоБет и смотрели, как Грилло борется с ключом зажигания. Наконец машина тронулась, сбросив с капота разбившую стекло терату.

– Ублюдок, – сказал ТоммиРэй.

– Неважно, – сказал Яфф. – Подожди завтрашней вечеринки. Это мелочи.

Раненое существо жалобно попискивало.

– Что будем с ней делать? – спросил ТоммиРэй.

– Оставим здесь.

– Люди заметят.

– К утру от нее ничего не останется. Мусорщики и не поймут, что это было.

– Кому придет в голову есть такое? – спросил ТоммиРэй.

– О, всегда найдется кто-то очень голодный. Правда, ДжоБет?

Девушка промолчала. Она уже перестала плакать и лишь смотрела на своего брата с безразличным страхом.

– Куда направился Катц? – спросил Яфф.

– К моллу, – ответил ТоммиРэй.

– Его зовет Флетчер.

– Да?

– Надеюсь, что так. Сын выведет нас к отцу.

– Если тераты не догонят его раньше.

– Не догонят. У них есть инструкции.

– А та женщина с ним?

– О, она прекрасна! Ну прямо добрая самаритянка. Она, конечно, умрет, но зато с каким гребаным большим и добрым сердцем.

ДжоБет не выдержала последнего замечания.

– Неужели тебя ничто не трогает? Яфф внимательно посмотрел на нее.

– Слишком многое, – сказал он. – Меня трогает слишком многое. Например, выражение твоего лица. И его лица.

Он посмотрел на ТоммиРэя, а тот ухмыльнулся в ответ.

– Все, чего я хочу, это видеть ясно. Я не позволяю чувствам заслонить цель.

– И что это за цель? Убить Хови? Разрушить город?

– ТоммиРэй научился меня понимать. И ты тоже научись, если дашь мне время объяснить. Это долгая история. Но поверь мне: Флетчер наш враг, и его сын тоже наш враг. Они убили бы меня, если б смогли.

– Только не Хови.

– О, и он тоже. Он сын своего отца, даже если сам этого не знает. Скоро мы разыграем большой приз, ДжоБет. Он называется Искусство. И когда я его получу, я поделюсь...

– Мне ничего от тебя не нужно.

– Я покажу тебе остров...

– Нет!

– ... и берег...

Он протянул руку и потрепал ее по щеке. Против ожидания, его слова успокоили ее. Теперь она видела перед собой не голову эмбриона, а лицо человека, которому досталось в жизни, но он справился с трудностями и стал мудрее.

– Мы еще поговорим об этом, – сказал он. – У нас будет много времени. На этом острове день никогда не кончается.

– Почему они нас не догоняют? – спросила Тесла у Хови.

Преследователи давно наступали им на пятки, но дважды отставали в тот самый момент, когда, казалось, должны были вотвот схватить своих жертв. Тесле казалось, что погоня кемто отрежиссирована. Если так, думала она с тревогой, то кто этот режиссер? И какова его цель?

Юноше – пару улиц назад он пробормотал, что его зовут Хови, – с каждым ярдом становился все хуже. Куда делся Грилло? Он так необходим сейчас. Заблудился в лабиринте улиц и тупичков проклятого городишки или стал жертвой существ, напавших на автомобиль?

С Грилло не случилось ни того ни другого. В надежде, что у Теслы хватит смекалки продержаться до тех пор, пока он не придет на помощь, Грилло отчаянно погнался сначала к телефону-автомату, потом по адресу, что он нашел в справочнике. Все его тело словно налилось свинцом, зубы стучали от лихорадки, но голова, кажется, работала ясно. Когда он потерял работу, он на несколько месяцев сорвался в запой, и теперь по опыту знал, что подобная ясность сознания может оказаться самообманом. Сколько раз в алкогольном кураже он строчил «гениальные» статьи – на трезвую голову они читались не легче, чем «Поминки по Финнегану»* Вполне возможно, сейчас был как раз тот случай, и надо было, не теряя драгоценного времени, стучаться в первую попавшуюся дверь и просить помощи. Однако интуиция подсказывала ему, что появление на пороге небритого субъекта, бормочущего о монстрах, вызовет резко отрицательную реакцию у любого жителя этого города, кроме Хочкиса. Хочкис был дома.

– Грилло? Господи, что с вами?

Состояние самого Хочкиса, однако, было не намного лучше. Он держал початую бутылку пива, и во взгляде его читалось, что где-то рядом стоят как минимум несколько ее предшественниц.

– Не спрашивайте. Идемте со мной. Объясню по дороге.

– Куда?

– У вас есть оружие?

– Да, пистолет.

– Возьмите с собой.

– Погодите, мне нужно...

– Некогда, – перебил Грилло. – Я не знаю, куда они побежали, и нам...

– Пойдите.

– Что?

– Сигнализация. Я слышу сигнализацию.

Сигнализация сработала, когда Флетчер начал разбивать стекла витрин супермаркета. Потом он сделал то же в аптеке Марвина и в зоомагазине, где к звону сигнализации добавился вой разбуженных животных. Это было то, что нужно. Чем раньше Гроув стряхнет с себя свой летаргический сон, тем лучше, и Флетчер знал наверняка – легче всего этого добиться, если нанести удар в сердце торговли. В домах вокруг стали зажигаться огни. Действия, призванные добиться внимания горожане, требовали осторожности и расчета – чтобы, если ничего не удастся, не ухудшить ситуацию. В жизни Флетчера горя и так хватало, а друзей, готовых прийти на помощь, слишком мало. Самым близким был, наверное, Рауль. Где-то он теперь? Скорее всего, погиб и его дух скитается в развалинах миссии СантаКатрина.

Флетчер вдруг застыл, потрясенный внезапной мыслью. А как же нунций? Неужели остатки Великого деяния, как называл его Яфф, все еще находятся там, на вершине скалы? Если туда забредет какая-нибудь невинная душа, история может повториться. Тогда предстоящее самопожертвование Флетчера окажется бессмысленным. Вот еще одно задание, которое он должен дать Ховарду, прежде чем они расстанутся... навсегда.

Сигнализация в Гроуве срабатывала редко, а такого, чтобы вой ее раздался одновременно в нескольких местах, не случалось никогда. Какофония звуков заполнила городок, от лесной окраины Дирделла до особняка вдовы Вэнса на вершине Холма. Взрослые еще бодрствовали, но многие – не только те, кого посещал Яфф, – сегодня пребывали в смятении. Разговоры сменил шепот; люди застывали в дверях или посреди комнаты, вдруг забыв, зачем они встали из своих уютных кресел. В ту ночь мало кто в Гроуве с ходу ответил бы на вопрос, как его зовут.

Тем не менее, вой привлек их внимание, подтвердив то, что они инстинктивно почувствовали еще днем: что-то не так, неправильно, ненормально. И спастись можно лишь дома, закрывшись на замок.

Однако не все были столь пассивны. Кто-то раздвигал шторы и выглядывал из окна, проверяя, не вышли ли на улицу соседи; кто-то даже осмелился подойти к двери (но мужья или жены тут же звали их назад – ведь за дверью нет ничего, что было бы интереснее телевизора). И едва первый человек вышел на улицу, как за ним последовали другие.

– Умно, – сказал Яфф.

– Что он делает? – не понял ТоммиРэй. – Что это за шум?

– Он хочет, чтобы люди увидели терат. Может, он надеется, что они встанут против нас. Он уже делал так прежде.

– Когда?

– Когда мы с ним носились по Америке. Но тогда никто не встал, не поднимутся и сейчас. У людей нет веры, нет мечтаний. А ему нужно и то и другое. Он в отчаянии. Он проиграл и знает это. – Яфф повернулся к ДжоБет. – Можешь радоваться: я отвел своих собачек от Катца. Теперь мы знаем, где Флетчер и куда придет его сын.

– Они нас больше не преследуют, – сказала Тесла. Стая действительно отстала.

– Что это значит?

Ее подопечный не ответил. У него не было сил даже поднять голову. Но он все же кивком показал в направлении супермаркета – на один из магазинов молла с разбитыми витринами.

– Нам в маркет? – спросила Тесла. В ответ он что-то пробормотал.

– Как скажешь.

Внутри здания Флетчер поднял голову. Он увидел сына, однако тот был не один. Какая-то женщина почти несла его на себе, ступая по разбитому стеклу. Флетчер прервал свои приготовления и подошел к окну.

– Ховард? – позвал он.

Тесла взглянула вверх, а Хови не стал тратить драгоценную энергию, чтобы поднять голову. Человек, появившийся в разбитой витрине, вовсе не походил на вандала. Не похож он был и на отца Хови, хотя Тесла никогда не умела разбираться в фамильном сходстве. Человек был высокий, с болезненным цветом лица. Судя по неуверенной походке, он чувствовал себя немногим лучше сына. Одежда его была мокрой. По запаху Тесла поняла, что человек облит бензином. Когда он пошел к ним навстречу, на полу за ним оставался мокрый след. Тесла испугалась – вдруг преследователи и гнали их напрямиком в руки этого сумасшедшего?

– Не подходи!

– Мне нужно поговорить с Ховардом, пока не пришел Яфф.

– Кто?

– Ты навела его на нас. Его самого и его войско.

– С этим уже ничего не поделать. Хови очень плохо. Эта штука у него на спине...

– Дай посмотреть.

– Только никакого опрыского огня, – предупредила Тесла, – иначе я сваливаю.

– Понимаю. – Человек протянул к ней ладони, как фокусник, который показывает, что в руках ничего нет.

Тесла кивнула и разрешила подойти к Хови.

– Положи его на пол, – скомандовал человек.

Она подчинилась, вздохнув с облегчением. Отец нагнулся над Хови и обеими руками схватил тварь, присосавшуюся к спине. Та бешено забилась, крепче впиваясь в тело жертвы. Хови начал задыхаться.

– Она убьет его! – крикнула Тесла.

– Держи ее голову.

– Что?

– Ты слышала. Голову. Просто держи.

Тесла смотрела на незнакомца, на тварь, на Хови. На три удара сердца. На четвертый она взялась за голову зверя. Жвала все еще впивалась в шею юноши, но уже слабее, и вдруг существо извернулось и укусило Теслу за руку. В этот момент бензиновый человек рывком дернул тварь. Та отделилась от тела Хови.

– Отпускай! – крикнул Флетчер.

Повторять не потребовалось, Тесла тут же убрала руки. Отец Хови швырнул терату в пирамиду консервных банок, и жестянки обрушились на нее, похоронив под собой.

Тесла осмотрела ладонь. В центре остался красный след от укуса. Но не только она заинтересовалась ладонью.

– Тебе предстоит путешествие.

– Вы что, читаете по руке?

– Я хотел послать мальчика, но теперь понимаю... идти придется тебе...

– Эй, ребята, я уже сделала все, что могла, – сказала Тесла.

– Меня зовут Флетчер, и я тебя умоляю – не оставляй меня сейчас. Эта рана напоминает мою первую ранку от нунция. – Он показал ей ладонь, где действительно красовался шрам, похожий на след от ногтя. – Я должен тебе кое-что рассказать. Ховард не захотел меня слушать. А ты будешь. Я знаю. Ты часть истории. Ты рождена, чтобы оказаться сегодня здесь со мной.

– Ничего не понимаю.

– Завтра поймешь. Сегодня нужно действовать. Помоги. У нас очень мало времени.

– Должен вас предупредить, – сказал Грилло Хочкису, пока они ехали к моллу, – то, что мы с вами увидели тогда у трещины, было только начало. Ночью в Гроуве появились существа, каких я никогда раньше не видел.

Он притормозил, пропуская двух горожан, спешивших на вой сирен. Вышли и другие люди. Все торопились к моллу.

– Надо сказать, чтобы они не ходили туда.

Грилло высунулся из окна машины и закричал. Но даже когда к нему присоединился Хочкис, никто не обратил на них никакого внимания.

– Если они увидят то, что видел я, начнется паника.

– Возможно, это пойдет им на пользу, – горько заметил Хочкис. – Все эти годы они считали меня сумасшедшим, потому что я замуровал расщелину. Потому что я называл смерть Кэролин убийством.

– Простите...

– Кэролин – моя дочь.

– А что с ней случилось?

– Об этом потом, Грилло. Когда у вас будет время послушать мое нытье.

Они выехали на автостоянку молла. Там уже собралось тридцатьсорок горожан. Одни бродили вокруг, прикидывая ущерб, другие просто стояли, слушая вой сигнализации, словно то была музыка сфер.

– Пахнет бензином, – сказал Грилло.

Хочкис принял себя.

– Нужно поскорее увести их отсюда. Эй, послушайте! Он повысил голос и поднял пистолет, пытаясь привлечь внимание толпы. Но на него оглянулся только один невысокий лысый человек.

– Хочкис, вы что, тут главный?

– Нет, Марвин – если вы хотите им быть.

– Где Спилмонт? Нужен кто-то из властей. Мне перебили все стекла.

– Думаю, полиция уже едет, – сказал Хочкис.

– Настоящее варварство, – продолжал Марвин. – Это мальчишки из ЛосАнджелеса развлекаются.

– Не думаю, – сказал Грилло. От запаха бензина у него снова закружилась голова.

– А вы кто такой? – требовательно спросил у него Марвин.

Прежде чем Грилло успел ответить, раздался крик:

– Внутри кто-то есть!

Грилло повернулся к разбитой витрине супермаркета. Действительно, внутри двигались несколько фигур. Он подошел ближе к витрине магазина и четко разглядел одну из них.

– Тесла?

Она услышала, взглянула на него и крикнула:

– Грилло, не входи сюда!

– Что происходит?

– Просто не входи сюда, говорю.

Но он не послушался и шагнул в витрину. Юноша, которого она бросилась спасать, лежал на кафельном полу, обнаженный до пояса. Над ним стоял какой-то человек – одновременно знакомый и не знакомый Грилло. Через несколько секунд профессиональная память сработала. Это был один из тех, вырвавшихся из расщелины.

– Хочкис! – крикнул Грилло. – Идите сюда!

– Хватит, – сказала Тесла. – Нам тут никто не нужен.

– «Нам»? С каких это пор вы стали «мы»?

– Это Флетчер, – сказала Тесла, словно угадав вопрос Грилло. – А молодого человека зовут Ховард Катц, – предупредила она следующий вопрос. – Они отец и сын. – Снова ответ на незадачный вопрос. – Скоро все тут взлетит на воздух, и я не уйду отсюда, пока это не случится.

Тут подоспел Хочкис.

– Твою мать, – выдохнул он.

– Это тот из расщелины, да?

– Точно.

– Можно, мы заберем парня? – спросил Грилло. Тесла кивнула.

– Только быстрее. Они скоро будут здесь. – Ее взгляд соскользнул с лица Грилло и устремился куда-то в темноту. Они явно ждали кого-то еще. Второго духа, не иначе.

Грилло с Хочкисом подхватили юношу под руки.

– Подождите!

К ним подошел Флетчер, и с его приближением запах бензина усилился. Но от него исходил не только запах. Грилло ощутил нечто вроде легкого удара током, когда Флетчер коснулся сына. Этот удар пронзил три тела сразу. Сознание Грилло мгновенно прояснилось, земное осталось где-то далеко внизу, и он оказался в пространстве, где в небе, словно звезды, висели фантазии. Но внезапно все кончилось, едва Флетчер отнял руку от лица сына. Это было почти жестоко. По выражению изумления на лице Хочкиса Грилло понял, что тот испытал то же самое. Глаза наполнились слезами.

– Что здесь будет? – спросил Грилло у Теслы.

– Флетчер скоро уйдет.

– Куда? Почему?

– В никуда. В пространство.

– Откуда ты знаешь?

– Я рассказал ей, – раздавался голос Флетчера, – Субстанцию нужно защитить.

Он посмотрел на Грилло, на его губах играла едва заметная улыбка.

– Заберите моего сына, джентльмены, – попросил он. – Уведите его с линии огня.

– Что?

– Грилло, просто уйди отсюда, – сказала Тесла. – Сейчас все будет так, как он задумал.

Грилло с Хочкисом вывели Хови на улицу через витрину – Хочкис вышел первым, чтобы принять на руки ватное, как свежий труп, тело юноши. За спиной Грилло услышал голос Теслы.

Она сказала одно слово:

– Яфф!

Тот, второй, враг Флетчера, стоял на краю парковки. Толпа горожан, увеличившаяся в пять

или шесть раз, расступилась и образовала коридор, хотя их об этом никто и не просил Яфф был не один. Его сопровождали два человека, два местных жителя. Парень и девушка. Грилло не знал их, но Хочкис сказал.

– ДжоБет и ТоммиРэй. Услышав имя, Хови поднял голову.

– Где? – пробормотал он, но увидел их сам, прежде чем ему кто-то ответил.

– Пустите! – он попытался оттолкнуть Хочкиса. – Они убьют ее, если мы их не остановим!

Вы что, не понимаете? Они убьют ее!

– Речь идет не только о твоей подружке, – сказала Тесла. Грилло снова удивился, как она умудрилась столько узнать за такое короткое время. Ее «источник» Флетчер тем временем вышел из маркета, прошел мимо Теслы, Грилло, Хови и Хочкиса и остановился на другом краю живого коридора лицом к лицу с Яффом.

Первым заговорил Яфф:

– Ну, и зачем это? Ты переполошил половину города.

– Ту половину, которую ты не успел одурманить, – ответил Флетчер.

– Не помри от собственных разговоров. Ну, умоляй меня. Скажи, что отдашь мне свои яйца, если я оставлю тебя в живых.

– Это для меня не так важно.

– Что, яйца?

– Жизнь.

– Ты тщеславен, – заметил Яфф, начиная медленное движение навстречу Флетчеру. – Не отрицай.

– Меньше, чем ты.

– Это верно. В отличие от тебя я знаю, что такое масштаб.

– Ты не овладеешь Искусством.

Яфф поднял руку и потер большой и указательный пальцы, словно считал деньги.

– Поздно. Я уже ощущаю его в своих руках.

– Хорошо, – ответил Флетчер. – Если ты хочешь, чтобы я тебя умолял, я умоляю. Субстанция должна остаться неприкосновенной. Я умоляю тебя не трогать ее.

– Ты не понимаешь, да?

Яфф остановился на некотором расстоянии от Флетчера. Теперь к нему шел юноша и вел свою сестру.

– Мои дети, – сказал Яфф, – плоть и кровь. Сделают для меня все. Верно, ТоммиРэй?

Тот ухмыльнулся.

Захваченная этой сценой, Тесла не заметила, как Хови освободился от рук Хочкиса, подошел к ней и шепотом сказал:

– Пистолет.

Теса без колебаний отдала оружие юноше.

– Он убьет ее, – пробормотал Хови.

– Она же его дочь, – сказала Тесла.

– Думаешь, для него это важно?

Она снова взглянула на Яффа. Какие бы изменения ни совершило в нем Великое деяние Флетчера, он был явно безумен. Даже той малости, какую она успела узнать об Искусстве, Субстанции, Косме и Метакосме, хватило, чтобы понять: отдать такую силу в руки этого существа – значит отдать ее неизмеримому злу.

– Ты проиграл, Флетчер, – сказал Яфф. – В тебе и в твоём ребенке нет чего-то, что делало бы вас... современными. Мои двое, напротив, опережают время. Главное – экспериментировать, так ведь?

Рука ТоммиРэя, лежавшая на плече у ДжоБет, скользнула к ее груди. В толпе раздалась гневные возгласы, но Яфф заставил всех замолчать одним грозным взглядом. ДжоБет попыталась оттолкнуть брата, но ТоммиРэй притянул ее к себе и нагнулся к ее губам.

Он поцеловал бы ее, если бы не пуля, ударившаяся в асфальт у самых ног ТоммиРэя.

– Отпусти ее, – сказал Хови. Его голос был слаб, но полон решимости.

ТоммиРэй повиновался, глядя на Хови немного растерянно. Потом извлек из заднего кармана нож. Почувяв опасность кровопролития, толпа дрогнула. Некоторые – особенно те, кто пришел с детьми, – подались назад. Но большинство не двинулись с места.

Флетчер за спиной Грилло обратился к Хочкису:

– Сможете в него попасть?

– В парня?

– Нет, в Яффа.

– И не пытайтесь, – шепнула Тесла. – Это его не остановит.

– Что же тогда остановит?

– Бог его знает.

– Хочешь хладнокровно пристрелить меня на глазах у этих добрых людей? – спросил ТоммиРэй. – Ну давай, попробуй. Я не боюсь. Я люблю смерть, а смерть любит меня. Нажми на курок, Катц. Если ты мужчина.

С этими словами он медленно двинулся навстречу Хови. Тот, едва стоя на ногах, попрежнему целился в ТоммиРэя.

Разрешил ситуацию Яфф. Он схватил ДжоБет за руку. Та вскрикнула от боли. Хови повернул голову на ее голос, и ТоммиРэй бросился на него. Он толкнул Хови, и юноша упал, выронив пистолет. ТоммиРэй с размаху ударил его в пах ботинком и принялся избивать.

– Оставь его живым! – приказал Яфф.

Он отпустил ДжоБет и направился к Флетчеру. На кончиках пальцев, в которых, по его заверению, он уже держал Искусство, проступили капли энергии. Они сочились как эктоплазма. Яфф подошел к ТоммиРэю, как будто собирался его остановить, но лишь одарил взглядом сцену драки и двинулся дальше, к Флетчеру.

– Лучше нам отойти, – прошептала Тесла Грилло и Хочкису. – От нас уже ничего не зависит.

Словно в подтверждение ее слов, Флетчер опустил руку в карман и достал коробок спичек с надписью на этикетке: «Аптека Марвина». Все поняли, что сейчас произойдет. Люди ощущали запах бензина и знали, от кого он исходит. Теперь появились спички. Жертвоприношение было неизбежным. Но никто не двинулся с места. Публика не понимала, о чем говорят враги, но зрители нутром почувствовали, что присутствуют при переломном моменте. Как: они могли уйти, если впервые в жизни получили возможность увидеть поединок высших существ?

Флетчер достал спичку. Он уже почти чиркнул ею, когда поток энергии из пальцев Яффа ударил, как пуля, по рукам Флетчера, выбив из них и спичку, и коробок.

– Не трать времени на эти фокусы, – сказал Яфф. – Ты знаешь, что огонь не причинит мне вреда. И тебе тоже, пока ты сам не захочешь. А если ты хочешь исчезнуть, нужно только попросить.

На этот раз он не стал посылать разряды – он просто подошел к противнику и коснулся его рукой. Флетчер содрогнулся. Испытывая страшную боль, он повернул голову, чтобы увидеть Теслу. По его глазам она поняла, насколько он беспомощен. Чтобы разыграть свой эндшпиль, он раскрыл сознание, и злоба Яффа проникла в самую суть его существа. От прикосновения врага по всему телу прокатилась разрушительная волна. Спасти Флетчера могла только смерть.

У нее не было спичек, зато у Хочкиса был пистолет. Ни слова не говоря, она выхватила его. Яфф уловил движение, и на одно ужасное мгновение Тесла встретилась с его безумным взглядом. Она увидела не человека, а огромную призрачную голову. Увидела лицо настоящего Яффа, спрятавшегося под маской.

Она прицелилась в землю за Флетчером и выстрелила. Но огонь не вспыхнул. Тесла снова прицелилась, выбросив из головы все мысли, кроме одной – она молилась о том, чтобы попасть в лужу бензина. Ей и прежде случалось «готовить жареное», но на бумаге. В жизни она делала это впервые.

Тесла медленно выдохнула (так она делала, когда садилась по утрам за пишущую машинку) и нажала на курок.

Ей показалось, что она увидела огонь еще до того, как он возгорелся. Пробежали искры и молнии, воздух вокруг Флетчера стал оранжевым, а потом превратился в пламя.

Жар оказался нестерпимо сильным. Тесла бросила пистолет и отбежала подальше, откуда можно было наблюдать дальнейшее. Сквозь языки пламени она смотрела на Флетчера. На его лице была написана полная безмятежность. Тесла пронесла его образ через все последующие жизненные невзгоды как напоминание о том, насколько мало она знает об устройстве мира. Человек радовался тому, что сгорал, это было для него благом. Таких уроков не дают в школе. И помогла ему она, собственными руками.

Она увидела, как Яфф отшатнулся от огня, насмешливо пожав плечами. Огонь добрался до его пальцев, касавшихся Флетчера, и пальцы вспыхнули, будто пять свечей. За спиной у Яффа

Хови и ТоммиРэй отступали от невыносимого жара, на время забыв о вражде. Все это она заметила в одно мгновение, а потом снова взглянула на горевшего Флетчера. За несколько секунд он успел измениться. Огонь, столбом стоявший вокруг него, не сжигал плоть, а преображал, выбрасывая вспышки яркой материи.

То, как отступал Яфф – будто взбесившийся пес, знающий, что его сейчас утопят, – помогло ей понять природу этих вспышек. Как и то, что сочилось из пальцев Яффа, они были сгустками некой энергии. Яфф ненавидел эту энергию. В ее свете проступило его истинное лицо. Вид этих двоих: преображающегося в огне Флетчера и Яффа, с которого сползала личина, заставил ее подойти ближе, забыв о безопасности. Она почувствовала запах паленых волос, но отойти не могла. В конце концов это и ее рук дело. Она участвовала. Как первая человекообразная обезьяна, что добыла огонь и тем изменила жизнь племени.

На что, поняла она, и надеялся Флетчер: на трансформацию племени. Это был не просто акт самосожжения. Сгустки энергии, исходившие от Флетчера, несли в себе его заряд. Они вылетали подобно сияющим семенам, ищущим плодородную почву. Такой почвой стали жители Гроува, и семена их нашли. Тесле казалось чудом, что никто из людей не бросился бежать. Быть может, самые малодушные ушли раньше, в начале событий. Но оставшиеся явно были готовы принять магию преображения, и некоторые даже вышли вперед и радостно, словно причастие, принимали летевший к ним свет. Первыми выбежали дети. Они ловили сгустки света, не причинявшие им ни малейшего вреда. Свет падал в их подставленные ладони или касался лица, и тут же в глазах загорались его отблески. За детьми последовали родители. Те, кого свет уже коснулся, успокаивали остальных: «Все в порядке. Это не больно. Это просто... свет!»

Но Тесла знала, что это не просто свет. Это сам Флетчер. Он раздавал себя всем желающим, и тело его таяло. Руки, грудь и ноги уже исчезли; голова, шея, плечи и торс дрожали в языках пламени. Она смотрела до тех пор, пока и они не исчезли. В памяти всплыл церковный гимн, Тесла помнила его с детства: «Господь хочет, чтобы я стал солнечным лучом». Старая песня для новой жизни.

Акт рождения новой жизни подходил к завершению. От Флетчера почти ничего не осталось, только рот и часть черепа все еще дрожали в огне. Мозг его разлетелся снопами искр, как головка одуванчика на августовском ветру. Лишенное пищи, пламя быстро улеглось. Без следа – ни углей, ни дыма. Несколько мгновений яркого света, жара и чуда. Потом – ничего.

Она не могла оторвать глаз от Флетчера и не заметила, кого из собравшихся коснулся его свет. А он коснулся многих. Может быть, всех. Наверное, это и остановило Яффа. Его войско стояло в ночи наготове, но он так и не отдал приказа наступать. Яфф исчез. Он сделал это как можно незаметнее.

Вместе с ним пропал и ТоммиРэй. А ДжоБет осталась. Хови во время преображения Флетчера встал рядом с ней с пистолетом в руке. Убегая вслед за отцом, ТоммиРэй выкрикнул несколько бессвязных угроз.

Так завершилось последнее представление шамана Флетчера. Те, кто принял от него дар, конечно, должны были его почувствовать – но позже, утром, когда проснутся. Другие получили свое сразу. Грилло и Хочкис были довольны, что не обманулись тогда, у расщелины; ДжоБет и Хови избежали гибели и снова соединились; Тесла же, получившая знание, ощутила тяжесть огромной ответственности, которую возложил на нее Флетчер.

Но главный удар магических сил принял сам город. На его улицах появились чудовища. Его жителей коснулись духи.

Гроув ждал войны.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ РАБЫ И ЛЮБОВНИКИ

I

На следующее утро Гроув напоминал город алкоголиков. Его жители проснулись как после ночной попойки и пытались сделать вид, будто все в порядке и ничего не случилось. Холодный душ, чтобы встряхнуться, потом чашка черного кофе, таблетка «алказельцера» – и вперед на

лицу, нарочито уверенной походкой, с ледяной улыбкой актрисы, только что не получившей «Оскара». В то утро люди чаще обычного приветствовали друг друга, а также слышали прогнозы погоды (ясно! ясно! ясно!) по радио из настезь открытых окон, словно говоривших: в нашем доме никаких секретов нет. Чужаку, тем утром, прибывшему в Гроув, могло бы показаться, что он находится в Идеалвилле, США. От разлитого в воздухе радушия сводило желудок.

У молла, где невозможно было не заметить следов бурной ночи, говорили что угодно, кроме правды. Например, будто из ЛосАнджелеса приехали «Ангелы ада»* и побили все витрины. От частого повторения рассказ звучал все убедительней. Одни утверждали, что слышали рев мотоциклов. А другие решали приукрасить эту версию и заявляли, что видели их самолично, – ведь никто не собирался возражать. Битые стекла убрали, и витрины зияли пустым нутром. К полудню были заказаны новые стекла. К двум пополудни их вставили. Никогда со времен «Лиги девственниц» жители Гроува не проявляли такого единодушия в стремлении сохранить душевное равновесие – и такого лицемерия. За закрытыми дверями спален и ванных комнат все было совсем иначе. Там улыбки исчезали, походка теряла уверенность, накатывали слезы, люди рвением золотоискателей искали успокоительные таблетки и глотали их. Там горожане говорили себе то, что скрывали от своих домашних и даже от своих собак: все изменилось, и жизнь уже никогда не станет прежней. В надежде объяснить пережитый ужас они пытались вспомнить сказки, что им рассказывали в детстве, – старые, давно изгнанные из памяти волшебные сказки. Ктото старался залить беспокойство вином, ктото принимался есть без меры, а ктото отправился в церковь. Это был чертовски странный день.

Хотя, возможно, не такой уж и странный для тех немногих, кто догадывался раньше и теперь подтвердил для себя: да, в городе скрываются чудовища и сверхъестественные силы. Для них не было вопроса: «Может ли такое быть?» Вопрос звучал так: «Что все это значит?»

Уильям Уитт ответа не знал. Он понятия не имел, с чем он столкнулся в доме на УайлдЧерриглэйд. Последующий разговор со Спилмонтом, обвинившим его в розыгрыше, вконец выбил его из колеи. Или Яфф сумел с дьявольской хитростью скрыть следы своего пребывания, или он, Уильям Уитт, сошел с ума. Самое печальное, что одно другому не противоречило. Не в силах разрешить дилемму, Уильям сидел дома, запершись на все замки, и только ночью ненадолго вышел к моллу, как и прочие горожане. Он пришел одним из последних и наутро мало помнил о том, что увидел. Зато хорошо помнил, как вернулся домой и устроил себе видеовакханалию. Обычно он смотрел не более одногодвух порнофильмов за раз, но в ту ночь с ним что-то стряслось. Когда утром соседи Робинсоны вывели детей на прогулку, Уильям все еще сидел перед экраном, за опущенными занавесками. Под ногами выстроился небольшой городок из пивных банок. У него была неплохая коллекция фильмов, систематизированная как настоящая библиотека. Он знал наизусть все псевдонимы звезд этих потных эпосов, знал размеры их грудей и членов, с чего они начинали и на чем специализировались сейчас. Он помнил все сюжеты и любимые сцены до последнего стога и семяизвержения.

Но сегодня они его не заводили. Как наркоман, жаждущий дозы, которую ему никто не может дать, он метался от фильма к фильму, пока у телевизора не выстроилась целая гора видеокассет. Секс вдвоем, втроем, оральным, анальным, «золотой дождь», бандаж, садомазо, лесбиянки и дилдо, сцены насилия и романтические сцены; он пересмотрел все, но ничто не принесло ему желанного облегчения. Этот поиск превратился в поиск себя самого. «Что меня возбуждает, то я и есть», – промелькнула не вполне оформившаяся мысль.

Ситуация была отчаянная. Впервые в жизни, не считая давнего случая у озера, он не возбуждался от того, что смотрит. Впервые ему захотелось, чтобы его любимые герои проникли в его реальность, как он проникал в их мир. Раньше он радовался, что может убрать их простым нажатием кнопки сразу после того, как кончит. Он даже чувствовал презрение к ним, едва они теряли свою притягательность. Теперь же он тосковал по ним, точно по ушедшим любовницам, которых не сумел познать до конца; он видел все подробности их тел, но близость оказалась для него недоступна.

Вскоре после рассвета ему в голову вдруг пришла странная мысль: а нельзя ли вызвать их к жизни жаром желания? Ведь мечту можно осуществить. Художники постоянно делают это, а ведь в каждом из нас живет немного искусства. Эта смутная мысль и удерживала его у экрана,

заставляя снова и снова просматривать «Последнюю ночь Помпеи», «Рожденную тряхаться» и «Секреты женской тюрьмы» – фильмы, знакомые ему не хуже собственной истории. Но, в отличие от его истории, они могли ожить в настоящем времени.

Не только Уильяма посетили подобные мысли, хотя у остальных они не были заиклены на сексе. Некий желанный образ или образы можно вызвать к жизни силой воображения – эта идея пришла в голову всем, кто накануне побывал у мола. Звезды мыльных опер, ведущие телевизионных шоу, умершие родственники, разведенные супруги, пропавшие дети, герои комиксов – образов было столько же, сколько людей, жаждавших увидеть их воочию.

Для некоторых, как для Уильяма, желание воплотить свои мечты оказалось столь сильным (в одних случаях это было вызвано страстью, в других – навязчивой идеей или завистью), что к рассвету следующего дня воздух в их комнатах загустел, а они сидели, скорчившись в углах и готовясь увидеть чудо.

В спальне Шаны, дочери Ларри и Кристины Мелкин, вдруг послышалась тихая мелодия. Ее можно было принять за пение ветра под крышей, но Шана знала: это пришла легендарная рокпринцесса, ее обожаемый идол, умершая несколько лет назад от передозировки.

На чердаке Осси Лартона послышался цокот когтей, и Осси мысленно улыбнулся. Это явился оборотень, с которым Лартон водил тайную дружбу с тех пор, как впервые узнал о существовании подобных существ. Оборотня звали Юджин. Когда Осси было шесть лет, он придумал себе друга, и ему казалось, что такое имя вполне подходит для человека, в полнолуние обрастающего шерстью.

Карен Конрой почувствовала в своей комнате тонкий запах французских духов. Это явились три главные героини ее любимого фильма «Любовь знает твоё имя», над которым она проплакала когда-то целых шесть дней – всю свою поездку в Париж.

И так далее, и так далее.

К полудню почти у всех очевидцев ночных событий появились неожиданные гости. Конечно, многие не обратили внимания на пришельцев либо отвергли возможность их существования. Численность населения ПаломоГроува, уже пополнившегося чудовищами Яффа, еще более возросла.

– Ты ведь уже признала, что неправильно поняла случившееся...

– Это не вопрос признания, Грилло.

– Ладно. Давай не будем злить друг друга. Почему мы вечно доходим до крика?

– Мы не кричим.

– Хорошо. Не кричим. Только попытайся понять, что эта командировка, в которую он тебя послал...

– «Командировка»?!

– Вот теперь ты кричишь. Я просто прошу тебя, подумай. Это может стать последней поездкой в твоей жизни.

– Признаю такую возможность.

– Тогда позволь мне отправиться с тобой. Ты никогда не ездила на юг дальше Тихуаны.

– Можно подумать, ты ездил...

– Это грубо.

– Послушай, я знаю, что такое грубость. Если хочешь быть полезным, оставайся в Гроуве и поправляйся.

– Я уже здоров. Никогда не чувствовал себя лучше.

– Ты нужен мне здесь, Грилло. Наблюдай. Пока ничего не кончилось.

– И за чем же мне наблюдать? – спросил Грилло. Он понял, что спорить бессмысленно.

– У тебя отличный глаз. Ты заметишь, когда Яфф сделает следующий ход, как бы он ни старался это скрыть. Кстати, ты видел Эллен ночью? Она была там, вместе с сыном. Для начала сходи к ней и узнай, как она себя чувствует...

Конечно, ей было приятно, что Грилло за нее беспокоится, и мысль о совместной поездке не вызывала у нее отвращения. Но по причинам, которые она не могла, да и не пыталась объяснить даже самой себе, Тесла знала, что его присутствие нежелательно и способно повредить и ему самому, и выполнению задания. Перед своим концом Флетчер решил

отправить ее в миссию. Он сказал, что это предопределено. Еще недавно она бы посмеялась над подобным мистицизмом, но после минувшей ночи стала шире смотреть на вещи. В своих фантазиях и сценариях она пыталась разоблачить мир чудес, но его оказалось не так легко высмеять. Он нашел ее и пришел за ней. Тесла, со всем ее цинизмом, оказалась между раем и адом. На стороне ада был Яфф и его армия, на стороне рая – Флетчер и его трансформация: плоть превратилась в свет.

Став земным агентом мертвеца, она, как ни странно, расслабилась, несмотря на поджидавшую впереди опасность. Больше не нужно было оттачивать свой цинизм, не нужно делить воображаемые образы на реальные (твердые, осязаемые) и фантастические (туманные и не имеющие ценности). Когда она снова сядет за стол (если это случится) и вернется к своим сценариям, она будет верить в сказки. И не потому, что ее фантазии осуществились в реальности, а потому, что реальности вообще нет.

В середине утра она покинула Гроув по дороге, проходящей мимо молла, где уже шли восстановительные работы. Она ехала быстро, чтобы успеть к сумеркам пересечь границу, а, к наступлению темноты, добраться до миссии СантаКатрина или, как предполагал Флетчер, до ее развалин.

Той же ночью, когда толпа рассосалась, Яфф велел ТоммиРэю пробраться в молл и отыскать терату, которую тот собственноручно прицепил на спину Катцу. На улице оставались полицейские, но трудностей у ТоммиРэя не возникло. У Яффа были причины не дать полиции найти эту терату. Тварь вернулась к своему создателю и извергла все, что видела и слышала. Подобно целителю, Яфф возложил на животное руки и выкачал информацию.

Потом он убил терату.

– Ну что ж, – сказал он ТоммиРэю, – похоже, тебе придется отправиться в поездку чуть раньше, чем я планировал.

– А что насчет ДжоБет? Этот ублюдок Катц забрал ее.

– Мы потратили немало усилий, чтобы убедить ее присоединиться к нам. Она отвергла нас. Больше времени тратить не будем. Пусть сама решает, что ей нужно в этой жизни.

– Но...

– Хватит об этом, – сказал Яфф. – Твоя одержимость нелепа. И хватит дуться. Ты слишком избалован. Думаешь, что своей улыбкой добьешься чего угодно? Что ж, ее ты не добился.

– Ты ошибаешься. Я докажу тебе.

– Не сейчас. Сейчас ты должен ехать.

– Сначала ДжоБет, – упрямо повторил ТоммиРэй, отходя от отца.

Прежде чем он успел сделать шаг, рука Яффа оказалась у него на плече. От этого прикосновения ТоммиРэй взвизгнул.

– Заткнись!

– Мне больно!

– Я знаю.

– Мне на самом деле больно! Хватит.

– Ты ведь тот, кто любит смерть, да, сынок? ТоммиРэй почувствовал, как у него подгибаются ноги.

Из его члена, носа и глаз потекло.

– Ты ведь даже не половина того человека, каким себя считаешь, – сказал Яфф. – Ведь так?

– Прости меня... не делай мне больно!

– Мне кажется, люди не обнюхивают своих сестер. Они находят себе других женщин. И они не будут сначала говорить о смерти, будто это плевое дело, а потом хныкать, когда им чуть-чуть сделают больно.

– Ладно... Ладно... Я понял... Хватит! Отпусти! Яфф убрал руку, и ТоммиРэй упал на землю.

– Это была тяжелая ночь для нас обоих, – сказал его отец. – Мы оба что-то потеряли. Ты лишился сестры, я – удовольствия уничтожить Флетчера. Но придут лучшие времена. Поверь мне.

Он нагнулся, чтобы помочь ТоммиРэю подняться. Увидев тянущиеся к нему пальцы, юноша в ужасе отшатнулся. Но в этот раз прикосновение было мягким, почти ласковым.

– Я хочу, чтобы ты съездил в одно место, – сказал Яфф. – Оно называется миссия СантаКатрина.

Пока Флетчер не ушел из жизни, Хови не осознавал, сколько у него вопросов, на которые может ответить только отец. Ночью они его не беспокоили, он спал беспробудным сном. Но утром он начал жалеть, что не выслушал Флетчера. Теперь Хови и ДжоБет оставалось одно: из его отрывочных впечатлений и рассказов ее матери восстанавливать по кусочкам историю, где они играли важную роль, хотя не имели понятия, что происходит на самом деле.

Вчерашние события изменили Джойс Макгуайр. Многолетние попытки отвлечь от своего дома неизбежное зло закончились неудачей, но в итоге она освободилась. Худшее уже случилось, чего же теперь бояться? Она видела, как перед ней разверзся ад, и выжила. Бог в лице пастора оказался бессилён. Зато Хови бросился на поиски ее дочери и смог вернуть ДжоБет домой. Одежда детей была разорвана и испачкана в крови. Джойс пригласила его в дом и настояла, чтобы он переночевал. Наутро она чувствовала себя как человек, которому сообщили, что его опухоль доброкачественная и в запасе есть несколько лет жизни.

Около полудня они втроем сели побеседовать, и ее пришлось уговаривать рассказать о прошлом. Но потом Джойс словно прорвало. Порой, особенно когда речь заходила о Кэролин, Арлин и Труды, она плакала. Но по мере того как события оборачивались все более трагически, ее речь становилась бесстрастной. Иногда она отвлекалась, вспоминая какую-то упущенную подробность или благословляя тех, кто помогал ей, когда она осталась одна с двумя детьми и ее называли шлюхой.

– Много раз мне хотелось уехать из Гроува, – сказала она. – Как Труды.

– Не думаю, что это спасло ее от боли, – сказал Хови. – Она была несчастна.

– А я помню ее иной. Вечно влюбленной то в одного, то в другого.

– Вы помните... в кого она была влюблена перед моим рождением?

– Хочешь спросить, не знаю ли я, кто твой отец? – Да.

– Мне пришла в голову одна мысль. Может, твое второе имя – это его первое? Ральф Контрерас. Он был садовником при лютеранской церкви. Когда мы возвращались из школы, он всегда на нас смотрел. Каждый день. Твоя мать была очень красивой. Не покиношному, как Арлин, но у нее были такие темные глаза и такой ясный взгляд... У тебя такой же... Думаю, Ральф ее любил. Правда, он ничего не говорил. Он жутко заикался.

Хови улыбнулся.

– Тогда это точно он. Я ведь это унаследовал.

– А я и не заметила.

– Да, это странно. Все прошло. Как будто Флетчер забрал мое заикание. А не знаете, Ральф до сих пор живет в Гроуве?

– Нет. Он уехал еще до твоего рождения. Наверное, боялся суда Линча. Твоя мать была белой и не из бедных, а он...

Она прервалась, увидев выражение лица Хови.

– А он?

– ... он был испанец.

Хови кивнул.

– Каждый день узнаешь что-то новое, верно? – Он старался говорить непринужденно.

– Во всяком случае, он уехал, – продолжала Джойс. – Если бы твоя мать указала на него, его наверняка обвинили бы в изнасиловании. Но это неправда. Мы сами хотели этого, нами двигал дьявол.

– Он был не дьявол, мама, – сказала ДжоБет.

– Это вы так думаете. – Джойс вздохнула. Ее бодрость вдруг улетучилась, словно знакомое слово вернуло ее в прежнее состояние. – Может, вы и правы, но я слишком стара, чтобы менять свои взгляды.

– Стара? – переспросил Хови. – О чем вы говорите? Прошлой ночью вы были неподражаемы. Джойс протянула руку и погладила его по щеке.

– Позвольте мне верить в то, во что я верю. Это лишь слова. Для тебя он Яфф, для меня – дьявол.

– А что же делать мне и ТоммиРэю, мама? – спросила ДжоБет. – Ведь нас создал Яфф.

– Я часто думала об этом. Когда вы еще были совсем маленькими, я смотрела на вас и ждала,

когда в вас проявится зло. И вот это случилось с ТоммиРэем. Его создатель забрал его. Может, тебя спасли мои молитвы. Ты ходила со мной в церковь, ДжоБет. Ты училась добру.

– Ты думаешь, ТоммиРэй потерян для нас? – спросила ДжоБет.

Мать секунду помедлила с ответом, но и так было ясно.

– Да, – сказала она. – Потерян.

– Я не верю, – сказала ДжоБет.

– Даже после того, до чего он дошел прошлой ночью? – сказал Хови.

– Он не ведал, что творит. Яфф его контролировал. Я его знаю, он же мне не просто брат...

– В смысле? – сказал Хови.

– Мы же близнецы. Я чувствую то же, что и он.

– В нем зло, – сказала мать.

– Тогда оно и во мне. – ДжоБет встала. – Еще три дня назад ты говорила, что любишь его. А теперь утверждаешь, что он для нас потерян. Ты отдала его Яффу. Я – не отдам.

С этими словами девушка вышла из комнаты.

– Может, она и права, – тихо сказала Джойс.

– ТоммиРэя удастся спасти?

– Нет. Может, в ней тоже сидит дьявол.

Хови нашел ДжоБет во дворе. Она сидела, подняв лицо к небу и закрыв глаза. Она услышала его шаги и оглянулась.

– Думаешь, мама права? ТоммиРэю нельзя помочь?

– Нет, можно – если ты веришь, что мы сумеем до него достучаться и вернуть назад.

– Не говори только для того, чтобы что-то сказать, Хови. Если ты со мной не согласен, говори как есть.

Он положил руку ей на плечо.

– Послушай, если бы я верил тому, что говорит твоя мать, я бы не вернулся сюда. Это ведь я. Мистер Настойчивость. Если ты думаешь, что мы сможем ослабить влияние Яффа на него, то мы пойдем и сделаем это. Только не проси меня любить его.

ДжоБет повернулась к нему всем телом, убирая с лица растрепанные ветром волосы.

– Никогда не думал, что буду сидеть на заднем дворе дома твоей матери и держать тебя за руку, – сказал Хови.

– Чудеса случаются.

– Нет, – ответил он. – Чудеса *творятся*.

III

Первым, кому позвонил Грилло после отъезда Теслы, был Абернети. Рассказывать или не рассказывать о случившемся – это лишь одна из проблем. Другая – как об этом рассказать? Грилло никогда не был романистом. Его работа требовала максимально точного изложения фактов. Никакого полета мысли, никаких возвышенностей. И научился он этому не у какого-нибудь журналиста, а у самого Джонатана Свифта, автора «Путешествия Гулливера». Свифт так ратовал за ясность изложения своей сатиры, что регулярно читал отрывки вслух своим слугам, дабы убедиться в том, что стиль изложения не затмил содержания. Эта история была для Грилло образцом, и когда он писал о бездомных ЛосАнджелеса или о наркотиках, он всегда излагал факты просто и ясно.

Но здесь, от событий в пещерах и до самопожертвования Флетчера, все было гораздо сложнее. Как описать то, что произошло вчерашней ночью, не упоминая о своих ощущениях?

Во всяком случае, Абернети он объяснить этого не мог. Притворяться, будто в Гроуе ничего не случилось, было бессмысленно. Абернети уже видел телерепортаж о ночном вандализме.

– Грилло, ты там был?

– Когда все кончилось. Услышал сигнализацию...

– Ну и?..

– Да не о чем говорить. Несколько разбитых витрин.

– «Ангелы ада» повеселились.

– У тебя есть информация?

– У меня? А у тебя? Это ты, блин, репортер, а не я. Чего тебе не хватает? Выпивки? Наркотиков? Чтоб пришла твоя гребаная Муда?

– Муза.

– Муда, Муза – какая разница? Мне нужна история, которую люди захотят читать. Там, наверное, были жертвы...

– Не думаю.

– Так придумай чтонибудь.

– У меня есть коечто...

– Что? Что?

– Готов спорить, об этом еще никто не сообщал.

– Хорошо, если ты прав, Грилло. Твоя работа – давать мне материал.

– Скоро в доме Вэнса состоится большое собрание. Будут его поминать.

– Чудесно. Ты должен попасть туда. Мне нужна информация о нем и его друзьях. Он был плохим парнем, а друзья плохих парней – тоже плохие парни. Мне нужны имена и подробности.

– Абернети, иногда мне кажется, что ты смотрел слишком много фильмов.

– В смысле?

– А, забудь.

Когда Грилло повесил трубку, перед глазами у него еще долго стоял образ Абернети, который ночью изучает газетные заголовки, оттачивая свой имидж бывалого редактора. Но Грилло думал не только о нем.

В голове у каждого человека крутится свое кино со знакомыми именами в титрах. Эллен – жертва, ей пришлось хранить ужасные тайны. Тесла – дикарка из западного Голливуда, заблудившаяся в чужом мире. А он? Самто он кто?

Репортерновичок, которому попался стоящий сюжет? Или человек чести, которого преследуют за то, что он выступил против коррумпированной системы? Когда он впервые появился в этом городе, чтобы сделать репортаж о смерти Бадди Вэнса, ему не подошла бы ни одна из этих ролей. Но события сместили его на второй план. Главные роли достались другим, в частности Тесле.

Глядя на себя в зеркало, он размышлял о том, что значит быть звездой без своего неба. Может, это дает свободу выбрать новую роль? Ученый, фокусник, любовник? Да, как насчет любовника? Как насчет того, чтобы стать любовником Эллен Нгуен? Это было бы неплохо.

Она долго не подходила к двери. Потом ей потребовалось несколько секунд, чтобы узнать Грилло. Только после того как он ободряюще улыбнулся, она сказала:

– Дада... входите. Вы уже выздоровели?

– Немного знобит.

– Мне кажется, я тоже заразилась, – сказала она, запирая дверь. – Я встала с таким ощущением., даже не знаю...

Занавески были задернуты. Комната от этого казалась меньше.

– Вы не откажетесь от кофе? – сказала она.

– Да, спасибо.

Эллен скрылась на кухне, оставив Грилло в одиночестве посреди комнаты, заполненной журналами, детскими игрушками и стопками выстиранного белья. Он стал искать место, чтобы сесть, и понял – он не один. У двери в спальню стоял Филип. Он выглядел все еще больным. Вчерашний поход к моллу был явно преждевременным.

– Привет! – сказал Грилло. – Как дела?

К его удивлению, мальчик широко улыбнулся.

– А ты видел? – спросил он.

– Что?

– Там, в молле. Ты видел, я знаю. Эти прекрасные огоньки.

– Да, видел.

– Я рассказал про это Человекушару. Поэтому я знаю, что мне не приснилось.

Он подошел к Грилло, не переставая улыбаться.

– Я получил твой рисунок, – сказал Грилло. – Спасибо.

– Рисунки мне больше не нужны.

– Почему?

- Филип! – Эллиен принесла кофе. – Не приставай к мистеру Грилло.
- Он не пристаёт. Филип, может, мы поговорим с тобой о Человеке-шаре попозже?
- Может быть, – ответил мальчик так, будто это зависело от поведения Грилло.
- Я пойду, – сказал он матери.
- Иди, дорогой.
- Передать ему привет? – спросил он Грилло.
- Конечно. – Грилло не очень понимал, что это все значит. – Передай.

Удовлетворенный, Филип направился к себе.

Эллиен расчищала место, где они могли бы сесть. Она повернулась к Грилло спиной. Когда она нагнулась, простой домашний халат покроя кимоно плотно обтянул ее тело. Для женщины такого роста ягодицы у нее были полноваты. Она выпрямилась, пояс халата чуть ослаб, глубже открыв вырез на груди. Кожа Эллиен была смуглой и гладкой. Она поймала взгляд Грилло, передавая ему чашку с кофе, но запахиваться не стала. При каждом ее движении глаза Грилло невольно устремлялись на этот вырез.

– Я рада, что вы пришли, – сказала она. – Я очень расстроилась, когда ваша подруга...

– Тесла.

– Когда Тесла сказала, что вы заболели. Я чувствовала себя виноватой.

Она сделала маленький глоток кофе и вздрогнула от его жара.

– Горячий, – сказала она.

– Филип мне сказал, что ночью вы были в молле.

– Вы тоже там были. Не знаете, никто не пострадал? Там столько битого стекла.

– Только Флетчер, – ответил Грилло.

– Кажется, я его не знаю.

– Это человек, который сгорел.

– А разве кто-то сгорел? Господи, какой ужас!

– Вы должны были это видеть.

– Нет. Мы видели лишь разбитые стекла.

– И огни. Филип говорил про огни.

– Да. – Она, казалось, была растеряна. – И мне говорил. Но я ничего такого не помню. А это важно?

– Важно, что вы оба в порядке, – попытался он скрыть растерянность за банальностью.

– Да, мы в порядке, – сказала она, и лицо ее прояснилось. – Я устала, но я в порядке.

Она потянулась, чтобы поставить чашку, платье снова распахнулось на мгновение, и Грилло увидел ее грудь. Он не сомневался, что она сделала это специально.

– Есть новости из дома Вэнса? – Грилло получал удовольствие, разговаривая о делах и думая о сексе.

– Меня там ждут.

– А когда прием?

– Завтра. Времени было мало, но я думаю, придет много друзей Бадди.

– Я хочу туда попасть.

– Чтобы написать *об* этом?

– Конечно. Надеюсь, там будет много интересного.

– Вполне вероятно.

– Это ведь часть единого целого. Мы оба знаем, что в Гроуе происходит что-то экстраординарное. Вчера, в молле...

Он прервался, заметив, что при упоминании о событиях она вдруг помрачнела. Интересно, такая амнезия – защитная реакция или часть магии Флетчера? Он решил, что первое. Вот Филип не старался сохранить статус-кво, и проблем с памятью у него не было... Но Грилло решил вернуться к приему.

– Вы сможете провести меня в дом?

– Вам придется быть осторожным. Ведь Рошель вас знает.

– А официальное приглашение? Как Представителя прессы?

Она покачала головой.

– Никакой прессы. Это абсолютно закрытая встреча. Не все друзья Бадди жаждут внимания публики. Одним оно слишком быстро надоело, другие предпочли бы никогда не иметь дело с

журналистами. Он общался с разными людьми... он их называл «игроками в тяжелом весе». Наверное, это мафия.

– Тем более мне нужно туда попасть.

– Сделаю что смогу, особенно после того, как вы изза меня заболели. Думаю, вы сможете смешаться с толпой.

– Весьма признателен за помощь.

– Еще кофе?

– Нет, спасибо. – Он посмотрел на часы, хотя никуда не спешил.

– Вы ведь не уходите. – Это звучало не как вопрос, а как утверждение.

– Нет. Если хотите, я останусь.

Без лишних слов она протянула руку и погладила его по груди через рубашку.

– Я хочу, чтобы вы остались.

Он инстинктивно взглянул на закрытую дверь спальни Филипа.

– Не волнуйтесь Он играет там часами. – Ее рука проникла между пуговицами рубашки. –

Пойдем в постель.

Она встала и повела его в свою спальню. По сравнению с гостиной там парил спартанский порядок. Она прикрыла шторы, отчего комната погрузилась в полумрак, потом села на кровать и взглянула на него. Он наклонился к ней и поцеловал, скользнул рукой в вырез платья и легко коснулся ее груди. Она прижала его руку плотнее, а потом уложила его на себя. Изза разницы в росте подбородок Грилло оказался над ее макушкой, но Эллен воспользовалась этим, чтобы растянуть ему рубашку. Она облизывала его грудь, ее язык оставил влажный след от соска к соску. Все это время она не отпускала руку Грилло, не ослабляя хватки ни на секунду. Ее ногти глубоко впились ему в кожу. Наконец Грилло удалось высвободить руку и скатиться на постель рядом с Эллен. Он хотел усадить ее и раздеть. Но она снова схватила его, теперь за рубашку, прижала к себе и распустила свой пояс. Халат соскользнул, и ее нагота предстала перед Грилло. Эллен была обнажена вдвойне – волосы на лобке оказались тщательно выбриты.

Она отвернулась и закрыла глаза. Одной рукой она все еще сжимала его рубашку, а другой упиралась в свою спину, подавая свое тело словно угощение. Он положил руку ей на живот и повел ниже, к влагалищу. Ее кожа на вид и на ощупь казалась отполированной.

Не открывая глаз, она прошептала:

– Делай со мной, что хочешь.

Он испытал мгновенное замешательство. Он и здесь привык к определенным рамкам, но эта женщина, отменяя условности, предоставила ему полную власть над своим телом. Ему стало неловко. В юношеском возрасте такая пассивность показалась бы ему невыносимо эротичной. Но теперь он был шокирован. Он прошептал ее имя, надеясь на какойто ответ, но она молчала. Только когда он сел и принялся стаскивать рубашку, она открыла глаза и сказала:

– Нет. Прямо так, Грилло. Прямо так.

Выражение лица Эллен и ее голос были почти сердитыми, и это разожгло в нем любовный голод. Он лег на нее, взяв в ладони ее голову, и поцеловал в губы, языком проникая в ее рот. Тело Эллен подалось ему навстречу. Она так сильно терлась о него, что он испугался, не причиняет ли ей боль вместо удовольствия.

В пустой гостиной на столике вздрогнули кофейные чашки, как от маленького землетрясения. В воздух взметнулась пыль, потревоженная чемто, что выбралось из самого темного угла и скорее полетело, чем пошло к двери спальни. У этого явления была форма – примитивная, но вполне четкая, так что его нельзя было назвать тенью. И привидением его назвать было нельзя. Чем бы это ни являлось, чем бы оно ни собиралось стать, даже в нынешнем состоянии оно двигалось целенаправленно. У двери спальни женщины, пожелавшей воплотить его, оно остановилось в ожидании дальнейших распоряжений.

Филип вышел из своей комнаты и прошел на кухню в поисках еды. Он открыл банку с печеньем, взял горсть шоколадной стружки и понес их обратно в комнату. Одно печенье в левой руке – для себя, три печенья в правой – для своего товарища, первые слова которого были: «Я голоден».

Грилло поднял голову от влажного лица Эллен. Она открыла глаза.

– Что такое? – спросила она.

– За дверью ктото есть.

Она потянулась к нему и укусила за подбородок. Он вздрогнул от боли.

– Не надо.

Она укусила еще раз, сильнее.

– Элен...

– Укуси меня тоже, – попросила она.

Он не смог скрыть изумления. Заметив его взгляд, она сказала:

– Я серьезно. – Она поднесла палец к его губам. – Открой рот, – сказала она. – Хочу, чтобы ты сделал мне больно. Не бойся. Я хочу этого. Не такая уж я хрупкая. Не сломаюсь.

Он покачал головой.

– Сделай это, Грилло. Пожалуйста.

– Ты действительно хочешь?

– Ну, сколько можно повторять? Да.

Она обняла его голову рукой, и он начал покусывать ее губы, потом шею, ожидая сопротивления. Но она не сопротивлялась, а только стонала от удовольствия, тем громче, чем сильнее он кусал. Ее реакция заглушила все сомнения. Грилло стал спускаться от шеи к груди, стоны становились все громче, порой она выдыхала его имя. Ее кожа покраснела не только от укусов, но и от возбуждения. Ее бросило в пот. Он просунул ладонь между ее ног, другой рукой держа ее руки над головой. Ее лono было влажным и благодарно приняло его пальцы. Грилло тяжело задышал, лаская ее пальцами, рубашка прилипла к спине. Ему было неудобно, но он вдруг возбудился, осознав, насколько уязвимо ее тело и насколько разные молнии и кнопки защищают его собственное. Вставший член больно упирался в брюки, но боль разжигала его еще больше. Они питали друг друга – боль и возбуждение. Элен попросила сделать ей еще больнее, и Грилло проник в нее глубже. Влагалище вокруг пальцев было горячим, грудь полукружьями покрывали следы его зубов. Соски ее торчали наконечниками стрел. Он сосал их и жевал. Ее стоны превратились во всхлипывания, ноги бешено извивались, она чуть не сбросила их обоих с кровати. Когда он на секунду расслабился, она схватила его руку и еще глубже погрузила в себя его пальцы.

– Не останавливайся, – сказала она.

Он двигался в ее ритме, а потом удвоил темп, когда она стала двигать бедрами навстречу его пальцам с такой силой, что они погрузились до костяшек. Грилло смотрел на нее, и капли его пота падали ей на лицо. Не открывая глаз, она подняла голову и облизала его лоб и вокруг рта – не целуя его, а скорее смачивая слюной.

Наконец он почувствовал, как ее тело напряглось, и она схватила его руку, останавливая движение, дыша мелко и часто. Ее хватка, от которой на руке Грилло выступила кровь, ослабла, голова упала на подушку. Элен сразу успокоилась и стала такой же мягкой, как в первые минуты их близости. Грилло скатился с нее. Его сердце колотилось о стенки грудной клетки, отдаваясь в висках.

Они лежали так долго. Он не знал, прошли секунды или минуты. Первой пошевелилась она – села и завернулась в платье. Это движение заставило Грилло открыть глаза.

Элен завязала пояс и направилась к двери.

– Подожди, – сказал он. Дело было не закончено.

– В следующий раз, – сказала она.

– Что?

– Ты слышал, – последовал ответ. – В следующий раз.

Он встал, опасаясь, что теперь его возбуждение покажется ей смешным. Грилло рассердил ее отказ продолжать. Она смотрела с легкой улыбкой.

– Это только начало, – сказала она, растирая шею в тех местах, где он ее укусил.

– И что мне теперь делать?

Она открыла дверь. Прохладный ветерок повеял ему в лицо.

– Оближи пальцы.

Он вспомнил про раздавшийся звук и ожидал увидеть удирающего от замочной скважины Филипа. Но там никого не было.

– Кофе? – спросила она и, не дожидаясь ответа, направилась на кухню. Грилло стоял и смотрел ей вслед. Его тело, ослабленное болезнью, отреагировало на прилив адреналина – конечности мелко задрожали.

Он слушал звуки приготовления кофе: плеск воды, звяканье чашек. Ни о чем не думая, он поднес пальцы, пахнувшие ею, к своему носу и к губам.

IV

Юморист Ламар вылез из лимузина перед домом Бадди Вэнса и попытался согнать с лица улыбку. Ему и в лучшие времена такое удавалось с трудом, а теперь, когда его старый партнер умер и осталось так много непрощенных обид, это оказалось практически невозможно. Каждое действие рождает реакцию, и реакцией Ламара на смерть была улыбка.

Он читал однажды о происхождении улыбки. Какойто антрополог выдвинул теорию, что улыбка была сложным проявлением реакции человекообразной обезьяны на нежеланных членов племени – на больных и слабых. Она означала: «Ты для нас помеха. Убирайся». Из этого отвергающего мимического жеста родился смех – оскал, обнажающий зубы.

В сущности, он выражал презрение, утверждал слабость объекта насмешки – когото, кого гнали прочь подобными гримасами.

Ламар не знал, насколько теория подтверждалась фактами, но он достаточно долго проработал на эстраде, чтобы находить ее вполне правдоподобной. Как и Бадди, он сделал себе состояние, изображая дурака. По его мнению, разница между ними состояла в том (и многие друзья с ним соглашались), что Бадди и вправду был дурак. Это не значит, что Ламар не тосковал по Вэнсу. Они работали вместе четырнадцать лет, и после ухода бывшего партнера Ламар чувствовал себя несчастным, хотя в последнее время они были в ссоре.

Поэтому Ламар лишь однажды, и то случайно, встречался с прекрасной Рошелью – на благотворительном приеме, где Ламар и его жена Тэмми оказались за соседними столиками с Бадди и его «невестой года». Это определение Ламар несколько раз использовал в своих шоу, и оно неизменно вызывало бурю хохота. За обедом ему удалось перекинуться с Рошелью парой слов, когда жених удалился освободить мочевой пузырь от выпитого шампанского. Разговор получился коротким – едва Ламар увидел, что Бадди его заметил, он сразу вернулся на место. Видимо, ему удалось произвести впечатление на Рошель, раз она лично ему позвонила и пригласила в КониАй на вечер памяти. Он убедил Тэмми, что ей будет скучно на поминках, и приехал на день раньше, чтобы побыть наедине с вдовой.

– Прекрасно выглядишь, – сказал он, переступая порог особняка.

– Могло быть хуже, – ответила Рошель.

Ламар понял ее ответ только через час, когда она рассказала, что прием назначил сам хозяин дома.

– Ты имеешь в виду, что он знал о своей смерти?

– Нет. Я имею в виду, что он вернулся.

Если бы он был пьян, то ответил бы на это какойнибудь старой шуткой. Но он понял – она говорит абсолютно серьезно, и обрадовался, что трезв.

– Ты имеешь в виду... его дух?

– Вполне подходящее слово. Я точно не знаю. Я не верующая и не знаю, как это объяснить.

– Ты же носишь распятие, – заметил Ламар.

– Оно принадлежало моей матери. Раньше я никогда его не надевала.

– А почему надела сейчас? Ты чего-то боишься?

Она налила им обоим водки и выпила. Для алкоголя рановато, но ей нужно было расслабиться.

– Да, пожалуй.

– И где Бадди сейчас? – спросил Ламар, удивляясь, как ему удается сохранить серьезное выражение лица – В смысле... он в доме?

– Не знаю. Он пришел среди ночи, сказал, что хочет устроить прием, потом ушел.

– А чек он оставил?

– Я не шучу.

– Извини. Ты права.

– Он сказал, что хочет, чтобы все пришли и отпраздновали его смерть.

– Выпью за это. – Ламар поднял свой стакан. – Где бы ты ни был, Бадди. Сколь! *

Он выпил, потом извинился и вышел в туалет. Интересная женщина, думал он по пути, хотя и не в себе. Похоже, слухи верны, она точно сидит на таблетках, но он и сам не без греха.

Укрывшись в ванной черного мрамора, где по стенам были развешаны злобные маски, он сделал несколько дорожек кокаина, вынюхал и расслабился. Его мысли вернулись к красавице, оставшейся внизу. Он возьмет ее. Может, даже в постели Бадди, а после – вытрется его полотенцем.

Отвернувшись от своего глупо ухмыляющегося отражения, он вышел за дверь на лестничную площадку. Интересно, какая у Бадди спальня? Может, там зеркальный потолок, как в публичном доме в Туссоне, где они однажды побывали вместе, и Бадди сказал, стягивая резинку со своего члена «Когданибудь, Джимми, у меня будет такая же спальня».

Ламар заглянул в полдюжины дверей, пока не обнаружил хозяйскую спальню. Там, как и во всех остальных комнатах, царил карнавал. Зеркала на потолке не было, но кровать стояла большая. Для троих – любимое число Бадди. Уже собираясь уходить, он услышал, как в смежной ванной льется вода.

– Рошель, это ты?

Свет в ванной не горел. Наверное, она забыла закрыть кран. Ламар распахнул дверь.

Изнутри раздался голос Бадди:

– Пожалуйста, не зажигай свет.

Будь Ламар не под коксом, он вылетел бы из дома пулей, прежде чем привидение произнесло еще слово. Но наркотик замедлил его реакцию, и Бадди успел убедить партнера, что бояться нечего.

– Она сказала, что ты здесь, – сказал Ламар.

– А ты не поверил?

– Нет.

– Кто ты?

– Что значит «кто я»? Я Джимми. Джимми Ламар.

– Ах, да. Конечно. Выходи, надо поговорить.

– Нет... Я останусь тут.

– Я тебя плохо слышу.

– Выключи воду.

– Я писаю.

– Писаешь?

– Когда пью.

– Ты пьешь?

– Представляешь, каково мне? Она там, внизу, а я не могу к ней прикоснуться.

– Да, плохо.

– Ты должен сделать это для меня, Джимми.

– Что?

– Касаться ее. Ты ведь не гей?

– Уж тыто должен это знать.

– Конечно.

– Многих женщин мы имели вместе.

– Мы были друзьями.

– Лучшими. И должен сказать, очень мило с твоей стороны разрешить мне переспать с Рошелью.

– Она твоя. А в обмен...

– Что?

– Стань снова моим другом...

– Бадди, я скучаю по тебе.

– А я по тебе, Джимми...

– Ты была права, – сказал он, спустившись вниз. – Бадди действительно здесь.

– Ты его видел.

– Нет, но он говорил со мной. Он хочет, чтобы мы стали друзьями. Я и он. Я и ты. Близкими друзьями.

– Значит, станем.

– Ради Бадди.

– Ради Бадди.

На втором этаже Яфф решил, что этот неожиданный поворот событий ему на руку. Он хотел показаться в облике Бадди только Рошели – нехитрый трюк для того, кто высосал все мысли Вэнса. Прошлой ночью он явился к ней в его обличье и застал ее в постели пьяной. Убедить Рошель, что перед ней дух ее покойного мужа, оказалось очень легко; единственная сложность заключалась в том, чтобы не потребовать от нее выполнения супружеского долга. Теперь, договорившись с другом Бадди, он заполучил двух агентов, которые помогут ему встретить гостей.

После предыдущей ночи он радовался, что так предусмотрительно организовал эту вечеринку. Вчерашний трюк Флетчера застал его врасплох. В процессе самоуничтожения враг отправил частицы своей души, производящей галлюциноз, в сознание сотни, а то и двух сотен, человек. Сейчас эти люди воображают своих идолов и облачают их в плоть.

Конечно, галлюциноз не так свирепы, как тераты, и не проживут долго без своего покровителя. Но они могут расстроить планы Яффа. Чтобы помешать исполнению последней воли Флетчера, нужны страхи отборных звезд Голливуда.

Его путь, который начался, когда Яфф впервые услышал об Искусстве (он уже не помнил, от кого именно), скоро завершится – он войдет в Субстанцию. После многих лет ожидания это будет возвращением домой. Он украдет небеса, а потом будет царить на небесах, на украденном троне. Он завладеет всеми мечтами мира, станет владыкой мира, и никто никогда его не осудит.

Осталось два дня. Первый уйдет на осуществление его замысла.

Второй станет днем Искусства. И он попадет туда, где рассвет и закат, день и ночь сливаются в одном вечном мгновении.

Туда, где есть только *всегда*.

V

Для Теслы отъезд из ПаломоГроува стал пробуждением от сна, в котором некий учитель учил ее, что жизнь это сон. Что нет смысла или бессмыслицы; что нельзя самонадеянно решать, будто один опыт реален, а другой – нет. «Может, я живу в кино?» – подумала она. А что, неплохая идея для сценария: женщина вдруг понимает, что вся история человечества – бесконечная семейная сага, снятая Природой и Случаем, а смотрят ее ангелы, инопланетяне, да еще случайно включившие этот канал ребята из Питтсбурга. Может, она напишет такой сценарий, когда закончится путешествие.

Если оно закончится. Логичная мысль при новом взгляде на вещи. Хорошо это или плохо, но оставшуюся жизнь она проживет в ожидании чуда. А в ожидании она будет придумывать свои собственные истории, чтобы не дать себе и своей аудитории заснуть.

До Тихуаны поездка была легкой, и Тесле хватало времени для размышлений. Но после пересечения границы ей пришлось постоянно сверяться с купленной картой, и все посторонние мысли отошли на задний план. Благодаря карте и руководству Флетчера, чей голос звучал у нее в голове, Тесле удалось добраться до нужного места. Она никогда раньше не была на этом полуострове и удивилась, что здесь так пустынно. Казалось, ни человек, ни его создания не могут здесь выжить. Наверное, миссия уже разрушена непогодой, или ее просто смыло в океан, чей шепот по мере приближения к побережью становился все громче.

Но Тесла ошибалась. Едва она обогнула указанный Флетчером холм, как стало ясно: миссия неплохо сохранилась. При виде ее внутри у Теслы все сжалось. Через несколько минут она окажется там, где начался этот эпос, малую часть которого она успела прочесть. У христиан подобное чувство вызывал Вифлеем. Или Голгофа, Черепная гора.

Но черепов она там не обнаружила. Даже наоборот. Лишь одна из стен миссии обвалилась, камни из нее были разбросаны на большой площади, но кто-то позаботился о том, чтобы здание не разрушалось дальше. Причина этого стала ясна, когда Тесла припарковала машину и пошла к дому по пыльной земле. Миссия, изначально построенная для святых целей, заброшенная, а потом ставшая укрытием для тех, кого безусловно сочли бы еретиками, снова стала местом паломничества.

Чем ближе Тесла подходила к зубчатым стенам, тем больше свидетельств этого замечала. Впервых, на грубых скамьях и среди разбросанных камней лежали гирлянды цветов, они

сверкали в прозрачном морском воздухе. Вовторых, среди цветов – их было столько, что с трудом удавалось на них не наступить – лежала домашняя утварь: кувшин, дверная ручка, обернутая в исписанный листок бумаги, ломоть хлеба. Солнце клонилось к закату, и его сочное золотое сияние усиливало ощущение зачарованное™ этого места. Тесла старалась ступать как можно тише, чтобы не потревожить местных обитателей – людей или кого-то еще. Если уж в округе Вентура, не таясь, по улицам бродили волшебные существа, почему бы им не жить и здесь, в пустыне?

Она даже не пыталась представить, кто они и как выглядят (если у них вообще есть конкретная форма). Но количество даров и подношений говорило о том, что здешние молитвы не оставались без ответа.

Цветы и приношения снаружи впечатляли, но внутри ждала еще более удивительная картина. Тесла вошла внутрь через пролом в стене и оказалась в помещении, где стены были увешаны десятками фотографий и портретов мужчин, женщин и детей. К ним прикреплялись то деталь одежды, то ботинок и даже очки. Снаружи лежат дары, догадалась Тесла, а здесь предметы, по которым некий путеводный бог должен отыскать эти пропавшие души. Их принесли сюда близкие, чтобы обитающие здесь силы вывели заблудших на знакомую дорогу к дому.

Стоя в золотистом свете и изучая эту коллекцию, Тесла почувствовала себя непрошеным гостем. В ней редко просыпались – если вообще просыпались – религиозные чувства. Церковные догматы всегда казались слишком ограниченными, а образы – слишком банальными. Но эти искренние проявления веры затронули в ней какую-то струну, которая, как думала Тесла, давно уже лопнула из-за царящего вокруг лицемерия. Она вспомнила, как впервые после добровольного пятилетнего изгнания из лона семьи вернулась домой на Рождество. Как и ожидалось, возвращение вызвало у нее приступ клаустрофобии. Но в полночь в сочельник, когда она гуляла по Пятой авеню, ее вдруг пронзило забытое чувство, от него перехватило дыхание и подступили слезы: она вспомнила, что когда-то верила. Это ощущение пришло изнутри и вырвалось наружу. Оно не основывалось ни на страхе, ни на знаниях. Оно просто было. Первые слезы были благодарностью за благодатную возможность вновь обрести веру, а следующие вызвали грусть из-за мимолетности этого ощущения. Души Теслы словно коснулся некий дух – и тут же исчез.

Но сейчас это чувство не уходило. Оно крепло, пока солнце стучало краски, опускаясь к морю.

Чьи-то шаги в глубине дома нарушили очарование. От испуга сердце забило сильнее. Чтобы успокоиться, Тесла вздохнула поглубже и спросила:

– Кто там?

Ответа не последовало. Она осторожно прошла вдоль стены с фотографиями и через пустой дверной проем шагнула в следующую комнату. Там было два окна, словно два глаза в кирпичной стене, через которые проникал красноватый свет заходящего солнца. Она не сомневалась – хотя ее уверенность основывалась только на интуиции, что оказалась в святой святых. Несмотря на отсутствие крыши и рухнувшую восточную стену, помещение дышало силой, словно она накапливалась тут долгие годы. Похоже, когда Флетчер жил в миссии, здесь была лаборатория. У стен лежали упавшие стеллажи, пол усыпан разбитым оборудованием. Тут не было ни приношений, ни портретов. Несмотря на кучки песка, наметенные вокруг мебели, и проросшие кое-где чахлые кусты, ощущение святости этого места только усиливалось.

В дальнем углу в тени стоял хранитель святилища. Тесла с трудом могла разглядеть его. Он был в маске, или его лицо напоминало маску, но что-то подсказывало, что бояться его не нужно. Здесь нет места насилию. Кроме того, Тесла пришла по делу божества, когда-то работавшего в этой самой комнате. Она заговорила первой.

– Меня зовут Тесла, – сказала она. – Меня прислал доктор Ричард Флетчер.

Услышав это имя, человек в углу медленно поднял голову, а потом чуть слышно вздохнул.

– Флетчер? – спросил он.

– Да, – ответила Тесла. – Вы знаете, кто он? Он ответил вопросом на вопрос:

– Кто вы?

У него был сильный испанский акцент.

– Я же сказала. Он послал меня сюда. Я должна сделать то, о чем он лично меня попросил.

Человек шагнул от стены, и солнце осветило его лицо.

– Почему он не пришел сам?

Прошло несколько секунд, прежде чем Тесла нашла ответ. Увидев низкий лоб и приплюснутый нос этого человека, она сбилась с мысли. Ей никогда не доводилось видеть столь уродливого лица.

– Флетчера больше нет, – ответила она наконец, отчасти из отвращения, отчасти инстинктивно избегая слова «смерть».

На уродливом лице отразилась печаль, казавшаяся едва ли не карикатурной.

– Я был здесь, когда он ушел, – сказал странный человек. – Я ждал, когда он... вернется.

Она поняла, кто это. Флетчер говорил ей, что мог остаться свидетель Великого деяния.

– Рауль?

Глубоко посаженные глаза расширились. Белков в них не было.

– Да, вы знаете его, – сказал он и шагнул вперед. Свет еще больше обнажил его уродство, и Тесла едва не зажмурилась. Она не раз видела в кино и более жутких существ, а прошлой ночью была ранена созданиями, словно вышедшими из ночного кошмара. Но эмоции этого мутанта были страшнее всего, что она встречала в жизни. Он слишком напоминал человека, хотя не был им.

– Я пришла уничтожить то, что осталось от нунция.

– Зачем?

– Этого хочет Флетчер. Его враги пребывают в этом мире, хотя он его покинул. Он боится, что они придут сюда и найдут вещество.

– Но я ждал...

– Ты правильно делал. Ты охранял это место.

– Я никуда не уходил. Все эти годы. Я оставался там, где мой отец сотворил меня.

– Как же ты выжил?

Рауль посмотрел на совсем низкое солнце.

– Люди присматривали за мной, – сказал он. – Они не понимают, что здесь произошло, но знают, что я часть этого.

Они верят, что когдато боги пришли сюда. Пойдем, я покажу.

Он вывел Теслу из лаборатории в пустую комнату с одним окном. Стены в ней оказались сплошь разрисованы – грубо, но с чувством.

– Это события той ночи, – пояснил Рауль, – как они себе их представляют.

Здесь было не светлее, чем в лаборатории, но полумрак лишь усиливал таинственность изображений.

– Вот это миссия, – указал Рауль на примитивно нарисованный домик на вершине холма. – А это мой отец.

Флетчер стоял перед холмом, его лицо было белым на фоне темного холма, а глаза горели, как две луны. Вокруг его головы, словно спутники, висели какието странные существа, исходившие из его рта и ушей.

– А это что? – поинтересовалась Тесла.

– Это его идеи. Их дорисовал я.

– Какие же идеи могут так выглядеть?

– Это морские обитатели, – последовал ответ. – Все произошло из моря. Он рассказал мне это. Море вначале и море в конце. А между...

– Субстанция, – сказала Тесла.

– Что?

– Он не говорил тебе о Субстанции?

– Нет.

– Куда люди отправляются во сне?

– Я же не человек, – тихо напомнил Рауль. – Я результат его эксперимента.

– Он сделал тебя человеком, – сказала она. – Разве не это делает нунций?

– Не знаю, – признался Рауль. – Что бы нунций ни сделал со мной, я не благодарю его. Я был счастливее... обезьяной. Если бы я остался ею, я бы уже умер.

– Не говори так. Флетчеру не понравилось бы, что ты сожалешь.

– Флетчер меня бросил, – сказал Рауль. – Сначала он объяснил мне, кем я никогда не смогу стать, а потом бросил.

– У него были причины. Я видела его врага, Яффа. Его необходимо остановить.

– Вот. – Рауль ткнул дальше в стену. – Вот Яфф. Изображение было весьма правдоподобным. Тесла сразу узнала и раздувшуюся голову, и злобный взгляд. Видел ли Рауль Яффе после преобразования или инстинктивно угадал, что тот превратится в монструозного ребенка? Она не успела решить для себя этот вопрос. Рауль потянул ее за руку.

– Я хочу пить. Досмотрим потом.

– Будет слишком темно.

– Нет. Они придут и зажгут свечи, когда зайдет солнце. Пойдем, поговорим немного. Расскажешь, как умер мой отец.

ТоммиРэй добирался до миссии СантаКатрина дольше, чем женщина, которую он преследовал. В дороге с ним произошло нечто, открывшее ему часть собственной души, которую впоследствии предстояло узнать гораздо лучше. Ранним вечером, остановившись промочить горло в небольшом городишке к югу от Энсенады, он очутился в баре, где ему всего за десять долларов предложили зрелище, невообразимое в его родном городе. Слишком заманчиво, чтобы отказываться. Он заплатил, купил пива, и его пропустили в прокуренное помещение чуть большее, чем его собственная спальня в Гроуве. На скрипящих стульях уже расположилось с десяток мужчин. Они смотрели, как женщина занимается сексом с большим черным псом. ТоммиРэй не нашел в этом ничего возбуждающего – по крайней мере, в сексуальном смысле. Впрочем, как и остальная аудитория. Они смотрели на происходящее, подавшись вперед с интересом, какого ТоммиРэй не мог понять, пока пиво не ударило ему в голову. Зрение сузилось, и лицо женщины словно загипнотизировало его. Когдато она была красивой, но теперь исхудала, лицо осунулось, а следы на руках указывали на пагубную страсть, что заставила ее пасть так низко. Она умело, поскольку проделывала это бесчисленное количество раз, возбудила собаку и встала перед ней на четвереньки. Пес лениво ее обнюхал, а потом вошел в нее. Только когда животное взгромоздилось на женщину, ТоммиРэй понял, чем его (а возможно, и других зрителей) так привлекло выражение ее лица. Она выглядела как труп. Эта мысль словно отворила в его сознании дверь, ведущую прямо в смердящее желтое месиво. Он уже видел такой взгляд у девушек с обложек порножурналов и у знаменитостей, застигнутых объективом. Сексзомби, зомбизвезды, мертвецы, идущие к живым. Когда он снова взглянул на сцену, пес вошел в ритм и трахал женщину с собачьим азартом, роняя слюни ей на спину. И когда ТоммиРэй подумал о женщине как о мертвой, зрелище показалось ему сексуальным. Чем больше возбуждался пес, тем больше возбуждался он сам и тем мертвее казалась женщина. ТоммиРэй ощущал член пса внутри нее, свой взгляд на ней, и это превратилось в соревнование между ним и собакой – кто кончит первым.

Пес выиграл – дошел до бешеного темпа и вдруг остановился. Тут же мужчина, сидевший в первом ряду, встал и разъединил пару. Животное уже потеряло всяческий интерес к своей партнерше. Собаку увели, а женщина стала собирать свою одежду, которую она сняла, очевидно, до прихода ТоммиРэя. Затем она вышла в ту же боковую дверь, куда увели собаку. Шоу, похоже, еще не кончилось, так как никто не вставал с места. Но ТоммиРэй увидел все, что ему было нужно. Он пробился к выходу, расталкивая новых посетителей, и вышел в полутемный бар.

Много позже, почти у самой миссии, он обнаружил, что его карманы пусты. Возвращаться не было времени, да и зачем? Наверняка его обобрали в толпе на выходе. То, что он получил, стоило потерянных долларов – новое понимание смерти. Даже не новое – первое и единственное.

К тому времени, как он подъехал к миссии, солнце давно зашло, но у него возникло сильное дежавю. Может, он видел это место глазами Яффа? Так или иначе, но ощущение оказалось полезным. Уверенный, что посыльная Флетчера уже здесь, он решил оставить машину чуть ниже на холме, что бы она не заметила, и подняться на вершину пешком. Темнота не мешала: ноги сами знали дорогу, хотя ТоммиРэй ее и не помнил.

В случае необходимости он был готов к насилию. Яфф дал ему пистолет – трофей, добытый у одного из горожан. Мысль пустить его в ход казалась весьма соблазнительной. Когда он добрался до вершины и увидел здание миссии, в боку его колело. За спиной взошла бледная луна цвета акульего брюха. Она осветила разрушенные стены и кожу его рук и ладоней. ТоммиРэю захотелось найти зеркало и рассмотреть свое лицо. Наверняка сквозь плоть он

увидел бы кости, и череп его сверкал бы так же, как зубы, когда он улыбался. В конце концов, не об этом ли говорит улыбка? Привет, мир, вот так я буду выглядеть, когда сгниют мягкие ткани.

С этими мыслями он направился к миссии, шагая по вянущим цветам.

Хижина Рауля – маленькая примитивная постройка, где и двоим было тесно, – находилась в пятидесяти ярдах от главного здания. Он объяснил Тесле, что зависит от великодушия окрестных жителей. Они снабжают его едой и одеждой за то, что он заботится о миссии. При отсутствии инструментов и материалов ему наверняка стоило немалого труда приспособить для жизни этот бывший амбар. Во всем чувствовалась тонкость его натуры. Свечи на столе окружало кольцо из тщательно подобранных камней, покрывало на простой кровати украшали перья морских птиц.

– У меня есть один порок, – признался Рауль, усадив Теслу на единственный стул. – Унаследовал от отца.

– И что же это?

– Курю. По одной сигарете в день. И ты покуришь со мной.

– Я курила раньше, – ответила Тесла, – но теперь бросила.

– Сегодня ты будешь курить, – сказал Рауль, отметая возможные возражения. – Мы покурим за отца.

Он вынул из небольшой жестянки свернутую вручную сигарету и спички. Пока он прикуривал, она разглядывала его лицо. То, что поразило ее при первом взгляде, поражало попрежнему. Его черты не были ни обезьяньими, ни человеческими, но наилучшим сочетанием тех и других. Но при этом его речь, манеры и даже то, как он держал сигарету длинными темными пальцами, делали его удивительно цивилизованным. Не будь он обезьяной, мать Тесла могла бы пожелать его дочери в мужья.

– Знаешь, Флетчер не умер, – сказал он, передавая сигарету. Тесла неохотно взяла ее, не слишком стремясь засунуть в рот то, что побывало в его губах. Но он не отрывал от нее глаз, в которых плясали огоньки свечей, и она сдалась. Он улыбнулся, довольный, что она курила вместе с ним – Он стал чемто еще. Я уверен. Чемто совсем другим.

– Я курю за это, – сказала она, затягиваясь еще раз. Тут до нее дошло, что этот табак забирает гораздо сильнее, чем тот, что она курила в ЛосАнджелесе.

– Что это?

– Отличная штука, – ответил он. – Тебе нравится?

– Траву они тебе тоже приносят?

– Они ее выращивают, – ответил Рауль, как само собой разумеющееся.

– Молодцы, – сказала она и затаилась в третий раз, прежде чем вернуть сигарету.

Это действительно была хорошая штука. Прежде чем она успела сообразить, что говорит, ее губы произнесли половину фразы, хотя сознание понятия не имело, как закончить мысль.

– Когданибудь я расскажу об этой ночи своим детям., впрочем, я не хочу никаких детей... ладно, тогда внукам., расскажу, как сидела тут с человеком, который раньше был обезьяной... ничего, что я тебя так называю? Больше не буду, хорошо?., и мы сидели и разговаривали о его друге... и моем., который раньше был человеком...

– А когда ты будешь это рассказывать, – спросил Рауль, – что ты расскажешь про себя?

– Про себя?

– Кем ты собираешься стать? Она задумалась.

– А я должна кемто стать? Рауль передал ей остаток сигареты.

– Все чемнибудь становится. Сидя здесь, мы становимся...

– Чем?

– Становимся старше. Ближе к смерти.

– Черт! Ближе к смерти я не хочу.

– Выбора нет, – просто ответил он.

Тесла покачала головой. И по инерции качала еще долго.

– Хочу понять, – сказала она наконец.

– Чтонибудь конкретное?

Она снова задумалась, перебирая возможные определения, и остановилась на одном.

– Все.

Он засмеялся. Его смех звучал как колокольчик. Она намеревалась ему сказать, как здорово у него это получается, и тут поняла, что Рауль поднялся и стоит у двери.

– В миссии кто-то есть, – услышала она его голос.

– Пришли зажечь свечи, – предположила Тесла. Ее тело раскачивалось вслед за головой.

– Нет, – сказал он, выходя в темноту. – Они не ходят там, где колокольчики.

Обдумывая сбивший ее с толку вопрос Рауля, она смотрела на пламя свечи. Огонь отпечатался на ее сетчатке, и, спотыкаясь, Тесла двинулась вслед за этим огоньком сквозь темноту. Если бы Рауль вовремя ее не окликнул, воля травы довела бы ее до обрыва. Возле миссии он шепотом велел ей оставаться на месте, но она не послушалась и побрела за ним. Люди, зажигавшие свечи, уже побывали здесь. В комнате с портретами мерцал тусклый свет. Хотя сигарета Рауля порядком затуманила рассудок, Тесла испугалась за вещество – она оставила его без присмотра, подставила под удар цель своего путешествия. Почему она сразу не нашла нунций и не швырнула его в океан, как велел Флетчер? Досада придавшие ей сил. Она нагнала Рауля в темноте разрисованной комнаты и первая шагнула в освещенную свечами лабораторию.

Это были не свечи. Тот, кто пришел сюда, не принес даров.

В центре комнаты горел небольшой костер, и какой-то человек – она видела лишь его согнутую спину – голыми руками рылся в куче сваленного оборудования. Когда человек поднял голову, Тесла не ожидала, что узнает его. Если подумать, с ее стороны это было глупо. За последние несколько дней она успела выучить всех героев пьесы в лицо или по имени. Этого она знала и в лицо, и по имени. ТоммиРэй Макгуайр. На его совершенном лице проглядывало безумие – наследство Яффа.

– Привет, – вежливо сказал он. – А я думал, куда ты пропала? Яфф сказал, что ты будешь здесь.

– Не трогай нунций, – проговорила она – Это опасно.

– Люблю опасность, – ухмыльнулся он.

Она увидела что-то у него в руке. Он заметил ее взгляд, поднял руку и показал свою добычу.

– Ага, я его нашел, – заявил он.

Сосуд был точно таким, как описал Флетчер.

– Выброси его, – сказала она, пытаясь оставаться спокойной.

– Конечно, именно это ты и собиралась сделать, да? – спросил ТоммиРэй.

– Да, клянусь тебе. Он смертельно опасен.

Она увидела, как юноша перевел взгляд на Рауля, чье дыхание она почувствовала за спиной. ТоммиРэя вовсе не заботило, что он оказывался в меньшинстве. Что, думала она, способно стереть с его лица эту самодовольство ухмылку? Может, нунций? Господи, что же можно найти, развить и усилить в сердце этого варвара?

Она снова сказала:

– Уничтожь его, ТоммиРэй, пока он не уничтожил тебя.

– Нет уж. У Яффа на него свои виды.

– А что будет с тобой, когда ты выполнишь его задания и станешь ему не нужен?

– Он мой отец, и он меня любит, – ответил ТоммиРэй с убежденностью, которая могла бы показаться трогательной, будь он нормальным человеком.

Она стала приближаться к юноше, продолжая говорить:

– Только послушай меня, ладно?

Он сунул нунций в один карман, а из другого достал револьвер.

– Что ты там сказала про эту штуку? – спросил он, целясь в нее.

– Я сказала, что это нунций, – она замедлила шаг, но не остановилась.

– Нет. Еще. Ты сказала что-то еще.

– Что он смертельно опасен. Он усмехнулся.

– Вот. Смертельно. Это значит, он может убить тебя, так?

– Так.

– Мне это нравится.

– Нет, Томми...

– Не указывай, что мне нравится, а что нет. Я сказал, что мне нравится смертельная опасность, и я знаю, о чем говорю.

Она вдруг поняла, что абсолютно неправильно оценила обстановку. Если бы она писала эту

сцену, то он держал бы ее на мушке, пока не ушел. Но у него был свой сценарий.

– Я ЧеловекСмерть, – сказал он и нажал на курок.

VI

Выбитый из колеи эпизодом в доме Эллен, Грилло сел писать, чтобы отвлечься. Сначала было легко. Он ступил на твердую почву и изложил факты так, что сам Свифт мог бы гордиться. Потом он выберет, что можно отдать Абернети, а пока он должен записать все, что помнит.

В самый разгар работы позвонил Хочкис, предложил посидеть где-нибудь часок, выпить и поговорить. Он сказал, что в Гроуве есть два бара Бар Старки в Дирделле не такой скучный, поэтому лучше отправиться туда. Через час, запечатлев на бумаге события прошлой ночи, Грилло вышел из отеля и встретился с Хочкисом.

У Старки почти никого не было. В одном углу сидел старик, напевавший себе что-то под нос, да у барной стойки торчали двое парней, слишком молодых для выпивки. Несмотря на это, Хочкис все время говорил шепотом.

– Вы ничего обо мне не знаете, – начал он. – Я это понял прошлой ночью. Пора вам объяснить.

Дальше он уже не умолкал. Он говорил без эмоций, словно груз пережитого давно выжал из него все слезы, чему Грилло был рад. Если рассказчик остается бесстрастным, это освобождает от необходимости сопереживать. Как и следовало ожидать, Хочкис начал с рассказа о дочери. Не превознося и не осуждая, он просто описал ее и то, что с ней произошло. Потом он раскинул сеть рассказа шире и коротко обрисовал судьбы Труди Катц, Джойс Макгуайр и Арлин Фаррел. Грилло отмечал подробности истории и пытался составить генеалогическое дерево, корнями уходящее туда, куда Хочкис так часто возвращался в своем повествовании, – под землю.

– Ответ здесь, – не раз повторял Хочкис – Я уверен, что именно Флетчер и Яфф, кем или чем бы они ни были, виноваты в том, что случилось с моей Кэролин и другими девочками.

– Все прошедшее время они провели в пещерах?

– Мы же видели, как они оттуда вышли, – ответил Хочкис. – Да, я думаю, они ждали там.

Он сделал большой глоток виски.

– После прошлой ночи... я так и не заснул. Я пытался отыскать смысл произошедшего.

– И что?

– Я решил спуститься в расщелину.

– Зачем?

– За годы они должны были оставить там следы. Может, мы найдем способ их уничтожить.

– Флетчера уже нет, – напомнил Грилло.

– Разве? – сказал Хочкис. – Я уже ни в чем не уверен. Ничто не исчезает, Грилло. Кажется, что чего-то нет, а оно просто скрылось из виду. Оно остается в сознании, в земле. Стоит немного углубиться – и вот оно, прошлое. Каждый шаг – тысяча лет.

– Моя память не заходит так далеко, – саркастически заметил Грилло.

– Заходит, – возразил Хочкис с путающей серьезностью. – Мы помним себя до того момента, когда мы были каплями в океане. Это преследует нас всю жизнь.

Он поднял руку.

– Выглядит твердой, да? – спросил он. – А ведь в основном она состоит из воды.

Казалось, что его осенила еще одна мысль, но он промолчал.

– Твари, созданные Яффом, – сказал Грилло, – похожи на подземных обитателей. Вы их хотите найти?

В ответ Хочкис сформулировал мысль, которую не высказал минуту назад.

– Когда она умерла... – проговорил он. – Я имею в виду Кэролин... Когда Кэролин умерла, мне приснилось, что она растворилась у меня на глазах. Не разложилась, а растворилась. Словно море забрало ее назад.

– Вам до сих пор это снится?

– Нет. С тех пор я не вижу снов.

– Всем что-то снится.

– Значит, я просто не позволяю себе помнить свои сны, – сказал Хочкис. – Так вы со мной?

- Что?
- Пойдете со мной?
- Вы всерьез решили? Мне кажется, это невозможно осуществить.
- Тогда мы умрем.
- Мне нужно дописать одну историю.
- Послушайте, мой друг, – сказал Хочкис. – Это и есть история. Единственная история. Она у нас прямо под ногами.
- Должен вас предупредить... У меня клаустрофобия.
- Ничего, мы вас вылечим, – ответил Хочкис с улыбкой, не очень успокоившей Грилло.

Хови весь день боролся со сном, а к вечеру глаза его стали закрываться. Он сообщил ДжоБет, что хочет вернуться в отель, но тут вмешалась Джойс. Она сказала, что ей было бы не так тревожно, если бы он остался здесь. Она выделила юноше комнату (предыдущую ночь он провел на диване), и Хови удалился. За последние несколько дней ему изрядно досталось. Рука не заживала, и спина до сих пор болела, хотя укусы тераты оказались неглубокими. Но это не помешало ему мгновенно уснуть.

ДжоБет готовила ужин – салат для мамы, как обычно, – и за привычными делами почти забывала, что неделю назад мир изменился. Но нечаянный взгляд на мамино лицо или на новый блестящий замок кухонной двери будил ее воспоминания. Она не могла упорядочить их, там были просто боль и унижения, а за ними новая боль и новые унижения. И рядом – злобный взгляд Яффа, который пытается переманить ее на свою сторону, как ТоммиРэя... Больше всего она боялась, что она окажется способна перейти на сторону врага. Ведь когда Яфф объяснял, что предпочитает рассудок чувствам, ДжоБет поняла его. И даже стала проникаться к нему сочувствием. И этот разговор об Искусстве и об острове, что он собирался ей показать...

- ДжоБет?
- Да, мама.
- Ты в порядке?
- Да. Да, конечно.
- О чем ты думаешь? У тебя такое выражение лица...
- Я думаю... о прошлой ночи.
- Ты должна выбросить ее из головы.
- Можно, я съезжу к Луис? Поболтаю немного? Ты не против?
- Нет. Со мной ведь останется Ховард.
- Тогда я поеду.

Никто из ее городских знакомых не был более здоровым, чем Луис. При всем своем морализме та твердо и четко понимала, что такое добро: это когда на земле мир, люди живут в любви и, в свою очередь, любят своих детей. И она понимала, что такое зло: любая сила, восстающая против данного порядка вещей. Террористы, анархисты, сумасшедшие. Теперь ДжоБет узнала, что у них есть союзники в ином плане бытия, в том числе – ее отец. Поэтому сейчас для нее особенно важно было пообщаться с человеком, чьи понятия о добре и зле непоколебимы.

Едва она вышла из машины, как услышала доносящийся из дома Луис шум и смех – радостные звуки после пережитого страха и унижений. Она постучала. Шум не стихал. Казалось, внутри собралась целая толпа.

– Луис? – окликнула она, но изза несмолкающего веселья ни ее стук, ни голос не были услышаны. Тогда она постучала в окно и снова позвала. Занавески отдернулись, показалось удивленное лицо Луис. Комната за ее спиной была полна людей. Через десять секунд хозяйка распахнула дверь. ДжоБет с удивлением увидела, что Луис радушно улыбалась. Из открытой двери на крыльцо выплеснулось пятно ослепительного света.

- Вот так сюрприз! – сказала Луис.
- Да, я хотела позвонить. Но... у тебя гости?
- Вроде того, – ответила Луис. – Все немного сложнее...

Луис оглянулась в глубину дома. Там, похоже, была костюмированная вечеринка. По лестнице, сверкая шпорами, поднимался мужчина в ковбойском наряде. Он разминулся с другим мужчиной в военной форме. Через холл рука об руку с женщиной в черном платье шел

военный хирург в маске. Странно, что Луис не рассказала ДжоБет об этой вечеринке, ведь они столько болтали друг с другом в магазине, когда не было покупателей. Но вдвойне странно было то, что строгая и спокойная Луис вообще устроила нечто подобное.

– Ну, ничего, – сказала хозяйка. – В конце концов, ты моя подруга. Тебе стоит к нам присоединиться.

Не успела ДжоБет спросить, к чему именно присоединиться, как Луис бесцеремонно схватила ее за руку, втащила внутрь и захлопнула дверь.

– Разве не чудесно? – Луис вся сияла. – К тебе когданибудь приходили такие люди?

– Люди?

– Гости.

ДжоБет рассеянно кивнула, слушая оживленную болтовню Луис.

– А знаешь, к Крицлерам из соседнего дома пришли гости из «Маскарада». Ну, помнишь сериал про сестер?

– По телевизору?

– Да, конечно, по телевизору. А мой Мел.. Ты же знаешь, как он любит старые вестерны...

ДжоБет ничего не понимала, но не стала перебивать Луис. Она боялась, что если начать задавать вопросы, то Луис решит, будто ДжоБет не в курсе, и перестанет откровенничать...

– А я... Я так счастлива, – щебетала Луис. – Ко мне пришли все из «Дня за днем». Все семейство. Алан, Вирджиния, Бенни, Джейн. Они даже Моргана притащили. Представляешь?

– Откуда они пришли?

– Они просто появились на кухне, – последовал ответ. – И, конечно же, рассказали мне семейные сплетни...

У Луис было две страсти в жизни – ее магазин и «День за днем». Каждый день она рассказывала ДжоБет подробности вчерашней серии, словно события из собственной жизни. Теперь, похоже, она стала жертвой своей одержимости. Она говорила о Паттерсонах так, будто они и впрямь сидели у нее в гостиной.

– Они очень милые, как я и представляла, – продолжала она, – хотя не думала, что они станут общаться с героями «Маскарада». Ведь Паттерсоны *обычные*, за что я их и люблю. Они такие...

– Луис, перестань!

– Что не так?

– Это ты мне скажи, что не так.

– Все в порядке. Все прекрасно. У меня гости, и я счастлива.

Она улыбнулась мужчине в светлоголубой куртке, и тот помахал ей в ответ.

– Это Тодд из «Последнего смеха», – сказала она. ДжоБет не любила ни поздние шоу, ни «День за днем», но мужчина показался ей смутно знакомым, как и девушка, которой он показывал карточные фокусы, и сидящий рядом другой мужчина, явно соперничающий с первым за ее внимание. ДжоБет видела их в любимом мамином шоу «Убежище».

– Что тут происходит? – спросила она. – Это конкурс двойников?

Улыбка Луис, не сходявшая с ее лица с того момента, как она открыла дверь, чуть померкла.

– Ты мне не веришь, – сказала она.

– Не верю?

– Про Паттерсонов.

– Конечно нет.

– Но это они, ДжоБет, – сказала Луис совершенно серьезно. – Я мечтала с ними познакомиться, и они пришли.

Она взяла ДжоБет за руку, и улыбка вспыхнула опять.

– Сама убедишься. И не волнуйся, к тебе тоже придет тот, кого ты очень захочешь видеть. Это происходит со всеми в городе. И не только люди из телевизора Из журналов, из рекламы. Красивые люди, чудесные люди. Их не надо бояться. Они связаны с нами. – Она подвинулась ближе. – Знаешь, я только вчера поняла. Мы им нужны так же, как и они нам, а может, и больше. Так что они не сделают ничего Дурного.

Она толкнула дверь в комнату, откуда доносился особенно громкий смех. Свет здесь был еще ярче, чем в холле, хотя его источника не было видно. Казалось, что сами люди сияли, сверкали их волосы, глаза и зубы. У камина, оглядывая собравшуюся компанию, стоял Мел – лысый и гордый.

Как Луис и говорила, ПаломоГроув навестили звезды. В центре комнаты расположилась

семья Паттерсонов в полном составе – Алан, Вирджиния, Бенни, Джейн и даже их песик Морган. Рядом были и другие персонажи: миссис Кляйн из соседнего дома – проклятие всей Вирджинии, Хейворд – хозяин магазинчика на углу. Алан Паттерсон оживленно говорил что-то Эстер д'Арси, несчастной героине «Маскарада». Ее гиперсексуальная сестра, отравившая половину семьи в погоне за наследством, строила глазки почти обнаженному мужчине из рекламы нижнего белья.

– Внимание! – сказала Луис, перекрывая общий гомон. – Послушайте, пожалуйста... Хочу представить вам свою подругу.

Знакомые лица повернулись к ним. ДжоБет показалось, что на нее уставилась целая дюжина обложек «ТВгида». Ей захотелось убраться из этого безумия, пока она не заразилась, но Луис крепко держала девушку за руку. Кроме того, это была часть общего безумия, творившегося в последнее время. Так что, если она хотела разобраться, стоило остаться.

– ДжоБет Макгуайр! – объявила Луис. Все улыбнулись, даже ковбой.

– Похоже, вам нужно выпить, – сказал Мел после того, как Луис представила ДжоБет каждому из гостей.

– Я не пью спиртное, мистер Нэпп.

– Но сейчас оно вам необходимо. Мне кажется, у нас всех кое-что изменилось в жизни сегодня вечером. Или прошлой ночью. – Он посмотрел на Луис, которая смеялась чуть не до слез. – Никогда не видел ее такой счастливой. И я сам от этого счастлив.

– Но как вы думаете, откуда взялись эти люди? Мел пожал плечами.

– Я знаю не больше вашего. Оставим это, ладно? Если вы не хотите выпить, то я хочу. Луис всегда отказывала себе в таких маленьких удовольствиях. А я говорил, что бог не смотрит, а если и смотрит, то ему все равно.

Они протиснулись сквозь толпу гостей и вышли в холл, где собралось несколько человек, желавших избежать столпотворения в гостиной. Среди них были и знакомые прихожане мормонской церкви – Мэйлин Малет, Эл Григсби и Руби Шепперд. Они улыбнулись ДжоБет, и, судя по их лицам, никто не считал собравшуюся компанию недостойной. Может, они привели сюда своих *гостей*?

– Вы были прошлой ночью в молле? – спросила ДжоБет Мела, пока он наливал ей апельсиновый сок.

– Был, – ответил он.

– А Мэйлин? А Луис? А Крицлеры?

– Думаю, да. Не припомню точно, кто именно, но большинство из них... Вы уверены, что не хотите добавить чего-нибудь в сок?

– Можно, – рассеянно ответила она, пытаясь разобраться в этой загадке.

– Вот и хорошо. Бог не смотрит, а если и смотрит...

– ... то ему все равно. Она взяла бокал.

– Точно, ему все равно.

Она отпила сначала маленький глоток, потом побольше.

– Что там?

– Водка.

– Неужели мир сходит с ума?

– Похоже, да, – последовал ответ. – И скажу больше: мне это нравится.

Хови проснулся чуть позже десяти – не оттого, что выспался, а оттого, что повернулся во сне и задел больную руку. Боль разбудила его. Он сел и стал при свете луны рассматривать пульсирующие костяшки пальцев. Ранки снова открылись. Он оделся, направился в ванную смыть кровь, потом стал искать, чем перевязать руку. Мать ДжоБет выдала ему бинт, посоветовала, как лучше делать перевязку, и сообщила, что ДжоБет ушла к Луис Нэпп.

– Что-то она задерживается, – добавила она.

– Еще нет и половины одиннадцатого.

– Все равно.

– Хотите, за ней схожу?

– Если ты не против. Можешь взять машину ТоммиРэя.

– Это далеко?

– Нет.

– Тогда я лучше пройдусь.

Теплый ночной воздух и отсутствие наступавших на пятки преследователей напомнили ему первый вечер в городе, встречу с ДжоБет у Батрика, их разговор и то, как он влюбился с первого взгляда. Беды, обрушившиеся на Гроув, были прямым следствием этой встречи. Но он с трудом мог заставить себя поверить, что его чувство к ДжоБет имело такие ужасные последствия. Не скрывается ли за враждой Яффа и Флетчера еще более грандиозный замысел? Хови всегда волновали невообразимые вещи: он то пытался представить себе бесконечность, то хотел узнать, можно ли коснуться Солнца. Он получал удовольствие не от найденного ответа, но от постановки вопроса. В данном случае проблема касалась его лично. Солнцем и бесконечностью интересовались и куда более изощренные умы, а его чувство к ДжоБет волновало его одного. Если, как подсказывал внутренний голос (или это частица Флетчера говорила в нем), их встреча была маленькой, но существенной частью чьего-то невероятного плана, то Хови хотел знать, чей это план. Это возлагало на него определенную ответственность. На них обоих. Как ему хотелось просто ухаживать за ДжоБет! Строить планы на будущее, забыть о необъяснимом грузе прошлого. Но нельзя стереть уже написанное, и нельзя отменить высказанное желание.

Если бы он захотел найти конкретное подтверждение своим мыслям, то более очевидного доказательства, чем собрание в доме Луис Нэпп, трудно было себе представить.

– ДжоБет, тут коекто пришел к тебе.

Она повернулась и увидела точно то же выражение лица, с каким сама стояла на этом месте два с лишним часа назад.

– Хови! – сказала она.

– Что здесь происходит?

– Вечеринка.

– Да, я вижу. Но эти актеры... Откуда они взялись? Не могут же они все жить в Гроуве.

– Это не актеры. Это герои сериалов. И фильмов, хотя Их тут не так много, но...

– Стой, стой.

Он подошел к ней поближе.

– Они что, друзья Луис? – спросил он.

– Именно так.

– Этот город не перестает удивлять! Только подумаешь, будто что-то о нем знаешь...

– Но они не актеры, Хови!

– Ты же сама сказала...

– Нет. Я сказала, что это телегерои. Видишь, вон там семья Паттерсонов? Они привели даже свою собаку.

– Морган, – сказал Хови. – Моя мать смотрела этот сериал.

Пес, дворняга из древнего рода дворняг, услышал свое имя и подскочил, виляя хвостом. За ним подбежал и Бенни, младший ребенок Паттерсонов.

– Привет. Меня зовут Бенни.

– Я Хови. А это...

– ДжоБет. Мы уже познакомились. Пойдем, покидаем мячик на улице? Мне скучно.

– Там же темно.

– Нет. – Бенни кивнул на открытую дверь в патио. Там, как он и говорил, было совсем не темно. Дом словно источал странное свечение. Но Хови не успел поговорить об этом с ДжоБет. Бенни уже тащил его во двор.

– Видишь? – спросил Бенни.

– Вижу.

– Ну что, пойдём?

– Чуть позже.

– Обещаешь?

– Обещаю. Слушай, как тебя на самом деле зовут? Мальчик казался удивленным.

– Бенни, – сказал он. – Меня всегда так звали.

И они с собачонкой вышли в сияющую ночь.

Прежде чем Хови успел сформулировать хоть один из вертящихся на языке вопросов, его дружески хлопнули по спине и звучный голос спросил:

– Хочешь выпить?

Хови поднял забинтованную ладонь, словно извиняясь, что не может пожать руку.

– Молодец, что пришел. ДжоБет мне про тебя рассказывала. Кстати, я – Мел, муж Луис. С Луис ты уже знаком, я полагаю.

– Да.

– Не знаю, куда она делась. Наверное, ее уволок один из ковбоев. – Он поднял свой бокал. – Как говорится, лучше пусть он, чем я. – Он изобразил на лице раскаяние. – Да о чем я! Следует вышвырнуть убудка из дому и пристрелить, да? – Мел ухмыльнулся. – Это новый Запад! Хочешь еще водки, ДжоБет? А ты, Хови, выпьешь чегонибудь?

– Почему бы и нет?

– Здорово, да? – спросил Мел. – Только когда сбываются наши чертовы сны, начинаешь понимать, кто ты на самом деле. Вот я... просто трус. И я не люблю ее. Никогда не любил.

Он отвернулся.

– Сука. Гребаная сука.

Хови смотрел, как он уходит в толпу, потом обратился к ДжоБет и очень медленно сказал:

– Я ничего не понимаю. А ты?

– А я понимаю.

– Тогда объясни мне. Только попроще.

– Это изза прошлой ночи. Изза того, что сделал твой отец.

– Изза огня?

– Или изза того, что вышло из него. Все эти люди – Луис, Мел, Руби – были прошлой ночью у молла. Что бы ни сделал твой отец...

– Говори потише, хорошо. Они смотрят на нас.

– Я и так говорю тихо, Хови, – сказала она. – Не будь параноиком.

– Говорю тебе, они смотрят.

Он чувствовал на себе их взгляды. Лица, которые он раньше видел только в журналах и на телеэкране, смотрели на него со странной тревогой.

– Ну и пусть смотрят, – сказала она. – Они не причинят вреда.

– Откуда ты знаешь?

– Я здесь уже давно. Тут обычная вечеринка...

– У тебя язык заплетается.

– Что, мне нельзя немного расслабиться?

– Конечно, можно. Я имею в виду, что сейчас ты не можешь судить, опасны они или нет.

– Чего ты хочешь? Остаться с ними наедине?

– Нет. Нет, конечно.

– Я не хочу быть частью Яффа.

– ДжоБет...

– Пускай он мой отец, но мне это не нравится.

При упоминании Яффа в комнате воцарилась тишина. Теперь уже все – ковбои, звезды мыльных опер, красотки, героини комедий положений – смотрели на них.

– Черт, – тихо сказал Хови. – Зря ты так сказала. Он обратился к окружающим:

– Это ошибка. Она имела в виду другое. Она не... она не относится... я хочу сказать, мы вместе. Мы с ней. Мой отец Флетчер, а ее... нет...

Он словно тонул вzybучих песках. Чем больше он боролся, тем глубже увязал.

Первым заговорил ковбой с голубыми глазами. Он смотрел на Хови, как написали бы в прессе, «ледяным взглядом».

– Ты сын Флетчера? – Да.

– Тогда скажи, что нам делать.

Внезапно Хови понял значение обращенных на него взглядов. Эти создания – Флетчер называл их галлюцигениями – узнали его или, по крайней мере, думали, что узнали. А теперь он сам расставил точки над «i». На их лицах читалось ожидание.

– Скажи, что нам делать, – произнесла одна из женщин.

– Мы здесь ради Флетчера, – сказала другая.

– Флетчера больше нет, – сказал Хови.

– Тогда ради тебя. Ты его сын. Что нам делать?

– Хочешь избавиться от потомства Яффа? – спросил ковбой, обратив ледяной взор на ДжоБет.

– О господи, нет!

Он потянулся, чтобы взять ДжоБет за руку, но та уже медленно пятилась к двери.

– Вернись, – сказал он. – Они не тронут тебя!

По глазам девушки он понял, что его слова не слишком ее убедили.

– ДжоБет, – сказал Хови. – Я не позволю им тебя тронуть.

Он направился к ней, но отцовские создания не собирались упускать свою единственную надежду. Он почувствовал, что в его рубашку вцепилась рука, потом еще и еще, и он оказался окружен умоляющими и восхищенными лицами.

– Я не могу вам помочь! – закричал он. – Оставьте меня в покое!

Краем глаза он увидел, как ДжоБет в страхе бросилась к двери, открыла ее и выбежала прочь. Он звал ее, но хор обращенных к нему голосов заглушил крик. Он попытался протиснуться сквозь толпу, но плоды воображения оказались очень плотными, теплыми и, кажется, напуганными. Им требовался вождь, и они выбрали его. Но эта роль не устраивала Хови, особенно если в результате ему придется расстаться с ДжоБет.

– Прочь с дороги! – потребовал он и начал яростно протискиваться сквозь толпу светящихся глянцевого лица.

Но чем сильнее он сопротивлялся, тем больше росло их рвение. Только нырнув вниз и пробравшись между ног своих почитателей, он сумел вырваться. Они двинулись за ним. Входная дверь была открыта. Он бросился прочь, словно кинозвезда, удирающая от поклонников, и оказался в ночи, прежде чем они успели его схватить. Какойто инстинкт не позволил им преследовать его на улице. Лишь Бенни и пес Морган некоторое время бежали за Хови. Мальчик кричал: «Возвращайся и поговори с нами!»

VII

Пуля ударила в бок, как кулак чемпионатяжеловеса. Теслу отшвырнуло назад. Ухмылку ТоммиРэя сменили звезды, мерцающие сквозь пролом в крыше. Они становились все больше, расползались яркими ранами, окаймленные прозрачной темнотой.

То, что произошло дальше, было выше ее понимания. До нее донеслись звуки голосов, выстрелы и крики женщин – они, как сказал Рауль, всегда собирались здесь в это время. Но у Теслы не было сил интересоваться тем, что происходит на земле. Все ее внимание привлекало мерзкое зрелище вверху: большое вспухшее небо готово было вотвот затопить ее своим тлетворным светом.

«Это смерть?» – подумала она. Тогда смерть, пожалуй, переоценивают. Тесла начала придумывать историю о женщине, которая...

Мысль отправилась вслед за сознанием – они покинули Теслу.

Второй выстрел предназначался Раулю. Тот невероятно быстро перепрыгнул через костер и бросился на убийцу Теслы. Пуля в него не попала. Чтобы уберечься от следующей, Рауль откатился в сторону. Это дало ТоммиРэю возможность выбежать через дверь в толпу женщин. Он распугал их третьим выстрелом, целясь поверх покрытых платками голов. Женщины с криками кинулись врассыпную, увлекая за собой детей. Держа в руке сосуд с нунцием, ТоммиРэй поспешил вниз, туда, где оставил машину. Он оглянулся и убедился, что Рауль, чьи уродливые черты и необычайная проворность застали его врасплох, не гонится за ним.

Рауль потрогал щеку Теслы. Ее лихорадило, но она была жива. Он снял с себя рубашку и прижал к ране, потом позвал разбежавшихся женщин. Он знал их всех по именам, а они знали его и доверяли ему.

– Присмотрите за Теслой, – велел он, а сам отправился за ЧеловекомСмертью и его трофеем.

ТоммиРэй уже увидел неясные очертания своей машины в лунном свете и вдруг споткнулся. Пытаясь удержать одновременно сосуд и револьвер, он со всего размаху упал лицом вниз, ободрал щеку, подбородок и ладони о камни, усыпавшие землю. Когда он поднялся, ссадины кровоточили.

– Мое лицо! – воскликнул он в ужасе от возможности изуродовать себя.

Было и коечто похуже. Позади он слышал быстро приближающиеся шаги мерзкого выродка.

– Хочешь умереть? – крикнул он преследователю. – Нет проблем! Это мы устроим. Нет проблем!

Он пошарил по земле в поисках револьвера, но оружие отлетело куда-то в сторону. Сосуд, однако, был под рукой. ТоммиРэй поднял его и почувствовал, что жидкость забурлила, нагревая стекло в его кровотокающей руке. Он крепче сжал колбу, чтобы снова не выронить ее. Жидкость отреагировала, и нунций побежал по его пальцам.

Много лет прошло с тех пор, как нунций сделал свое дело с Флетчером и Яффом. Его остатки были захоронены среди камней. Скрытый от глаз, он остыл, позабыл о собственной миссии. Но теперь он вспомнил. Пыл ТоммиРэя разбудил его.

ТоммиРэй увидел, как вещество забилося внутри сосуда, яркое, словно блеск ножа или вспышка выстрела. Потом жидкость вырвалась из плена и выплеснулась на юношу, заструилась по пальцам вверх – к израненному лицу.

Прикосновение было легким, но теплые, как сперма, капли попали ТоммиРэю в глаз и в угол рта, и это сбilo его с ног. Он свалился на камни, расцарапав до крови зад, локти и спину. ТоммиРэй вскрикнул, но звука не последовало. Он пытался открыть глаза и посмотреть, куда он упал, но не смог сделать и этого. Господи! Он не в силах был даже дышать. Его руки после прикосновения нунция так и остались прижаты к лицу, закрывая глаза, нос и рот. Ему показалось, что его засунули в тесный гроб. Он снова попробовал закричать – бесполезно. Внутри черепа он услышал голос:

– Дай этому случиться. Ты этого хочешь. Чтобы стать ЧеловекомСмертью, нужно узнать смерть. Почувствуй ее. Пойми ее. Выстрадай ее.

Возможно, впервые за недолгую жизнь он оказался прилежным учеником. Он перестал бороться с паникой. Он помчался на ней, как на волне, во тьму – навстречу берегу, не обозначенному на картах. Нунций был с ним. ТоммиРэй чувствовал, как нунций изменяет его с каждой выступившей каплей пота, скачет по кончикам вставших дыбом волос, выстукивает ритм – ритм смерти, звучащий между ударами сердца.

Вдруг нунций переполнился им, или он переполнился нунцием, или и то и другое. Руки, как присоски, отклеились от лица, и он снова смог дышать.

После полудюжины судорожных глотков воздуха он сел и взглянул на свои ладони. На них оставалась кровь с лица и из порезов рук, но раны исчезли перед явлением другой реальности. Ему было даровано зрение обитателя могил. Он увидел, как под его взглядом разлагается собственная плоть. Кожа потемнела и пошла пузырями, потом они лопнули, и из образовавшихся язв хлынули гной и вода. Глядя на это, он усмехнулся и почувствовал, как усмешка разорвала лицо от уха до уха. Затем обнажились кости рук, запястий и пальцев. Плоть продолжала разлагаться. Сердце и легкие вытекли через мочеиспускательный канал, унося с собой его яйца и сморщенный член.

Улыбка делалась все шире, пока не смела с лица последний лоскут мышц. Теперь это действительно была улыбка ЧеловекаСмерти – шире не бывает.

Но видение продлилось недолго. Миг, и он снова стоял на коленях в лунном свете, разглядывая свои окровавленные руки.

– Я ЧеловекСмерть, – сказал он, поднялся на ноги и повернулся лицом к счастливчику, который первым увидел его преобразование.

Урод остановился в нескольких ярдах от него.

– Посмотри на меня, – сказал ТоммиРэй. – Я ЧеловекСмерть.

Бедняга тупо смотрел, ничего не понимая. ТоммиРэй рассмеялся. Желание убить этого человека пропало. Он хотел оставить живого очевидца, чтобы тот свидетельствовал о нем в грядущие дни. В один прекрасный день он скажет: я был там, я видел, и это было ужасно, – ТоммиРэй Макгуайр умер и воскрес.

Он взглянул на остатки нунция: немного в колбе и брызги на камнях. Уже нечего нести Яффу. Но он принесет кое-что получше – обновленного себя, очистившегося от страха, очистившегося от плоти. Он повернулся и пошел прочь, не оглядываясь на Рауля, оставляя его в смятении.

Хотя способность видеть торжество разложения исчезла, кое-что от нее осталось. ТоммиРэй не осознавал этого, пока на глаза ему не попался красивый маленький камушек, лежавший под ногами. Он нагнулся и поднял его – для ДжоБет. Когда камень оказался уже в руках, ТоммиРэй понял: это треснувший птичий череп.

Но череп сверкал в его глазах.

«Смерть сияет, – подумал он, – когда я на нее смотрю».

Сунув кость в карман, он добрался до машины и задним ходом тронулся в обратный путь, пока не доехал до места, где сумел развернуться. Он помчался в темноте, по извилистой дороге с такой скоростью, что его можно было бы назвать самоубийцей, если бы самоубийство не превратилось для него теперь в игру.

Рауль потрогал одну из капель нунция. Капля подпрыгнула, встречая его, пробежала по папиллярным линиям пальцев, потом по ладони, по запястью, предплечью и до самого локтя, где и иссякла. Он почувствовал – или ему показалось, что он почувствовал, – как трансформируются мышцы. Его рука, не утратившая обезьяньих пропорций, вдруг стала чуть больше походить на человеческую. Но это ощущение отвлекло его лишь на секунду. Состояние Теслы беспокоило его гораздо больше, чем собственное.

Когда он поднимался на холм, ему пришло в голову, что капли нунция могут помочь раненой женщине. Она в любом случае умирает. Так почему бы не рискнуть с Великим деянием?

С этой мыслью он поспешил в миссию, понимая, что если он коснется разбитой колбы, то сила нунция выплеснется на него. Нужно отнести Теслу к этим каплям.

Женщины зажгли вокруг Теслы свечи. Она лежала как мертвая. Он быстро объяснил, что нужно сделать, и женщины помогли ему перенести тело вниз. Тесла оказалась легкой. Рауль поддерживал ее плечи и голову, две женщины – нижнюю часть тела, а еще одна несла промокшую от крови рубашку, закрывавшую рану.

Они шли медленно, спотыкаясь в темноте, но Рауль, которого нунций коснулся уже дважды, легко нашел нужное место. Подобное вызывает к подобному. "Предупредив женщин, чтобы они отошли подальше от разлитой жидкости, он взял Теслу на руки и уложил так, что ее голову окружил ореол из брызг и лужиц. В самой колбе оставалось с чайную ложку жидкости. С величайшей осторожностью он придвинул голову Теслы к сосуду. От ее близости жидкость заплясала в бешеном танце...

... ядовитый свет, дождем обрушившийся на сраженную пулей Теслу, через несколько секунд затвердел и превратился в серое размытое пространство, где Тесла и очнулась. Она не имела ни малейшего понятия о том, как попала сюда. Она не помнила ни Рауля, ни миссию, ни ТоммиРэя, ни даже собственного имени. Прошлое отделила стена, за которую она выйти не могла. И неизвестно, выйдет ли когданибудь.

Но ей было все равно. Если нет воспоминаний, нечего терять.

Что-то поскреблось с другой стороны. Ктото, бормоча себе под нос, прокладывает путь в ее клетку. Она слушала и ждала, память возвращалась. Тесле уже не было безразлично, выйдет ли она отсюда. Сначала она разобрала в бормотании свое имя, потом пришло воспоминание о пуле, потом об ухмылке ТоммиРэя, о Рауле, миссии и...

... о нунции.

Ее звала та сила, ради которой она приехала сюда и которая теперь сама пришла за ней. Она успела узнать от Флетчера о трансформирующих способностях нунция не много, но достаточно, чтобы понять основной принцип действия. Вещество работало со всем, что ему попадалось, оно боролось с энтропией и подталкивало пациента (или жертву) в том направлении, о каком он, возможно, и не догадывался. Готова ли она к этому? Нунций распалил злобу Яффа и довел до безумия святость Флетчера.

Что же он сотворит с ней?

В последний момент Рауль усомнился в целительной силе нунция и потянулся, чтобы не дать ему коснуться Теслы. Но вещество из колбы уже устремилось к ее лицу. Тесла втянула ее в себя как жидкий кислород. А капли с земли спешили к шее и волосам.

Она шумно вздохнула, ловя ртом воздух, и задрожала всем телом. Она ощутила приход посланника. Потом так же внезапно обмякла.

Рауль пробормотал:

– Не умирай. Не умирай.

Он уже был готов приникнуть к губам Теслы в последней попытке спасти ее, когда заметил, что глаза женщины вздрогнули и задвигались под сомкнутыми веками. Она видела нечто, доступное лишь ее зрению.

– Жива, – произнес Рауль.

Женщины за его спиной, наблюдавшие эту сцену и ничего не понимавшие, начали молиться и причитать. Он не знал, испытывали они страх или благодарность за дарованное им зрелище, но неосознанно присоединил к их голосам и свои невнятные молитвы.

Стена рухнула внезапно. Так вода сначала промывает маленькую брешь, а потом в одночасье всей массой сносит плотину.

За стеной Тесла ожидала увидеть тот же мир, который оставила. Она ошибалась. Не было ни миссии, ни Рауля. Перед ней оказалась пустыня, освещенная уже достигшим зенита солнцем и продуваемая порывистым ветром. Вихрь подхватил ее, как только рухнула стена, и понес над землей. Скорость была ужасная, но Тесла не могла ни замедлить свой полет, ни изменить направление – у нее не было ни рук, ни тела. Бесплотная мысль в пустом пространстве.

Но нет, пространство не было пустым. Впереди показались знаки жизни. На горизонте, в центре этого *нигде*, возник город. По мере приближения к городу скорость не снижалась – похоже, не он был местом назначения. Тесле пришло на ум, что она обречена вечно лететь вперед и ее формой жизни станет движения без конца и цели. Промчавшись по главной улице, она успела заметить, что город, хотя там были и жилые дома, и магазины, абсолютно безлик и безлюден. Ни вывесок на магазинах, ни дорожных знаков на перекрестках, ни следов присутствия жителей. Только она успела осознать эту неестественность, как город остался позади. Набирая скорость, Тесла снова понеслась над выжженной солнцем землей. Вид мертвого города подтвердил опасение: она здесь совершенно одна.

«Мне суждено путешествовать не только вечно, но и в одиночестве, – подумала она. – Это ад или его удачное подобие».

Интересно, сколько все это продлится, прежде чем ее сознание, спасаясь от кошмара, найдет спасение в безумии? День? Неделью? Здесь существует время? Заходит ли здесь солнце? Она попыталась посмотреть в небо. Солнце светило сзади, но у нее, бестелесной, не было ни тени, чтобы определить его положение, ни возможности повернуться.

Впереди показалось что-то еще более удивительное, чем город: одинокая башня или колонна из стали посреди пустыни, привязанная тросами к земле, будто иначе сооружение могло улететь. Тесла пронеслась мимо за считанные секунды. Тут у нее возникло новое ощущение: будто и она сама, и облака, и песок спасаются бегством. Вдруг в пустом городе скрывалось какое-то существо, а теперь оно разбужено человеческим присутствием и устремилось в погоню? Тесла не могла поменять направление, не могла услышать его шаги. Оно настигнет ее если не сейчас, то очень скоро. Неотвратно и неизбежно. Оно настигнет ее, раньше или позже. Оно не знает ни усталости, ни жалости. Впервые Тесла почувствовала, что это конец.

И вот – спасение! Вдали, увеличиваясь с каждым мгновением, показалась маленькая каменная хижина с выбеленными стенами. Головокружительный полет замедлился. Все-таки у него была цель.

Тесла пристально смотрела на домик, стараясь заметить следы присутствия человека. Краем глаза она увидела какое-то движение справа от хижины. Хотя полет и замедлился, скорость все еще была приличная, и Тесла не могла повернуться, чтобы рассмотреть фигуру. Она лишь успела разобрать, что это женщина, одетая в лохмотья. Теперь, если бы хижина тоже оказалась необитаемой, имелось слабое утешение – на этой пустоши есть кто-то живой. Тесла пыталась снова увидеть женщину, но та исчезла. Была проблема и посерьезней. Тесла уже почти достигла хижины, или хижина приблизилась к ней, а скорость попрежнему оставалась достаточно высокой, чтобы они разбились друг о друга. Она приготовилась, решив, что такая смерть все же лучше бесконечного странствия.

И тут она замерла как вкопанная, у самой двери. От двухсот миль в час до нуля за полудара сердца.

Дверь была закрыта, но из-за плеча Теслы (даже бестелесная, она не могла отказаться от привычных категорий) вдруг выскользнула змейка толщиной в запястье и такая темная, что не получалось разглядеть никаких подробностей – ни глаз, ни рта, ни даже головы. Однако она смогла распахнуть дверь и тут же исчезла. Тесла так и не поняла, змея это или одна из конечностей какого-то животного.

Один взгляд – и Тесла очутилась внутри небольшой хижины. Стены из нетесаного камня, пол – голая земля. Ни кровати, ни другой мебели. Только костер в центре, дым от которого не уходил в отверстие на потолке, а зависал между Теслой и единственным обитателем хижины.

Он выглядел древним, как камень этих стен – обнаженный, покрытый копотью; пергаментная кожа чуть не лопалась, натянувшись на птичьих костях. Он спалил свою бороду, оставив лишь кустики седых волос. Она удивилась, как ему хватило на такое ума; выражение его лица наводило на мысль о кататонии.

Но как только она вошла, он взглянул на нее. Он видел Теслу, несмотря на ее бестелесность. Потом прочистил горло и сплюнул в огонь.

– Закрой дверь, – сказал он.

– Ты меня видишь? – удивилась она. – И слышишь?

– Конечно, – ответил он. – А теперь закрой дверь.

– Как? У меня ведь нет... рук. Ничего нет.

– Ты можешь, – последовал ответ. – Просто представь себя.

– Хм.

– Черт, ну что здесь трудного? Сколько раз ты смотрела на себя в зеркало? Представь, как ты выглядишь. Создай себя. Давай. Ради меня. – Его тон был то наглым, то ласковым – Ты должна закрыть дверь...

– Я пытаюсь.

– Плохо пытаешься, – возразил он.

Она подождала минуту, прежде чем осмелилась задать следующий вопрос:

– Я умерла?

– Умерла? Нет.

– Нет?

– Нунций тебя спас. Ты жива и здорова, но твое тело все еще в миссии. А мне оно необходимо здесь. Нам нужно кое-что сделать.

Она жива – хорошая новость, хотя ее плоть и дух отделены друг от друга. Она усиленно пыталась вообразить собственное тело, с которым прожила тридцать два года. Конечно, оно не совершенное, зато родное. Никакого силикона, никаких подтяжек. Она любила свои руки с красивыми запястьями, свои разные груди (левый сосок вдвое больше правого), свое влагилице, свою попку. И больше всего – свое лицо с морщинками от частого смеха.

Конечно, это шутка – вообразить тело и тем самым перенести туда, где находится дух. Тут Тесла заметила, что старик ей помогает. Он попрежнему смотрел на дверь, но взгляд его был обращен внутрь себя. Сухожилия на шее напряглись, как струны арфы, а беззубый рот подергивался.

Его сила подействовала. Тесла почувствовала, как теряет легкость и обретает плоть, загустевает, словно суп, на огне своего воображения. Был момент сомнения, когда она пожалела о легкости бестелесного существования, но тут же вспомнила свою улыбку в зеркале, после утреннего душа. Чудесное воспоминание. За ним пришли и другие. Простейшие радости жизни: можно сытно отрыгнуть или, еще лучше, – хорошенько пукнуть. Почувствовать вкус разных водок на языке. Смотреть на картины Матисса. Нет, наличие тела – это явно приобретение, а не потеря.

– Почти, – услышала она его голос.

– Я чувствую.

– Еще немного. *Призови его.*

Она взглянула вниз на пол, понимая, что может это сделать. Ее голые ноги были уже там, на пороге. Обнаженное тело воплощалось на глазах.

– Теперь, – сказал человек у огня, – закрой дверь. Она повернулась и сделала это, абсолютно не стесняясь своей наготы. Трижды в неделю она ходила в спортзал. Она знала, что живот у нее подтянут, попка крепкая. Кроме того, хозяйина так же мало беспокоила ее плоть, как и его собственная. Если в этих глазах когда-то и пылала похоть, она давно иссякла.

– Ну вот, – сказал он. – Я Киссун. Ты Тесла. Сядь и поговори со мной.

– У меня много вопросов, – сказала она.

– Я бы удивился, если бы у тебя их не было.

– Так можно спрашивать?

– Спрашивай. Только сначала сядь.

Она присела на корточки с противоположной стороны очага. Пол был теплым, воздух тоже. Через тридцать секунд она вспотела, и это было приятно.

– Вопервых, – начала она – как я сюда попала? И где я?

– Ты в НьюМексико, – ответил Киссун. – А как – это вопрос посложнее. Отвечу так: я следил за тобой и еще за несколькими, ожидая удобного момента, чтобы перенести когонибудь из вас сюда. И вот ты оказалась при смерти, а нунций разрушил твоё сопротивление путешествию. У тебя не было выбора.

– Что ты знаешь о событиях в Гроуве?

Он издал сухой звук, словно пытался собрать слюну. Потом устало ответил:

– О господи, слишком много. Слишком.

– Об Искусстве, о Субстанции, обо всем этом?

– Да. Обо всем. Если даже ты об этом знаешь, то я не могу не знать. Тот, кого ты знаешь как Яффа, сидел однажды здесь, на твоём месте. Тогда он был обычным человеком. Рэндольф Яффе посвоему уникален – он смог добраться сюда, будучи простым смертным.

– Он попал к тебе так же, как я? – спросила Тесла. – В смысле, он тоже чуть не умер?

– Нет. Просто он стремился к Искусству больше, чем кто-либо. Его не заставили свернуть с пути ни дымовая завеса, ни обманки, что обычно сбивают людей со следа. Он искал, пока не нашел меня.

Киссун взглянул на Теслу, сузив глаза, словно пытался проникнуть в её череп.

– Что говорить? Всегда одна проблема – что говорить.

– Ты говоришь как Грилло, – заметила она. – Ты и за ним шпионил?

– Раз или два, когда он попадался на пути, – ответил Киссун. – Но он не важен. Важна ты. Ты очень важна.

– Откуда ты знаешь?

– Впервые, ты здесь. Здесь никого не было после Рэндольфа, а ты знаешь, к чему привел его визит. Это необычное место, Тесла. Думаю, ты уже догадалась. Это Петля – место без времени. Я создал её для себя.

– Без времени? Не понимаю.

– С чего начать? – сказал он. – Вот еще вопрос. Сначала не знаешь, что говорить, потом – с чего начать... Ладно. Ты знаешь об Искусстве. О Субстанции. Знаешь ли ты о Синклите?

Она покачала головой.

– Это один из старейших религиозных орденов. Небольшая группа людей, нас всегда было не больше семнадцати. И у нас была одна догма – Искусство, и одни небеса – Субстанция, и одна цель – сохранить чистоту того и другого. Вот наш знак. – Он поднял что-то с земли и передал Тесле. На первый взгляд ей показалось, что это распятие. Это действительно был крест с распростертым в центре человеком. Но при ближайшем рассмотрении крест не походил на распятие. На каждом из четырех лучей медальона были начертаны символы, казавшиеся искажениями или изменениями центральной фигуры.

– Ты мне веришь? – спросил Киссун.

– Верю.

Она бросила крест обратно, на другую сторону от костра.

– Субстанцию нужно защитить любой ценой. Флетчер наверняка объяснил тебе это?

– Да, он говорил. Он тоже из Синклита?

Киссуна, похоже, оскорбило подобное предположение.

– Нет, он никогда не смог бы стать одним из нас. Он наемник. Яфф нанял его, чтобы Флетчер создал препарат, помогающий кратчайшим путем добраться до Искусства и Субстанции.

– Нунций? – Да.

– И это сработало?

– Сработало бы, если бы Флетчер не коснулся нунция сам.

– Так вот почему они стали врагами!

– Да. Конечно. Но Флетчер, должно быть, говорил тебе и об этом?

– У нас было не много времени. Он успел рассказать лишь отрывки, и то я не совсем поняла.

– Он не был гением. С нунцием ему, похоже, просто повезло.

– А ты с ним встречался?

– Я же сказал – после Яффе здесь никого не было. Я один.

– Нет, – сказала Тесла. – Снаружи был еще кто-то...

– Лике? Змейка, что открыла тебе дверь? Это мое создание. Шутка. Я люблю забавляться с ними.

– Нет, не это, – возразила она. – В пустыне была какая-то женщина. Я ее видела.

– Да? – По лицу Киссуна пробежала едва заметная тень. – Женщина?

Он улыбнулся.

– Что ж, извини. Я до сих пор мечтаю. Было время, когда я мог воплотить все, что вообразил. Она была обнажена?

– Помоему, нет.

– Красивая?

– Я не успела разглядеть.

– Аа... Жаль. Но это и к лучшему. Здесь ты уязвима, а я не хочу, чтобы тебе повредили ревнивые дамы. – Его голос стал наигранно легкомысленным. – Если еще увидишь ее, держись подальше, – посоветовал он. – И ни в коем случае не приближайся.

– Не буду.

– Надеюсь, она найдет сюда дорогу – Хотя мне она теперь не нужна. Эта старая плоть, – он взглянул вниз, – видала лучшие дни. Но смотреть мне все еще нравится. Даже на тебя, если ты не против.

– Что значит «даже»? – спросила Тесла. Киссун рассмеялся сухим и низким смехом.

– Дада. Извини. Хотел сказать комплимент. За столько лет одиночества я позабыл, как вести себя в обществе.

– Уверена, ты способен вернуться и вспомнить, – сказала она. – Раз ты привел меня сюда. Разве здесь не двусторонняя связь?

– И да, и нет.

– В каком смысле?

– В смысле, раньше я мог это сделать, но больше не могу.

– Почему?

– Потому что я последний из Синклита, – сказал он. – Последний защитник Субстанции. Остальных убили, а все попытки заменить их ни к чему не привели. Что же удивительного, что я прячусь от посторонних глаз? Если я умру, не возродив Синклит, Субстанция останется без защиты. Я думаю, ты понимаешь, какой катастрофой это может обернуться. Но я могу выбраться в мир и начать поиски только в другой форме. В другом... теле.

– А кто их убил? Вы знаете? Снова эта легкая тень.

– Есть коекакие подозрения, – ответил он.

– Но ты не скажешь?

– История Синклита изобилует попытками посягнуть на его чистоту. У него много врагов и в мире людей, и в других местах, повсюду. Если я начну рассказывать, мы никогда не закончим.

– А это гденибудь записано?

– Ты хочешь знать, если ли книги о Синклите? Нет. Но если читать между строк других историй, ты везде найдешь Синклит. Это тайна тайн. Целые религии создавались специально для того, чтобы отвлечь от нас внимание, чтобы отвратить искателей истины от Синклита, Искусства и того, что за ними стоит. Это нетрудно, ведь люди очень доверчивы, если их натолкнуть на подходящий след. Стоит пообещать им спасение, воскрешение плоти и тому подобное...

– Хочешь сказать...

– Не перебивай, – сказал Киссун. – У меня свой ритм.

– Извини.

«Ну, как торговец на рынке, – подумала она. – Пытается впарить мне экстраординарную историю».

– Ну вот. О чем я говорил... да. Синклит можно найти везде, если знаешь, как искать. И некоторые нашли. Были мужчины и женщины, подобные Яффу, они смогли заглянуть за дымовые завесы и обманки, они искали ключи к кодам, находили их, вскрывали, с помощью взломанных вскрывали новые коды, пока не добирались до самого Искусства. Тогда нам приходилось вступать в игру и действовать согласно обстоятельствам. Одних – например, Гурджиева, Мелвилла, Эмили Дикинсон – мы посвятили в адепты, чтобы подготовить смену, если смерть сократит наше число. Других признавали непригодными.

– И что вы с ними делали?

– Стирали воспоминания о том, что они обнаружили. Впрочем, обычно это плохо кончалось. Нельзя отобрать у человека смысл жизни и ждать, что он переживет это, особенно если он был уже близок к ответам. Подозреваю, что комуто из отверженных удалось коечто вспомнить...

- И он уничтожил Синклит.
- Похоже, так. Но он должен был знать о Синклите и его задачах. Я склоняюсь к мысли, что это Рэндольф Яффе.
- Мне сложно думать о нем как о Рэндольфе Яффе, – сказала Тесла, – Мне вообще сложно думать о нем как о человеке.
- Поверь мне, он человек. И он – моя самая большая ошибка. Я слишком многое ему рассказал.
- Больше, чем мне?
- Сейчас положение безвыходное, – сказал Киссун. – Если я не расскажу тебе и ты мне не поможешь, мы проиграем. Но Яффе... с ним я сглупил. Я хотел, чтобы кто-то помог мне в моем уединении, и ошибся в выборе. Были бы живы остальные, они бы пришли и не дали мне совершить подобную глупость. Они заметили бы в нем изъян. Я не заметил. Я был рад, что он нашел меня. Думал, что он разделит со мной тяжесть ответственности за Субстанцию. То, что я сделал, теперь тяготит меня больше всего. Я создал силу, получившую доступ к Субстанции, не пройдя духовного очищения.
- У него есть армия.
- Я знаю.
- Откуда она взялась?
- Оттуда, откуда берется все. Из сознания.
- Все?
- Лишний вопрос.
- Ничего не могу с собой поделаться.
- Да, все. Мир и его обитатели, создание и уничтожение, боги, вши и каракатицы. Все рождается в сознании.
- Не могу поверить.
- А зачем, потвоему, я тут сижу?
- Сознание не может сотворить все.
- Я не говорил про человеческое сознание.
- Аа.
- Если бы ты лучше слушала, не задавала бы лишних вопросов.
- Но ты же хочешь, чтобы я поняла? Иначе зачем трратишь время?
- Времени здесь нет. Да., да Я хочу, чтобы ты поняла. Жертвуя чемто, ты должна понимать, зачем твоя жертва.
- Какая жертва?
- Я же говорю: я не могу выйти отсюда в своем теле. Меня найдут и убьют, как остальных. Она поежилась, несмотря на жару.
- Кажется, я не совсем понимаю, – сказала она.
- Нет, понимаешь.
- Ты хочешь, чтобы я какимто образом вынесла тебя отсюда Вынесла твои мысли?
- Почти угадала.
- Чем я могу помочь? Хочешь, стану твоей помощницей? Прежде у меня это неплохо получалось.
- Уверен, что так.
- Тогда объясни, что мне сделать. Киссун покачал головой.
- Ты слишком многого не знаешь, – сказал он. – Вся картина настолько огромна, что я не буду и пытаться тебе ее показывать. Сомневаюсь, что твое воображение сможет с этим справиться.
- А ты попробуй.
- Ты уверена?
- Уверена.
- Ну ладно. Дело вовсе не в Яффе. Он может войти в Субстанцию, но с ней ничего не случится.
- Так в чем же дело? Ты мне столько наплел о жертве. Ради чего? Если Субстанция может прекрасно позаботиться о себе сама!
- Почему бы тебе просто не поверить мне?
- Она взглянула на него в упор. Огонь почти погас, но в ее глазах плясали янтарные огоньки.

Часть ее очень хотела поверить. Но жизнь учила тому, что это опасно. Мужчины, агенты, руководители студий – все они просили поверить, и она верила, и каждый раз пролетала. Поздно учиться другому. Она стала циничной до мозга костей. Если она изменится, то перестанет быть Теслой, а ей нравилось быть собой.

Поэтому она сказала:

– Нет, извини. Я не могу *просто* поверить. Не принимай на свой счет. Я ответила бы так любому. Я хочу знать итоговую сумму.

– Что это значит?

– Правду. Или ты ничего не получишь.

– Ты уверена, что можешь отказаться? – спросил Киссун.

Она повернулась к нему в профиль, оглядываясь назад и поджимая губы, так делали героини ее любимых фильмов.

– Это угроза, – сказала она с обвиняющим выражением лица.

– Можешь понимать и так, – заключил он.

– Тогда пошел ты!

Он пожал плечами. Его пассивный, почти ленивый взгляд распалил ее еще больше.

– Я вообще не обязана сидеть и выслушивать тебя!

– Да?

– Да! Ты от меня что-то скрываешь.

– Ты смешна.

– Не думаю.

Она встала. Взгляд уперся в ее пах. Она вдруг почувствовала дискомфорт изза наготы. Захотелось надеть свою грязную и окровавленную одежду, которая, наверное, осталась в миссии. Пора возвращаться. Она повернулась к двери.

За спиной раздался голос Киссуна:

– Подожди, Тесла. Пожалуйста, подожди. Я не прав. Я признаю, я не прав. Вернись, пожалуйста.

Он говорил примирительно, но Тесла услышала недобрые нотки. Он злится, решила она. Несмотря на свое хваленое духовное равновесие, он бесится. Для нее это был урок – она сумела различить в спокойном тоне злобу. Она обернулась к Киссуну, уверенная, что правды не услышит. Достаточно было раз ее испугать, чтобы посеять сомнения.

– Продолжай, – сказала она.

– Ты не сядешь?

– Нет. – Ей пришлось притвориться, будто она не испытывает нахлынувшего вдруг страха. Она стояла перед ним, вызывающе обнаженная. – Не сяду.

– Тогда я попробую объяснить тебе как можно быстрее. – Он стряхнул с себя заносчивость, казался тактичным и даже скромным – Пойми, даже я не знаю фактов полностью. Но я знаю достаточно, чтобы постараться убедить тебя. Мы все в опасности.

– Кто «мы»?

– Обитатели Косма.

– Ты опять?

– Флетчер тебе об этом не говорил?

– Нет. Он вздохнул.

– Представь, что Субстанция – это море.

– Представила.

– На одном его берегу находится наша реальность. Континент бытия, если угодно, границы которого – сон и смерть.

– Хорошо.

– А теперь представь, что есть другой континент, с другой стороны моря.

– Иная реальность.

– Да. Такая же большая и сложная, как наша. В ней тоже много разных энергий, обитателей и желаний. Так же, как и в Косме, там преобладает один вид обитателей со странными желаниями.

– Не слишком обнадеживает.

– Ты хотела правды.

– Я не сказала, что верю.

– Другой континент называется Метакосм. А обитатели его называются иадуроборосы. Они существуют.

– А какие у них желания? – спросила она, не уверенная, что действительно хочет это знать.

– Они жаждут чистоты, оригинальности, безумия.

– Тот еще набор.

– Ты была права, когда обвинила меня в том, что я не говорю тебе всей правды. Коечто я утаивал. Синклит действительно охранял берега Субстанции от людских амбиций, но не только. Мы охраняли побережье и от...

– Вторжения?

– Да, мы его боялись. И ожидали. Глубочайшие сны о зле – это сигналы о приближения иадов. Самые жуткие страхи, самые грязные образы, проникшие в человеческие головы, – это эхо их желаний. Я говорю то, чего не скажет тебе никто другой, что могут вынести лишь сильные духом.

– А хорошие новости? – спросила Тесла.

– А кто говорил, что есть какие-то хорошие новости?

– Христос, – ответила она. – Будда. Мухаммед.

– Это только обрывки историй, рассказанных Синклитом, чтобы отвлечь людей.

– Не верю.

– Ты христианка?

– Нет.

– Мусульманка? Буддистка? Индуистка?

– Нет. Нет. И нет.

– Но ты все равно настаиваешь на существовании хороших новостей? – спросил Киссун. – Удобно.

Она почувствовала, что некий суровый учитель, который во время их спора находился на тричетыре шага впереди, безжалостно ткнул ее носом в жестокую реальность. Там не было места утешениям. Оставалось бормотать какие-то глупости вместо аргументов. Абсурдно цепляться за идею Небес, если сама же Тесла вечно поливала грязью любую религию. Но ее уверенность поколебалась не изза одного того, что Киссун побеждал в их дискуссии. Тесла уже терпела подобные поражения. На этот раз ее замутило от мысли: если хотя бы часть сказанного – правда, то имеет ли она право цепляться за свою маленькую жизнь? Даже если она выберется из временной петли, не будет ли она всю жизнь думать, что своим отказом помочь лишила Косм единственного шанса на спасение? Она должна остаться и отдать себя – не потому что поверила, а потому что нельзя рисковать и ошибаться.

– Не бойся, – услышала она голос Киссуна. – Положение не хуже, чем было пять минут назад, когда ты со мной так спорила. Но теперь ты знаешь правду.

– И она не утешает.

– Да. Я знаю, – сказал он тихо. – И ты должна понять, что эта ноша слишком тяжела для одного. Без помощи мой хребет скоро переломится.

– Я понимаю.

Она отошла от огня и прислонилась к стене хижины, чтобы не упасть. Она ощутила холод камня. Она опустила глаза в землю, не глядя на Киссуна, но слышала его кряхтенье. Он поднимался на ноги. Потом он сказал:

– Мне нужно твое тело. Боюсь, это означает, что тебе придется его покинуть.

Огонь почти угас, но дым стал гуще. Он давил Тесле на голову, так что она не могла поднять лицо. Она задрожала.

Сначала колени, потом пальцы рук. Киссун продолжал говорить, подходя ближе. Она слышала его шаркающие шаги.

– Это не больно. Просто стой спокойно и смотри в землю...

В голову пришла ленивая мысль: может, он специально сгустил дым, чтобы я не смогла его увидеть?

– Это быстро...

«Говорит как анестезиолог», – подумала она.

Дрожь усилилась. Чем ближе он подходил, тем сильнее давил на голову дым. Теперь Тесла была уверена, что это его рук дело. Он не хочет, чтобы она смотрела на него. Почему? Может, он подходит к ней с ножом, чтобы выскрести из ее головы мозг и забраться туда самому?

Она никогда не умела сдерживать собственное любопытство. Чем ближе он подходил, тем сильнее ей хотелось взглянуть на него. Но это было трудно. Тело ослабло, будто из него выкачали кровь. Дым туго, свинцовым обручем, сдавил голову. Чем больше она сопротивлялась, тем сильнее было давление.

«Он очень не хочет, чтобы я на него смотрела» – эта мысль питала желание взглянуть.

Тесла оперлась руками о стену. Киссун был уже в двух ярдах от нее. Она чувствовала горький запах его пота.

«Давай, давай! – сказала она себе. – Это просто дым. Он заставляет тебя думать, что давит на тебя, но это просто дым».

– Расслабься, – прошептал он тем же анестезирующим голосом.

Вместо этого она в последний раз изо всех сил попыталась вскинуть голову. Свинец сдавил виски, череп хрустнул под тяжестью этой короны. Но голова, дрожа от тяжести, все же поднялась. Дальше было легче. Дюйм за дюймом она приподнимала голову, пока не взглянула на него прямо.

Он весь съежился – плечи прижались к шее, руки скрючились, нога наступила на ногу, и только член стоял прямо. Она в ужасе уставилась на него.

– Это еще что такое?

– Извини. Не удержался.

– Даа?

– Когда я говорил, что мне нужно твое тело, я не имел это в виду.

– Гдето я такое уже слышала.

– Поверь мне. Просто моя плоть реагирует на твою. Тебе должно это льстить.

В других обстоятельствах она бы рассмеялась. Если бы она могла открыть дверь и уйти, если бы она не была во временной петле и за дверью не ждала та тварь и бескрайняя пустыня. А этот тип подносил один сюрприз за другим, и ни одного приятного.

Киссун потянулся к Тесле. Зрачки его расширились, закрыв белки. Она вспомнила Рауля, его красивые глаза на уродливом лице. В этих глазах не было красоты. В них не было ничего – ни желания, ни злобы. Если у Киссуна и оставались чувства, сейчас их затмила чернота.

– Не могу, – сказала она.

– Ты должна. Отдай мне тело. Иначе иады победят. Ты этого хочешь?

– Нет!

– Тогда не сопротивляйся! В Троице твой дух будет в безопасности.

– Где?

Тут же в его глазах что-то промелькнуло – вспышка, как ей показалось, злости на самого себя.

– Троица? – переспросила она. – Что такое Троица? Потом произошло несколько событий одновременно – так быстро, что она не успела отделить одно от другого. Самым важным было то, что при вопросе о Троице он утратил контроль над ситуацией. Сначала рассеялся дым. Воспользовавшись этим, Тесла схватилась за ручку двери. Она все еще смотрела на Киссуна и видела его преобразование. Это было одно мгновение, но слишком яркое, чтобы его забыть: Киссун весь покрылся кровью, даже лицо. Он знал, что она видит, и пытался закрыть кровавые пятна руками, но по рукам тоже струилась кровь. Его ли это кровь? Прежде чем она успела приглядеться, есть ли у него раны на теле, он справился с видением. Но как жонглер, взявший слишком много шаров, он ловил один и тут же упускал другой. Кровь исчезла, Киссун снова предстал невредимым, но он выдал другой свой секрет.

И тот был куда опаснее, чем пятна крови. Сильный удар сотряс дверь хижины. Слишком сильный для ликса, даже если собралось бы множество змеек; этой силы Киссун боялся. Его взгляд метнулся от Теслы к двери, руки опустились, лицо стало безжизненным. Она почувствовала, что теперь у него единственная цель – сдержать то, что ломится в хижину. От этого его власть над Теслой, удерживавшая ее здесь, окончательно ослабла Реальность, из которой выдернули девушку, ухватила ее за позвоночник и потянула обратно. Тесла не пыталась сопротивляться. Это было неодолимо, как гравитация.

В последний раз она увидела Киссуна. Он, снова окровавленный, глядел на дверь. Потом дверь распахнулась.

На миг ей показалось, что сейчас ее вместе с Киссуном сожрет тот, кто пробился в хижину. Потом она увидела, как лицо Киссуна залил ослепительно яркий свет. Киссун собрал всю свою волю, и свет немного померк... Но тут покинутый мир потребовал Теслу к себе и протащил

через открытую дверь.

Она помчалась назад той же дорогой, но в десять раз быстрее – так быстро, что не смогла рассмотреть ни стальной башни, ни мертвого города.

Но теперь она была не одна. Кто-то рядом звал ее по имени.

– Тесла? Тесла? Тесла? Она узнала голос Рауля.

– Слышу, – прошептала она, уже видя сквозь мелькающую мимо пустыню другую реальность. Там были пятна света – наверное, свечи – и лица.

– Тесла!

– Я уже почти здесь, – выдохнула она. – Почти здесь.

Пустыня исчезала; другой мир все отчетливее вырисовывался за ней. Тесла шире открыла глаза, чтобы увидеть Рауля. Он широко улыбнулся, увидев, что она смотрит на него.

– Ты вернулась, – сказал он.

Пустыня пропала. Вокруг была ночь: жесткие камни, звезды вверху и еще, как она догадалась, свечи – их держали потрясенные женщины, стоявшие вокруг.

Под собой она почувствовала одежду, из которой выскользнула, когда вызывала к себе свое тело. Она потянулась к лицу Рауля, желая убедиться, что действительно вернулась в привычную реальность. Его щеки были мокрыми.

– Тебе пришлось поработать, – сказала она, думая, что он вспотел. Потом поняла свою ошибку. Это был не пот, а слезы.

– Бедный Рауль. – Она приподнялась и обняла его. – Я что, совсем исчезла?

Он прижался к ней.

– Сначала стала как туман. Потом... просто исчезла.

– Почему мы здесь? Меня же ранили в миссии. Вспомнив о выстреле, она взглянула на себя – туда, куда попала пуля. Не было ни раны, ни даже крови.

– Нунций, – сказала она. – Он исцелил меня.

Для женщин это не осталось незамеченным. Увидев чистую кожу на месте ранения, они понялись и забормотали молитвы.

– Нет, – сказала Тесла, все еще глядя на исцеленную рану. – Это не нунций. Это то тело, которое я вообразила.

– Вообразила? – переспросил Рауль.

– Сотворила. – Она не замечала растерянности Рауля, потому что сама была озадачена. Сосок, вдвое больший по размеру, теперь был не левым, а правым Она смотрела на него, качая головой. Здесь она ошибиться не могла. Гдето по пути в Петлю или обратно она перевернулась. Тесла стала изучать ноги. Царапины на левой – от когтей Батча – теперь переместились на правую.

– Не могу поверить, – сказала она. Рауль не понял, о чем она, и пожал плечами.

– Не важно, – сказала она и начала одеваться. Потом она спросила, что случилось с нунцием.

– Он весь потрачен на меня?

– Нет. Его забрал ЧеловекСмерть.

– ТоммиРэй? О боже. Теперь у Яффа полтора сына.

– Но ты тоже коснулась его. И я. Он попал мне на руку. Добрался до локтя.

– Значит, мы поборемся с ними. Рауль покачал головой.

– Я не смогу помочь вам.

– Ты можешь, и ты должен. Нам предстоит найти ответы на многие вопросы. Я одна не справлюсь. Ты поедешь со мной.

Его нерешительность была понятна без слов.

– Я знаю, ты боишься. Но я прошу тебя, Рауль. Ты вернул меня к жизни...

– Не я.

– Ты помог этому. Ты же не хочешь, чтобы все было напрасно?

Она слышала в своей речи интонации Киссуна, и это ей не нравилось. Но она никогда в жизни не получала столько знаний разом, как в хижине Киссуна Он оставил на ней свое клеймо, хотя не тронул и пальцем Тесла не знала, лжец он или пророк, спаситель или безумец. Может, в его двусмысленности и крылась самая суть? Но объяснить это Тесла не смогла бы.

Она вернулась к Раулю и его сомнениям. На спор времени не было.

– Ты должен идти, – повторила она. – Должен.

– Но миссия...

– Она пуста, Рауль. Единственной ценностью в ней был нунций. Его больше нет.
– Есть воспоминания, – возразил он тихо, но уже не так убежденно.
– Будут другие воспоминания. О лучших временах. А теперь... если тебе есть с кем попрощаться, поспеши. Время не ждет.

Он кивнул и заговорил с женщинами по-испански. Тесла кое-что поняла – он действительно прощался. Оставив его позади, она пошла к машине.

По дороге она догадалась, что случилось с ее телом. Там, в хижине Киссуна, она вообразила себя такой, какой чаще всего видела – в зеркале. Сколько раз за тридцать с лишним лет она всматривалась в свое отражение, где левое было правым, и наоборот!

Из Петли и в самом деле вышла другая женщина, существовавшая прежде лишь в зеркале. И этот образ во плоти шагнул по миру. Но Тесла надеялась, что ее сознание, тронутое нунцием и узнавшее Киссуна, все же осталось прежним.

Она казалась себе удивительной новой историей. Пришло время рассказать себя миру. И это нужно сделать именно сегодня.

Ведь завтра может и не наступить.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ТАЙНЫ РАСКРЫВАЮТСЯ

I

ТоммиРэй водил машину со дня своего шестнадцатилетия. Колеса давали свободу от мамы, от пастора, от родного города и от всего, что те олицетворяли. Теперь он направлялся туда, откуда еще несколько лет назад жаждал вырваться. Всю обратную дорогу он не снимал ноги с педали газа. Ему хотелось пройтись по Гроуву и показать новые возможности своего тела, хотелось вернуться к отцу, который столь многому его научил. До появления Яффа лучшими моментами в жизни ТоммиРэя были поездки в Топангу: все девчонки на пляже смотрели на него, парящего на гребне волны, и он наслаждался этим. Но было件нятно, что такое не может продолжаться вечно. Каждое лето появлялись новые герои. Он и сам стал одним из них, затмив нескольких чемпионов, что были всего на пару лет его старше, но уже потеряли былую гибкость. Парни, еще прошлым летом бывшие королями сезона, в новом сезоне оказывались вчерашним днем ТоммиРэй был не глуп и знал, что рано или поздно его ждет та же участь.

Но теперь у него появилась новая цель, о какой чемпионы Топанги не могли даже мечтать. И все благодаря Яффу. Но даже отец со всеми своими дикими советами не смог подготовить юношу к тому, что случится в миссии СантаКатрина. ТоммиРэй превратился в миф. В спешащую домой смерть за рулем «шеви». Теперь он знал, под какую музыку люди будут плясать, пока не упадут. И что с ними произойдет после того, как они упадут и превратятся в падаль. Он видел это на примере собственной плоти.

Ночные приключения только начинались. Проехав чуть меньше сотни миль от миссии, он оказался возле кладбища на окраине небольшой деревеньки. Луна стояла высоко, ее сияние заливало могилы, размывая краски лежавших на них цветов. Он остановил машину, чтобы рассмотреть все получше. В конце концов, теперь это его владения. Его дом.

Если ему требовались доказательства того, что случившееся в миссии – не плод его больного воображения, он их получил, едва открыл калитку и вошел на кладбище. Не было ни малейшего ветерка, чтобы всколыхнуть траву, доходившую местами – на заброшенных могилах – до колен. Но трава тем не менее покачивалась. Он сделал еще несколько шагов и увидел с дюжину поднимающихся человеческих фигур. Они были мертвы. И они светились, как тот птичий череп, что ТоммиРэй подобрал возле машины – в знак принадлежности к его клану.

Они знали, кто пришел их навестить. Они шли к нему, чтобы выказать почтение, и их глаза, а у самых древних – глазницы, были устремлены на него. Никто из них даже не взглянул на неровную землю под ногами. Они слишком хорошо знали эту почву, эти разрушившиеся могилы и места, где гробы из-за движения земной коры вышли к поверхности. Несмотря на это, шли они медленно. А ТоммиРэй не спешил. Он сел на надгробие, где, если верить надписи на камне, покоились семеро детей и их мать, и смотрел на приближение призраков. Чем ближе они подходили, тем отчетливее он их видел. Зрелище не из приятных: распухшие или, наоборот,

осунувшиеся лица, выкатившиеся из орбит глаза, отвисшие челюсти, свисающие со щек обрывки плоти. Глядя на их лица, ТоммиРэй вспомнил фильм о летчиках, испытывавших перегрузку. Разница была в том, что эти не были добровольцами и страдали против желания.

Его не пугали ни дыры в их телах, ни переломанные полусгнившие кости, ни истлевшая плоть. Все это он видел еще в шестилетнем возрасте в комиксах и в «пещерах страха». Мир всегда полон ужасов, надо только захотеть их увидеть. На вкладышах жвачки, в утренних субботних мультфильмах, на футболках и обложках альбомов. Он усмехнулся. Форпосты его империи повсюду. Нет места, избежавшего прикосновения ЧеловекаСмерти.

Самым проворным из его почитателей оказался мужчина, умерший, судя по всему, молодым и не своей смертью. Он был одет в джинсы, что были ему велики размера на два, и майку с изображением пальца, делающего непристойный жест. Еще у него была шляпа, которую он поспешно сдернул, подойдя ближе. Голова оказалась выбрита, а на ней виднелось несколько глубоких длинных порезов – похоже, смертельные раны. Кровь его давно истлела, а в кишках тихонько посвистывал ветер.

Он застыл недалеко от ТоммиРэя.

– Ты можешь говорить? – спросил ЧеловекСмерть.

Мужчина: открыл большой рот и попытался ответить, напрягая связки. Глядя на него, ТоммиРэй вспомнил фокусника, что в одном ночном телешоу проглотил, а потом отрыгнул живую золотую рыбку. Хотя ТоммиРэй видел его несколько лет назад, воспоминание об том фокусе до сих пор будоражило воображение. Этот человек научился запускать механизмы своего организма в обратную сторону. Он смог извергнуть рыбку из глотки – не из желудка, конечно, ведь ни одна рыбка, какая бы крепкая у нее ни была чешуя, не выживет в желудочных кислотах. И надо признать, зрелище стоило подступившей тогда тошноты.

Сейчас мертвец проделывал похожий номер, только вместо рыбки он пытался извергнуть слова. И они в конце концов пришли – ссохшиеся, как его внутренности.

– Да. Я могу... говорить.

– Знаешь, кто я? – спросил ТоммиРэй. Мужчина что-то простонал.

– Да или нет?

– Нет.

– Я ЧеловекСмерть, а ты ЧеловекПошелВон. Как тебе это? Хороша парочка?

– Ты здесь ради нас, – сказал мертвец.

– Как это?

– Мы не похоронены. Не отпеты.

– На мою помощь не рассчитывайте, – сказал ТоммиРэй. – Я никого не хороню. Я зашел посмотреть, потому что это одно из моих мест. Я собираюсь стать королем мертвых.

– Правда?

– Конечно.

К ним подошла еще одна заблудшая душа – широкобедрая женщина. Она сказала:

– Ты... светишься.

– Да? – сказал ТоммиРэй. – Для меня это не новость. Ты тоже светишься.

– Мы принадлежим друг другу, – сказала женщина.

– Мы все, – подтвердил третий труп.

– Спаси нас!

– Я уже сказал ЧеловекуПошелВон. Я никого не хороню.

– Мы пойдем за тобой, – сказала женщина.

– Пойдете?

По спине ТоммиРэя пробежала сладкая дрожь при мысли о том, как он с этим эскортом ворвется в Гроув. Можно заехать еще коекуда и увеличить свиту.

– Мне нравится идея. Только как?

– Веди нас. Мы пойдем, – последовал ответ. ТоммиРэй встал.

– Почему бы и нет? – сказал он и пошел к машине. На ходу он подумал: «Это будет мой конец...»

Но эта мысль его мало беспокоила.

Сев за руль, он оглянулся на кладбище. Откудато подул ветер, и он увидел, как разлетаются тела его спутников, словно они состояли из песка. Частицы праха попали ему в лицо. Он отмахнулся, не в силах отвести взгляд. Тела исчезали, но он слышал их голоса. Они стали как

ветер; нет, они стали ветром. Как только они рассыпались окончательно, он отвернулся и нажал на газ. Машина рванулась с места и взметнула облако пыли, где крутился, как дервиш, вихрь праха.

Он оказался прав – по пути встретились места, где компания мертвецов пополнилась.

«Отныне я всегда буду прав, – думал он. – Смерть никогда не ошибается».

Через час езды он добрался до другого кладбища. Вдоль ограды, словно собаки на поводке, взадвперед бегали новые заблудшие души в ожидании повелителя. Очевидно, весть о прибытии ЧеловекаСмерти долетела раньше его самого. Призраки ждали, чтобы присоединиться к его спутникам. Не пришлось даже притормаживать: песчаный вихрь встретил его, окутал машину и слился с духами позади. ТоммиРэй просто ехал мимо.

Ближе к рассвету отряд его слуг снова увеличился. Ночью на перекрестке произошла авария: кровь, битое стекло, перевернутый автомобиль на обочине. ТоммиРэй притормозил, чтобы взглянуть на происшествие. Он не надеялся увидеть привидений, но тут послышался знакомый вой ветра, и из темноты, шатаясь, выступили два исковерканных силуэта – мужской и женский. Они еще не свыклись со своим новым состоянием. Ветер, дувший сквозь их тела, грозил опрокинуть духов на землю. Но они сразу поняли, что пришел хозяин, и покорно явились к нему. ТоммиРэй посмотрел на них и улыбнулся. Свежие раны (осколки стекол торчали из мертвых глазниц) восхитили его.

Он не сказал ни слова. Подойдя ближе, духи словно услышали сигнал от собратьев, позволили своим телам полностью рассыпаться и присоединились к ветру.

ТоммиРэй ехал дальше, и его легион множился.

По мере того как он продвигался на север, таких встреч становилось больше, будто весть о его приближении пронеслась под землей могильным шепотом от мертвеца к мертвецу, и на дороге его встречали новые фантомы. Но не все присоединились к эскорту, некоторые просто смотрели на этот парад. Многие пугались. ТоммиРэй стал главным ужасом «пещеры страха», а они превратились в испуганных посетителей аттракциона. У мертвых своя иерархия, и ЧеловекСмерть стоял слишком высоко, чтобы эти призраки могли составить ему компанию. Слишком сильны его амбиции, слишком неуемен аппетит. Мертвецы предпочитали тихо гнить, чем пускаться в авантюру.

Ранним утром он достиг безымянного городишка, где недавно лишился кошелька. Первые лучи солнца не развеяли песчаный вихрь, летящий следом за ним. Тем немногим, кто видел это облако, оно казалось просто пылью.

Здесь у ТоммиРэя были дела и помимо собирания заблудших душ, хотя он был уверен, что люди в подобных местах живут недолго и частенько умирают не своей смертью, при этом большинство тел так никогда и не обретают покой в освященной земле. Но сейчас он собирался отомстить карманнику или хотя бы заведению, где его обокрали. ТоммиРэй легко нашел нужный бар. Как он и ожидал, несмотря на столь ранний час, входная дверь была еще не заперта. И бар оказался отнюдь не пуст: там лежали вчерашние пьяницы, в разной степени опьянения. Один валялся на полу в луже блевотины, двое других растянулись на столах. За стойкой стоял человек, показавшийся ТоммиРэю смутно знакомым. Кажется, именно он накануне пропускал ТоммиРэя на шоу. Здоровенный детина с лицом, по которому били столько раз, что синяки, казалось, не пройдут никогда.

– Ищешь кого? – нагло спросил он.

ТоммиРэй не обратил на него внимания и направился к двери, ведущей на сцену, где происходило вчерашнее представление. Дверь оказалась не заперта. Актеры, наверное, разошлись по своим постелям и конурам. Когда он повернулся к бару, здоровяк был уже в ярде от него.

– Я тебя вроде бы о чемто спросил.

ТоммиРэй немного удивился такой слепоте. Неужели человек не понимал, что разговаривает с существом высшего порядка? Или его восприятие настолько притупилось за годы пьянства и собачьих шоу, что он не узнал ЧеловекаСмерть? Тем хуже для него.

– Пшел прочь, – сказал ТоммиРэй. Вместо этого здоровяк схватил его за грудки.

– Я тебя здесь уже видел. – Ну.

– Ты чтото забыл?

Он притянул ТоммиРэя к себе так, что их носы едва не соприкасались. Изо рта детины несло гнилью.

– На твоём месте я бы тебя не трогал, – предупредил ТоммиРэй.

Мужчина улыбнулся.

– Хочешь, чтобы тебе яйца оторвали? Или, может, поучаствуешь в шоу? – Его глаза широко раскрылись. – Ты за этим пришел? На кастинг?

– Я говорю...

– Мне насрать, что ты говоришь. Сейчас я говорю. Понял? – Он закрыл ТоммиРэю рот огромной ладонью. – Так ты покажешь мне чтонибудь?

Глядя на него, ТоммиРэй вдруг вспомнил все, что видел вчера: стеклянные глаза женщины, стеклянные глаза пса. Он видел смерть вживую. Он открыл рот под ладонью здоровяка и коснулся языком грязной кожи.

Мужчина ухмыльнулся.

– Даа?! – сказал он.

Он убрал руку с лица ТоммиРэя.

– Значит, все-таки покажешь?

– Здесь... – пробормотал ТоммиРэй.

– Что?

– Сюда... Сюда...

– Ты о чем это?

– Я не с тобой разговариваю. Сюда. Идите... сюда. – Его взгляд перебежал с лица мужчины на дверь.

– Да ладно тебе, парень. Ты один.

– Сюда! – закричал ТоммиРэй.

– Заткнись, блин!

– Сюда!

Крик взбесил бармена, и он с такой силой ударил ТоммиРэя по лицу, что сшиб его на пол. ТоммиРэй не пытался встать. Он смотрел на дверь и еще раз повторил свой призыв.

– Пожалуйста, войдите, – сказал он тише.

То ли потому, что в этот раз он просил, а не требовал, то ли духи долго воссоздавали себя, прежде чем смогли прийти ему на помощь, но его легион повиновался. Они начали колотить в дверь. Бармен изумленно обернулся. Даже его затуманенному мозгу стало очевидно, что это не ветер рвется внутрь. Слишком ритмичными и мощными были удары. И эти завывания, о, эти завывания! Они никак не походили на завывания ветра. Он опять повернулся к ТоммиРэю.

– Что там за херня?

ТоммиРэй просто лежал там, где упал, и улыбался своей знаменитой улыбкой «проститоеввторжение», которая уже никогда не станет прежней после того, как он превратился в ЧеловекаСмерть.

«Умри, – говорила теперь эта улыбка. – Умри, а я буду смотреть. Умри медленно или быстро, мне плевать. Для ЧеловекаСмерти это не важно».

Тут дверь распахнулась, по всему бару брызнули щепки и обломки замка, и внутрь ворвался вихрь. При солнечном свете призраков не было видно, но теперь они дали себя рассмотреть, сгущаясь на глазах у свидетелей. Один из спящих соскользнул со стола и проснулся в тот момент, когда рядом с ним три призрака сформировывали свои тела. Он отпрыгнул к стене – там они его и настигли. ТоммиРэй слышал крик, но не видел, какой смертью человек умер. Он смотрел, как призраки подступали к бармену.

Их лица казались голодными, словно путешествие вернуло мертвым часть естественных потребностей. Теперь их было трудно различить: вероятно, частицы праха перемешались в дороге и призраки стали походить друг на друга. Потеряв индивидуальные черты, они стали еще страшней, чем при появлении у кладбищенских стен. ТоммиРэй вздрогнул, в нем проснулись остатки того, кем он был прежде. Но ЧеловекСмерть блаженствовал. Это солдаты его армии: огромные глаза, огромные рты, тлен и жажда.

Бармен громко молился, но полагался он не только на небеса. Одной рукой он схватил ТоммиРэя, закрылся им и стал пятиться в дверь, ведущую на сексцену. ТоммиРэя слышал его бормотание: «Санто Диос! Санто Диос!» Но ни молитвы, ни заложник не могли сдержать приближение вихря, распахнувшего дверь и ворвавшегося за ним.

ТоммиРэй увидел, как мертвые рты распахнулись шире, а потом все потерялось в мелькании лиц. Он не заметил, что произошло дальше. Прежде чем он успел закрыть глаза, туда попал песок. Но он почувствовал, как хватка бармена ослабла, и в следующий миг брызнуло что-то теплое. Вой ветра становился все громче и острее. ТоммиРэй пытался заткнуть уши, но тщетно – звук вгрызался в череп сотней буравов.

Он открыл глаза и увидел, что его тело окрасилось красным – грудь, руки, ноги. Виновник этого валялся там, где прошлым вечером выступали женщина и пес. Голова бармена шеей вверх лежала в одном углу, сцепленные в замок руки – в другом, остальное – в центре. Шейная артерия еще пульсировала.

ТоммиРэй пытался сдержать рвоту (он же ЧеловекСмерть), но это было слишком. А чего он, собственно, ожидал, когда призвал призраков? Это не цирк. У мертвецов нет ни разума, ни воспитания.

Дрожь и преодолевая тошноту, он встал на ноги и выбрался в бар. Здесь его войско потрудились не менее успешно: все три посетителя были растерзаны. Бросив на них беглый взгляд, ТоммиРэй направился к выходу.

События в баре даже в столь ранний час привлекли толпу любопытных, но вой ветра, в котором опять растворилась его армия, удерживал всех, кроме самых отчаянных и самых юных, на приличном расстоянии. Людей пугало ощущение, будто в этом ветре что-то таится.

Они увидели, как светловолосый окровавленный юноша выходит из бара, но и не подумали его задержать. Их страх заставил ТоммиРэя вспомнить о собственной походке. Он перестал сутулиться и выпрямился. Когда они будут вспоминать ЧеловекаСмерть, подумал он, пусть вспоминают нечто ужасающее.

Постепенно ему стало казаться, что его легион рассеялся позади. Наверное, они решили, что убивать – это более интересное занятие, чем следовать за своим лидером, и вернулись, чтобы растерзать оставшееся население города. Он не жалел о дезертирстве призраков, даже отчасти был доволен. Долгожданные откровения, дарованные ему прошлой ночью, немного поблекли.

Он вспотел и пропах кровью другого человека, под его глазом расплывался синяк от удара бармена. Он наивно полагал, что нунций сделал его бессмертным. Что толку быть ЧеловекомСмертью, если все равно умрешь? Учась на собственных ошибках, он слишком приблизился к смерти, о которой так любил рассуждать. И он оказался наивным, когда решил, что может управлять легионом мертвецов.

Призраки уже не были напуганными и дрожащими потерянными душами, как ночью. Их изменило общение друг с другом. Теперь они были смертоносны и наверняка рано или поздно вышли бы изпод контроля. Без них все-таки лучше.

Недалеко от границы ТоммиРэй остановился, чтобы вытереть с лица кровь и вывернуть рубашку наизнанку. А уже на самой границе он увидел в зеркале заднего вида знакомое облако пыли и понял, что рано радовался избавлению от своих солдат. Какое бы убийство их ни задержало, они явно уже справились. ТоммиРэй прибавил скорость в надежде оторваться, но мертвецы чувствовали его запах и не отставали, как свора преданных свирепых собак. Вскоре они заклебились у багажника его машины.

После границы духи облепили машину с обеих сторон. И отнюдь не ради того, чтобы выказать свое расположение. Они пытались открыть окна и пассажирскую дверь. Наконец им это удалось. ТоммиРэй потянулся, чтобы захлопнуть дверь обратно, и тут на заднее сиденье шлепнулась голова бармена, еще более изуродованная после того, как призраки протащили ее за собой по земле. Дверь захлопнулась, и облако вернулось на свою позицию позади автомобиля.

ТоммиРэю хотелось остановиться и выкинуть трофей на дорогу, но он понимал, что такой поступок покажется слабостью. Духи принесли ему мертвую голову не ради шутки – это было предостережение, даже угроза. «Не пытайся нас обмануть или предать, – возвещала грязная окровавленная голова, – иначе мы быстро породнимся».

Он усвоил это немое предупреждение. Он оставался формальным лидером, но акценты сместились. Каждые несколько миль облако заставляло его менять направление, чтобы вобрать в свои ряды все новых и новых членов, порой в самых неожиданных местах – в каких-то трущобах, один раз в мотеле, раз за оградой заправки, где стояли мужчина, женщина и ребенок, словно ожидавшие попутного транспорта.

Чем больше их становилось, тем сильнее бушевал ветер. Он начал сбрасывать машины в

кювет и вырывать дорожные знаки. Об этом даже упомянули в новостях: ТоммиРэй услышал по радио, что с океана на север к ЛосАнджелесу движется неестественный вихрь.

Ему стало интересно, слышит ли о вихре кто-нибудь в ПаломоГроув. Может, Яфф или ДжоБет. Он надеялся, что они услышат и поймут, что именно к ним приближается. С тех пор как его отец вышел изпод земли, в городе случилось много странного, но пока не было ничего похожего на живой тлен, танцующий позади его машины.

II

В субботу утром Уильяма выгнал из дома голод. Он выходил неохотно, как человек, который во время секса вдруг понял, что его мочевого пузыря переполнен. Но голод и желание пописать долго игнорировать невозможно. Уильям довольно быстро опустошил скудные запасы своего холодильника. Он никогда не закупал продукты впрок, ему нравилось ежедневно тратить четверть часа на прогулку по супермаркету и приобретать то, что вдруг возбуждало его аппетит. Но он уже два дня не покидал дома, и поскольку он не хотел умереть от голода среди роскошных, вкусных, но несъедобных созданий, прятавшихся за плотно задернутыми шторами его жилища, пришлось идти в магазин. Но проще сказать, чем сделать. Он был слишком поглощен своими гостями, и даже элементарная задача – привести себя в порядок для выхода на улицу – оказалась нелегким делом.

До недавнего времени его жизнь была размеренной. В воскресенье он всегда вешал в шкаф выстиранные и отглаженные рубашки на неделю и отбирал пять из ста одиннадцати галстуков в тон рубашкам. Его кухню можно было снимать в рекламных роликах: все поверхности сияли первозданной чистотой, от раковины пахло лимоном, от посудомоечной машины – цветочным кондиционером, а из туалета – хвоей.

Но теперь дом Уильяма превратился в Вавилон. Лучший его костюм порвала известная бисексуалка Марсела СентДжон, трахая свою подружку. Галстуки потребовались для соревнования, на чей возбужденный член можно повесить больше. Победу одержал Мозес Джаспер по прозвищу Шланг – семнадцать галстуков.

Уильям решил не забирать у них свои вещи. Порывшись в шкафу, он нашел футболку с длинным рукавом и джинсы, которые не надевал уже несколько лет, и отправился к моллу.

Примерно в это же время ДжоБет проснулась с худшим в своей жизни похмельем. Худшим, поскольку первым.

Она смутно помнила события прошлого вечера. Помнила, как пошла к Луис и увидела гостей, как пришел Хови, но чем все кончилось – забыла. Она встала. Голова кружилась, ее тошнило. ДжоБет направилась в ванную. Мама, услышав ее шаги, поднялась наверх. Когда ДжоБет вышла из ванной, Джойс ждала ее.

– Ты в порядке?

– Нет, – призналась ДжоБет. – Чувствую себя отвратительно.

– Ты вчера напилась.

– Да. – Отпираться было глупо.

– Где ты была?

– У Луис.

– У Луис никогда не водилось спиртного, – сказала мама.

– Вчера было. И много всего прочего.

– Не ври мне, ДжоБет.

– Я не вру.

– У Луис в доме никогда не было этой отравы.

– Спроси ее сама, – ответила ДжоБет, не обращая внимания на осуждающий взгляд матери. – Думаю, нам нужно вместе сходить в магазин и спросить ее.

– Я не выхожу из дома, – твердо сказала мать.

– Ты выходила во двор позавчера, значит, сможешь дойти и до машины.

Никогда в жизни она так не разговаривала с мамой. В ее голосе звучала злость, отчасти изза того, что мама не поверила ей, отчасти изза того, что она не могла вспомнить подробностей вчерашнего вечера. Она пыталась вспомнить и не могла. Что произошло у них с Хови? Они поссорились? Ей казалось, что да. На улице они разошлись в разные стороны... но почему? Об

этом тоже надо спросить у Луис.

– Я серьезно, мама. Сейчас мы вместе поедem в магазин.

– Нет, я не могу, – сказала мама. – Правда, не могу. Я плохо себя чувствую.

– Неправда.

– Правда. Мой желудок...

– Нет, мама! Хватит! Нельзя притворяться больной до конца жизни только потому, что ты боишься. Я тоже боюсь.

– Хорошо, что боишься.

– Нет! Именно такого и хочет Яфф. Он питается страхами. Я знаю, что говорю. Я видела, как он действует, и это ужасно.

– Мы можем молиться. Молитвы...

– Они нам не помогут, как не помогли пастору. Не помогут, слышишь! – почти выкрикнула ДжоБет. Голова сразу закружилась сильнее, но она должна была это сказать, пока к ней не вернулась трезвость рассудка, а вместе с ней и боязнь обидеть. – Ты всегда говоришь, что вне дома опасно, – продолжала ДжоБет. Она не хотела обижать маму, но не могла сдержать нахлынувших чувств. – Что ж, это так. Может быть, там даже опаснее, чем ты думаешь. Но внутри, мама... – Она прижала руку к груди. У нее было тяжело на сердце изза ТоммиРэя, изза Хови и изза страха потерять их обоих. – Внутри опасностей больше. Когда какието вещи... сны... приходят и уходят раньше, чем успеваешь понять.

– Ты несешь чушь, ДжоБет.

– Луис тебе расскажет. Я отвезу тебя к ней, и тогда ты мне поверишь.

Хови сидел у окна, подставляя солнцу влажную кожу. Запах собственного пота был знакомым, как отражение в зеркале, и даже более – ведь лицо менялось, а запах пота оставался прежним. Сейчас ему была необходима стабильность, а кроме этого в мире не было ничего стабильного. Он никак не мог разобраться в своих чувствах, сбившихся в клубок в его животе. То, что казалось простым еще вчера, когда он целовал ДжоБет на заднем дворе ее дома, теперь стало очень сложным. Флетчер, наверное, умер, но он оставил в Гроуве свое наследство – придуманных созданий, которые видели в Хови замену утраченному создателю. Но он не мог заменить отца. Даже если бы они не разделяли отношения Флетчера к ДжоБет – вчерашняя стычка показала, что разделяли, – он не мог оправдать их ожиданий. Он приехал сюда в отчаянии и превратился, хоть и ненадолго, в возлюбленного. А теперь они хотят сделать из него генерала, ждут боевых построений и планов сражений. Он не может им дать ни того ни другого. Армии Флетчера придется выбирать командующего из собственных рядов или рассеяться.

Он столько раз повторил эти аргументы, что почти поверил себе, по крайней мере убедил себя, что он не трус, если хочет верить в них. Снова и снова он возвращался мыслями к выбору, который Флетчер предложил ему тогда, в лесу: ДжоБет или его предназначение. Хови отказался от выбора, что прямо или косвенно привело к публичной смерти флетчера – последней отчаянной попытке дать миру надежду на будущее. И вот теперь сын поворачивался спиной к тому, ради чего пожертвовал собой отец.

И если, если... Всегда это «если». Если он встанет на сторону армии Флетчера, то ему придется участвовать в войне, чего они с ДжоБет так старались избежать. И тогда она станет его врагом по рождению.

Чего он хотел больше всего (больше, чем в одиннадцать лет – иметь волосы на лобке, а в четырнадцать – мотоцикл, который он украл; больше, чем хоть на пару минут воскресить мать и сказать ей, как он жалеет, что порой заставлял ее плакать; даже больше, чем он хотел ДжоБет), так это определенности. Чтобы ему сказали, какой путь верный, как правильно поступить, а если все пойдет не так, это не его вина. Но рядом не было никого, кто мог бы дать ему совет. Он должен решать сам. Хови сидел на солнце, пот высыхал на его коже, а он думал.

У молла было не так людно, как обычно по субботам, но Уильям все же встретил с полдюжины знакомых. Среди них была и его помощница Валери.

– Ты в порядке? – спросила она. – Я звонила, но ты не брал трубку.

– Да, я болел, – ответил он.

– Я вчера даже не открывала офис. Все изза этого безобразия ночью. Знаешь, Роджер был здесь, когда начался трезвон.

– Роджер?

Она удивленно посмотрела на него.

– Да. Роджер.

– Аа, ну да, – пробормотал Уильям. Он не имел понятия, муж это Валери, брат или собака, и его это мало интересовало.

– И он тоже заболел.

– Думаю, тебе стоит отдохнуть несколько дней.

– Это было бы здорово. Ты заметил, столько народу уезжает из города? Все бегут.

Он промямлил несколько вежливых фраз о том, как ей стоит провести отпуск, и отошел.

Музыка, звучавшая в магазине, напомнила ему о том, что он оставил дома. Она звучала как саундтрек из некоторых старых фильмов его коллекции и воскресила в памяти сцены, что ею сопровождалась. Это подстегнуло его, он сметал с полок все, что попадалось под руку, быстро наполняя корзину. Чем накормить гостей, он не думал, – они были сыты друг другом.

Он оказался не единственным, кто не обращал внимания на стиральные порошки и моющие средства, а набирал лишь закуски и консервы. Другие делали то же, что и он, – без разбору наполняли свои корзины и тележки. Они (когда-то он знал каждого по именам, а теперь едва мог вспомнить) смотрели вокруг знакомым Уильяму отсутствующим взглядом. Они делали вид, что с субботы ничего не изменилось. У них у всех, или почти у всех, имелись секреты. А те, кто не уезжал из города, как Валери, или не притворялся, казались Уитту еще более загадочными.

Подойдя к кассе и бросив в корзину две пригоршни шоколадок «Херши», он увидел лицо, которого не видел здесь много лет. Джойс Макгуайр. Она пришла со своей дочерью ДжоБет, и они держались за руки. Если он когда-то и видел их вместе, то задолго до того, как ДжоБет стала взрослой. Сходство матери и дочери заставило Уильяма на миг остолбенеть. Он вспомнил день у озера и раздетую Джойс. Интересно, как ДжоБет выглядит без одежды – те же маленькие темные соски, стройные загорелые ноги?

Внезапно он понял, что не он один смотрит на Макгуайров. На них глядели почти все в магазине. Он не сомневался, что в головах у людей пронеслась одна мысль: перед ними во плоти один из ключей к тому, что происходит в Гроуве. Восемнадцать лет назад Джойс Макгуайр родила дочь при довольно скандальных обстоятельствах. И вот теперь, когда самые нелепые слухи о «Лиге девственниц» подтвердились, она вышла из своего укрытия. В Гроуве или под ним действительно обитали некие существа, имеющие власть над низшими созданиями. Их сила породила детей Джойс Макгуайр. Возможно, с помощью этой силы Уильям смог воплотить свои мечты. Они ведь тоже воплотились из его сознания.

Он опять посмотрел на Джойс и понял о себе то, чего не понимал раньше: он и эта женщина (очевидец и жертва) связаны неразрывной связью. Это понимание продлилось одно мгновение, мысль ускользала, но она заставила Уильяма оставить корзину возле кассы и подойти к Джойс. Когда та заметила, что он направляется к ней, по ее лицу пробежала тень страха. Он улыбнулся. Джойс хотела выйти, но дочь удержала ее за руку.

– Все нормально, мама, – раздался голос ДжоБет.

– Да, – сказал он, протягивая руку Джойс. – Да, все в порядке... Я так... рад вас видеть.

Его искренность и простота, казалось, смягчили ее. Она перестала хмуриться и даже улыбнулась.

– Уильям Уитт, – представился он, пожимая ее руку– Вы меня, наверное, не помните, но...

– Я вас помню.

– Я рад.

– Видишь, мама? – сказала ДжоБет. – Все не так уж страшно.

– Я давно вас не видел в городе, – продолжал Уильям.

– Я была... больна.

– А теперь?

Она помолчала. Потом выговорила:

– Теперь мне лучше.

– Рад слышать.

Иzza стеллажа послышалось всхлипывание. Но это заметила только ДжоБет. Странное напряжение в разговоре мамы с мистером Уиттом (она видела его почти каждое утро с тех пор, как устроилась на работу; впервые он был столь небрежно одет) обострило ее восприятие, а

остальные покупатели очень старались ничего не замечать. ДжоБет отпустила руку матери и пошла на звук, пока не обнаружила его источник. У прилавка с хлопьями стояла Рут Гилфорд, секретарша доктора, лечившего Джойс. В одной руке она держала одну коробку с хлопьями, а в другой – другую, а по ее щекам текли слезы. Тележка Рут была завалена этими коробками, словно она хотела купить по одной каждого вида.

– Миссис Гилфорд?

Та не перестала плакать и заговорила сквозь слезы. Получалось не очень связно.

– Не знаю, чего он хочет... – всхлипывала она, – после стольких лет... не знаю, что ему нужно...

– Вам помочь? Может, отвезти вас домой?

При слове «домой» Рут повернулась к ДжоБет, пытаясь разглядеть ее сквозь слезы.

– Не знаю, чего он хочет... – повторила она.

– Кто?

– Все эти годы... а он что-то прячет от меня...

– Ваш муж?

– Я ничего не говорила, но я знала... всегда знала... он любит другую... и теперь привел ее в дом...

Слезы хлынули с новой силой. ДжоБет осторожно взяла у нее из рук пачки и поставила их на полку. Утратив свой талисман, Рут вцепилась в руку ДжоБет.

– Помогите мне...

– Конечно.

– Я не хочу домой. Он кого-то привел.

– Хорошо. Не ходите.

Она повела плачущую женщину к выходу. По пути та немного успокоилась.

– Вас ведь зовут ДжоБет? – Да.

– Проводите меня до машины... Я сама не дойду.

– Доведу, доведу, все будет хорошо, – успокоила ее ДжоБет.

Она встала слева, чтобы закрыть Рут Гилфорд от любопытных взглядов покупателей. Ее вид мог напомнить им о собственных секретах, которые они так тщательно старались скрыть.

Мама и Уильям Уитт уже стояли у выхода ДжоБет решила не представлять никого друг другу – тем более Рут была не в силах разговаривать, а только попросить маму подождать у книжного магазина, который до сих пор не открылся. Луис впервые опоздала на работу. Но мама заговорила первой:

– Не беспокойся, ДжоБет, мистер Уитт отвезет меня домой.

ДжоБет взглянула на Уитта. Тот был словно зачарован.

– Ты уверена?

Она вдруг подумала, что мистер Уитт очень похож на тех мужчин, насчет которых ее всегда предупреждала мама. У таких замкнутых и молчаливых людей полно порочных тайн. Но маму это ничуть не беспокоило, она лишь помахала рукой.

Мир спятил, мрачно думала ДжоБет, ведя Рут Гилфорд к машине. Люди меняются в одно мгновение, словно долгие годы они притворялись: мама – больной, мистер Уитт – аккуратным, Рут Гилфорд – крепким орешком. Интересно, они действительно изменились или были такими всегда?

У машины Рут опять залилась слезами: она хотела обратно в супермаркет, она не могла вернуться домой без хлопьев. ДжоБет пообещала, что отвезет ее сама. Рут с благодарностью согласилась.

По дороге они встретили кавалькаду из четырех черных лимузинов, словно прибывших из другого измерения. Машины, урча, взбирались на Холм.

«Еще гости, – подумала ДжоБет. – Мало их тут, что ли».

III

– Начинается, – сказал Яфф.

Он стоял у самого большого окна особняка и смотрел на дорогу. До полудня оставалось совсем немного, и появление лимузинов на подъездах к КониАй возвестило о прибытии первых гостей. Яфф хотел бы, чтобы ТоммиРэй был рядом и видел этот съезд, но он еще не

вернулся из миссии. Не важно. Ламар оказался более чем удачной заменой. Был неприятный момент, когда Яфф сбросил маску Бадди Вэнса и показался комику в своем истинном виде, но тот быстро пришел в себя. В какомто смысле он был даже лучше ТоммиРэя – восприимчивее и циничнее. К тому же он знал всех приглашенных на вечер памяти Бадди Вэнса лучше, чем вдова. Рошель со вчерашнего вечера все глубже погружалась в наркотическое забытие, чем Ламар и воспользовался, чтобы овладеть ею, к превеликому удовольствию Яффа. Однажды Яфф и сам хотел это сделать; нет, не хотел, а *мог* это сделать. Рошель, без сомнений, была прекрасна, а ее порок – постоянный еле сдерживаемый гнев – только украшал ее. Но желания плоти принадлежали другой жизни. Сейчас перед Яффом стояла более насущная проблема: надо добыть силу из гостей, собиравшихся внизу. Ламар пробежался глазами по списку, выдавая комментарии по поводу каждого приглашенного. Продажные юристы, актерынаркоманы, бывшие шлюхи, сутенеры, развратники, наемные убийцы, белые люди с черной душой, прилипалы, кокаинисты, вознесшиеся высоко и павшие еще ниже, онанисты, эгоисты и гедонисты. Ну где еще взять силу, что защитит его, когда ему откроется Искусство? Столь испорченных, заблудших и самодовольных душ не найдешь у добропорядочных буржуа Он получит от них таких терат, каких не видывал мир. Тогда он будет готов. Флетчер умер, а его армия, если ее можно так называть, не высовывает носа из укрытия.

Между Яффом и Субстанцией больше никто не стоял.

Наблюдая у окна, как подъезжающие гости обмениваются слащавыми улыбками и липкими поцелуями, он вспомнил комнату мертвых писем в Омахе, штат Небраска, где когда то началось его знакомство с тайной. Вспомнил Гомера, что открыл ему вход в сокровищницу и погиб от ножа с тупым лезвием, – Яфф до сих пор носил этот нож в кармане куртки. Тогда смерть для него еще что то значила и приводила в ужас. Так было, пока он не оказался в Петле и не понял, насколько нелепы эти страхи, если даже шарлатан вроде Киссуна умеет остановить время. Наверное, до сих пор прячется в своем убежище от духовных кредиторов или от банды убийц и планирует, как обрести былую силу. А может, у него и выбора уже нет.

Последняя мысль явилась для него откровением. Он нашел ответ на вопрос, о котором, на первый взгляд, даже не задумывался. Киссун удерживал время, чтобы связать руки собственной смерти.

– Ладно, – пробормотал он.

– Что? – спросил Ламар.

– Да так, задумался. – Яфф отвернулся от окна. – Вдова уже внизу?

– Пытаюсь ее поднять.

– А кто встречает гостей?

– Никто.

– Так займись этим.

– Я думал, я нужен тебе здесь.

– Позже. Когда все соберутся, будешь приводить их ко мне по одному.

– Как скажешь.

– Еще вопрос...

– Всего один?

– Почему ты меня не боишься?

Ламар сузил и без того узкие глаза. Потом сказал:

– Я пока еще сохранил чувство юмора. – И, не дожидаясь реакции Яффа, отправился вниз исполнять обязанности хозяина вечеринки.

Яфф опять повернулся к окну. К воротам подъехал еще лимузин, на этот раз белый; шофер показал привратнику приглашение.

– Один за другим, – пробормотал Яфф. – Один несчастный за другим.

Грилло принесли приглашение на прием в середине утра лично в руки. Курьером оказалась Эллен Нгуен. Она вела себя очень привлекательно и не выдала ни намек на их вчерашнюю встречу. Грилло пригласил ее в номер, но Эллен отказалась.

– Много работы в особняке. Рошель совсем отключилась. Не думаю, что она тебя узнает. Но приглашение тебе понадобится. Имя впиши, какое хочешь. Там куча охраны, так что не потеряй. На такой вечеринке без приглашения охранника не уболтаешь.

– А ты там будешь?

– Нет, что ты.

- Ты же сама сказала, что идешь в КониАй.
- Только для подготовки. Когда прием начнется, я уйду. Не хочу быть среди этих людей. Они паразиты. Никто из них на самом деле не любил Бадди. Это шоу.
- Ладно, я тебе расскажу, что там было.
- Хорошо. – Она повернулась, чтобы уйти.
- Может, поговорим еще?
- О чем? У меня мало времени.
- О нас. О том, что случилось вчера.
- Что случилось, то случилось. О чем тут говорить?
- Может, попробуем повторить?
- Не думаю, – сказала она.
- Ты не дала мне шанса...
- О нет, – перебила она, словно не давая ему сказать глупость. – Мне было хорошо с тобой...

Но все изменилось.

- Со вчерашнего дня?
- Да. Я не могу сказать, что именно... – Фраза повисла в воздухе. Потом Эллен начала снова:
- Мы же взрослые. Мы знаем, как это бывает.
- Он уже хотел сказать: нет, он не знает, как и что бывает, – но решил сохранить остатки собственного достоинства.
- Будь там поосторожнее, – сказала она и снова повернулась, чтобы идти.
- Он не удержался и съязвил:
- Спасибо и на этом.
- Она одарила его своей легкой загадочной улыбкой и ушла.

IV

Возвращение ТоммиРэя в Гроув затянулось, но для Теслы с Раулем дорога оказалась еще более долгой, правда, по причинам не столь метафизическим. Впервые, машина у Теслы была так себе. К тому же ей изрядно досталось в последнее время. Вовторых, хотя прикосновение нунция и вытасило ее из объятий смерти, оно имело побочные последствия. Тесла обнаружила их после пересечения границы.

Хотя она вела реальную машину по реальной дороге, ощущение этой реальности было зыбким. Она проваливалась в другие измерения и на иные уровни сознания. Она раньше ездила и под кайфом, и пьяная, но нынешнее состояние было другим. Ее мозг будто извлекал кусочки воспоминаний об ее экспериментах, с галлюциногенами и транквилизаторами и заставлял прочувствовать все заново. В какойто момент она поняла, что скулит, как дикое животное (она слышала свой голос как бы со стороны). Потом ей показалось, что шоссе исчезло и она парит в воздухе. Дальше пришли мысли грязнее ньюйоркского метро. Нужно было просто резко повернуть руль, чтобы покончить с этим фарсом. Останавливали две вещи. Первая – запах страха, исходивший от сидевшего рядом Рауля, который вцепился в панель так, что побелели костяшки пальцев. Вторая – воспоминание о Петле Киссуна. Оно было менее реальным, чем дорога и запах Рауля, но столь же настойчивое. Сам Киссун и Троица, как он назвал это место, увлекали Теслу к себе. Она почти физически ощущала, что ее затягивает. Тесла сопротивлялась, хотя и не очень охотно. Несмотря на то, что она радовалась возвращению в свой мир, увиденное и услышанное в Троице разбудило в ней почти болезненное любопытство. Чем больше она сопротивлялась, тем быстрее уходили силы. Когда путешественники добрались до окраин ЛосАнджелеса, сны наяву ежеминутно заслоняли реальность.

- Нам нужно остановиться, – сказала Тесла и отметила, что язык у нее заплетается. – Не то я убью нас обоих.
- Хочешь спать?
- Не знаю, – ответила она, опасаясь, что сон не решит проблемы, а принесет новые. – Хотя бы просто отдохнуть. Выпить кофе и привести мысли в порядок.
- Здесь?
- Что «здесь»?
- Остановимся здесь?

– Нет, – сказала она. – Поедем ко мне. Это в получасе езды отсюда. Поехали.

«Ты уже едешь, детка, – сказала ее сознание, – и никогда не остановишься. Ты же воскресла. Чего ты ждала? Что жизнь останется прежней? Забудь. Ничто и никогда больше не будет прежним».

Но западный Голливуд не изменился: все тот же город мечты с его барами и стильными магазинчиками, где Тесла покупала украшения. Она свернула с СантаМоники налево на НордХантлидрайв, где жила уже пять лет с тех пор, как переехала в ЛосАнджелес. Близился полдень, город пожирал смог. Тесла поставила машину в подземный гараж, и они с Раулем отправились в квартиру номер пять. Окна ее соседа, злобного угрюмого человечка, с которым за пять лет она обменялась тремя фразами (две из них – оскорбления), были открыты, и он, без сомнения, заметил гостя Теслы. Минут через двадцать он оповестит весь дом, что мисс Одинокое Сердце, как он ее прозвал, вернулась вся в грязи и в сопровождении Квазимодо. Пусть его. Были более насущные проблемы, например, как попасть ключом в замочную скважину. Рауль пришел на помощь, взял ключ из ее дрожащих пальцев и открыл дверь. Как обычно, квартира походила на зону стихийного бедствия. Тесла оставила дверь открытой и распахнула окна, чтобы проветрить, потом прослушала автоответчик. Дважды звонил ее агент с известием, что сценарий не принят. Звонила Саралин, спрашивала, не знает ли Тесла, где Грилло. Потом звонила мать, чье сообщение было скорее перечислением преступлений, совершенных против нее миром вообще и отцом в частности. Последним был звонок от Микки де Фалько. Он зарабатывал тем, что озвучивал стоны в порнофильмах, и ему требовалась партнерша. На заднем плане лаяла собака. «И как только вернешься, – закончил он, – забери этого долбаного пса, пока он не выжил меня из дома». Тут она заметила, что Рауль изумленно смотрит на нее.

– Мои знакомые, – сказала она, когда голос Микки затих. – Болтуны, да? Слушай, я полежу, ладно? Здесь все как обычно – холодильник, телевизор, туалет. Разбуди меня через час, хорошо?

– Через час.

– Хорошо бы чаю, но некогда. Я нормально говорю? – спросила она, заметив, что его изумление не проходит.

– Да... – ответил он неуверенно.

– Слова сбиваются?

– Да.

– Оно и понятно. Ну ладно, квартира в твоём распоряжении. На звонки не отвечай. Увидимся через час.

Она ушла в ванную, полностью разделась и оценивающе взглянула на душ, потом плеснула себе на лицо и грудь холодной воды и ушла в спальню. Там было жарко, но открывать окно она не стала. Ее ближайший сосед Рон обычно просыпался – как раз в это время – и слушал оперу. Пришлось выбирать между жарой и «Лючией де Ламмермур»*. Тесла предпочла потеть.

Предоставленный самому себе, Рауль нашел в холодильнике какуюто еду и сел у окна. Он весь дрожал. Он не испытывал такого страха со дня, когда Флетчера охватило безумие. Теперь, как и тогда, мир резко и без предупреждения изменился, а он не знал, что ему делать. В глубине души он уже перестал надеяться на возвращение Флетчера. Миссия, где он нес свою вахту, превратилась в посмертный памятник. Он надеялся умереть там в одиночестве, постепенно утратив разумные навыки. Ведь он не умел писать ничего, кроме своего имени. Большинство предметов в квартире этой женщины оставались для него полнейшей загадкой. Он ощущал себя потерянным.

Крик в соседней комнате отвлек его от жалости к себе.

– Тесла?

Вразумительного ответа не последовало, только приглушенные крики. Он встал и пошел на звук. Дверь спальни была закрыта. Он стоял в нерешительности, положив руку на дверную ручку и боясь войти без приглашения. Но тут он услышал новые крики и распахнул дверь.

Классическая опера Гаэтано Доницетти.

Никогда в жизни он не видел обнаженной женщины, и вид Теслы, распростертой на кровати, приковал его к месту. Ее руки, лежавшие вдоль тела, судорожно сжимали простыни, голова моталась из стороны в сторону. Ее полупрозрачное тело напомнило ему о том, что случилось на

дороге у миссии. Она снова уходила от него. Обратно в Петлю. Крики превратились в стоны. И стонала она не от удовольствия. Ее уводили насильно.

Он громко позвал ее по имени. Внезапно она села и уставилась на него, расширив глаза.

– Боже! – Она задыхалась, словно только что бежала. – Боже. Боже.

– Ты кричала... – начал он, чтобы както объяснить свое присутствие.

Она только сейчас осознала ситуацию: ее нагота, его смущение... Она потянулась за простыней, чтобы накрыться, но ее отвлекли мысли о только что пережитом.

– Я была там, – сказала она.

– Я знаю.

– В Троице. В Петле Киссуна.

Пока они ехали к побережью, она подробно описала, что случилось, когда ее вылечил нунций, – отчасти чтобы закрепить детали видения в памяти, отчасти чтобы выпустить свои переживания, запечатанные в клетке сознания, и разделить с кемто груз впечатлений. Она рассказала, насколько мерзок был Киссун.

– Ты видела его? – спросил Рауль.

– Я не дошла до хижины. Но он *тащил* меня туда. Я чувствовала. – Она схватилась за живот. – Он и сейчас меня тянет.

– Я здесь. Я тебя не пущу.

– Я знаю и рада этому. Возьми меня за руку, а? Он нерешительно приблизился к кровати.

– Пожалуйста, – попросила она. Он взял ее руку.

– Я опять видела тот город, – продолжала она – Он казался таким реальным, только там никого нет, вообще никого. Он словно декорация, будто там готовят какое-то шоу.

– Шоу?

– Понимаю, это звучит бессмысленно. Я просто описываю свои ощущения. Там должно произойти что-то ужасное. Самое страшное, что можно вообразить.

– Ты не знаешь, что?

– А может, оно уже случилось? – сказала она. – Может, поэтому там и нет никого? Нет. Нет. Не то. Еще ничего не произошло, все в будущем.

Она попыталась разобраться, что она видела. Если бы это была декорация к фильму, какую бы сцену там снимали? Перестрелку на главной улице? Горожане заперлись в своих домах, пока Белые шляпы и Черные шляпы выясняют отношения? Возможно. А может, город оставили из-за страха перед чудовищем? Классический фильм ужасов пятидесятых – монстр, разбуженный ядерными испытаниями...

– Похоже на то, – сказала она вслух.

– Что?

– Похоже на кино про динозавра. Или гигантского тарантула. Не знаю. Но очень похоже. Господи, как бессмысленно! Я что-то знаю об этом месте, но никак не получается вспомнить, что именно.

Из соседней квартиры послышалась мелодия Доницетти. Тесла могла бы спеть ее наизусть от начала до конца, если бы у нее был голос.

– Пойду сварю кофе. Надо взбодриться. Слушай, сходи к Рону, попроси у него молока, ладно?

– Да, конечно.

– Скажешь, что ты мой друг.

Рауль встал с кровати и отпустил ее руку.

– Квартира номер четыре! – крикнула она ему вслед, потом пошла в ванную и приняла душ, продолжая думать про город.

Когда она вылезла изпод душа и натянула чистые джинсы и футболку, вернулся Рауль. И тут же зазвонил телефон. На том конце провода возникли опера и голос Рона:

– Слушай, где ты его нашла? – спросил Рон. – А брат у него есть?

– У меня что, нет права на частную жизнь? – сказала она.

– Не надо было его демонстрировать, девочка, – возразил Рон. – Кто он, шофер? Морской пехотинец? Он такой *крупный*...

– Не без этого.

– Если ему станет скучно, пришли его ко мне.

– Он будет польщен, – заявила Тесла и повесила трубку. – У тебя появился поклонник, – сообщила она Раулю. – Рон считает, что ты очень сексуальный.

Вопреки ее ожиданиям, Рауль не выглядел удивленным. Поэтому она спросила:

– Думаешь, среди обезьян есть геи?

– Геи?

– Гомосексуалисты. Мужчины, предпочитающие мужчин.

– А Рон такой?

– Рон? – засмеялась она. – О да, Рон такой. Такой у меня сосед. Потому он мне и нравится.

Тесла стала насыпать в чашки растворимый кофе. Как только она услышала шуршание гранул, соскальзывающих с ложки, перед ней снова возникло видение.

Она уронила ложку. Повернулась к Раулю. Он был далеко от нее, на другом конце комнаты, которая начала заполняться песком.

– Рауль!

– Что такое? – увидела она, как он ответил. Скорее увидела, чем услышала – громкость звуков мира, откуда она ускользала, упала до нуля. Ее охватила паника. Она протянула руки к Раулю.

– Не отпускай меня! – крикнула она. – Я не хочу туда! Я не...

Тут между ними поднялась пыль, скрыв образ Рауля. В этой буре она не нашла его рук и вместо надежных объятий очутилась в пустыне. Она стремительно летела над знакомой местностью. В этой выжженной земле она бывала уже дважды.

Квартира полностью исчезла из виду. Тесла снова была в Петле и направлялась к городу. Небо казалось таким же оловянным, как в первый раз. И солнце так же нависало над горизонтом. Тесла даже смогла рассмотреть, как солнечная энергия огненными вспышками выплескивалась через край диска. Скопления солнечных пятен усеивали горящее светило. Когда Тесла снова взглянула на землю, она уже приближалась к городу.

Справившись с первым приступом паники, она попыталась взять ситуацию под контроль. Тесла решительно сказала себе: она здесь уже в третий раз и пора разгадать загадку этого города. Она приказала себе замедлить движение, и оно действительно замедлилось, что дало возможность подробнее рассмотреть город по мере приближения к нему. В первый раз он показался ей ненастоящим, и сейчас это ощущение повторилось. Стены домов не тронуты погодными изменениями, они даже не окрашены. Ни занавесок на окнах, ни замочных скважин в дверях. Что же там за окнами и дверьми? Она велела себе подлететь к одному из домов и заглянула в окно. Солнце пробивалось сквозь недостроенную крышу и освещало помещение. Пусто. Ни мебели, ни других признаков человеческого присутствия. Пространство не было даже разделено на комнаты. Абсолютно бутафорское здание, как, вероятно, и остальные. Тесла пролетела по улице, заглядывая в окна, чтобы проверить свои подозрения. Везде было пусто.

У второго окна она вновь почувствовала, что Киссун тянет ее к себе. Теперь она надеялась, что Рауль не станет будить ее, если, конечно, ее тело попрежнему оставалось в том мире. Она боялась и этого места, и призывавшего ее человека, но любопытство пересилило страх. Среди того, что Флетчер успел ей рассказать о Яффе, Искусстве и Субстанции, не было объяснений существования Петли. Тесла несколько не сомневалась, что ответы на вопросы можно получить только от Киссуна. Если она сможет разобраться в его намеках, то наверняка поймет, в чем тут дело. Тесла вдохновилась новой надеждой, и мысль о возвращении в хижину перестала ее угнетать. А если Киссун снова начнет угрожать или у него снова на нее встанет, она просто уйдет. Это в ее власти. Все в ее власти, стоит лишь как следует захотеть. Если уж она разглядывала солнце и не ослепла, то с Киссуном точно справится.

Тесла пошла через город – именно пошла или, по крайней мере, решила подарить себе эту иллюзию. Если она вообразит сейчас свое тело, как она уже делала однажды, процесс переноса плоти начнется автоматически. Она не чувствовала земли под ногами, ходьба не требовала ни малейшего усилия. Но Тесла пользовалась привычными ей представлениями о передвижении, нужны они здесь или нет. Скорее всего – не нужны, для перемещения требовалось только усилие мысли, но реалии из другого мира помогали контролировать процесс. Тесла решила, что будет существовать здесь по правилам, которые до недавнего времени она считала универсальными. И если правила нарушатся, она будет знать, что это не ее рук дело. Чем больше она думала об этом, тем плотнее становилась. За спиной начала сгущаться тень, ноги почувствовали горячую землю.

С естественными ощущениями к ней вернулась уверенность в себе, и Киссуну это явно не

понравилось. Она почувствовала, что он словно рукой сдвинул ее желудок и потащил к себе.

– Ладно, – пробормотала она. – Я приду. Но когда я захочу, а не ты.

Вместе с тенью и весом к ней вернулись слух и обоняние. Оба чувства принесли неприятные сюрпризы. В ноздри ударил отвратительный запах, и она сразу узнала смрад разлагавшегося мяса. Может, где-то рядом валяется мертвое животное? Ничего такого она не видела. Обострившийся как никогда слух подсказал ей, в каком направлении двигаться, уловив жужжание насекомых. Она поняла, откуда доносится звук, и направилась через улицу к нужному дому. Здание оказалось столь безликим, как и остальные, за исключением того, что оно, похоже, не было пустым. Усиливавшееся зловоние и жужжание подтвердили эту догадку. За безликим фасадом лежал труп. Тесла заподозрила, что не один. Запах становился нестерпимым, подкатывала тошнота. Но Тесла должна была увидеть, что за тайну скрывает город.

На середине улице ее желудок снова сжали. Она сопротивлялась, но Киссун не давал ей соскочить с крючка. Он снова потянул, на этот раз сильнее, и Тесла поняла, что помимо воли движется в обратном направлении. Еще секунду назад она была у смердящего дома, а теперь вдруг очутилась в двадцати ярдах от него.

– Я хочу увидеть, – сказала она сквозь стиснутые зубы в надежде, что Киссун ее слышит.

Даже если он и не слышал, он потянул опять. Но она была готова и стала бороться, заставляя собственное тело двинуться к дому.

– Ты меня не остановишь! – сказала она.

В ответ он потянул еще раз, и, несмотря на все усилия, Тесла отлетела еще дальше от своей цели.

– Да пошел ты! – громко выкрикнула она в бешенстве.

Киссун использовал эту злость против нее. Пока Тесла тратила энергию на вспышку ярости, он протащил ее до конца улицы, на другой конец города. Она не могла справиться с ним – он был сильнее, и чем больше она упиралась, тем крепче становился его захват. И она снова понеслась над пустыней, повинаясь его призыву.

Она поняла, что гнев ослабляет ее, и постаралась успокоиться.

– Тихо, женщина, – сказала она себе. – Он просто урод. Ни больше, ни меньше. Остынь.

Это сработало. К ней возвращался самоконтроль. Киссун не ослабил усилий, она ощущала его хватку, это было больно. Но она сопротивлялась, и ей почти удалось остановиться.

Тем не менее в одном он победил: город превратился в точку на горизонте. Вернуться туда было выше ее сил. Она сомневалась, что сможет противостоять Киссуну на протяжении столь длинного пути.

Тесла решила передохнуть пару минут и оценить свое положение. Она однозначно проиграла схватку за город, зато у нее появилась пара каверзных вопросов для Киссуна. Первый – что является источником зловония? И второй – почему он так боится, что она это увидит? Но стоит опасаться его силы, ведь он контролировал Теслу даже на таком расстоянии. Самая большая ошибка в такой ситуации – решить, будто ты полностью обрела власть над своим телом. Тесла попала в Петлю исключительно по воле Киссуна. Как бы он ни уверял, что он здешний узник, о местных правилах он знал гораздо больше, чем она. Его влияние не ослабевало ни на секунду. Следовало быть очень осторожной, чтобы не потерять тот ограниченный контроль над собственным телом, что ей удалось отвоевать.

Тесла повернулась спиной к городу и направилась в сторону хижины. Хотя ей позволили сохранить обретенную телесность, так легко она не шагала никогда прежде. Она словно шла по Луне – шаги были длинными, не отнимали усилий, а скорость выше, чем у самого быстрого спринтера. Киссун перестал сжимать ее внутренности, но не отпустил, как бы напоминая о том, что он, не задумываясь, пустит в ход свою силу, если того потребуют обстоятельства.

Впереди показалась вторая местная достопримечательность – башня. В ее тросах завывал ветер. Тесла вновь замедлила шаг, чтобы рассмотреть строение получше. Но смотреть было не на что: стальная башня около ста футов в высоту, на ее вершине деревянная платформа, закрытая с трех сторон железными гофрированными листами. Назначение платформы не поддавалось объяснению. В качестве обзорной площадки она бесполезна – на что тут смотреть? И не похоже, чтобы она служила для технических целей: за рифлеными ограждениями не видно ни антенн, ни другого оборудования. Тесла вспомнила один из своих любимых фильмов – «Симеон Столпник» Бунюэля, сатирическую историю о том, как дьявол искушал святого

Симеона, сидевшего во искупление грехов на столбе в пустыне. Может, эту башню построили для такого же святогамазохиста? Если так, то он либо обратился в прах, либо вознесся к Господу.

Она решила, что смотреть больше не на что, и прошла мимо, предоставив башне жить своей загадочной жизнью. Хижины Киссуна еще не было видно, но Тесла знала, что это недалеко. Песчаной бури не предвиделось, так что хижину ничто не скроет окружающий пейзаж – пустыня и небо – оставался точно таким же, как в прошлый раз. Это вдруг показалось странным – здесь ничего не изменилось.

«Или здесь никогда ничего не меняется?» – подумала она.

Может, здесь все навек остановилось. Или повторяется снова и снова, как кинолента, и так будет, пока не порвется лента или не прогорит кадр в окошке кинопроектора.

Но картина внезапно нарушилась с появлением почти забытой фигуры. Это была та женщина.

В прошлый раз Киссун тянул Теслу с огромной скоростью, и она не успела познакомиться с единственной героиней этой пустынной сцены. Кроме того, Киссун пытался убедить Теслу, будто женщина – мираж, воплощение его эротических грез, и ее следует избегать. Но теперь, взглянув на нее поближе, Тесла решила, что объяснение Киссуна больше похоже на выдумку, чем эта особа. Каким бы извращенцем Киссун ни был (это не вызывало сомнений), женщина никак не годилась на роль эротического образа Правда, она была почти обнажена, изорванная одежда едва прикрывала худощавое тело, а лицо светилось умом. Но длинные волосы местами были вырваны клочьями, на лбу и щеках коричневой коркой запеклась кровь. Она была сильно избита, бедра и руки покрывали едва зажившие царапины. Тесла подозревала, что лохмотья, бывшие когда-то белым платьем, скрывали более серьезную рану. Оно приклеилось к животу женщины, и она прижимала руки к этому месту, согнувшись от боли почти пополам. Нет, это не красотка из журнала и не мираж. Она существовала и страдала в том же плане бытия, что и Тесла, Киссун заметил промедление и снова потянул Теслу к себе. Но теперь она была полностью готова к этому. Она спокойно стояла на месте. Его воображаемые пальцы соскользнули, схватили ее снова – и опять соскользнули. Она никак не реагировала на эти попытки, просто стояла и глядела на женщину.

Та выпрямилась и опустила руки вдоль тела. Очень медленно Тесла направилась к ней, стараясь сохранить спокойствие, не дававшее Киссуну возможности схватить ее. Женщина не двинулась. С каждым шагом Тесла видела ее все отчетливее. Ей было лет пятьдесят. Глаза, хоть и глубоко запавшие, были самой живой частью ее лица, тело было измождено. На шее, как единственное напоминание о прежней жизни, висел простой крест на цепочке.

Вдруг женщина открыла рот и заговорила. Ее лицо исказила мука. Но то ли у нее были слишком слабые голосовые связки, то ли легкие недостаточно сильны, однако Тесла ничего не услышала.

– Подожди, – сказала Тесла. Она боялась, что женщина потеряет последние силы. – Я сейчас подойду ближе.

Женщина не поняла или не обратила внимания на эти слова и продолжала говорить, повторяя что-то снова и снова.

– Я не слышу! – крикнула Тесла и ощутила, что ее сочувствие этой женщине дает возможность Киссуну снова сжать ее внутренности.

– Подожди, слышишь? – сказала она, прибавляя шаг.

Тут Тесла осознала, что лицо женщины искажено не мукой, а страхом и что смотрит она уже куда-то в сторону. Она повторяла: «Лике! Лике!»

В ужасе Тесла обернулась и увидела, что пустыня за ее спиной ожила: появилась дюжина ликсов, а через мгновение их число удвоилось. Они были одинаковые, похожие на змей без морфологических признаков. Они казались извивавшимися мышцами, которые стремительно двигались вперед. Когда Тесла видела одну из них у двери хижины, ей показалось, что они безротые. Но она ошиблась. Рты у них были – разверстые черные дыры, полные черных зубов. Тесла уже приготовилась к нападению, когда поняла (слишком поздно), что они посланы для устрашения. В следующий момент Киссун стиснул ее внутренности и рванул. Пустыня мелькала внизу, а когда Тесла пролетала мимо ликсов, они рассеялись.

Впереди показалась хижина. В считанные секунды Тесла оказалась на пороге. Дверь распахнулась.

– Входи, – сказал Киссун. – Ты заставила себя ждать.

Тесла исчезла, и Раулю оставалось только ждать. Ему было ясно, куда она ушла и кто ее призвал, но он ничего не мог поделать. Он не знал, как отправиться за Теслой. Но он сохранял связь с ней. Дважды измененный нунцием организм Рауля чувствовал, что Тесла недалеко.

Когда она описывала свои ощущения в Петле, Рауль пытался сформулировать то, что понял за долгие годы в миссии. Но ему не хватало слов. Их и сейчас не хватало, однако обретенное в миссии знание заменяло слова и помогало чувствовать Теслу.

Она была где-то в другом мире, а между всеми формами бытия возможно общение – если знать способ, конечно. Обезьяна общается с человеком, человек – с луной. Потому что мир неделим. Флетчер соединил науку и магию и открыл нунций. Тесла неясным туманом скользила между мирами, невзирая на естественные законы. И он сам из человекообразной обезьяны превратился в человека. Если бы у него хватило ума понять, где заканчивается одна форма бытия и начинается другая, он смог бы последовать за Теслой. Разгадка находилась так близко, как близки все миры во все времена, составляющие цельную картину в сознании. Но превратить мысль в действие было выше его сил.

Оставалось только *знать* и ждать, и это было более мучительно, чем чувствовать себя покинутым.

– Ты мудака и обманщик, – сказала Тесла, закрыв за собой дверь.

Костер горел ярко, почти без дыма. Киссун сидел с противоположной стороны от огня и смотрел на нее. Его глаза сияли ярче, чем в прошлый раз. В них светилось восхищение.

– Ты хотела вернуться, – сказал он. – Не отрицай. Я это чувствовал. Ты могла сопротивляться до тех пор, пока не вернулась бы в Косм, но ты хотела вернуться. Готов поспорить. Давай, скажи, что я опять вру.

– Нет, – сказала она. – Признаю. Я любопытна...

– Отлично.

– Но это не давало тебе права тащить меня сюда.

– А как еще я мог показать дорогу? – тихо спросил он.

– Показать дорогу? – переспросила Тесла. Она понимала, что Киссун намеренно выводит ее из себя, но не справилась с чувствами. Она не любила терять над собой контроль и приходила в бешенство от сознания того, что ее насильно притянули сюда.

– Я не дура, – сказала она, – и не игрушка, которую молено брать, когда тебе заблагорассудится.

– Я не держу тебя ни за дуру, ни за игрушку, – сказал Киссун. – Поэтому не могли бы мы заключить мир? В конце концов, мы на одной стороне.

– Разве?

– Ты же веришь мне.

– Верю?

– После всего, что я тебе рассказал, – сказал Киссун. – После того как открыл тебе тайны.

– Сдается мне, некоторые тайны ты открывать не собираешься.

– Какие? – спросил Киссун. Он отвел взгляд и стал смотреть в огонь.

– Например, город.

– А что с ним?

– Я хотела посмотреть, что там в доме, но ты утащил меня прочь.

Киссун вздохнул.

– Не буду отрицать, – сказал он. – Но иначе тебя бы здесь не было.

– Не вижу связи.

– Неужели ты не почувствовала? Не может этого быть. Там царит ужас.

Теперь она тихо вздохнула.

– Да, – сказала она. – Я что-то почувствовала.

– У иадуроборосов везде есть агенты, – сказал Киссун. – Думаю, один из них прячется в городе. Не знаю, какую форму он принял, да и знать не хочу. Подозреваю, встреча с ним смертельно опасна. А я не хочу рисковать и тебе не советую, несмотря на все твое любопытство.

С этим было сложно спорить – Тесла чувствовала примерно то же самое. Всего несколько минут назад в своей квартире она говорила Раулю, что в городе должно что-то случиться. Киссун

подтвердил ее подозрения.

– Похоже, я должна тебя поблагодарить, – признала она неохотно.

– Не стоит, – ответил Киссун. – Я спас тебя не ради тебя. Я спас тебя ради более важных целей.

Он замолчал, помешивая костер почерневшей палкой. Огонь вспыхнул ярче и осветил хижину.

– Извини, – продолжил он, – если я напугал тебя в прошлый раз. Я сказал «если», но я знаю, что действительно тебя напугал. Не знаю, как еще извиниться.

Он явно отретпетировал свою речь. Слышать подобное от человека с таким самомнением было вдвойне лестно.

– Меня», скажем, тронуло твое физическое присутствие. Я даже не осознавал, насколько... И у тебя, конечно, было право сомневаться в моих намерениях. – Он опустил руку между ног и взял свой пенис большим и указательным пальцами. – Теперь я себя контролирую, как видишь.

Тесла взглянула – член его бессильно повис.

– Извинения принимаются, – сказала она.

– Тогда, надеюсь, мы вернемся к делу.

– Я не собираюсь отдавать тебе свое тело, Киссун, – сказала она спокойно. – Если под «делом» ты имел в виду это. Сделки не будет.

Киссун кивнул.

– Не могу сказать, что я тебя осуждаю. Извинений иногда недостаточно. Но ты должна осознать серьезность положения. Прямо сейчас, в ПаломоГроуве, Яфф готовится заполнить Искусство. Я могу остановить его. Но не отсюда.

– Тогда научи меня, как.

– Некогда.

– Я способная.

Киссун прямо взглянул на нее.

– Поистине потрясающая самоуверенность, – сказал он. – Ты стала участницей трагедии, что движется к завершающему акту уже столетия, и надеешься несколькими репликами изменить ее ход. Это не Голливуд. Это реальная жизнь.

Его холодная ярость немного остудила Теслу.

– Ну ладно, в които веки я набралась храбрости. Научи меня. Я же сказала – я помогу, но никаких обменов телами.

– Может быть, тогда...

– Что?

– ... ты найдешь когото, кто согласится?

– А как я объясню?

– Ты умеешь убеждать.

Она мысленно вернулась в свой мир. В ее доме живет двадцать один человек. Удастся ли убедить Рона, Эдгара или ее приятеля Микки де Фалько отправиться в Петлю? Вряд ли. У нее вспыхнула слабая надежда, когда она вспомнила о Рауле. Отважится ли он на то, на что сама она не могла решиться?

– Возможно, у меня и получится, – сказала она.

– Быстро?

– Да. Быстро. Если ты вернешь меня домой.

– Легко.

– Но я ничего не обещаю, хорошо?

– Понимаю.

– И я хочу коечто взамен.

– Что?

– Та женщина, с которой я пыталась поговорить. Ты говорил, что она для сексуальных утех...

– Да, я удивился, когда ты направилась к ней.

– Она ранена.

– Не может быть.

– Я видела собственными глазами.

– Это дело рук иадов! – сказал Киссун. – Она уже давно бродит тут и упрасивает открыть ей

дверь. То раненой притворится, то трется о дверь и мурлычет, как котенок. Хочет, чтобы я впустил ее.

Тесла не знала, верить ему или нет. В прошлый раз он сказал, что женщина – его воображаемая любовница. Теперь говорил, что она агент иадов. Тесла допускала, что женщина могла быть тем или другим, но не одновременно.

– Я хочу сама с ней поговорить, – сказала она. – Составить собственное впечатление. Она не кажется слишком опасной.

– Ты не понимаешь, – предупредил Киссун. – Внешность обманчива. Я держу ее на расстоянии с помощью ликсов, чтобы она не могла мне повредить.

Тесла не понимала, какую опасность представляет израненная женщина, но решила оставить этот вопрос до лучших времен, когда ситуация не будет столь отчаянной.

– Тогда я пойду.

– Ты помнишь, как мало у нас времени?

– Ты постоянно твердишь об этом, – сказала Тесла. – Да, помню. Но, как я уже сказала, ты слишком много просишь. Люди очень привязаны к своим телам. Шутка.

– Если все пойдет как нужно и я смогу защитить Искусство, человек получит свою плоть обратно целой и невредимой. Если у меня не получится, то наступит конец света, и уже не будет никакой разницы.

– Наглядно объяснил, – сказала Тесла.

– Я старался.

Она повернулась к двери.

– Иди быстрее, – сказал он. – И нигде не задерживайся. Не успела она коснуться двери, как та открылась сама.

– До чего же ты галантная скотина, Киссун, – сказала Тесла на прощанье и шагнула в знакомый утренний свет.

Слева от хижины по пустыне двигалось темное облако. Приглядевшись, она поняла, что по выжженной солнцем земле стелется целая стая ликсов. Они почуяли взгляд, остановились и повернули к ней головы. Неужели это Киссун их создал?

– Ты идешь или нет? – послышался сзади его недовольный голос. – У нас мало времени.

Если бы она немедленно послушалась его, то не заметила бы за ликсами женщину. Но Тесла увидела ее и задержалась на пороге хижины. Если женщина – агент иадуроборосов, то ее жалкое состояние было великолепной маскировкой. У Теслы не укладывалось в голове, что такое страшное зло являлось в столь убогом обличье. Ее внутренний голос говорил: женщина – никакой не агент, а просто исстрадавшийся человек. Тесла не могла пройти мимо.

Не обращая больше внимания на призывы поторопиться, она шагнула к женщине. Ликсы тут же отреагировали на ее приближение. Они зашипели и, как кобры, подняли головы. Но Тесла лишь ускорила шаг. Если змеи подчинялись приказам Киссуна (а она была уверена в этом), то их поведение усиливало подозрения, что Теслу водят за нос. Киссун не хочет, чтобы она встретилась с женщиной. Но почему? Потому что эта несчастная опасна? Нет! Киссун не хотел этой встречи, потому что могло быть сказано или сделано нечто, от чего у него возникнут проблемы.

Ликсы, казалось, получили новые инструкции. Вместо того чтобы напасть на Теслу, они повернулись к женщине. Та поняла, что это значит, и ее лицо исказилось страхом. Тесла решила, что женщина знакома с их тактикой. Похоже, она уже не раз бросала им вызов прежде, пытаясь добраться до хижины или до гостей Киссуна. Женщина стала метаться в разные стороны так быстро, что преследующие ее змейки запутывались в клубки и завязывались в узлы.

Тесла внесла свою лепту в этот сумбур. Она приблизилась и стала кричать на ликсов. Она вдруг поняла, что на нее, единственную надежду Киссуна выбраться из заточения, они не смеют нападать.

– Убирайтесь! – закричала она, – Оставьте ее в покое, твари!

Но змеи сосредоточились на своей цели и не реагировали. Как только Тесла оказалась от них всего в нескольких ярдах, они бросились на раненую женщину.

– Беги! – крикнула ей Тесла.

Та услышала, но слишком поздно. Самый резвый лике добрался до ее пятки, взобрался вверх по ноге и обвился вокруг груди. В том, как он обхватил и пригнул к земле тело женщины, была

какаято отвратительная грация. Остальные не замедлили присоединиться. Когда Тесла оказалась в нескольких ярдах от женщины, той уже не было видно – ликсы запеленали ее своими телами, словно мумию. Но она продолжала бороться, отрывая их от себя.

Тесла не стала тратить время на лишние слова. Она голыми руками оттаскивала ликсов сначала от головы женщины, чтобы твари ее не задушили, потом освободила руки. Хотя змеек было много, они оказались довольно слабыми. Несколько ликсов даже разорвались пополам, из них сочилась беложелтая кровь, пачкала руки и брызгала на лицо. Преодолевая отвращение, Тесла продолжала рвать их, пока липкая жидкость не залила ее всю. Женщина теперь сама могла избавиться от убийц.

Тесла поняла, что они одержали краткую победу, а теперь надо бежать. Но она не могла уйти одна. Женщину придется забрать с собой, в квартиру на НордХантлидрайв, не то на нее снова нападут, а после нынешней передряги у нее нет сил для сопротивления. Киссун научил Теслу, как попасть в Петлю – просто представить ее в воображении. Сработает ли это в обратную сторону, да еще и для двоих? Если нет, ликсы одержат победу – твари стекались отовсюду, словно их создатель послал сигнал тревоги. Стараясь не думать об их приближении, Тесла представила, как вместе с раненой женщиной переносится отсюда в иное пространство. А именно – в западный Голливуд, в квартиру на НордХантлидрайв.

– Ты можешь, – сказала она себе. – Если Киссун может, то и ты тоже.

Тесла услышала крик женщины – первый звук, который та издала. Реальность вокруг них всколыхнулась, но в Голливуд они не перенеслись. Ликсов становилось все больше и больше.

– Еще раз, – велела себе Тесла. – Попробуй еще раз.

Она сосредоточилась на женщине, которая все еще отрывала от своего тела и вытаскивала из волос ликсов.

– Давай! – приказывала Тесла. – Ну, пожалуйста, господи, давай!

На этот раз образы в воображении загустели, Тесла и женщина поднялись в воздух. Мир вокруг рассыпался, словно пазл, и сложился в новую картинку.

Тесла узнала место. Именно отсюда она перенеслась в Петлю. Тот же пролитый кофе на полу, то же солнце за окном, а в центре комнаты – Рауль, ожидающий ее возвращения. По выражению его лица она поняла, что забрать с собой женщину ей удалось. Но она не сразу догадалась, что перенесла сюда всю картинку целиком, включая ликсов, облепивших раненое тело. Твари отделились от Киссуна, но это не убавило их энергии. Они продолжали извиваться, разбрызгивая по полу свою смердящую кровь. К счастью, теперь от них остались отдельные фрагменты – головы, хвосты, тела. Наконец их конвульсии замедлились. Тесла не стала тратить на них время. Она позвала Рауля, чтобы отнести женщину в спальню и уложить на кровать.

Раненая достойно сражалась, и досталось ей крепко, она была вся в крови. Но при таком истощении у нее не осталось сил чувствовать боль.

– Присмотри за ней, – сказала Тесла Раулю. – Я принесу воды.

– Что случилось? – спросил Рауль.

– Я чуть не продала твою душу лживому ублюдку, – сказала Тесла. – Но не волнуйся. Я только что выкупила ее обратно.

V

Неделю назад прибытие в ПаломоГроув такого количества голливудских звезд наверняка выгнало бы горожан на улицы, но сегодня мало кто обращал на них внимание. Лимузины поднимались на Холм незамеченными, за их тонированными стеклами пассажиры подправляли макияж и нюхали кокаин. Те, что постарше, гадали, скоро ли эта лицемерная публика явится отдавать последнюю дань им самим; молодые тешили себя надеждой, что к исходу их срока изобретут лекарство от смерти. Немногие из собравшихся действительно любили Бадди. Большинство ему завидовало, кто-то его вождеделел, и почти все радовались его падению с вершины славы. Любовь редко встречается в подобном обществе. Ведь она – трещина в броне, повредить которую опасно.

Пассажиры лимузинов удивлялись отсутствию зевак. Многие не желали быть узнанными, но отсутствие внимания задевало их. Однако они быстро адаптировались. В каждой машине возникал вопрос почему покойник решил уединиться в такой богом забытой дыре, как ПаломоГроув? Ему было что скрывать, вот почему. Но что? Пьянство? Об этом все знали.

Наркотики? Кого это волнует. Женщины? Он сам вечно хвастался сексуальными подвигами. Нет, тут должно быть что-то посерьезней. Догадки текли бесконечным потоком, пока гости вылезали из автомобилей и подходили с соболезнованиями к вдове, встречавшей их на пороге. Толки возобновлялись, едва приглашенные входили в дом.

Карнавальная коллекция Бадди разделила присутствующих на две части. Одни назвали ее отражением сущности усопшего, воплощением безвкусицы, авантюризма и, в отрыве от ее контекста, бессмыслицей. Другие заявили, что для них это откровение, показавшее ту сторону характера покойного, о существовании которой они и не подозревали. Кто-то спросил Рошель, не продаст ли она некоторые экспонаты. Она ответила, что если по завещанию они ей достанутся, то она с радостью от них избавится.

Юморист Ламар вышел к гостям, улыбаясь во весь рот. В годы размолвки с Бадди он и представить не мог, что будет распорядителем на его поминках. Он даже не пытался скрыть своего удовлетворения. Да и зачем? Жизнь слишком коротка, и нужно получать удовольствие при малейшей возможности. При мысли о том, что двумя этажами выше ждет Яфф, его улыбка стала еще шире. Он не знал, что именно собирается сделать Яфф, но было забавно думать о присутствующих как о корме для скота. Ламар презирал их. Он знал, на какие моральные трюки, устыдившие бы самого папу римского, они способны ради прибыли, карьеры или рекламы. А иногда ради трех пунктов одновременно. Он с отвращением смотрел на это племя, вытравившее из себя любые добрые чувства, душившее все самое лучшее. Тем не менее он никогда не показывал своего отношения. Ему приходилось работать среди них. Вот Бадди (бедный Бадди) никогда не скрывал отвращения. Стоило ему выпить лишнего, как он принимался ругать окружающих его дураков. Эта неосмотрительность и привела его к падению с пьедестала славы. В городе, где слова ничего не стоят, лишние разговоры могут дорого обойтись. Здесь простили бы растрату, дурные привычки, склонность к малолетним, изнасилование и, может быть, даже убийство – но Бадди называл их дураками. Этого ему никогда не простили.

Ламар целовал красоток, здоровался с молодыми людьми, пожимал руки их нынешним и бывшим покровителям. Он представил отвращение Бадди к подобной процедуре. За годы их дружбы ему не раз приходилось уговаривать Бадди уйти с вечеринки, когда тот не мог сдержать оскорблений. И никогда не удавалось уговорить.

– Прекрасно выглядишь, Лам.

Перед ним предстало перекормленное лицо Сэма Сагански – одного из самых влиятельных «серых кардиналов» Голливуда. Рядом с ним стояла большегрудая девушка, одна из многих большегрудых девушек, которых Сэм вводил в высший свет, а потом устраивал публичный скандал и бросал, на всю жизнь ломая им карьеру и утверждая свою репутацию сердцеда.

– Как себя чувствуешь на его поминках? – спросил Сагански.

– Это не совсем поминки, Сэм.

– Все равно, он умер, а ты жив. Не говори, что ты этому не рад.

– Может быть.

– Мы выжили, Лам. Имеем право чесать яйца и смеяться. Жизнь прекрасна.

– Да, – сказал Ламар, – пожалуй, прекрасна.

– Мы тут все победители, да, дорогая? – Он повернулся к девушке, щедро демонстрировавшей плоды труда своего дантиста – Что может быть приятнее этого чувства?

– Увидимся чуть позже, Сэм.

– А фейерверк будет? – поинтересовалась девушка. Ламар подумал про Яффа, ожидающего наверху, и улыбнулся.

Обойдя комнату, он поднялся к своему покровителю.

– Приличная толпа, – сказал Яфф.

– Ты доволен?

– Вполне.

– Хочу с тобой кое-что обсудить, пока ты не слишком... занят.

– Что именно?

– Я о Рошели.

– Аа.

– Я понимаю, что ты затеваешь что-то значительное, и поверь, я только рад. Если ты сотрешь

эту мразь с лица нашей гребаной земли, ты сделаешь миру огромное одолжение.

– Жаль тебя разочаровывать, – сказал Яфф. – Но они не отправятся на тот свет. Я просто заберу у них коечто личное. Их смерть мне не нужна Это скорее сфера интересов моего сына.

– Я должен быть уверен, что это не коснется Рошели.

– Не трону ее и пальцем, – сказал Яфф. – Еще чтото? Ты доволен?

– Да Спасибо.

– Ну, так давай начнем.

– Что ты собираешься сделать?

– Я хочу, чтобы ты проводил ко мне гостей по одному. Пусть сначала немного выпьют, а потом., предложи им показать дом...

– Мужчин или женщин?

– Сначала мужчин, – сказал Яфф, снова повернувшись к окну. – Они податливее. Мне кажется или уже и правда темнеет?

– Нет, это тучи.

– Дождь?

– Вряд ли.

– Жалко. О, еще гости. Тебе лучше пойти и встретить их.

VI

Хови отдавал себе отчет, что поход в лес на окраине Дирделла – пустая затея. Встреча не повторится. Флетчер ушел, и вместе с ним ушло то, что он один мог объяснить. Но Хови всетаки отправился в лес в надежде, что возвращение на место, где он встретил своего отца, пробудит воспоминания и поможет докопаться до истины.

Солнце скрылось за туманной дымкой облаков, но под листвой деревьев было так же жарко, как в прошлый раз. А может быть, еще жарче, и уж точно влажнее. Хови собирался идти сразу к месту их первой встречи с Флетчером, но задумался и сбился с пути. Искать дорогу не хотелось. В сущности, своим приходом сюда он просто выразил уважение своей матери и человеку, против собственного желания ставшему его отцом.

Но случай или какоето наитие вернуло его на прежний курс. Когда он вышел изза деревьев на круглую поляну, он не сразу понял, что оказался там, где восемнадцать лет назад была наколдована его жизнь. Да, верное слово. Именно наколдована. Флетчер был магом, хотя и скверным. А сам Хови – его фокус. Но всем троим участникам этого циркового номера – Хови, его матери и Флетчеру – вместо цветов и аплодисментов достались боль и страдания. Много лет Хови стремился приехать сюда, и все ради того, чтобы узнать: он всегонавсего кролик, которого фокусник вытащил из шляпы за уши.

Он подошел к входу в пещеру, до сих пор огражденному полицейской лентой с надписью «не приближаться». Стоя у заграждения, он заглянул в зияющую бездну. Гдето там его отец провел в ожидании долгие годы, вцепившись в своего врага, словно сама смерть. Теперь там внизу покоился труп комика, и его никогда не извлекут.

Он поднял глаза, и внутри все оборвалось. Он был не один. На противоположном краю этой могилы стояла ДжоБет.

Хови не мог оторвать от нее глаз, боясь, что девушка вотвот исчезнет. После прошлой ночи она не может быть здесь. Но он ее видел.

Их разделяло слишком большое расстояние. Он не мог спросить, что она тут делает, а кричать не хотел. Да и нужен ли ему ответ? Она была здесь, потому что он был здесь, потому что она... и так далее.

Она пошевелилась первой: ее рука потянулась к вороту темного платья и расстегнула пуговицу. Выражение ее лица, казалось, не изменилось. Правда, он снял очки, когда вошел под сень деревьев, и теперь не хотел искать их в кармане рубашки. Он просто смотрел, ждал и надеялся, что настанет минута, когда они подойдут друг к другу. Она тем временем расстегнула платье и пряжку пояса. Хови не позволял себе подойти к ней, хотя удерживал себя с трудом. Она уронила пояс на землю, взялась за подол платья и стянула его через голову. Он не смел дышать, боясь пропустить малейшую подробность. На ней остались лишь белые трусики, грудь была обнажена.

Хови возбудился. Он сдвинулся, чтобы принять более удобную позу, а она истолковала это

как сигнал, бросила платье и пошла навстречу. Одного шага оказалось достаточно. Хови тоже направился к ней. Они шли вдоль ограждения, каждый со своей стороны. По пути юноша снял куртку и бросил на землю.

Когда они оказались в нескольких футах друг от друга, она сказала:

– Я знала, что ты будешь здесь. Не знаю откуда. Я уехала из супермаркета вместе с Рут...

– С кем?

– Не валено. Я хотела извиниться.

– За что?

– За вчерашний вечер. Я тебе не поверила, а должна была.

Она коснулась его лица.

– Ты меня простишь?

– Да нечего прощать, – сказал он.

– Я хочу заняться с тобой любовью.

– Да, – ответил он. Ей даже не нужно было ничего говорить.

Это оказалось легко – после всех попыток их разделить. Они были словно магниты. Кто бы ни пытался или что бы ни пыталось тянуть их в разные стороны, они все равно соединялись, как сейчас. Они ничего не могли с этим поделать. И не хотели.

Она начала вытягивать рубашку из его штанов. Он помог ей, стянул рубашку через голову. Те две секунды темноты, пока его лицо закрывала ткань, ее образ – лицо, грудь, белое белье – продолжал стоять у него перед глазами. Потом она возникла вновь, наяву. Она расстегивала его ремень. Он сбросил ботинки, протанцевал на одной ноге, снимая носки, и наконец скинул штаны.

– Мне было страшно, – сказала она.

– А сейчас? Сейчас тебе страшно?

– Нет.

– Я не дьявол. Я не Флетчер. Я твой.

– Я люблю тебя.

Она положила ладони ему на грудь и развела их в стороны, словно разглаживая подушку. Он обнял ее и притянул к себе.

Его руки скользнули по ее спине к резинке ее трусиков и под нее. Она целовала его от носа к подбородку. Когда она дошла до его губ, Хови облизал ее губы. Она прижалась к нему всем телом.

– Здесь, – тихо сказала она. – Да?

– Да. Почему нет? Тут никого нет. Я хочу, Хови.

Он улыбнулся. Она чуть отстранилась и, встав перед ним на колени, спустила с него трусы. Она нежно взяла член в руку, потом сжала сильнее. Хови тоже встал на колени. Член она не выпустила, а стала ласкать его, пока юноша не остановил ее руку.

– Тебе нехорошо? – спросила она.

– Слишком хорошо. Не хочу...

– Чего?

– Кончить.

– Я хочу, чтобы ты кончил. – Она легла. – Я хочу, чтобы ты кончил в меня.

Он положил руки ей на бедра и снял с нее трусики. Волосы у нее между ног были немного темнее, чем на голове. Он опустил туда лицо и провел языком между ее губ. Ее тело напряглось, потом расслабилось.

Он пробежал языком от влагалища к пупку, потом от пупка к груди, от груди к лицу, пока не оказалось, что он лежит на ней.

– Я люблю тебя, – сказал он и вошел в нее.

VII

Смывая кровь с тела женщины, Тесла разглядела висящий у нее на шее крест. Тесла сразу его узнала – такой же показывал Киссун. Та же распростертая фигура в центре, те же изображения вокруг.

– Синклит, – сказала она.

Женщина открыла глаза. Безо всякого перехода из одного состояния в другое. Секунду назад

она спала и ни на что не реагировала, теперь – ее глаза широко открыты, в них застыла тревога. Они оказались темносерыми.

– Где я? – спросила женщина.

– Меня зовут Тесла. Ты в моей квартире.

– В Косме? – спросила женщина Измученная жарой, ветром и усталостью, она говорила тихо.

– Да, – ответила Тесла. – Мы уже не в Петле. Здесь Киссун нас не достанет.

Хотя это было не слишком точно. Шаман уже дважды доставал ее здесь. Один раз – во сне, другой – когда она готовила кофе. И ему ничто не мешало сделать это еще раз. Но сейчас Тесла не чувствовала его притяжения. Может, он задумался над тем, как ей удалось справиться с ним. А может, у него уже другие планы. Кто знает...

– Как тебя зовут?

– Мэри Муралес.

– Одна из Синклита, – сказала Тесла.

Глаза женщины устремилась на Рауля, который дежурил у двери.

– Не бойся. Если доверяешь мне, то ему тем более. А если не доверишься нам, то все пропало.

Поэтому скажи мне...

– Да, я из Синклита.

– Киссун говорил, что он последний.

– Он и я.

– Остальных и правда убили?

Она кивнула и снова посмотрела на Рауля.

– Я же сказала... – начала Тесла.

– С ним что-то не так, – сказала Мэри. – Он не человек.

– Не бойся, я знаю, – сказала Тесла.

– Над?

– Нет, обезьяна, – она повернулась к Раулю. – Ты не против, что я ей рассказываю?

Рауль никак не отозвался на ее вопрос.

– Но как? – спросила Мэри.

– Долгая история. Я думала, ты знаешь об этом больше, чем я. Имя Яффе или Яфф тебе что-то говорит? Нет?

– Нет.

– Ладно... тогда нам обеим есть что рассказать.

В Петле Киссун сидел в своей хижине и взывал о помощи. Женщина Муралес ускользнула Конечно, раны у нее серьезные, но она выживала и после худших. Он должен достать ее. Он должен распространить свое влияние на реальное время. Правда, он делал это и раньше – например, так он принес сюда Теслу. До нее были другие, заблудившиеся в *Jornada del muerto**. Такие, как Рэндольф Яффе. Киссун смог и его привести в Петлю. Это оказалось не трудно. Но теперь предстояло работать не с человеческим сознанием и не с человеком вообще, а с существами, вовсе не имеющими сознания. Их даже нельзя назвать «живыми» в привычном смысле этого слова.

Он представил себе ликсов, неподвижно лежащих на кафельном полу. О них забыли. Хорошо. Они не такие уж слабые. Для нанесения решающего удара нужно, чтобы жертвы отвлеклись. И сейчас как раз подходящий момент. Если Киссун поторопится, он успеет заставить свидетеля замолчать.

Его призыв не остался без ответа. Помощь пришла. Сотни ползучих тварей появились изпод двери. Жуки, муравьи, скорпионы. Он раздвинул и подтянул к себе ноги, чтобы облегчить им доступ к своим гениталиям. Много лет назад он умел вызывать эрекцию и семяизвержение усилием воли, но возраст и Петля брали свое. Теперь ему требовалась помощь. Законы этой магии запрещали заклинателю касаться себя. Насекомые знали свое дело: они щекотали, кусали и жалили, и это возбуждало его. Так он и создавал ликсов, извергая семя на собственные экскременты. Семенная магия всегда была его любимой.

Пока насекомые возились, он мысленно вернулся к ликсам на кафельном полу, направляя к ним волны энергии, исходящие из его промежности.

Чтобы они принесли немного смерти, нужно дать им немного жизни.

Мэри Муралес попросила Теслу первой начать рассказывать. Несмотря на тихий голос, Мэри говорила как человек, привыкший к тому, что его просьбы выполняются. И в этот раз ее желание тоже было удовлетворено. Тесла с радостью поведала свою историю – правда, не совсем свою, ведь она играла в сюжете не слишком значительную роль – в надежде, что Мэри прольет свет на некоторые весьма загадочные детали. Но та в молчании выслушала рассказ о Флетчере, Яффе, об их детях, нунции и Киссуне. Это заняло около получаса, хотя могло бы занять и много больше времени, если бы Тесла не упражнялась в искусстве лаконичного изложения, когда готовила краткие обзоры сценариев для студий. Она практиковалась на Шекспире (с трагедиями было легко, с комедиями – беда). Но сейчас ей пришлось трудновато. Когда она начала свое повествование, оказалось, что оно развивается во всех направлениях одновременно. Это была история о любви, о происхождении видов, о безумии, о безразличии, о человекообразной обезьяне; когда начиналась трагедия – смерть Вэнса, например – тут же всплывала куча смешного. Только речь заходила о чемто вполне обыденном, вроде молла, реальность превращалась в фантастические видения. Тесле никак не удавалось изложить все это внятно. История сопротивлялась. Едва Тесла находила правильную линию, как тут же что-то вклинивалось.

Она надеялась, что Мэри поможет разобраться в этих связях.

– Все, – сказала Тесла. – Теперь твоя очередь. Женщина немного помолчала, собираясь с силами. Потом заговорила:

– Ты ясно представляешь себе картину недавних событий и хочешь узнать, что привело к ним. Конечно, для тебя это загадка. Должна признаться, что многое непонятно и мне. Я не могу ответить на все вопросы. Многого я не знаю. Твой рассказ доказывает одно: мы обе не знаем большей части событий. Но кое-что я могу сообщить. Впервые, и это главное: всех членов Синклита убил Киссун.

– Киссун? Издеваешься?

– Я одна из них, помнишь? – сказала Мэри. – Он многие годы плел против нас заговор.

– Заговор? Вместе с кем?

– Не догадываешься? С иадуроборосами. Или с их представителями здесь, в Косме. После падения Синклита он вполне мог воспользоваться Искусством и провести иадов в этот мир.

– Черт! Так то, что он говорил про иадов и про Субстанцию... это правда?

– Да. Он лжет, только когда ему выгодно. Он сказал правду. Это часть его блестящего...

– Не вижу ничего блестящего в сидении в хижине, – перебила ее Тесла и добавила: – Постой, что-то тут не сходится. Если он уничтожил Синклит, чего ему бояться? Зачем ему вообще прятаться?

– Он не прячется. Он в ловушке. Троица – его тюрьма. У него есть единственная возможность выбраться оттуда...

– Воспользовавшись чужим телом.

– Именно так.

– В моем теле.

– Или в теле Рэндольфа Яффе до тебя.

– Но ведь ни я, ни Яффе не поддались на его уговоры.

– А у него небольшой выбор гостей. Требуется почти невероятное стечение обстоятельств, чтобы кто-то приблизился к Петле хотя бы на расстояние, видимое глазом. Киссун создал ее, чтобы скрыть свое преступление, а теперь Петля прячет его. Изредка кто-нибудь вроде Яффе, на грани безумия, оказывается в той точке, откуда Киссун может взять его под контроль и привести в хижину. До тебя он смог добраться благодаря нунцию. Но обычно ему приходится сидеть в одиночестве.

– Как он оказался заперт там?

– Я его поймала. Он думал, что я умерла. Мое тело принесли в Петлю вместе с остальными. Но я выжила. Я разозлила его, заставила напасть на меня и обогреть руки моей кровью.

– Руки и грудь.

Тесла вспомнила видение окровавленного Киссуна, когда впервые сбежала от него.

– Существуют весьма жесткие правила магии Петли. Внутри Петли нельзя проливать кровь. Если ее создатель сделает это, он станет ее пленником.

– Что ты имеешь в виду под словом «магия»?

– Заклинания, пассы, фокусы.

– Фокусы? Ты называешь создание временной Петли фокусом?

– Это очень древняя магия, – сказала Мэри. – Время вне времени. Упоминания о ней можно найти везде. Но для каждого состояния материи существуют свои законы, и я заставила его нарушить один из них.

– И ты тоже была там заперта?

– Не столь надежно. Но я хотела его смерти и не знала никого в Косме, кто мог бы его убить. После падения Синклита это стало почти неосуществимо. Мне пришлось остаться и ждать случая с ним покончить.

– Тогда ты тоже пролила бы кровь.

– Лучше сделать это и стать узницей, чем позволить ему продолжать жить. Он убил пятнадцать величайших мужчин и женщин. Высокие чистые души попали на бойню. Некоторых он замучил ради собственного удовольствия. Не лично, конечно. У него были агенты. Но он все это задумал. Он сделал так, чтобы мы разделились, и казнил нас поодиночке. Потом перенес тела обратно во времени в Троицу – там, как он знал, не останется никаких следов.

– И где они?

– В городе. То, что от них осталось.

– О боже. – Тесла вспомнила смердящий дом и содрогнулась. – Я чуть не увидела их.

– Но Киссун, конечно, тебе не позволил.

– Не силой. Скорее уговорами. Он такой *убедительный*.

– Безусловно. Он дурачил нас многие годы. Синклит – самое закрытое общество в мире, то есть он был таким. Попасть в него было практически невозможно. Были разработаны способы отбора и очищения кандидатов еще до того, как они узнавали, что Синклит существует. Киссун каким-то образом сумел обойти эти процедуры. А может, иады завербовали его, когда он уже стал одним из нас.

– Об иадах действительно так мало известно?

– Очень трудно узнать что-либо о Метакосме. Это закрытая система. Все, что мы знаем об иадах, умещается в нескольких словах. Их много, их понятия о жизни не такие, как у вас, людей, а прямо противоположные; и они хотят попасть в Косм.

– Что значит «у вас, людей»? – спросила Тесла. – Ты тоже человек, как и я.

– И да, и нет, – сказала Мэри. – Конечно, когда-то я была такой же, как ты. Но процесс очищения меняет твою природу. Будь я человеком, я не прожила бы двадцать с лишним лет в Троице, где вместо еды – скорпионы, а вместо питья – грязь. Я бы умерла, на что Киссун и рассчитывал.

– А почему ты спаслась, когда другие погибли?

– Удача. Инстинкт. Я слишком не хотела, чтобы этот ублюдок победил. На кону не только Субстанция, хотя и ее достаточно. Под угрозой весь Косм. Если иады прорвутся в мир, погибнет все. Мне кажется...

Она вдруг замолчала и села на кровати.

– Что случилось? – спросила Тесла.

– Я слышу что-то. За дверью.

– Опера, – сказала Тесла. Звуки «Лючии де Ламмермур» еще не стихли.

– Нет, – сказала Мэри. – Там что-то есть.

Не успела Тесла попросить Рауля проверить, что там, как он уже вышел. Тесла опять повернулась к Мэри.

– Все равно кое-что остается непонятным, – сказала она. – Даже многое. Например, зачем Киссуну потребовалось устраивать себе головную боль с переносом тел в Петлю? Почему он не уничтожил их в обычном мире? И почему ты позволила ему забрать себя?

– Я была ранена, почти мертва. Он и его наемники решили, что я действительно умерла. Я пришла в себя, когда они швырнули меня на кучу трупов.

– А что случилось с его наемными убийцами?

– Думаю, Киссун позволил им умереть в Петле, откуда они не смогли найти выхода. Его такие вещи забавляют.

– Значит, двадцать с лишним лет из человеческих или *почти* человеческих существ в Петле были только ты и он?

– Да. Я была наполовину сумасшедшей. А он – полностью.

– И еще эти гребаные ликсы, кто бы они ни были.

– Его дерьмо и семя, – сказала Мэри, – вот что они такое. Ожившие куски дерьма.

– Господи.

– Они заперты там вместе с ним. – В ее голосе послышалось удовлетворение. – Только в точке Зеро, если Зеро может...

Ее на полуслове прервал вопль Рауля. Тесла подскочила и через секунду была на кухне. Рауль боролся с одной из дерьмовых тварей Киссуна. Надежда, что вне Петли они погибнут, не оправдалась. Мало того – тварь, схватившая Рауля, казалась гораздо сильнее тех, с которыми сражались Тесла и Мэри, хотя здесь был лишь обрубок. Лике тянулся к лицу Рауля, он уже укусил его дважды, из ранок в центре лба текла кровь. Тесла схватила ликса обеими руками с еще большим отвращением, чем раньше, поскольку знала теперь о его происхождении. Даже вдвоем с ним оказалось нелегко справиться. Он был втрое сильнее, чем в своей прежней инкарнации. Тесла поняла, что он все равно вырвется из их рук и вновь доберется до лица Рауля, это лишь вопрос времени. И тогда обуздать его будет не такто легко.

– Я собираюсь его отпустить и принести нож, – сказала она. – Хорошо?

– Только быстрее.

– А то. На счет «три», ладно? Приготовились.

– Я готов.

– Раз... два... три!

На счет «три» она бросилась к раковине, где громоздилась стопка грязных тарелок. Тарелки посыпались на пол, некоторые разбились. Наконец Тесла нашла подходящее оружие – кухонный нож из набора, подаренного матерью на прошлое Рождество. Она взяла нож. Ручка была покрыта плесенью и липкая от лазаньи, которую Тесла готовила на прошлой неделе, но в руке лежала удобно.

Уже возвращаясь к Раулю, она вспомнила, что на кухне оставалось еще пять или шесть разорванных клочков ликсов. Она видела одного. Остальные исчезли. Но думать не было времени. Рауль опять закричал. Тесла бросилась на помощь и стала втыкать в ликса нож. Лике тут же отреагировал и повернул голову к ней, обнажив черные зубьииглы. Она старалась колоть его в голову. Из ран потекла грязножелтая дрянь, которую раньше она принимала за кровь. Тварь извивалась все яростнее. Рауль едва ее удерживал.

– На счет «три», – сказала Тесла Раулю.

– Что на этот раз?

– Бросай.

– Оно двигается слишком быстро.

– Я его остановлю, – сказала Тесла. – Делай, как я сказала. Раз... два... три!

Он сделал, что было велено. Лике отлетел и ударился об пол. Прежде чем он успел опомниться и снова броситься в атаку, Тесла подняла нож двумя руками и пригвоздила тварь к полу. Мать знала толк в ножах. Лезвие прошло сквозь плоть и воткнулось в пол, надежно прищипив истекающее жизненными соками мерзкое существо.

– Вот тебе, сволочь! – сказала Тесла и повернулась к Раулю.

Он все еще дрожал, лицо его заливала кровь.

– Раны лучше промыть. Черт его знает, вдруг они ядовитые.

Рауль кивнул и побрел в ванную. Она повернулась к ликсу, бьющемуся в агонии. Едва она вспомнила о том, что ей пришлось в голову во время поисков ножа (где же остальные?), как послышался голос Рауля:

– Тесла!

И она поняла, где они.

Он стоял у двери спальни. По выражению ужаса на его лице было ясно, на что он смотрит. Но Тесла все равно не сдержала рыданий и отвращения, когда увидела сама, что твари Киссуна сделали с женщиной на ее кровати. Они еще не закончили. Их было шестеро, таких же сильных, как тварь, напавшая на Рауля, гораздо сильнее тех, что были в Петле. Мэри не могла долго сопротивляться. Пока Тесла помогала Раулю – это был отвлекающий маневр – они добрались до нее и облепили ее шею и голову. Она отчаянно сопротивлялась, ее тело – измученное и истощенное – наполовину сползло с кровати. Один из ликсов обвил ее лицо, размозжив черты до неузнаваемости.

Тесла вдруг вспомнила про Рауля, дрожавшего за ее спиной.

– Мы ничем не можем ей помочь. Иди, умойся.

Он мрачно кивнул и вышел. Ликсы уползали, их движения стали вялыми. Вероятно, Киссун не хотел расходовать энергию после того, как его агенты сделали свое дело. Тесла закрыла дверь, борясь с подступившей тошнотой, и пошла проверить, не прячется ли кто-нибудь под мебелью. Тварь, которую она пригвоздила к полу, уже сдохла, по крайней мере затихла. Тесла перешагнула через нее и отправилась за другим оружием.

Рауль дождался, пока окрашенная кровью вода исчезнет в сливе раковины, и взглянул на свои раны. Они оказались неглубокими, но в его организм действительно проник яд, чего и опасалась Тесла. Все его тело дрожало, а рука, тронутая нунцием, пульсировала, словно ее ошпарили кипятком. Он взглянул на эту руку. Она стала полупрозрачной, плоть и кости просвечивали. В панике он снова взглянул на свое отражение в зеркале. Оно тоже стало расплывчатым. Стены ванной растаяли, вместо них появился другой, неестественно яркий пейзаж.

Он уже открыл рот, чтобы позвать Теслу на помощь, но тут его отражение исчезло совсем. Впрочем, как и зеркало. Вспыхнул ослепительный свет, и он почувствовал, что кто-то тянет его за руку, тронутую нунцием. Он вспомнил, как Тесла описывала хватку Киссуна, и понял, что это такое.

Когда последние очертания квартиры Теслы исчезли в бесконечном раскаленном небе, он попытался взяться свободной рукой за раковину. Ему вдруг показалось, что он нащупал связь с реальным миром. Но через мгновение растаяла последняя надежда – он очутился в Петле Киссуна.

Тесла услышала, как в ванной что-то упало.

– Рауль? Ответа не было.

– Рауль? С тобой все в порядке?

Опасаясь худшего, она бросилась в ванную с ножом в руке. Дверь оказалась закрыта, но не заперта.

– Ты здесь?

В третий раз не получив ответа, она открыла дверь. Окровавленное полотенце валялось на полу. Падая, оно сбilo несколько туалетных принадлежностей; этот шум Тесла и слышала. Рауля не было.

– Черт!

Она закрыла все еще лившуюся воду, обернулась и позвала снова. Потом обошла квартиру, холодея от ужаса при мысли, что Рауль, как и Мэри, пал жертвой страшных созданий. Но его нигде не было – ни его, ни ликсов. Собравшись с силами, она открыла дверь спальни. Там его тоже не оказалось.

Стоя у двери, она вспомнила ужас на его лице, с каким он смотрел на труп Мэри. Может, это оказалось для него чрезмерным? Она направилась к входной двери: та была приоткрыта. Не захлопывая дверь, Тесла спустилась по лестнице и обошла вокруг дома, не переставая звать Рауля по имени. В ней крепла уверенность, что он не выдержал этого безумия и сбежал на улицы западного Голливуда. Если так, то он сменил одно безумие на другое. Но это его выбор, и она не несла ответственности за последствия.

Но на улице его не было. На крыльце дома напротив сидели два парня, наслаждавшихся лучами заходящего солнца. Она не знала их, но все равно подошла и спросила:

– Вы не видели тут мужчину? Они подняли брови и ухмыльнулись.

– Недавно? – спросил один из них.

– Только что. Он выбежал из дома напротив.

– Мы только вышли, – сказал другой. – Извините.

– А что он сделал? – спросил первый, поглядывая на нож в руке Теслы. – Слишком много или недостаточно?

– Недостаточно, – сказала Тесла.

– Ну и хрен с ним, – последовал ответ. – Других полно.

– Таких больше нет, – сказала Тесла. – Уж поверьте мне. Но все равно спасибо.

– Как он выглядит? – крикнул один из них вслед, когда она перешла обратно на свою сторону улицы.

Тут мелочная мстительность – Тесла не умела сдержаться, когда ее подставляли подобным образом, – вырвалась наружу.

– Он похож на гребаную обезьяну! – крикнула она так, что было слышно от СантаМоники до Мелроуз. – На гребаную обезьяну.

«Ну, детка, что теперь?»

Она налила себе текилы, села и подытожила последние события. Рауль исчез, Киссун в сговоре с иадами, Мэри Муралес лежит мертвая в ее спальне. Все это мало успокаивало. Она налила еще рюмку, отдавая себе отчет в том, что в состоянии опьянения, как и во сне, Киссун способен опять потянуть ее к себе. Но ей требовалось промочить горло.

Оставаться здесь незачем. Настоящие события происходили в ПаломоГроуве.

Она позвонила Грилло. В отеле его не было. Она попросила оператора соединить ее с администратором и поинтересовалась, не знает ли кто-нибудь, где Грилло может быть. Никто не знал. Грилло ушел днем и до сих пор не вернулся. Было двадцать пять минут пятого. Сказали, что он ушел с час назад. Наверное, на прием, решила Тесла.

На НордХантлдрайв ее больше ничто не задерживало. У нее не осталось союзников, и стоило как можно скорее найти Грилло, пока обстоятельства не отняли и его.

VIII

Грилло не взял с собой в Гроув одежды, подходящей для собрания в КониАй, но понадеялся, что джинсы и кроссовки – вполне официальная одежда для Калифорнии и он не будет слишком выделяться в толпе. Это была первая из ошибок того дня. Даже охранники у ворот были в смокингах и при черных галстуках. Но у него имелось приглашение, куда он вписал себя как «Джона Свифта», и его пропустили без вопросов.

Не впервые он приходил на мероприятие под чужим именем. Однажды, когда Грилло еще был настоящим журналистом, а не копался в грязи, как сейчас, он явился на собрание неонацистов в Детройте под видом дальнего родственника Геббельса. Он посетил несколько сеансов священника, лишеного сана и лечившего людей внушением. Грилло разоблачил его жульничество серией статей, за что был номинирован на Пулитцеровскую премию. Наконец, самое памятное – поход на сборище садомазохистов. Статья об этом не вышла из-за одного сенатора, которого Грилло видел на оргии, – скованный цепями, тот поглощал собачью еду.

Тогда Грилло ощущал себя человеком, пробравшимся в опасную зону в поисках правды, эдаким Филипом Марлоу* с шариковой ручкой. Здесь же его просто выворачивало, как нищего на пиру. Эллиен говорила, что на приеме будут известные люди, но Грилло не ожидал, что эти люди произведут на него такое впечатление. Под крышей дома Бадди Вэнса собралось несколько дюжин всемирно известных лиц – легенды, идолы, законодатели мод. Вокруг них были другие лица; Грилло не помнил их по именам, но видел их портреты на страницах «Верайети» или «Голливуд репортер». Агенты, адвокаты, продюсеры. Тесла, постоянно вращавшаяся в Голливуде, отпускала в их адрес самые язвительные колкости. Выпускники бизнесшкол, вытесняющие прежних боссов – кланы Уорнеров, Селзников, Голдвинов, – и правящие «фабриками грез» при помощи калькуляторов и диаграмм. Они выбирали кумиров следующего года, от них зависело, чьи имена будут у всех на устах. Конечно, и у них бывали осечки. Публика непостоянна, порой извращена, иногда предпочитает боготворить неизвестное. Но система готова и к этому. Бывшего аутсайдера мгновенно вводят в пантеон, и каждый потом говорит, что с самого начала видел в нем звезду.

Среди собравшихся было несколько таких звезд, молодых актеров, не знавших Бадди лично. Они приехали, потому что это было Событие Недели. Удачное место, где можно засветиться, и полезная компания.

Грилло увидел Рошель в другом конце комнаты, но она выслушивала комплименты от окруживших ее почитателей. В его сторону она не смотрела. А если бы и смотрела, вряд ли бы узнала его. В ее глазах был неестественный восторг, вызванный чем-то посильнее, чем комплименты поклонников. К тому же Грилло по опыту знал, что его лицо в толпе не выделялось. В нем смешалась шведская, русская, литовская, еврейская и английская кровь. Он был всем и никем, он мог притворяться кем угодно, пока не совершал faux pas*, да потом обычно мог выкрутиться.

Взяв у одного из официантов бокал шампанского, он смешался с толпой, запоминая между делом имена встреченных знаменитостей. Хотя никто из присутствующих, кроме Рошели, его не знал, он обменялся приветствиями с каждым, с кем встретился взглядом. Если ему кивали, он кивал в ответ, если махали рукой, он отвечал. Вскоре он уже был здесь своим. В результате его остановила неизвестная дама, которой было хорошо за пятьдесят.

– Так кто вы такой?

Сегодня Грилло не разрабатывал деталей легенды, как бывало прежде, когда он ездил к нацистам или к целителю. Поэтому он просто сказал:

– Свифт. Джонатан.

Она кивнула, будто имя ей что-то говорило.

– А я Эвелин Квейл. Можете звать меня Ив. Все меня так называют.

– Хорошо, Ив.

– А как называют вас?

– Свифт.

– Прекрасно, – сказала она – Слушайте, может, вы поймаете мне официанта и возьмете еще бокал шампанского? Они так носятся...

Этот бокал оказался не последним. Она знала много интересных подробностей о собравшихся, и чем больше бокалов приносил Грилло, чем больше комплиментов он отпускал в ее адрес, тем интересней становились эти подробности. Одна из последних оказалась весьма личной: Грилло решил, будто ей лет пятьдесят пять, но ей был семьдесят один год.

– Вам никогда столько не дашь.

– Контроль, мой милый, – ответила она – Я склонна к порокам, но не допускаю излишеств. Не возьмете мне еще один из стаканчиков, пока их не пронесли мимо?

Она оказалась идеальной сплетницей, восхитительной в своей стервозности. В комнате не нашлось, пожалуй, никого, о ком она не знала бы какой-нибудь пикантной детали. Тощая особа в красном оказалась близняшкой Энни Кристал, возлюбленной знаменитого телеведущего. Она худела с такой скоростью, что, по мнению Ив, месяца через три отсутствие аппетита непременно сведет ее в могилу. Зато Мерв Тернер, который недавно «огранил» правление «Юниверсал», так растолстел после выхода «Черной башни», что его жена отказалась заниматься с ним сексом. А вот Лиза Андреатта, бедняжка! После рождения второго ребенка на три недели угодила в больницу. Ее врач убедил ее, что в природе матери съедают собственную плаценту. После родов она съела свою и чуть не оставила ребенка сиротой, прежде чем тот успел увидеть ее лицо.

– Это безумие, – сказала Ив, широко улыбаясь, – правда? Грилло пришлось согласиться.

– Чудесное безумие, – продолжала она. – Я была его частью всю мою жизнь. Оно осталось таким же, как прежде. Мне становится жарко, может, выйдем на улицу?

– Конечно.

Она взяла Грилло под руку.

– Вы хороший слушатель, – сказала она, когда они вышли в сад. – В подобном обществе это редкость.

– Разве? – отозвался Грилло.

– Вы писатель?

– Да, – сказал он, радуясь, что не надо лгать. Ив ему нравилась. – Только мне нечем похвастаться.

– Здесь всем нечем похвастаться, – сказала она. – Будем честными. Никто из нас не изобрел лекарства от рака. Мы просто прожигаем жизнь, дорогой. Просто прожигаем жизнь.

Она подвела Грилло к стоявшему в саду нарисованному паровозу.

– Посмотрите? Мерзость, правда?

– Не знаю. Что-то в этом есть.

– Мой первый муж коллекционировал американских абстрактных экспрессионистов. Поллок, Роско и прочая чушь. Я с ним развелась.

– Изза живописи?

– Изза коллекционирования, нескончаемого коллекционирования. Это болезнь, Свифт. Под конец я сказала ему: Этан, я не хочу быть еще одним экспонатом в твоей коллекции. Выбирай – они или я. Он выбрал то, что молчит. Такой он был человек, культурный, но тупой.

Грилло улыбнулся.

– Вы надо мной смеетесь! – возмутилась она.

– Нет. Я очарован.

Она просияла.

– Вы ведь никого здесь не знаете? – спросила она неожиданно.

Вопрос поставил его в тупик.

– Вы тут незваный гость. Я смотрела на вас, когда вы вошли, и видела, как вы первым делом взглянули на хозяйку – не смотрит ли она на вас. И я подумала: наконецто мы встретились. Вы никого не знаете, но хотите узнать, а я знаю всех, но хотела бы не знать. Это союз, заключенный на небесах! Как вас зовут на самом деле?

– Я же сказал...

– Ну, не оскорбляйте меня, – сказала она.

– Меня зовут Грилло.

– Грилло...

– Натан Грилло. Но, пожалуйста., просто Грилло. Я журналист.

– Ах, как банально. Я думала – вы ангел, сошедший судить нас Как Содом и Гоморру. Видит бог, мы это заслужили.

– Вы не оченьто любите здешнюю публику, – сказал он.

– Я предпочитаю жить здесь, а не в Айдахо, но только изза погоды. Все остальное – дерьмо. – Она подошла к Грилло вплотную. – Не смотрите. У нас гости.

К ним направлялся невысокий лысый мужчина Грилло он показался смутно знакомым.

– Кто это? – шепотом спросил Грилло.

– Пол Ламар. Он был партнером Бадди. – Комик?

– Так утверждал его агент. Вы видели его фильмы?

– Нет.

– «Майн кампф» смешнее.

Грилло еще боролся со смехом, когда Ламар обратился к Ив.

– Прекрасно выглядишь, – сказал он, – как всегда – Он повернулся к Грилло. – А кто твой друг?

Ив взглянула на Грилло и улыбнулась.

– Он – моя тайна.

Ламар обратил свою сияющую улыбку на журналиста.

– Простите, я не расслышал вашего имени.

– У тайн не должно быть имен, – сказала Ив. – Имена убивают их очарование.

– Я заслуживаю порицания, – сказал Ламар. – Позвольте искупить свою, вину и показать вам дом.

– Не думаю, что смогу одолеть эти ступеньки, дорогуша, – сказала Ив.

– Но это же дворец Бадди. Он им так гордился.

– Недостаточно, чтобы приглашать меня, – парировала Ив.

– Это было его убежище, – сказал Ламар. – Поэтому он уделял ему так много внимания.

Стоит посмотреть вам обоим, хотя бы ради Бадди.

– Почему бы и нет? – сказал Грилло. Эвелин вздохнула.

– Ох уж это любопытство, – сказала она – Ладно, веди. Ламар провел их обратно в гостиную.

Ритм вечеринки едва заметно изменился. Поглощенные напитки и опустошенный буфет настроили гостей на более спокойный лад. Небольшой оркестр вяло играл джазовые мелодии. Несколько пар танцевали. Беседы звучали тише. Дела были сделаны, интриги сплетены.

Грилло посчитал такую атмосферу вялой, и Ив, конечно, согласилась. Она взяла его под руку, и они пошли вслед за Ламаром сквозь строй шепчущихся гостей к лестнице в другом конце гостиной. Входная дверь была закрыта, возле нее, сцепив руки у ширинок, стояли два охранника. Несмотря на музыку, праздничное настроение покинуло это место. Его сменила паранойя.

Ламар одолел уже дюжину ступенек.

– Давай, Эвелин, – поманил рукой Ламар. – Не так уж крута эта лестница.

– Крута для моих лет...

– Ты совсем не выглядишь...

– Не нужно лести, – сказала она. – Быстрее я не могу. Держась за Грилло, она начала подниматься. Впервые ее возраст стал заметен. На верхней площадке стояло несколько гостей,

Грилло заметил у них в руках пустые бокалы. Никто из них не говорил ни слова, даже шепотом. Впервые у Грилло возникли подозрения, что тут что-то неладно. Они усилились, когда он обернулся и взглянул вниз. У подножия лестницы стояла Рошель и смотрела прямо на него. Он не сомневался, что она узнала его и сейчас раскроет обман. Но она молчала. Она не отрывала взгляда от Грилло, пока тот не отвернулся. Когда он снова обернулся, ее уже не было.

– Что-то здесь не так, – прошептал он на ухо Ив. – Думаю, нам туда лучше не ходить.

– Дорогой, я уже на полпути, – ответила она громко, опираясь на его руку. – Не бросайте меня одну.

Грилло взглянул вверх на Ламара. Тот пристально смотрел на него – точно так же, как только что смотрела Рошель. «Они знают, – подумал он. – Все знают и молчат». Он опять попытался вразумить Ив.

– Может, сходим попозже? – предложил он.

– Я пойду, с вами или без вас, – ответила она, продолжая восхождение.

– Первый лестничный пролет пройден, – объявил Ламар.

Кроме любопытных молчаливых гостей тут не на что было смотреть, учитывая отношение Ив к художественному собранию Вэнса. Ив узнала нескольких присутствующих и поприветствовала их. Они смущенно поздоровались в ответ. Своей вялостью они напомнили Грилло наркоманов, только что принявших дозу. Но от Ив не так-то легко было отделаться.

– Сагански! – обратилась она к одному из них. Он выглядел как растратившая себя звезда французского кино. Рядом стояла женщина, из которой, казалось, выкачали все жизненные силы. – Что ты тут делаешь?

Сагански поднял на нее глаза.

– Тсс! – сказал он.

– Что, кто-то умер? – спросила Ив. – Кроме Бадди, конечно?

– Это грустно, – сказал Сагански.

– Это ждет всех нас, – цинично возразила Ив. – И тебя тоже. Тебе уже показывали дом?

Сагански кивнул.

– Ламар... – Его взгляд метнулся к комику, потом куда-то мимо него и опять вернулся к Ламару. – Он нам все показал.

– Если бы оно того стоило, – заметила Ив.

– Тут есть на что посмотреть, – уверил Сагански. – Правда. Особенно в верхних комнатах.

– О да, – сказал Ламар. – Почему бы нам не пройти прямо туда?

Паранойя Грилло не уменьшилась ни на йоту после встречи с Сагански и его женой. Здесь происходило что-то очень странное.

– Думаю, мы посмотрели достаточно, – обратился он к Ламару.

– О, простите! – воскликнул комик. – Я не подумал про Ив. Бедная Ив, для нее это слишком.

Его снисходительный тон вызвал именно тот эффект, на какой он и рассчитывал.

– Не будь смешон, – фыркнула Ив. – Может, я и не молода, но еще не совсем одряхла. Веди нас вверх.

Ламар пожал плечами.

– Ты уверена?

– Конечно, я уверена.

– Ну, если ты настаиваешь... – ответил он и направился вместе с ней мимо безмолвных гостей к верхней площадке лестницы. Грилло последовал за ними. Проходя мимо Сагански, он услышал, как тот бормочет:

– Да... на это стоит посмотреть... особенно наверху...

Ив уже почти одолела лестничный пролет, заставляя себя не отставать от Ламара.

Грилло крикнул ей вслед:

– Ив, не ходите дальше!

Она не обратила на него никакого внимания.

– Ив! – повторил он.

На этот раз она оглянулась.

– Грилло, вы идете?

Если Ламар и услышал имя ее «тайны», то никак не отреагировал. Он довел Эвелин до верха лестницы, и они свернули за угол.

Не раз за свою карьеру Грилло избегал неприятностей благодаря тому, что умел замечать

признаки опасности. Именно их он увидел, когда начал подниматься по лестнице. Но он не мог спокойно смотреть, как Ив погибнет изза собственного самолюбия. За тот час, что они провели вместе, она успела ему понравиться. Ругая в равной степени и себя, и свою новую знакомую, он последовал за Ив и ее искусителем.

Внизу у ворот случился небольшой переполох. Сначала неизвестно откуда возник ветер, прошелестел в кронах деревьев и волной накрыл Холм Он был очень пыльным и заставил нескольких припозднившихся гостей поспешно укрыться в своих лимузинах, чтобы подправить тушь.

Вместе с ветром появился автомобиль. Сидевший в нем неопрятный юноша потребовал, чтобы его пропустили в дом.

Охранники сохраняли спокойствие. Им не впервой приходилось иметь дело с незваными гостями. Обычно это были молодые люди, у которых яйца больше мозгов и которым хоть одним глазком хотелось взглянуть на светскую жизнь.

– У тебя нет приглашения, сынок, – сказал один из охранников.

Незванный гость вылез из машины. Он был в крови, причем в чужой. В его взгляде горело безумие. Руки охранников потянулись к оружию, спрятанному под пиджаками.

– Мне нужно увидеться с отцом, – сказал парень.

– Он среди гостей? – спросил один из охранников. Вполне могло оказаться, что богатенький мальчик, обколовшись наркотиками, приехал искать папочку.

– Да, он гость, – сказал ТоммиРэй.

– А как его зовут? – спросил охранник. – Кларк, принеси список.

– Его нет ни в одном из ваших списков, – ответил ТоммиРэй. – Он здесь живет.

– Ты спутал дом, сынок, – сказал ему Кларк, повышая голос, чтобы перекрыть неослабевающие завывания ветра – Это дом Бадди Вэнса. Если ты не из его внебрачных выродков...

Он ухмыльнулся, взглянув на третьего охранника, но тот его не поддержал – он смотрел на деревья, а точнее, на раскачивающий их воздух. Его глаза сузились, будто он пытался разглядеть чтото в облаке пыли.

– Ты пожалеешь об этом, ниггер, – сказал парень первому охраннику. – Я вернусь и обещаю: ты будешь первым.

Он ткнул пальцем в Кларка.

– Понял? Он первый. Ты следующий.

ТоммиРэй сел в машину, развернулся и покатил вниз по Холму. По удивительному совпадению ветер словно последовал за его машиной.

– Чертовски странно, – заметил тот, что смотрел на деревья, когда шелест листвы стих.

– Сходи в дом, – велел первый Кларку. – Проверь, все ли там в порядке?

– Да что там может случиться?

– Просто сходи и проверь, – последовал ответ. Первый охранник смотрел вслед скрывшейся машине и полетевшему за ней ветру.

– Выше нос, парни, – сказал Кларк и ушел выполнять приказ.

Двое оставшихся внезапно поняли, какая наступила тишина. Ни звука из города внизу. Ни звука из дома. Они были одни в замершей аллее.

– Ты не воевал, Рой? – спросил тот, что смотрел в небо.

– Нет. А ты?

– Доводилось. – Он стряхнул пыль с носового платка, который заботливо вложила в карман смокинга его жена Марси. Затем, втянув носом воздух, он взглянул на небо и сказал: – Между атаками...

– Что?

– Такое же затишье.

«ТоммиРэй», – подумал Яфф, отрываясь от своих дел и подходя к окну.

Он так увлекся своим занятием, что не почувствовал близости сына, пока тот не уехал. Он попытался позвать юношу, но зов остался без ответа. Он не мог манипулировать сыном так легко, как раньше. Чтото изменилось. Случилось чтото очень важное, но что именно, Яфф понять не мог. Сознание ТоммиРэя перестало быть открытой книгой. То, что Яфф сумел

почувствовать, сбивало с толку. В парне ощущался страх, какого не было прежде, и холод, жуткий холод.

Впрочем, сейчас об этом думать не было смысла – слишком много других дел. ТоммиРэй вернется. Это была самая четкая мысль ТоммиРэя, и Яфф прочитал ее: юноша намерен вернуться.

Пока его внимания требовали более неотложные дела. День прошел с пользой. За последние два часа он осуществил свои намерения. Он получил мощных союзников, несравнимых с тератами Гроува. Породившие их души сначала противились убеждениям. Яфф был к этому готов. Некоторые решили, что их собираются убить, и предлагали деньги в обмен на возможность покинуть верхний этаж. Две женщины обнажили силиконовые груди и посулили секс в обмен на жизнь; один из мужчин предложил тот же откуп. Но их самоуверенность рассыпалась как сахарная стена. Все угрозы, попытки торговаться, мольбы и стенания стихали, как только люди начинали потеть собственным страхом. Потом он отсылал их, выжатых и вялых, обратно к гостям.

Новые солдаты, выстроившиеся вдоль стен, были безупречнее первых рекрутов Яффа. От тераты к терате передавался заряд энтропии, и в темноте они превращались во что-то древнее, темное и примитивное. Они были неотличимы друг от друга. Яфф уже не мог точно назвать имена их создателей. Гантер Розбери, Кристин Сипард, Лори Дойл, Мартина Несбит: кто из них кто? Они превратились в сплошную темную массу.

Он собрал как раз такой легион, какой был необходим. Добавить еще солдат, и его армия станет неуправляемой. А может, уже стала. Но Яфф все еще оттягивал момент, когда он наконец позволит себе сделать то, ради чего создавал их, – когда он завладеет Искусством. Прошло двадцать лет со дня, изменившего его жизнь, когда в дебрях Небраски он нашел затерявшийся в пересылке знак Синклита. Больше он туда не возвращался. Даже война с Флетчером ни разу не забросила его в Омаху. Он сомневался, что там остался хоть кто-то, кого он знал. Болезни и отчаяние позаботились о доброй половине его знакомых, а о других позаботилось время. Его самого эти силы, естественно, не касались. Годы были не властны над ним. Повлиял на него только нунций, и изменения были необратимы. Он должен двигаться вперед, чтобы реализовать амбиции, завладевшие им в тот день и не отпускающие до сих пор. Он покинул обыденность собственной жизни, чтобы ступить на странные просторы, и редко оглядывался назад. Но сегодня перед ним прошла череда известнейших людей – плачущих, умоляющих, обнажающих свои тела, а потом и души, – и он не мог не вспомнить о том, кем он был раньше. Маленький человек, который и мечтать не мог о подобном обществе. И когда он вспомнил об этом, то обнаружил и у себя внутри то, что довольно успешно скрывал все эти годы. Именно то, чего он требовал от своих жертв, – страх.

Хотя он изменился до неузнаваемости, маленькая его часть навсегда останется Рэндольфом Яффе. Именно Рэндольф шептал ему: «Это опасно. Ты не понимаешь, во что ввязываешься. Это может убить тебя».

Яфф был потрясен, услышав после стольких лет молчания забытый голос, пытавшийся его переубедить. Он не мог совсем не обращать на него внимания. В его предупреждениях была правда: Яфф не знал, что случится после того, как он овладеет Искусством. Никто не знал. Он знал все истории, изучил все метафоры, но это были лишь истории и метафоры. Ведь Субстанция не является морем в прямом смысле слова, а Эфемериды – не остров. Это материалистическое описание духовного состояния. Может быть, состояния Духа, Яфф стоял в двух шагах от двери в это состояние и почти ничего не знал о его истинной природе.

Оно могло привести к безумию, аду и смерти или к раю и вечной жизни. И нет другого пути узнать о нем, кроме как овладеть Искусством.

«Зачем тебе им пользоваться? – шептал в его мозгу человек, которым он был тридцать лет назад. – Почему бы просто не насладиться уже полученной властью? У тебя ее больше, чем ты мог мечтать. Женщины предлагают тебе себя. Мужчины падают на колени, размазывая сопли, и умоляют о пощаде. Чего еще ты хочешь? Чего вообще еще можно хотеть?»

У Яффа был ответ: он хотел знать причины. Познать смысл, что выше плоти и слез. Хотя бы мельком увидеть целую картину.

«Ты получил все, что есть в этом мире, – отвечал забытый голос. – Больше ничего нет».

Раздался тихий стук в дверь – условный сигнал Ламара.

– Подожди, – пробормотал Яфф, пытаясь сосредоточиться на споре с самим собой.

За дверью Ив похлопала Ламара по плечу.

– Кто там? – спросила она Комик слегка улыбнулся.

– Коекто, с кем тебе стоит познакомиться.

– Друг Бадди? – спросила Ив.

– Именно так.

– Кто?

– Ты его не знаешь.

– Зачем тогда с ним видеться? – спросил Грилло.

Он взял Ив за руку. Его подозрения превратились в уверенность. Здесь мерзко пахло, и было слышно, что за дверью явно не один человек.

Тут их пригласили войти. Ламар повернул ручку и открыл дверь.

– Входи, Ив, – сказал он.

Она высвободила свою руку из руки Грилло и позволила Ламару провести себя внутрь.

– Тут темно, – услышал Грилло ее голос.

– Ив! – позвал он, оттолкнул Ламара и вошел в комнату.

Там действительно было темно. На Гроув уже опустился вечер. Слабый свет, проникавший через далекое окно, едва выхватывал очертания предметов. Но фигуру Ив Грилло видел перед собой отчетливо. Он снова взял ее за руку.

– Хватит, – сказал он и повернулся к двери.

Тут же кулак Ламара врезался ему в лицо. Удар был жестким и неожиданным. Грилло выпустил руку Ив и упал на колени, чувствуя в носу привкус крови. Ламар закрыл дверь.

– Что случилось? – услышал он голос Ив. – Ламар! Что случилось?

– Ничего страшного, – пробормотал Ламар.

Грилло поднял голову, и из носа жарким потоком хлынула кровь. Он приложил руку, чтобы остановить кровотечение, и оглядел комнату. В первый момент ему показалось, что она заставлена мебелью. Но он ошибся. Это было что-то живое.

– Лам... – из голоса Ив исчезла вся бравада. – Ламар, кто это?

– Яффе, – тихо ответили из тени. – Рэндольф Яффе.

– Включить свет? – спросил Ламар.

– Нет, – ответил тот же голос. – Не надо. Не сейчас. Несмотря на гудение в голове, Грилло узнал и голос, и имя.

Рэндольф Яффе – Яфф. Это помогло ему понять, что за существа скрывались в самых темных углах огромной комнаты. Она кишела созданными Яффом тварями. Ив тоже увидела их.

– О боже, – пробормотала она. – Боже, боже, что это?

– Друзья друзей, – сказал Ламар.

– Не трогай ее, – потребовал Грилло.

– Я не убийца, – ответил голос Рэндольфа Яффе. – Все, кто приходили сюда, ушли живыми. Мне нужно от вас немного...

В его голосе не было той уверенности, какую Грилло слышал в прошлый раз у молла. Большую часть своей профессиональной жизни он слушал людей, пытаясь уловить истинное за показным. Как там Тесла называла это? Поиск скрытых мотивов. В голосе Яффа определенно звучало нечто скрытое. Сомнение, которого не было прежде. Может, это дает им надежду на спасение? Или хотя бы на отсрочку казни?

– Я тебя помню, – сказал Грилло. Нужно было вытащить его на разговор, сделать так, чтобы он вслух высказал то, что было в подтексте. Заставить его выразить свои сомнения. – Я видел, как ты ловил огонь.

– Нет, – произнес голос из темноты. – Это был не я.

– Значит, я ошибся. Тогда кто ты, позволь спросить?

– Нет, тебе не позволено, – заявил Ламар за спиной у Грилло. – Кого первого? – спросил он Яффа.

Вместо ответа на его вопрос Яфф сказал:

– Кто я такой? Странно, что именно ты меня об этом спрашиваешь. – Его голос звучал почти мечтательно.

– Прошу вас, – тихо попросила Ив. – Мне нечем дышать.

– Тише, – сказал Ламар.

Он подошел к ней и взял за руку. В темноте было слышно, что Яфф пытается устроиться

поудобнее.

– Никто не знает, – начал он, – как все это ужасно.

– Что? – спросил Грилло.

– Я владею Искусством, – ответил Яфф. – А раз я им владею, значит, я должен им пользоваться. Было бы глупо не сделать этого после стольких лет ожидания, после всех этих перемен.

Он сам себя боится, понял Грилло. Он подошел слишком близко к краю и боится прыгать. Куда именно прыгать, Грилло не знал. Он решил не вставать с пола – так безопаснее – и очень тихо спросил:

– Что такое Искусство?

Если следующая фраза Яффа была ответом на вопрос, то очень косвенным.

– Каждый человек терпит в жизни неудачи. И я это использую. Я использую их страх.

– А ты нет?

– Что «нет»?

– Ты не терпишь неудач?

– Раньше я думал, что я нашел Искусство... но, может быть, оно нашло меня.

– Это хорошо.

– Думаешь? – спросил Яфф. – Я не знаю его намерений.

Вот оно, подумал Грилло. Он получил свой приз, но боится его развернуть.

– Оно может всех нас уничтожить, – сказал Яфф.

– Ты говорил другое, – пробормотал Ламар. – Ты говорил, что мы завладеем снами. Всеми снами Америки, что когда-либо снились или еще будут сниться.

– Может быть, – ответил Яфф.

Ламар отпустил Ив и шагнул к своему хозяину.

– Но теперь ты говоришь, что мы можем погибнуть! – воскликнул он. – Я не хочу умирать. Я хочу Рошель. Хочу этот дом. Хочу будущее. Я не собираюсь никому их отдавать!

– Не старайся сорваться с поводка, – сказал Яфф.

Впервые с начала разговора Грилло услышал отзвук голоса прежнего Яффа. Выпад Ламара пробудил былой дух. Грилло проклинал комика. Его бунт, впрочем, сделал одно полезное дело: Ив смогла отойти к двери. Грилло попрежнему сидел на полу. Любая попытка последовать за ней привлекла бы внимание к ним обоим, и тогда никому не удалось бы сбежать. Если Ив сумеет выскользнуть, она поднимет тревогу...

Ламар не унимался.

– Зачем же ты лгал мне? – спросил он. – Я ведь с самого начала знал, добра от тебя не жди. Да пошел ты!

Грилло молча с ним согласился. Его глаза привыкали к темноте, но сумерки сгущались, и он так и не смог разглядеть Яффа получше. Но сейчас Грилло увидел, как тот поднялся. Это вызвало смятение среди тварей, скрывавшихся в темноте. Они почувствовали замешательство своего создателя.

– Как ты смеешь? – спросил Яфф.

– Ты говорил, мы в безопасности!

Грилло услышал скрип двери. Ему очень хотелось повернуться и посмотреть, но он сдержался.

– Да, ты говорил, что мы в безопасности!

– Все не так просто! – ответил Яфф.

– Я уйду! – сказал Ламар.

Было слишком темно, но проблеска света за спиной Ламара и звука удаляющихся шагов оказалось достаточно, чтобы понять: Ив выскользнула из комнаты. Когда Ламар, ругаясь, направился к двери, Грилло поднялся. У него кружилась голова, его пошатывало, но он оказался у выхода на шаг раньше Ламара. Они столкнулись и оба навалились на дверь, захлопнув ее. Разыгралась почти смешная сцена, когда они боролись за ручку двери. Потом их прервали – за спиной Ламара возникло что-то призрачное. Одна из тварей обхватила его, он издал горлом тихий звук и протянул руки к Грилло, но тот отступил назад к центру комнаты. Он не знал, как именно терата расправляется с Ламаром, и был этому рад. Ему хватило вида обмякших конечностей и звука утробного чавканья. Комик ударился о дверь и сполз на пол, его тело заслонила набухающая туша тераты. Потом все затихло.

- Он мертв? – прошептал Грилло.
- Да, – ответил Яфф. – Он назвал меня лжецом.
- Я это запомню.
- Запомни.

Яфф сделал какое-то движение, неразличимое в темноте, но последствия были очевидны. Из пальцев Яффа вырвались огненные шарики. Они осветили его изможденное лицо, тело, знакомую одежду, на которую словно пролилась тьма, саму комнату и терат вдоль стен. Твари больше не напоминали животных – это были ошестинившиеся колючками призраки.

- Ну что ж, Грилло, – сказал Яфф, – кажется, я все-таки должен это сделать.

IX

После любви – сон. Ни он, ни она не хотели этого, но с тех пор как они встретились, им ни разу не удавалось поспать больше нескольких часов в день, а земля, где они занимались любовью, оказалась достаточно мягкой, чтобы усыпить их. Солнце скрылось за деревьями, а они еще не проснулись.

Когда ДжоБет наконец открыла глаза, ее разбудил не холод: ночь благоухала. В зарослях травы пели цикады. Листья деревьев едва заметно шевелились. Изза деревьев лился странный рассеянный свет.

Она разбудила Хови, нежно потрепав по плечу. Тот неохотно открыл глаза, но тут же просиял, увидев ее лицо.

- Привет, – сказал он. – Мы проспали, да? Сколько времени?
- Там кто-то есть, Хови, – прошептала она.
- Где?
- Я только что видела огни. Они вокруг, смотри!
- Мои очки, – шепнул он. – Они в рубашке.
- Я поищу.

Она потянулась в сторону, нашаривая его одежду. Он огляделся вокруг. Полицейские заграждения, пещера, пропасть, где все еще находилось тело Бадди Вэнса. Так естественно было заняться здесь любовью при свете дня. Теперь это казалось извращением. Там внизу лежал мертвец. В той же тьме, где долгие годы провели в ожидании их отцы.

- Вот, – сказала она.
- Ее голос отвлек Хови от этих дум.
- Все в порядке, – пробормотала она.

Он нашел в кармане рубашки очки и нацепил на нос. Между деревьями действительно мерцали огни, но источник света был не ясен.

ДжоБет нашла не только его рубашку, но и все их вещи и теперь надевала трусики. Даже сейчас, когда сердце учащенно билось по совсем иной причине, ее вид возбудил юношу. Она заметила его взгляд, нагнулась и поцеловала Хови.

- Я никого не вижу, – сказал он, почему-то попрежнему шепотом.
- Может, я ошиблась, – ответила она. – Мне показалось, что я кого-то слышу.
- Призраки, – проговорил он и тут же пожалел, что впустил эту идею в свое сознание.

Натягивая трусы, он заметил движение между деревьями.

- Черт, – прошептал он.
- Я вижу, – отозвалась она.

Он повернулся к ДжоБет. Она смотрела в противоположную сторону. Хови проследил за ее взглядом и в тени листы тоже увидел движение. И еще. И еще.

– Они со всех сторон, – сказал он, надевая рубашку и протягивая руку за джинсами. – Кто бы это ни был, они нас окружили.

Хови поднялся. Ноги затекли и покалывали, в голове осталась одна мысль – чем бы вооружиться. Может, выломать что-нибудь из заграждения? Он посмотрел на ДжоБет, которая уже почти оделась, потом снова на деревья.

Иза деревьев вышла невысокая фигура, а за ней тянулся след призрачного света. Вдруг все встало на свои места. Это был Бенни Паттерсон. В последний раз Хови видел его накануне вечером на улице у дома Луис Нэпп, когда тот бежал за ним следом. Сейчас на его лице не было солнечной улыбки. Оно было смазанным, словно на фотографии, сделанной дрожащими

руками. Он светился, как и положено изображению с телеэкрана. Этот свет и освещал деревья.

– Хови! – позвал он.

Его голос тоже утратил прежнюю четкость. Он пытался сосредоточиться на том, чтобы оставаться собой.

– Чего ты хочешь? – спросил Хови.

– Мы искали тебя.

– Не подходи к нему близко, – сказала ДжоБет. – Он один из созданий воображения.

– Я знаю, – ответил Хови. – Но они не собираются причинять нам вред, ведь так, Бенни?

– Конечно.

– Тогда покажитесь, – сказал Хови, обращаясь к деревьям вокруг. – Я хочу вас видеть.

Они послушались и вышли изза деревьев. Все, как и Бенни, сильно изменились: холеные изысканные лица смазались, сверкающие улыбки поблекли. Теперь в их облике было больше общего, чем различий; расплывчатые светящиеся силуэты. Горожане вообразили их и придали им форму. Но вдали от своего создателя они быстро теряли очертания, превращаясь в то, чем были изначально: свет, истекший из тела умирающего Флетчера.

Это была его армия, его галлюцигении, и Хови не нужно было спрашивать, что они ищут здесь. Они искали его. Он был кроликом из шляпы Флетчера, лучшей работой мага Прошлым вечером ему удалось ускользнуть, но они все равно нашли его, они выбрали его своим вождем.

– Я знаю, чего вы хотите, – сказал Хови, – но не могу вам помочь. Это не моя война.

Он смотрел на собравшихся и узнавал лица с вечеринки Луис, несмотря на их разрушение и превращение в свет. Ковбои, хирурги, героини мыльных опер и ведущие шоу. Но не все они были у Луис Оборотень, герои комиксов, несколько инкарнаций Христа (точнее, четыре – у двух из них руки, ноги и лоб сочили свет цвета крови) и дюжина персонажей из порно, мокрых от пота и спермы. Тут же были и красный Человекшар, и Тарзан. С толпой известных божков смешались и другие, личные образы из списка желаний тех, кого коснулся свет Флетчера. Ушедшие супруги, которых так и не смогла заменить новая любовь, случайные лица на улице, к которым не осмелились подойти те, что грезили о них. Все они, реальные и вымышленные, цветные и чернобелые, были объектами желаний. В них проступало что-то неуловимо трогательное. Но и Хови, и ДжоБет твердо решили держаться в стороне от войны, чтобы защитить возникшее между ними чувство. И они не изменили своего решения.

Прежде чем он успел это повторить, из рядов галлюцигении выступила незнакомая ему женщина средних лет.

– В каждом из нас дух твоего отца, – сказала она. – Если отвернешься от нас, отвернешься и от него.

– Все не так просто, – ответил Хови. – Я должен думать и о других людях.

Он указал на ДжоБет, которая поднялась с земли и встала за его спиной.

– Вы знаете, кто она. Это ДжоБет Макгуайр. Дочь Яффа. Врага Флетчера и поэтому, если я правильно вас понял, вашего врага. Но, послушайте... впервые в жизни я встретил человека... впервые я кого-то понастоящему люблю... Она для меня важнее всего на свете. Важнее вас. Важнее Флетчера. Важнее вашей проклятой войны.

Из толпы раздался еще один голос:

– Это я виноват. – Хови увидел выступившего из толпы ковбоя со стальными глазами, творение Мела Нэппа – Это я решил, что ты хочешь ее убить. Я сожалею об этом. Если ты не хочешь ей зла...

– Не хочешь ей зла?! Господи, да она стоит десяти Флетчеров! Берегите ее так же, как я, или катитесь ко всем чертям!

Повисла звенящая тишина.

– Никто не спорит, – заговорил Бенни.

– Слышу.

– Так ты поведешь нас?

– О господи!

– Яфф на Холме, – сказала женщина. – Он собирается овладеть Искусством.

– Откуда вы знаете?

– Мы – дух Флетчера, – ответил ковбой. – Мы знаем о намерениях Яффа.

– И знаете, как его остановить?

– Нет, – сказала женщина – Но мы должны попытаться. Субстанцию нужно защитить.

– И чем я могу вам помочь? Я не спец по тактике.

– Мы распадается, – проговорил Бенни. Даже за прошедшее короткое время его лицо смазлось заметно больше. – Становимся... совсем расплывчатыми. Нам нужен кто-то, кто поддерживал бы нас.

– Он прав, – поддержала женщина. – Мы здесь ненадолго. Большинство из нас вряд ли дотянут до утра. Мы должны сделать то, что можем. И побыстрее.

Хови вздохнул. Когда ДжоБет вставала, ее рука выскользнула из его ладони. Теперь он снова взял ее.

– Что мне делать? – спросил он девушку. – Помоги мне.

– Делай то, что кажется тебе правильным.

– Что кажется правильным...

– Ты как-то сказал, что хотел бы лучше узнать Флетчера. Может быть...

– Что? Говори.

– Мне не нравится идея идти воевать против Яффа с этими... грезами в качестве солдат... но, может быть, поступить так, как поступил бы твой отец, будет честно по отношению к нему. Может, так ты сумеешь... освободиться от него.

Хови взглянул на нее с изумлением. Она поняла самые сокровенные его сомнения, увидела выход из лабиринта на открытое пространство, где ни Яфф, ни Флетчер уже не будут властны над ними обоими. Но за такое нужно заплатить. Она заплатила, отказавшись ради него от своей семьи. Теперь его очередь.

– Ну хорошо, – обратился он к толпе. – Вперед на Холм.

ДжоБет сжала его руку.

– Правильно.

– Ты пойдешь со мной?

– Я должна.

– Я так хотел бы, чтобы мы оказались вдали от всего этого!

– Еще окажемся, – сказала она. – Но если нам не удастся избежать... если что-то случится с нами, или с одним из нас. Что ж, мы свое получили.

– Не говори так.

– У нас уже есть больше, чем было у наших матерей, – напомнила она ему. – Больше, чем у большинства людей в Гроуве. Хови, я люблю тебя.

Он обнял ее и прижал к себе, радуясь, что их видит дух Флетчера, растворенный в сотне разных форм.

«Кажется, я готов к смерти, – подумал он. – Во всяком случае, больше, чем когда-либо».

Х

Выйдя из комнаты на верхней площадке лестницы, Ив едва дышала от ужаса. Она успела заметить, как Грилло поднялся и направился к двери и как его перехватил Ламар. Она еще подождала, пока не услышала предсмертный хрип комика, и только после этого поспешила вниз поднимать тревогу.

Несмотря на то, что дом окутала темнота, снаружи было светлее, чем внутри. Там сияло пестрое море огней, освещавших экспонаты коллекции Бадди, среди которых они с Грилло недавно бродили. Этот разноцветный свет – красный, зеленый, желтый, голубой и фиолетовый – освещал путь к площадке, где они встретили Сэма Сагански. Он так и стоял там со своей женой. Казалось, с тех пор они не шелохнулись, разве что подняли глаза к потолку.

– Сэм! – Ив поспешила к нему. – Сэм!

Паника и быстрый спуск сбили ее с дыхания. Описание ужасов в комнате наверху вылилось в серию прерывистых и сбивчивых возгласов и всхлипов.

– Ты должен его остановить... такого ты не видел... ужасные вещи... Сэм, посмотри на меня!.. Сэм!

Сэм, казалось, вовсе не слышал ее. Вся его поза выражала полную пассивность.

– Ради бога, Сэм, чего ты наглотался?

Она оставила его в покое и оглянулась, ища помощи у кого-то еще. На площадке собралось около двадцати гостей. С момента ее появления никто из них не шевельнулся – ни чтобы помочь, ни чтобы помешать. Никто, теперь она это заметила, даже не повернулся в ее сторону.

Все они, как Сагански с женой, смотрели в потолок, словно чего-то ждали. Паника не лишила Ив рассудка. Она поняла, что от этой компании толку не добиться. Они прекрасно знали, что происходит этажом выше, потому и смотрели вверх, словно собаки в ожидании наказания. Яфф уже накинул на них свой поводок.

Она направилась на первый этаж, цепляясь за перила. Она шла все медленнее, суставы болели, мучила одышка. Оркестр внизу закончил играть, но кто-то еще сидел за пианино. Это ее немного успокоило. Она не стала кричать с лестницы и зря расходовать силы, а спустилась вниз. Входная дверь была открыта. На пороге стояла Рошель. С ней прощались с полдюжины гостей, среди которых были Мерв Тернер с женой, Гилберт Кайнд с подружкой и еще две незнакомые женщины. Тернер заметил ее, и на его толстом лице проступила гримаса отвращения. Он снова взглянул на Рошель и заторопился с прощанием.

– ... так жаль, – услышала Ив. – Но время лечит. Спасибо, что вы разделили это с нами.

– Да, – начала его жена, но Тернер ее прервал. Он снова взглянул на Ив и повернулся к выходу.

– Мерв... – Жена была явно раздражена.

– Некогда! – ответил Мерв. – Рошель, все прошло чудесно! Джил, поспеши. Лимузины ждут. Мы поедем вперед.

– Стой, подожди, – сказала подружка Гилберта. – Вот черт! Гилберт, они уедут без нас.

– Извините нас, – сказал Кайнд Рошели.

– Подождите! – крикнула Ив. – Гилберт, подожди! Она говорила слишком громко, чтобы можно было не обратить внимания. Гилберт обернулся, и по выражению его лица стало ясно, что он предпочел бы не слышать. Он холодно улыбнулся, развел руками и пожал плечами.

– Вот так всегда, – сказал он. – Прости, Ив, нам не удалось поговорить. Очень жаль. Очень. В следующий раз. – Гилберт подхватил подружку под руку. – Мы тебе позвоним. Да, дорогая? – Он послал Ив воздушный поцелуй. – Ты прекрасно выглядишь!

И они поспешили вслед за Тернером.

Две женщины последовали за ними, даже не простившись с Рошелью. Той, казалось, все было безразлично. Если Ив до сих пор не догадалась, что Рошель в сговоре с чудовищем наверху, теперь это стало очевидным. Едва гости ушли, вдова знакомо закатила глаза вверх и обмякла, прислонившись к косяку, будто больше не могла стоять прямо. Тут помощи не дожدهшься, решила Ив и направилась в гостиную. Гостиная тоже освещалась лишь огнями уличной иллюминации из коллекции Бадди. За полчаса, пока Ив отсутствовала, вечеринка сошла на нет. Половина людей разъехались; наверное, они почувствовали перемену настроения, по мере того как распространялось зло. Другая половина зачарованно смотрела куда-то вверх. У двери Ив столкнулась с компанией уходящих гостей. Они разговаривали нарочито громко и оживленно, чтобы скрыть страх. Ив никого из них не знала, но это ее не остановило. Она схватила за руку какого-то молодого человека.

– Вы должны мне помочь, – сказала она.

Она видела его лицо на афишах на бульваре Сансет. Рик Лобо. Красота помогла ему быстро стать звездой, хотя любовные сцены с его участием напоминали лесбийские.

– Что случилось? – спросил он.

– Там что-то наверху, – сказала она. – Мой друг...

Это лицо умело только улыбаться и сексуально выпячивать губки. Поскольку в данном случае ни та ни другая реакция не годились, он смотрел на Ив безо всякого выражения.

– Пожалуйста, пойдете со мной!

– Она пьяна, – бросил довольно громко кто-то из друзей Лобо.

Ив посмотрела в сторону говорившего. Вся компания молодая, ни одному из них нет и двадцати пяти. Почти все под кайфом, догадалась она, но Яфф их не тронул.

– Я не пьяна, – сказала Ив. – Послушайте...

– Пошли, Рик, – сказала девушка из компании.

– Хотите поехать с нами? – спросил Лобо.

– Рик! – сказала девушка.

– Нет. Я хочу, чтобы вы поднялись со мной наверх. Девушка рассмеялась.

– Да уж, не сомневаюсь, что вам этого хочется, – сказала она. – Рик, пойдём.

– Мне нужно идти, простите, – сказал Лобо. – Вам тоже лучше уехать. Дурацкая вечеринка.

Парень был непробиваемым, как кирпичная стена, но Ив не собиралась его отпускать.

– Поверьте, – сказала она. – Я не пьяна. Наверху происходит чтото страшное.

Она окинула взглядом их всех.

– И вы это чувствуете, – сказала она, чувствуя себя недоделанной Кассандрой, но не находя другого способа объяснить. – Здесь чтото происходит...

– Да, – сказала девушка. – Тут чтото не так, и мы уходим.

Но слова Ив чтото затронули в Лобо.

– Поедемте с нами, – сказал он. – Здесь действительно творится странное.

– Она не хочет ехать, – услышался голос. По лестнице спускался Сэм Сагански. – Я за ней пригляжу, Рики, не волнуйся.

Лобо явно обрадовался тому, что его освободили от ответственности.

– Мистер Сагански за вами присмотрит, – сказал он.

– Нет, – начала Ив, но молодые люди уже направились к входной двери.

Их подгонял тот же страх, что и компанию Тернера Рошель отстранилась от дверного косяка, готовая принять ритуальные благодарности. Сэм перекрыл выход. Оставалось искать помощи в гостиной.

Надежды было мало. Большинство из трех десятков оставшихся гостей не могли помочь даже себе. Пианист играл в темноте какуюто сонную мелодию, четыре пары топтались на месте, партнеры буквально повисли друг на друге. Остальные были под наркотиками, пьяные или под воздействием Яффа. Одни сидели, другие лежали, не заботясь о том, что на них смотрят. Среди них – жертва анорексии Белинда Кристол. Просить помощи у нее не имело смысла, настолько она исхудала. Рядом на софе, положив голову на колени Белинды, растянулся такой же истощенный сын агента Бадди.

Ив оглянулась на дверь. Сагански шел за ней. Она в отчаянии оглядела комнату, выбирая лучшего из худших, и остановилась на пианисте. Ив направилась к нему мимо танцующих пар.

– Хватит играть, – сказала она.

– Хотите чтото другое? – спросил он. Его взгляд был замутнен выпивкой, но глаза не закатывались наверх.

– Да, чтонибудь громкое. Очень громкое, – потребовала она. – И быстрое. Пусть вечеринка продолжается!

– Поздновато, – сказал пианист.

– Как вас зовут?

– Дуг Фрэнкл.

– Хорошо, Дуг. Играйте. – Она оглянулась и увидела Сагански. Тот стоял позади танцующих пар и наблюдал за ней. – Мне нужна ваша помощь.

– А мне нужно выпить, – еле выговорил Дуг. – Сможете организовать?

– Через минуту. А сначала... Видите мужчину в том конце комнаты?

– Да, я его знаю. Его все знают. Полное дерьмо.

– Он только что пытался на меня напасть.

– Да? – Пианист взглянул на Ив и нахмурился. – Это омерзительно.

– А мой друг... мистер Грилло... наверху...

– Это омерзительно! – снова сказал Дуг. – Вы ему в матери годитесь!

– Спасибо, Дуг.

– Нет, это и правда омерзительно!

Ив наклонилась к своему сомнительному рыцарю.

– Мне нужна ваша помощь, – прошептала она – И немедленно.

– Я должен играть, – сказал Дуг.

– Вернетесь и продолжите, как только мы найдем выпивку для вас и мистера Грилло, для меня.

– Мне необходимо выпить.

– Вот именно. Я понимаю. Вы так играете! Вы заслуживаете награды.

– Да, заслуживаю. Правда, заслуживаю.

Она нагнулась, взяла его запястье и оторвала его руку от клавиш. Он не протестовал. Музыка смолкла, но танцующие продолжали топтаться на месте.

– Вставай, Дуг, – прошептала Ив.

Он попытался подняться. Когда ему это удалось, он повалил стул.

– В какой стороне выпивка? – спросил он. Пианист был гораздо пьянее, чем думала Ив.

Играл он, видимо, автоматически, потому что самостоятельно шагать не мог. Но, в конце концов, это хоть какая-то компания. Ив взяла его под руку в надежде, что Сагански покажется, будто Дуг поддерживает ее, а не наоборот.

– Сюда, – прошептала она и повела его к двери. Краем глаза Ив заметила, что Сагански направляется к ней, и попыталась ускорить шаг. Но Сэм преградил им путь к двери.

– Что с музыкой, Дуг? – спросил он.

Пианист попытался сфокусироваться на лице Сагански.

– А ты кто такой?

– Это Сэм, – сказала Ив.

– Сыграй, Дуг. Я хочу танцевать с Ив.

Сагански протянул к Ив руку, но у Фрэнкла были свои планы.

– Я знаю, что ты думаешь, – сказал он Сагански. – Я слышал, что ты говорил, и знаешь что? Мне плевать! Если я хочу сосать член, то я буду сосать член. И если ты не наймешь меня, меня наймет Фокс. Так что пошел ты!

У Ив забрезжила слабая надежда. Тут была какая-то история, которую она не знала. Сагански был ярким гомофобом. Вероятно, он уже успел обидеть Дуга.

– Мне нужна эта леди, – заявил Сэм.

– Ты ее не получишь, – ответил Дуг, отталкивая руку Сагански. – У нее есть дела поважнее.

Но Сагански не собирался так легко сдаваться. Он еще раз потянулся к Ив и снова получил отпор. Тогда он вцепился в Дуга, оттаскивая его от Ив.

Ив воспользовалась этим и скользнула к двери. За спиной мужчины начали кричать друг на друга. Оглянувшись, она увидела, что танцующие разошлись, а эти двое кружили на танцполе, размахивая кулаками. Первым попал Сагански, отбросив Дуга на пианино. Бокалы, которые Дуг выстроил в линию, со звоном разбились. Сагански рванулся за Ив.

– Ты нужна... – сказал он, хватая ее за руку.

Она отступила на шаг, и тут ноги подвели ее. Прежде чем она ударилась об пол, ее подхватили чьи-то руки, и она услышала, как Лобо сказал:

– Вам стоит поехать с нами.

Она попыталась возразить, но не смогла произнести ни единого слова, судорожно глотая ртом воздух. Мимо проплыло лицо Рошели, потом ее остудил ночной воздух, что еще больше дезориентировало.

– Помогите ей... Помогите ей... – услышала она голос Лобо.

Ее уложили на обитое искусственным мехом сиденье его лимузина. Он влез за ней.

– Грилло... – выдавила она, когда захлопнулась дверца. Ее преследователь стоял на ступенях, но лимузин уже тронулся по направлению к воротам.

– Это самая странная вечеринка из всех, какие я видел, – сказал Лобо. – Давайте-ка уберемся отсюда.

«Прости, Грилло, – подумала Ив, когда машина тронулась. – Удачи».

Кларк выпустил лимузин Лобо из ворот и повернулся к дому.

– Сколько их там еще? – спросил он Раба.

– Около сорока, – ответил Раб, просматривая список. – Всю ночь торчать не придется.

На Холме не хватило места для парковки всех лимузинов, поэтому машины колесили по Гроуву в ожидании приказа подняться и забрать своих пассажиров. Это было привычным делом, и в таких случаях водители привыкли развлекать себя шутками по рации. Но сегодня не было ни слухов об интимной жизни звезд, ни фривольных обсуждений, чем заняться после работы. Большую часть времени эфир был пуст, словно водители не хотели афишировать свое местонахождение. Молчание нарушила случайная реплика в адрес города.

– Мертвый лес, – сказал один из водителей. – Как на гребаном кладбище.

Другой – это был Роб – попытался утихомирить говорившего:

– Если тебе нечего сказать, лучше молчи.

– А в чем дело? – снова заговорил тот водитель. – Страшно?

Их прервал еще один голос:

– Кларк, ты тут?

– Да. Кто это?

– Ты слышишь?!

Связь была плохая, голос тонул в помехах.

– Сюда надвигается песчаная буря, – сквозь помехи сообщил водитель. – Не знаю, слышишь ли ты меня, но она появилась из ниоткуда.

– Скажи ему, чтобы он убирался оттуда! – сказал Роб. – Кларк! Скажи ему, пусть уезжает!

– Я слышу... Уезжай оттуда! Уезжай!

– Ктонибудь здесь есть?! – кричал водитель. Его голос почти потонул в завываниях ветра.

– Уезжай оттуда на хрен!

– Ктонибудь меня...

Он не успел закончить. Голос оборвал звук аварии.

– Черт! – выругался Кларк. – Эй, ктонибудь знает, кто это был? Или где он был?

Тишина. Если кто-то и знал, то молчал, никто не вызвался помочь. Роб смотрел на город сквозь ведущую вниз аллею.

– Хватит, – сказал он. – С меня достаточно этого дерьма. Я уйду.

– Но мы остаемся одни, – напомнил Кларк.

– Если у тебя есть голова на плечах, ты тоже уйдешь, – сказал Роб. – Не знаю, что здесь происходит, пусть разбираются богатенькие мальчики.

– Мы на дежурстве.

– Я только что его сдал, – сказал Роб. – Мне не так много платят, чтобы лезть в это дерьмо. Лови!

Он бросил Кларку рацию. Оттуда доносился лишь белый шум.

– Слышишь? Хаос. Вот что на нас движется.

Внизу в городе ТоммиРэй притормозил, чтобы взглянуть на изуродованный лимузин. Призраки просто подняли его и перевернули. Теперь они извлекали из машины водителя. Если ему не посчастливилось сразу вступить в их ряды, то это быстро исправили – его униформа была порвана в клочья, как и тело под ней.

ТоммиРэй увел свой призрачный поезд с Холма, чтобы придумать, как пробраться в дом. Он не хотел повторения унижения в баре, если бы охранники его избили. Отец должен увидеть его в новом обличье и взять призраков под контроль. Но эта надежда быстро таяла. Чем дальше ТоммиРэй откладывал свое возвращение, тем неуправляемее становились мертвецы. Они уже снесли лютеранскую церковь, доказав – если кому-то нужны были доказательства, что камень столь же непрочен, как и плоть. Та часть ТоммиРэя, что ненавидела ПаломоГроув, готова была позволить им буйствовать и сровнять этот город с землей. Но тогда ТоммиРэй окончательно потеряет над ними власть. К тому же в Гроуве оставалось одно человеческое существо, которому он не хотел причинить вреда, – ДжоБет. Отпущенная на свободу буря никого не пощадит. Жизнь ДжоБет заберут вместе с остальными.

Понимая, что очень скоро призраки потеряют терпение и начнут крушить город, ТоммиРэй поспешил к дому матери. Если ДжоБет в Гроуве, она наверняка там. И если худшие опасения подтвердятся, он заберет ее к Яффу, который должен обуздать бурю.

Дом Джойс, как и большинство домов в Гроуве, был погружен в темноту. ТоммиРэй припарковался и вылез из машины. Вихрь радостно взметнулся, приветствуя его, и в лицо ударил ветер.

– Назад! – сказал ТоммиРэй мерцающим призракам. – Вы получите, что хотите. Все что хотите, но этот дом и тех, кто в нем, вы не тронете. Ясно?

Они почувствовали силу его чувства. Он услышал, как они смеются над его сентиментальностью. Но он все еще был ЧеловекомСмертью. Им пришлось подчиниться, хотя их уважение к нему почти исчезло. Буря на время затихла.

Он захлопнул дверь машины и направился к дому, оглядываясь, чтобы убедиться, что его армия подчинилась ему. Мертвецы оставались в стороне. Он постучал в дверь.

– Мама! – крикнул он. – Это я, ТомчиРэй. У меня есть ключ, но я не хочу входить без твоего разрешения. Слышишь, мама? Не бойся. Я ничего дурного не сделаю. – Он услышал за дверью какой-то звук. – Это ты, мама? Пожалуйста, ответь мне.

– Что тебе нужно?

– Я хочу тебя увидеть, пожалуйста. Просто хочу тебя увидеть.

Щелкнул замок, и дверь открылась. Мама была в черном, с распущенными волосами.

– Я молилась, – сказала она.

– За меня? – спросил ТоммиРэй. Она не ответила.

– Нет, не за меня, не так ли?

– Ты не должен был возвращаться, ТоммиРэй.

– Это мой дом, – ответил он.

Увидеть мать оказалось больнее, чем он ожидал. После откровения, явившегося ему по дороге (женщина и пес), после событий в миссии и ужасов обратного путешествия он не думал, что до сих пор способен испытывать такую печаль.

– Я хочу войти, – сказал он, зная, что пути назад нет. Он никогда не дорожил семьей. Но он дорожил ДжоБет. Он думал о ней.

– Где она? – спросил он.

– Кто?

– ДжоБет.

– Ее нет дома, – ответила мать.

– А где она?

– Не знаю.

– Не лги мне. ДжоБет! – позвал он. – ДжоБет!

– Если бы она и была здесь...

ТоммиРэй не дал ей закончить. Он оттолкнул ее и переступил порог.

– ДжоБет! Это ТоммиРэй! Ты нужна мне, ДжоБет. Ты нужна мне, детка!

Теперь он мог назвать ее деткой, мог сказать, что хочет целовать и ласкать ее. Это было правильно. Это была любовь, а любовь – его единственная защита. Защита от всего, от пыли и ветра, от того, что в них таилось. Он нуждался в ней как никогда прежде. Не обращая внимания на мамины крики, он стал искать сестру по комнатам. Знакомые запахи пробудили воспоминания о том, что он говорил, делал или чувствовал здесь прежде.

Внизу ДжоБет не было, и он поднялся наверх, распахивая двери по пути. Сначала – дверь в комнату ДжоБет, потом – в мамину и, наконец, в свою собственную. Здесь ничего не изменилось с того момента, как он ушел. Неубранная постель, открытый шкаф, полотенце на полу. Стоя в дверях, он вдруг осознал, что видит вещи парня, которого уже нет в живых. ТоммиРэй, что лежал и дрочил в этой постели, мечтал о Зуме и Топанге, ушел навсегда. От него остались только грязное полотенце и волосы на подушке.

По его щекам потекли слезы. Как это могло случиться? Еще неделю назад он был живым и занимался своими делами, а теперь он не принадлежит миру и никогда уже не будет принадлежать. Чего же он пожелал так сильно, что отказался от самого себя? Ведь он ничего не получил взамен. Быть ЧеловекомСмертью бессмысленно, это принесло лишь страх и светящиеся кости. И что толку в его отце? Сначала Яфф и правда обращался с сыном хорошо, но он просто хотел сделать из ТоммиРэя раба. Одна ДжоБет любила его. Она пришла за ним, пыталась излечить его, пыталась сказать ему то, чего он слышать не хотел. Она одна могла все исправить. Придать его жизни смысл. Спасти его.

– Где она? – потребовал он ответа у Джойс.

Мама стояла у подножия лестницы. Она смотрела на него, молитвенно сложив руки. Опять молитвы. Вечные молитвы.

– Где она, мама? Мне нужно ее увидеть.

– Она тебе не принадлежит, – ответила мама.

– Катц! – крикнул ТоммиРэй, спускаясь по лестнице. – Она у Катца!

– Иисус сказал: «Я есть Воскресение и Жизнь...»

– Скажи, где они, или я не отвечаю...

– «... и верящий в Меня...»

– Мама!

– «... хотя и умрет...»

Она не закрыла входную дверь, и ветер начал задувать пыль через порог. Сначала неуверенно, но с каждой секундой крепчая. ТоммиРэй знал, что это означает. Призракам надо было выпустить пар. Мама взглянула на дверь и пыльную темноту снаружи. Казалось, она поняла, что за смертоносная сила находится в двух шагах от нее. Когда она снова посмотрела на сына, ее глаза наполнились слезами.

– Почему все должно быть именно так? – тихо спросила она.

– Я не хотел, чтобы так получилось.

– Ты был таким красивым, сынок. Я порой надеялась, что это спасет тебя.

– Я и сейчас красивый.

Она покачала головой. Слезы сорвались вниз и покатались по щекам Джойс. ТоммиРэй оглянулся на дверь – ветер уже рвал ее из стороны в сторону.

– Не входить! – приказал он ветру.

– Что там? – спросила мама. – Твой отец?

– Тебе лучше не знать.

Он поспешил вниз, чтобы закрыть дверь, но ветер уже набрал силу и ворвался в дом. Лампы замигали. С полок слетели салфетки. Когда он добрался до низа лестницы, вылетели стекла.

– Не входить! – заорал он, но мертвецы ждали слишком долго.

Дверь слетела с петель и, пролетев через холл, врезалась в зеркало. Вслед за ней, завывая, ворвались призраки. При виде их искаженных голодных лиц, пустых глазниц и раскрытых ртов мама закричала. Услышав крик женщины, они обратили свою ярость на нее. ТоммиРэй что-то крикнул, пытаясь предупредить Джойс, но пыльные пальцы разорвали его слова на бессмысленные слоги, а потом потянулись к горлу матери. ТоммиРэй ринулся к ней, но буря подхватила его, развернула и швырнула к выходу. Призраки продолжали влетать в дом. ТоммиРэй пошел прочь, согнувшись и проходя сквозь их лица, словно сквозь приливную волну. Сзади раздался последний крик его матери, и одновременно вылетели оставшиеся стекла. Он выбежал изпод дождя осколков, но его все равно задело.

По сравнению с домом и его хозяйкой он легко отделался. Оказавшись на безопасном расстоянии, он оглянулся и увидел безумную пляску привидений, что врывались внутрь и вылетали обратно из дверей и окон. Дом не выдержал нападения. В стенах появились трещины, земля у фасада разверзлась, призраки ворвались в подвал, чиня разрушения и там. ТоммиРэй взглянул на машину, боясь, что в своем нетерпении они уничтожили и ее. Но автомобиль был цел. Когда дом застонал, крыша сдалась и слетела, а стены выгнулись дугой, юноша бросился к машине. Даже если мама осталась жива и звала его на помощь, он не мог ни услышать, ни увидеть ее в таком бедламе.

Рыдая, ТоммиРэй залез в машину. Он не сразу осознал, что повторяет слова, сказанные матерью:

«Я есть Воскресение и Жизнь...»

В зеркале он увидел, что дом сдался окончательно, когда воронка смерча в его внутренностях выбросила их наружу. Кирпичи, черепица, балки и грязь полетели во все стороны.

«... и верящий в Меня... Господи, мама, мама! ... верящий в Меня...»

Обломки кирпичей разбили заднее стекло и грохочущей перкуссией обрушились на крышу. Он утопил педаль газа в пол и уехал прочь, наполовину ослепший от слез, сожалений и страха. Он попытался взять себя в руки, но ничего не вышло. Он ехал по городу самым запутанным маршрутом, молясь, чтобы они сбились со следа. Улицы были не совсем пусты. Ему встретились два длинных черных лимузина, бороздящих улицы, словно акулы. Уже на окраине Олдвуда он заметил посреди улицы знакомую пошатывающуюся фигуру. Ему очень не хотелось останавливаться, но сейчас он нуждался в знакомом человеке больше, чем когда-либо, пусть даже это будет Уильям Уитт. Он притормозил.

– Уитт?

Тому потребовалось некоторое время, чтобы узнать ТоммиРэя. Юноша ждал, что Уильям бросится бежать – ведь их последняя встреча на УайлдЧерриглейд закончилась тем, что ТоммиРэй в пруду боролся с тератой Мартины Несбит, а Уитт удрал. Но с тех пор Уитт переменялся не менее кардинально, чем ТоммиРэй. Он походил на бродягу: небритый, грязная одежда в беспорядке, в глазах отчаяние.

– Где они? – был его первый вопрос.

– Кто? – поинтересовался ТоммиРэй.

Уильям бросился к окну машины и ударил ТоммиРэя по лицу. Ладонь его была влажной. Дыхание отдавало бурбоном.

– Они у тебя?

– Да кто?

– Мои... посетители, – сказал Уильям – Мои... мечты.

– Нет, извини, – сказал ТоммиРэй. – Тебя подбросить?

– А куда ты едешь?

– Подальше отсюда.

– Да. Подвези меня.

Уитт залез в машину. В этот момент ТоммиРэй увидел в зеркале заднего вида знакомое зрелище. Вихрь призраков приближался. Он посмотрел на Уитта.

– Плохо дело.

– Что такое? – спросил Уильям.

Он едва мог сосредоточить взгляд на ТоммиРэе.

– Они будут преследовать меня всюду. Их ничто не остановит.

Уильям обернулся и увидел стену пыли, приближавшуюся к машине.

– Это твой отец?

– Нет.

– А кто?

– Коечто похуже.

– Твоя мама. – сказал Уитт. – Я говорил с ней. Она сказала, что он дьявол.

– Хотел бы я, чтобы это был дьявол. Дьявола можно обмануть.

Вихрь окружил машину.

– Нужно вернуться на Холм, – сказал ТоммиРэй скорее себе, чем Уитту.

Он развернулся и направился к Уиндблафу.

– Мои гости там? – спросил Уитт.

– Там все, – ответил ТоммиРэй, и не догадываясь, насколько он прав.

XI

– Вечеринка окончена – сказал Яфф Грилло. – Нам пора спускаться.

После панического бегства Ив они в основном молчали. Подавив мятеж Ламара, Яфф вернулся на свое место и ждал, пока внизу стихнут голоса гостей, лимузины заберут своих пассажиров и музыка наконец смолкнет. Грилло не пытался убежать. Впервые, распростертое тело Ламара заблокировало дверь, и тераты наверняка настигли бы Грилло, если бы он попытался отодвинуть труп. Вотორых – и это главное – волей судьбы он оказался в одной компании с тем, кто был первопричиной загадочных событий в Гроуве. Перед Грилло находился человек, воплотивший все страхи и знавший обо всех видениях, затерявшихся в городке. Убежать значило бы не выполнить свой долг. Всетаки маленькая роль любовника Эллен Нгуен – не единственная, отведенная ему в этой истории. Он был еще и репортером, связующим звеном между миром известным и неизвестным. Если он сейчас повернется спиной к Яффу, то совершит наихудшее для себя самого преступление – упустит возможность стать свидетелем событий.

Кем бы ни был этот человек – убийцей, безумцем, чудовищем – он отличался от большинства тех, кого Грилло интервьюировал. Яфф не был подделкой. Достаточно взглянуть на его создания, чтобы понять: такая сила действительно способна изменить мир. И Грилло осмелился не отвернуться от этой силы. Он решил последовать за ней в надежде понять ее стремления.

Яфф поднялся.

– Не пытайся мне мешать, – сказал он Грилло.

– Не буду, – ответил тот. – Позволь мне пойти с тобой. Впервые после бегства Ив Яфф взглянул на репортера.

Было слишком темно, чтобы Грилло мог разглядеть его глаза, но он чувствовал взгляд Яффа, изучающий и пронзительный, словно игла.

– Отодвинь труп, – велел Яфф.

– Да, конечно, – сказал Грилло и направился к двери. Ему не требовалось лишних доказательств силы Яффа, но тело Ламара еще раз напомнило об этом. Труп был влажным и горячим. Руки Грилло слиплись от крови комика. Это ощущение и запах вызвали у него тошноту.

– Но помни... – сказал Яфф.

– Я понял, – ответил Грилло. – Не мешать.

– Тогда... Открывай дверь.

Грилло открыл. Он не отдавал себе отчета, что в комнате стоит смрад, пока в лицо ему не

хлынула волна чистого прохладного воздуха.

– Иди вперед, – сказал Яфф.

Грилло вышел на лестницу. В доме было тихо, но он не был пуст. Внизу он увидел небольшую кучку гостей Рошели. Их взоры были прикованы к двери, откуда он появился. Гости стояли молча и неподвижно. Грилло многих узнал – они были здесь, когда он вместе с Ив поднимался наверх. Момент, которого они так долго ждали, настал. У Грилло закралось подозрение: может быть, Яфф пустил его вперед, чтобы отдать им на растерзание. Но он пересек линии их взглядов, и никто не обратил на него внимания. Они ждали шарманщика, не обезьянку.

Сверху послышался шум: это двинулись тераты. Достигнув нижней площадки, Грилло обернулся и посмотрел вверх. Первые создания показались в дверном проеме. Грилло знал, что твари изменились, но не ожидал, что так сильно. Из их движений пропала суетливость, форма стала совершенней и проще. Они излучали тьму, скрывавшую их черты.

Вслед за первыми тератами вышел Яфф. Битва с Флетчером и последующие события не прошли для него даром. Он был истощен, почти превратился в скелет. Когда он спускался, его бледное лицо заливали разноцветные пятна света, проникающего снаружи.

«Сегодня дают „Маску Красной смерти“ с Яффом в главной роли», – подумал Грилло.

В остальных ролях – сопровождавшие его тераты.

Грилло оглядел молчаливую публику. Они не отрывали подобострастных глаз от Яффа, прошедшего мимо них и уже спускавшегося ниже. На первом этаже тоже собрались зрители. Среди них была и Рошель. Ее невероятная красота напомнила Грилло о том, как он увидел ее впервые. Она спускалась по тем же ступеням, что и Яфф. Это было как откровение, и она казалась неприкосновенной в своей красоте. На практике вышло иначе. Сначала Эллен развенчала впечатление, рассказав о ее прошлой профессии и теперешних пристрастиях, а теперь он собственными глазами видел, что эта женщина, как и прочие, пала жертвой пороков Яффа. Красота её не защитила. Похоже, от Яффа вообще нет защиты. Грилло достиг подножия лестницы и стал ждать, пока Яфф в сопровождении своего легиона закончит спуск. За последние минуты с Яффом произошла едва заметная, но пугающая перемена. Раньше по его лицу то и дело пробегала предательская дрожь сомнений, но теперь оно было безжизненным, как и у его спутников. Физические силы его иссякли, и спуск по лестнице напоминал падение. Вся его энергия сосредоточилась в левой руке; именно из нее тогда, возле молла, вылетели шарики огня, едва не уничтожившие Флетчера. Сейчас происходило то же самое: из руки сочились потом и повисали на кончиках пальцев светящиеся капли, похожие на гной. Насколько понял Грилло, это была не сама энергия, а ее побочный продукт, потому что Яфф не обращал внимания на то, что капли срываются на пол, оставляя на ступеньках темные пятна.

Рука черпала энергию из всего тела хозяина (а может, и присутствующих), накапливая силы для грядущих событий. Грилло попытался понять хоть что-нибудь по выражению лица Яффа, но взгляд снова и снова возвращался к этой руке, словно все линии силы сосредоточились там, а прочие детали картины были второстепенными.

Яффе направился в гостиную. Грилло последовал за ним. Темный легион ждал на лестнице.

В гостиной все еще оставались гости. Некоторые преданно уставились на Яффа, другие, перебрав с выпивкой, просто валялись без чувств. На полу лежал Сэм Сагански, его лицо и рубашка были в крови. Рядом, вцепившись в его пиджак, лежал другой мужчина. Грилло понятия не имел, что послужило причиной драки, но кончилась она взаимным нокаутом.

– Включи свет, – велел ему Яффе. Голос его, под стать выражению лица, был безжизненным. – Включи весь свет. Хватит тайн. Я хочу видеть все ясно.

Грилло отыскал в полумраке выключатели. Вспыхнувший свет внезапно уничтожил всю театральность этой сцены. Ктото из перепивших недовольно заворчал и закрыл лицо руками, заслоняясь от света. Человек, вцепившийся в Сагански, отрыл глаза и застонал, но не пытался подняться. Взгляд Грилло вернулся к руке Яффа. Она больше не сочилась каплями. Она созрела. Она была готова.

– Нет смысла медлить, – раздалось слова Яффа.

Грилло увидел, как он поднял открытую ладонь на уровень глаз, направился к дальней стене комнаты и дотронулся до нее.

Затем, упершись в твердую поверхность, он стал сжимать кулак.

Внизу у ворот Кларк увидел, как в доме вспыхнул свет. Он вздохнул с облегчением. Это могло означать одно – вечеринка окончена. Он вызвал водителей лимузинов (тех, что еще не сбежали) и велел подъезжать к Холму. Хозяева скоро будут.

Когда Тесла свернула с шоссе к ПаломоГроуву и была уже в четырех милях от города, по коже у нее вдруг забегали мурашки. Ее мать говорила в таких случаях: кто-то прошел по твоей могиле. Но сегодня она точно знала, в чем причина. Все было гораздо хуже.

Я пропустила главное, поняла она. Главное началось без меня. Она почувствовала, как вокруг что-то изменилось. Словно земля действительно оказалась плоской, ее приподняли на несколько градусов, и все сдвинулось к нижнему краю. Тесла не стала себе льстить мыслью, будто в мире она одна такая чувствительная. Напротив, она была уверена, что сейчас по всей стране, а может, и по всей планете люди просыпаются в холодном поту, вспоминают о своих любимых и боятся за них. Дети плачут, сами не зная почему, а старики думают, что пришел их последний час.

От шоссе, с которого она только что съехала, донесся грохот столкновения, за ним еще и еще. Водители, пораженные мгновенным ужасом, отвлеклись от дороги. В ночи загудели гудки.

«Мир круглый, – сказала она себе, – как руль у меня в руках. С него нельзя свалиться. Нельзя».

Цепляясь за эту мысль и за руль с одинаковым отчаянием, она продолжила путь к городу.

В ожидании автомобилей Кларк увидел огоньки, взбиравшиеся на холм. Но они приближались слишком медленно, чтобы быть фарами лимузинов. Ему стало интересно, и он, оставив свой пост, прошел немного вниз по холму. Ярдов через двадцать за поворотом он увидел источник света. Там были люди. Толпа из полусотни человек – а может быть, и больше – направлялась к вершине. Их лица и тела казались смазанными и светились, как маски на Хэллоуин. Во главе толпы шли парень и девушка, на вид вполне нормальные, хотя вряд ли нормальные люди отправились бы кудато с подобными спутниками. Кларк попятился и побежал назад к воротам.

Роб был прав. Нужно было уехать раньше из этого проклятого города. Его наняли следить, чтобы на вечеринку не проникли незваные гости, а не останавливать смерчи и ходячие факелы. Хватит, это уж слишком.

Он отшвырнул рацию и перелез через изгородь с обратной стороны дома. Там рос густой кустарник, и склон холма круто уходил вниз. Но Кларка не беспокоили ни изорванная одежда, ни царапины. Он хотел одного: оказаться как можно дальше отсюда, когда толпа достигнет ворот.

За последние дни Грилло увидел немало вещей, от которых кровь стыла в жилах, но предыдущие события поддавались описанию. То, что теперь творилось на его глазах, превосходило все возможности его восприятия, и он мог сказать только одно слово: «нет».

И не один раз – дюжину: «Нет... нет... нет...» – и так далее.

Но отрицание не помогало. Происходящее не исчезало. Оно требовало к себе внимания.

Пальцы Яффа вошли в кирпичную стену и вцепились в нее. Он отступил на шаг назад, потом еще на один, потянув на себя материю реальности, – и та подалась, словно была сделана из подтаявших на солнце сладостей. Со стены начали падать афиши. Углы между полом, стенами и потолком подались вслед за кулаком, меняя пропорции.

Все это выглядело так, будто комната была лишь проекцией на экране, а Яфф ухватил и потянул ткань на себя. Экранный образ, секунду назад казавшийся живым, оказался подделкой.

«Это кино, – подумал Грилло. – Весь гребаный мир – сплошное кино».

Искусство помогло разоблачить обман – просто сдернуло простыню, саван экрана.

Грилло наблюдал это не один. Коекто из гостей, очнувшись от забытья, открыл глаза и увидел то, что не являлось ему и в самых безумных наркотических кошмарах.

Даже Яфф, казалось, был шокирован легкостью, с какой все произошло. Он дрожал, и его тело выглядело очень хрупким, очень уязвимым и очень человеческим. Как бы он ни готовил свой дух для нынешнего момента, этого явно оказалось недостаточно. И вряд ли возможно было подготовиться к подобному – это было искусство нарушения законов плоти. Перед ним не

могли устоять основы бытия. Откуда-то изза экрана возник нарастающий пульсирующий звук; отдававшийся в голове Грилло ударами сердца. Звук привлек терат. Грилло обернулся и увидел, что они идут на помощь своему создателю. Грилло их не интересовал; он был уверен, что волен уйти в любую минуту и твари не тронут его. Но, хотя его внутренности и свело от страха, он обязан был увидеть то, что должно было вотвот появиться за экраном этого мира. Чего бы он добился, если бы убежал? Наблюдал бы за происходящим от ворот, с безопасного расстояния? Нет безопасного расстояния, если знать то, что узнал Грилло. Отныне, касаясь твердых предметов, он будет думать: если бы он владел Искусством, этот мир растаял бы под кончиками его пальцев.

Не все были фаталистами. Многие из очнувшихся гостей бросились к двери, но мягкой стала не только стена, но и пол – он накренился и проваливался под ногами, когда Яфф, теперь уже двумя руками, потянул пространство комнаты.

Грилло попытался найти в этом хаосе хоть что-то устойчивое. Он схватил стул, но стул тоже подчинился капризам физики, как прочие предметы в комнате, и выскользнул из рук. Грилло упал на колени, у него снова пошла носом кровь. Он не пытался ее останавливать.

Яфф сильно потянул за дальнюю стену комнаты, и все изменилась до неузнаваемости. Сверкание огней во дворе поблекло и превратилось в бесформенные мазки, пространство натянулось так, что едва не лопнуло. Пульсирующий звук с той стороны уже не увеличивал свою громкость, но за считанные секунды стал почти естественным, будто он всегда был здесь.

Яфф еще натянул экран пространства, и тут он не выдержал, прорвавшись в нескольких местах одновременно. Комната совсем перекосилась. На Грилло покатались тела, и он вцепился во вздыбившийся пол. Он успел мельком увидеть Яффа – тот, кажется, в последний момент пожалел о сделанном и пытался отпустить остатки разорванной материи реальности. И то ли руки не желали ему повиноваться и разжиматься, то ли у реальности возник собственный импульс, но она продолжала разворачиваться уже без его помощи. Лицо Яффа вдруг перекошилось от ужаса, и он вскрикнул, призывая на помощь своих тварей. Тераты двинулись к нему, както находя опору среди этого хаоса. Они вдавили Грилло в пол, переползая через него. Но внезапно они застыли на месте. Грилло ухватился за туши, остановившиеся слева и справа от него. Он больше их не боялся – прямо перед ним были вещи пострашнее. Грилло встал прямо или почти прямо и взглянул в сторону двери. Та часть комнаты оставалась более или менее нетронутой. Он увидел холл и входную дверь. Дверь была открыта, и там стоял сын Флетчера.

Хови понял, что существует зов более сильный, чем зов создателя и повелителя. Это зов противоположности, зов истинного врага. Вот что двигало тератами, когда они повернулись и поползли к двери, оставив хозяина бороться с надвигающимся хаосом.

– Они идут! – крикнул Хови армии Флетчера, отступая от двери по мере приближения терат. ДжоБет, вошедшая в дом вслед за ним, застыла на пороге. Он взял ее за руку и потащил прочь.

– Слишком поздно, – сказала она. – Ты видишь, что он делает? О господи! Ты видишь?

Но проиграна война или нет, создания Флетчера были готовы встретить терат. Поднимаясь на Холм, Хови думал, что их ждет некая рафинированная схватка – поединок умов или воли. Но насилие, забурлившее вокруг, оказалось реальным и физическим. У галлюцигений не было никакого оружия, кроме собственных тел, но они бросились в бой с такой яростью, какой Хови никак не ожидал от меланхолических существ, собравшихся в лесу, и еще меньше – от тех цивилизованных людей, какими они были в доме Луис Нэпп. Дети и мужчины сражались наравне. Человеческие черты, созданные воображением горожан, почти растаяли при столкновении с абсолютно безликим врагом. Это была битва элементов – любовь Флетчера к свету против одержимости Яффа тьмой. Армии объединяло единственное намерение – стремление уничтожить друг друга.

Хови решил, что он выполнил их просьбу. Он привел их на Холм, ободряя отстающих, когда они забывали себя и начинали растворяться. Несколько он всетаки потерял; возможно, они изначально были плохо придуманы. Их тела просто растаяли, прежде чем он успел подвести их к врагу на расстояние прямой видимости. Но остальных вид терат здорово взбодрил. Они были готовы драться, пока их не разорвут на части.

Обе стороны несли существенные потери. Повсюду валялись вырванные из терат блестящие частицы тьмы и лоскуты света – фрагменты солдат армии Флетчера. Но воины не чувствовали

боли, и кровь не текла из их ран. Они вновь и вновь кидались в атаку. Они прекращали сражаться, только если теряли более половины тела – тогда они рассеивались. Даже воздух, где они растворялись, дрожал и звенел, словно война продолжалась и на уровне атомов; позитивная и негативная энергии стремились задушить и уничтожить свою противоположность.

Похоже, именно так и обстояло дело, а битва перед домом была лишь моделью. Равные силы истребляли друг друга, отвечая ударом на удар и уменьшая ряды противника.

Когда Тесла достигла вершины Холма, битва докатилась до ворот и выплеснулась на дорогу. Узнаваемые формы теперь превратились в абстрактные пятна света и тьмы, рвущие друг друга на части. Тесла оставила машину и пешком направилась к дому. Двое сражавшихся сорвались с дерева в подъездной аллее и упали в нескольких ярдах впереди нее, их конечности переплелись и проникли в тела друг друга. Тесла в ужасе смотрела на них. Неужели их впустило сюда Искусство? Как они сбежали из Субстанции?

– Тесла!

Она взглянула вперед и увидела Хови. Объяснения его были быстрыми и сбивчивыми.

– Началось, – сказал он, задыхаясь. – Яфф воспользовался Искусством.

– Где?

– В доме.

– А это что? – спросила она.

– Последняя защита, – ответил он. – Мы опоздали.

«Ну и что теперь, детка? – подумала Тесла. – Ты не знаешь, как это остановить. Мир накренился, и все катится в пропасть».

– Нужно выбираться отсюда, – сказала она Хови.

– Думаешь?

– А что еще мы можем?

Она опять посмотрела на дом Грилло говорил ей, что он довольно причудливый, но все-таки она не ожидала увидеть столь странной архитектуры. Ни единого правильного угла, ни единой прямой линии. Потом она поняла. Это никакая не постмодернистская шутка. Что-то изнутри меняло его форму.

– О боже! – воскликнула она. – Грилло все еще там!

Пока она это говорила, фасад выгнулся еще. Заметив это, Тесла перестала интересоваться битвой. Два племени рвут друга на части, как бешеные псы. Мужские игры. Она направилась к дому, не обращая на них внимания.

– Куда ты? – спросил Хови.

– Внутрь.

– Там опасно.

– А здесь? У меня там друг.

– Я с тобой.

– ДжоБет тоже здесь?

– Была.

– Найди ее. Я найду Грилло, и мы вместе смоемся отсюда.

Не дожидаясь ответа, она поспешила к дому.

Третья сила, появившаяся в Гроуве той ночью, была уже на полпути к Холму, когда Уильям Уитт вдруг понял: как ему ни жаль своих грез, умирать сегодня не хочется. Он уже дергал ручку дверцы, готовый выпрыгнуть на ходу, но следовавший за машиной песчаный вихрь заставил его отказаться от этой мысли. Он посмотрел на ТоммиРэя. Лицо парня никогда не было особенно умным, но теперь он выглядел почти дебилем. С нижней губы свисала слюна, лоб блестел от пота. Всю дорогу он повторял одно имя:

– ДжоБет...

ДжоБет не слышала его призыв, но услышала другой. Из дома прямо в ее сознание проникал зов человека, который ее создал. Она догадалась, что он обращался не к ней. Он даже не знал, что она рядом. Но она откликнулась на этот зов. В нем был такой ужас, что ДжоБет не смогла игнорировать его. Она пробежала сквозь сгустившийся воздух к входной двери. Правая сторона двери изогнулась.

Внутри было гораздо хуже. Вещи потеряли твердость и неумолимо сползали к какойто

центральной точке. Эту точку оказалось нетрудно найти: весь размягченный мир стремился к ней.

Конечно же, в центре стоял Яфф. Перед ним была дыра в материи пространства, куда затягивало все живое и неживое. Что было по ту сторону, она не видела, но могла догадываться. Субстанция, море мечты и остров в нем, о котором ей говорили и отец, и Хови. Там не действовали законы времени и пространства, там гуляли духи.

Но если дело обстоит именно так, значит, Яфф достиг того, к чему стремился, – овладел Искусством и получил доступ к чуду. Чего же он так боится? Почему он отворачивается от этого зрелища и зубами отрывает вещество, прилипшее к его рукам?

Все чувства ДжоБет говорили: вернись. Вернись, пока не поздно.

Ее тоже стало затягивать в дыру. Некоторое время она могла сопротивляться, но ее затягивало все сильнее. Но вот чему она не могла сопротивляться, так это желанию видеть боль своего отца. Не очень хорошее дочернее желание, да? Но и он был не самым лучшим отцом на свете. Он причинил боль ей и Хови. Он изменил ТоммиРэя до неузнаваемости. Он разбил маме сердце и сломал ее жизнь. Теперь она хотела видеть его муки и не могла оторвать глаз от этого зрелища. Он с почти маниакальным рвением наносил себе увечья, вырывал из пальцев куски плоти и дико мотал головой, пытаясь отвергнуть то, что он видел в дыре, созданной Искусством.

ДжоБет услышала, как кто-то назвал ее имя, и оглянулась. Там стояла женщина, которую она никогда не видела, но узнала по рассказам Хови. Женщина уговаривала ее вернуться на безопасное расстояние. Но ДжоБет не тронулась с места. Она хотела видеть, как Яфф разорвет себя в клочья или как его утащит в эту дыру, созданную им самим. Только теперь она осознала, насколько ненавидит его. Насколько она очистится, когда он исчезнет из этого мира.

Голос Теслы услышала не одна ДжоБет. В нескольких ярдах за Яффом, вцепившись в пол, на небольшом разрушающемся твердом островке лежал Грилло. Услышав голос Теслы, он повернулся к ней вопреки зову Субстанции. Его лицо налилось кровью изза того, что дыра высасывала из него жидкости тела. Казалось, голова Грилло сейчас взорвется. Дыра высасывала слезы, и его ресницы слиплись. Две струйки крови из ноздрей устремились прямо в провал.

Большая часть комнаты уже была поглощена Субстанцией. Рошель исчезла одной из первых, легко расставшись с тем немногим, что удерживало ее в реальном мире. Исчез и Сагански вместе со своим противником. За ними другие гости, пытавшиеся добраться до двери. Со стен сорвало картины, затем штукатурку, обнажившую дерево, а потом и само дерево изогнулось, поддавшись зову. Грилло тоже оказался бы там, если бы не лежал в тени Яффа – единственном плотном месте в море хаоса.

Нет, это было не море. К тому, что он увидел, заглянув в дыру, нельзя было подобрать ни одного земного сравнения. Там разливалось море сознания, первичное и непостижимое. Грилло оставил надежду противиться ему. Он подошел слишком близко. Волны уже смыли большую часть окружающего пространства, скоро они доберутся и до него.

Но он увидел Теслу и вдруг получил надежду остаться в живых, чтобы рассказать об увиденном. Если у него и есть шанс спастись, то нужно поторопиться. Островок в тени Яффа с каждым мгновением становился все меньше. Тесла протянула ему руку, и он подался ей навстречу, но расстояние было слишком велико. Чтобы дотянуться до него, ей пришлось бы отпустить относительно твердую дверь. Тесла отступила назад.

«Только не бросай меня, – подумал Грилло. – Не бросай, вселив в меня надежду».

Он недооценил ее. Она отступила лишь затем, чтобы снять ремень. Она снова появилась в дверном проеме и протянула к нему пояс, который тут же устремился к дыре, затягивающей все вокруг.

Грилло ухватился за него.

Снаружи, на поле боя, Хови нашел останки света, что был Бенни Паттерсоном. От облика мальчика почти ничего не осталось, но Хови его узнал. Он опустился перед ним на колени и подумал, что нелепо оплакивать что-то столь эфемерное и преходящее. Но эту мысль сменила другая: он тоже эфемерен в этом мире и, в отличие от Бенни Паттерсона, не знает смысла своего существования.

Он дотронулся рукой до лица Бенни, но оно уже распадалось, брызнув яркой пылью между пальцев. Подняв голову, он увидел у ворот ТоммиРэя. Следом шел незнакомый человек, а за

ними поднимался завывающий столб пыли.

Мысли Хови от Бенни Паттерсона вернулись к ДжоБет. Где она? Он совсем забыл о ней в последние несколько минут. ТоммиРэй наверняка ищет ее.

Хови поднялся и направился наперерез врагу. Испачканный кровью, с запавшими глазами, ТоммиРэй уже ничем не напоминал того загорелого молодого красавца, с которым его когда-то знакомила ДжоБет. Он запрокинул голову и крикнул:

– Отец!

Пыльный шквал налетел на Хови, когда он приблизился к ТоммиРэю на расстояние удара. В вихре замелькали охваченные ненавистью призрачные лица с раскрытыми тоннелями ртов. Хови отшвырнуло в сторону, и он упал на землю, закрыв голову руками. Призраки пронеслись мимо, не слишком заинтересовавшись его маленькой жизнью. Когда он встал, ТоммиРэй и его свита скрылись в доме.

Хови услышал крик ТоммиРэя, перекрывший шум Субстанции.

– ДжоБет! – взревел он.

Она в доме, понял Хови. Зачем она туда пошла, было выше его понимания, но нужно вытащить ее прежде, чем до нее доберется этот ублюдок или его отец.

Подбегая к двери, он заметил, что пыльный вихрь втянула внутрь какая-то сила.

Шагнув за порог, Хови увидел эту силу. Последние разрозненные частицы пыльного облака затягивало в воронку, стремившуюся вобрать в себя весь дом. Прямо перед воронкой стоял Яфф, его руки исчезали в водовороте. Хови смотрел на это лишь мгновение, пока крик Теслы не отвлек его.

– Помоги мне! Хови! Хови! Ради бога, помоги!

Одной рукой она вцепилась во внутреннюю дверь, линии которой стремились в воронку, другой – удерживала когото, кто уже почти исчез в водовороте. В три прыжка Хови приблизился к ней. На него обрушился град мусора, он схватил Теслу за руку и тут же увидел, что в ярде от нее, чуть ближе к бездне, стоит ДжоБет.

Он крикнул. Она обернулась, полуслепая от кружащихся в воздухе осколков. Когда их взгляды встретились, Хови заметил, что к ней направляется ТоммиРэй. В механизме тела Хови еще оставались силы. Он рывком вытянул из зоны хаоса Теслу и мужчину, которого та держала. Но этого мгновения хватило, чтобы ТоммиРэй бросился к ДжоБет и сбил ее с ног.

Хови увидел ужас в ее глазах, когда она потеряла равновесие. Увидел, как руки ТоммиРэя обнимают ее. Потом их протащило по комнате мимо отца, и они исчезли из виду, провалившись в тайну.

Хови закричал.

Он не слышал, как зовет его Тесла. Его взгляд был устремлен туда, где только что исчезла ДжоБет. Он сделал шаг вперед. Сила захватила его. Он сделал еще шаг, едва сознавая, что Тесла призывает его остановиться и вернуться, пока не поздно.

Третий шаг, и водоворот подхватил его. Комната завращалась. На мгновение он увидел врага своего отца, застывшего с открытым ртом.

А потом отправился вслед за своей прекрасной ДжоБет в Субстанцию.

– Грилло? – Да?

– Можешь встать?

– Кажется, да.

Он пробовал дважды, но безуспешно, а у Теслы не осталось сил дотащить его до ворот.

– Подожди немного, – попросил он. Он снова посмотрел на дом, откуда они чудом вырвались.

– Там не на что смотреть, Грилло.

Но это было не совсем так. Фасад выглядел как в «Кабинете доктора Калигари»*, двери и окна всосало внутрь. А что там внутри, кто знает?

Пока они ковыляли к машине, из хаоса возникла шатающаяся фигура и застыла в лунном свете. Это был Яфф. То, что он выстоял на берегу Субстанции, сопротивляясь ее волнам, подтвердило его могущество, но высосало все силы. Руки Яффа были обглоданы, с костей левого запястья свисали клочья плоти. Лицо тоже было изуродовано, но не зубами, а тем, что он увидел. Ослепший и разбитый, он побрел к воротам. За ним пятнами тьмы ползли последние тераты.

Тесле ужасно хотелось расспросить Грилло о том, как выглядит Субстанция, но момент был

неподходящий. Сейчас ей хватило того, что он живой. Живая плоть в мире, где она ежесекундно страдает, где жизнь заканчивается с каждым выдохом и начинается вновь с каждым вдохом.

И эта жизнь сейчас находилась в огромной опасности. Тесла была уверена, что на том берегу Субстанции иадуроборосы лелеют свою ненависть и готовятся к переправе через море мечты.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ ДУШИ НА ЗЕРО

I

Президенты, мессии, шаманы, священники, святые и сумасшедшие на протяжении тысячи лет при помощи денег, убийств, наркотиков, самоистязания пытались получить доступ к Субстанции. Почти никому из них это не удалось. Мир грез оставался более или менее защищен, его существование считалось всего лишь красивой, хотя и весьма притягательной сказкой. Обитатели Косма видели это море во сне всего три раза в жизни, и каждый раз, покидая его берега, они хотели вернуться туда снова. Эта жажда двигала ими. Заставляла их чувствовать боль, приводила в ярость. Заставляла творить добро в надежде, подчас неосознанной, что им будет позволено являться туда чаще. Заставляла творить зло изза идиотского предположения, будто существует заговор врагов, владеющих тайной, но не желающих ее раскрывать. Заставляла создавать богов. Заставляла уничтожать богов.

Те немногие, что предприняли путешествие, в которое теперь отправились Хови, ДжоБет, ТоммиРэй и двадцать два гостя с вечеринки из дома Бадди Вэнса, не были случайными людьми. Они были избраны для нужд Субстанции и пустились в путь подготовленными.

Хови же был подготовлен не больше, чем любой обломок мебели, затянутый в пасть развернувшейся бездны. Сначала его протащило сквозь кольца энергии, затем он оказался в центре подобия грозового облака, где его окружили частые вспышки молний. Как только он провалился в бездну, исчезли все звуки и все вещи, что летели вслед за ним. Он не мог ни развернуться, ни сориентироваться, ему оставалось только беспомощно падать сквозь облако. Молнии вспыхивали реже, но ярче, а участки темноты между вспышками стали непроглядными. Наконец Хови показалось, что его глаза закрыты, а падение в темноту – лишь плод воображения. Что ж, если это действительно так, то он рад объятиям тьмы. Теперь и его сознание было вовлечено в свободное падение. Оно тут же выхватило из темноты образы, казавшиеся вполне реальными, хотя Хови был почти уверен, что видит их мысленным взором.

Он представил себе лицо ДжоБет. Она оглядывалась на него через плечо. Хови говорил ей слова любви и надеялся, что она слышала эти простые слова. Но даже если она и слышала, они нисколько не приблизили ее к нему. Хови не удивился. Рядом с ними был ТоммиРэй, а братьяблизнецы еще в утробе имеют притязания на своих сестер. Они плыли вместе по первичному морю. Хови не завидовал ТоммиРэю – ни его красоте, ни его улыбке, ничему, кроме того интимного времени, что он провел с ДжоБет еще до того, как они обрели пол, до первого ощущения голода, даже до первого вздоха. Хови мог лишь надеяться занять место ТоммиРэя в конце жизни, когда возраст возьмет свое, когда опять станет не важен пол, пропадет аппетит и, в итоге, улетит последний вздох.

Потом и ее лицо, и его зависть исчезли. Сознание заполнили новые мысли, вернее, новые образы. Теперь это были не люди, а пейзажи, появляющиеся и тут же исчезающие. Его разум словно пролистывал стопку картинок в поисках однойединственной. Наконец искомое нашлось. Это был поздний синий вечер, вдруг окутавший Хови и обретший реальность. В тот же миг пропало ощущение падения. Хови очутился в стабильном мире, в лицо ему дул свежий прохладный ветер, и он побежал по гулким доскам. За спиной он услышал, что его зовут Ричи и Лем. Он обернулся на бегу и понял, где он находится. На горизонте вырисовывались очертания Чикаго, его огни ярко сияли в ночи. Это означало, что ветер, касавшийся лица, дул с озера Мичиган. Хови бежал попирсу, хотя и не знал, по какому именно, а озеро плескалось у свай. Это было единственное знакомое ему водное пространство. Оно влияло на городской климат и влажность. Изза него запах воздуха в Чикаго был особенный, не такой, как в других местах. Оно порождало грозы и швыряло их на побережье. Вообще озеро было таким постоянным,

таким неотъемлемым, что Хови редко задумывался о нем. А когда и думал, то лишь как о месте, где богатые держат свои яхты, а обанкротившиеся – топятя.

Но теперь, когда голос Лема за спиной звучал все тише, мысль об озере, ждущем его в конце пирса, занимала Хови как никогда прежде. Он был маленьким, а озеро огромным. Он был полон противоречий, а оно принимало все, не делая различий между моряками и самоубийцами.

Он побежал быстрее, уже почти не чувствуя, как подошвы ног касаются досок пирса. Несмотря на реальность происходящего, в нем крепло ощущение, что это тоже плод его воображения. Озеро соткано из обрывков воспоминаний и должно облегчить переход через то, что могло бы свести Хови с ума. Это должно помочь преодолеть барьер между сонным бодрствованием жизни и чемто, что ждало его впереди. Чем ближе к концу пирса, тем больше ему казалось, что именно в этом все дело. Поступь его, и так легкая, становилась все легче, а шаги все длиннее. Время размягчилось и удлинилось. У него появилась возможность убедиться, существует ли Субстанция на самом деле, как ПаломоГроув, или воображаемый пирс кончается чистой мыслью.

Если так, то здесь пересекалось множество сознаний. Впереди в воде двигались десятки тысяч огней, одни из них вспарывали поверхность словно фейерверки, другие погружались в глубину. Хови вдруг обнаружил, что он и сам светится. Его кожа слегка светилась, это было как отдаленное эхо отдаленного эха сияния Флетчера.

Он был уже в нескольких футах от перил в конце пирса. За ними – вода, и он уже знал, что это не озеро. Это Субстанция, и через мгновение она сомкнется над его головой. Ему не было страшно. Даже наоборот. Он жалел, что не может побыстрее добраться до перил и перепрыгнуть через них, а вынужден тратить время на то, чтобы идти. Если ему и требовались какие-то доказательства нереальности окружающего пейзажа, то он получил их немедленно: при его прикосновении перила разлетелись на множество осколков. Хови тоже летел. Это был полетпадение в море мечты.

Вещество, в которое он погрузился, не походило на воду – не мокрое и не холодное. Но, тем не менее, Хови плыл в нем, его тело скользило мимо сверкающих пузырей к поверхности без малейшего усилия. Он не боялся утонуть. Его переполняло чувство глубочайшей благодарности за то, что он был здесь, на своем месте.

Он обернулся через плечо (так много взглядов назад) на пирс. Он сделал свое дело, превратив в игру то, что вызывало ужас. Теперь он распадался на осколки, вслед за разлетевшимися перилами.

Он радостно смотрел, как пирс тает в воздухе. Он освободился от Косма и плавал в Субстанции.

ДжоБет и ТоммиРэй оказались в провале вместе, но их сознания поразному воспринимали падение.

Ужас, охвативший ДжоБет, когда ее увлекло в провал, исчез в грозовом облаке. Она забыла о хаосе и успокоилась. Ее руку сжимал уже не ТоммиРэй – с ней была мама в те годы, когда она еще не боялась сталкиваться с миром лицом к лицу. Они гуляли по траве в успокаивающих сумерках. Мама пела. Если это и был церковный гимн, то она забыла слова. Она просто напевала мелодию в такт ритму шагов. ДжоБет рассказывала о том, что она узнала в школе, чтобы мама видела, какая она прилежная ученица. Все уроки в школе были о воде. О том, что у всего есть приливы, даже у слез; о том, что жизнь зародилась в море; о том, почему в теле человека воды больше, чем какого-либо иного вещества. Еще долго эти факты звучали контрапунктом маминой мелодии. Но вскоре ДжоБет почувствовала в воздухе изменения. Ветер стал более порывистым, в нем почувствовался запах моря. Она подставила ему лицо, забыв об уроках. Мамино пение стихло. Если они еще держались за руки, ДжоБет этого не ощущала. Она шла вперед, не оглядываясь. Трава кончилась, голая земля спускалась к морю, где покачивались на волнах бесчисленные яхты. На их носках и мачтах горели свечи.

Земля ушла изпод ног неожиданно. Но она не испугалась, даже когда упала. ДжоБет знала, что мама осталась позади.

ТоммиРэй обнаружил себя в Топанге – то ли на рассвете, то ли на закате, он не понял. Хотя солнце уже исчезло с горизонта, он был там не один. В темноте он слышал женский смех и хриплый шепот. Песок под его босыми ногами в том месте, где только что лежали девушки,

был теплым и липким от масла для загара. Он не видел линии прибоя, но знал, куда идти. ТоммиРэй побежал к воде, уверенный, что девушки на него смотрят. Они всегда смотрели. Он не отвечал на их взгляды. Только оказываясь в движении, на гребне волны, он позволял себе им улыбнуться. И потом, выходя из воды на пляж, мог осчастливить одну из них.

Но когда волны оказались в его поле зрения, он понял: здесь что-то не так. Не только потому, что пляж казался мрачным, а море темным. У берега покачивались тела, и, что еще хуже, их плоть фосфоресцировала. ТоммиРэй замедлил шаг, но он знал, что не может остановиться или повернуть назад. Он не хотел, чтобы кому-нибудь, особенно девушкам, был виден его страх. А он боялся, очень боялся. Похоже, в море вылилось какое-то радиоактивное дерьмо и серферы отравились и умерли. Их тела прибили к берегу те самые волны, которые они отправлялись покорять. Теперь он разглядел трупы вполне отчетливо: кожа местами была серебристой, местами черной, а колышущиеся волосы напоминали нимбы. С ними были и девушки, тоже мертвые в отравленной пене прибоя.

Он знал, что у него нет выбора. Он должен присоединиться к ним. Струсить и вернуться назад на пляж – это хуже смерти. Все они станут легендой. И он, и эти мертвые серферы, когда их смоем отлив. Он решительно шагнул в воду. Там оказалось довольно глубоко, дно будто провалилось у него под ногами. Яд уже жег его организм изнутри. Он увидел, что его тело начинает светиться. Он начал задыхаться, каждый вдох причинял все большую боль.

Кто-то дотронулся до него. Он обернулся, ожидая увидеть очередного мертвого серфера, но это оказалась ДжоБет. Она произнесла его имя. Он не находил слов, чтобы ответить. Больше всего на свете ему хотелось скрыть свой страх, но ничего не получалось. Зубы его стучали, и он пустил в море струйку мочи.

– Помоги мне, – сказал он. – ДжоБет, ты единственная, кто может мне помочь. Я умираю.

Она взглянула на его подергивающееся лицо.

– Если ты умираешь, то и я тоже, – сказала она.

– Как я сюда попал? И почему ты здесь? Ты ведь не любишь пляж.

– Это не пляж, – сказала она и взяла его за руки. От ее движения они поплаватками закачались на волнах. – Это Субстанция, ТоммиРэй. Помнишь? Теперь мы по ту сторону. Ты столкнул нас сюда.

Она увидела, что он вспомнил.

– Господи... О господи...

– Вспомнил?

– Да, господи, да! – Он притянул ее к себе, обхватил руками за плечи и зарыдал. Она не отстранилась. Глупо быть мстительной, когда они оба в такой опасности.

– Тихо, – сказала она, когда он уткнулся своим горячим, липким, разбитым лицом в ее плечо. – Тихо. Тут уж ничего не поделаешь.

Ничего и не надо было делать. Субстанция завладела им, и ему суждено плыть и плыть, возможно, в конце концов он встретится с ДжоБет и с ТоммиРэем. А пока ему нравилось чувствовать себя заблудившимся в бесконечности. Здесь все его страхи, да и вся его жизнь, казались незначительными. Он перевернулся на спину и взглянул вверх. Но ночного неба, против ожидания, он не увидел. Не было никаких звезд, ни неподвижных, ни падающих. Не было облаков, скрывающих луну. Сначала ему показалось, что там вообще ничего нет, но через несколько секунд, минут или часов – он не знал точно, сколько прошло времени, да и знать не хотел – он заметил протянувшиеся на сотни миль цветные волны. По сравнению с этим зрелищем северное сияние было детской игрушкой. Время от времени Хови казалось, что он видит какие-то опускающиеся и поднимающиеся формы, похожие на стаи мант в полмили длиной каждая. Он надеялся, что они спустятся ниже и он сможет рассмотреть их получше, но, похоже, они просто не могли стать более четкими. Не все доступно глазу. Некоторые картины не поддавались фиксации и анализу, подобно его чувствам к ДжоБет. Невозможно было сосредоточиться ни на одном из их фрагментов, ни на цветах над его головой, ни на мелькающих в вышине формах. Он воспринимал их скорее шестым чувством, чем сетчаткой. И чувством этим было сопереживание.

Смирившись с этим, он осторожно перевернулся в эфире и попытался грести. Ему это вполне удалось, хотя трудно судить об эффективности усилий за неимением каких-либо ориентиров. Вокруг светились огни, но они были слишком малы и расплывчаты. Хови решил, что это такие

же случайные путники. А может быть, его окружали спящие души? Может быть, дети, любовники, умирающие плыли во сне по волнам Субстанции, чтобы обрести утешение и надежду справиться с невзгодами жизни, когда они проснутся? Он опустил лицо вниз. Под ним было множество светящихся форм, как звезд на небе. Они плыли в разных направлениях. Одни, как манты, собирались наверху в стаи и перемещались вверхвниз. Другие двигались парами бок о бок. Любовники, заключил он, хотя далеко не всегда спящих рядом людей связывала любовь. Возможно, очень немногих. Эти размышления напомнили ему о тех мгновениях, когда он плыл здесь вместе с ДжоБет. Он стал думать о том, где она сейчас. Ему следует быть осторожнее, чтобы блаженный покой не притупил его чувств, не заставил забыть о ней. Он поднял лицо от поверхности.

Сделай он это секундой позже, ему не удалось бы избежать столкновения. В нескольких ярдах перед ним плыл нелепо раскрашенный кусок дома Вэнса, шокирующий своим появлением здесь. А за ним дрейфовал какойто безобразный обломок – слишком отвратительный, чтобы принадлежать здешнему миру, и не похожий ни на какую вещь из Косма. Он поднимался над поверхностью на четыре фута или чуть больше и уходил под воду на ту же глубину. Нечто вроде воскового острова с переплетенными отростками, напоминающего бледные экскременты в этом чистом море. Хови дотянулся до обломка дома и резко забросил на него свое тело. Это движение приблизило его к загадочному острову.

Остров оказался живой. Не населенный живыми существами, а созданный из живой материи. Хови слышал биение двух сердец, а поверхность его блестела, словно кожа. Он понял, что это такое, только когда почти коснулся острова. Он рассмотрел две худощавые фигуры гостей с приема, вцепившиеся друг в друга с выражением ярости на лицах. Хови не имел чести быть представленным Сэму Сагански, не слышал он и ловко стучащих по клавишам пальцев Дуга Франкла. Он видел только двух сцепившихся врагов в сердце острова, который, казалось, вырастал прямо из них. Из их спин вздымались огромные горбы, конечности вытягивались и смешивались с плотью врага. Эта структура продолжала расти, образуя все новые узелки и отростки, ветвившиеся вдоль рук и ног, и каждое новое образование все меньше напоминало человеческую плоть. Это зрелище скорее восхищало, чем пугало. Похоже, оба борца не чувствовали боли. Глядя на то, как разрастается структура, Хови смутно осознавал, что присутствует при рождении новой тверди. В конце концов они умрут, тела подвергнутся разложению, но оплетающий их остров не такой уж хрупкий. Его края больше напоминали кораллы, чем плоть. Противники умрут и превратятся в окаменелости, похороненные в сердце созданного ими острова, а сам остров продолжит плавание.

Хови оттолкнул от острова свой плот из обломков дома и поплыл прочь. Дальше море было усеяно обломками: мебель, куски штукатурки, светильники. Он проплыл мимо головы карусельной лошадки: она косила назад нарисованным глазом, словно напуганная происходящим. Но нарождающихся островов среди плавучего мусора больше не было. Похоже, Субстанция не творит из неодушевленных вещей. Или со временем она отзовется и на отголоски сознания создателей этих вещей? Может ли Субстанция из головы деревянной лошадки вырастить остров, который будет носить имя того, кто сделал лошадку? Все может быть.

Вот это самые правильные слова.

«Все может быть».

ДжоБет знала, что они здесь не одни. Небольшое утешение, но хоть какое-то. Время от времени она слышала чьи-то вскрики, порой испуганные, порой восторженные, будто на поверхности Субстанции собралась паства, трепещущая и благоговеющая. ДжоБет не отвечала на эти призывы. Мимо проплывали причудливые формы, и, глядя на них, ДжоБет заключила, что люди здесь теряют свой человеческий облик. К тому же ей хватало проблем с ТоммиРэем и не хотелось навлекать на себя новые неприятности. Брат требовал от нее постоянного внимания. Он все время что-то говорил, ему надо было многое рассказать между всхлипываниями и мольбами о прощении. Коечто она уже знала. Как он обрадовался, когда вернулся отец, и как почувствовал себя преданным, когда она отвергла их обоих. Было и такое, чего она не знала, и это ранило ей сердце. Сначала он рассказал о путешествии в миссию. Его повествование то было отрывистым, то лилось непрерывным потоком ужасов, которые он видел и творил сам. Ей не хотелось верить самому страшному – про убийства, про видение его

разложения, но ТоммиРэй описал все очень подробно. Она не поверила бы и наполовину, если бы не ясность изложения. ДжоБет не помнила, чтобы он хоть раз в жизни так четко формулировал свои мысли, как в этом жутком повествовании.

– Помнишь Энди? – спросил он. – У него была татуировка... череп на груди... прямо над сердцем?

– Помню, – ответила она.

– Он всегда говорил, что однажды уедет в Топангу, выберет последнюю волну... и больше не вернется. Он говорил, что любит смерть. Но это не так, ДжоБет.

– Не так?

– Он оказался трусом. Он любил болтать, но оказался трусом. Но я не такой, правда? Я не маменькин сынок...

Тут он снова зарыдал, еще сильнее, чем раньше. Она пыталась успокоить его, но на этот раз ничего не получалось.

– Мама... – услышала она его всхлипы. – Мама...

– Что с мамой? – спросила она.

– Я не виноват...

– В чем не виноват?

– Я просто искал тебя. Я не виноват...

– В *чем* не виноват, я спрашиваю? – требовала ответа ДжоБет, отстранив его от себя. – ТоммиРэй, отвечай, Ты сделал ей больно?

Он похож на зарезанного ребенка, подумала она. Он перестал притворяться взрослым. Превратился в обозленного мальчишку. Жалок и опасен – неизменное сочетание.

– Ты причинил ей боль.

– Я не хочу быть ЧеловекомСмертью... – запротестовал он. – Я не хочу никого убивать...

– Убивать? – переспросила она.

Он взглянул ей прямо в глаза, словно это могло убедить ее в его невинности.

– Это не я. Это мертвецы. Я искал тебя, а они последовали за мной. Я не смог от них оторваться, ДжоБет, но я пытался. Правда, пытался.

– Господи! – Она резко оттолкнула его от себя. Оттолкнула она его не так уж и сильно, но это действие вызвало волнение вещества Субстанции, несоизмеримое с ее движением. Она смутно понимала, что причиной этого волнения было отвращение, что она испытывала. Состояние Субстанции соотносится с состоянием ее сознания.

– Этого не случилось бы, если бы ты осталась со мной, – продолжал ТоммиРэй. – Ты должна была остаться, ДжоБет.

Она оттолкнула его ногой. От ее эмоций Субстанция вскипела.

– Ублюдок! – крикнула она – Это *ты* убил ее! Это *ты* убил ее!

– Ты моя сестра, – сказал он. – Только ты можешь меня спасти.

Он потянулся к ней. На его лице читалась мука, но ДжоБет видела перед собой убийцу своей матери. Пускай ТоммиРэй доказывает свою невинность до конца света (если конец света еще не наступил) – она никогда не простит его. Он не видел или предпочел не заметить ее отвращение. Он схватил сестру обеими руками сначала за лицо, потом за грудь.

– Не бросай меня! – закричал он. – Я не позволю тебе меня бросить!

Сколько раз она прощала его лишь потому, что они вышли из одной яйцеклетки? Видела его развращенность и все равно протягивала руку помощи. Даже упрашивала Хови, чтобы он изменил свое отношение к ТоммиРэю ради нее. Хватит. Да, этот человек – ее братблизнец, но он матереубийца. Мама выдержала Яффа, пастора Джона, жизнь в ПаломоГроуве – и все ради того, чтобы быть убитой в собственном доме собственным сыном. Это преступление простить невозможно.

Он снова потянулся к сестре, но теперь она была готова. ДжоБет изо всех сил ударила его по лицу, потом еще раз. От неожиданности он на секунду выпустил ее, и она поплыла прочь, вспенивая ногами бурлящую воду перед ним. Он закрылся от брызг руками, и девушка покинула пределы его досягаемости. Она почувствовала, что ее тело потеряло прежнюю гладкость, но не стала задумываться над этим; все, чего ей хотелось, – оказаться как можно дальше от брата, и чтобы он *никогда*, никогда больше не мог коснуться ее. Она быстро плыла вперед, не обращая внимания на его рыдания. Она не оборачивалась, пока его голос не стих вдали. Только тогда она замедлила движение и оглянулась. ТоммиРэй исчез из виду. ДжоБет

переполняло горе, оно душило ее. Но, прежде чем девушкой полностью завладело сознание маминой смерти, это чувство вдруг вытеснил внезапный ужас. Стало тяжелее двигать руками и ногами. Слезы ослепили ДжоБет, и она поднесла руки к лицу, чтобы получше рассмотреть их. Сквозь пелену, застилавшую глаза, она увидела, что ее пальцы покрылись коркой, словно их опустили в овсянку с маслом. Тыльную сторону ладони покрывала такая же мерзость.

Она заплакала, прекрасно понимая, что это значит. За нее взялась Субстанция. Она сделала ее гнев *твердым*. Море превратило ее плоть в плодородную грязь. Из него выходили существа столь же омерзительные, как и ее гнев.

Ее рыдания превратились в крик. Она почти забыла, что можно так кричать; она столько лет была послушной домашней дочкой, улыбавшейся соседям даже утром в понедельник. Теперь мама умерла, а Гроув, возможно, разрушен. А понедельник? Что такое понедельник? Это просто произвольно выбранное название одного дня из множества дней, составляющих историю мира. Теперь все – дни, ночи, названия, города и умершие матери – потеряло смысл. Единственное, что для нее попрежнему важно, – это Хови. Он – единственное, что у нее осталось.

Она попыталась представить себе Хови, в отчаянии ища, за что зацепиться в этом безумии. Сначала его образ ускользал. ДжоБет видела перед собой лишь перекошенное лицо ТоммиРэя, но она упорно старалась представить себе Хови – его очки, бледное лицо, странную походку. Его глаза, полные любви. Его лицо, наливающееся кровью, когда он волновался, что бывало довольно часто. Его кровь и любовь слились в одной отчаянной мысли.

– Спаси меня, – прорыдала она, вопреки всему надеясь, что странные воды Субстанции донесут до него ее отчаяние. – Спаси меня, или я умру.

II

– Абернети?

До рассвета в ПаломоГроуве оставался час, когда Грилло закончил свой отчет.

– Удивительно, что ты еще жив, – прорычал Абернети.

– Тебя это расстраивает?

– Ты задница, Грилло. После того звонка в шесть утра от тебя несколько дней нет никаких вестей.

– У меня есть сюжет.

– Слушаю.

– Я расскажу тебе, как все было, но не думаю, что ты это напечатаешь.

– Уж позволь мне об этом судить. Выкладывай!

– Начинаю. Прошлым вечером в тихом провинциальном городке ПаломоГроуве, округ Вентура, раскинувшемся на тихих склонах долины Сими, наша реальность, которую посвященные называют Космом, была прорвана силой, доказавшей нашему корреспонденту: вся жизнь – это кино...

– Что за херню ты несешь?

– Заткнитесь, Абернети. Рассказываю один раз. На чем я остановился? Ах да... кино. Эту силу применил некий Рэндольф Яфф. Она разорвала границы того, что большинство особей нашего вида считают единственной и абсолютной существующей реальностью, и открыла дверь в другое состояние бытия – море под названием Субстанция...

– Это что, прошение об увольнении?

– Ты хотел историю, которую никто бы не осмелился напечатать, так? – сказал Грилло. – Настоящую грязь? Вот она. Это великое откровение.

– Это просто смешно.

– Может, все новости, потрясшие мир, так и должны звучать? Ты об этом не задумывался? Что бы ты сделал, если бы я написал репортаж о воскрешении? Распятый на кресте сбежал из могилы. Ты бы это напечатал?

– Это же другое, – сказал Абернети. – Это случилось.

– И это тоже. Клянусь богом. Если нужны доказательства, то скоро ты их получишь.

– Доказательства? Откуда?

– Просто слушай. – Грилло опять вернулся к своей статье. – Откровение, доказывающее хрупкость нашего бытия, было явлено в разгар одной из самых блестящих вечеринок в истории современного кино и телевидения. Около двух сотен гостей – голливудские звезды и магнаты –

собрались в особняке Бадди Вэнса, что умер на этой неделе в ПаломоГроуве. Его смерть, одновременно трагическая и загадочная, положила начало череде событий, достигших кульминации прошлой ночью и завершившихся исчезновением из нашего мира ряда гостей. Деталей мы пока не знаем, равно как и точного числа жертв. Тем не менее нам известно, что среди пропавших – вдова Вэнса Рошель. Мы не располагаем данными, что именно произошло с исчезнувшими людьми. Возможно, они мертвы или оказались в иной реальности. Проверить это вряд ли согласится даже самый отчаянный искатель приключений. Мы лишь сообщаем, что они просто исчезли с лица земли.

Он ожидал, что Абернети его перебьет, но на том конце провода царило молчание. Такое глубокое, что Грилло не выдержал и спросил:

– Абернети, ты еще там?

– Ты рехнулся, Грилло.

– Тогда повесь трубку. Не можешь, да? Вот парадокс: я тебя терпеть не могу, но ты единственный, у кого хватит духу опубликовать такое. Мир должен об этом узнать.

– Нет, ты точно рехнулся.

– Посмотри дневные новости. Увидишь, сколько знаменитостей пропало сегодня утром. Режиссеры, звезды, агенты.

– Где ты находишься?

– А что?

– Мне нужно сделать несколько звонков, потом перезвоню тебе.

– Зачем?

– Узнаю последние слухи. Дай мне пять минут. Я не говорю, что верю тебе. Нет. Но мне чертовски интересно.

– Абернети, это правда. И я хочу предупредить людей. Они должны знать об этом.

– Я же сказал, дай мне пять минут. Ты по тому же номеру?

– Да. Но ты можешь не дозвониться. Тут все разбежались.

– Я дозвонюсь, – сказал Абернети и повесил трубку. Грилло взглянул на Теслу, сидевшую в другом углу номера.

– Я это сделал.

– Не уверена, что это правильно – рассказать все людям.

– Не начинай сначала, – сказал Грилло. – Я рожден, чтобы поведать миру эту историю.

– Она так долго была тайной.

– Да, изза таких, как твой друг Киссун.

– Он не мой друг.

– Разве?

– Ради бога, Грилло, я же рассказала тебе, что он сделал...

– Тогда почему, когда ты говоришь о нем, в твоем голосе слышится ревность?

Она посмотрела на него так, словно он дал ей пощечину.

– Скажи, что я не прав. Она покачала головой.

– Почему тебя к нему тянет?

– Не знаю. Ты видел, что делает Яфф, и даже не пытался его остановить. Почему?

– У меня не было шансов ему помешать, ты это знаешь.

– Ты не пытался.

– Не надо менять тему. Я же прав, тебя тянет к нему? Она подошла к окну. КониАй закрывали деревья. Отсюда не было видно, что дом Вэнса разрушен.

– Как ты думаешь, они живы? – спросила она. – Хови и остальные?

– Не знаю.

– Ты видел Субстанцию?

– Только мельком.

– И?..

– Это было как телефонный разговор, который слишком быстро прервали. Я видел только облако. Саму Субстанцию – нет.

– И никаких иадов?

– Никаких. Может, их и не существует.

– Хотелось бы.

– Ты уверена в своих источниках?

– Как в себе самой.

– Нет, мне это нравится, – с горечью заметил Грилло. – Я копаю целыми днями, и все, что получаю, – возможность бросить один беглый взгляд. А ты просто подключаешься напрямую.

– Так вот ты о чем? – сказала Тесла. – Все дело в тебе и твоей «истории»?

– Да. Может, и так. Я расскажу свою историю. Заставлю людей понять, что происходит в Счастливой Долине. Но ты, помоему, этого не очень-то хочешь. Ты предпочитаешь, чтобы об этом знали только избранные. Ты, Киссун, гребаный Яфф...

– Ну, тебе хочется рассказать всем о конце света? Вперед, мистер Орсон*. Америка ждет повода для паники! К тому же мне своих проблем хватает.

– Самодовольная сука.

– Я – самодовольная! Я – самодовольная! Послушайте лихого мистера Грилло: «Расскажи правду или умри при попытке!» А тебе не приходило в голову, что через двенадцать часов сюда нагрянут толпы туристов? И шоссе будет забито в обоих направлениях? Очень удобно для того, что вылезет из этой щели. Кушать подано!

– Черт!

– Об этом ты не думал, да? И пока мы тут беседуем, ты... Телефон прервал ее обвинения на полуслове. Грилло взял трубку.

– Натан?

– Да, Абернети.

Грилло взглянул на Теслу. Она повернулась спиной к окну и смотрела на него.

– Я отведу под это больше двух столбцов.

– Что тебя убедило?

– Ты прав. Многие действительно не вернулись домой с приема.

– Это уже попало в утренние новости?

– Нет. Так что ты на самом острие событий. Конечно, твое объяснение полнейшее дерьмо. Самая бредовая сказка, что я слышал в жизни. Но для первой полосы – то, что нужно.

– Скоро получишь остальное.

– Через час.

– Через час.

Грилло положил трубку.

– Ну вот, – сказал он, глядя на Теслу. – Думаю, общение с Абернети подождет до полудня. Что мы успеем за это время?

– Не знаю. Поищем Яффа?

– И что он способен сделать?

– Не столько сделать, сколько вернуть обратно. Грилло встал, прошел в ванную, открыл кран и плеснул в лицо холодной водой.

– Думаешь, он сумеет закрыть дыру? – спросил он, вернувшись. Вода стекала с его лица.

– Говорю же, не знаю. Возможно. Другого ответа у меня нет, Грилло.

– А что будет с теми, кто туда упал? С близнецами Макгуайрами, с Катцем, с остальными?

– Они, наверное, уже мертвы. Мы не в силах им помочь.

– Легко говорить.

– Пару часов назад мне казалось, что ты готов броситься в эту щель. Так не хочешь ли сейчас отправиться вслед за ними? А я припасу веревку, чтобы ты нашел дорогу назад.

– Ну ладно, – сказал Грилло. – Я не забыл, что ты спасла мне жизнь. И я благодарен тебе за это.

– Господи, все-таки кое-что я сделала напрасно...

– Слушай, извини. Я веду себя неправильно. Я должен был придумать какой-нибудь план. Стать героем. Но... Видишь, я не такой. Я все тот же старик Грилло. Я не могу измениться. Это инстинкт – если я вижу что-то, то и мир должен об этом узнать.

– Он узнает, – быстро сказала Тесла. – Узнает.

– Но ты... Ты изменилась. Она кивнула.

– Ты прав. Когда ты говорил Абернети, что он бы не стал печатать статью о воскрешении, я подумала, что это прямо про меня. Я воскресла. И знаешь, что меня поражает? Я не изменилась. Я крутая. Я в порядке. Я вошла в гребаную Петлю, а это как...

– Что?

– ... я словно для этого и рождена, Грилло. Будто я могла бы... о черт, я не знаю...

– Скажи это. Чтобы там ни было у тебя на уме...

– Ты знаешь, что такое шаман?

– Конечно, – ответил Грилло. – Целитель. Знахарь.

– Больше того, – сказала Тесла. – Шаман – это врачеватель сознания. Он проникает в коллективную душу и объясняет ее. Перетряхивает ее. Мне кажется, все главные герои нашей истории – Киссун, Яфф, Флетчер – шаманы. А Субстанция... это обитель снов Америки. И я видела, как все шаманы обламывались с ней, Грилло. Каждый посвоему. Даже Флетчер не смог с ней совладать.

– Так, может, просто сменить шамана? – сказал Грилло.

– Ага. Почему бы и нет? – ответила Тесла. – Вряд ли у меня получится хуже, чем у них.

– Поэтому ты и хочешь оставить все для себя?

– Безусловно, это одна из причин. Я ведь *могу* это сделать, Грилло. Я всегда была достаточно странной, а шаманы всегда немного не в себе. Кто в женскую одежду одевается, кто оказывается гомосексуалистом. У каждого своя стезя. Животные, растения и камни. Я тоже хочу так. Ты знаешь, я всегда хотела.

– До этого момента не знал.

– Ну, теперь знаешь.

– Тебя, кажется, это не очень радует.

– Я умерла и воскресла. Шаман должен через это пройти. Но мне кажется... испытания еще не закончились.

– Думаешь, тебе снова придется умереть?

– Надеюсь, что нет. Мне одного раза хватило.

– Одного обычно всем хватает, – сказал Грилло. Его замечание заставило ее невольно улыбнуться.

– Что смешного? – спросил он.

– Все. Ты. Я. Нелепее, чем сейчас, не бывает, правда?

– Пожалуй, да.

– Сколько времени?

– Около шести.

– Скоро взойдет солнце. Думаю, мне следует пойти поискать Яффа, пока свет не заставил его где-нибудь спрятаться.

– Если он остался в городе.

– Не думаю, что у него есть силы убраться отсюда, – сказала она, – Круг сужается все сильнее. КониАй вдруг превратился в центр известной нам вселенной.

– И неизвестной.

– Не знаю, такая уж ли она неизвестная. Вдруг Субстанция гораздо больше похожа на наш дом, чем мы думаем.

День уже вступал в свои права, темнота сменилась тревожными сумерками – «нейтральной полосой» между царствами Луны и Солнца. Когда они пересекали автомобильную стоянку отеля, из тени выступил человек в грязной одежде, с мертвеннобледным лицом.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал он. – Вы ведь Грилло?

– Да. А вы кто?

– Моя фамилия Уитт. У меня был офис неподалеку и друзья в этом отеле, они и рассказали мне о вас.

– Что вам нужно? – спросила Тесла.

– Я был в КониАй, – сказал он. – Я хотел с вами поговорить, когда вы оттуда вышли. Но я спрятался и не мог заставить себя двигаться. – Он взглянул на свои брюки. Они были мокрыми спереди. – Что происходит наверху?

– Уезжайте из Гроува как можно скорее, – посоветовала Тесла. – Скоро тут будет еще хуже.

– Из Гроува нельзя уехать, – сказал Уитт. – Гроува больше нет. Люди оставили насиженные места, и я не думаю, что они вернуться. Но я не уеду. Мне некуда ехать. К тому же, – казалось, он вот-вот заплачет, – это мой город. И если уж ему суждено пропасть, я хочу видеть это. Даже если Яфф...

– Стоп! – перебила его Тесла. – Что вы знаете про Яффа?

– Я... знаком с ним. ТоммиРэй Макгуайр его сын, вы это знаете? – Тесла кивнула. – Ну, он и

познакомил меня с Яффом.

– Здесь?

– Естественно.

– А где?

– На УайлдЧерриглэйд.

– Вот оттуда и начнем, – сказала Тесла. – Можете нас туда проводить?

– Конечно.

– Думаешь, он вернулся туда? – спросил Грилло.

– Ты же видел, в каком он состоянии, – ответила Тесла. – Помоему, он должен искать знакомое место, где он чувствовал бы себя в безопасности.

– Что ж, разумно, – отозвался Грилло.

– Тогда это первый проблеск разума за сегодняшнюю ночь, – сказал Уитт.

Рассвет подтвердил слова Уильяма Уитта: город практически опустел, жители бежали. Стая домашних собак, в спешке забытых или сбежавших, охваченных паникой, кружила по улицам. За пару дней они превратились в настоящую шайку. Уитт узнавал их. Там были пудели миссис Даффин, две таксы Блэйза Хеббарда, щенки щенков щенков собак Эдгара Лотта, который умер, когда Уитт был еще ребенком. Перед смертью он завещал все свои деньги на постройку памятника «Лиге девственниц».

Кроме собак они заметили и другие, более тревожные признаки поспешного бегства. Открытые двери гаражей, брошенные на подъездных дорожках и тропинках игрушки, что обронили сонные дети, когда среди ночи их вытащили из постелей и отнесли в машины.

– Они знали, – сказал Уитт, когда они ехали через город. – Они давно знали, но никто ничего не сказал. Поэтому большинство и сбежало ночью. Они думали, что они единственные, кто сошел с ума. Они *все* думали, что они единственные, кто сошел с ума.

– Вы говорили, что работали здесь?

– Да, – ответил Уитт. – Торговал недвижимостью.

– Ваш бизнес завтра может расцвести. Столько домов на продажу.

– А кто их купит? – сказал Уитт. – Город станет проклятой землей.

– Но ведь Гроув в этом не виноват, – сказала Тесла. – Это случайность.

– Вы так думаете?

– Конечно. Флетчер и Яфф оказались здесь только потому, что исчерпали свои силы, а не потому, что Гроув избран.

– Я все равно думаю, что это место станет проклятым, – начал Уитт, но отвлекся, объясняя Грилло дорогу: – Следующий поворот. Дом миссис Ллойд – четвертый или пятый справа.

Снаррки дом выглядел необитаемым. Когда они проникли внутрь, впечатление подтвердилось. Яфф не бывал здесь с тех пор, как он поиздевался над Уиттом.

– Что ж, попытаться все равно стоило, – сказала Тесла – Думаю, мы должны продолжить поиски. Город не такой уж и большой. Будем прочесывать улицу за улицей, пока не наткнемся на его след. Есть идеи получше?

Она взглянула на Грилло, смотревшего кудато вдаль. Он витал мыслями гдето далеко.

– Что случилось? – спросила она.

– А?

– Ктото не закрыл кран, – сказал Уитт, проследив за взглядом Грилло.

Действительно, изпод входной двери дома напротив миссис Ллойд текла вода. Ручеек сбегал по уклону подъездной дорожки, пересекал тротуар и исчезал в водостоке.

– Ну и что тут интересного?

Он продолжал смотреть на воду, исчезающую в решетке водостока.

– Думаю, я знаю, куда он отправился. Он повернулся и посмотрел на Теслу.

– Ты говорила, он отправится в знакомое место. Самое для него знакомое место в Гроуве находится не на земле, а под землей.

Тесла просияла.

– Пещеры. Точно. Похоже, ты угадал.

Они вернулись к машине и под руководством Уитта кратчайшим путем направились через весь город в Дирделл, не обращая внимания на красные светофоры и улицы с односторонним движением.

– Полиция не заставит себя ждать, – заметил Грилло, – они должны искать пропавших звезд.
– Я должна подняться на холм и предупредить их, чтобы они держались подальше.
– Ты же не можешь быть одновременно в двух местах, – сказал Грилло. – Или это еще один из твоих талантов, о котором я не знаю?
– Ха, мать твою, ха.
– Им придется пойти своим нелегким путем. У нас есть дела поважнее.
– Верно, – признала Тесла.
– Если Яфф действительно в пещерах, – сказал Уитт, – как мы к нему спустимся? Не думаю, что он выйдет на зов.
– Вы знаете человека, которого зовут Хочкис? – спросил Грилло.
– Конечно. Отец Кэролин?
– Да.
– Он нам поможет. Готов спорить, он все еще в городе. Он мог бы спустить нас вниз. Сумеет ли он потом вытащить нас оттуда – другой вопрос. Но пару дней назад он был вполне уверен в этом и уговаривал меня отправиться в пещеры вместе с ним.
– Зачем?
– Он одержим тем, что похоронено под городом.
– Я чего-то не улавливаю.
– Честно говоря, я тоже. Пусть он сам объяснит.
Они добрались до леса. Не было слышно ни звука, никакого утреннего птичьего гама. Они вошли под сень деревьев. Тишина подавляла.
– Он был здесь, – сказала Тесла.
Никто не спросил, откуда она это знает. Даже без обостренных нунцием чувств было понятно, что атмосфера в лесу изменилась. Птицы не улетели – они боялись петь.
Уитт так уверенно вел их к поляне, где был вход в пещеру, что Грилло спросил:
– Часто здесь бываете?
– Почти никогда, – ответил Уитт.
– Стойте, – прошептала вдруг Тесла. Впереди за деревьями уже виднелась поляна.
– Смотрите, – сказала она.
В ярде или двух от полицейского ограждения они увидели ворочающееся в траве доказательство того, что Яфф действительно нашел здесь убежище. Одна из терат, слишком слабая и израненная, чтобы одолеть последние ярды, отделяющие ее от спасительной тьмы пещеры, доживала свои последние секунды. Она разлагалась со слабым свечением.
– Она не сможет нам ничего сделать, – сказал Грилло, уже собираясь выйти на поляну.
Тесла удержала его за руку.
– Она может предупредить Яффа, – сказала она. – Мы не знаем, какая у него связь с этими тварями. Нам не обязательно идти дальше. Мы уже выяснили, что он здесь.
– Верно.
– Поехали искать Хочкиса.
Они двинулись обратно по своим следам.
– Вы знаете, где он живет? – спросил Грилло у Уитта, когда они отошли от поляны на приличное расстояние.
– Я знаю, где живет каждый, – ответил Уитт. – Или жил.
Казалось, вид расщелины потряс его. Это возродило подозрения Грилло, что это место было для Уитта объектом некоего паломничества.
– Отвезите Теслу к Хочкису, – сказал Грилло. – Встретимся здесь.
– А ты куда? – поинтересовалась Тесла.
– Хочу убедиться, что Эллен уехала из города.
– Она же разумная женщина, – последовал ответ. – Я уверена, что уехала.
– Все равно я хочу это проверить, – упрямо сказал Грилло.
Он оставил их в машине и пошел в направлении дома Эллен. Тесла тем временем пыталась привлечь внимание Уитта – тот не отрывал взгляда от леса. Когда Грилло завернул за угол, Тесле еще не удалось привести Уитта в чувство. Он смотрел на деревья, словно расщелина взывала к общему прошлому, и он мог сделать только одно – не поддаваться ее призыву.

На помощь ДжоБет в ее одиноком ужасе пришел не Хови. Ей помог прилив. Он подхватил девушку (ее глаза почти все время были закрыты, а когда она открывала, все застилала пелена слез) и вынес к тому месту, что она видела лишь мельком, когда они плыли по Субстанции вместе с Хови – к Эфемериде. В море возникло волнение, но она не обратила на него внимания, впрочем, как и на приближение самого острова. Но другие заметили. Если бы она больше замечала происходящее вокруг, то увидела бы едва заметные, но несомненные изменения в поведении душ, плывущих в эфире Субстанции. Их движение стало уже не столь равномерным. Одни, самые восприимчивые к шепоту эфира, остановились и зависли в темноте, как утонувшие звезды. Другие нырнули в глубину, надеясь там спрятаться от обещанной беды. Прочие – их было меньшинство – вовсе исчезли, проснувшись в своих постелях в Косме и благодаря судьбу за то, что спаслись от опасности. Для большинства, однако, послание оказалось слишком тихим, чтобы они смогли его услышать. А если они его и слышали, то наслаждение от пребывания в Субстанции перевесило страх. Они поднимались и опускались, но большей частью так и не попадали туда, куда волна вынесла ДжоБет: к острову в море снов.

«Эфемериды».

Это название звучало в голове у Хови с тех пор, как он впервые его услышал из уст Флетчера.

«Что там?» – спросил он тогда, рисуя в воображении райский остров. Ответ отца не слишком прояснил ситуацию. «Явление тайны», ответил тот, но его ответ вызвал дюжину новых вопросов. Теперь, когда остров предстал перед Хови, он пожалел, что не был тогда более настойчив. Даже на таком расстоянии стало ясно, что его представления об этом месте далеки от реальности. Так же, как Субстанция не является морем в прямом смысле, Эфемериды требовала расширения понятия «остров». Впервые, это оказался не единый массив, но множество, может быть, сотни соединенных каменными арками островов. Архипелаг напоминал огромный плавающий собор, мосты – опоры, а острова – башни, становившиеся все выше при приближении к центральному острову, откуда в небо поднимались две колонны плотного дыма. Сходство было слишком велико для простого совпадения. Несомненно, творчество всех архитекторов мира есть подсознательное воспоминание об этом образе. Строители соборов и даже – кто знает? – дети, играющие в кубики, сохраняют этот остров грез где-то в укромных уголках сознания, а потом пытаются воспроизвести как можно точнее. Но любые их шедевры остаются лишь подобиями оригинала – ведь приходится идти на компромиссы с силой притяжения и прочими ограничениями земной реальности.

Не могут они приблизиться и к размерам этого великолепия. Эфемериды простиралась на много миль, и каждый ее клочок был отмечен печатью гения. Если это создание природы (хотя кто знает, какова природа царства сознания?), то здесь природа показала, на что она способна. Она заставила твердую материю играть в игры, доступные лишь облакам и свету в том мире, что оставил Хови; она создала прямые и тонкие, как тростник, башни, на вершинах которых балансировали шары размером с дом; она украсила фасады отвесных утесов каннелюрами, напоминающими желобки на раковинах моллюсков; она подернула волнами стены каньонов так, что они стали похожи на оконные занавески; сложила спиралевидные холмы и высекла из валунов груди, собак и даже объедки, сброшенные с какого-то огромного стола, – множество образов. Но Хови не был уверен, что хотя бы один из них задуман осознанно. Фрагмент, напоминавший лицо, при повторном взгляде оказывался частью другого изображения. Восприятие каждой детали ежесекундно менялось. Возможно, это лишь игра воображения, как с тем пирсом, откуда Хови прыгнул в Субстанцию, когда его разум адаптировался к необъяснимому. Но оставалось то, что никак не трансформировалось: из бесчисленных трещин в отвесных стенах центрального острова архипелага, поднимавшегося прямо из моря, исходили вертикальные струи дыма. Плотная пелена дыма окутывала его вершину. Какая бы тайна там ни скрывалась, она притягивала огоньки душ, сбросивших бремя плоти. Они не влетали в облако дыма, а лишь порхали вокруг. Хови гадал, что не пускает их внутрь: страх или более существенная преграда. Когда он окажется ближе, то постарается узнать ответ. Он стал грести, помогая приливу скорее донести его до места, и через десятьпятнадцать минут после того, как впервые увидел Эфемериду, уже выбирался на ее берег. Там было темно, хотя и не так, как в водах Субстанции. Ладони ощутили не песок, а грубую поверхность, похожую на кораллы. Его

вдруг пронзила мысль: может быть, этот архипелаг создан так же, как и плавучий остров из человеческих фигур, который он видел среди обломков дома Вэнса. Если это так, то сколько же времени остров плавал в море снов, чтобы стать таким огромным?

Он двинулся влево по пляжу; когда ему приходилось выбирать одну из двух неизвестных дорог, он всегда выбирал левую. Он шел вдоль кромки воды, надеясь найти ДжоБет.

Ее могло вынести тем же течением, что и его. Когда он вышел из Субстанции и лишился ее ласкающей поддержки, в нем снова проснулись сомнения. Впервые, можно днями и неделями бродить по побережью, но так и не найти ДжоБет. Вовторых, если он все-таки ее найдет, ему придется столкнуться с ТоммиРэем. И ТоммиРэй будет не один – в дом Вэнса он явился в сопровождении призраков. Втретьих (это было последнее, что волновало Хови, но с каждой минутой становилось все более важным) – в Субстанции происходили изменения. Хови больше не заботило, какое название лучше отражало суть здешней реальности – «другое измерение» или «иное состояние сознания». Возможно, это было одно и то же. Он ни на секунду не сомневался в тех обрывочных сведениях, что успел получить о Субстанции и Эфемериде. Здесь всем жителям Земли мельком открывалась неземная красота. Это место неизменно. Это место утешения, где не существует тела (разве что у нарушителей границ, таких как он сам) и душа спящего познает полет и таинство жизни. Но были тут и едва заметные – а порой столь незаметные, что он не мог точно определить, какие именно, – признаки того, что морю мечтаний угрожала опасность. Маленькие голубоватые волны, лижущие берег, плескались уже не так ритмично. Движение огней в Субстанции также изменилось. Система дала сбой, и Хови сомневался, что виной тому вторжение плоти и крови из Косма. Субстанция огромна, и у нее есть свои способы бороться с теми, кто тревожит покой ее вод. Он видел это своими глазами. Нет, в спокойствие моря грез вмешалось что-то другое, гораздо более опасное, чем сам Хови или кто-либо с его стороны.

Он начал искать следы вторжения, которые могли быть вынесены на берег. Дверной косяк, обломки мебели, шторы и, неизбежно, фрагменты коллекции Вэнса. Неподалеку он обрел надежду на то, что прилив мог вынести сюда и ДжоБет. Там была женщина. Она стояла у самой кромки прибоя и смотрела на море. Если она и слышала шаги Хови, то не повернула головы в его сторону. Ее словно загнипотизировали – руки свисали вдоль тела, плечи были опущены, а взгляд неподвижен. Хови не хотел выводить ее из транса – по всей видимости, так она переживала случившееся, но не видел иного выхода.

– Простите, – сказал он, понимая, что в подобных обстоятельствах его вежливость выглядела вульгарной, – вы здесь одна?

Она обернулась. Тут Хови ждал еще один сюрприз: оказывается, он видел эту женщину десятки раз. Она улыбалась с экрана телевизора и превозносила достоинства шампуня. Он не знал ее имени – просто женщина с шампунем «Силкшин». Она прищурилась, словно не могла сфокусироваться на его лице. Он перефразировал свой вопрос.

– Ктонибудь еще выжил? – спросил он. – Из дома Вэнса?

– Да, – ответила она.

– Где они?

– Пройдите дальше.

– Спасибо.

– Этого ведь не понастоящему, правда? – спросила она.

– Боюсь, что понастоящему, – ответил он.

– Это случилось с миром? Неужели сбросили ядерную бомбу?

– Нет.

– Что же тогда?

– Мир остался там, – ответил Хови. – По ту сторону Субстанции. По ту сторону моря.

– Аа, – сказала она, явно не поняв ничего из его слов. – У тебя есть кокаин? Или таблетки?

Чтонибудь?

– К сожалению...

Она снова повернулась к Субстанции, оставив его следовать указанному направлению. Он двинулся дальше по берегу. Волнение моря нарастало с каждым шагом. А может, он просто стал более восприимчивым к нему. Хови начал замечать и иные тревожные знаки помимо изменения ритма волн. Воздух вокруг его головы колебался, словно рядом неслышно беседовали невидимые существа. Цветные волны в небе разбились на отдельные пятна и

напоминали теперь облако в форме рыбьего скелета. Их размеренное течение подернулось той же рябью, как и Субстанция. Над головой продолжали проноситься огни в направлении столба дыма, но их становилось все меньше. Спящие просыпались.

Впереди берег оказался загроможден цепью валунов. Хови пришлось перебираться через них, чтобы продолжить поиски. Тем не менее женщина с «Силкшином» указала верное направление. Невдалеке за валунами, на следующем изгибе берега, он обнаружил еще нескольких спасшихся мужчин и женщин. Похоже, никто из них не мог отойти от моря дальше, чем на несколько ярдов. Один лежал ногами в воде, распростершись, как мертвец. Никто не пытался ему помочь. Некоторых сковало то же оцепенение, что и женщину с «Силкшином», смотревшую на Субстанцию, но неподвижность иных имела другую природу. Во время плавания в Субстанции они изменились. Их тела покрылись коркой и потеряли форму. Они подверглись тому же процессу, что и двое дерущихся, ставших островом Хови мог только догадываться, какими качествами – или отсутствием каких качеств – они отличались от остальных. Почему он и еще полдюжины здесь присутствующих, преодолев одинаковое расстояние в той же среде, что и эти страдальцы, вышли из Субстанции неизменными? Может быть, жертвы испытывали сильные чувства, и Субстанция ими питалась, в то время как Хови плыл по этим водам почти как спящая душа, оставив свою жизнь со всеми амбициями, желаниями и чувствами в прошлом? Он даже, хоть и ненадолго, забыл о желании найти ДжоБет. Теперь это было его единственной потребностью. Он стал высматривать девушку среди спасшихся, но его ждало разочарование. Ее здесь не оказалось. Как и ТоммиРея.

– Есть еще ктонибудь? – спросил он тяжело рухнувшего на берег мужчину.

– Еще?

– Ну... такие, как мы.

У мужчины был такой же непонимающий взгляд, как и у женщины с «Силкшином». Казалось, он с трудом пытается уразуметь услышанные слова.

– Как мы – из дома Вэнса.

Ответа не последовало. Человек тупо смотрел на Хови остекленевшим взглядом. Юноша сдался и огляделся в поисках более полезного источника информации. Он выбрал мужчину, который отвернулся от моря. Тот стоял далеко от воды и смотрел на дымовую башню в центре архипелага. Он не вышел из Субстанции невредимым: следы разрушения были на его лице и шее, спускались ниже по позвоночнику. Он снял рубашку и обернул ею левую руку. Хови направился к нему.

В этот раз он обошелся без «извините»:

– Я ищу девушку. Она блондинка, около восемнадцати лет. Вы ее не видели?

– Что там происходит? – спросил человек. – Я хочу сходить туда и посмотреть.

– Я ищу... – снова начал Хови.

– Я слышал.

– Вы ее видели?

– Нет.

– А не знаете, спасся еще ктонибудь?

В ответ тот же стеклянный взгляд. Хови разозлился.

– Что за хрень с вами происходит?

Мужчина взглянул на него. Лицо его никак нельзя было назвать красивым, оно было испещрено отметинами, но Субстанция ничего не смогла сделать с его кривой усмешкой.

– Не злитесь, – сказал он. – Оно того не стоит.

– Она этого стоит.

– Почему? Ведь мы все мертвы.

– Не обязательно. Если мы сюда вошли, то можем и выйти.

– Как? Опять плыть? К черту. Нет уж, я больше не полезу в этот гребаный суп. Лучше умру.

Гденибудь там, наверху.

Он посмотрел на гору.

– Там чтото есть. Чтото чудесное. Я знаю.

– Может быть.

– Пойдемте вместе?

– Лезть наверх? Не получится.

– Ну, добраться до верха, может, и не получится, но хоть подберусь поближе. Почувствую, чем

это пахнет.

На фоне общей летаргии его желание раскрыть загадку башни оказалось приятной новостью, и Хови хотелось пойти с ним. Но где бы ни была ДжоБет, ее не могло быть на горе.

– Поднимемся немного, – сказал мужчина – Сверху лучше видно. Может, и подружку свою заметите.

Неплохая идея, особенно если учесть, что у них мало времени. С каждой минутой беспокойство в воздухе ощущалось все сильнее.

– Почему бы и нет? – сказал Хови.

– Я тут высматривал путь попроще. Кажется, нам придется немного вернуться назад. Кстати, как вас зовут? Я Гаррет Бирн. С двумя «р». На случай, если вам придется писать мой некролог. А вы?

– Хови Катц.

– Пожал бы вам руку, если бы было чем, – он поднял кисть, обернутую рубашкой. – Не знаю, что случилось, но контракт я уже никогда не подпишу. Наверное, я даже рад этому. Тупая работа.

– Какая?

– Юрист кинокомпании. Знаете анекдот? Что случится, если трех юристов кинокомпании засунуть в дерьмо по шею?

– Что?

– Дерьма не хватит.

Бирн громко рассмеялся над своим анекдотом.

– Хотите посмотреть? – спросил он, разворачивая рубашку. Его кисть трудно было назвать рукой: пальцы слиплись в одно целое и распухли.

– Знаете, – сказал он, – по моему, она хочет превратиться в член. Все эти годы я имел людей с ее помощью – и вот. Правда, похоже на член? Нет, не отвечайте. Давайте подниматься.

ТоммиРэй чувствовал, что море снов работает над ним, но не стал тратить сил на осознание изменений. Он просто не стал противиться ярости, спровоцировавшей эти изменения.

Возможно, именно злость и слезы вернули призраков. Сначала это было лишь воспоминание. Воображение нарисовало ему картину преследования на пустом шоссе в Байе. Не отстававшее от него облако напоминало привязанные к собачьему хвосту пустые консервные банки. Не столько воспоминание, сколько ощущение. В лицо – единственную часть тела, выступавшую из воды – повеял холодный ветер. ТоммиРэй знал, что приближается. Он чувствовал запах могилы и праха. Море вокруг забурлило, он открыл глаза и увидел кружащее над ним облако. Это был уже не тот мощный шторм, уничтоживший церкви и мамин дом. Это был небольшой неуправляемый спиралевидный столб грязи. Но море знало, кому принадлежит облако, и снова взялось за его тело. ТоммиРэй почувствовал, как тяжелеют конечности. Лицо ужасно чесалось. Он хотел сказать, что это не его легион, попросить, чтобы его не наказывали за их чувства. Но отречься не имело смысла. Он был и навсегда остался ЧеловекомСмертью. Субстанция это знала и делала свое дело. Здесь не было места ни лжи, ни притворству. ТоммиРэй видел, как духи спускаются к поверхности моря и центр смерча устремился к нему. Волнение эфира усилилось. ТоммиРэя закрутило юлой, и изза этого вращения он ушел под воду. Он попытался закрыть лицо руками, но они налились свинцом, и море сомкнулось над его головой. Рот был открыт, море хлынуло в горло и заполнило его внутренности. Вместе с этим пришло знание, которое содержалось в Субстанции. Сюда приближалось такое зло, какого он в жизни не видел, и никто не видел. Сначала это знание заполнило грудь ТоммиРэя, потом желудок и кишки и, наконец, голову. На юношу опустилась вечная ночь. Ночь называлась Иад. Она принесла с собой такой холод, какого не было ни на одной, даже самой удаленной и безжизненной планете Солнечной системы. Нигде не было столь глубочайшей и убийственной тьмы.

ТоммиРэй вынырнул на поверхность. Призраки исчезли, но не улетели, они интегрировались в его измененную Субстанцией анатомию. Он вдруг обрадовался этому. Никто не спасется от надвигающейся ночи, кроме ее союзников. Лучше стать смертью среди смертей, и тогда появится надежда пережить надвигающийся кошмар.

Он вдохнул и выдохнул со смехом, поднеся изменившиеся отяжелевшие руки к лицу. Наконецто оно приняло форму его души.

Хови и Бирн карабкались вверх уже несколько минут. Они забрались уже высоко, но дымящаяся башня все так же была перед глазами. Чем ближе становился предмет вождения Бирна, тем больше занимал Хови вид этой вершины. Снова, как и при первом взгляде на Эфемериду, его не отпускала мысль: что за великая тайна скрывается на этой вершине – столь сильная, чтобы привлекать души спящих всего мира. Бирн оказался на редкость крепким, особенно если учесть, что он действовал только одной рукой. Он часто падал, но не проронил ни слова жалобы, хотя каждый раз на его обнаженном торсе появлялись новые царапины и порезы. Он сосредоточился на самой верхней точке скалы, куда они поднимались. Словно приближение к тайне обезболивало его раны. Хови легко угнал бы за ним, но ему приходилось то и дело останавливаться, чтобы осмотреть сверху окрестности. ДжоБет не было видно, и он стал задаваться вопросом: а правильно ли он сделал, отправившись с Вирном. Путь становился все опаснее, подъем – круче, каменные мостики – уже. Под мостами зияли пропасти, на дне которых обычно виднелись камни, а иногда поблескивали беспокойные воды Субстанции.

Духов в воздухе было все меньше и меньше. Когда путники прошли по арочному мостку не шире доски для серфинга, огоньки стали пролетать прямо над их головами, и Хови разглядел, что внутри каждого огня таилась изогнутая линия, похожая на яркую змейку. Он подумал, что душа человека и есть змея, она может летать.

Это зрелище заставило его остановиться.

– Дальше я не пойду, – сказал он. Бирн взглянул на него.

– Почему?

– Лучше видно не будет.

Вид и вправду открывался широкий, и дальнейший подъем вряд ли дал бы увидеть больше. К тому же фигурки людей на берегу казались отсюда такими маленькими, что их едва можно было разглядеть. Еще несколько минут подъема – и он не сможет отличить ДжоБет от кого-либо другого.

– Неужели тебе не хочется посмотреть, что там? – спросил Бирн.

– Хочется, – ответил Хови. – Но в другой раз.

Он знал, что это глупый ответ. Другого раза не будет.

– Тогда я пошел. – Бирн не стал тратить дыхания на прощания, пожелания и прочее. Он просто продолжил восхождение. По его телу струились пот и кровь, он шатался, но Хови знал, что отговаривать его идти дальше – пустая затея. Пустая и глупая. Какой бы жизнью он ни жил, а в ней явно не хватало милосердия, Бирн хватался за последнюю возможность прикоснуться к святости. Наверное, смерть будет неизбежным исходом этой гонки.

Хови вернулся к осмотру берега. Он пытался обнаружить хоть малейшее движение вдоль линии прибой. Слева от него лежал участок пляжа, с которого они с Бирном начали свое путешествие. Кроме уже знакомой зачарованной компании выживших там никого не было. Чуть правее одиноко стояла женщина с «Силкшином». Рядом с ней о берег разбивались такие огромные волны, что они грозили смыть ее в море. Их рев достигал ушей Хови. Дальше была та часть берега, где он сам выбрался из волн.

Сердце Хови екнуло. Ктото, спотыкаясь, шел по берегу на приличном расстоянии от моря. Даже издали были видны светлые волосы. Это могла быть только ДжоБет. После узнавания пришел страх за нее. Каждый шаг явно приносил ей страдания.

Хови начал спускаться тем же путем, что и поднимался. Коегде на камнях краснела кровь Бирна. Наткнувшись на очередное кровавое пятно, он взглянул наверх, но там было темно и пусто. Последние души покинули дымящуюся башню и унесли с собой свет. Бирна нигде не было.

Когда Хови обернулся, тот стоял за его спиной, в двухтрех ярдах ниже по склону. Раны, что он успел заработать, когда они поднимались, были пустяком по сравнению с новой. Она шла от головы до бедра, открывая внутренности.

– Я упал, – сказал он просто.

– Прямо сюда? – Хови поражался тому, что Бирн стоит на ногах.

– Нет. Сюда я спустился по собственному желанию.

– Как это?

– Очень просто. Я теперь фантом.

– Кто?

– Дух. Призрак. Я думал, ты видел, как я упал.

– Нет.

– Это было долгое падение, но все кончилось хорошо. Наверное, никто прежде не умирал на Эфемериде. Это делает меня уникальным. Могу устанавливать свои правила. И я подумал, что должен помочь Хови. – Его прежняя одержимость сменилась спокойной уверенностью. – Тебе нужно спешить. Я вдруг многое понял, и у меня плохие новости.

– Чтото происходит, да?

– Иады, – сказал Бирн. – Они начали переправу через Субстанцию.

Слова, еще несколько минут назад неизвестные, уверенно звучали из его уст.

– Кто такие иады?

– Зло, какое не описать словами, – ответил Бирн. – Так что не буду тратить времени.

– Они направляются в Косм?

– Да. Но, может быть, тебе удастся успеть туда раньше.

– Как?

– Доверься морю. Оно хочет того же, что и ты.

– Чего именно?

– Чтобы ты вырвался отсюда, – сказал Бирн. – Так что иди. И торопись.

– Ладно.

Бирн отошел, чтобы пропустить Хови. Когда тот проходил мимо, Бирн взял ладонь Хови своей целой рукой.

– Ты должен узнать...

– Что?

– Что находится на горе. Это прекрасно.

– Стоит того, чтобы умереть?

– Сотни раз.

Он отпустил руку Хови.

– Я рад за тебя.

– Если Субстанция уцелеет, – сказал Бирн, – если *ты* уцелеешь, найди меня. Буду рад поговорить.

– Обязательно, – сказал Хови и направился вниз по склону быстро, как только мог.

Его спуск был то неуклюжим, то самоубийственным. Едва он оказался на расстоянии, как он решил, звука, как сразу стал звать ДжоБет. Но его призыв остался без ответа. Светловолосая голова не повернулась к нему. Может, шум волн заглушил слова? Наконец он добрался до пляжа и побежал к ней.

– ДжоБет! Это я! ДжоБет!

На этот раз она услышала и взглянула на него. Уже в нескольких ярдов от девушки он увидел, почему она спотыкалась. Пораженный, он замедлил шаг едва осознавая, что делает. Субстанция поработала и над ней. Лицо, в которое он влюбился в закусочной Батрика, сплошь покрывали колючие наросты, спускавшиеся к шее и уродовавшие форму ее рук. Был момент, которого он так никогда и не смог до конца себе простить: он вдруг захотел, чтобы ДжоБет не узнала его и он смог пройти мимо. Но она узнала, и голос, донесшийся изпод страшной маски, был тем самым голосом, говорившим ему «я люблю тебя». Теперь голос сказал:

– Хови... помоги мне.

Он протянул руки, и она упала в его объятия. Ее тело горело и содрогалось в рыданиях.

– Я думала, что никогда больше тебя не увижу, – всхлипывала она, касаясь руками его лица.

– Я бы тебя не бросил.

– Теперь мы сможем умереть вместе.

– А где ТоммиРэй?

– Он ушел, – ответил она.

– Нам нужно сделать то же самое, – сказал Хови. – Мы должны убраться с этого острова как можно скорее. Приближается нечто ужасное.

Она осмелилась взглянуть на него. Ее глаза, такие же голубые и ясные, как раньше, смотрели на него, как две жемчужины из грязи. Их вид заставил его крепче сжать ее в объятиях, словно он хотел доказать ей (и самому себе), что справился с потрясением. Хотя это было не так. От ее красоты у него когда-то перехватило дыхание. Теперь красота ушла. Нужно игнорировать внешнее, чтобы вспомнить о ДжоБет, которую он полюбил. Это было трудно.

Он перевел взгляд на море. Огромные волны внушали ужас.

– Мы должны вернуться в Субстанцию, – сказал он.

– Мы не можем! – ответила она. – Я не могу!

– У нас нет выбора. Это единственный путь назад.

– Она сделала это со мной, – сказала она. – Она изменила меня.

– Если мы не уйдем сейчас, – сказал Хови, – то не уйдем никогда. Мы останемся здесь и умрем.

– Может, так будет лучше, – ответила она.

– Почему? – сказал Хови. – Как смерть может быть лучше жизни?

– Море все равно нас убьет. И разделит.

– Нет, если мы доверимся ему. Отдадимся его воле. Он вспомнил свой путь сюда, когда он плыл на спине и рассматривал цветные огни. Если он думает, что обратный путь будет столь же приятным, это самообман. Субстанция перестала быть безмятежным морем снов. Но есть ли у них выбор?

– Мы можем остаться, – опять сказала ДжоБет. – И умереть здесь вместе. Даже если мы вернемся...

Она разрыдалась снова.

– Даже если мы вернемся, я не смогу так жить, – сказала она.

– Хватит плакать, – велел Хови. – И хватит говорить о смерти. Мы возвращаемся в Гроув. Вместе. И если не ради нас самих, то чтобы предупредить людей.

– О чем?

– Чтото движется через Субстанцию. Это вторжение. Вот почему так разбушевалось море.

Небо над ними тоже пульсировало. В нем, как и в море, не осталось ни одного светящегося духа. Какими бы ценными ни были минуты пребывания на Эфемериде, все спящие отказались от путешествия и проснулись. Он позавидовал легкости их возвращения – просто выпрыгнули из кошмара и очнулись в собственной постели. В поту и, конечно, в ужасе, но дома. Легко и приятно. Не то что незваным гостям из плоти и крови в обители духа. Тут Хови вспомнил об оставшихся на пляже. Он должен их предупредить, даже если никто не станет его слушать.

– Пойдем со мной, – сказал он.

Он взял ДжоБет за руку, и они направились туда, где собрались выжившие. Там мало что изменилось, только исчез мужчина, лежавший ногами в воде, – его смыло в море, и никто не пришел ему на помощь. Они сидели или стояли там же, где и прежде, тупо устремив взгляды в Субстанцию. Хови подошел к ближайшему – молодому человеку ненамного старше его самого, чье лицо казалось абсолютно пустым.

– Вам нужно уходить отсюда, – сказал Хови. – Нам всем нужно.

Тревога в его голосе привлекла внимание парня, но не слишком.

– Да? – выдавил он, не меняя позы.

– Если вы останетесь, вы погибнете, – сказал ему Хови, потом он повысил голос, обращаясь ко всем: – Вы погибнете! Вам нужно войти в Субстанцию и позволить ей отнести вас назад.

– Куда? – спросил молодой человек.

– Что значит «куда»?

– Куда назад?

– В Гроув. Туда, откуда вас унесло сюда. Вы что, не помните?

Никто не ответил.

«Возможно, единственный способ заставить их уйти отсюда – самому показать пример», – подумал Хови.

– Сейчас или никогда, – сказал он ДжоБет.

Она все еще сопротивлялась. Хови крепче сжал ее руку и повел к морю.

– Доверься мне, – призвал он.

Она не ответила, но перестала упираться. Ею завладела страдальческая покорность. Хови решил, что это к лучшему – может, на сей раз Субстанция оставит девушку в покое. В отношении себя он сомневался больше. В нем бурлили самые разные чувства, и Субстанции могла поиграть с каждым из них. Самым сильным был страх за их жизни. Потом – стыд и чувство вины изза его реакции на перемену внешности ДжоБет. Но тревога, вибрировавшая в воздухе, заставила его продолжить путь к воде. Она стала почти физическим ощущением и

напомнила Хови о какомто событии в его жизни, произошедшем, конечно, в другом месте. Это смутное воспоминание он никак не мог уловить. Впрочем, само по себе оно не имело значения – все и так ясно. Иады, кем бы они ни были, принесут нескончаемую и нестерпимую боль и уничтожение – торжество всех возможных видов смерти без надежды на помилование. И они не остановятся, пока Косм не исчезнет вместе с последним человеческим стоном. Гдето Хови уже видел нечто подобное, в какомто отдаленном уголке Чикаго, но его разум милосердно отказывался вспоминать об этом.

Волны были уже в ярде от них, они вздымались арками и с грохотом разбивались о берег.

– Пора, – сказал Хови ДжоБет.

В ответ она лишь крепче сжала его руку, и они вместе вошли в Субстанцию.

IV

Дверь открыла не Эллен, а ее сын.

– Мама дома? – спросил Грилло.

Мальчик попрежнему выглядел больным. Он был одет уже не в пижаму, а в грязные джинсы и еще более грязную футболку.

– Я думал, ты уехал, – сказал он.

– Почему?

– Все уехали.

– Верно.

– Хочешь войти?

– Я бы хотел повидать твою маму.

– Она занята, – сказал Филип, всетаки пропуская его внутрь.

В доме царил еще больший беспорядок, чем прежде. Повсюду валялись объедки. Детские деликатесы, как отметил Грилло: хотдоги и мороженое.

– Так где твоя мама? – спросил он Филипа.

Тот махнул рукой в сторону спальни, подхватил тарелку и направился к себе.

– Подожди, – сказал Грилло. – Она больна?

– Нет, – ответил мальчик. Он выглядел так, будто уже несколько недель толком не спал. – Она больше не выходит. Только по ночам.

Дождавшись ответного кивка Грилло, Филип ушел к себе в комнату. По его мнению, он снабдил гостя всей необходимой информацией. Грилло услышал, как закрылась дверь комнаты мальчика, и остался наедине со своими мыслями. Недавние события не оставили ему времени для эротических фантазий, но воспоминания о часах, проведенных здесь, действовали и на его мозг, и на его чресла. Несмотря на ранний час, усталость и отчаянную ситуацию в Гроуве, часть его очень хотела довершить то, что осталось незаконченным в прошлый раз, – хоть раз заняться с Эллен любовью, прежде чем уйти под землю.

Он подошел к двери в комнату Эллен и постучал. В ответ раздался слабый стон.

– Это я, – сказал он. – Грилло. Можно войти?

Не дожидаясь ответа, он повернул ручку. Дверь была не заперта – она приоткрылась на полдюйма, но чтото не пускало ее дальше. Он надавил сильнее, потом еще сильнее, и стул, подпиравший дверную ручку, с грохотом соскользнул на пол. Грилло открыл дверь.

Сперва ему показалось, что Эллен в комнате одна. Больная и одинокая. Она лежала на неубранной постели, ее платье было распахнуто. Под платьем ничего не было. Она медленно повернула голову в его сторону, ее глаза сверкали в душной темноте. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы отреагировать на его появление.

– Это и правда ты? – спросила она.

– Конечно. Кто же еще?

Она привстала на кровати и прикрылась подолом платья. Он успел заметить, что она не удаляла волосы в паху с тех пор, как он был здесь в прошлый раз. И вообще она с тех пор, похоже, не часто выходила из комнаты. В комнате пахло долгим затворничеством.

– Ты не должен видеть... – сказала она.

– Я уже видел тебя обнаженной, – пробормотал он. – И хотел увидеть снова.

– Я говорю не о себе, – ответила она.

Он не понял, что это значит, пока она не посмотрела в дальний угол комнаты. Он проследил

за ее взглядом. Там в тени стояло кресло, на котором, как он подумал сначала, лежала куча белья. Но это было не так. Бледное пятно оказалось не простыней, а кожей обнаженного человека. Тот сидел в кресле, согнувшись почти пополам, и опирался лбом на сомкнутые ладони. Руки его были связаны у запястий шнуром, что спускался вниз и опутывал лодыжки.

– Это Бадди, – тихо сказала Эллен.

Услышав свое имя, человек поднял голову. Грилло успел увидеть лишь конец армии Флетчера, но он запомнил, как они выглядят, когда их оставляет жизненная сила. Это был не настоящий Бадди Вэнс, а плод воображения Эллен, ее воплощенное желание. Изборозженное глубокими морщинами лицо еще сохраняло сильное сходство с лицом Бадди; видимо, думая о нем, Эллен представляла себе его лицо гораздо чаще, чем остальные части тела. Когда он выпрямился в кресле, открылся еще один орган, о котором она думала больше прочих. Информаторы Теслы в очередной раз доказали свою состоятельность. Галлюцигению стреножили словно осла. Когда тот заговорил, Грилло поразила его ревность.

– Кто ты такой, что смеешь сюда врывать?

Грилло был потрясен тем, что существо могло разговаривать.

– Тихо, – сказала Эллен.

Мужчина взглянул на нее и попытался высвободиться из пут.

– Прошлой ночью он хотел уйти, – обратилась к Грилло Эллен. – Не знаю, почему.

Грилло знал, но ничего не сказал.

– Конечно, я его не отпустила. Ему всегда нравилось быть связанным. Мы часто играли в эту игру.

– Кто это? – спросил Вэнс.

– Грилло, – ответила Эллен. – Я тебе о нем рассказывала.

Она заползла повыше на кровать и оперлась спиной о стену. Руки Эллен покоились на согнутых раздвинутых коленях, открывавших взгляду Вэнсу ее влагище. Он созерцал его с благодарностью, а она продолжала:

– Я рассказывала тебе про Грилло, – сказала она. – Мы занимались с ним любовью. Да, Грилло?

– За что? – спросил Вэнс. – За что ты меня наказываешь?

– Скажи ему, Грилло, – сказала Эллен. – Он хочет знать.

– Да. – Тон Вэнса неожиданно стал просительным – Пожалуйста, скажи.

Грилло не знал, злиться или смеяться. Ему казалось извращенным то, чем он занимался здесь в прошлый раз, но теперь все обстояло куда хуже. Связанная материализованная фантазия о мертвом человеке умоляла поведать о сексуальных похождениях своей бывшей любовницы.

– Расскажи ему, – снова потребовала Эллен. Странные интонации в ее голосе вернули Грилло дар речи.

– Это не настоящий Вэнс, – сказал он, получая удовольствие от возможности открыть ей глаза. Но она оказалась на шаг впереди.

– Я знаю, – сказала Эллен. Она кивнула головой в сторону пленника. – Он – моя фантазия. Как и я сама.

– Нет, – сказал Грилло.

– Он мертв, – тихо возразила она. – Он мертв, но он попрежнему здесь. Я знаю, что этого не может быть, но он здесь. Значит, я сошла с ума.

– Нет, Эллен... это все изза того, что случилось у молла. Помнишь? Сгоревшего человека? Ты не единственная, с кем случилось такое.

Она кивнула, полуприкрыв глаза.

– Филип, – сказала она.

– А что с ним?

– С ним это тоже произошло.

Грилло вспомнил лицо мальчика: тоскующий взгляд, боль утраты в глазах.

– Но если ты знаешь, что этот... этот человек ненастоящий, к чему игры?

Ее глаза закрылись окончательно.

– Я уже не знаю, – начала она, – что реально, а что нет. Грилло решил, что сейчас она раскроет свои чувства.

– Когда он появился, я понимала, что его здесь нет – такого, каким он бывал у меня раньше.

Но это, наверное, не имело значения.

Грилло слушал, не желая прерывать ход мыслей Эллен. За последнее время он видел множество тайн и чудес. Его стремление оставаться свидетелем происходящего заставляло его держаться на определенной дистанции от событий – парадоксально, но иначе ему было бы трудно рассказывать о них. Вечный наблюдатель, он не давал волю чувствам из страха, что они затронут его слишком глубоко и сведут на нет тщательно оберегаемую отстраненность. Но теперь то, что произошло на этой постели, завладело его воображением. Он перестал быть безучастным, превратился в исполнителя чужих желаний, в проводника чужой страсти. И это раздражало его больше, чем собственная зависть к двенадцати дюймам Бадди.

– Он был прекрасным любовником, Грилло, – говорила Эллен. – Особенно он распался, если кто-то другой получал то, что хотел получить он. Рошель не любила эту игру.

– Она не понимала шуток, – сказал Вэнс. Его глаза попрежнему были устремлены на то, чего не видел Грилло. – Она никогда...

– Боже! – вдруг понял Грилло. – Он был здесь, да? Когда мы с тобой...

От этой мысли у него пропал дар речи, он смог только выдать:

– ... там, за дверью.

– Тогда я этого не знала, – тихо сказала Эллен. – Я не думала, что так получится.

– Боже! – воскликнул Грилло. – Ты устроила для него спектакль! Ты меня подставила. Ты меня подставила, чтобы возбудить фантома!

– Может быть... у меня были подозрения, – призналась она. – Тебя это так злит?

– Разве не очевидно?

– Нет, не очевидно. – Она была само здравомыслие. – Ты меня не любишь. Ты меня даже не знаешь, иначе бы ты не был так шокирован. Ты просто хотел секса, и ты его получил.

Заключение было точным и болезненным. Это разозлило Грилло.

– Ты знаешь, что *это* здесь не навсегда, – он ткнул пальцем в сторону пленника Эллен, а точнее, на его член.

– Знаю, – сказала она, и ее голос предательски дрогнул. – Но мы все здесь ненадолго, верно? Даже ты.

Грилло смотрел на Эллен, всем сердцем желая, чтобы она взглянула на него, увидела его боль. Но она не открывала глаз от воплощения своей фантазии. Грилло сдался. Ему оставалось лишь донести до нее то, ради чего он пришел.

– Советую тебе уехать из Гроува, – сказал он. – Бери Филипа и уезжай.

– Почему? – спросила она.

– Просто поверь мне. Очень может быть, что к завтрашнему утру от города ничего не останется.

Наконец она снизошла и посмотрела на него.

– Я поняла, – сказала она. – Когда будешь уходить, закрой дверь, хорошо?

– Грилло! – Дверь в дом Хочкиса ему открыла Тесла. – Ну и везет же тебе на странных знакомых.

Хочкис не казался Грилло странным. Убитый горем – да. Ну, пил время от времени, а кто в этом не грешен? Грилло оказался не готов к истинной степени одержимости этого человека.

В задней части дома находилась комната, отведенная под материалы о Гроуве и земле, на которой он стоял. Стены ее были завешаны геологическими картами и фотографиями трещин на улицах и тротуарах города. Снимки делались в течение многих лет и аккуратно датировались. К ним прикреплялись вырезки из газет, посвященные одной теме – землетрясениям.

Сам одержимый сидел в самом центре этого хранилища информации, небритый, с чашкой кофе в руке. На лице его читалось усталое удовлетворение.

– Что я говорил? – такими словами он встретил Грилло. – Разве я не сказал, что настоящая история – у нас под ногами. И всегда там была.

– Вы все-таки хотите это сделать? – спросил Грилло.

– Что? Спуститься? – Он пожал плечами. – Конечно! Какого хрена? Это убьет всех нас, но какого хрена? Вопрос в том, хотите ли *вы* это сделать?

– Не слишком, – ответил Грилло. – Но у меня есть законные интересы. Хочу узнать историю целиком.

– Хочкис поможет тебе взглянуть на дело с новой, неизвестной тебе стороны, – сказала Тесла.

– С какой именно?

– Есть еще кофе? – спросил Хочкис Уитта. – Мне нужно протрезветь.

Уитт с готовностью удалился, чтобы приготовить добавку.

– Никогда его не любил, – заметил Хочкис.

– Он что, городской извращенец?

– Черт, да нет. Он мистер Чистюля. Воплощение того, что я всегда презирал в Гроуве.

– Он возвращается, – сказал Грилло.

– Ну и что? – продолжал Хочкис, когда Уитт вошел в комнату. – Он знает. Да, Уильям?

– Что знаю?

– Что ты дерьмо.

Уитт и глазом не моргнул, услышав оскорбление.

– Ты никогда меня не любил, да? – Да.

– Я тоже тебя никогда не любил, – ответил Уитт. – Так что счет «одиодин».

Хочкис улыбнулся.

– Рад, что мы разобрались, – сказал он.

– Хотелось бы услышать про неизвестную мне сторону, – напомнил Грилло.

– Все очень просто, – сказал Хочкис. – Мне среди ночи позвонили из НьюЙорка. Парень, которого я нанял, чтобы найти мою жену, когда она сбежала. Его зовут д'Амур. Кажется, он специалист по сверхъестественному.

– А зачем вы его наняли?

– После смерти нашей дочери моя жена связалась с несколькими довольно занятыми людьми. Она так до конца и не смирилась с тем, что Кэролин покинула нас. Она пыталась контактировать с ней с помощью медиумов, даже вступила в церковь спиритуалистов. А потом сбежала.

– Зачем искать ее в НьюЙорке?

– Она там родилась. Скорее всего, она поехала именно туда.

– И этот д'Амур нашел ее?

– Нет. Но он раскопал много всякого о церкви, к которой она примкнула. Я к тому, что парень знает свое дело.

– И зачем он звонил?

– Сейчас услышишь, – вставила Тесла.

– Не знаю, с кем там д'Амур контактировал, но его звонок был предупреждением.

– О чем?

– О том, что происходит здесь, в Гроуве.

– Он знал об этом?

– Прекрасно знал.

– Может, мне стоит поговорить с ним? – предложила Тесла. – Сколько сейчас времени в НьюЙорке?

– Чуть позже полудня, – ответил Уитт.

– Вы двое, приготовьте все, что может понадобиться для спуска! – сказала Тесла. – Где номер д'Амура?

– Вот. – Хочкис пододвинул Тесле блокнот, она вырвала первую страницу с нацарапанными на ней именами и цифрами («Гарри М. д'Амур», – написал Хочкис). Оставив мужчин заниматься приготовлениями, она отправилась на кухню к телефону и набрала одиннадцать цифр. На том конце провода раздались гудки, потом включился автоответчик:

– В настоящий момент никого нет дома. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Она начала:

– Я друг Джима Хочкиса из ПаломоГроува. Меня зовут...

Ее сообщение прервал голос:

– У Хочкиса есть друзья?

– Это Гарри д'Амур?

– Да. Кто это?

– Тесла Бомбек. Да, у него *есть* друзья.

– Каждый день что-то новое. Чем могу помочь?

– Я звоню из ПаломоГроува. Хочкис говорил, вы знаете, что здесь происходит.

– Да, догадываюсь.

– Откуда?

– У меня есть друзья, – сказал д'Амур, – люди, умеющие «подключаться». Они уже несколько месяцев говорят, что скоро кто-то вторгнется к нам со стороны западного побережья. Так что тут нет ничего удивительного. А вы? Вы тоже из них?

– Из медиумов? Нет.

– Тогда как это вас касается?

– Это долгая история.

– А вы обрисуйте сцену, – сказал д'Амур. – Киношники так говорят.

– Знаю, – сказала Тесла. – Я работаю в кино.

– Да? А кем именно?

– Пишу сценарии.

– А я видел что-нибудь из вашего? Я смотрю много фильмов, помогает отвлечься от работы.

– Может, мы когда-нибудь встретимся и поговорим о кино, – сказала Тесла. – А пока мне нужно, чтобы вы кое-что прояснили.

– Например?

– Ну, в первую очередь: вы слышали что-нибудь о иадуроборосах?

В трубке воцарилась долгая, далекое молчание.

– Д'Амур? Вы еще здесь? Д'Амур?

– Гарри, – сказал он.

– Гарри. Так вы слышали о них что-нибудь?

– Так вышло, что да.

– От кого?

– Это имеет значение?

– Так вышло, что да, – вернула ему реплику Тесла. – Вы же знаете, есть разные источники.

Одним доверяешь, другим – нет.

– Я работаю с женщиной по имени Норма Пэйн, – сказал д'Амур. – Она из тех людей, о которых я упоминал выше, – она умеет «подключаться».

– И что она знает об иадах?

– В первую очередь, – сказал д'Амур, – на рассвете в потустороннем мире что-то произошло. Вы знаете, что это?

– Есть кое-какие догадки.

– Норма твердит о месте под названием Подстанция.

– Субстанция, – поправила Тесла.

– Так вы и правда знаете.

– Нет нужды в наводящих вопросах. Да, знаю. И мне нужно услышать, что она рассказала вам об иадах.

– Эти существа хотят вломиться к нам. Она не уверена, где именно они собираются прорваться. Она получает противоречивые послания.

– У них есть уязвимые места? – спросила Тесла.

– Судя по тому, что я слышал, нет.

– Скажите, что именно вы о них знаете. Как они нападут? Они собираются переправить через Субстанцию армию? Чего нам ждать – танков, бомб? Может, поставить в известность Пентагон?

– В Пентагоне уже знают, – сказал д'Амур.

– Да?

– Барышня, мы не единственные, кто слышал об иадах. В культурах разных народов сохранился их образ. Образ врага.

– Вроде дьявола? На нас наступает сатана?

– Сомневаюсь. Полагаю, что мы, христиане, всегда были немного наивны, – сказал д'Амур. – Я встречался с демонами, и они никогда не выглядели так, как их обычно представляют.

– Вы надо мной издеваетесь? С демонами? Во плоти? В НьюЙорке?

– Послушайте, барышня, для меня это звучит не менее безумно, чем для вас.

– Меня зовут Тесла.

– Каждый раз, когда я заканчиваю очередное расследование, я думаю: а может, этого и не было? И так до следующего раза. Потом все повторяется. Отрицаешь саму возможность их

существования, пока они не попытаются откусить тебе лицо.

Тесла вспомнила о том, что сама видела в последние несколько дней: тераты, смерть Флетчера, Петля, Киссун в Петле, ликсы, кишашие в ее собственной постели и, наконец, дом Вэнса и открывшийся в нем провал. Она не могла не верить в их реальность. Она видела все слишком отчетливо, она сама едва спаслась. Заявление д'Амура о демонах шокировало изза предрассудков, связанных с этим словом. Тесла не верила в демонов и в ад. Для нее это было абсурдом. А если назвать демонами создания порочных людей, таких как Киссун и ему подобные? Тварей вроде ликсов, созданных из дерьма, спермы и сердец младенцев. Тогда она поверит.

– Ладно, – сказала она. – Если Пентагон в курсе, почему в Гроуве до сих пор нет армии, чтобы остановить вторжение? Мы держим эту крепость вчетвером, д'Амур.

– Никто точно не знал, где начнется вторжение. Думаю, где-то лежит папка с информацией о Гроуве, как об одном из мест, где случаются аномалии. Но таких папок много, очень много.

– Значит, в ближайшем будущем помощь будет?

– Думаю, да. Но по своему опыту знаю: обычно она приходит слишком поздно.

– А вы?

– Что я?

– Как насчет вашей помощи?

– У меня и здесь проблем хватает, – сказал д'Амур. – Тут словно ад разверзся. За последние восемь часов только по Манхэттену зарегистрировано сто пятьдесят двойных самоубийств.

– Любовники?

– Любовники. Впервые спавшие друг с другом. Отправились на Эфемериду, а получили кошмар.

– Господи.

– Может, они сделали правильный выбор. Они оттуда вырвались.

– Что вы имеете в виду?

– Думаю, эти дети воочию встретили то, о чем мы только догадываемся.

Тесла вспомнила боль, пронзившую ее, когда она выехала на шоссе прошлым вечером. Когда мир дрогнул и накренился, готовый сорваться в пропасть.

– Да, – сказала она. – Мы только догадываемся.

– В ближайшее время мы увидим реакцию на это многих людей. Наше сознание сбалансировано очень тонко. Чтобы нарушить этот баланс, требуется небольшое усилие. Я сижу в городе, где полно людей, готовых сорваться. Я должен быть здесь.

– А если подмога не подоспеет?

– Значит, тот, кто отдает' приказы в Пентагоне, не верит в это – таких там полно – или работает на иадов.

– У них есть шпионы?

– О да. Немного, но достаточно. Люди поклоняются им, хотя знают их под другими именами.

Для них это Второе пришествие.

– А было первое?

– Это уже другой вопрос. Да, вероятно, было.

– Когда?

– Точная дата неизвестна, если вы спрашиваете об этом. Никто не знает, что из себя представляют иады. Думаю, нам следует молиться, чтобы они оказались размером с мышь.

– Я умею не молиться, – сказала Тесла.

– А зря, – ответил д'Амур. – Теперь, когда вы знаете, сколько жизней от нас зависит. Слушайте, мне пора. Хотелось бы быть более полезным.

– И мне бы хотелось.

– Насколько я понял, вы там не одна.

– Да, тут Хочкис и двое...

– Я не о том. Норма говорит, что среди вас есть спаситель.

Тесла про себя усмехнулась.

– Чтото не вижу никого похожего, – сказала Тесла. – И как его узнать?

– Она не уверена. Иногда ей кажется, что он мужчина, иногда, что женщина. Иногда – что он вовсе не человек.

– Да, это здорово поможет.

- Кто бы это ни был – он, она или оно сможет восстановить равновесие.
- А если не сможет?
- Тогда уезжайте из Калифорнии. И побыстрее. Теперь Тесла рассмеялась вслух.
- Огромнейшее спасибо! – сказала она.
- Веселитесь, веселитесь, – сказал д'Амур. – Как говорил мой отец, без чувства юмора не стоит и появляться.
- Где появляться?
- В этом мире, – с этими словами д'Амур повесил трубку. Она слушала гудки и доносящиеся сквозь них голоса. Тут в двери возник Грилло.
- Предприятие все больше и больше напоминает самоубийство, – заявил он. – У нас нет подходящего снаряжения и ни одной карты системы пещер.
- Почему?
- Их не существует. Похоже, город построен на земле, которая постоянно движется.
- Можешь предложить альтернативу? – возразила Тесла. – Яфф единственный человек... Она на мгновение запнулась.
- Ну?
- Ведь он не совсем человек, правда? – спросила Тесла.
- Я чтото не очень понимаю.
- Д'Амур сказал, что где-то здесь есть спаситель. И что он не человек. Это должен быть Яфф. Он единственный подходит под определение.
- Он не оченьто похож на спасителя, – сказал Грилло.
- Мы должны его поймать, – последовал ответ, – и если потребуется, принести в жертву.

V

К тому времени, как Тесла, Уитт, Хочкис и Грилло вышли из дома, чтобы начать спуск, в Гроув прибыла полиция. На вершине Холма мигали огни и завывали сирены «скорой помощи». Несмотря на шум, никого из местных жителей не было видно, хотя коекто из них еще оставался в городе. Они либо уединились со своими распадающимися фантазиями, как Эллен Нгуен, либо оплакивали их утрату. Гроув быстро превращался в настоящий городпризрак. Когда у Холма завывли сирены, все четыре городских района погрузились в тишину еще более глубокую, чем опускалась на город в полночь. Солнце жгло пустые тротуары, пустые дворы, пустые дороги. На качелях не качались дети; не шумели ни телевизоры, ни радио, ни газонокосилки, ни миксеры, ни кондиционеры. На перекрестках попрежнему работали светофоры, но кроме полицейских машин и карет «скорой помощи», не обращавших на них внимания, не было ни одного автомобиля. Даже стаи собак отправились куда-то по своим делам и не показывались. Вид опустевшего города, освещенного ярким солнцем, испугал их.

Хочкис составил список предметов, которые могли им понадобится для успешного спуска: веревки, фонари и коечто из одежды. Поэтому первой остановкой был молл. Когда они добрались туда, увиденное очень расстроило Уильяма. Каждый день с раннего утра до раннего вечера он смотрел на кишачий людьми молл. Теперь там никого не было. В разбитых Флетчером витринах поблескивали новые стекла, за ними лежали товары, но в магазинах не осталось ни продавцов, ни покупателей. Все двери оказались заперты, вокруг царил тишина.

Но было одно исключение – зоомагазин. Он единственный работал как обычно, из распахнутой двери доносился ровный гул голосов животных. Хочкис и Грилло отправились грабить лавки, сверяясь со списком покупок, Уитт и Тесла заглянули в зоомагазин. Тед Элизандо был занят делом: он шел вдоль ряда клеток с котятами, наполняя водой поилки. На его лице не отразилось удивления при виде покупателей. На нем ничего не отразилось. Казалось, он даже не узнал Уильяма, хотя, как поняла Тесла по первым фразам их разговора, они были знакомы.

– Все утро один, Тед? – спросил Уитт.

Тот кивнул. Он не брился дня тричетыре и столько же не принимал душ.

– Я... так не хотел вставать... но пришлось. Изза зверей.

– Понятно.

– Они умрут, если я о них не позабочусь, – продолжал Тед.

Он говорил медленно, будто пытался собраться с мыслями. Он открыл одну из клеток и

вытащил оттуда маленького котенка. Тот вытянулся на ладони хозяина, вывернув голову. Тед погладил его. Котенку понравилось, и он выгнул спину навстречу бережным прикосновениям.

– Не думаю, что в городе остался хоть один покупатель для них, – сказал Уильям.

Тед смотрел на котенка.

– А как же мне быть? – тихо спросил Тед. – Я ведь не могу кормить их всю оставшуюся жизнь.

С каждым словом его голос становился тише, пока не превратился в едва слышный шепот.

– Что случилось с людьми? – спросил он. – Куда они подевались? Куда все подевались?

– Уехали, Тед, – ответил Уильям. – Прочь из города. И не думаю, что они вернутся.

– Думаешь, мне тоже нужно уехать? – спросил Тед.

– Думаю, да, – ответил Уильям.

Тед выглядел опустошенным.

– А что же делать животным? – сказал он.

Видя его страдания, Тесла впервые осознала масштаб трагедии Гроува. Когда она приехала сюда, чтобы доставить сообщение для Грилло, она придумала сценарий о бомбе в чемодане – как равнодушные горожане вышвырнули из города того, кто предупреждал их об опасности. Сценарий оказался не таким уж фантастическим. Взрыв произошел тихо и растянулся во времени, но тем не менее он сбылся. Он вычистил улицы, оставив нескольких жителей, таких как Тед, бродить по развалинам и собирать оставшиеся пушистые комочки жизни. В сценарии Тесла отчасти мстила городку за его самодовольный уют. Но в итоге оказалось, что она сама не менее самодовольна – ведь она была настолько же уверена в собственном моральном превосходстве над жителями Гроува, насколько они не сомневались в своей неуязвимости. Это настоящая боль, настоящее поражение. Люди, жившие в Гроуве и оставившие его, – не картонные марионетки. У каждого была своя жизнь, своя любовь, семья, домашние животные. Они обустроивали дома и думали, будто нашли место, где они в безопасности. Тесла не имела права судить их.

Она больше не могла смотреть на Теда – он гладил котенка с такой нежностью, словно лишь этот зверек удерживал его от безумия. Она вышла на освещенную солнцем улицу и свернула за угол, пытаясь разглядеть КониАй за деревьями. Тесла смотрела на вершину Холма, пока ей не удалось различить растрепанные пальмы на подъездной аллее. За ними едва виднелся ярко раскрашенный фасад домамечты Вэнса. Значит, стены здания устояли. Она боялась, что дыра будет расширяться, разрушая реальность, и поглотит дом. Тесла не позволяла себе надеяться, что дыра закроется, она интуитивно чувствовала, что это невозможно. Но ситуация, по крайней мере, стабилизировалась. Если они не будут медлить и отыщут Яффа, есть шанс поправить положение.

– Видишь чтонибудь? – спросил ее Грилло.

Он появился изза угла вместе с Хочкисом, и оба они были увешаны трофеями – бухтами веревок, фонарями, батарейками и свитерами.

– Там будет холодно, – ответил Хочкис на ее немой вопрос. – Чертовски холодно, а может, и мокро.

– У нас есть выбор, – мрачно пошутил Грилло. – Утонуть, замерзнуть или разбиться.

– Люблю разнообразие, – сказала Тесла, раздумывая, будет ли повторная смерть такой же неприятной, как первая.

«Даже не думай об этом, – сказала она себе, – дважды ты не воскреснешь».

– Мы готовы, – сказал Хочкис. – Ну, насколько мы можем быть готовы. Где Уитт?

– В зоомагазине, – сказала она. – Я позову.

Она вернулась за угол и обнаружила, что Уитт уже заглядывает в какое-то другое окно.

– Видно чтонибудь? – спросила она.

– Это мой офис, – ответил он. – По крайней мере, был моим. Я работал там, – показал он рукой, – вон за тем столом, где цветок.

– Мертвый цветок, – заметила она.

– Тут все мертвое, – с чувством сказал Уитт.

– Не будьте пессимистом, – ответила она и велела ему поторопиться с возвращением к машине, куда Грилло и Хочкис уже загрузили снаряжение.

Когда они тронулись, Хочкис прямо выложил все свои беспокойства по поводу их предприятия:

– Я уже сказал Грилло, что для всех нас это самоубийственный поступок. Особенно для вас – Он поймал взгляд Теслы в зеркале заднего вида. – У нас вообще нет специального снаряжения. Все, что мы нашли в магазинах, предназначено для бытовых нужд и не поможет в случае опасности. Мы не подготовлены физически. Никто из нас Я несколько раз поднимался в горы, но это было очень давно. Я всего лишь теоретик. А мы собираемся спуститься в сложную систему пещер. Недаром труп Вэнса так и не нашли. Там погибли люди...

– В этом виноваты не пещеры, – напомнила Тесла, – а Яфф.

– Но никто не вернулся продолжать поиски, – заметил Хочкис. – Пережитого всем хватило.

– Еще несколько дней назад ты сам хотел спуститься туда со мной, – сказал Грилло.

– Тогда нас было двое.

– В смысле, теперь с вами слабая женщина? – сказала Тесла – Давайте коечто проясним Я не горю желанием спускаться под землю, куда готова провалиться половина мира, но в любом деле, где не требуется член, я не уступлю ни одному мужчине. Я буду меньшей обузой, чем Грилло. Прости, Грилло, но это так. И проблема не в пещерах, а в том, что там прячется. И у меня больше, чем у коголибо из вас, шансов договориться с Яффом Я встречалась с Киссуном и слышала ту же ложь, на которую поддался и он. Мне коечто известно о нем. И если у нас есть хоть один шанс убедить Яффа помочь, я не упущу его.

Хочкис ничего не ответил. Он хранил молчание, пока они не припарковали машину и не выгрузили снаряжение. Тогда он повторил свои инструкции. На этот раз он не выделял Теслу из остальных.

– Я пойду первым. Потом Уитт. Потом вы, мисс Бомбек. Грилло последний.

«Ну, прямо нитка жемчуга, и я в середине», – подумала Тесла. Вероятно, Хочкис сомневался в ее силах. Она не спорила. Он возглавлял экспедицию и, без сомнений, не преувеличивал трудность предприятия, так что нечестно было бы подрывать его авторитет перед самым началом спуска.

– У нас есть фонари, – продолжал он. – Каждому по два. Один положить в карман, другой повесить на шею. Касок мы не нашли, только вязаные шапочки. Есть перчатки, ботинки, по два свитера и две пары носков для каждого. Разбирайте.

Они притащили все это на поляну и стали облачаться. В лесу царила такая же тишина, как и утром. Несмотря на жаркое солнце (как только они натянули теплые вещи, их бросило в пот), птицы молчали. Одевшись, они связались вместе на расстоянии около шести футов друг от друга. Грилло шел последним. Он вспотел больше всех, и вены у него на висках стали толщиной с обмотанную вокруг его талии веревку.

– Ты в порядке? – спросила его Тесла, когда Хочкис сел на край расщелины и спустил ноги вниз.

– В порядке, – ответил Грилло.

– Никогда не умел врать, – сказала Тесла. Хочкис раздавал последние инструкции.

– Когда спустимся, – сказал он, – болтайте поменьше, ладно? Нужно беречь силы. Помните, что спуск – это лишь половина пути.

– Путь домой всегда короче, – сказала Тесла. Хочкис смерил ее презрительным взглядом и исчез в расщелине.

Первые несколько футов дались им сравнительно легко, но футов через десять начались сложности. Солнечный свет исчез так внезапно и абсолютно, будто его никогда не существовало. Фонари слабо заменяли его.

– Остановимся ненадолго, – крикнул наверх Хочкис. – Пусть глаза привыкнут к темноте.

Позади Тесла слышала тяжелое хриплое дыхание Грилло.

– Грилло? – пробормотала она.

– Я в порядке. Я в порядке.

На самом деле чувствовал он себя далеко не в порядке. Он знал эти симптомы по прошлым приступам: в застрявших между этажами лифтах или в переполненном метро. Сердце стучало, пробивала испарина, он начинал задыхаться, словно ктото душил его, накинув на горло провод. Но это лишь внешние проявления – настоящей угрозой была паника. Она могла достигнуть невыносимого уровня, когда сознание отключается, как лампочка, и все вокруг, внутри и снаружи, заполняет тьма. Он боролся с приступами при помощи таблеток, дыхательной гимнастики, на худой конец молитвы, но сейчас ничто не спасало. Оставалось терпеть. Тесла услышала, как он чтото сказал.

– Ты сказал «наслаждайся»? – спросила она.

– Эй, сзади, придержите языки! – крикнул впереди Хочкис. – Идем дальше.

Они продолжили спуск в тишине, нарушаемой только пыхтением и предупреждениями Хочкиса, что спуск становится круче. То, что было зигзагообразной расщелиной в тот миг, когда два нунциата вырвались из плена, теперь превратилось в отвесную шахту. До ее дна не доставал свет фонарей. Было ужасно холодно, и все радовались, что Хочкис заставил их надеть дополнительную одежду, пусть и стесняющую движения. Камень под руками местами был мокрый, и дважды их окатило водой из вырывающихся с противоположной стены шахты ручьев.

Эти неудобства заставили Теслу подумать: что за нездоровая склонность заставляет мужчин (конечно, мужчин; женщины не могут быть столь извращены) заниматься подобными вещами ради удовольствия? Может, именно то, о чем говорил Хочкис, когда они с Уиттом пришли в его дом: уверенность, что все настоящие тайны скрываются под землей? Если так, Тесла оказалась в милой компании. Три человека, у которых нет иных причин идти сюда, кроме желания увидеть эти тайны и вытащить одну из них на свет божий. Грилло со своей страстью рассказать миру великую историю, Хочкис, одержимый загадкой гибели дочери, и Уитт, желающий узнать до конца внутренности города, что он любил, как жену...

От Хочкиса поступило новое сообщение, на этот раз более приятное.

– Тут карниз, – сказал он. – Можем немного отдохнуть. Они спустились к нему один за другим. Карниз был узким и мокрым, они едва смогли разместиться здесь вчетвером. Все молчали. Грилло достал из заднего кармана пачку сигарет и закурил.

– Я думала, ты бросил, – сказал Тесла.

– Я тоже так думал, – ответил Грилло, передавая ей сигарету. Она с наслаждением глубоко затянулась и вернула сигарету Грилло.

– Ктонибудь знает, долго нам еще спускаться? – спросил Уитт.

Хочкис покачал головой.

– Ведь там должно быть дно?

– Не уверен.

Уитт присел на корточки и стал шарить рукой по карнизу.

– Что ты ищешь? – спросила Тесла.

Он выпрямился, держа в руке ответ на ее вопрос – небольшой камень размером с теннисный мячик. Уильям бросил его в темноту. Несколько секунд ничего не было слышно, потом послышался звук удара о каменную поверхность и шорох разлетающихся осколков. Эхо долго не стихало, мешая определить расстояние.

– Хорошая попытка, – сказал Грилло. – В кино обычно срабатывает.

– Тихо, – сказала Тесла. – Я слышу воду.

В наступившей тишине остальные тоже услышали, как где-то рядом бежала вода.

– Это внизу или за стеной? – спросил Уитт. – Не разберу.

– Возможно, и там, и там, – сказал Хочкис – Нам помешают только две вещи: завал или вода. Если окажется, что система внизу затоплена, мы не сможем двигаться дальше.

– Ладно, не будем загадывать, – подвела итог Тесла. – Давайте спускаться.

– Кажется, мы уже несколько часов под землей, – сказал Уитт.

– Время здесь течет подругому, – сказал Хочкис. – Мы не видим солнца и не получаем привычных сигналов.

– Я не умею определять время по солнцу.

– Твое тело умеет.

Грилло попытался прикурить вторую сигарету, но Хочкис сказал: «Нет времени» – и начал огибать край уступа. Спуск был, конечно, не отвесным – иначе при скудости снаряжения и отсутствии опыта они быстро сорвались бы вниз, – но достаточно крутым, и он становился все сложнее. Когда путь пересекали трещины и впадины, двигаться становилось относительно легко, но другие участки были почти вертикальными, скользкими и ненадежными. Хочкис через каждый дюйм сообщал Уитту о наиболее безопасном маршруте, тот передавал сообщение Тесле, а она – Грилло.

Преодолев один из таких участков, Хочкис велел всем замереть.

– Что случилось? – спросила Тесла.

– Вэнс, – мрачно ответил он.

Тесла услышала в темноте, как Уитт сказал: «О боже».

– Значит, мы добрались до дна, – предположил Грилло.

– Нет, – последовал ответ. – Еще один карниз.

– Черт.

– Можно его обойти? – спросила Тесла.

– Дайте мне время, – огрызнулся Хочкис. Голос выдал, насколько его потрясло увиденное.

Им показалось, что они висят, цепляясь за трещины в стене, уже несколько минут (хотя в действительности прошли секунды), пока Хочкис нащупывал дорогу. Наконец он определился с маршрутом, и путь продолжился.

Свет фонарей был скудным, но сейчас его оказалось более чем достаточно. Когда они пробирались мимо останков Бадди, невозможно было не смотреть вниз. Мертвое тело распростерлось на блестящем камне. Голова Вэнса раскололась о скалу, как яйцо. Руки неестественно вывернулись – очевидно, все кости были переломаны. Одна ладонь лежала на затылке ладонью наружу, другая закрывала лицо – пальцы чуть приоткрыты, словно он играл в прятки с ребенком.

Его вид лишний раз напомнил, к чему приведет один неосторожный шаг. Дальше они стали двигаться с еще большей осторожностью.

Звук текущей воды ненадолго уменьшился, но потом появился снова. На этот раз его уже не глушили стены. Он явно доносился снизу. Они продолжали спуск, периодически останавливаясь в ожидании, пока Хочкис изучал темноту впереди. Во время четвертой остановки, перекрикивая шум воды, он возвестил, что у него есть две новости – плохая и хорошая. Хорошая – они добрались до дна шахты. Плохая – шахта затоплена.

– Есть внизу твердая почва? – спросила Тесла.

– Не так много, – ответил Хочкис – И выглядит ненадежно.

– Мы не можем повернуть назад, – сказала Тесла.

– Нет? – прозвучало в ответ.

– Нет, – настаивала она. – Мы проделали этот путь и не можем уйти ни с чем.

– Внизу его нет, – крикнул Хочкис.

– Я хочу убедиться сама.

Хочкис не ответил, но Тесла представила, как он клянет ее в темноте. Тем не менее через пару секунд он продолжил спуск. Шум воды стал таким громким, что невозможно было разговаривать, пока все вместе не собрались внизу.

Хочкис оказался прав. Небольшой участок суши на дне шахты оказался намытой породой, которую быстро разносило течением.

– Эта почва недавно тут образовалась, – сказал Хочкис.

Словно в подтверждение его слов, от стены откололся солидный кусок камня, и бурлящий поток унес его в темноту. Напор воды, бьющий в островок, где они стояли, усилился.

– Если мы сейчас не уйдем, нас смое! – крикнул Уитт, перекрывая шум потока.

– Да, нужно подниматься, – согласился Хочкис – У нас впереди долгий подъем. Мы замерзли и устали.

– Подождите, – запротестовала Тесла.

– Его здесь нет! – крикнул Уитт.

– Я не верю.

– Ваши предложения, мисс Бомбек? – прокричал Хочкис.

– Для начала дайте мисс Бомбек отдышаться, ладно? Разве этот поток не может иссякнуть?

– Может. Через несколько часов. За это время мы успеем замерзнуть до смерти. Если, конечно, он на самом деле иссякнет.

– Да?

– Даже если он иссякнет, мы не знаем, в каком направлении ушел Яфф. – Лучом своего фонаря Хочкис обвел шахту. Свет едва достигал четырех стен, но его хватило, чтобы увидеть несколько расходящихся тоннелей. – Будем гадать?

У Теслы зародилось и стало расти ощущение поражения. Она сопротивлялась ему, как могла, но это чувство пересиливало. Тесла напрасно надеялась, что Яфф будет сидеть здесь, как лягушка на дне колодца, и ждать их. Он мог выбрать любой из этих тоннелей. Одни, возможно, были тупиками, другие вели в сухие пустоты. Даже если суметь пройти по воде (а ей такого делать не доводилось), какой путь выбрать? Она подняла фонарь, чтобы самой увидеть входы в

тоннели. Пальцы онемели от холода, и когда она попыталась обшарить стены лучом света, фонарь выскользнул из рук, ударился о камень и покатился к воде. Тесла наклонилась, чтобы поймать его, и чуть не потеряла равновесие, ее нога соскочила с уступа и заскользила по мокрому камню. Грилло схватил ее за пояс и поставил на ноги, фонарь исчез в воде. Она посмотрела, как он утонул, и повернулась, чтобы поблагодарить Грилло, но тревога на его лице заставила ее обернуться. Слова благодарности сменились криком ужаса. Течение нашло краугольный камень их маленького скалистого островка, смыло его и потащило прочь остальные камни.

Она увидела, как Хочкис бросился к стене, пытаясь найти опору, прежде чем их подхватит поток, но не успел. Земля ушла изпод ног, и все они очутились в ледяной воде. Течение оказалось настолько же сильным, насколько и холодным, оно подхватило их и потащило прочь, жестко швыряя о камни.

Тесла успела схватить чьюто руку – кажется, Грилло. Она держалась за его руку целых две секунды, потом изгиб русла придал течению новые силы, и оно разъединило их. Вода безумствовала, а затем неожиданно успокоилась. Теслу вынесло на широкое мелкое место. Течение стало медленным. Тесла вытянула руки в стороны и замерла на месте. Света не было, но она чувствовала тяжесть тел на веревке и слышала позади тяжелое дыхание Грилло.

– Жив? – спросила она.

– С трудом.

– Уитт? Хочкис? Вы здесь?

Послышался ответный стон Уитта, а потом что-то крикнул Хочкис.

– Мне это снилось, – услышала она слова Уитта, – мне снилось, что я плыл.

Ей не хотелось думать, что это означает для них всех, но мысль оказалась навязчивой. Уитт во сне плыл по Субстанции, а Субстанция снится трижды в жизни: при рождении, когда влюбляешься и на пороге смерти.

– Мне это снилось... – повторил он уже тише. Прежде чем она успела остановить его пророчества, она поняла, что течение опять набирает скорость. Впереди в темноте послышался нарастающий грохот.

– Черт, – пробормотала она.

– Что? – прокричал Грилло.

Вода быстро несла их вперед, а шум становился все громче.

– Водопад, – сказала она.

Веревка вдруг натянулась, и раздался крик Хочкиса – не предупреждающий, а крик ужаса. Она успела подумать: «Представь, что ты в Диснейленде». Потом веревка натянулась сильнее, увлекая ее за собой, и тут темный мир перевернулся. Ледяной смирительной рубашкой вода заключила Теслу в объятия, отобрав воздух и сознание. Когда она пришла в себя, Хочкис держал ее лицо над водой. Водопад ревел позади, поток покрывала белая пена Тесла не осознавала, что она видит, пока позади с фырканьем не вынырнул на поверхность Грилло. Он сказал:

– Свет!

– Где Уитт? – задыхаясь, спрашивал Хочкис – Где Уитт? Они осмотрели поверхность озера, куда их вынесло. Уитта не было. Зато они заметили твердую землю. Они поплыли к ней так быстро, как только могли. Хочкис вылез на берег первым и вытащил Теслу. Связывавшая их веревка лопнула где-то в водопаде. Тело Теслы онемело, она вся дрожала и едва могла пошевелиться.

– Ничего не сломано? – спросил Хочкис.

– Не знаю, – ответила она.

– Нам конец, – пробормотал Грилло. – Господи, мы в самых кишках этой гребаной земли.

– Здесь есть свет, – с трудом выдавила Тесла. Собрав остатки сил, она подняла голову и осмотрелась в поисках его источника. Тут у нее свело судорогой шею, потом плечо. Она вскрикнула.

– Болит? – спросил Хочкис. Она осторожно села.

– Все болит, – ответила она.

Сквозь онемение в дюжине мест пробивалась боль: в голове, в шее, в руках, в животе. Судя по стонам Хочкиса, у него были те же проблемы. А Грилло, стуча зубами, просто сидел и смотрел на воду, поглотившую Уитта.

– Он за спиной, – сказал Хочкис.

– Что?

– Источник света.

Она повернулась, ноющая боль в боку стала острой и пульсирующей. Она попыталась сдержаться, но Хочкис заметил, как она с шумом вдохнула сквозь зубы.

– Можете идти? – спросил он.

– А вы? – огрызнулась она.

– Что, посоревнуемся?

– Ага.

Она искоса взглянула на него. Изза правого уха у него текла кровь, а левую руку он придерживал правой.

– Выглядите хреново.

– Вы тоже.

– Грилло! Ты идешь? Ответом был лишь стук зубов.

– Грилло? – позвала Тесла.

Он оторвал взгляд от воды и посмотрел на потолок пещеры.

– Это все над нами, – услышала она его шепот. – Толща земли.

– Ну, падать на нас она пока не собирается, – сказала Тесла, – а мы намерены выбраться отсюда.

– У нас не получится. Черт, мы похоронены заживо! Заживо!

Он вдруг вскочил на ноги, и стук зубов сменился громкими рыданиями.

– Вытащите меня! Вытащите меня отсюда!

– Заткнись, Грилло, – приказал Хочкис.

Но Тесла знала, что словами панику не остановишь. Она оставила его в покое и направилась к трещине в стене, откуда проникал свет.

Это Яфф, поняла она. Дневного света здесь быть не может – значит, это Яфф. Она заранее продумала, что ему скажет, но теперь слова вылетели из головы. Оставалось положиться на импровизацию. Она должна с ним встретиться.

Тесла услышала, что Грилло затих, и Хочкис сказал:

– Там Уитт.

Она обернулась. Неподалеку от берега на поверхности воды лицом вниз покачивалось тело Уитта. Она не стала смотреть, повернулась и продолжила неспешный путь к трещине. Каждый шаг причинял ей боль. У нее возникло отчетливое ощущение, что ее тянет к свету. Чем ближе она подходила, тем сильнее становилось это ощущение, словно ее клетки, измененные нунцием, чувствовали близость другого организма, испытавшего то же самое. Это ощущение придало ее ослабевшему телу необходимые силы, чтобы преодолеть расстояние до трещины. Она протиснулась сквозь камни. С другой стороны оказалась небольшая пещера, поменьше той, откуда она пришла. В середине, как показалось Тесле вначале, горел костер. При более внимательном рассмотрении она поняла, что этот свет был холодным, а мерцание его слишком неровным. И ни следа того, кто его зажег.

Она шагнула внутрь и объявила о своем присутствии, чтобы он не напал на нее, неверно истолковав вторжение.

– Есть ктонибудь? – сказала она. – Мне нужно поговорить... с Рэндольфом Яффе.

Она предпочла назвать этим именем в надежде достучаться до человека, каким он был до того, как вызвал к жизни нынешнего Яффа. Это сработало. Из щели в дальнем углу пещеры раздался голос слабее голоса самой Теслы:

– Кто ты?

– Тесла Бомбек.

Она направилась к огню, используя его как предлог для своего прихода.

– Не против? – спросила она, снимая вымокшие перчатки и подставляя ладони безрадостному пламени.

– Он не греет, – сказал Яффе, – это не настоящий костер.

– Теперь вижу, – ответила она.

Костер питался гниющей материей какого-то существа. Терата. Бледное сияние оказалось разлагавшимися остатками тераты.

– Похоже, мы тут одни, – сказала она.

– Нет, – возразил Яффе. – Я здесь один. Ты привела людей.

– Да, привела. Одного ты знаешь. Это Натан Грилло. Имя Грилло заставило его выйти из тени.

Дважды она видела безумие в этих глазах. Первый раз – у молла, когда на Яффа указал Хови. Второй – в доме Вэнса, когда Яфф понял свою ошибку и ушел, оставив за спиной ревуший разрыв материи реальности. Теперь она увидела его в третий раз, и оно усилилось.

– Грилло здесь? – спросил он.

– Да.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем вы здесь?

– Чтобы найти тебя, – ответила она. – Нам нужна... нам нужна твоя помощь.

В нее уперся безумный взгляд. Она вспомнила, что за этим лицом скрывается иная форма: едва различимая, словно тень в дыму, огромная гротескная голова. Она старалась не думать ни об этом, ни о том, к чему может привести ее появление. Сейчас у нее была одна задача: заставить безумца сбросить бремя собственных тайн. Возможно, для начала стоит поделиться одним из своих секретов.

– У нас есть кое-что общее, – сказала она. – Немного, но вещь довольно важная.

– Нунций, – сказал Яффе. – Флетчер послал тебя за ним, а ты не смогла устоять.

– Да, – сказала она, решив не возражать, чтобы он не потерял к ней интерес – Но я имела в виду другое.

– Тогда что же?

– Киссун.

Его глаза блеснули.

– Это он послал тебя.

«Черт, – подумала она, – так недолго все испортить».

– Нет, – быстро сказала она. – Вовсе нет.

– Что ему от меня нужно?

– Ничего. Я не его посредница. Он затащил меня в Петлю, как и тебя когда-то. Не забыл?

– Нет, не забыл, – ответил он абсолютно бесцветным голосом. – Такое трудно забыть.

– А ты знаешь, зачем ты ему был нужен?

– Ему требовался помощник.

– Нет. Ему требовалось тело.

– Да. И это тоже.

– Яффе, он там в плену. Единственный способ выбраться оттуда – воспользоваться чужим телом.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросил он. – Неужели нет более интересных занятий перед концом?

– Перед концом?

– Концом света. – Яффе прислонился спиной к стене и позволил силе притяжения опустить себя на корточки. – Он скоро наступит.

– Почему ты так думаешь?

Яффе поднял руки на уровне лица. В нескольких местах плоть была сорвана с костей. От правой кисти остались лишь мизинец и безымянный палец.

– Я вижу обрывки того, что видит сейчас ТоммиРэй. Сюда надвигается нечто.

– Ты видишь, что именно? – спросила Тесла, пытаясь выяснить хоть что-то о природе иадов. – У них есть бомбы или какоенибудь оружие?

– Нет. Только ужасная ночь. Вечная ночь. Я не хочу ее видеть.

– Ты должен, – сказала Тесла. – Разве не это обязанность человека Искусства? Смотреть и не отворачиваться, даже если смотреть невыносимо. Ты же человек Искусства, Рэндольф...

– Нет.

– Разве не ты открыл дыру? – сказала она – Не скажу, что согласна с твоими методами, но ты сделал такое, на что никто больше не осмелился, да и не смог бы.

– Это собирался сотворить Киссун, – сказал Яффе. – Теперь я понимаю. Он все-таки сделал из меня своего помощника, хотя я об этом и не знал. Он использовал меня.

– Вряд ли, – сказала Тесла. – Не думаю, что он мог сочинить столь витиеватый план. Откуда

бы он узнал, что вы с Флетчером найдете нунций? Нет, то, что случилось с тобой, никем не запланировано... Ты работал на себя, не на Киссуна. Это твоя сила. И ты за нее отвечаешь.

Она решила пока отложить дальнейшие аргументы – отчасти потому, что очень вымоталась, отчасти по иным причинам. Яффе тоже не стал продолжать спор. Он просто смотрел на угасающий «костер», потом перевел взгляд на свои руки. Прошло не меньше минуты, прежде чем он заговорил.

– Ты спустилась сюда, чтобы сказать мне это?

– Да. И не говори, что это бесплодная затея.

– Чего ты хочешь от меня?

– Помоги нам.

– Тут уже ничем не поможешь.

– Ты открыл дыру, ты можешь ее и закрыть.

– Я больше не подойду к тому дому.

– А я думала, ты хотел получить Субстанцию, – сказала Тесла. – Ведь твоя заветная мечта – оказаться там.

– Я ошибался.

– Ты прошел такой путь и вдруг обнаружил, что ошибался? Что заставило тебя передумать?

– Ты не поймешь.

– Я постараюсь.

Он снова взглянул на костер.

– Это последняя, – сказал он. – Когда погаснет свет, мы останемся в темноте.

– Должны быть выходы отсюда.

– Они есть.

– Тогда мы выберем один из них. Но сначала... сначала... скажи мне, почему ты передумал.

Он немного помедлил, словно обдумывал ответ, потом сказал:

– Когда я начал поиски Искусства, все найденные подсказки говорили о перекрестках. Если не все, но многие. И я решил, что именно там найду ответ на мои вопросы. Потом Киссун затащил меня в Петлю, и я решил: вот, я нашел последнего из Синклита, сидящего в хижине в центре *нигде*. И там нет никаких перекрестков. Должно быть, я ошибался. И то, что случилось потом – в миссии, в Гроуве... это тоже происходило не на перекрестках. Знаешь, я понимал вещи слишком буквально. Флетчер думал о небе и воздухе, а я – о плоти и силе. Он создавал солдат из людских мечтаний, а я – из кишок и пота. Я всегда думал об очевидном. И все это время.» – Его голос наполнился чувством, в нем была ненависть к самому себе. – Все это время я *не видел*. Пока не овладел Искусством и не осознал, что это за перекрестки.

– И что же?

Он залез в ворот рубашки своей менее изуродованной рукой и стал что-то нащупывать. У него на шее висел медальон на тонкой цепочке. Он потянул, потом сильнее. Цепочка порвалась, и он бросил медальон Тесле. Прежде чем она поймала его, она уже знала, что это такое. Так – уже было с Киссуном. Но тогда она не была готова понять то, что поняла теперь, держа в руках знак Синклита.

– Перекрестки, – сказала она. – Это символ.

– Я больше не понимаю, что такое символы, – сказал Яффе. – Они бессмысленны.

– Но этот что-то означает, – возразила Тесла, разглядывая знаки, начертанные на кресте.

– *Понять* его – значит *владеть* им, – сказал Яффе. – Как только поймешь, что это значит, он перестанет быть символом.

– Тогда... помоги мне понять, – сказала Тесла. – Потому что я вижу просто крест. Он, конечно, красивый и все такое, но смысла я особого не нахожу. Ну, вот человек в центре. Похоже, он распят, хотя гвоздей нет. Вокруг эти создания.

– И ты не понимаешь?

– Может, и поняла бы, если бы не так устала.

– Догадайся.

– Я не в настроении угадывать. Лицо Яффе стало хитрым.

– Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой и помог остановить то, что идет через Субстанцию, но при этом не имеешь ни малейшего представления о происходящем. Иначе ты поняла бы, что держишь в руках.

Она уяснила его слова еще до того, как он успел закончить.

– Если я отгадаю, ты пойдешь с нами?

– Ага. Возможно.

– Дай мне несколько минут, – сказала она, поновому глядя на символ Синклита.

– Несколько? – сказал он. – Что такое «несколько»? Может, пять? Да, давай пять. Мое предложение действительно пять минут.

Она перевернула медальон вверх ногами. Вдруг ей стало неловко.

– Не смотри на меня, – сказала она.

– Люблю смотреть.

– Ты меня отвлекаешь.

– Тебя здесь никто не держит.

Она поймала его на слове, встала и нетвердыми шагами направилась назад к трещине, через которую пришла сюда.

– Не потеряй, – сказал он вслед почти насмешливо. – Другого у меня нет.

Хочкис стоял в ярде от трещины.

– Ты слышал?

Он кивнул. Она разжала ладонь и передала ему медальон. Свет от разлагающейся тераты был неровным, но глаза Теслы уже привыкли к нему. Она видела растерянное выражение лица Хочкиса. От него помощи ждать не приходилось.

Она забрала медальон из его пальцев и перевела взгляд на неподвижно сидевшего Грилло.

– Он в ступоре, – сказал Хочкис. – Клаустрофобия.

Она все равно подошла. Грилло больше не смотрел ни в потолок, ни на тело в воде. Глаза его были закрыты. Зубы стучали.

– Грилло.

В ответ опять лишь стук зубов.

– Грилло. Это Тесла. Мне нужна твоя помощь. Он через силу кивнул головой.

– Мне нужно узнать, что это значит. Он даже не поднял веки.

– Спасибо тебе огромное, Грилло, – проговорила она. Сама, детка. Помощи не будет. Хочкис помочь не может, Грилло не хочет, Уитт лежит мертвый в воде. Ее взор тут же скользнул к Уитту. Лицо опущено в воду, руки раскинуты в стороны. Бедняга. Она совсем его не знала, но он успел произвести впечатление хорошего человека.

Она отвернулась и снова взглянула на медальон. Ей чертовски мешал сосредоточиться тот факт, что у нее слишком мало времени.

Что же это означает?

Фигура в центре – человек. Создания вокруг – нет. Может, они члены одной семьи. Или дети центральной фигуры? Здесь таятся смысл. Между раздвинутых ног помещалось создание, напоминавшее стилизованную человекообразную обезьяну, ниже – какая-то рептилия, ниже...

Черт! Это не дети – это предки! Это изображение эволюции в обратном порядке. Человек в центре, ниже обезьяна, ящерица, рыба и протоплазма (глаз или простейшая клетка). «Наше прошлое под нами», – сказал както Хочкис. Может, он и прав.

Но даже если данное решение верно, что означают знаки на остальных трех лучах креста? Над человеком – какая-то пляшущая фигура с огромной головой, выше – такая же фигура, только упрощенная; еще выше – снова упрощение, и заканчивается все изображением другого глаза (или клетки), перекликающимся с изображением внизу. Исходя из первого решения, понять это оказалось не так уж трудно. Внизу изображены формы жизни, предшествовавшие человеку; сверху, без сомнений, последующие ступени развития эволюции вплоть до перехода в совершенное духовное состояние.

Два из четырех.

Сколько времени у нее осталось?

«Не думай о времени, – сказала она себе. – Просто решай задачу».

Загадка знаков на поперечном луче должна решаться так же просто, как и на вертикальном. Слева был еще один круг с заключенным внутри символом, похожим на облако. За ним, ближе к фигуре с распростертыми руками, – квадрат, разделенный на четыре части, еще ближе – молния, потом какая-то лужица (кровь из руки?), потом сама рука. По другую сторону от фигуры – набор еще менее понятных изображений. Снова лужица из левой руки; затем волны или змейки (не повторяет ли она ошибку Яффе, принимая все слишком буквально?); потом какая-то потертость, словно один знак удалили отсюда; и наконец, завершал все четвертый круг –

отверстие, в которое продета цепочка. От плотского к бесплотному. От круга с облаком к пустому пространству. Какого черта все это значит? День и ночь? Нет. Известное и неизвестное? В этом есть смысл.

«Скорее, Тесла, скорее».

Так что же это такое – круглое с облаками и известное?

Круглое с облаками. Это наш мир. И известное. Да. Это мир. Косм! Значит, отверстие на другом луче – это неизвестное, то есть Метакосм. Неясной оставалась лишь фигура в середине.

Она направилась к пещере, где ее ждал Яффе. Осталось несколько секунд.

– Я разгадала! – крикнула она ему. – Я разгадала! Это была не совсем правда, но Тесла доверилась инстинкту. Свет внутри пещеры почти угас, но в глазах Яффе пылал страшный огонь.

– Я знаю, что это! – сказала она – Да?

– На одной оси – эволюция, от простейшей клетки до Бога.

По выражению его лица она поняла, что с этой частью справилась.

– Продолжай, – сказал он. – А что на другой?

– Косм и Метакосм. То, что мы знаем, и чего мы не знаем.

– Очень хорошо, – сказал Яффе. – Очень хорошо. А в центре?

– Мы. Люди.

Его лицо расплылось в улыбке.

– Нет, – сказал он.

– Нет?

– Известная ошибка. Все не так просто.

– Но это же человек! – воскликнула она.

– Ты попрежнему видишь только символ.

– Черт! Меня бесит твое самодовольство. Подскажи мне!

– Время вышло!

– Я почти отгадала. Осталось чуть-чуть.

– Видишь, как бывает. Ты не можешь справиться. Даже при помощи друзей.

– Мне никто не помогал. Хочкис не знает, что это. Грилло потерял рассудок. А Уитт...

А Уитт лежит в воде, подумала она. Но она ничего не сказала, потому что его образ предстал пред ней как откровение. Его тело распростерто в воде с раскинутыми руками и открытыми ладонями.

– Господи, – сказала она – Это Субстанция. Это наши сны. Не кровь и плоть должны оказаться на перекрестке, а *сознание*.

Улыбка Яффе погасла, а глаза засветились еще ярче. Это странное свечение не освещало пещеру, а напротив, поглощало свет.

– Я угадала, да? Субстанция – центр всего. Она и есть *перекресток*.

Он не ответил. В этом не было нужды. Тесла уже поняла, что права. Фигура парила в Субстанции, раскинув руки, – он, она или оно видит сны в море снов. Сны и были местом, откуда все появилось, – первопричиной.

– Неудивительно, – сказала она Его голос звучал, словно из могилы.

– Неудивительно что?

– Неудивительно, что ты не смог этого сделать, – ответила она – Когда столкнулся с Субстанцией лицом к лицу. Неудивительно.

– Ты можешь пожалеть об этом знании.

– Ни разу в жизни я не пожалела о приобретенных знаниях.

– Это изменится, – сказал он. – Гарантирую.

Она не стала мешать ему твердить о том, что виноградто зелен. Но сделка есть сделка, и она будет настаивать на соблюдении договора.

– Ты обещал пойти с нами.

– Помню.

– Ты пойдешь?

– Это бессмысленно, – ответил он.

– Даже не думай. Я не хуже тебя знаю, что поставлено на кон.

– И что, потвоему, мы способны предпринять?

– Вернемся в дом Вэнса и попытаемся закрыть дыру.

– Как?

– А если обратиться к эксперту?

– Таких нет.

– Есть – Киссун, – сказала она – Он нам обоим должен одну вещь. Даже не одну. Но сначала нужно выбраться отсюда.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, как будто колебался: соглашаться или нет.

– Если ты этого не сделаешь, – сказала она, – то останешься здесь в темноте, где ты провел... двадцать лет? Иады прорвутся в наш мир, а ты будешь сидеть под землей, зная, что планета захвачена. Может, они тебя и не найдут. Тебе ведь не надо есть, да? Ты выше этого. Ты проживешь тут еще сто лет или тысячу. Один. Только ты, тьма и осознание того, что ты сделал. Привлекательная перспектива? Лично я предпочла бы умереть при попытке остановить врагов.

– Ты не слишком убедительна, – сказал он. – Я вижу тебя насквозь. Ты болтливая сучка, таких на этом свете множество. Считаешь себя умной, хотя таковой не являешься. Ты не имеешь ни малейшего понятия о том, что сюда приближается. А я? Я вижу то, что видит мой гребаный сын. Он направляется к Метакосму, и я чувствую, что там впереди. Не вижу, не хочу смотреть, но чувствую. И позволь сказать: у нас нет ни единого, мать твою, шанса.

– Это что, последняя попытка отвертеться?

– Нет. Я пойду. Чтобы посмотреть на выражение твоего лица, когда у тебя ничего не выйдет.

– Тогда вперед, – сказала она. – Ты знаешь выход отсюда?

– Найду.

– Отлично.

– Но сначала...

– Что?

Он протянул ту руку, что была меньше изранена.

– Мой медальон.

Прежде чем они начали подъем, пришлось вывести Грилло из ступора. Когда Тесла показалась из расщелины после разговора с Яффе, он так и сидел у воды, крепко закрыв глаза.

– Мы уходим, – тихо сказала она ему. – Грилло, ты меня слышишь? Мы уходим отсюда.

– Мы здесь умрем, – отозвался он.

– Нет. С нами все будет в порядке. – Она просунула руку под его плечо. Каждое движение пронзало ее острой болью в боку. – Вставай, Грилло. Я замерзла, скоро здесь станет совсем темно. – Свет от разлагавшейся тераты быстро таял. – Грилло, там солнце, тепло, свет.

Эти слова заставили его открыть глаза.

– Уитт мертв, – сказал он. Волны прибили труп к берегу.

– Мы не собираемся к нему присоединиться, – ответила Тесла. – Мы будем жить, Грилло.

Проклятье, вставай!

– Мы... не сможет... плыть обратно, – возразил он, глядя на водопад.

– Есть и другие выходы, – говорила Тесла. – Проще. Но нужно спешить.

Она оглянулась и увидела Яффе на другом конце пещеры. Он изучал трещины в стенах, как она догадалась, в поисках лучшего выхода. Он тоже был измучен, так что о подъеме, требующем значительных усилий, не было речи. Яффе позвал Хочкиса и велел тому разбирать камни. Потом двинулся дальше изучать трещины. У Теслы промелькнула мысль, что он тоже не знает, как отсюда выбраться. Чтобы не думать об этом, она вернулась к Грилло. Пришлось его уговаривать, но она добилась своего. Он встал. Прошло несколько минут, прежде чем он смог восстановить кровообращение в затекших подгибающихся ногах.

– Молодец, – сказала Тесла. – Молодец. А теперь пойдём.

Она бросила последний взгляд на тело Уитта. Она надеялась: где бы он сейчас ни был, ему там хорошо. Если у каждого свой рай, то она знала, где сейчас Уильям: в неземном ПаломоГроуве – маленьком спокойном городке в маленькой спокойной долине, там всегда светит солнце и хорошо продается недвижимость. Про себя она пожелала ему удачи и повернулась спиной к телу. Ей вдруг пришла в голову мысль, что он все время знал о предстоящей смерти и был рад тому, что будет покоиться в недрах Гроува, а не превратится в струйку дыма из трубы крематория.

Яффе отозвал Хочкиса от разбора камней в одной из трещин и велел заняться тем же в

другом месте. Это подтвердило неприятные подозрения Теслы: Яффе не знает, где выход. Она пришла Хочкису на помощь, зовя за собой Грилло. Из трещины пахло затхлостью – ни единого дуновения свежего воздуха. Но, может быть, они забрались слишком глубоко.

Работать было тяжело, особенно в сгущающейся темноте. Никогда в жизни она не испытывала подобного изнеможения. Руки ничего не чувствовали, лицо окоченело от холода, тело едва слушалось. Она подозревала, что даже трупы теплее, чем она сейчас. Но когда-то давным-давно, где-то там, под солнцем, она сказала Хочкису, что справится с любым делом не хуже мужчины. И она собиралась это доказать. Она заставляла себя оттаскивать камни с тем же рвением, что и Хочкис. Но основную часть работы сделал все-таки Грилло. Его силы подпитывались отчаянием. Он откидывал самые большие камни с силой, какой Тесла в нем и не подозревала.

– Ну? – спросила она Яффе. – Мы идем?

– Да.

– Это выход?

– Не хуже прочих, – ответил он и двинулся первым.

В открывшейся трещине начинался проход еще более страшный, чем спуск. Впервые, теперь у них был один фонарь на всех, который нес Хочкис, шедший за Яффе. Жалкий свет не столько освещал путь, сколько служил маяком для идущих следом Теслы и Грилло. Они спотыкались, падали и снова спотыкались. Теперь онемение их тел было благом, потому что они не чувствовали собственных увечий.

Сначала они даже не поднимались выше. Проход извивался сквозь несколько небольших пещер, за стенами вокруг редела вода. Потом они шли по тоннелю, что явно недавно был руслом реки. Грязь доходила до колена и капала на них с потолка. Скоро они этому даже порадовались – проход дошел до столь узкого места, что, не будь их одежда скользкой от грязи, они не смогли бы протиснуться дальше. За узким местом начинался подъем, сначала еле заметный, потом все более крутой. Шум воды стих, но обнаружилась новая опасность – движение почв. Никто ничего не сказал. Все были слишком измотаны, чтобы тратить силы на разговоры об очевидном – земля под Гроувом подвержена колебаниям. Чем выше они поднимались, тем громче грохотала земля, а несколько раз их осыпало пылью со сводов тоннеля.

Первым почувал ветер Хочкис.

– Свежий воздух, – сказал он.

– Конечно, – сказал Яффе.

Тесла оглянулась на Грилло. На свои ощущения она уже не полагалась.

– Ты чувствуешь? – спросила она.

– Кажется, да – Его голос был едва слышен.

Обнадеженные, они стали подниматься быстрее, хотя каждый следующий шаг давался труднее. Земля вокруг пришла в движение, коегде тоннели заметно трясло. Но теперь им придавал силы не только свежий воздух – вверху забрезжил дневной свет. Вскоре они смогли разглядеть скалу, по которой карабкались вверх. Яффе подтягивал свое тело одной рукой с поразительной легкостью, словно оно ничего не весило. Остальные едва за ним поспевали, хотя их ослабевшие тела подстегивал адреналин. Свет становился все ярче, и они стремились ему навстречу, шурились от его сияния, забыв о ранах.

В голове Теслы проносился поток обрывочных мыслей, больше похожих на образы из сновидения, чем на осознанные мысли. Ее разум был слишком истощен, чтобы сконцентрироваться. Но она постоянно возвращалась к тем пяти минутам, когда ей пришлось разгадывать символы медальона. Она поняла причину, когда показалось небо: подъем из темноты был подобен эволюции, как возвращение с того света. От хладнокровных – к теплокровным, от слепых и близоруких – к полностью прозревшим. За этим люди и спускаются под землю, мелькнула у нее неясная мысль. Чтобы вспомнить, почему они живут под солнцем.

В самом конце подъема, когда свет заливал все вокруг, Яффе пропустил Хочкиса вперед.

– Передумал? – спросила Тесла.

Но его лицо отражалось не только сомнение.

– Чего ты боишься? – спросила она.

– Солнца, – ответил он.

– Эй, вы двое, идете? – спросил Грилло.

– Через секунду, – ответила Тесла. – Иди вперед.

Он протиснулся мимо них и преодолел оставшиеся до поверхности футы. Хочкис был уже там. Тесла слышала, как он смеется. Откладывать удовольствие последовать за ним было трудно, но они не могли оставить здесь того, за кем шли.

– Ненавижу солнце, – сказал Яффе.

– Почему?

– Оно ненавидит меня.

– Оно причиняет тебе боль? Ты что, вампир? Яффе шурился на свет.

– Флетчер любил солнце.

– Может, тебе стоит у него коечему научиться?

– Слишком поздно.

– Нет, не слишком Ты натворил немало бед, но у тебя есть шанс сделать коечто хорошее. На нас надвигается опасность похуже, чем ты. Подумай об этом.

Он не ответил.

– Послушай, – продолжала она, – солнцу нет никакого дела до твоих поступков. Оно светит всем, и плохим и хорошим. Хотелось бы, чтобы было не так, но от меня здесь ничего не зависит.

Он кивнул.

– Я не рассказывал тебе про... Омаху?

– Потом, Яффе. Надо идти.

– Я умру, – сказал он.

– Тогда закончатся все твои неприятности, – сказала она. – Пошли!

Он взглянул на нее в упор. Сияние в его глазах, которое она видела в пещере, угасло. Ничто в его облике не напоминало о сверхъестественных способностях. Он был ничем не примечателен: бледное потрепанное человеческое существо, какого не удостоишь в толпе повторным взглядом, разве что задумаешься, что за горе заставило его так опуститься. Они отдали столько времени и сил (и жизнь Уитта), чтобы вытащить его изпод земли. Вряд ли он того стоил.

Опустив голову, чтобы спрятать лицо от света, Яффе преодолел оставшиеся до поверхности несколько футов. Она шла за ним. От солнца закружилась голова, Теслу замутило. Пытаясь справиться с тошнотой, она закрыла глаза. Открыть их ее заставил взрыв смеха. Это был не просто смех облегчения. Они выбрались на землю посреди парковки перед мотелем «Терраса». Плакат прямо перед ними гласил: «Добро пожаловать в земной рай ПаломоГроува!»

VI

Как когда-то давно любила повторять трем своим подругам Кэролин Хочкис, земная кора тонка, а Гроув построен вдоль ее слабой линии. В один прекрасный день кора треснет и город провалится в пропасть. За двадцать лет после того, как Кэролин прекратила свои пророчества с помощью снотворного, техника предсказаний таких событий ушла далеко вперед. Стало возможным наносить на карты тончайшие трещины и следить за их развитием. Своевременное предупреждение обещало в случае опасности спасти жизнь миллионов не только в таких гигантах, как СанФранциско и ЛосАнджелес, но и в маленьких городках вроде Гроува. Но никто не смог предсказать ни событий в КониАй, ни их последствий. Прорывы материи пространства внутри дома Вэнса послали едва заметный, но достаточно уверенный сигнал к Холму, дальше в пещеры и тоннели под городом, побуждая всю систему, до этого невнятно роптавшую, закричать в полный голос и опрокинуться. Самые впечатляющие последствия бунта наблюдались на нижних склонах Холма. Земля раскрылась, и одна из «улицполумесяцев» стала трещиной в двести ярдов длиной и двадцать шириной. На этом разрушения не прекратились, как должно было бы быть при обычном землетрясении. Сигнал хаоса распространился дальше. Небольшие трещинки расширились и поглотили дома, гаражи, магазины и тротуары. В Дирделле ближайшие к лесу улицы первыми пострадали от разрушений. Несколько оставшихся там жителей предупредил о надвигающейся катастрофе массовый исход животных, спешивших прочь из леса. Деревья пытались вырвать из земли корни и тоже бежать, но у них ничего не вышло и они упали. За ними последовали дома. Улица за улицей складывались, как костяшки домино. Та же участь постигла Стиллбрук и Лорелтри – с той лишь разницей, что там не было какихлибо очевидных предупреждений. Прямо посреди

улиц и дворов разверзались трещины. Из бассейнов в считанные секунды уходила вода, а дороги превращались в макеты Большого Каньона. В конце концов все районы ПалоМОГроува поглотила земля, на которой он стоял.

Конечно, не обошлось без жертв. Но в большинстве случаев они остались незамеченными, потому что погибли люди, в одиночестве сидевшие в своих домах и не выходявшие уже несколько дней. Никто их не искал – ведь никто не знал, кто покинул город, а кто остался. Показная сплоченность жителей Гроува после той памятной ночи в молле оказалась фальшивой. Никто не собирался, чтобы обсудить создавшееся положение, никто не делился друг с другом страхами. Дела становились все хуже, и целые семьи просто удирали, часто по ночам, не сказав ни слова соседям. Те одиночки, что предпочли остаться, оказались похороненными под обломками собственных крыш, и никто не знал, что они там. Когда власти заинтересовались размером ущерба, многие улицы превратились в непроходимые участки, и поиск жертв стал первостепенной задачей. А самый важный вопрос – что же случилось (и до сих пор продолжало происходить) в доме Бадди Вэнса? – отошел на второй план.

Для первых прибывших полицейских – бывалых патрульных, повидавших, как им казалось, все на свете, – было очевидно: обнаружить силу, бушевавшую в КониАй, не такто просто. Через полтора часа после того, как первый патруль прибыл на место происшествия и доложил начальству о состоянии дома Вэнса, там появились несколько агентов ФБР. К ним из ЛосАнджелеса выехали двое ученых – физик и геолог. Когда они вошли в дом, то признали это необъяснимое явление смертельно опасным. Среди бесчисленных вопросов бесспорным был один факт – местные жители знали о надвигавшейся катастрофе. Они покинули город за несколько часов, а то и дней, до начала разрушений. Почему никто не пожелал предупредить кого-то за пределами города об опасности – еще одна из бесчисленных загадок этого места.

Если бы полицейские знали, где искать, они получили бы ответы на свои вопросы у любого из четверых людей, выбравшихся на поверхность земли перед мотелем «Терраса». Возможно, коечто они сочли бы бредом, но даже Тесла, раньше выступавшая против того, чтобы Грилло рассказал свою историю миру, теперь была готова выложить все, что знает, будь у ее силы. Солнечное тепло и свет оживили ее, высушили кровь и грязь на лице и теле и загнали холод глубоко внутрь. Конечно, вряд ли четверо смогли бы говорить сразу. Солнце согрело и успокоило их, но оно осветило кровь на их разорванной одежде.

Яффе первым поспешил в тень мотеля. Через несколько минут за ним отправилась Тесла. И постояльцы, и персонал покинули мотель. На то были причины. Трещина на парковке была одной из многих. Самая большая прошла через главный вход, расколов фасад, как молния, вырвавшаяся из земли. Внутри царил атмосфера панического бегства – на ступеньках забытый багаж и разбросанные вещи; двери, не сорванные с петель во время землетрясения, распахнуты настежь. Тесла подобрала коечто из одежды, включила душ в номере, разделась и шагнула под воду – такую горячую, что едва можно было терпеть. От тепла потянуло в сон. Ей пришлось заставить себя вылезти и вытереться. К сожалению, в номере были зеркала. Ноющее тело, покрытое синяками, представляло собой жалкое зрелище. Она поспешила одеться. Найденные вещи не сочетались друг с другом и не подходили по размеру. Но результат ей понравился – она любила неформальный стиль. Одеваясь, она допила забытый в номере холодный кофе. Когда она вышла, было три двадцать. Прошло почти семь часов с тех пор, как их четверка отправилась в Дирделл, чтобы начать спуск под землю.

Грилло и Хочкис сидели в офисе. Они сварили горячий кофе. Они тоже вымылись, хотя и не полностью – смыли грязь с лиц, избавились от промокших свитеров и нашли себе по куртке. Оба курили.

– У нас есть все, – сказал Грилло с видом человека, чувствующего себя не в своей тарелке, но пытающегося бодриться. – Кофе, сигареты, засохшие пончики. Только наркотиков не хватает.

– Где Яффе? – спросила Тесла.

– Не знаю, – ответил Грилло.

– Как это не знаешь? Господи, Грилло, мы должны глаз с него не спускать!

– Но раз он зашел так далеко, вряд ли он теперь убежит, верно?

– Может быть, – согласилась Тесла, наливая кофе. – Сахар есть?

– Нет, но есть пирожные и чизкейк. Черствые, но съедобные. Похоже, тут работали сладкоежки. Хочешь?

- Хочу, – сказала Тесла, отпивая глоток кофе. – Надеюсь, ты прав...
- Насчет сладкоежек?
- Насчет Яффе.
- Ему на нас плевать, – сказал Хочкис. – Меня тошнит от него.
- Ну, у тебя есть причины, – ответил Грилло.
- Ты чертовски прав, – согласился Хочкис и искоса взглянул на Теслу. – Когда все это кончится, оставьте его мне, ладно? Нам есть о чем побеседовать.
- Он не стал ждать ответа. Захватил свою чашку и вышел на солнце.
- О чем это он? – спросила Тесла.
- О Кэрولين, – ответил Грилло.
- Точно.
- Он винит Яффе в том, что с ней случилось. И он прав. – Да, он прошел сквозь ад.
- Думаю, в нашем путешествии для него не было ничего нового.
- Может, и так. – Она допила свой кофе. – Что ж, я немного подкрепилась, пойду поищу Яффе.
- Прежде чем ты уйдешь...
- Что?
- Я просто хотел сказать... то, что случилось со мной там, внизу... Прости, что я оказался настолько бесполезным. У меня фобия оказаться похороненным заживо.
- Достойное оправдание, – сказала Тесла.
- Я очень хочу помочь. Сделаю все, что ты скажешь. Тебе пришлось справляться с задачей в одиночку.
- Это не совсем так.
- Как тебе удалось убедить Яффе пойти с нами?
- Он загадал мне загадку. Я ее разгадала.
- Так просто звучит.
- Все вообще проще, чем кажется. То, с чем нам предстоит столкнуться, настолько огромно, что остается положиться на инстинкт.
- С инстинктом у тебя всегда было лучше. Я предпочитаю факты.
- Факты тоже довольно просты – есть дыра, и из нее к нам приближается то, чего люди вроде нас с тобой и представить не способны. Если мы дыру не закроем, нам конец.
- А Яффе знает, как?
- Что «как»?
- Закрывать дыру? Тесла посмотрела на него.
- Думаю, нет.

Она нашла Яффе на крыше. Это было последнее место, куда она заглянула в своих поисках. И больше того – она застала его в положении, какого меньше всего от него ожидала, – он смотрел на солнце.

- Думала, ты нас бросил, – сказала она.
- Ты была права. Оно светит всем – и плохим, и хорошим. Но оно меня не греет. Я забыл, что такое тепло. И что такое холод. Что такое быть голодным или сытым. Я так по этому скучаю.
- Его самоуверенность, так явно проявлявшаяся в пещерах, теперь пропала. Он выглядел почти испуганным.
- Может, тебе удастся это вернуть, – предположила Тесла. – Я имею в виду человеческое. Исправить то, что изменил нунций.
- Хотелось бы, – ответил он. – Хотелось бы снова стать Рэндольфом Яффе из Омахи, штат Небраска. Повернуть время вспять и никогда не входить в ту комнату.
- Какую комнату?
- В комнату мертвых писем в почтовом отделении, – сказал он, – где все и началось. Надо бы рассказать тебе об этом.
- Хотелось бы послушать, но сначала...
- Знаю. Знаю. Лом. Разрыв.
- Теперь он взглянул на нее или скорее за нее, на Холм.
- Рано или поздно нам придется туда подняться, – напомнила она – Я бы предпочла сделать это сейчас, пока светло и у меня еще остались силы.

– И что будет, когда мы там окажемся?

– Будем надеяться на вдохновение.

– Откуда? – спросил он. – Ни у кого из нас нет богов. Именно этим я и пользовался все эти годы – безбожностью людей. Теперь мы такие же.

Она вспомнила, что сказал д'Амур в ответ на ее слова о том, что она не молится: именно теперь, когда знаешь, сколько от тебя зависит, молиться имеет смысл.

– Круг замыкается, и я прихожу к необходимости верить, – проговорила она, – хотя и медленно.

– Во что верить?

– В высшие силы, – ответила она неуверенно дернув плечами. – Ведь и члены Синклита верили. Чем я хуже?

– А они верили? – удивился он. – Думаешь, они охраняли Искусство, потому что Субстанция должна быть защищена? Не уверен. Они просто боялись того, что могло прийти извне. Они служили сторожевыми псами.

– А если долг возвысил их?

– Возвысил? Они стали святыми? Киссун не слишком похож на святого. Он работал на себя. И на иадуроборосов.

Это была суровая правда. Словам д'Амура о вере в загадочное противоречил Киссун, утверждавший, что все религии – прикрытие Синклита, способ отвлечь простой люд от тайны тайн.

– Я попрежнему вижу, где сейчас ТоммиРэй, – сказал Яффе.

– И что там?

– Там становится все темнее и темнее, – ответил Яффе. – Он долго двигался, но теперь остановился. Может, течение изменилось. Чтото идет из темноты. А может, это и есть сама темнота. Не знаю. Но оно приближается.

– Скажи мне, когда он увидит чтонибудь, – попросила Тесла. – Мне нужны подробности.

– Я не хочу смотреть на такое. Ни его глазами, ни своими.

– Похоже, у тебя нет выбора Он твой сын.

– Он подводит меня снова и снова Я ничего ему не должен. Теперь у него есть его призраки.

– Прекрасная семья. Отец, сын и...

– Дух святой, – закончил Яффе.

– Точно, – сказала она. Она услышала еще одно эхо прошлого. – Троица.

– Что это?

– То, чего боялся Киссун.

– Троицы?

– Да. Когда он впервые затащил меня в Петлю, он случайно обронил это слово. Похоже, он совершил ошибку. Когда я спросила его, что это такое, он до того занервничал, что отпустил меня.

– Не думал, что Киссун христианин, – заметил Яффе.

– Я тоже не думаю. Может, он имел в виду какого-то другого бога или *богов*. Которым поклонялся Синклит. Где медальон?

– У меня в кармане. Достань его сама. У меня слишком ослабли руки.

Он вынул их из карманов. В тусклом свете пещеры повреждения выглядели отвратительно, а при свете солнца стали еще более отталкивающими. Плоть почернела и влажно блестела, кости крошились.

– Я распадаюсь на части, – сказал он. – Флетчер выбрал огонь, я – собственные зубы. Мы оба самоубийцы. Мой способ не такой быстрый.

Она залезла в его карман и вытащила медальон.

– Кажется, ты об этом не жалеешь.

– О чем?

– О том, что распадаешься на части.

– Нет, – признался он. – Я бы хотел умереть. Я умер бы, если б остался в Омахе. От старости Я не хочу жить вечно. Какой смысл жить, если не можешь чувствовать вкус жизни?

Тесла разглядывала медальон, и к ней вернулась радость, которую она чувствовала, разгадывая его символы. Но даже при дневном свете она не видела ничего похожего на Троицу. Там определенно были одни четверки. Четыре луча, четыре круга. Ничего по три.

– Без толку, – сказала она. – Можно гадать целыми днями.
– О чем гадать? – спросил Грилло, вышедший на крышу.
– Что такое Троица, – сказал она. – Как ты думаешь?
– Отец, Сын и...
– А кроме очевидного?
– Тогда не знаю. А что?
– Жаль, надежда не оправдалась.
– А сколько всего Троиц? – спросил Грилло. – Это несложно узнать.
– У кого? У Абернети?
– Начать можно и с него, – сказал Грилло. – Он богобоязненный человек. По крайней мере, сам так утверждает. А это важно?
– Сейчас все важно, – ответила Тесла.
– Тогда пойду узнаю, если телефон еще работает. Значит, тебя интересует...
– Любая информация о Троице. Любая!
– Сухие факты, вот что я люблю, – сказал он. – Сухие факты.
Он отправился вниз. Тут Тесла услышала бормотание Яффе:
– Отвернись, Томми. Отвернись... Его глаза были закрыты, он задрожал.
– Ты их видишь? – спросила она.
– Там так темно.
– Ты их видишь?!– Я вижу, как чтото движется. Чтото огромное. О, какое огромное. Парень, почему ты стоишь? Убирайся оттуда, пока тебя не заметили. Убирайся!
Вдруг он широко открыл глаза.
– Хватит! – воскликнул он.
– Ты потерял его? – спросила Тесла.
– Я сказал, хватит!
– Он погиб?
– Нет, он... он катается на волнах.
– Катается в Субстанции?
– Он хороший серфер.
– А иады?
– Следуют за ним Я был прав, течение изменилось. Они приближаются.
– Опиши, что ты видел.
– Я уже сказал. Они огромные.
– И все?
– Как движущиеся горы. Горы, по которым скачет саранча или блохи. Большие и маленькие.
Не знаю, я ничего не понимаю.
– Значит, нам нужно закрыть разрыв как можно скорее. Ну, горы я еще могу понять, но о блохах давай не будем, ладно?
Когда они спустились, Хочкис стоял у входа. Грилло уже рассказал ему про Троицу, и у Хочкиса появились свои соображения на этот счет.
– В молле есть книжный магазин. Может, я пойду поищу чтонибудь о Троице?
– Можно, – сказала Тесла. – Если она так испугала Киссуна, то может испугать и его хозяев.
Где Грилло?
– Ищет машину. Он отвезет вас на Холм. Вы ведь туда собираетесь? – Он с отвращением взглянул на Яффе.
– Туда, – ответила Тесла. – И там мы останемся. Так что вы знаете, где нас искать.
– До самого конца? – спросил Хочкис, все еще глядя на Яффе.
– До самого конца.
На стоянке у мотеля Грилло нашел машину и замкнул провода зажигания.
– Где ты этому научился? – спросила его Тесла, когда они выехали в сторону Холма. Яффе лежал на заднем сиденье, закрыв глаза.
– Занимался както журналистским расследованием.
– Об угонщиках?
– Именно. Запомнил несколько штук. Я кладезь ненужной информации. Узнай чтонибудь новенькое от Грилло.

– Но о Троице ты ничего не знаешь.

– Опять ты об этом.

– Это от отчаяния, – сказала она. – Нам не за что зацепиться.

– Д'Амур говорил что-то о спасителе.

– О том, что в последнюю минуту с небес спустится помощь? – сказала Тесла. – Я не собираюсь сидеть и ждать.

– Вот дерьмо!

– Проблемы?

– Посмотри.

Впереди посреди перекрестка разверзлась трещина. Она пересекала обе улицы от края до края. Проехать к Холму было невозможно.

– Нужно искать объезд, – сказал Грилло.

Он развернулся и через три квартала свернул на перпендикулярную улицу. По обеим сторонам виднелись следы разрушений – поваленные деревья и фонарные столбы, вздыбленные тротуары. Из лопнувших труб текла вода.

– Все рушится, – сказала Тесла.

– Как точно.

Наконец они выехали на улицу, ведущую прямо к Холму. Когда они начали подъем, Тесла заметила еще одну машину, что сворачивала с шоссе на дорогу к городу. Это была не полицейская машина, если только местные копы не начали ездить на «фольксвагенах», выкрашенных желтой флуоресцентной краской.

– Глупец.

– Кто?

– Вон, кто-то возвращается в город.

– Может, возвращается за имуществом, – предположил Грилло. – Люди берут, что могут и пока могут.

Еще некоторое время ее преследовал неуместный здесь цвет этой машины. Он был типичным для западного Голливуда. Тесла сомневалась, что снова окажется в своей квартире на НордХантлидрайв.

– Похоже, нас встречают, – сказал Грилло.

– Отличный эпизод для фильма, – сказала Тесла. – Жми, водила!

– Дурацкая реплика.

– Давай, езжай.

Грилло повернул руль, чтобы избежать столкновения с патрульной машиной, и нажал на газ. Они проскочили мимо, прежде чем им успели перегородить дорогу.

– Наверху их будет больше, – заметил он.

Тесла оглянулась. Полицейские не пустились в погоню. Похоже, они просто сообщили о нарушителях другому посту.

– Покажи, на что ты способен, – сказала Тесла.

– Что ты имеешь в виду?

– Протарань их, если надо. Нет времени объясняться.

– Дом, наверное, полон копов.

– Сомневаюсь, – ответила Тесла. – Думаю, внутрь они не заходят.

Она оказалась права. Когда показался КониАй, стало ясно: полицейские решили, что этот бардак – не их дело. Машины были припаркованы на приличном расстоянии от ворот, а патрульные стояли еще дальше. Четыре офицера дежурили у заграждения, перекрывающего подъезд.

– Едем прямо? – спросил Грилло.

– Именно так.

Он нажал на педаль газа. Двое из четверых потянулись за оружием, двое других отскочили. На скорости Грилло врезался в заграждение. Дерево не выдержало и треснуло, по лобовому стеклу застучали щепки. Грилло показалось, что прозвучал выстрел, но все остались целы. Он вскользь зацепил полицейскую машину, ее развернуло, и она ударила другую. Грилло сумел справиться с управлением и въехал в открытые ворота дома Вэнса. Двигатель взревел, и они понеслись по подъездной аллее.

– Нас не преследуют, – отметила Тесла.

– Черт, я их понимаю.

Когда они достигли поворота аллеи, Грилло затормозил.

– Мы достаточно близко, – сказал он. – Господи! Посмотри на это!

– Я вижу фасад дома напоминал торт, простоявший ночь под проливным дождем. Дом размяк и осел, как от удара. В дверных и оконных проемах не осталось ни одной прямой линии. Сила, которую освободил Яффе, засасывала в свою пасть все, ломая кирпичи, черепицу, оконные рамы. Дом тянуло в разрыв. Когда Тесла и Грилло бежали отсюда, здесь бушевала огромная воронка, но теперь, похоже, она затихла. Следов новых разрушений не было. Но сомнений в том, что дыра близко, тоже не было. Едва выйдя из машины, они почувствовали исходящую от нее энергию. Волоски на коже встали дыбом, а внутренности сжались. Здесь парило спокойствие, как в центре урагана.

Тесла посмотрела через стекло на их пассажира. Ощувив ее внимательный взгляд, Яффе открыл глаза. Было видно, что он боится. Когдато преуспевший в искусстве скрывать свои чувства, теперь он не притворялся.

– Хочешь пойти посмотреть? – спросила Тесла.

Он не ответил, и Тесла не стала переспрашивать. Еще одно дело нужно было завершить до того, как они войдут внутрь, поэтому пока она дала Яффе время собраться с духом. Она вернулась немного назад и вышла изза палм на подъездной аллее. Полицейские приблизились к воротам, но дальше двигаться не решились. Тесле пришло в голову, что их удерживал не только страх, но и приказ начальства. Она не смела надеяться на прибытие подкрепления, но, быть может, именно сейчас армия спешит на помощь, а копы ждут, пока подтянутся основные силы? Они явно нервничали. Тесла подняла руки и шагнула навстречу ряду взведенных стволов.

– Запретная зона! – прокричал кто-то из задних рядов. – Возвращайтесь с поднятыми руками! Все!

– Боюсь, не могу этого сделать, – сказала Тесла. – Продолжайте охранять это место, ладно? У нас тут дело. Кто вами руководит? – спросила она, чувствуя себя пришельцем из космоса, который просит отвести его к главному.

Иzza машины появился человек в хорошо сшитом костюме. Она поняла, что он не полицейский – скорее, из ФБР.

– Я.

– Вы ждете подкрепления?

– Кто вы? – потребовал он ответа.

– Вы ждете подкрепления? – повторила она – Поверьте, вам потребуется больше сил, чем несколько патрульных машин. Скоро начнется большое вторжение.

– О чем вы?

– Окружите Холм. И закройте Гроув. Второго шанса не будет.

– Я еще раз спрашиваю... – начал главный, но Тесла исчезла из его поля зрения прежде, чем он успел закончить фразу.

– Тебе отлично удаются переговоры, – отметил Грилло.

– Дело практики.

– Тебя могли подстрелить.

– Но не подстрелили, – ответила она, возвращаясь к машине и открывая дверь. – Прошу, – обратилась она к Яффе, и поначалу тот никак не отреагировал на ее приглашение. – Чем раньше начнем, тем скорей закончим.

Вздыхнув, Яффе вылез из машины.

– Я хочу, чтобы ты остался, – сказала Тесла Грилло. – Если кто-нибудь подойдет ближе, кричи.

– Ты просто не хочешь, чтобы я шел с вами.

– И это тоже.

– Что вы там собираетесь делать?

– Выступим как пара критиков, – ответила Тесла, – и разнесем Искусство.

В детстве Хочкис был заядлым читателем, но смерть Кэролин отбила у него всякую любовь к книгам. Зачем читать боевики, написанные людьми, которые никогда не слышали выстрелов? Книги – ложь. И не только романы. «И это тоже ложь», – думал он, изучая полки в магазине мормонской литературы. Целые тома об откровениях и Божьем промысле. В нескольких он

нашел упоминание о Троице, но каждый раз вскользь. В итоге он удовлетворился тем, что разбросал книги по полу. Его воротило от их слащавости. Если бы было больше времени, он бы их сжег.

Пройдя в глубь магазина, он заметил, что на стоянку въехал яркожелтый «фольксваген». Из него вышли два человека. Более несуразную пару трудно было представить. Один – это бросалось в глаза даже на расстоянии – одет в грязные мешковатые лохмотья, и лицо у него столь отвратительное, что при виде его разрыдалась бы и родная мать. Его спутник – вылитый загорелый Адонис, разряженный как павлин. Хочкис решил, что эти двое не знают ни где они находятся, ни какая опасность им угрожает. Они растерянно оглядывались на пустой стоянке. Хочкис подошел к двери.

– Ребята, лучше уезжайте отсюда, – обратился он к ним Павлин посмотрел в его сторону.

– Это ПаломоГроув?

– Да, – А что случилось? Землетрясение?

– Все еще впереди, – сказал Хочкис. – Слушайте, окажите себе услугу. Убирайтесь отсюда к чертовой матери.

Теперь заговорил урод, и чем ближе он подходил, тем более бесформенным казалось его лицо.

– Тесла Бомбек, – сказал он.

– А что с ней? – спросил Хочкис.

– Мне нужно ее видеть. Меня зовут Рауль.

– Она на Холме, – сказал Хочкис.

Он слышал, как Тесла упоминала имя Рауль в разговоре с Грилло, но не помнил, в какой связи.

– Я приехал, чтобы ей помочь, – сказал Рауль.

– А вы... – начал Хочкис, обращаясь к Адонису.

– Я Рон, – отозвался тот. – Я просто привез его. – Он пожал плечами. – Если хотите, чтобы я убрался отсюда, я с удовольствием.

– Дело ваше, – сказал Хочкис, возвращаясь в магазин. – Здесь небезопасно. Больше мне нечего сказать.

– Понятно, – сказал Рон.

Рауль потерял интерес к разговору и разглядывал витрины магазинов. Казалось, он принимает.

– Что мне делать? – спросил его Рон. Рауль оглянулся на своего спутника.

– Езжай домой.

– Хочешь, отвезу тебя наверх, поищем Теслу? – продолжал Рон.

– Я сам ее найду.

– Пешком тут далеко, брат. Рауль взглянул на Хочкиса.

– Нам нужно коечто тут сделать.

Хочкис не горел желанием ему помогать и вернулся к своим поискам, краем уха слушая разговор на стоянке.

– Ты точно не хочешь, чтобы я помог тебе найти Теслу? Я думал, это срочно.

– Ну да, это срочно. Но мне... сначала нужно немного побыть здесь.

– Я не против. Могу подождать.

– Я же сказал – нет.

– Ты не хочешь, чтобы я отвез тебя обратно? Я думал, мы повеселимся вечером. Ну, пройдемся по барам...

– Может, в другой раз.

– Завтра?

– Просто в другой раз.

– Ясно. Это значит «спасибо, но никакой благодарности», да?

– Как пожелаешь.

– Ты чертовски странный парень. Сначала сам подходишь ко мне, теперь знать не хочешь. Да пошел ты. Я знаю море мест, где мне отсосут.

И Адонис гордо направился к машине. Второго уже не было видно. Хочкис вернулся к книгам. Раздел о материнстве ничего не обещал, тем не менее он стал изучать и его. Как и ожидалось, там были сплошные сентиментальные банальности и ни единого, даже косвенного,

упоминания о Троице. Только разглагольствования о материнстве как высшем предназначении и о том, что женщина – инструмент Бога, а ее величайшая и благороднейшая цель – принести в мир новую жизнь. И совет потомству: «Дети, почитайте своих родителей во Христе, ибо это правильно».

Хочкис честно просматривал книгу за книгой и отбрасывал в сторону, не находя ничего полезного. Остались два последних раздела, и оба не внушали надежды. Хочкис выпрямился и встал на цыпочки, оглядывая палимую солнцем парковку. Под ложечкой засосало от нехорошего предчувствия. Солнце, конечно, светит, но надолго ли это?

Далеко за парковкой, уже очень далеко, он заметил желтый «фольксваген», выезжающий из Гроува на шоссе. Хочкис не завидовал свободе Адониса, у него не возникало желания найти машину и уехать из города. Гроув – не худшее место для смерти, уютное, знакомое, пустое. Он может кричать, умирая здесь, – никто не узнает о его трусости. Или погибать молча – никто не станет над ним рыдать. Пусть Адонис уезжает. Ему нужно прожить свою жизнь. Она коротка. Если же усилия Хочкиса и его товарищей окажутся напрасными и победит надвигающаяся ночь, жизнь станет совсем короткой. И даже если они справятся с врагом (на что мало надежды), жизнь попрежнему останется мимолетной. В конце она всегда прекрасней, чем в начале.

В обманчивой тишине Тесла остро ощущала каждое подергивание щеки от нервного тика, каждый хрип в своих легких. Яффе шагал за ней следом. Они миновали холл и подошли к гостиной, где Яффе совершил свое преступление против естественного порядка вещей. Следы его преступления виднелись повсюду, все застыло, искаженные предметы оплыли, словно сделанные из воска.

Она вошла в гостиную. Разрыв оставался на прежнем месте. Окружающие вещи стремились к дыре диаметром не больше шести футов. Она стабилизировалась. Не было никаких видимых признаков расширения. Если иады приблизятся к порогу Косма, им придется протискиваться в отверстие по одному, пока оно не порвется и не распахнет настежь.

– Не так уж страшно выглядит, – сказала она Яффе. – Если поторопимся, у нас есть шанс.

– Я не знаю, как ее запечатать.

– Попробуйся. Ты же сумел ее открыть.

– Я доверился инстинкту.

– А что твои инстинкты говорят сейчас?

– Что у меня не осталось силы, – ответил он и поднял изуродованные руки. – Я ее отгрыз и выплюнул.

– Она вся заключалась в руках?

– Думаю, да.

Она вспомнила ночь у молла: именно из пальцев Яффа сочился яд, который он направлял на Флетчера. Теперь его руки превратились в разлагающиеся обрубки. И все-таки она не могла поверить, что сила зависит от анатомии. Киссун не был полубогом, но его жалкое тело было вместилищем ужасающей магии. Ключом к силе является воля. У Яффе ее, похоже, не осталось.

– Значит, ты не можешь этого сделать, – просто сказала она.

– Нет.

– А если я смогу? Он прищурился.

– Сомневаюсь, – ответил он, и в его тоне послышались едва заметные снисходительные нотки. Тесла претворилась, будто ничего не заметила.

– Но я попытаюсь, – продолжала она. – Нунций изменил и меня, помнишь? Ты тут не единственный бог.

Последнее замечание принесло именно те плоды, на какие она и рассчитывала.

– Ты? – сказал он. – На тебя надежды нет. – Он взглянул на свои руки, потом на дыру. – Я открыл ее. Я единственный, кто на это осмелился. И я единственный, кто способен запечатать ее.

Он устремился к дыре с той же легкостью в движениях, на которую Тесла обратила внимание, когда они выбирались из пещер. Его шаг замедлился, когда он приблизился на расстояние двух ярдов. Потом он и вовсе остановился.

– Что случилось? – спросила она.

– Подойди, посмотри сама.

Она направилась к нему. Это оказалось не такто просто. Видимый мир изгибался и тянулся к дыре, и то же самое, как поняла Тесла, происходило и с невидимым миром. От блестящей поверхности рождался поток воздуха, несущий частицы пыли и грязи. Пространство завязалось в узел. Его материя была достаточно податлива, чтобы пройти сквозь нее, но приходилось прилагать усилия. Чем ближе к дыре, тем ощутимее. Избитое израненное тело Теслы с трудом справлялось с этой задачей. Но она не отступила и, шаг за шагом, приблизилась на достаточное расстояние, чтобы заглянуть в пропасть. Открывшееся зрелище было нелегко выдержать. В одно мгновение все представления о цельном и понятном мире рухнули. Последний раз подобное потрясение она испытывала в детстве, когда кто-то (она уже не помнила, кто) научил ее заглядывать в бесконечность, поставив друг против друга два зеркала. Ей было двенадцать, почти тринадцать, и она помнила, как ее напугала идея пустоты, отражающей пустоту, пока та не терялась за границами светового потока. Потом долгие годы Тесла вспоминала момент, когда воочию столкнулась с тем, что отказывалось воспринимать ее сознание. Сейчас происходило то же самое. Разрыв перевернул восприятие реального мира.

Она заглянула в пропасть. Там не было ничего определенного. Если она видела облако, то наполовину оно было дождем. Если она видела дождь, то это был дождь на грани воспламенения, он превращался в падающий огонь. А за облаком, дождем и огнем находилось совсем другое место, столь же неопределенное, как и скрывавшие его элементы. Там море становилось небом без разделяющей линии горизонта. Там была Субстанция.

Ее охватило страстное, почти необоримое желание оказаться *там*. Пролететь в разрыв и вкусить тайну. Сколько тысяч искателей узнавали об этом в лихорадочных и наркотических снах? Очнувшись, они жаждали умереть, уверенные, что никогда не попадут туда. И все же они жили и надеялись, что чудеса возможны, что божественный дар любви и музыки – не самообман, а ключ к высшей ступени развития. Там за надежду воздастся откровениями и поцелуями, там откроются двери в вечность.

Этой вечностью и была Субстанция. Она – эфир, откуда произошло бытие, как человечество вышло из океана. Внезапная мысль о том, что Субстанции коснулись иады, поразила Теслу сильнее, чем сам факт их вторжения. Она вспомнила слова Киссуна: «Субстанция должна быть защищена». Как сказала Мэри Муралес, Киссун лгал только при необходимости. У него был талант извлекать выгоду из правды. Субстанция *действительно* должна быть защищена. Без фантазий жизнь – ничто. Возможно, без них она и не возникла бы.

– Наверное, я должен попробовать, – сказал Яффе и на шаг приблизился к пропасти. Теперь он стоял у самого края.

Его руки, минуту назад казавшиеся немощными, вдруг наполнились силой. Теперь это было заметнее, чем раньше, потому что сила сочилась из искаленной плоти. Он потянулся к дыре. То, что дыра почувствовала его присутствие, стало очевидным раньше, чем он успел поднести к ней руки. Из пасти разрыва вырвалась волна энергии и прокатилась по комнате. Комната содрогнулась и исказилась еще больше.

– Она поняла, что мы задумали, – сказал Яффе.

– Все равно, нужно попытаться, – ответила Тесла. Пол под ногами дрогнул, со стен и потолка посыпались куски штукатурки. А облака огненного дождя с той стороны устремились к Коему.

Яффе успокаивающе скрестил руки. Но дыра не поддавалась. Она выплюнула новую волну, и Яффе швырнуло в объятия Теслы.

– Нехорошо! – сказал он. – Совсем плохо!

Гораздо хуже, чем «нехорошо». Если им требовались какие-либо доказательства приближения иадов, то они уже видели надвигающееся темное облако. Пасть разрыва не собиралась поглощать все и вся. Она хотела выплевать то, что ее душит, и потому стала открываться.

Это было началом конца.

VII

Книга в руках Хочкиса называлась «Подготовка к Армагеддону» – практическое руководство для верующих, пошаговая инструкция по выживанию во время Апокалипсиса. Там были главы о животноводстве, о воде и зерне, об одежде и быте, о топливе, о свете и обогреве. А еще пятистраничный список, озаглавленный: «Долго хранящиеся продукты». Он начинался с

черной патоки и заканчивался вяленой олениной. И словно для того, чтобы напугать и подстегнуть тех, кто медлил с приготовлениями, книга изобиловала изображениями различных катастроф, случившихся в Америке. В основном там были стихийные бедствия. Неистовое буйство лесных пожаров; лежавшие в руинах города, сметенные ураганами. Несколько страниц были посвящены наводнению в Солт-Лейк-Сити в мае 1983 года с фотографиями стен домов штата Юта, укрепленных мешками с песком. Но самым страшным среди этого каталога был ядерный гриб. В книге содержалось несколько фотографий ядерного взрыва, и под одной из них Хочкис нашел незатейливую надпись:

«16 июля 1945 года в местечке Тринити* в 5. 30 утра, при участии ее создателя Роберта Оппенгеймера, была взорвана первая атомная бомба. Этим взрывом начался последний период истории человечества».

Больше никаких пояснений. Эта книга была призвана не описывать устройство и действие атомной бомбы, а научить верующих Церкви Иисуса Христа святых последнего дня выжить после ее взрыва. Да это было и не важно – Хочкис не нуждался в подробностях. Ему требовалось лишь одно это слово: «Троица» вне контекста Отца, Сына и Духа Святого. Он нашел ее. Троица упростилась до единственного места и события. Это была та Троица, что сместила все остальные. В воображении людей двадцатого века ядерный гриб был страшнее Бога.

Хочкис встал, держа в руке книгу, и направился к выходу. То, что он увидел снаружи, заставило его остановиться. На парковке без присмотра резвилась дюжина животных. Ползали щенки, мыши удирали от котят, на горячем асфальте грелись ящерицы. Он оглядел ряд магазинов. Из открытой двери магазина Теда Элизандо вылетел попугай. Хочкис не был знаком с Тедом, но кое-что о нем слышал. Он сам был объектом сплетен и всегда внимательно прислушивался к тому, что говорят о других. Элизандо потерял рассудок, жену и ребенка. Теперь он потерял и свой маленький ковчег, выпустив его обитателей.

Хочкис не мог найти слов утешения и поддержки. К тому же сейчас нужно донести информацию о Тринити до Теслы Бомбек, а не утешать Элизандо. Тот наверняка понимает, в какой опасности находится, иначе не стал бы отпускать на волю своих зверей. Да и как его поддержать?.. Хочкис принял решение, направился к своей машине – и снова остановился. На этот раз потому, что услышал сдавленный человеческий крик. Кричали в зоомагазине.

Через десять секунд Хочкис был у входа. По полу бродили животные, но никаких признаков хозяина Он окликнул Теда:

– Элизандо? У вас все нормально?

Ответа не последовало, и Хочкис подумал, что Тед покончил с собой. Выпустил животных и вскрыл себе вены. Хочкис бросился внутрь, пробираясь между стендами, настрадами и клетками. Он увидел осевшее тело Элизандо в дальнем углу большой клетки в центре магазина. Небольшая стайка канареек в панике металась по клетке, теряя перья при ударах о прутья.

Хочкис бросил книгу и поспешил на помощь.

– Что же вы наделали, – говорил он Теду, – господи, что же вы наделали!

Подойдя ближе, он понял свою ошибку. Это было не самоубийство. Невозможно нанести себе такие раны, какие зияли на прижатом к прутьям лице. Из щеки и шеи Элизандо были вырваны клочья мяса. Кровь хлестала сквозь ячейки и заливала пол клетки, но с каждым толчком поток крови ослабевал. Тед был мертв уже несколько минут.

Очень медленно Хочкис поднялся. Если кричал не Элизандо, то кто? Он шагнул назад, чтобы поднять книгу, но тут его внимание привлекло движение. Прямо за трупом Элизандо по полу скользило нечто, похожее на черную змею. Двигалась оно быстро, и его намерение оказаться между Хочкисом и дверью не вызывало сомнений. Если бы не необходимость подобрать книгу, Хочкис успел бы обогнать змейку, но, когда «Подготовка к Армагеддону» оказалась у него в руках, змея успела скользнуть к выходу. Теперь он смог ее разглядеть и понял сразу несколько вещей. Впервые, она не сбежала из клетки (никто из жителей Гроува не принес бы такое к себе домой). Вторых, она больше походила на мурену, чем на змею, но даже это сходство было весьма приблизительным. Хочкис никогда не видел ничего подобного.

И последнее: за ней тянулся кровавый след по кафельному полу, и пасть ее была испачкана в крови. Вот кто убил Элизандо. Хочкис отпрянул, произнеся давно забытое имя:

– Иисус!

В ответ на это слово из задней части магазина послышался смех. Он обернулся. Дверь в

кабинет Теда была открыта настежь. Хотя в кабинете не было окон и не горел свет, он смог разглядеть фигуру человека, сидящего на полу скрестив ноги. Хочкис узнал его: даже в полумраке он различил странные черты лица Рауля, друга Теслы Бомбею Рауль был голым. Именно изза его наготы, а следовательно – его уязвимости, Хочкис решился подойти к двери. Встав перед выбором: сражаться со змеей или с ее заклинателем, Хочкис выбрал заклинателя. Обнаженный мужчина, сидевший на корточках, выглядел не так угрожающе.

– Какого хрена тут происходит? – спросил Хочкис, подходя ближе.

В темноте мужчина ухмыльнулся. Его улыбка была широкой и влажной.

– Я делаю ликсов.

– Ликсов?

– У тебя за спиной.

Хочкису не надо было поворачиваться, чтобы понять – выход попрежнему заблокирован. Ему оставалось стоять на месте, несмотря на нарастающий страх. Тот человек был не просто голым. Его тело от середины груди до середины бедер кишело насекомыми, что должны были пойти на корм ящерицам и рыбам в зоомагазине, но тут они удовлетворяли иные аппетиты. От движений насекомых у мужчины возникла эрекция, и они трудились над его изогнутым членом. Но было и более отталкивающее зрелище – на полу перед ним лежала кучка экскрементов, взятых из клеток животных. В центре кучи пыталось устроиться какое-то создание. Нет, оно оттуда *рождалось*, набухая и разрастаясь на глазах у Хочкиса. Существо подняло голову, и Хочкис увидел, что это еще один лике, как их называл создатель монстров.

И не единственный. В углах маленькой комнаты во всю длину своих блестящих мускулистых тел, в каждом движении которых ощущалась злоба, разворачивались новые ликсы. Два возникли изза спины своего создателя, еще один карабкался на стойку справа, подбираясь к Хочкису. Тот отступил, но слишком поздно понял, что оказался в пределах досягаемости другой твари. Через две секунды она была у его ног, а через три – взбиралась вверх. Хочкис бросил «Армагеддон» и потянулся, чтобы сбить тварь, но ее зияющая пасть оказалась быстрее, и она укусила его. От неожиданности Хочкис пошатнулся и взмахнул руками, чтобы удержать равновесие. Он схватился за стеллаж, сбив с него несколько клеток. Но полки были рассчитаны на вес клеток с котятками, и Хочкис упал, увлекая за собой стеллаж и то, что на нем стояло. Его убили бы, едва он коснулся пола, но клетки задержали стремящихся к нему от входной двери и изза спины хозяина ликсов. Это дало десятисекундную отсрочку. Пока ликсы пытались протиснуться между клеток, Хочкис перевернулся и хотел подняться на ноги, но тварь, повисшая у него на бедре, свела эти усилия на нет – она вонзила зубы в его ногу. От боли потемнело в глазах, а когда зрение вернулось, мерзкие существа проложили к нему дорогу. Хочкис почувствовал, как один коснулся его шеи, другой обвился вокруг груди. Он стал звать на помощь, пока из его легких не выдавили воздух.

– Здесь нет никого, кроме меня, – услышал Хочкис.

Он взглянул на человека по имени Рауль. Тот уже не сидел на полу над кучей дерьма – он навис над Хочкисом, и у него так же стоял член, по нему попрежнему ползали насекомые, а вокруг шеи обвился лике с открытой пастью. Двумя пальцами он почесывал у ликса во рту.

– Ты не Рауль, – задыхаясь, сказал Хочкис.

– Нет.

– Кто...

Прежде чем обвинившийся вокруг его груди лике усилил хват, он услышал ответ на свой вопрос. Это было имя из двух прекрасных слогов: «кисс» и «сун»*. Хочкис успел подумать, что это пророчество. Там, на той стороне смерти, его ждет Кэролин, скоро ее губы коснутся его щеки. Это облегчило его последние страдания.

– Дохлый номер, – сказала Тесла Грилло, выйдя из дома. Она вся дрожала, часы напряжения и боли делали свое дело. Ей страшно хотелось спать, но она боялась увидеть сон, приснившийся Уитту днем раньше, – плавание в Субстанции, означавшее, что она скоро умрет. Возможно, так и будет, но сейчас она не хотела об этом знать. Грилло взял ее за руку, но она отмахнулась.

– Ты можешь меня утешить больше, чем я тебя.

– Что там происходит?

– Дыра снова начала расширяться. Она похожа на готовую прорваться плотину.

– Черт.

Дом заскрипел, с пальм полетели засохшие листья, а поверхность аллеи растрескалась, словно кто-то ударил кузнечным молотом изпод земли.

– Нужно предупредить копов, – сказал Грилло, – рассказать им, что надвигается.

– Грилло, похоже, мы проиграли. Ты не знаешь, что с Хочкисом?

– Нет.

– Надеюсь, он успеет уехать прежде, чем они прорвутся.

– Он не уедет.

– Ему надо уехать. Ни один город не стоит того, чтобы за него умирать.

– Кажется, мне пора позвонить.

– Кому? – спросила она.

– Абернети. Рассказать дурные новости. Тесла вздохнула.

– Ну да. Почему нет? Последняя сенсация.

– Я скоро вернусь, – сказал Грилло. – Не думай, что тебе придется выбираться отсюда в одиночестве. Сделаем это вместе.

– Я никуда не уеду.

Грилло осознал, насколько сильно трясется земля, только когда сел в машину и попытался вставить ключ в замок зажигания. Когда он наконец завел мотор, развернулся и направился к воротам, он понял, что предупреждать полицейских уже не нужно. Почти все они отъехали от Холма на приличное расстояние, оставив за воротами одну машину с двумя людьми в качестве наблюдателей. Они не обратили на Грилло внимания. У них было две задачи, профессиональная и частная: следить за домом и готовиться к бегству, если трещины поползут в их сторону. Грилло направился к подножию Холма. Ниже на склоне его нерешительно попытался остановить какой-то коп, но он просто проехал мимо по направлению к моллу. Там он надеялся найти телефонавтомат и позвонить Абернети. А еще – найти Хочкиса и предупредить, если тот еще не знал, что игра окончена. Пробираясь по крысиному лабиринту заблокированных или иссеченных трещинами, а то и превратившихся в расселины улиц, он думал о названии для своей последней статьи. «Конец света близок» – это казалось затасканным. Грилло не хотелось пристраиваться в длинный ряд пророков, обещавших Апокалипсис, даже если на этот раз (наконец-то) он действительно наступил. На въезде к моллу, за мгновение до того, как он увидел резвящихся животных, его посетило вдохновение. И вдохновила его коллекция Бадди Вэнса. Пускай уломать Абернети принять это название будет нелегко, но Грилло не сомневался: для его истории не придумать более подходящего заголовка, чем «Конец пути». Людям понравилось путешествие, и оно подошло к концу.

Грилло остановил машину у въезда на парковку и вышел, чтобы взглянуть на неуместные сейчас игры зверей. Он невольно улыбнулся. Какая благодать – пребывать в неведении. Они резвятся на солнце и не знают, как мало им отпущено времени. Грилло пересек парковку и направился к книжному магазину, но Хочкиса там не оказалось. Как свидетельство неудачных поисков по полу были разбросаны книги. Грилло дошел до зоомагазина в надежде отыскать телефон и человеческое общество. Изнутри доносился гомон птиц – последних пленниц магазина. Если бы у него было время, он выпустил бы их сам. Почему бы не дать им взглянуть на солнце?

– Здесь есть ктонибудь? – спросил он, просовывая голову в дверь.

Между его ног пробежал геккон. Грилло проводил его взглядом, повторив свой вопрос. На пути к выходу геккон наступил на кровавое пятно. Куда бы Грилло ни взглянул, повсюду брызги и пятна крови. Сначала он заметил тело Элизандо, потом – похороненное под грудой клеток тело своего компаньона.

– Хочкис? – позвал он.

Грилло начал отбрасывать клетки. К запаху крови примешивался запах дерьма. Грилло испачкал руки, но продолжал разбирать завал, пока не убедился, что Хочкис мертв. У него был размозжен череп; обломки кости походили на печень в каше из его мыслей и чувств. Ни одно животное из магазина не могло нанести подобную рану, не было поблизости и подходящего оружия. Грилло решил не задерживаться здесь – ведь где-то рядом убийца. Он осмотрел пол в поисках чего-либо, чем можно защититься. Невдалеке от трупа Хочкиса он заметил брошенную на пол книгу.

Он прочитал название вслух:

– «Подготовка к Армагеддону».

Он поднял ее и быстро пролистал страницы. Похоже на инструкцию, как пережить Апокалипсис. Это была мудрость мормонов, написанная для прихожан их церкви. Она убеждала, что все будет хорошо, пока у них есть живые пророки Господни, Первое президентство и Совет двенадцати апостолов, которые заботятся о братьях и наставляют советом. Надо следовать их духовным и практическим наставлениям, и тогда ты выживешь, что бы ни уготовило будущее.

«Если ты готов, то не испытываешь страха, – надеялись, хотя и не были уверены написавшие книгу. – Будь чист сердцем, возлюби ближних, будь праведным и держись святых мест. Сделай запас на год».

Он снова пролистал страницы. Почему Хочкис выбрал именно эту книгу? Ураганы, лесные пожары, наводнения. Что здесь общего с Тринити?

Бот оно. Зернистая фотография грибовидного облака и подпись внизу:

«Тринити, штат НьюМексико».

Дальше читать Грилло не стал. Зажав в руке книгу, он побежал через парковку к машине. Звери бросились врассыпную. Звонок Абернети подождет. Каким образом тот факт, что Троица – место рождения атомной бомбы, вписывается в эту историю, он не понимал. Может быть, поймет Тесла. А если и нет, все равно он рад доставить ей такую новость. Он понимал, что глупо быть довольным собой – как будто информация изменит ход событий. Но даже малейший ключик к решению загадки отодвинул страх конца света («Конец пути») на задний план. Грилло не знал большей радости, чем нести новости, быть посланником, *нунцием*. Для него это состояние ближе всего к счастью.

Даже за недолгое время, проведенное в молле – не больше четырехпяти минут, – в Гроуве произошли новые разрушения. Двух улиц, по которым Грилло спускался вниз, больше не существовало. Одна просто исчезла – земля раскрылась и поглотила ее, вторую засыпало обломками двух рухнувших домов. Он нашел третий путь и направился на Холм. Земля дрожала так сильно, что он едва справлялся с управлением. За время его отсутствия прибавились новые наблюдатели. Пассажиры трех вертолетов – самый большой из них завис прямо над домом Вэнса – явно пытались оценить обстановку. Они давно должны были понять, что это не природный катаклизм. Возможно, они знали причину событий. Д'Амур говорил Тесле, что о существовании иадов известно сильным мира сего. Но в таком случае дом Вэнса окружала бы армия, а не кучка испуганных копов. Неужели генералы и политики не верили доказательствам, что были у них в руках? Неужели они не способны поверить, что их власти угрожает нечто из потустороннего мира? Грилло не винил их. Еще семьдесят два часа назад он бы и сам не поверил. Он счел бы это чепухой и горячечным бредом, как и предсказания пророков из книги, лежавшей рядом с ним на сиденье. Если наблюдатели останутся на прежнем месте, есть шанс, что они изменят свое мнение. Видеть – значит верить. Ворота в КониАй рухнули. Грилло оставил машину у кучи каменных обломков, подхватил книгу и стал пробираться к дому. Фасад закрыло какое-то клубящееся облако. На подъездной аллее возникли огромные трещины, так что идти приходилось осторожно. Чем ближе он подходил к двери, тем больше сгущалась тень. Хотя солнце попрежнему било ему в затылок и в фасад КониАй, похожий на оплывший под дождем торт, все выглядело тусклым, словно кто-то покрыл мир слоем грязного лака. От этого болела голова, закладывало нос и уши. Ощущение ужаса нарастало с каждым шагом. В голове замелькали тошнотворные картинки, как фотографии, не пропущенные цензурой. Даже самый прожженный редактор не опубликовал бы ничего подобного. Автомобильные аварии и крушения самолетов, растерзанные тела, убийства. Ужаснее всего были образы зла, причиненного невинным. Дети и младенцы – избитые, искалеченные, выброшенные на свалку вместе с мусором Издевательства над больными стариками. Унижения слабых. Его сознание заполнило море жестокостей.

– Иады, – раздался голос Теслы.

Он поднял глаза в ее сторону. Воздух между ними загустел, лицо Теслы казалось зернистым, как фотография. Нереальным. Все стало нереальным. Изображение на экране.

– Это приближаются иады, – сказала она. – Вот что ты чувствуешь. Тебе нужно уходить. Тебе не стоит здесь оставаться.

– Нет, – сказал он. – Я принес... послание.

Трудно было сосредоточиться. Ему продолжали являться образы изувеченных невинных.

– Что за послание?

– Троица.

– Что ты узнал?

Он понял, что Тесла закричала, хотя едва слышал ее голос.

– Грилло, ты сказал «Троица»? – Да.

– Что ты узнал?

На него смотрело столько глаз. Он не мог думать ни о чем кроме них, кроме их боли и бессилия.

– Грилло!

Он попытался сосредоточиться на женщине, шепотом кричавшей его имя.

– Троица, – повторила она.

Он знал, что ответ на этот вопрос есть в книге, которую он держал в руках, но не мог отвлечься от этих скорбных глаз. Троица. Что такое Троица? Он протянул Тесле книгу и вспомнил.

– Бомба, – сказал он.

– Что?

– Там взорвали первую атомную бомбу. Он увидел выражение понимания на ее лице.

– Ты понимаешь?

– Да. Господи, да!

Она не стала открывать книгу, а лишь велела ему возвращаться к дороге. Но оставалось еще что-то, что он должен был сообщить. Не менее важное, чем Троица... Что-то о смерти. Он не мог вспомнить.

– Иди, – повторила она. – Прочь из этой грязи.

Он кивнул, сознавая свою бесполезность, и побрел обратно сквозь мутный воздух. Чем дальше он отходил от дома, тем ярче светило солнце, а образы невинно убиенных все меньше довлели над его мыслями. Он свернул за поворот подъездной аллеи. Открылся вид с Холма, и Грилло вспомнил, что еще нужно было сказать. Хочкис умер, его убили, размозжили ему голову. Убийца попрежнему прячется в городе. Нужно вернуться и предупредить Теслу. Он подождал немного, изгоняя из сознания образы, вызванные приближением иадов.

Но он знал – они исчезли не навсегда. Едва он подойдет к дому, жуткие картины вернутся. Принесший их отравленный воздух завоевывал пространство и уже почти добрался до того места, где сейчас стоял Грилло. Прежде чем он успел снова его одурманить, Грилло достал ручку, взятую в мотеле на случай, если потребуется что-нибудь записать. Со стойки администратора он захватил и бумагу. Но на него снова стал надвигаться калейдоскоп ужасов, и он, боясь потерять мысль, нацарапал слово на тыльной стороне ладони.

«Хочк...» – вот и все, что он успел. Потом его пальцы утратили способность писать, а сознание – способность думать о чем-либо, кроме горя невинно убиенных. Он лишь помнил, что должен добраться до Теслы. Послание и посланник – одна плоть. Он развернулся и побрел обратно в облако иадов. Но когда он добрался до дома, там уже не было женщины, что кричала ему шепотом. Она отправилась куда-то дальше, приблизилась к потоку жестокости, захлестнувшему его мозг. Если он пойдет за ней, то рискует потерять рассудок.

Тесле вдруг многое стало ясно. В том числе – атмосфера тягостного ожидания, царившая в Петле, особенно над мертвым городом. Она видела фильм об испытании той бомбы, снятый по воспоминаниям Оппенгеймера. Здания домов и магазинов города обратились в пепел, чтобы создатели бомбы полюбовались мощью своего детища. Неудивительно, что Тесле захотелось снять там фильм о нападении динозавра. Инстинкт сценариста ее не обманул: город и правда ждал Судного дня. Она ошиблась лишь в выборе монстра, который его уничтожит. Киссун не мог подыскать лучшего места, чтобы скрыть следы своего преступления. Атомная вспышка полностью уничтожит тела Тесла без труда представила, с каким извращенным удовольствием он разрабатывал идеальный план: взрыв уничтожит Синклит и станет одним из самых впечатляющих образов столетия.

Но его переиграли. Мэри Муралес поймала его в Петлю. Там он заперт до тех пор, пока не сумеет найти себе другое тело. Ему приходилось силой воли сдерживать момент детонации бомбы. Он жил в положении человека, заткнувшего пальцем дырку в плотине: если он вытащит палец, плотину прорвет и он утонет. Неудивительно, что слово «Троица» приводило Киссуна в смятение. Оно было названием его страха.

Можно ли использовать эти сведения против иадов? Когда Тесла вернулась в дом, ей в голову пришла нелепая мысль, но для ее осуществления требовалась помощь Яффе.

Сохранять ясное мышление в потоке дряни, изливавшейся из разрыва, было очень трудно, но Тесле и раньше приходилось противостоять внешнему воздействию – например, кинопродюсеров или колдунов. Поэтому сейчас ей удавалось отметить самое худшее. Но чем ближе иады приближались к порогу Косма, тем сильнее становилось их влияние. Тесла старалась не думать об их природе, ведь даже простейший слух о приближении врагов терзал душу. Не думала она и о том, что оружием иадов окажется безумие. Но, кажется, именно так оно и было. Пока она еще могла противиться натиску мерзости, но рано или поздно ей придется сдаться. Ни одно человеческое сознание не сможет сопротивляться этому вечно, и в конце концов не останется другого выхода, кроме как искать спасения в безумии. Иадуроборосы будут править планетой сумасшедших.

Яффе находился на грани душевного расстройства. Тесла нашла его у двери в гостиную. Дыра поглощала пространство у него за спиной. Заглянув в дверной проем, Тесла впервые поняла, почему Субстанцию называют морем. О берег Косма бились волны темной энергии, и пена прибоей влетала в дыру. Вдали Тесла заметила движение, но смогла взглянуть туда лишь мельком. Яффе говорил о движущихся горах и блохах. Сознание Теслы иначе интерпретировало захватчиков: это великаны. Ожившие персонажи ее детских кошмаров. У великанов из снов часто были лица ее родителей, из чего психоаналитик Теслы сделал немало выводов. Но эти оказались другими – они не имели лиц и не различались. И, в чем Тесла не сомневалась, не походили на заботливых родителей.

– Видишь? – спросил Яффе.

– Да.

Он повторил вопрос, его голос изменился – он звучал выше, чем обычно.

– Папа, ты видишь?

– Папа? – переспросила она.

– Папа, я не боюсь, – продолжал голос – Они меня не тронут. Я ЧеловекСмерть.

Теперь она поняла. Яффе видел глазами ТоммиРэя и говорил его голосом. Теперь отец принадлежал сыну.

– Яффе! – позвала она. – Послушай. Мне нужна твоя помощь. Яффе!

Он не ответил. Стараясь не смотреть в дыру, она подошла к нему, ухватила его за разорванную рубашку и потащила к входной двери.

– Рэндольф! – сказала она. – Ты должен со мной поговорить!

Он ухмыльнулся. Такое выражение никогда не было свойственно его лицу – широкая белозубая ухмылка калифорнийского принца. Тесла отступила.

– Пользы от тебя... – сказала она.

У нее не было времени убеждать его отделиться от ТоммиРэя. Чтобы осуществить задуманное, придется рассчитывать на свои силы. Идея проста но осуществить ее на практике чертовски трудно, если вообще возможно. Однако выбора нет. Тесла не была великим магом, способным закрыть дыру. Но она могла попытаться *передвинуть* ее. Дважды она находила силы переместить себя, и не только себя, обратно из Петли. Удастся ли проделать это с неживой материей? Перенести дерево и штукатурку? Часть дома? *Эту часть этого* дома. Сможет ли она растворить и перенести кусок Косма в точку Зеро, где готова вырваться наружу сила, способная убить великанов прежде, чем они успеют распространить свое безумие?

Она не узнает ответа на этот вопрос, пока не применит магию. Не получится – стало быть, нет. Все просто. Тогда у нее будет несколько секунд, чтобы осознать поражение.

ТоммиРэй снова заговорил, его речь превратилась в невнятный лепет.

– Как Энди... – говорил он. – Только выше... папа, ты меня видишь?.. Прямо как Энди... я вижу берег! Я вижу берег!

В последних словах был смысл. Он уже видел берег Косма, а значит, иады близко.

– ЧеловекСмерть, – снова начал он. – Я ЧеловекСмерть.

– Ты не можешь заткнуть его? – спросила она Яффе, не сомневаясь, что тот останется глух к ее словам.

– Йухху! – кричал ТоммиРэй. – Вот и мы! Вот и мы!

Несмотря на мучительное любопытство, Тесла не стала заглядывать в дыру, чтобы попытаться рассмотреть гигантов. Ей придется заглянуть в этот зияющий глаз, но пока она

была не готова: не успокоилась, не собралась с силами. Она сделала еще шаг к входной двери и крепко сжала дверную ручку. Ручка показалась необыкновенно твердой. Здравый смысл восставал против самой идеи, будто подобную твердость можно перенести усилием мысли в другое место и время. Тесла послала к чертям здравый смысл – он не защитит от лившегося сквозь дыру безумия. Разум может быть жестоким, а логика – безрассудной. Но существует иное состояние сознания, пренебрегающее столь наивными дихотомиями. Оно позволяет получать силу из промежуточных положений.

Все для всех.

Она вдруг вспомнила слова д'Амура о спасителе. Она посчитала спасителем Яффе, но, как оказалось, ошиблась. Она сама была спасителем – Тесла Бомбек, дикарка из Западного Голливуда, измененная и воскресшая.

Эта мысль дала ей новую веру, а вместе с верой пришло решение задачи, как заставить работать магию. Она не пыталась отрешиться ни от idiotских воплей ТоммиРэя, ни от вида истерзанных рук Яффе, ни от понимания бредовости идеи, будто твердое можно превратить в мысль и этой мыслью двигать твердое. Все было частью целого, даже сомнения. Особенно сомнения. Нет нужды отрицать сомнения и неуверенность в собственных силах, она должна их принять. Ее сознание должно проглотить их – разжевать и проглотить. Все можно переварить. Материальное и нематериальное, этот мир и тот, все съедобно и подвижно. Теперь она знала: ничто не удержит ее от пиршества. Она заглянула в дыру.

– Даже ты, – сказала она и начала есть.

Когда Грилло был уже в двух шагах от входной двери, к нему вернулись образы невинных жертв. Вблизи от разрыва их натиск оказался сильнее прежнего. Грилло не мог двинуться ни вперед, ни назад, его окружили ужасы. Ему казалось, что он ступает по окровавленным детским телам. Они поворачивали к нему заплаканные лица, но он знал, что помочь им нельзя. Тень, идущая через Субстанцию, отменит милосердие. И ее власть никогда не кончится. Никто и никогда не осудит ее и не призовет к ответу.

Кто-то прошел к двери мимо него. В стесненном от страданий воздухе было почти невозможно что-либо различить. Грилло попытался разглядеть, кто это, но увидел только уродливое лицо с плотно сжатыми, как у убийцы, челюстями. Незнакомец вошел в дом. Взгляд Грилло привлекло движение у его ног. По детским лицам ползли черные змеи в руку толщиной. В ужасе он шагнул вперед, надеясь раздавить одну или нескольких. Этот шаг приблизил его к краю безумия, что, как это ни парадоксально, придало ему сил. Он сделал второй шаг, потом третий, стараясь наступать на головы черных тварей. Четвертым шагом он перешагнул порог в абсолютно иное безумие.

– Рауль?

Меньше всего Тесла ожидала увидеть Рауля.

Он вошел в дверь, как только она сосредоточилась на своей задаче. Появление Рауля так ее потрясло, что она списала бы его на расстройство рассудка, если бы не была уверена в том, что ее сознание сейчас абсолютно ясное. Это не галлюцинация. Он стоял перед ней во плоти, с приветливой улыбкой и ее именем на губах.

– Что ты здесь делаешь? – проговорила она, чувствуя, что ее решимость ускользает.

– Я пришел за тобой, – последовал ответ. Она поняла, что это означало. Через порог дома вползали ликсы.

– Что с тобой? – спросила она.

– Я же сказал, – ответил он. – Я пришел за тобой. Мы пришли.

Она отступила от него. Поскольку полдома занимала дыра, а входную дверь охраняли ликсы, единственным путем отступления осталась лестница наверх. Хотя и там Тесла выиграла бы лишь временную передышку. Наверху она окажется в ловушке, где противники достигнут ее в любой удобный для них момент. Впрочем, это уже не важно. Через несколько минут иады доберутся до Косма, и тогда смерть будет более чем желанна. Нужно оставаться на месте. У нее есть дело, и необходимо сделать его как можно быстрее.

– Держись от меня подальше, – сказала она Раулю. – Не знаю, зачем ты здесь, но не подходи.

– Я пришел посмотреть на прибытие, – ответил Рауль. – Если хочешь, подождем вместе.

Рубашка Рауля была растегнута, и на шее у него она увидела знакомую вещь: медальон

Синклита. Туту нее зародилось подозрение, что это вовсе не Рауль. Стоящий перед ней человек вел себя совершенно иначе, чем тот испуганный нунциат, с которым она познакомилась в миссии СантаКатрина. За обезьяньими чертами скрывался другой человек – тот, кто первым показал ей загадочный знак Синклита.

– Киссун, – поняла она.

– Ну вот, испортила мой сюрприз, – сказал он.

– Что ты сделал с Раулем?

– Выпустил его и занял тело. Это было нетрудно. В нем оказалось много нунция, что сделало его доступным. Я затащил его в Петлю, так же как тебя. Только у него не хватило мозгов сопротивляться, как это делали вы с Рэндольфом. Он сдался довольно быстро.

– Ты убил его.

– О нет, – беззаботно ответил Киссун. – Его дух жив и бодр. Он присматривает за моим телом, пока я не вернусь. Хочу получить свое обратно, когда вытаску его из Петли. Я не желаю оставаться в этом – оно омерзительно.

Вдруг он оказался рядом с Теслой – так быстро умел двигаться только Рауль – и схватил ее за руку. Он сжал руку с такой силой, что она вскрикнула. Он улыбнулся ей и приблизился еще на два быстрых шага. Через мгновение его лицо оказалось в дюйме от ее лица.

– Поймал, – сказал он.

Она взглянула мимо него на дверь. Там стоял Грилло и смотрел в дыру. Волны Субстанции все чаще и свирепее бились в ее края. Тесла выкрикнула его имя, но он не слышал. По его лицу струился пот, из приоткрытого рта сочилась слюна. Он был где-то далеко.

Если бы Тесла могла заглянуть в череп Грилло, она поняла бы, что его загипнотизировало. Едва он перешагнул порог, образы невинных жертв в его сознании сменились новыми, более чудовищными. Его взгляд был прикован к волнам Субстанции. Рядом с берегом он заметил два тела. Течение то швыряло их к Коему, то утягивало обратно в море, угрожая утопить. Грилло узнал их, хотя лица этих людей сильно изменились: ДжоБет Макгуайр и Хови Каты. Подальше он заметил еще одну фигуру, бледный силуэт на фоне темного неба. Кто он, Грилло не понял, потому что на этом лице не осталось плоти. Оскал смерти, оседлавший приливную волну.

Но настоящий кошмар был впереди. К ним приближались огромные прогнившие тела. Воздух вокруг гигантов сгустился от движений кормившихся в их грязи существ, похожих на блох размером с птицу. Это были иадуроборосы. Даже сейчас, в загипнотизированном состоянии, его мозг пытался (вслед за Свифтом) подобрать слова, чтобы описать зрелище. Но его словарь истощился, Грилло нашел лишь слово «зло». Порок, беззаконие, безбожие – что значили эти понятия перед лицом столь невыразимого? Увлечения и развлечения.

Хови, превратившийся в игрушку волн, мог бы кое-что ему рассказать. Юноша вспомнил, что испытывал подобный ужас на чикагской бойне, где подрабатывал два года назад. Его сознание заполнили воспоминания о том месяце. Лето, бойня, свернувшаяся в кишках кровь, животные, опорожнявшие кишечники и мочевые пузыри при звуках смерти тех, кого забивали первыми. Жизнь превращалась в мясо одним электрическим разрядом. Сквозь тошнотворные картины Хови попытался разглядеть ДжоБет, с которой они проделали такой длинный путь. Течение свело их вместе, а теперь не давало оторваться от мясников, висевших у них на хвосте. Даже образ ДжоБет, призванный облегчить его последние минуты, оказался недоступным. Хови видел только забитую скотину, кровь и дерьмо, что смывали из шлангов, подвешенные на крюк за одну сломанную ногу дергающиеся туши. Эти картины снова и снова проносились перед его мысленным взором.

Хови не видел ничего за волнами и не знал, как далеко – а точнее, как близко – он находится от берега. Иначе он разглядел бы отца ДжоБет – раздавленного, говорившего голосом ТоммиРэя: «... вот и мы... вот и мы...», а еще Грилло, смотревшего на иадов, и Теслу, стоявшую рядом с кемто, кому она кричала:

– Киссун! Посмотри на них! Посмотри!

Киссун взглянул в дыру на армию, приближавшуюся по волнам.

– Я вижу, – сказал он.

– Думаешь, им есть до тебя дело? Если они прорвутся, ты содохнешь, как и все мы!

– Нет, – возразил он. – Они несут новый мир, и я заработал себе теплое место в нем. Знаешь, сколько лет я этого ждал? Работал на них? Убивал ради них? Они меня наградят.

– Ты подписал контракт? На бумаге?

– Я их освободитель. Я сделал это возможным Тебе нужно было присоединиться к нашей команде в Петле. Одолжить мне свое тело. Тогда я бы тебя защитил. Но нет. У тебя были свои амбиции. Как у этого. – Он кивнул на Яффе. – Вы оба хотели получить собственный кусок пирога. Вот вы и подавились. – Зная, что теперь Тесла не убежит, поскольку бежать больше некуда, Киссун отпустил ее и шагнул к Яффе. – Он подошел ближе, чем ты, но тогда у него еще были яйца. Яффе больше не издавал восхищенных воплей ТоммиРэя. Теперь он только тихо стонал, и это был стон скорее отца, чем сына. А может быть, и обоих.

– Ты должен это увидеть, – сказал Киссун, глядя на искаженное мукой лицо. – Яффе, посмотри на меня. Я хочу, чтобы ты это увидел.

Тесла взглянула в разрыв. Сколько еще волн нужно преодолеть иадам, чтобы оказаться на берегу? Дюжину? Полдюжины?

Яффе раздражал Киссуна все больше. Шаман начал его трясти:

– Посмотри на меня, черт тебя побери!

Его злость дала Тесле мимолетный шанс заново начать процесс перемещения в Петлю.

– Проснись и взгляни на меня, ублюдок! Это Киссун! Я выбрался! *Я выбрался!*

Тесла вплела его вопли в общую картину. Ничего нельзя упускать. Яффе, Грилло, вход в Косм, выход в Субстанцию – все это нужно проглотить. И даже она сама – та, кто их проглотит, – должна стать частью перемещаемого. Разжевать и выплюнуть в другое время.

Вдруг крики Киссуна смолкли.

– Что ты делаешь? – спросил он, оборачиваясь к ней. Его украденное лицо, не привыкшее к злобному выражению, превратилось в гротескную маску. Но она не позволила отвлечь себя. Это тоже лишь часть картины, которую придется проглотить. Ко всему нужно относиться одинаково ровно.

– Ты не посмеешь! – сказал Киссун. – Слышишь? Она слышала и ела.

– Предупреждаю тебя, – сказал он, направляясь к ней. – Ты не посмеешь!

Три слова и тон, каким они были сказаны, отозвались эхом в отдаленном уголке сознания Рэндольфа Яффе. Однажды он был в хижине, там сидел человек и точно так же произносил эти слова. Яффе вспомнил душную жару и запах собственного пота. Вспомнил сидящего на корточках у очага высохшего старика. Но отчетливей всего он вспомнил их разговор, который теперь зазвучал в его голове эхом из прошлого.

– *Ты не посмеешь!*

– *Ты машешь красной тряпкой перед быком. Я коечто уже повидал. И коечто уже сделал.*

Слова напомнили ему о действии. Тогда, скользнув в карман куртки, его рука нащупала нож с тупым лезвием. У этого ножа была страсть к распечатыванию секретов. Заключались ли они в письмах или в черепах.

Он снова услышал слова...

– Ты не посмеешь.

... и увидел то, что было перед ним. Его искалеченная рука – жалкая пародия на прежнюю сильную руку – скользнула в карман. Все эти годы он не расставался с ножом. Лезвие попрежнему было тупым. И нож попрежнему был голоден. Остатки пальцев Яффе сжали рукоятку. Глаза сконцентрировались на голове человека из воспоминания. Это была удобная мишень.

Краем глаза Тесла заметила, как Яффе качнул головой; увидела, как он оттолкнулся от стены и занес правую руку. До последнего момента, когда пальцы Киссуна сомкнулись на ее шее, а ликсы обвили вокруг лодыжек, она не видела, что сжимает изуродованная рука. Даже теперь она не позволила себе отвлечься от перемещения. Все стало частью картины, поглощаемой ею. Теперь еще и Яффе. И его поднятая рука. И нож, чей блеск она наконец увидела в поднятой руке. Поднятой и опустившейся на шею колдуна.

Киссун закричал. Его руки соскользнули с горла Теслы и метнулись к собственному горлу в надежде защититься. Тесле понравился его крик. В нем слышалась боль ее врага, и чем громче кричал шаман, тем больше у нее становилось сил, словно часть силы Киссуна передалась ей вместе с голосом.

Начатое дело показалось Тесле очень легким. Она ощутила все это пространство во рту своего сознания и сделала глоток. Дом вздрогнул, словно от него оторвали значительный кусок, и перенесся в замкнутое время Петли.

Тут же возник свет.

Вечный утренний свет Петли, лившийся через дверь. И тот же ветер, что дул ей в лицо каждый раз, когда она бывала здесь, ворвался в комнату, подхватил часть чар иадов и понес их через пустыню. Лицо Грилло стало приобретать осмысленное выражение. Он ухватился за дверную ручку, щурясь на свет и трясая головой, как пес, которого одолели блохи.

После поражения своего создателя ликсы отступили. Но Тесла не надеялась, что они надолго оставят ее в покое. Пока Киссун не успел снова натравить их, она бросилась к двери, задержавшись лишь для того, чтобы вытолкнуть Грилло из дома.

– Ради всего святого, что ты сделала? – спросил он, когда они шагнули на выбеленную землю пустыни.

Она поволокла его прочь от перемещенных в пустыню комнат, что трещали по всем швам под натиском идущих через Субстанцию.

– Тебе хорошие новости или плохие? – спросила она.

– Хорошие.

– Это Петля. Я перенесла сюда часть дома. Теперь она сама с трудом верила, что ей это удалось.

– Я сделала это, – сказала она, словно Грилло с ней спорил. – Черт меня побери, я сделала это!

– Перенесла вместе с иадами? – спросил Грилло.

– Вместе с разрывом и всем, что через него может пройти.

– Какие же плохие новости?

– Это Троица. Тринити. Помнишь? Точка Зеро.

– О господи.

– А это, – она указала на стальную башню, стоявшую в четверти мили от них, – атомная бомба.

– Когда она взорвется? У нас есть время?

– Не знаю, – ответила Тесла. – Может, она не взорвется, пока жив Киссун. Долгие годы ему удавалось оттягивать этот момент.

– А выход отсюда есть?

– Да.

– Тогда давай выбирать. В какую нам сторону?

– Нет, Грилло, не трать время на пустые желания. Мы не выйдем отсюда живыми.

– Ты не сумеешь перенести нас обратно? Ведь перенесла же ты нас сюда.

– Нет. Я должна остаться и досмотреть до конца.

– А вот и конец, – сказал он, указывая на фрагмент дома. – Смотри.

Стены рушились, утопая в облаке белой пыли, словно о них бились волны Субстанции.

– Какого конца тебе еще надо? Давай убираться отсюда на хрен!

Тесла пыталась разглядеть в этом бедламе Киссуна или Яффе, но эфир Субстанции, выплескивавшийся во всех направлениях, был слишком плотным, и его не мог развеять ветер. Они были где-то там, но оставались вне поля зрения.

– Тесла? Ты меня слышишь?

– Бомба не взорвется, пока жив Киссун.

– Ты это уже говорила.

– Если хочешь успеть убираться отсюда, тебе туда. – Она указала за облако в направлении города и дальше. – Поспеши.

– Думаешь, я трус?

– Разве я так сказала?

К их ногам подползла волна эфира.

– Если уходишь, уходи, – сказала она.

Ее взгляд был устремлен на развалины гостиной и холла КониАй. Чуть выше, едва видимый в разливе Субстанции, в воздухе завис разрыв реальности. Он уже вдвое увеличился в размере и продолжал расширяться. Тесла ждала появления великанов. Но сначала увидела людей – двоих, выброшенных приливом на иссушенный берег.

– Хови? – сказал Тесла.

Да, это был он, а за ним ДжоБет. С обоими что-то случилось. Тела и лица покрывали наросты, словно в их плоти разрасталось какое-то мерзкое растение. Тесла храбро шагнула в набежавшую волну эфира и побежала к ним, зовя их по именам. Первой подняла голову ДжоБет. Она вела Хови за руку. Она встретилась взглядом с Теслой.

– Сюда – сказала Тесла – Вам нужно выбраться из дыры.

Отравленный эфир принес кошмары, которым не терпелось показать себя. Но, похоже, ДжоБет удалось с ними справиться, сосредоточившись на одном простом вопросе:

– Где мы?

Ответить оказалось нелегко.

– Грилло тебе объяснит, – сказала Тесла – Позже. Грилло? Он стоял рядом и смотрел тем же отсутствующим взглядом, что и у двери в КониАй.

– Дети, – сказал он. – Почему всегда дети?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – сказала она – Послушай меня, Грилло...

– Я... слушаю...

– Ты хотел убраться отсюда. Я показала тебе дорогу, помнишь?

– Через город.

– Через город.

– На ту сторону.

– Правильно. Возьми с собой Хови и ДжоБет. У вас еще есть шанс убежать.

– От чего убежать? – спросил Хови, с трудом поднимая голову, отяжелевшую от огромных наростов.

– От иадов или от бомбы, – ответила Тесла. – Соберитесь с силами. Сможете?

– Попробуем, – сказала ДжоБет. Она взглянула на Хови. – Мы попробуем.

– Тогда вперед. Идите.

– Я... попржнему... не понимаю... – начал Грилло. По его голосу стало ясно, какое давление иадов ему приходилось выдерживать.

– Почему я должна остаться?

– Да.

– Все просто, – сказала Тесла. – Это последняя попытка. Все для всех, помнишь?

– Чертовски глупо, – сказал он, не отрывая взора от Теслы, словно один ее вид помогал сопротивляться безумию.

– Чертовски верно, – сказала она.

– Я не успел... – сказал он.

– Что?

– ... так много не успел сказать тебе.

– Тебе и не нужно ничего говорить. Надеюсь, мне тоже.

– И тебе.

– Кроме одного. Коечто я всетаки должна тебе сказать.

– Что?

– Я должна сказать... – начала она и широко и почти счастливо улыбнулась.

Ей не пришлось притворяться – это была искренняя улыбка, закончившая предложение, как прежде Тесла заканчивала их телефонные разговоры. Она отвернулась и шагнула в набежавшую волну, зная, что Грилло не сможет за ней последовать.

К ней кто-то приближался. Еще один пловец из моря мечты, выброшенный на берег. ТоммиРэй, ЧеловекСмерть.

ДжоБет и Хови подверглись сильным изменениям, но по сравнению с ТоммиРэем Субстанция обошлась с ними мягко. У него остались прежние золотые волосы, а лицо сияло той же покорявшей всех улыбкой. Но теперь сверкали не только его зубы. Субстанция настолько выбелила его плоть, что она стала похожа на кость. Оживший скелет, да и только. Обратной стороной ладони он вытер струйку слюны, сбегавшую по подбородку. Его взгляд был устремлен мимо Теслы – туда, где стояла его сестра.

– ДжоБет... – сказал он и зашагал к ней, омываемый струями темного воздуха.

ДжоБет обернулась в его сторону и отступила от Хови, словно готова была его оставить. И хотя Тесла должна была завершить важное дело, она стояла и смотрела, как ТоммиРэй зовет сестру. Эта история – по крайней мере, ее последняя глава – началась с любви между Хови и ДжоБет. Неужели Субстанция погубила эту любовь?

Ответ не замедлил себя ждать. ДжоБет еще на шаг отошла от Хови, их сомкнутые руки вытянулись в одну прямую линию. И тут Тесла поняла, что именно ДжоБет показывает своему брату. Они с Хови Катцем не просто держались за руки. Они были соединены. Субстанция слила их сомкнутые пальцы в единое целое.

Лишних слов здесь не требовалось. ТоммиРэй с отвращением вскрикнул и остановился. Тесла не разглядела выражения его лица, да и нечего было разглядывать. Черепа умеют лишь ухмыляться да скалиться – чувства противоположные, а выражение одно. Но, несмотря на надвигающуюся тьму, Тесла видела взгляд ДжоБет. В нем было немного жалости. Совсем немного. Скорее он был бесстрастным.

Тесла увидела, как Грилло что-то сказал влюбленным и они втроем быстро пошли прочь. ТоммиРэй за ними не последовал.

– ЧеловекСмерть? – окликнула Тесла.

Он обернулся к ней. Череп лил слезы. Они ручьями текли из его глазниц.

– Как далеко были от тебя иады? – спросила она.

– Иады? – переспросил он.

– Великаны.

– Там нет никаких великанов. Только тьма.

– Как далеко?

– Очень близко.

Когда она взглянула в сторону разрыва, то поняла, какую тьму он имел в виду. На волнах появились черные клочья, похожие на сгустки дегтя размером с лодку. Они стали подниматься в воздух над пустыней. В них угадывалась жизнь, они перемещались ритмичными движениями с помощью дюжины конечностей, расположенных по бокам. За ними тянулись такие же темные нити материи, напоминавшие размотанные гниющие кишки. Тесла поняла, что это еще не сами иады. Тем не менее враги были уже близко.

Она обернулась к стальной башне с платформой наверху. Эта бомба – вершина человеческого идиотизма, однако она оправдывает свое существование, если взорвется сейчас. Но вспышки не произошло. Бомба застыла в своей люльке, как спеленатый младенец, не желающий просыпаться.

Киссун был еще жив, он оттягивал момент детонации. Тесла направилась к развалинам в надежде найти шамана и прервать его жизнь собственными руками. Тут она поняла, что в движении темных клочьев есть определенный порядок. Тянущиеся за ними нити сплетались в огромный занавес. Он уже достиг тридцати футов, и каждая новая волна приносила новые клочья. Их число умножалось по мере того, как расширялся разрыв.

В том месте, где раньше был дальний конец комнаты, Тесла увидела Киссуна и Яффе. Они стояли лицом к лицу, вцепившись друг другу в глотки. Яффе сжимал нож, но Киссун не давал пустить его в ход. Тело, принадлежавшее когда-то Раулю, было исколото, из ран хлестала кровь. Но несмотря на увечья, силы Киссуна не убывали. На глазах у Теслы колдун разорвал Яффе глотку. Полетели куски плоти. Крик Теслы отвлек Киссуна.

– Киссун! Шаман обернулся.

– Слишком поздно, – сказал он. – Иады почти здесь. Она постаралась успокоить себя этим «почти».

– Вы оба проиграли, – продолжал Киссун. Он отшвырнул Яффе резким ударом ладони. Изможденное костлявое тело весило так мало, что опустилось на землю легко и откатилось в сторону, выпустив нож. Киссун смерил противника презрительным взглядом и рассмеялся.

– Бедная сучка, – сказал он Тесле. – Чего ты ждала? Искупления? Ослепляющей вспышки, что сотрет их с лица земли? Забудь. Этого не случится. Все под контролем.

Киссун медленно направился к ней. Не будь он так изранен, он двигался бы гораздо быстрее.

– Ты хотела откровения? – спросил он. – Ты его получила. Они почти здесь. Думаю, тебе следует выразить свою преданность. Это единственно верное решение. Покажи им твою плоть.

Он поднял окровавленные руки – как тогда, когда она впервые произнесла слово «Троица» и увидела его в крови Мэри Муралес.

– Грудь, – говорил он. – Покажи свои груди.

Она увидела, как за его спиной поднимается на ноги Яффе. Киссун не заметил этого. Его взгляд был прикован к Тесле.

– Думаю, мне стоит помочь тебе обнажить их, – сказал он. – Позволь мне оказать тебе эту любезность.

Она не отступила, не стала сопротивляться. Зная, как он любит покорность, она постаралась сделать так, чтобы ее лицо ничего не выражало. Его окровавленные руки были мерзкими, его напряженный член, прижимавшийся к ней сквозь промокшую ткань, – еще более

омерзительным, но Тесла из всех сил скрывала свое отвращение.

– Хорошая девочка, – говорил он. – Хорошая девочка. Он коснулся ее груди.

– Что скажешь, если мы трахнемся во имя новой эры? Она не сдержала дрожи, пробежавшей по ее телу от этих слов и его прикосновения.

– Не нравится? – спросил он, вдруг что-то заподозрив. Он понял, что Тесла отвлекает его. Его глаза метнулись влево, в них блеснул страх. Когда Киссун обернулся, Яффе был уже в двух ярдах от него с поднятым над головой ножом. Блеск ножа совпал с блеском в глазах шамана. Две вспышки слились воедино.

– Ты не... – начал Киссун, но нож опередил его и вошел в широко открытый правый глаз. В этот раз Киссун не закричал. Он выдохнул и протяжно застонал. Яффе вытащил нож и так же аккуратно воткнул его в левый глаз. Погрузил лезвие по рукоятку и вытащил его опять. Замахав руками, Киссун упал на колени, стон перешел во всхлип. Обхватив рукоятку ножа обеими руками, Яффе стал наносить удары в середину черепа колдуна.

Всхлипывания Киссуна стихли так же внезапно, как и начались. Он больше не пытался закрыться, его руки бессильно упали. Еще секунду его тело простояло вертикально, потом завалилось вперед.

По телу Теслы пробежал похожий на оргазм спазм удовлетворения. Ей хотелось, чтобы бомба взорвалась именно сейчас. Киссун убит, и теперь можно умереть спокойно, если в ту же секунду иады исчезнут с лица земли.

– Давай, – сказала она бомбе, стараясь удержать ощущение удовлетворения до тех пор, пока вспышка не сожжет ее плоть. – Давай! Ну же, давай!

Но взрыв не прогремел. Тесла почувствовала, что дрожь удовольствия стихла, а на ее место приходит осознание того, что упущено нечто очень важное. Тесла была уверена, что взрыв, который Киссун сдерживал столько лет, после смерти колдуна должен произойти немедленно. Однако ничего не случилось. Стальная башня оставалась на месте.

– Что я упустила? – спросила она себя. – Господи, что же я упустила?

Она взглянула на Яффе, стоявшего рядом с трупом Киссуна.

– Синхронность, – сказал он.

– Что?

– Я убил его.

– Похоже, это не решает проблему.

– Какую проблему?

– Это точка Зеро. Здесь находится бомба, что должна была взорваться. Он отодвигал этот момент.

– Кто?

– Киссун! Неужели не очевидно?

«Нет, детка, – сказала она себе. – Не очевидно. Совсем не очевидно».

Она вдруг вспомнила, что Киссун выбрался из Петли в теле Рауля и собирался вернуться за своим телом. Значит, будучи в Косме, он не мог контролировать момент взрыва. Кто-то делал это вместо него. И этот кто-то – вернее, некий дух – продолжал это делать.

– Ты куда? – спросил Яффе, когда она направилась в сторону башни. Сможет ли она отыскать хижину? Он последовал за ней, не переставая задавать вопросы.

– Каким образом ты нас сюда перенесла?

– Проглотила и выплюнула.

– Как мои руки?

– Нет. Совсем нет.

Ключья тьмы сетью затягивали солнце, его свет едва пробивался через ячейки.

– Куда ты? – спросил он.

– Искать хижину. Хижину Киссуна.

– Зачем?

– Просто пойдем со мной. Мне понадобится помощь. На секунду их задержал крик из мрака:

– Папа!

Тесла обернулась и увидела ТоммиРэя, вышедшего из тени на светлое пятно. Солнце оказалось к нему неожиданно благосклонным, оно отбелило худшие из последствий его преображения.

– Папа?

Яффе остановился.

– Пошли, – сказала Тесла, уже зная, что он снова оставит ее ради сына.

ЧеловекСмерть заковылял навстречу отцу.

– Папа, помоги мне!

Яффе молча раскрыл объятия. Слова были ни к чему. **ТоммиРэй** упал ему на грудь и обнял его.

Тесла решила дать **Яффе** последний шанс помочь ей:

– Ты идешь или нет? Ответ был простой.

– Нет, – сказал он.

Она не стала тратить время. У мальчика было больше прав. Она в последний раз взглянула, как **Яффе** и **ТоммиРэй** все крепче сжимают друг друга в объятиях, и побежала в сторону башни.

Хотя она и запретила себе оборачиваться в пути (ее легкие болели, а до хижины оставалось немалое расстояние), она оглянулась. Отец и сын не двинулись с места. Они стояли в пятне света, обнявшись, а за ними продолжали свою работу сгустки тьмы. С такого расстояния занавес казался гигантским траурным кружевным полотном. С минуту Тесла смотрела на это творение и пыталась понять, для чего же оно предназначено. За его складками угадывалось движение и сгущалась еще более плотная тьма.

Она перевела взгляд на стальную башню, скрывавшую свой смертельный груз, и отправилась дальше на поиски хижины.

Обратная дорога к границам **Петли** была не легче, чем у Теслы. У всех троих за спиной был немалый путь: под землю, в море, к островам, в пещеры, к границами собственного рассудка. Эта последняя дорога требовала сил, которых уже не хватало. Тела готовы были сдаться, жесткая постель пустыни манила больше, чем агония движения вперед. Но их гнал древнейший из известных человеку страхов – страх перед преследующим зверем. Конечно, этот зверь не имел ни когтей, ни клыков, но он был смертельно опасен. Огненный зверь. Лишь достигнув города, они немного замедлили шаг, перевели дыхание и смогли перемолвиться парой слов.

– Далеко еще? – спросила **ДжоБет**.

– На ту сторону от города.

Обернувшись, **Хови** смотрел на занавес иадов, который уже поднялся на высоту более ста футов.

– Думаете, они нас видят? – сказал он.

– Кто? – спросил **Грилло**. – Иады? Если и видят, то они за нами не гонятся.

– Это не они, – сказала **ДжоБет**. – Это их прикрытие.

– Значит, у нас еще есть шанс, – сказал **Хови**.

– Так давайте им воспользуемся, – сказал **Грилло** и двинулся по главной улице.

Это была не случайность. Маршрут до хижины глубоко отпечатался в смятении сознания Теслы. Шагая по пустыне (бежать не было сил), она вспоминала разговор в мотеле, когда она призналась **Грилло** в своих духовных амбициях. Если она погибнет здесь, в **Петле**, что практически неизбежно, – что ж, она умрет, зная, что за последние дни, проведенные в **ПаломоГроув**, она приблизилась к пониманию устройства мира больше, чем за всю предыдущую жизнь. Она побывала по ту сторону смерти. Встретилась с воплощениями добра и зла, узнала новое о самой себе. Если ей в скором времени суждено уйти из жизни, от взрыва или от рук иадов, она об этом не жалела.

Но оставалось столько душ, не готовых к смерти. Младенцы, дети, влюбленные. Если сейчас ничего не выйдет, огромное множество людей, только начавших жить, проснутся завтра без малейшего шанса перенести те испытания духа, через какие прошла Тесла. Они станут рабами иадов. Где же справедливость? До приезда в **Гроув** у нее был ответ на этот вопрос века. Справедливости нет, поскольку это придуманное понятие, не существующее в мире материи. Но сознание материально. Субстанция явила ей это откровение. Субстанция являлась перекрестком, где зарождалось все. Она была до всего. До жизни была мысль о жизни. До появления твердого вещества была мысль о нем. А сознание, спящее или бодрствующее, знало о справедливости. Следовательно, справедливость так же естественна, как и материя, и ее отсутствие призывает к чему-то большему, чем смиренное пожатие плечами. При отсутствии

справедливости нужно кричать и яростно требовать ответа на вопрос: «Почему?» Если Тесла хотела пережить надвигающуюся катастрофу, то только ради того, чтобы кричать об этом. Чтобы узнать, какие преступления против вселенского разума совершили ее соплеменники, приговоренные к такой казни. Ради этого стоило жить.

Наконец показалась хижина. Тесла обернулась. Ее подозрение о том, что за занавесом собираются иады, подтвердилось. Из разрыва выходили великаны ее детских кошмаров; скоро они сбросят покров. Тогда они точно ее увидят, настигнут в несколько семимильных шагов и растопчут. Но они не спешили. Сначала им нужно было вытащить свои огромные конечности из моря, а чтобы поднять гигантскую голову (величиной с дом, каждое окно которого ярко светилось), требовалось мышечное усилие всего организма. Мозг Теслы осознал это, когда она бросила в их сторону короткий взгляд и двинулась к хижине.

Дверь, конечно, была закрыта, но не заперта. Тесла потянула ее на себя.

Внутри ждал Киссун. От неожиданности она выдохнула и чуть не выбежала обратно, но потом поняла: тело шамана, прислоненное к дальней стене, оставлено духом, а сердце билось только для того, чтобы предотвратить омертвление. За остекленевшими глазами было пусто. Дверь захлопнулась. Не теряя больше времени, она назвала имя того единственного, кто сейчас мог оттягивать момент взрыва.

– Рауль!

В хижине послышался слабый вой.

– Рауль! Я знаю, что ты здесь. Знаю, что ты боишься. Но если ты меня слышишь, покажись.

Вой усилился. У нее возникло ощущение, будто он кружит по хижине, как муха в банке.

– Рауль, ты должен уйти. Доверься мне и просто уйди отсюда.

От воя у нее заныло в ушах.

– Не знаю, как он заставил тебя отдать ему свое тело, но, знаю, что ты не виноват. Он перехитрил тебя. Обманул. То же самое он сделал со мной. Понимаешь? Тебя не в чем упрекнуть.

Он немного успокоился. Тесла глубоко вздохнула и вспомнила, как еще в миссии уговаривала Рауля поехать с ней. Она снова принялась его убеждать.

– Если кто и виноват, так это я, – сказала она. – Прости меня, Рауль. Мы оба должны умереть. Но если тебя это немного утешит, Киссун мертв. Твое тело... не вернется обратно. Оно уничтожено. Его нельзя было убить иначе.

Боль от его свиста сменилась другой, более глубокой болью; она поняла, как страдает его напуганный дух, изгнанный из тела и не способный перестать удерживать взрыв. Он такая же жертва Киссуна, как и сама Тесла. Они похожи. Оба изменены нунцием и пытаются сжиться со своим новым состоянием. Странные партнеры, но всетаки партнеры. Эта мысль породила другую. Она высказала ее:

– А могут две души занять одно тело? Если ты боишься... войди в меня.

Воцарилась тишина. Тесла не стала давить на него, опасаясь, что это усилит панику. Она ждала у холодного очага, зная, что каждая секунда промедления позволяет иадам продвинуться еще на шаг вперед. Но она не торопила Рауля. Она предложила ему больше, чем кому-либо в своей жизни, – полное обладание ее телом. Если он не примет этого предложения, больше ей нечего ему дать.

Через несколько томительных секунд что-то коснулось ее затылка, как пальцы любовника. Потом ее словно укололо иглой.

– Это ты? – спросила она.

Она поняла, что спросила саму себя – дух Рауля уже очутился в ее голове.

Они не разговаривали, им это было не нужно. В тот момент, когда он вошел в нее, они прочитали все мысли друг друга. Она узнала, как Киссун затащив Рауля в Петлю прямо из ванной на НордХантлидрайв, воспользовался его замешательством и подчинил своей воле. Он оказался легкой добычей. Киссун одурманил его тяжелым дымом, запрограммировал на выполнение единственной задачи – удерживать момент взрыва, затем выдернул из тела и оставил в слепом ужасе, не ослабевавшем до тех пор, пока она не открыла дверь хижины. Ему не потребовалось рассказывать эту историю, а ей не пришлось объяснять, что они должны сделать и почему. Она поделила с ним свое знание.

Тесла подошла к двери и открыла ее.

Завеса иадов была уже такой огромной, что ее тень достигла хижины. Коегде в небе еще

виднелись световые прорехи, но рядом с порогом, на котором стояла Тесла, не было ни одной. Воцарилась темнота. Тесла взглянула на завесу – там собирались иады. Их силуэты достигали размеров грозových туч, а конечности напоминали хлысты, которыми можно расcечь гору.

«Теперь или никогда, – подумала Тесла – Дай всему случиться».

Она почувствовала, как Рауль это сделал. Его воля отпустила врелля, и он сбросил ношу, что взвалил на него Киссун. Невидимая волна прокатилась от них к башне, над которой иады ткали свое полотно. После многих лет заточения время освободилось. До пяти тридцати утра шестнадцатого июля и до события, превратившего невинный миг в начало последнего человеческого безумия, осталось несколько секунд.

Тесла подумала о Грилло, Хови и ДжоБет, подталкивая их к выходу в безопасное пространство Косма. Но тут ее прервала вспышка, промелькнувшая в самом центре тени. Она не видела саму башню, только пружинный амортизатор платформы. Появился огненный шар, а через секунду еще одна вспышка озарила все необычайно ярким светом, в мгновение ока превратившимся из желтого в белый.

«Больше мы ничего сделать не можем, – подумала она – Пора домой».

Она представила себя – женщину, мужчину и обезьяну в одном лице – освещенную атомной вспышкой на пороге хижины. Потом представила это лицо и это тело в другом месте. У нее было лишь несколько секунд, но мысль летает быстро.

Она еще успела увидеть, как далеко в пустыне взрывная волна отбрасывает черную завесу и открывает иадов ее взору. Их лица были подобны цветам величиной с гору – сплошная разверстая пасть. Их тела – горы плоти, если это была плоть – находились в постоянном движении, ежесекундно меняясь. Они жаждали постоянства, чтобы найти спасение от вечных трансформаций.

Горы и мухи, говорил Яффе. Теперь она поняла, что он имел в виду. Иады были левиафанами, пораженными бесчисленными паразитами, или самими паразитами, в своем движении образующими ходячие горы. Прежде чем Тесла смогла определить, какое из предположений более правильно, взрыв поглотил их вместе со всеми зловещими тайнами. В тот же миг исчезла и сама Петля Киссуна, сыгравшая такую роль, какой и не предполагал ее создатель. Если даже взрыв не уничтожил пришельцев сразу, теперь они в одно мгновение превратились в ничто или были отброшены в прошлое.

VII

Когда Хови, ДжоБет и Грилло достигли границы Петли – 5. 30 утра 16 июля 1945 года – позади них расцвел ослепительный свет. Нет, не расцвел. Грибы не цветут. Никто из троих не обернулся. В последнем сверхчеловеческом усилии, когда их спины уже обжигал огонь, они швырнули свои тела вперед и оказались в безопасности реального времени. Потом они долго лежали, не в силах пошевелиться. Их поднял на ноги лишь риск превратиться в жаркое под палящим солнцем пустыни.

Потом был трудный путь до Калифорнии. Через час они добрались до шоссе, а еще через час – до заброшенного гаража на этом шоссе. Там Грилло оставил влюбленных, зная, что в компании парочки таких странных созданий поймать попутную машину невозможно. Да и один он поймал машину далеко не сразу. Его подбросили до небольшого городка, где на всю имеющуюся наличность он купил разбитый грузовик и вернулся за Хови и ДжоБет. Те легли в кузове и проспали до самого Гроува. Однако попасть в город они не смогли. Власти, проявившие такую беспечность и даже растерянность перед лицом вторжения, вдруг стали исключительно осторожны. Гроув был закрыт. Грилло не стал спорить. Он просто отъехал дальше по шоссе, поставил грузовик и уснул. Когда через несколько часов он проснулся, в кузове никого не было. Еле разогнув спину, он вылез, помочился и пошел искать влюбленных. Он нашел их сидящими в обнимку на солнце. Их тела, преображенные Субстанцией, постепенно приобретали нормальный вид. Руки больше не были соединены, уродливые наросты на лицах усохли и превратились в отметины на коже. Со временем и это, наверное, исчезнет. Грилло, однако, сомневался, что исчезнут их чувства. Они пережили вместе то, чего не переживал никто в мире, и стали в какомто смысле одержимы друг другом. Через минуту в их обществе он ощутил себя лишним. Они коротко обсудили, как им поступить, и сошлись во мнении, что лучше оставаться в окрестностях Гроува. Они ничего не рассказывали, хотя Грилло так и подмывало

расспросить их о море снов. Он вернулся в грузовик и несколько минут спустя увидел, как они идут к нему, держась за руки.

Кажется, никто даже не заметил исчезновения фрагмента особняка Вэнса. Наблюдатели и фотографы, забравшиеся на Холм, обнаружили, что фасад дома обгорел и наполовину обвалился. Странный сдвиг корпуса объяснили последствиями землетрясения. Лишь немногие усомнились в этом, и на страницах «Нэшнл инкуайер» появилась об этом статья. Были люди, в основном полицейские, наблюдавшие момент перехода, и коекто из них утверждал, будто видел, как кусок дома Вэнса с коллекцией «подлинного искусства Америки» перенесся в другую реальность. Они даже заметили там, на другом конце, песок и синее небо. Невада? Юта? В Америке полно пустынь. Там может появиться не то что дом, а целый город, и его никогда не найдут. Там каждый день случается множество загадочных событий, о которых никто не узнает. Коекто из свидетелей впервые в жизни задумался о том, что эта страна слишком большая и в ней слишком много пустынь. Но они скоро забыли об этом.

Еще одной пустыней могло стать место, где стоял ПаломоГроув.

Постепенное разрушение не закончилось с переносом в Петлю части дома Бадди Вэнса. Земля ждала знака, и она его дождалась. Трещины превратились в разломы, поглощающие улицы. Больше всего пострадали Уиндблаф и Дирделл; просто исчез с лица земли вместе с лесом. С Холма осыпались стоявшие там особняки, от дома Вэнса до «полумесяцев»; некоторые из них по странному капризу оказались в собственных бассейнах. Никто не торопился спасать Гроув. Шесть суток он был предоставлен самому себе, и за это время вспыхнувшие пожары уничтожили почти все, что пощадила земля. В этом смысле хуже всего пришлось Стиллбруку, где неожиданно поднявшийся ветер разнес огонь из одного из домов. К вечеру от района остались лишь угли и зола.

В ночь, когда горел Стиллбрук, шесть дней спустя после событий на Холме, Грилло вернулся в Гроув. Больше половины этих дней он проспал, но не чувствовал себя лучше. Сон не успокаивал. Едва он закрывал глаза, как перед ним вставали картины из прошлого, чаще всего недавнего. Эллен Нгуен, умоляющая укусить ее. Ее сын с Человекомшаром, Рошель, глядящая на него с подножия лестницы, Флетчер Добрый, сгорающий у молла. Яффе в особняке, излучающий из пальцев энергию. Живой Уитт. И он же, мертвый, в воде, лицом вниз.

Но чаще всего это была Тесла. Она сыграла с ним последнюю шутку. Они не были любовниками, не были даже друзьями. Собственно говоря, он никогда не мог понять своих чувств к ней. Это было трудно объяснить. Может быть, невозможно. Поэтому невозможно и оплакивать ее.

Но оставалось впечатление незаконченного дела, изза чего он не звонил Абернети. Тесла вечно иронизировала по поводу его стремления рассказать людям правду. В итоге она сама попросила Грилло сделать это, но лишь потому, что считала гибель мира почти неизбежной. Она погибла, предотвратив катастрофу, и он чувствовал себя в долгу перед ней. Может быть, поэтому он и вернулся в Гроув.

Город все еще был закрыт и огорожен полицейскими баррикадами. Однако проникнуть в него оказалось нетрудно. Полицейские за неделю убедились, что не так уж много людей стремится взглянуть на разрушение города. Грилло ехал заграждение и начал поиски. Ветер, раздувший накануне огонь, уже стих. Сладкий дым, как от лесного пожара, спокойно поднимался вверх. В других обстоятельствах это выглядело бы элегически, но Грилло слишком много знал о Гроуве и его трагедии. Противники сделали это место полем битвы, но они лишь использовали то, что долгие годы накапливалось в сердцах горожан под броней лицемерия. Их страхи, надежды и желания.

Он обошел весь город, избегая только тех районов, заходить куда было равносильно самоубийству. Он машинально подмечал все, что видел по пути, даже когда знал, что никогда не использует это в статье. Казалось немыслимым сочинить чтолибо об этих событиях – вранье оскорбило бы память Теслы. Так ничего и не придумав, он покинул город и вернулся в ЛосАнджелес, где по ночам его будили тревожные воспоминания.

У Хови и ДжоБет все было иначе. Они встретили в волнах Субстанции свою самую темную

ночь и, вернувшись назад, несколько ночей вовсе не видели снов. Во всяком случае, они просыпались и не помнили ничего.

Хови попытался убедить ДжоБет вернуться в Чикаго, но она решила, что это преждевременно. Пока Гроув остается опасной зоной и тела погибших не преданы земле, она не уедет отсюда. Девушка не сомневалась, что мама умерла, но мысль о том, что Джойс не удостоилась христианского погребения, не давала ей жить спокойно.

Это время они провели недалеко, в мотеле в СаузендОукс. Когда стало возможно вернуться, ДжоБет сделала это одной из первых. Отметины, что оставила на них Субстанция, скоро исчезли, и они оказались в странном промежуточном состоянии. Все закончилось, но ничего нового не начиналось. В это время между ними возникло легкое отчуждение, вызванное чувством вины. Ведь их любовь, начавшаяся в закуской Батрика, стала причиной катаклизмов, которые погубили город и сотни его невинных жителей. А они остались целы и невредимы.

На седьмой день после событий в Петле Киссуна по радио сообщили, что поисковые партии вошли в город. Гибель города уже вызвала оживленные комментарии в прессе, гадавшей, почему Гроув подвергся таким разрушениям, а остальная часть долины отделалась несколькими трещинами в асфальте.

Сперва в город входили с опаской, но к исходу дня многие из оставшихся в живых уже разыскивали свое уцелевшее имущество. Повезло, однако, немногим. На один уцелевший дом приходилось шесть груд обломков. Странно, что меньше всего пострадало самое популярное место: молл и его окрестности. Громадная вывеска «Торговый центр ПаломоГроува» у стоянки рухнула в трещину вместе с половиной самой стоянки, но магазины остались целы. Поэтому тела Элизандо и Хочкиса нашли сразу; впрочем, оплакивать их было некому. Владельцы магазинов тут же организовали вывоз сохранившихся товаров. Так, Мервин отвез свои продукты брату – владельцу магазина в Пасадене. Зачем покупателям знать, откуда товар? Бизнес есть бизнес.

Из Гроува везли и другие грузы, пострашнее. Трупы. В город доставили собак и звукоулавливающие приборы, но это не помогло обнаружить под развалинами живых. Когда две недели спустя подвели окончательные итоги, выяснилось, что сорок один человек пропал без вести. Они то ли скрылись под землей, то ли тайно выехали из города. Среди последних, как подозревали, был и Уильям Уитт, в доме которого нашли достаточно порнографии, чтобы обеспечить несколько городов. Мистер Чистюля имел тайную жизнь, и многие думали, что он ускользнул и живет себе гдето.

На второй день поисков тело Джойс Магуайр было обнаружено под развалинами ее дома, пострадавшего больше, чем все соседние. Как и большинство тел, Джойс доставили для идентификации в морг в СаузендОукс. Обязанность опознать мать легла на ДжоБет, поскольку брат ее оказался в числе сорока одного пропавшего без вести. Потом Джойс похоронили по обряду Церкви святых последнего дня. Пастор Джон (он покинул Гроув после налета Яффа на дом Магуайров и не вернулся, пока не осела пыль) совершал обряд погребения. Однажды Хови напомнил святому отцу, как тот прятался за холодильником. Пастор не припоминал ничего подобного.

– Жалко, я не успел вас сфотографировать, – сказал Хови. – Но я еще сохранил коечто.

Он указал на виски, где заживали последние отметины Субстанции.

– На случай искушения.

– Искушения?

– Искушения стать верующим.

На похоронах Джойс Макгуайр Хови не присутствовал. Он ждал ДжоБет неподалеку. Через сутки они уехали в Чикаго.

Но их участие в событиях на этом не закончилось. Первый знак того, что после приключений в Косме и Метакосме их приняли в избранный круг, пришел через несколько дней после прибытия в родной город Хови, когда у их двери появился высокий изящный незнакомец, одетый чересчур легко для тамошней погоды. Он представился как Гарри д'Амур.

– Я бы хотел поговорить с вами о том, что случилось в ПаломоГроуве, – обратился он к Хови.

– Как вы нашли нас?

– Это моя работа – находить людей, – объяснил Гарри. – Вы не слышали обо мне от Теслы

Бомбек?

– Нет.

– Тогда вы можете связаться с ней.

– Не могу, – сказал Хови. – Она умерла.

– А, дада, простите. Я ошибся.

– И даже если вы знали ее, нам с ДжоБет нечего вам рассказать. Мы хотим поскорее все забыть.

– Это не так уж просто. – Раздался голос позади него. – Кто это, Хови?

– Он говорит, что знал Теслу.

– Д'Амур, – сказал незнакомец – Гарри д'Амур. Прошу уделить мне всего несколько минут. Это очень важно.

Хови поглядел на ДжоБет.

– Почему бы и нет? – сказала она.

– Чертовски холодно, – заметил д'Амур, входя. – Что случилось с летом?

– Все ухудшается, – ответила ДжоБет.

– Значит, вы заметили?

– О чем вы?

– Люди начали вести себя очень странно. Со времени прорыва в Гроуве количество самоубийств увеличилось вдвое. По всей стране бунты в психиатрических лечебницах. И держу пари, что это лишь видимая часть айсберга. Многие скрыто от нас. Скрывается специально.

– Но кем?

– Правительством. Церковью. До меня к вам никто не приходил?

– Нет. А вы думаете, могут прийти?

– Конечно. Вы же были в центре событий.

– Но это не наша вина! – запротестовал Хови.

– Я и не говорю. Я не собираюсь вас ни в чем обвинять. Но предупреждаю – в покое вас не оставят. Вы слишком много видели. Это знают наши люди, знают и у них.

– У «них»? – спросила ДжоБет.

– Иады. Они имеют здесь агентов, которые готовили их вторжение.

– Откуда вы об этом знаете?

– В данный момент я вынужден скрыть свои источники, но, надеюсь, когданибудь смогу вам о них рассказать.

– Вы говорите так, будто мы уже с вами, – сказал Хови. – Но мы хотим просто жить спокойно. Если надо, уедем в Европу, в Австралию, куда угодно.

– Они найдут вас. В Гроуве они слишком быстро подошли к своей цели, чтобы теперь успокоиться. Они знают, что мы в растерянности. Субстанция отравлена, и никто не видит хороших снов. Может, вы и хотите жить в стороне от всего, но вряд ли сможете. Особенно с такими отцами.

– Что вы знаете о наших отцах? – воскликнула ДжоБет.

– Они не на небесах – вот все, что я могу вам сказать. Повторяю, что пока не могу раскрыть вам источники моей информации. Может быть, потом. Но я, в свою очередь, хочу понять, что же случилось в Гроуве.

– И я этого хочу, – тихо ответил Хови. – Я мог узнать об этом от Флетчера, но не захотел.

– Ты сын Флетчера. В вас его дух. Нужно только уметь услышать.

– Он был гений, – сказал Хови. – Хотя половину жизни он был без ума от наркотиков, все равно он остался гением.

– Я слушаю, – сказал д'Амур. – Вы расскажете мне?

– Да. Расскажу.

Грилло сидел в кафе на бульваре Ван Нейса, пытаясь вспомнить, какое удовольствие люди получают от еды, когда кто-то вошел и сел рядом с ним. Была середина дня, и кафе почти пустовало. Грилло поднял голову, чтобы возмутиться навязанным ему обществом, но вместо этого воскликнул:

– Тесла!

Она была одета очень побомбекски: стая керамических лебедей на фиолетовой блузке, яркочерный платок, темные очки. На бледном лице выделялась полоска помады в тон платку.

И глаза ее, когда она сдвинула очки на нос, были такими же шальными.

– Да.

– Что «да»?

– Да, Тесла.

– Я думал, ты умерла.

– Легко было ошибиться.

– Ты настоящая?

– В какомто смысле – нет. Но в нашем, человеческом, я такая же настоящая, как и ты. Что у тебя нового?

– Ничего особенного. Возвращался пару раз в Гроув посмотреть, кто выжил.

– Эллиен Нгуен?

– Ее не нашли. И Филиппа. Я сам наводил справки. Бог знает, что с ней стало.

– Хочешь, *мы* ее поищем? Хотя у нас сейчас много дел. Когда я вернулась домой, приходили разные люди и задавали вопросы. Но у нас есть коекакое влияние, и я этим воспользовалась.

– Кто это «мы»?

– Ты не собираешься доедать чизбургер?

– Нет.

– Прекрасно. – Она придвинула тарелку к себе. – Помнишь Рауля?

– Я встречался только с его телом.

– Можешь встретиться с ним сейчас.

– Как это?

– Я нашла его в Петле. По крайней мере, его дух. – Она улыбнулась перемазанными в кетчупе губами. – Знаю, это трудно объяснить... словом, он внутри меня. И он, и та обезьяна, из которой его сделали. Они тут, в моем теле.

– Да, твоя мечта сбылась. Все для всех.

– Похоже, что так. По крайней мере, *мы* на это надеемся.

– У тебя сыр на подбородке.

– Сейчас мы его стряхнем.

– погоди... Я рад тебя видеть. Но я никак не могу взять в толк... Слушай, тебя еще молено звать Теслой?

– А почему нет?

– Но вас же там двое?

– Тело ведь мое.

– Да. Я выгляжу очень ошарашенным?

– Да нет. А ты ошарашен?

– Нет. Только удивлен.

– Все тот же мой Грилло.

– Скажи еще «*наш* Грилло».

– Нет. Мой. Можешь перетрахать всех лосанджелесских красоток, все равно останешься моим. Я остаюсь с тобой.

– Это что, сценарий?

– Он тебе не нравится? Грилло улыбнулся.

– Не такой уж плохой. Она взяла его за руку.

– Могу я рассчитывать на тебя?

– Ты же знаешь, что да.

– Как я и думала, ничего еще не закончилось.

– погоди. Скажи сперва, откуда ты приехала?

– Терпение! Д'Амур полагает, что теперь они попытаются осуществить вторжение в НьюЙорке. Поэтому он собирает половину команды там, а меня отправил сюда.

– А я тебе зачем?

– Ты знаешь чтонибудь об Омахе, округ Небраска?

– Не очень много.

– Там ведь все началось. В почтовом отделении Омахи.

– Опять разыгрываешь?

– Именно там Яффе услышал об Искусстве. Краем уха.

– Что это значит?

– Он толком не знал, что такое Искусство. Даже Киссун этого не знал. Оно необъятно и сводит все воедино. «Прошлое, будущее и сон между ними, в одном бесконечном дне».

– Чудесно.

– Как бы отнесся к этому Свифт?

– К черту Свифта. Значит, в Омахе?

– Начнем оттуда. Там собирается вся недоставленная почта Америки, и там сходятся многие концы. Люди немало знают, Грилло. Даже если не понимают.

– И они пишут об этом?

– Да. И посылают по случайному адресу.

– А письма оказываются в Омахе.

– Некоторые. Плати за чизбургер. Я подожду на улице. Они встали.

– Чтото я проголодался, – сказал он.

Д'Амур ушел только вечером, оставив в доме двух совершенно выжатых рассказчиков. По ходу повествования он то и дело открывал свой блокнот, записывая важные детали.

Когда Хови и ДжоБет выговорились, он вручил им карточку со своим ньюйоркским адресом и записал на ней второй секретный телефон.

– Приезжайте, как только сможете. Никому не говорите, куда вы едете. Ни одному человеку. И когда приедете, смените имена. Скажите, что вы муж и жена.

ДжоБет рассмеялась.

– Старомодно, но что поделать? – сказал д'Амур. – О женатых ходит меньше сплетен. Сразу звоните мне и скажите, где я смогу вас найти. Я тут же свяжусь с вами, ангеловхранителей не обещаю, но мы постараемся вас защитить. У меня есть подруга по имени Норма. Я уверен, что вы ей понравитесь. У нее замечательные сторожевые собаки.

– Собаку мы и сами можем купить, – сказал Хови.

– Но не такую. Уверяю вас, не такую. Спасибо за все, что вы рассказали. Мне пора. Предстоит долгий путь.

– Вы едете в НьюЙорк? На машине?

– Ненавижу летать. У меня был плохой опыт. Правда, без самолета. Напомните потом, чтобы я вам об этом рассказал. Вы должны знать про меня, ведь я теперь знаю про вас.

Он вышел, оставив за собой едва уловимый аромат дорогого табака.

– Хорошо бы подышать воздухом, – сказал Хови, едва д'Амур ушел. – Пошли погуляем?

На улице было холодно, но прогулка сняла напряжение, вызванное разговором. Они долго шли молча, потом ДжоБет сказала:

– Ты рассказал ему много такого, о чем я не знала.

– О чем же?

– О том, что случилось на Эфемериде.

– Ты имеешь в виду Бирна?

– Да. Интересно, что он там увидел?

– Он сказал, что расскажет мне, если мы выживем.

– Я бы хотела посмотреть сама.

– Вернуться на Эфемериду?

– Да. Даже в тот раз мне там понравилось.

Так, разговаривая, они дошли до озера. Свежий ветер обдувал их лица.

– А ты не боишься, что Субстанция опять возьметесь за нас? – спросил Хови.

– Нет. Если мы будем вместе.

Она взяла его за руку. Внезапно им стало жарко, несмотря на холодный ветер, как тогда, когда их взгляды впервые встретились у Батрика. С той минуты прошло не так уж много времени, но они преобразились.

– Теперь мы оба – искатели приключений, – сказал Хови.

– И никто никогда нас не разлучит.

– Хорошо, если так.

– Так. Ты ведь знаешь.

Она подняла руку, которую он все еще держал в своей.

– Помнишь? Субстанция соединила нас.

– Пойдешь за меня замуж?

– Поздно. Уже пошла.

Они стояли на краю озера, но, конечно же, это был не Мичиган. Это была Субстанция. Мысль о ней причиняла боль. Так болит всякая живая душа, когда ее коснется тихий шепот моря снов. Но они, видевшие это море наяву и знавшие, что оно реально, чувствовали боль резче и острее.

До рассвета оставалось недолго, и с первыми лучами солнца они отправились спать. Но пока свет не рассеял чары воображения, они стояли в темноте и ждали со страхом и с надеждой, что то, другое, море позовет их на свои берега.